Л. П. Хлобыстин

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ ТАЙМЫРСКОГО ЗАПОЛЯРЬЯ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

L. P. Khlobystin

ANCIENT HISTORY OF TAIMYR AND THE FORMATION OF THE NORTH EURASIAN CULTURES

Edited by
V. V. Pitul'ko and V. Ya. Shumkin

ST. PETERSBURG

1998

Л. П. Хлобыстин

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ ТАЙМЫРСКОГО ЗАПОЛЯРЬЯ И ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУР СЕВЕРА ЕВРАЗИИ

Под редакцией
В. В. Питулько, В. Я. Шумкина

С.-ПЕТЕРБУРГ
1998

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
согласно проекту № 97-01-16028

© Л. П. Хлобыстин, 1998
© ИИМК, 1998
© Издательство «Дмитрий Буланин», 1998

ISBN 5-86007-120-5

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие. К портрету исследователя 7

ВВЕДЕНИЕ 13

Глава I. КЛИМАТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ЕВРАЗИЙСКОМ ЗАПОЛЯРЬЕ И ПЕРВЫЕ ЭТАПЫ ЕГО ЗАСЕЛЕНИЯ 23

Заселение Заполярья в эпоху палеолита 23
Климат Заполярья в раннем и среднем голоцене 27
О понятиях «мезолит» и «неолит» 29
Памятники эпохи мезолита Европейского и Западно-Сибирского Заполярья . . . 32
Памятники эпохи мезолита и мезолитическо-ранненеолитического облика в Восточно-Сибирском и Таймырском Заполярье 36
Соотношение мезолитических памятников Таймыра с культурами мезолита лесной зоны Сибири 49

Глава II. ТАЙМЫРСКОЕ ЗАПОЛЯРЬЕ В ЭПОХУ НЕОЛИТА 55

Ранний неолит Таймыра (IV тыс. до н. э.) 55
Неолитические памятники III—II тыс. до н. э. 63
Стоянки с сетчатой керамикой (памятники культуры Маймече) 65
Комплексы с керамикой байкитского типа 77

Глава III. РАННИЕ БРОНЗОЛИТЕЙЩИКИ ТАЙМЫРА 83

Об изменении климата в позднем голоцене 83
Ымыяхтахские памятники в Таймырском Заполярье 96
Распространение вафельной керамики в Заполярье и ее последующее развитие . . 99

Глава IV. ТАЙМЫР В ПЕРИОД РАННЕГО ЖЕЛЕЗА И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ 108

Поселение Усть-Половинка и пясинская культура 109
Памятники малокорennинской культуры 119
Памятники культур с восточносибирскими традициями 123
Вожпайская культура 138

Глава V. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ДРЕВНИХ ОБЩЕСТВ ТАЙМЫРСКОГО ЗАПОЛЯРЬЯ 148

Поселения Таймырского Заполярья как источник палеосоциологической информации 149
Бронзолитейное производство на Таймыре 159
Вопросы появления и развития оленеводства в тундровой зоне Западной Сибири и Таймырского Заполярья 166

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 174

ПРИЛОЖЕНИЕ 179

ЛИТЕРАТУРА 181
БИБЛИОГРАФИЯ ТРУДОВ Л. П. ХЛОБЫСТИНА 196
ИЛЛЮСТРАЦИИ 203
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 325
SUMMARY 327

CONTENTS

INTRODUCTION 13

Chapter I. CLIMATE CHANGE AND THE INITIAL COLONIZATION OF THE EURASIAN ARCTIC 23

Occupation of the North Polar Regions in the Palaeolithic 23
The Climate of the Arctic during the Early and Middle Holocene 27
On the concepts of «Mesolithic» and «Neolithic» 29
Mesolithic Monuments in the European and West Siberian Arctic 32
The Sites of the Mesolithic Period and of Mesolithic—Early Neolithic Appearance in the East Siberian and Taimyr Trans-Polar Area 36
The Correlation of the Mesolithic Sites of Taimyr with the Mesolithic Cultures of the Forest Zone of Siberia 49

Chapter II. THE TAIMYR TRANSPOLAR ZONE IN THE NEOLITHIC 55

The Early Neolithic of Taimyr (the IVth Millennium BC) 55
The Neolithic Sites of the III—II Millennia BC 63
Net ceramic sites (the Maimeche culture) 65
Assemblages with the Baykit type ceramics 77

Chapter III. THE EARLY BRONZE CASTERS OF THE TAIMYR PENINSULA . . . 83

Climatic Changes in the Late Holocene 83
Ymyiakhtakh Sites in the Taimyr Subpolar Region 96
Waffle Pottery in the Subpolar Region: Distribution and Subsequent Evolution 99

Chapter IV. THE TAIMYR PENINSULA IN THE EARLY IRON EPOCH AND THE MIDDLE AGE 108

The Ust-Polovinka settlement and the Pyasina culture 109
Monuments of the Malokorenninsk culture 119
Monuments of cultures with East Siberian traditions 123
The Vozhpai culture 138

Chapter V. EVOLUTION OF ANCIENT SOCIETIES OF THE TAIMYR SUBPOLAR REGION: ECONOMIC AND SOCIAL ASPECTS 148

Settlements in the Taimyr Subpolar Region as a Source of Palaeosociological Information 149
Bronze-casting on the Taimyr Peninsula 159
The Appearance and Development of Reindeer Herding in the Tundra Zone of West Siberia and the Taimyr Subpolar Region 166

CONCLUDING REMARKS 174

APPENDIX 179

REFERENCES 181

PUBLICATIONS OF L. P. KHLOBYSTIN 196
ILLUSTRATIONS 203
ABBREVIATIONS 325
SUMMARY 327

ПРЕДИСЛОВИЕ
К ПОРТРЕТУ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ

Имя Леонида Павловича Хлобыстина (1931—1988), талантливого археолога, первооткрывателя многих сибирских памятников, неутомимого первопроходца археологических культур Сибирской Арктики, хорошо известно и не нуждается в дополнительном представлении. Однако время идет быстро, и вот прошло уже 10 лет, как рядом с нами нет Леонида Павловича, уходят люди, которые знали его близко... Возможно, и эта книга, завершенная им в начале 80-х гг. и которой следовало бы увидеть свет лет 15 назад, теперь выглядела бы несколько иначе: за эти годы в Арктическом регионе было совершено немало открытий, которые могли бы повлиять на те или иные суждения, высказанные Леонидом Павловичем.

Чрезвычайно широка география археологических экспедиций, в которых принимал участие или которые возглавлял Леонид Павлович: Крым, Средняя Азия, Кольский полуостров, Шпицберген, Байкал, Камчатка, Эвенкия, Мезень и Печора, Ямал и Вайгач, Таймыр... Каждый полевой сезон звал в дорогу, к энергичной неутомимой работе, формировавшей широту исторического видения, получаемого не только при изучении публикаций, но буквально при непосредственных контактах с разновременными, далекими территориально и разнохарактерными древними культурами.

Для исследований Леонида Павловича свойственны постановка больших, фундаментальных проблем, поиск новых подходов и путей их решения. Все крупные публикации содержат присущее ему масштабное видение и не ограничиваются рассмотрением узкого круга источников или узкой задачи, часто вынесенных в заголовок работы. Так, в небольшой монографии «Поселение Липовая Курья в Южном Зауралье» наряду с обстоятельной публикацией материалов поселения, раскопанного в Миасском районе Челябинской области в 1962—1963 и 1966 гг., впервые дана широкая историческая картина возникновения на периферии андроновской историко-культурной общности лесных «андроноидных» культур [Хлобыстин, 1976: 49—63].

Труды Леонида Павловича насыщены оригинальными идеями, подходами, нередко не нашедшими потом специальной разработки в силу большой требовательности к себе автора, а также и его постоянной предельной загруженности научной, научно-организационной (в течение ряда лет он был заместителем директора ЛОИА, совмещая это и с другими административными нагрузками) и большой общественной работой, характерной для этого неравнодушного человека. В яркой оригинальной статье «Проблемы социологии неолита Северной Евразии» [Хлобыстин, 1972а: 26—42] высказан ряд плодотворных мыслей относительно структуры стоянок северного

неолита, отраженной в характере жилищ и некоторых других источниках, экономике, характере общественных отношений. Исследование отличает нетривиальность подхода. Эрудиция автора позволила выдвинуть смелые, но достаточно аргументированные гипотезы, касающиеся общественного устройства носителей северных неолитических культур. К числу их относятся, в частности, положение о наличии в неолитических коллективах территории лесной зоны нашей страны элементов социального расслоения и, возможно, примитивного рабства, предположение о существовании тотемного рода, при котором мужская линия родства прослеживается по тотему, а женская — по матери [Хлобыстин, 1972а: 39, 42]. Затрагивая вопросы биологической и социальной адаптации развивающихся человеческих обществ в эпоху неолита, Леонид Павлович счел необходимым ввести новые термины, отражающие различия в их хозяйстве: агонеолит для коллективов охотников, рыболовов, собирателей и агронеолит для земледельческих объединений. Несмотря на определенную спорность, эта статья представляет собой настоящий «генератор идей» для последующих исследователей. Он искал и находил новое, иногда действительно опережая время. Так, в 1968 г., выступая на Неолитическом совещании, посвященном проблемам этнокультурных общностей в эпоху неолита, он продемонстрировал разработку, связанную с формализованным описанием кремневых наконечников стрел. Тогда подобные работы только появлялись в отечественной науке, впервые же к этой проблеме он обратился намного раньше, еще в студенческие годы. К сожалению, эта тема не нашла отражения в его последующих публикациях.

Одним из первых среди исследователей мезолита и неолита Сибири Леонид Павлович осуществил комплексное изучение эталонных памятников (Тагенар VI, Усть-Половинка).

Проблемы заселения Арктики всегда были в поле зрения Леонида Павловича. Вместе с тем много вопросов вызывали малоисследованные археологами территории Севера Западной и Средней Сибири. Со времени работ В. Н. Чернецова к 1960-м гг. из этих мест почти не поступало археологических данных. В 1965 г. сотрудником геодезической партии Ю. Г. Королевым во внутренней части п-ова Ямал была открыта древняя стоянка (Йоркутинская), интереснейшие материалы которой поступили в ЛОИА. Эта случайная находка еще раз подтвердила настоятельную необходимость планомерной постоянной работы в тундровых и прилегающих к тундре районах.

В 1966 г. Леонид Павлович добивается организации в ЛОИА Заполярного отряда, в скором времени переросшего в Заполярную экспедицию, поистине его любимое детище, которую он бессменно возглавлял. Уже первая поездка на Ямал дала обильный керамический и иной материал, позволивший уточнить датировки и ввести в научный оборот данные о керамике ярсалинского типа. Появились и другие новые находки. Работы на Ямале в 1966 г. проходили параллельно и совместно с этнографической экспедицией ЛЧ Института этнографии АН СССР, возглавляемой известной исследовательницей Л. В. Хомич, и показали, насколько плодотворно подобное содружество.

С 1967 г. начинаются многолетние работы на Таймыре. Его колоссальная территория и относительно редкая заселенность в сочетании с весьма ограниченными средствами делали исследования, особенно вначале, очень трудоемкими, а порой и просто отчаянно рискованными. Если работа на Ямале велась без всяких транспортных средств с расчетом на собственные ноги и плечи, то в 1967—1968 гг. отряд имел всего лишь надувную лодку. Тем не менее в эти годы удалось на веслах пройти с разведкой на Центральном Таймыре с запада и с востока в районах водораздела бассейнов рек Пясина и Хета, где было обнаружено и раскопано несколько древних

стоянок, в том числе наиболее древняя из известных сейчас на Таймыре стоянка Тагенар VI (V тыс. до н. э.). Археологическим откровением применительно к этому региону оказалось открытие бронзолитейной мастерской XII в. до н. э. (Абылаах I), изображение с литейной формы которой стало эмблемой Заполярного отряда. Не менее значимыми оказались раскопки на стоянках Маймече I и IV (III тыс. до н. э.), среди прочего и уникальные находки здесь трех стеатитовых лабреток — украшений для отверстий, протыкавшихся возле рта. Новые материалы дали возможность подтвердить ранее высказанное А. П. Окладниковым предположение о связи древних таймырцев с широким кругом неолитического населения Восточной Сибири. На основании работ 1967—1968 гг. возникли реконструкции хозяйственного комплекса, жилища и даже некоторых черт внешнего облика людей, населявших эти районы в прошлом. Сравнительно-исторический анализ привел к выводу, что таймырские лабретки относятся хронологически к более раннему времени, чем губные украшения Америки и Крайнего Северо-Востока Азии, стало возможным говорить о зарождении этого элемента культуры на Азиатском материке.

Леонид Павлович был великолепным, буквально наделенным свыше, талантливым разведчиком археологических памятников. Особенно ярко это прекрасное качество проявилось в таймырских экспедициях, где работа в тундровой зоне и на границе тундры и леса имела свои черты, связанные с особенностями полярной археологии. Почти каждая из поездок приносила новые и новые открытия, и слово «уникальные» не переставало сопровождать их.

С 1969 г. в составе Заполярного отряда, а позже в составе Заполярной экспедиции и совместно с ней почти ежегодно работала этнографическая группа ЛЧ Института этнографии АН СССР. Принимали участие в поездках и студенты кафедры этнографии Ленинградского университета, сотрудники Государственного исторического музея. Это содружество расширило таймырские изыскания, включило в обсуждение и сравнение материалы современного и прошлого хозяйствования и быта ненцев, энцев, нганасан, долган, эвенков, позволило открыть и получить живую информацию о старых захоронениях, стоянках, культовых местах, обнаруживаемых при археологических разведках. Предметы раскопок обсуждались на фоне широких этнографических и палеоэтнографических материалов.

На старой деревянной лодке с легким мотором 1969 г. прошел в обследовании рек Авама и Дудыпта, где снова были обнаружены древние поселения. К своеобразию полярных находок надо отнести и тот факт, что иногда результаты многолетнего выветривания песчаной почвы обнажают старые стоянки. В частности, в одном случае (Ивановская) почти весь многочисленный прекрасный каменный инвентарь из белого и желтого халцедона, розовой яшмы располагался на поверхности обширного выдува. По положению нуклеусов, отщепов, пластин определялось место, где работал древний мастер.

Разведка берегов устьевой части Енисея, Енисейского залива и прилегающих к ним некоторых районов Гыданского п-ова не была богата археологическими находками. Единственное местонахождение бронзового века с каменными орудиями обнаружилось в устье р. Гольчихи. Но тогда же в разных местах были найдены, раскопаны и расчищены несколько самодийских захоронений XIX в., грунтовые детские захоронения XVII в. с костяными наконечниками стрел, собраны предметы нескольких старых разрушающихся заброшенных культовых мест, обнаружено и зафиксировано значительное культовое место на Шайтанском мысу. Большой удачей надо считать находку оставленных когда-то в тундре полуразрушенных шаманских нарт с атрибутикой шамана. Оказавшись на трассе газопровода Мес-

сояха—Норильск, они чудом уцелели от уничтожения. Сейчас это одна из уникальнейших коллекций МАЭ.

Экспедиция 1971 г. была одной из наиболее длительных и «урожайных». В западной части полуострова разведочными маршрутами на двух лодках «Кары-То» и «Ло-Хань» была пройдена р. Пясина от ее истоков до устья р. Мокоритто и продолжены раскопки захоронений в устье р. Гольчихи. По Пясине, кроме прочих, обнаружены стоянки со следами бронзолитейного производства и инвентарем, давшим основание выделить особую «пясинскую» культуру IX—IV вв. до н. э., связанную с таежным бассейном Енисея. Расчищено несколько старых культовых мест. Впервые выявлено употребление нганасанами в культовой практике больших деревянных масок в размер лица. Участники экспедиции присутствовали на камлании нганасанского шамана.

Много внимания в 1971 г. было уделено поискам следов легендарного народа сюпся, якобы населявшего Таймыр до формирования современных народов. По информации нганасан и долган были обследованы места, известные как «могилы сюпся». Предположение о возможной связи сюпся с приморскими хозяйственными культурами заставило двигаться с разведкой все далее на север. Так называемые могилы оказались мерзлотными вспучиваниями с круговым развалом более крупных валунов, что странным образом соответствовало внешнему виду некоторых чукотских и эскимосских наземных захоронений после естественного исчезновения трупа. Каким путем память или знание о таких могилах сохранились у таймырцев, пока остается загадкой. В общей сложности с археологическими работами и разведкой было пройдено более 600 км речных маршрутов.

Экспедиция 1972 г. вновь прошла от истоков р. Пясины по р. Дудыпте через волок Тагенарских озер по р. Волочанке и рекам Хете и Хатанге до пос. Жданиха. Основное время, как и в следующем 1973 г., было уделено раскопкам древних долговременных жилищ на пясинских стоянках Дюна I—IV и Половинка. Дюна III оказалась первым уникальным памятником, который несомненно засвидетельствовал проникновение в конце I тыс. н. э. на территорию Таймыра населения из Западной Сибири. Появилась возможность говорить о том, что мигранты пришли сюда с домашними оленями, которых привлекали к жилью дымокурами («избяное оленеводство»). Раскопки поселения в устье р. Половинки подтвердили неслучайность находок, относящихся к бронзолитейному производству на ранее открытых стоянках. Бронзовая пластинка с желобчатым орнаментом, по форме напоминающая глаз, изготовленная древними таймырскими бронзолитейщиками, заставила соединить это изделие с нганасанскими представлениями о солнце-глазе, ношение которого на груди способствует поддержанию жизни. Материалы подтверждали, что во второй половине I тыс. до н. э. здесь находился крупный металлургический центр Таймыра. Озерный отряд экспедиции в 1973 г. обследовал берега системы Норильских озер, где также обнаружились недолговременные стоянки древних людей.

В 1974 г. разведочные работы были перенесены на восток, на побережье оз. Лабаз, рек Хатанга, Хета, Новая и Блудная. Здесь были открыты местонахождения с инвентарем из яшмы и халцедона, относящиеся к периоду ранней бронзы Таймыра, найдена еще одна великолепная лабретка, открыто множество палеоэтнографических памятников от захоронения деревянного идола до остатков старых русских зимовий.

Таким образом, за 8 лет работы Заполярной экспедиции на Таймыре практически были обследованы почти все районы, прилегающие к так называемому в XIX в. Хатангскому тракту, соединяющему бывшее с. Дудино с с. Хатанга и Хатангским заливом. Кроме того, устье р. Енисей и часть Енисейского залива, р. Пясина до устья р. Мокоритто, система Норильских

озер. Изучение северных районов, далеко отстоящих от основных центральных водных артерий, при отсутствии средств на авиатранспорт представлялось делом совершенно невыполнимым. Особенно привлекали внимание исследователя р. Верхняя Таймыра и долины ее притоков Горбиты и Логаты, где, по информации Б. О. Долгих, самих нганасан и долган и судя по широтному расположению этих рек, должны были обнаружиться стоянки охотников на дикого оленя и следы его поколок на плавях.

Такую экспедицию с трудом удалось организовать при содействии норильского Института сельского хозяйства Крайнего Севера лишь в 1981 г. Она дала новые, в том числе и уникальные, материалы, свидетельствующие о постоянной посещаемости этих территорий в V—III, I тыс. до н. э., а также в I тыс. н. э. Удобные для промысла места по Верхней Таймыре использовались до недавнего времени.

Обследования внутренних северных районов предполагалось в дальнейшем продолжить. В частности, планировались разведки берегов оз. Таймыр, которое многие восточные нганасаны считают родиной своих предков. Но этим замыслам не дано было осуществиться. Экспедиция 1981 г. еще раз подтвердила, насколько сложна для археологов организация работ во внутренних северных частях полуострова при отсутствии возможности иметь средства для доставки грузов и горючего для лодочных моторов.

В годы длительных работ на Таймыре Леонид Павлович постоянно помогал консультациями и материалами Таймырскому окружному краеведческому музею в Дудинке. Первая археологическая экспозиция Музея, небольшая, но очень яркая, сделана его руками.

Нет необходимости говорить о значении работ Заполярной экспедиции на Таймыре. До их начала здесь было известно лишь четыре пункта археологических находок. Л. П. Хлобыстиным открыто более 200 памятников, что, в частности, позволило решить многие вопросы этногенеза и этнической истории населения полуострова, показать многообразие этого процесса и его связь с культурно-историческими процессами, происходившими в разное время на сопредельных территориях и в Арктическом регионе в целом. Конечно, нет сомнений, что последующие исследования принесут новые материалы. Но таймырские изыскания Леонида Павловича и обсуждение их результатов в многочисленных статьях и рукописи «Древняя история Таймырского Заполярья и вопросы формирования культур Севера Евразии», блестяще защищенной им в качестве докторской диссертации, навсегда останутся фундаментальными.

В этой книге сформулирован ряд положений, принципиально важных для понимания процессов, происходивших в древности на широких пространствах Севера Евразии. Так, исследование убедительно опровергает концепцию единой циркумполярной культуры, созданной этносом уральского происхождения. На конкретном фактическом материале раскрывается механизм сложения археологических культур и аборигенных народов Крайнего Севера. Фундаментально обоснованным является вывод Леонида Павловича: «Наличие общих культурных элементов у народов Крайнего Севера объясняется рядом причин, среди которых главными являются экологический фактор и диффузионное распространение культурных достижений» [Хлобыстин, 1982: 33]. Многие идеи, высказанные в этом исследовании, находят сейчас все большее подтверждение в фактическом материале. Таково, например, положение о регионе юга Восточной Сибири, как включающем в себя «один из центров, где конвергентно научились делать керамическую посуду. Появившись в южной части Восточной Сибири в V тыс. до н. э., сетчатая керамика быстро распространилась и в IV тыс. стала изготовляться по всему региону. Распространение раннего типа керамики, как и в дру-

гих регионах, не было обусловлено распространением какого-то единого этноса, а имело характер культурной диффузии» [Хлобыстин, 1982: 9]. Несмотря на возможные сейчас уточнения дат в сторону их удревнения, Леонидом Павловичем здесь впервые очень четко сформулировано состояние проблемы, в той или иной мере характерное для большей части ойкумены ранненеолитических культур Северной Евразии и действительное для процессов распространения ряда древнейших типов керамики.

Возникшая задача проведения работ в зоне затопления Туруханской ГЭС заставила посвятить этому 1982 и 1983 гг. А в 1984 г. Заполярная экспедиция приступила к исследованию памятников региона о. Вайгач.

Работы были проведены как на самом о. Вайгач, так и на прилегающем материковом побережье — Югорском п-ове, в долине р. Коротаихи, а в 1987-м, последнем, сезоне были начаты обследования низовьев Печоры. Поиски, как и в прежние годы, были исключительно результативны: впервые в истории археологических работ на Полярном Европейском Северо-Востоке были найдены и исследованы многослойные стратифицированные памятники I тыс. н. э. — поселение Мыс Входной (1984—1986 гг.) и Карпова Губа (1985 г.), открыты и исследованы уникальные жертвенные комплексы мыса Дьяконов (1984—1987 гг.) и Болванской Горы (1985 г.), в 1987 г. открыт комплекс ортинских стоянок в низовьях Печоры. Результаты, полученные в эти годы, создают основу для дальнейшего изучения культурного развития региона, имеют важнейшее значение для этногенетических построений. К сожалению, подробное их обсуждение Леонид Павлович не успел завершить.

Жизненный путь Леонида Павловича оборвался в самом расцвете его творческих сил. Он был полон новых планов, только что были сделаны блестящие полевые открытия на о. Вайгач и п-ове Югорском. В апреле 1987 г. прошло организованное в ЛОИА давно им задуманное Совещание по проблемам изучения древней истории и культуры населения Крайнего Севера — первый специальный широкий научный форум по проблемам археологии Крайнего Севера в нашей стране. Леонид Павлович был организатором и председателем Оргкомитета. На Совещании им была выдвинута идея объединения сил и координации исследований специалистов исторических и естественнонаучных дисциплин для комплексного изучения истории Арктики. Реализовать эту фундаментальную научно-организационную задачу, которая, возможно, в полной мере была по силам лишь личности Леонида Павловича, сочетающей в себе творческий потенциал исследователя и крупного организатора науки, ему уже не хватило времени.

Зная о своей тяжелой болезни, оставившей ему лишь несколько месяцев жизни, Леонид Павлович по-прежнему работал в характерном для него очень напряженном темпе, стараясь сделать возможно больше в отпущенный ему срок. В конце 1987 г. он председательствовал на заседаниях советско-польского рабочего совещания по неолиту Балтийского региона, организованном руководимой им Неолитической группой Отдела палеолита, продолжал работу над публикациями, думал и заботился о дальнейшей научной судьбе своих учеников и участников исследований Заполярной экспедиции...

Яркий след, который оставил Леонид Павлович Хлобыстин в отечественной исторической науке и особенно в археологии Евразийского Заполярья, навсегда поставил его имя в ряд выдающихся исследователей Арктики.

Г. Н. Грачева
В. В. Питулько
В. Я. Шумкин
В. И. Тимофеев

ВВЕДЕНИЕ

Во вступительном слове на симпозиуме «Проблемы этнографии и антропологии Арктической зоны», являвшемся частью программы VII МКАЭН, который проходил в Москве в 1964 г., Б. О. Долгих указал, что «основная задача антропологии и этнографии Арктики — установить происхождение населения северной окраины современной ойкумены и истоки его культуры» и что «сюда входит вопрос о первоначальном заселении Арктики, а также история этнических и хозяйственно-культурных изменений, происходивших здесь вплоть до настоящего времени» [Долгих, 1970а: 447]. Он отметил далее, что для решения этой задачи нужен тесный контакт с археологией. Действительно, такая формулировка основной задачи этнографии и антропологии Арктики почти полностью соответствует основной задаче арктической археологии, и в ее совместном решении ведущую роль приобретают археологические исследования. На их долю приходится изучение хронологически огромного этапа в освоении Заполярья, от его первоначального заселения и до времени, когда началось этнографическое изучение северных народов, фактически до середины XIX в.

Арктическая археология уже отметила двухсотлетний юбилей: в 1787 г. прославленный русский мореплаватель Г. А. Сарычев произвел первые в Арктике археологические исследования, раскопав с целью выяснения, кому они принадлежали, древние земляные жилища на мысу Большой Баранов, расположенном в нескольких десятках километров к востоку от устья р. Колымы [Сарычев, 1802: 95, 96].

В дореволюционные годы в Заполярье производились случайные сборы и даже небольшие раскопки на местах древних поселений. Изучение исторического прошлого самых северных краев ойкумены получило развитие лишь в советский период. Первоначально оно также носило эпизодический характер, хотя и широко охватило заполярные районы. На Кольском п-ове археологические работы связаны с именами А. В. Шмидта, Б. Ф. Землякова, Н. Н. Гуриной. Большое число древних стоянок в Большеземельской тундре и на Приполярном Урале обнаружил геолог Г. А. Чернов. В низовьях Оби, у Салехарда, и на Ямале интереснейшие находки, связанные с древней приморской культурой, были сделаны В. С. Адриановым, В. Н. Чернецовым и В. И. Мошинской. В устье р. Таз Р. Е. Кольсом найдены остатки стоянок II тыс. до н. э. — I тыс. н. э. Ряд разновременных памятников был открыт и изучен в нижнем течении р. Лены и на р. Колыме А. П. Окладниковым. Им же совместно с А. П. Пуминовым и И. С. Гурвичем были опубликованы материалы стоянок, найденных на реках Оленек и Индигирка, изданы первые неолитические находки из внут-

риматериковой части Чукотского п-ова, собранные геологами Н. Н. Левошиным и Н. А. Граве. В 1946 г. Колымской экспедиции, работавшей под руководством А. П. Окладникова, удалось выяснить принадлежность жилищ, раскопки которых начал Г. А. Сарычев, легендарным шелагам — народу с эскимосской культурой. Изучением древнеэскимосских культур на Чукотке в те годы занимался также С. И. Руденко. Археологические изыскания этого периода получили обобщающее освещение в ряде статей А. П. Окладникова, в которых были поставлены и решались проблемы выделения древних культур в циркумполярной зоне, выявлялись существовавшие между ними связи и делались попытки сопоставления этих культур с современными этническими образованиями [Окладников, 1950а; 1951; 1953; 1960].

Планомерные исследования по археологии Заполярья начались лишь в 60—70-е гг., чему способствовало создание северных филиалов АН СССР в Сыктывкаре, Якутске и Магадане. Благодаря работам В. И. Канивца, В. Е. Лузгина, Л. П. Лашука на севере Архангельской области и Коми АССР и в Ямало-Ненецком округе; Ю. А. Мочанова, С. А. Федосеевой, И. В. Константинова на севере Якутии; Н. Н. Дикова, Д. А. Сергеева, С. А. Арутюнова на Чукотке существенно расширились наши знания по истории заселения Арктики и Субарктики. Важные данные по древней истории Кольского п-ова были получены в результате многолетних работ Кольской экспедиции ЛОИА АН СССР под руководством Н. Н. Гуриной. Накоплению материалов способствовали и открытия древних памятников, сделанные геологами, биологами и другими исследователями Севера. Однако отсутствие координации в работах породило неравномерность в археологическом изучении Заполярья, многие районы которого либо остаются вовсе неисследованными, либо изучены *столь слабо, что невозможно составить представление* об этапах их освоения в древности. Одним из таких районов до начала работ Заполярной экспедиции ЛОИА АН СССР оставался Север Средней Сибири — Таймырское Заполярье. В докладе на Циркумполярной Конференции, состоявшейся в Копенгагене в 1958 г., один из основоположников советской арктической археологии А. П. Окладников отметил, что «наиболее северная и в то же время трудно доступная часть Азиатского континента — Таймырский полуостров и соседние с ним районы является белым пятном в отношении археологии» [Okladnikov, 1960: 39].

Действительно, все сведения о древностях этого огромного заполярного региона, превосходящего по площади Норвегию, Швецию и Данию, вместе взятые, ограничивались находками в четырех пунктах, причем три из них были малоизвестны. К ним относится первое найденное в Таймырском Заполярье изделие рук древнего человека — сланцевый *шлифованный топорик*, обнаруженный близ села, ныне города, Дудинка [Петри, 1926], хранящийся в Иркутском областном краеведческом музее (колл. 56-1).

В 1935 г. в газетах появилось сообщение о находке стоянки каменного века на берегу р. Попигай, где было найдено несколько каменных орудий, кости северного оленя и предметы неизвестного назначения [Паничкина, 1937: 267]. По-видимому, часть находок поступила в Иркутский краевеческий музей. В его фондах зарегистрированы (колл. 3) кости оленя и футляр для иголок, происходящие из Таймырского нац. округа, Хатангского р-на, Попигайского кочсовета, р. Попигай. Они были найдены в подпочвенном слое на глубине около метра вблизи русской избы в 11.5 км ниже устья р. Нюччадхаляк, правого притока р. Попигай.

Важное значение имеет открытие А. П. Окладниковым древних стоянок у пос. Хатанга. В 1940 и 1941 гг. гидрографическим отрядом

ГУСМП на северо-восточном побережье Таймыра, вблизи мыса Челюскин, на северном — о. Фаддея и на берегу зал. Симса были найдены следы временного лагеря и зимовка русских землепроходцев начала XVII в. В 1945 г. остатки избушки в зал. Симса и место находок на о. Фаддея были исследованы археологической экспедицией А. П. Окладникова. Итоги изучения этого замечательного памятника русского мореплавания выходят за пределы темы, и я отсылаю интересующихся к основному труду, освещающему результаты исследований [Исторический памятник, 1951]. Во время экспедиции 1945 г. были впервые научно исследованы места поселений древних обитателей Таймыра [Окладников, 1947а]. Три из пяти обнаруженных А. П. Окладниковым стоянок дали каменный инвентарь, который можно относить к развитому неолиту и к эпохе бронзы. Важным хронологическим показателем для Хатангской стоянки «на старом огороде» является горшок со следами изготовления его при помощи колотушки, обмотанной шнуром, так как аналогичные сосуды характерны для белькачинской культуры Якутии. Это позволяет датировать Хатангскую стоянку III тыс. н. э. и считать ее одним из крайних северо-западных пунктов распространения указанной культуры, что совпадает с выводом А. П. Окладникова «о ближайшем родстве неолитической культуры Якутии с неолитом низовьев Хатанги» и «о вероятной этнической близости их древнейшего населения» [Окладников, 1947а: 44].

Два других местонахождения (одно на хатангских огородах, а другое на левом берегу р. Хатанги, в 6 км ниже поселка) были отнесены Окладниковым к раннему железному веку. Сопоставление их инвентаря с находками из Якутии позволило ему сделать заключение, что и в эпоху металла культура обитателей р. Хатанги была очень близка к одновременной культуре населения соседних районов Якутии. Памятники, открытые на р. Хатанге, долгое время оставались самыми северными в Евразии поселениями древних обитателей Заполярья, а основные выводы Окладникова относительно материалов, происходящих из них, сохранили свою значимость до сих пор.

Прошло 10 лет после времени хатангских находок А. П. Окладникова, прежде чем на Таймыре были обнаружены следы еще одной древней стоянки: в 1955 г. сотрудник НИИГА Г. А. Значко-Яворский на северо-западном берегу оз. Лабаз нашел призматический нуклеус, однако эта находка осталась неизвестной широкому кругу археологов.

Слабая археологическая изученность Таймыра имела те же причины, что и по всей Арктике. Евразийское Заполярье вообще исследовано в этом отношении неравномерно и слабо, что объясняется в первую очередь труднодоступностью его территорий, сложностью и трудностью работ в его негостеприимных по природным условиям районах, непродолжительностью летнего периода, когда памятники доступны для исследования, распространенностью мерзлых грунтов. Имеет значение и малая заселенность Крайнего Севера.

Сказался и ряд причин субъективного характера. Внимание археологов привлекали и привлекают в большей степени памятники юга, отражающие прогрессивный процесс развития древних культур. Древние же культуры Севера считались застойными, бедными по своим материалам, не представляющими большого интереса.

Хотя сведениями об археологических находках в Заполярье иногда (а в прошлом особенно часто) мы обязаны работавшим там представителям самых разных наук, немногие из исследователей-неархеологов обладают способностью отличить обработанное орудие от простого камня, и не всем

регионам Арктики «повезло» на людей, которые могут выявить древние изделия.

Перечисленные причины как объективные, так и субъективные проявились на Таймыре с наибольшей силой. В частности, можно указать, что кроме Г. А. Значко-Яворского только геологу С. Л. Троицкому принадлежит честь обнаружения на Таймыре древних поселений с каменным инвентарем: в 1970 г. им были найдены стоянки у поселков Кресты и Жданиха на р. Хатанге и стоянка на р. Новой.

Учитывая, что в Западно-Сибирском Заполярье памятники с каменным инвентарем, которые датировались бы временем более I тыс. до н. э., не были известны до начала работ Заполярной экспедиции ЛОИА, территория огромной протяженности от р. Хатанги на востоке и до Большеземельской тундры на западе фактически оставалась terra incognita для археологов, занимавшихся эпохой камня и бронзы, хотя эти территории не раз включались в различные этнокультурные провинции, так и остававшиеся гипотетическими построениями, не подтвержденными археологическим материалом. Вызывала сомнение правильность гипотезы о существовании в каменном веке особой циркумполярной культуры, выдвинутой Г. Йессингом и принятой некоторыми археологами и этнографами, предполагавшими даже ее создание единым по происхождению этническим субстратом [Gjessing, 1944; Чернецов, 1964; Симченко, 1976].

Проблемы этногенеза народов Крайнего Севера Евразии не могут решаться без учета археологических материалов, поскольку письменные сведения о прошлом этих народов, в число которых входят саамы, ненцы, энцы, нганасаны, эвены, эвенки, юкагиры, чукчи и эскимосы, большей частью ограничиваются несколькими веками. Так, первое упоминание о самодийских народах Севера содержится в «Повести временных лет», где под датами 1096 и 1114 гг. приводятся рассказы новгородца Гюраты Роговича и ладожан о походах «в югру» и «за самоядь» [ПВЛ, 1950: 167, 191]. До начала освоения Сибири русскими сведения о ее народах носили во многом фантастический характер, примером чего является сказание XV в. «О человецех незнаемых в восточной стороне», опубликованное Титовым [Титов, 1890]. Первые более обстоятельные материалы о многих народах Сибирского Заполярья относятся лишь к XVII в. и были получены благодаря «сказкам» русских землепроходцев, ясачным книгам и другим документам, на основе которых Б. О. Долгих и И. С. Гурвичем были написаны обобщающие работы, посвященные этническому составу населения Сибири ко времени прихода русских [Долгих, 1960; Гурвич, 1966]. Поэтому роль археологических исследований для выяснения прошлого северных народов Сибири особенно велика.

В 1966 г. в ЛОИА АН СССР по инициативе автора был создан Заполярный отряд, позднее, с расширением фронта работ, переименованный в экспедицию. Основной исследовательской задачей было изучение древней истории населения Крайнего Севера Сибири от первых этапов освоения заполярных районов до сложения народов, населяющих их в настоящее время. Соответственно, велись поиски археологических памятников различных эпох, тем более что территории, которые обследовались экспедицией, за исключением низовьев Хатанги, никогда еще не подвергались археологическому изучению.

Экспедиция проводила исследования в местностях, заселенных ненцами, энцами, нганасанами и долганами, обычаи хозяйствования, материальная и духовная культура которых своими корнями глубоко уходят в археологическое прошлое их предков, положивших начало и сформировавших основные черты приарктических культур, унаследованных современными север-

ными народами. «Своеобразная культура, обусловленная кочевой жизнью в тундрах, создавалась не в один день, не в год и даже не в два-три столетия, но является результатом медленного развития, в котором принимали участие одно за другим многие поколения в продолжение многих веков, если только не тысячелетий», — прозорливо писал в начале столетия известный исследователь Арктики Фритьоф Нансен [1969: 9]. Нам приходилось учитывать возможность ретроспективной увязки выделяемых этнографами древних черт в культурах северных народов с данными, полученными в результате археологических исследований. Для лучшего понимания и интерпретации археологических материалов многое могло дать изучение старых погребений, культовых мест, заброшенных стойбищ, которые еще недавно могли служить объектами этнографических наблюдений, а ныне перешли в ранг палеоэтнографических. Кроме того, мы учитывали возможность параллельного с непосредственно археологическими работами сбора по определенной программе разнообразных этнографических материалов среди местного населения, особенно материалов, характеризующих традиционное мировоззрение, чрезвычайно быстро и нередко бесследно исчезающих в результате широко развернувшихся преобразований и проникновения современных научных знаний и культурных достижений в идеологию и быт молодежи коренных народов Севера. Поэтому с самого начала работ было взято направление на организацию комплексных археологических и этнографических исследований. С 1969 г. в составе экспедиции постоянно действовала этнографическая группа, возглавляемая сотрудником ИЭ АН СССР Г. Н. Грачевой. В результате были накоплены значительные этнографические и палеоэтнографические материалы, часть из которых используется в настоящей работе.

После работ в низовьях р. Обь, где автором были обнаружены многочисленные стоянки с каменным инвентарем, датируемые II—I тыс. до н. э. [Хлобыстин, 1967], с 1967 г. работы экспедиции были перенесены на Таймыр. В течение десяти полевых сезонов 1967—1974, 1977, 1981 гг. экспедиция методически обследовала территорию Таймырского автономного округа,[1] в то время не затронутого археологическими исследованиями и исключительно привлекательного в силу своего географического положения: как известно, территория Таймыра находится между двумя огромными географическими областями — Восточной и Западной Сибирью, в пределах которых происходило формирование и развитие различных по своему генезису крупных этнокультурных общностей, послуживших истоками разным этносам. Здесь можно было надеяться найти зону контакта этих общностей и ключ к проблеме циркумполярной культуры.

Таймырский (Долгано-Ненецкий) автономный округ целиком находится за Полярным кругом. Его площадь, включая северные острова, составляет 862.1 тысячи кв. км. П-ов Таймыр занимает только северную половину его материковой области. На севере полуостров гигантским выступом вдается в Северный Ледовитый океан. Здесь находится самая северная точка Евразийского материка — мыс Челюскин. Вдоль побережий Карского моря и моря Лаптевых расположены Приморская равнина и горы Бырранга. На западе несет свои воды широчайшая в своих низовьях р. Енисей. Восточная граница полуострова — Хатангский залив. Южную границу полуострова проводят по северному уступу Среднесибирского плоскогорья, который образуют плато Путорана и Анабарское. Между этим уступом и горами Бырранга протянулась Северо-Сибирская низменность, которая как коридор

[1] Материалы 1981 г. не вошли в настоящую работу, см.: *Хлобыстин Л. П.* Новые исследования в Таймырском Заполярье // АО 1981 г. М., 1983. С. 234, 235.

соединяет Западно-Сибирскую низменность и долину Енисея с севером Якутии.

Территорию Таймыра можно разделить на бассейны четырех больших рек. Реки западной окраины несут свои воды в Енисей. На западе находится и бассейн р. Пясины. Ее исток питается водами группы Норильских озер: Кето, Лама, Глубокое, Пясино и др. Она течет с юга на север, принимая в себя по дороге крупные притоки — реки Дудыпта, Агапа, Тарея, Пура. Юго-восток Таймыра занимают бассейны рек Хета и Котуй, которые, сливаясь, образуют р. Хатангу. На севере Таймыра вдоль южного края гор Бырранга располагается р. Верхняя Таймыра и второе по величине в Сибири оз. Таймыр, из которого практически строго на север вытекает р. Нижняя Таймыра, прорезающая горы Бырранга.

Природа Таймыра суровая. Климат резко континентальный. Зима длится 8—9 месяцев. В южной его части на 70° с. ш. 52 дня царит полярная ночь, но зато летом солнце не заходит в течение 72 суток. Среднегодовая температура здесь около —12° С.

Большую часть Северо-Сибирской низменности занимает кустарниковая тундра с бесчисленными озерами. В невысоких горах Бырранга имеются ледники, а по побережью Ледовитого океана расположена зона арктической тундры. Юг Таймыра охватывает зона лесотундры, северная граница которой проходит по линии Дудыпта—Хета. Только на р. Новой севернее этой линии есть участок самого северного в мире редколесья — урочище Ары-Мас. В горах Путорана начинается северная тайга.

О природе Таймыра, его своеобразной флоре и фауне можно сказать многое. Отметим главное, что имеет наибольшее значение для жителей этого края: в прибрежных водах водятся моржи и тюлени, в реках и озерах много ценной рыбы, летом — водоплавающей птицы. Но главное богатство животного мира Таймыра — дикий северный олень, численность которого достигает 500 тысяч голов. Стада сезонно мигрируют по Северо-Сибирской низменности традиционными путями. Дикие олени были основным источником существования народов Таймыра. Поэтому население сосредоточивалось на территории низменностей, межгорные долины южных плато заселялись слабо, а горы Бырранга оставались безлюдными.

К коренным народностям Таймыра сейчас относят нганасан, энцев, ненцев, эвенков и долган. Предки нганасан издавна обитали здесь [Попов, 1936; 1948; Долгих, 1952]. В их культуре сохранилось много своеобразных черт, унаследованных от древних охотников на северного оленя. Русским они стали известны в начале XVII столетия под названием «тавгийская самоядь». В настоящее время на Таймыре нганасан около 800 человек. Считается, что энцы появились на Таймыре позже, хотя к приходу русских они уже заселяли низовья Енисея [Долгих, 1970б]. Вместе с нганасанами и ненцами они относятся к группе самоедоязычных народов. Долганы появились на Таймыре в XVII в., и их формирование в народность приходится на более позднее время. В сложении долган участвовали тунгусы, якуты и русские затундренские крестьяне. От якутов они унаследовали свой язык, относящийся к тюркской группе [Долгих, 1963].

В исследовании, посвященном этногонии нганасан, Б. О. Долгих использовал материалы А. П. Окладникова [Долгих, 1952: 80]. Они в какой-то мере подтверждали высказанные Б. О. Долгих идеи о генетической связи предков нганасан с древними юкагирами, которыми был заселен Север Восточной Сибири. Однако малочисленность материалов, их локальная ограниченность не позволили в полной мере использовать данные археологии, и автор вынужден был лишь изложить статью А. П. Окладникова.

Начиная изучение прошлого Таймыра, мы надеялись, в частности, что археологические исследования помогут уточнить проблемы генезиса нганасан, однако круг задач экспедиции был гораздо шире.

Прежде всего, основной задачей была ликвидация огромного «белого пятна» на археологической карте нашей страны. Далее, необходимо было установить время первоначального заселения Таймыра и наметить этапы развития его древних культур; постараться выяснить их генезис и характер связей с культурами сопредельных территорий; реконструировать экономику древних обитателей Таймыра и определить время появления у них оленеводства; собрать материалы, в какой-то мере освещающие их социальную организацию. Перед нами стояла задача установить, были ли древние культуры Арктики так консервативны, как это предполагали многие исследователи, и, если да, то каковы причины этого консерватизма. Наконец, о чем уже говорилось, следовало проследить связь нганасан с этнокультурными образованиями прошлого. Обобщая, можно сказать, что перед нами стояла одна большая задача — воссоздать древнюю историю Таймырского Заполярья. Тем самым предстояло решить часть той общей задачи, которая стоит перед арктической археологией в целом и заключается в том, чтобы осветить прошлое коренных народов Севера, письменная история которых ограничивается последними тремя столетиями. В ходе ее решения мы столкнулись с проблемами, возникающими при всех исследованиях культур Крайнего Севера: первая — выяснение причин, способствовавших заселению этого экстремального края ойкумены, причин, по-видимому, различных для разных его регионов и этапов заселения; вторая — установление возможной зависимости древних этносов и их культур от климата и экологических обстановок — тенденций, темпов и особенностей региональных и локальных адаптаций. В тесной связи с этой проблемой находятся вопросы зависимости хозяйства народов циркумполярной зоны, их численности и социальных организаций от экологии различных областей. Свыше 60 лет волнует этнографов и археологов проблема «циркумполярной культуры». Имеются разные интерпретации этого термина, причем исследователи находят неадекватные объяснения причин сходства культур народов Крайнего Севера. Существовала ли единая циркумполярная культура, а если существовала, то когда она сформировалась и каковы причины ее сложения — вот также ряд вопросов, на которые следовало найти ответ.

С 1967 г. с переносом работ Заполярной экспедиции на Таймыр было начато планомерное обследование этого самого северного региона Евразийского материка (рис. 1). Первоначально были исследованы низовья р. Тагенарки, р. Волочанка и окрестности пос. Волочанка, расположенного на р. Хете, по которой в свою очередь был пройден маршрут от устья р. Горелой до пос. Катырык [Хлобыстин, 1968]. Результатом этих рекогносцировочных работ стало открытие ряда памятников, и в том числе таких, как Тагенар VI, Маймече I, Абылаах I, давших важные материалы по мезолиту, неолиту и ранней бронзе Таймыра. На некоторых из них, как и на вновь открытой стоянке Маймече IV, раскопки были произведены уже в 1968 г. [Хлобыстин, 1969а]. Работы 1969 г. были посвящены обследованию р. Авам (от волока на Тагенарские озера и до ее устья) и р. Дудыпта на протяжении участка от Раменского оз. до ее слияния с Авамом. В результате работ был выявлен 21 пункт с материалами, датируемыми неолитом—поздним средневековьем [Хлобыстин, Грачева, 1970].

Задачей экспедиции 1970 г. было обследование берегов устьевой части р. Енисей и берегов Енисейского зал. [Хлобыстин, Грачева, 1972]. Детальными разведочными работами было охвачено правобережье на участках

от устья р. Дудинка до траверса пос. Левинские пески, от устья р. Сухой Дудинки до пос. Усть-Порт, от пос. Кареповского до пос. Троицкие пески, окрестности поселков Караул и Воронцово, а также мысов Сопочная Карга и Шайтанский. На левом, гыданском, берегу Енисея разведочные маршруты проходили главным образом вдоль коренных террас от пос. Левинские пески до пос. Носок. Были обследованы, кроме того, низовья притоков Енисея — рек Дудинка, Сухая Дудинка, Мал. Хета с ее правым притоком р. Подъяха, Бол. Хета, Гусиха, Яры и Гольчиха. Разведки, во время которых были найдены стоянки периода неолита—ранней бронзы в устье р. Гольчиха и раскопаны старые погребения на реках Подъяха и Гольчиха, показали, что берега Енисея были слабо заселены в древности.

С 1971 г. работы переместились на р. Пясина, которая была пройдена от истока из Пясинского оз. до впадения в нее р. Мокоритто; при этом были обследованы устьевые участки долин рек Агапа, Янгода, Тарея, Люнгфада и Мокоритто, берега р. Дудыпта от устья р. Авам до ее слияния с Пясиной, а также переход с р. Агапа на I Пуринское оз. и южная часть побережья последнего. Было открыто более 30 разновременных поселений, относящихся к различным эпохам от мезолита до средневековья, а также изучен ряд палеоэтнографических памятников [Хлобыстин, Грачева, 1972]. Наибольший интерес представляло многослойное поселение близ устья р. Половинка, материалы которого дали, наряду с другими памятниками, первое представление о существовавшей на р. Пясине своеобразной культуре древних бронзолитейщиков.

В 1972 г. проводились обследования бассейнов двух из основных таймырских рек — Пясины и Хеты [Хлобыстин, Грачева, 1973]. Разведочный маршрут, начатый в верховьях р. Пясина, проходил по водным путям, связывающим Западный Таймыр с восточной его частью: по Пясине до ее слияния с р. Дудыпта, по Дудыпте и Аваму до волока на Тагенарские озера. Здесь лодки экспедиции были перетащены в бассейн р. Хеты, где маршрут был продолжен по рекам Тагенарке, Волочанке, Хете и Хатанге до пос. Жданиха. В течение этого полевого сезона были открыты многочисленные разновременные памятники и местонахождения и произведены раскопки поселения в устье р. Половинка и жилища рубежа IX—X вв. н. э. на стоянке Дюна III.

Продолжению раскопок на стоянке Дюна III и разведкам на озерах Мелкое, Глубокое, Собачье и Лама, где найдено несколько древних стоянок, был посвящен полевой сезон 1973 г. [Хлобыстин, Мелентьев, Студзицкая, 1974]. В следующем году экспедиция продолжила археологические и палеоэтнографические изыскания в восточной части Таймыра [Хлобыстин, Грачева, Студзицкая, 1975]. Обследованию подверглись северная половина озер Лабаз и Харгы, рек Хета и Хатанга в их течении от пос. Новая до устья р. Попигай и низовья притоков Хатанги рек Новая и Блудная. Было открыто и исследовано 38 древних стоянок, ниже пос. Новорыбное были произведены раскопки остатков строений на месте предполагаемой зимовки Харитона Лаптева, а в лесном урочище Ары-Мас изучены нганасанские погребения первой половины XIX в.

Полевой сезон 1976 г. был отдан продолжению работ на Севере Западной Сибири [Хлобыстин, 1977], а в 1977 г. экспедиция обследовала нижнее течение р. Курейка и северную часть оз. Дюпкун, находящихся на границе Таймырского округа и Эвенкии [Хлобыстин, 1978а].

Таким образом, в результате работ Заполярной экспедиции были обследованы основные реки западного и юго-восточного бассейнов Таймырского округа. Здесь обнаружено более 200 стоянок, относящихся к различным эпо-

хам — от мезолита до средневековья включительно, изучен ряд культовых мест, исследовано несколько погребений, в их числе культовое погребение антропоморфной фигуры.

Благодаря работам экспедиции Таймырское Заполярье стало одним из наиболее изученных районов Севера Сибири. Созданная региональная периодизация древних культур, основанная как на типологии изделий, так и на стратиграфических данных и результатах абсолютного датирования, в настоящее время имеет большое значение для уточнения истории развития культур сопредельных территорий.

К сожалению, не удалось провести работы в труднодоступных районах бассейна оз. Таймыр и на побережье Ледовитого океана. Однако если допустимо предположение о существовании на Таймырском океаническом побережье неизвестной культуры приморских зверобоев, то памятники, которые могут быть найдены на берегах оз. Таймыр и реках его бассейна, вряд ли будут принадлежать иным культурам, чем памятники, открытые в бассейнах рек Пясина, Хета и Хатанга, поскольку попасть в бассейн оз. Таймыр, минуя упомянутые речные системы, невозможно, как невозможно не оставить там своих вещественных следов. Кроме того, образ жизни древних охотников определялся жизненным циклом северного оленя, стада которого уходили весной на север, к горам Бырранга, а осенью возвращались в район зимовки, в лесистые предгорья плато Путорана, куда вслед за оленями приходили и охотничьи коллективы, основу экономики которых составлял промысел оленя.

Земля Таймыра хранит еще много следов своих древних обитателей, но материалы, добытые Заполярной экспедицией, уже сейчас позволяют найти решение большинства из стоящих перед нами задач и проблем, дают возможность выявить этапы заселения и особенности развития древних культур Таймыра, воссоздать в основных чертах его древнюю историю. В настоящей книге мы и попытаемся осуществить это, опираясь на результаты работ Заполярной экспедиции и привлекая археологические аналогии из памятников иных территорий Северной Евразии, поскольку исторические события, происходившие на Севере Средней Сибири, могут быть поняты только при рассмотрении их на общем фоне историко-культурных процессов, связанных с заселением высоких широт Севера Евразии в целом.

Книга не может вместить в себя в полном объеме все материалы, добытые Заполярной экспедицией в результате десятилетних работ, и для характеристики этапов развития древних культур Таймырского п-ова использованы наиболее информативные данные, полученные при раскопках опорных памятников, содержащих стратифицированные комплексы или чистые комплексы, происходящие из сборов, а находки из остальных лишь дополняют их. Учитывая важность поставленной исследовательской задачи, мы широко используем данные смежных дисциплин, позволяющие полнее раскрыть значимость археологических находок. В связи с этим я хочу поблагодарить коллег, работавших над экспедиционными материалами: Г. М. Левковскую (палинологический анализ), Н. Б. Селиванову (петрография), Э. С. Иодову (анализ образцов смол со стоянки Усть-Половинка), Е. Н. Романову, Ю. С. Свеженцева и В. М. Молебникова (радиоуглеродная лаборатория ЛОИА АН СССР), Н. Н. Урванцева, по инициативе которого в лаборатории НИИГА были сделаны первые спектральные анализы таймырских бронз, Д. В. Наумова (спектральная лаборатория ЛОИА АН СССР), О. А. Дюжикова, В. А. Федоренко и В. В. Дистлера (спектральная лаборатория ИГЕМ АН СССР), Н. М. Ермолову (остеологические определения, ЛОИА АН СССР).

Археологические материалы, лежащие в основе данной работы, не стали бы известны науке, если бы не увлеченный, порой самоотверженный труд моих товарищей по экспедиции. В ее работах принимали участие В. Б. Альтман, Э. Б. Альтман, Г. Н. Грачева, Г. В. Иванов, В. Е. Каленов, А. Н. Мелентьев, С. В. Студзицкая, А. А. Тодорова, А. А. Тодоров и др. Всем им я приношу глубокую благодарность.

Наконец, большое содействие было оказано Заполярной экспедиции со стороны государственных органов и учреждений Таймырского и Ямало-Ненецкого автономных округов и сотрудников Таймырского и Ямало-Ненецкого окружных краеведческих музеев. Не имея возможности перечислить здесь всех, кто помогал нам в течение многолетних работ экспедиции, я с признательность благодарю их.

ГЛАВА I

КЛИМАТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ЕВРАЗИЙСКОМ ЗАПОЛЯРЬЕ И ПЕРВЫЕ ЭТАПЫ ЕГО ЗАСЕЛЕНИЯ

Заселение Заполярья в эпоху палеолита

Мощные пульсации климата в плейстоцене давали возможность палеолитическим обитателям приледниковых зон и побережий северных морей в периоды интерстадиалов проникать далеко на север. Открытие в Печорском Приполярье ряда стоянок верхнепалеолитического возраста [Канивец, 1976] позволяет сделать предположение, что еще в эпоху палеолита коллективы древних охотников при движении на север могли неоднократно пересекать Полярный круг и основывать свои поселения в Арктике. Последующие похолодания, однако, могли оказаться причиной обратных миграций, поэтому говорить о непосредственном формировании населения Европейского Заполярья из числа палеолитических обитателей пока представляется преждевременным.

В Сибирском Заполярье в период сартанского оледенения некоторые регионы даже в его масимальную фазу оставались свободными от ледового покрова. К таким регионам относятся север Якутии, прибрежные районы Чукотки и Севера Западной Сибири. Здесь мог сохраняться разнообразный по составу растительный и животный мир, характерный для приледниковых экосистем, в периоды потеплений быстро захватывавших освобождавшиеся пространства. В таких природных условиях на севере Якутии и Крайнем Севере Дальнего Востока могли существовать и человеческие коллективы, однако следы их пока не найдены. Известные палеолитические памятники Колымы и Индигирки относятся к поздней фазе сартанского оледенения, кокоревскому и таймырскому интерстадиалам, примерно соответствующими беллингу и аллереду европейской климатостратиграфической шкалы.

К аллереду относят начальную фазу облесения севера Евразии. Граница леса была близка современной; по долинам рек развивались ленточные леса, проникавшие далеко в область тундры, что отмечено, в частности, для Севера Западной Сибири [Левковская, 1971; 1977]. На месте современной тундры существовали открытые пространства с кустарниками вдоль рек и на водоразделах. По-видимому, и среднегодовая температура соответствовала нынешней.

В результате расширения площадей лесных формаций и резкого увеличения снежности зим на юге ареал обитания мамонтов сместился на север, в безлесные и относительно малоснежные районы, вплоть до райо-

на современного Новосибирского архипелага. Вслед за ними в Заполярье проникали палеолитические охотники. Эта миграция могла начаться еще во время кокоревского потепления (13 000—12 000 л. н.), соответствующего беллингу.

На левом притоке р. Индигирки — р. Берелех в 70-е гг. раскапывалась стоянка охотников за мамонтами, расположенная под 71° с. ш. и являющаяся самым северным в мире палеолитическим поселением [Верещагин, Мочанов, 1972; Мочанов, 1977]. На стоянке найдены орудия, на основе которых Ю. А. Мочанов относит ее к заключительному этапу дюктайской культуры. С р. Берелех происходит также случайно найденный еще в 1965 г. бивень мамонта, на котором художник — современник этого гигантского животного эпохи палеолита выгравировал его фигуру [Бадер, 1975]. Эта находка позволяет предполагать, что и обитатели Берелехской стоянки могли непосредственно наблюдать мамонтов, а не только использовать кости из скопления на «кладбище мамонтов», на месте которого стоянка расположена. Правда, нельзя не считаться с мнением, что обитатели Берелеха могли видеть погибших мамонтов в замороженном состоянии [Громов, 1972]. Возможно, что они ели трупы мамонтов, как это предполагается относительно обитателей Шикаевской палеолитической стоянки [Петрин, Смирнов, 1975: 83]. По образцам органики из культурного слоя Берелехской стоянки получены даты 12 930 ± 80 (ГИН 1021) и 13 420 ± 200 (ИМ 152); бивень из костеносного слоя «кладбища» датирован 12 240 ± 160 (ЛУ 149) л. н.[1] Таким образом, стоянка существовала во время кокоревского потепления.

Далее к востоку, на Колыме и Чукотке, пока нет достаточно достоверных памятников эпохи палеолита. Материалы местонахождения Майорыч [Мочанов, 1977: 90—92] немногочисленны, а изделие, трактуемое как клиновидный нуклеус, напоминает утилизированный скребок. Что касается сообщений о находках палеолитических изделий на Чукотке [Диков, 1979: 130], то приходится воздержаться от их интерпретации до более подробной публикации материалов.

Благодаря систематическим исследованиям геологов, район нижнего Енисея с прилегающими территориями Таймыра и Гыданского п-ова хорошо изучен в отношении геологического развития, эволюции климата и природы в позднем плейстоцене и голоцене, что позволяет считать его опорным [Кинд, 1974: 8]. Опираясь преимущественно на исследования Н. В. Кинд [1974], приведем краткое изложение природно-климатических событий позднего плейстоцена, происходивших на Таймырском п-ове.

Во время максимума сартанского оледенения (гыданская стадия), около 20 000 л. н., Таймыр был покрыт ледниковым щитом. В период, предшествовавший таймырскому потеплению (аллереду), наряду с деградацией ледника происходила ингрессия вод Ледовитого океана по освободившимся низменностям, чему, вероятно, содействовало как повышение общего уровня океана, так и наличие депрессий, оставшихся после таяния ледниковых толщ. По сообщению С. Л. Троицкого, соленые воды заходили по Енисею до 64° с. ш., а по долине р. Пясины — до северной окраины Пясинского оз. Здесь имеются конечноморенные образования (гряда Ньяпан), которые служили подпрудой Норильского оз., объединявшего в одно целое озера Пясино, Мелкое, Лама и Глубокое. Существование ингрессионного бассейна С. Л. Троицкий датировал временем 14 000—12 000 л. н. Отложениями этого бассейна являются ленточные глины 50-метровых террас Пясины и Агапы. По данным С. М. Андреевой и Н. В. Кинд [1980], самое позднее

[1] Все радиоуглеродные даты, приведенные в тексте, имеют некалиброванный возраст. — *Ред.*

вторжение вод Полярного бассейна на Таймырскую низменность относится к каргинскому времени (50 000—24 000 л. н.). Следов более молодой ингрессии не обнаружено, что объясняется незначительными масштабами сартанского оледенениями.

Примерно 12 000 л. н. потепление привело к тому, что даже в центральной части гор Бырранга создались условия, при которых здесь могли существовать мамонты. Там, как и сейчас, были распространены тундровые сообщества [Тихомиров, 1950]. Датировка останков мамонта, найденного на р. Мамонтовой — левом притоке р. Нижней Таймыры, — 11 700 ± 300 (МО 3), 11 450 ± 250 (Т 297), а также условия его погребения в пойменных осадках II надпойменной террасы свидетельствуют о том, что мамонт погиб уже в конце таймырского потепления [Кинд, 1974: 59]. Заключительная фаза сартанского оледенения (норильская стадия) продолжалась около 800 лет и закончилась около 10 500 л. н. Она отличалась резким похолоданием и относительной сухостью. В конце ее в районе оз. Мелкого существовала мокрая тундра, что свидетельствует о суровости климата.

Таким образом, благоприятным для существования жизни на Таймыре был период последнего интерстадиала сартана. Могли ли охотники на мамонтов проникнуть в это время на Таймыр? Ответить положительно, опираясь на неоспоримые доказательства, пока невозможно. Однако необходимо указать, что на Таймыре известно орудие, напоминающее изделия из палеолитических стоянок Сибири. Оно было найдено на выдуве, нарушающем верхние напластования II надпойменной террасы левого берега р. Пясины в месте впадения в нее р. Половинки. Здесь, в месте их слияния, на I надпойменной террасе расположено многослойное поселение, на котором обнаружены культурные слои неолита, датируемые III тыс. до н. э., и железного века (последние относятся к VI в. до н. э.—XI в. н. э.). Орудие представляет собой чопперовидное изделие подпрямоугольных очертаний, сделанное из плоской гальки серо-зеленого кремнистого сланца (рис. 2). Один край гальки стесан крупными сколами, нанесенными с одной из плоских широких сторон. В результате получилось прямое косорасположенное лезвие, подправленное мелкой ретушью (угол заострения 76°). Размеры орудия следующие: расстояние от сохранившегося края гальки до кромки лезвия 5.6—6.9 см, ширина орудия — 9.1 см, толщина — 3.3 см. На обушке орудия на двух противоположных углах имеются точечные следы сбитостей, свидетельствующие о втором способе использования орудия в качестве отбойника. По классификации галечных орудий, составленной З. А. Абрамовой, это орудие относится к типу чопперов B_3 [Абрамова, 1972а: 133]. Такие изделия характерны для афонтовской и кокоревской культур енисейского палеолита. Чопперы широко представлены в различных по культурной принадлежности верхнепалеолитических комплексах Восточной Сибири. Они найдены на стоянках Красный Яр, Верхоленская Гора (III слой) на р. Ангаре, Макарово II на Верхней Лене, в Дюктайской пещере в бассейне Алдана, на стоянке Ошурково в Забайкалье и на других верхнепалеолитических памятниках Восточной Сибири. Для них характерно наличие тщательной вторичной ретуши по рабочему краю, что отличает их от более древних типов чопперов. Чопперы встречаются и на некоторых мезолитических памятниках Восточной Сибири. На Енисее чопперы, аналогичные пясинскому, имеются лишь в слое В Бирюсинской стоянки, который, вероятно, относится к плейстоцену. Примеры находок чопперовидных изделий дают бадайские раннемезолитические комплексы стоянок Усть-Белая и Сосновый Бор на Верхней Ангаре. Г. И. Медведев писал о них: «Чоппер... не пережил палеолита... То, что мы именуем „чоппером“ в мезолите, являет собой затухающую линию развития „классической формы“» [Медведев,

1971: 108, табл. 27, 46]. Однако некоторые изделия с указанных стоянок соответствуют типам чопперов, найденным в палеолитических слоях енисейских стоянок.

Ю. А. Мочанов отмечает в своих работах, что чопперы присутствуют в небольшом числе среди изделий сумнагинской культуры «позднего (голоценового) палеолита» [Мочанов, 1973б], которая и по времени своего существования (10 800 ± 200—6200 ± 100 л. н.), и по пластинчатому характеру кремневого инвентаря является типично мезолитической. Относительно сумнагинских чопперовидных галечных орудий будет вполне справедливо приведенное выше высказывание Г. И. Медведева, так как среди опубликованных образцов этих орудий нет чопперов, типичных для палеолита Енисея и Ангары. Нет среди них, соответственно, и аналогов для чоппера с р. Пясины.

Упомянем, наконец, об интересных находках чопперов на р. Колыме. Здесь, в слое III стоянки Сибердик, чопперы залегали совместно с двусторонеобработанными орудиями, а в жилище слоя II этой стоянки, датируемом 6300 ± 170 л. н. (Крил 248), вместе с чопперами найден фрагмент керамики [Диков, 1977: 215—221]. Тем самым продолжительность бытования чопперов у народов Сибири увеличивается по крайней мере до IV тыс. до н. э. Имеются сведения о находках чопперов в сочетании с ножевидными пластинками в нижнем слое и вместе с листовидными наконечниками стрел в слое II стоянки в устье р. Конго, которые датируются, соответственно, 9470 ± 530 (Крил 314) и 8655 ± 220 (МАГ 196) л. н. [Диков, 1977: 222; 1979: 90—96].

Исходя из приведенных примеров нахождения галечных орудий, таймырский чоппер может быть датирован в широком хронологическом интервале от 13 000 до 6000 л. н., охватывающем в том числе почти тысячелетний период похолодания — норильскую стадию сартанского оледенения, во время которого горы Таймыра были покрыты ледниками и исчезли последние мамонты. Трудно допустить, что в этот промежуток времени с экстремальными природными условиями Таймыр был уже заселен. Во время кокоревского потепления II терраса р. Пясины, судя по данным о развитии морской ингрессии, еще не сформировалась. Образование двух послекаргинских террас произошло позже и связывается с поднятием суши в поздне- и послеледниковое время [Кинд, 1974: 59]. Поэтому найденный на II террасе чоппер мог принадлежать мигрантам, появившимся в Таймырском Заполярье либо во время таймырского потепления, либо в раннее послеледниковье. Вероятным путем их проникновения могла быть долина Енисея, что позволяет ожидать находки галечных орудий на эвенкийском правобережье Енисея. Связывать пясинский чоппер с влиянием сумнагинской культуры нет оснований. Таким образом, представляется наиболее вероятным, что это изделие — след первого этапа заселения Таймырского Заполярья, происшедшего во время таймырского потепления. Вывод, сделанный на основании единичной случайной находки, выглядит рискованным, но мы должны обратить внимание на возможность такого события. Касаясь этой находки, необходимо отметить и то, что чопперовидные изделия могли существовать и в эпоху железа, в I тыс. н. э., как это показано в главе IV.

Хотя резкая смена культур не всегда связана с исчезновением ранее существовавшего этноса, археологические материалы позволяют говорить о его сохранении только тогда, когда прослеживается какая-либо преемственность между культурами. Пока такое явление на Севере Сибири не обнаружено, за исключением, возможно, стоянок «реликтового палеолита» на р. Колыме [Диков, 1977: 90—100], но и там наличие галечных орудий, ве-

роятно, во многом объясняется не культурно-этническими, а технологическими причинами, обусловленными использованием крупнокристаллических пород сырья.

Климат Заполярья в раннем и среднем голоцене

В Старом Свете постоянное население Заполярья сформировалось в эпоху мезолита. Его почти одновременное появление на огромных арктических просторах Евразии связывается с потеплением климата, начавшемся в раннем голоцене. Потепление продолжалось в бореальный период (10 000—8000 л. н.).

Природные условия раннего голоцена Заполярья, несмотря на некоторые колебания, имели постоянную тенденцию к улучшению. Уже в пребореале потепление было столь значительным, что на юге современной тундры существовала древесная и кустарниковая растительность. Так, на Таймыре, на мысе Каргинском (низовья Енисея, около 70° с. ш.) обнаружена бобровая плотина, макроостатки ольхи из которой датированы 9540 ± 50 (ГИН 260) л. н. [Фирсов и др., 1974: 123]. Известны одновременные находки бобровых плотин и на северо-западе Аляски [Gulloch, Hopkins, 1966: 1095—1098]. В них оказались ветви тополя, ольхи, ивы, древовидной березы и ели. По данным Ю. Васари, полученным для севера Финляндии, климат пребореала был континентальным и засушливым, а в бореале увлажненность увеличилась [Vasari, 1962].

В бореале произошло увеличение разнообразия флоры и смещение к северу границ произрастания ряда видов. Для тундры Западной Сибири типичен «березовый» спектр спорово-пыльцевых диаграмм, в южной тундре росли ель, береза и ольха, в лесотундре — ель, сосна, пихта и кедр [Левковская, 1971; 1977]. Древесные остатки ольхи и березы, обнаруженные Ю. А. Лаврушиным в низовьях р. Индигирки, датированы 7820 ± 210 (МО 233) и 7850 ± 250 (МО 234) л. н. [Абсолютная геохронология, 1963: 143].

К атлантическому периоду (8000—5000 л. н.) относится климатический оптимум голоцена. Среднегодовые температуры были значительно выше современных; исчез ледяной покров Полярного бассейна [Борисов, 1968]. Границы растительных зон в атлантический период сдвинулись к северу на 300—450 км, т. е. примерно на подзону [Тихомиров, 1962]. На Кольском п-ове и Севере Скандинавии зона тундры, по-видимому, отсутствовала и сохранилась лишь в горных районах Скандинавии с хорошо выраженной высотной зональностью. В максимум облесенности Большеземельской тундры древесная растительность доходила до морского побережья [Чернов, 1947: 75]. В Западной Сибири граница тундры и лесотундры проходила на Ямале примерно по 68° с. ш., а на востоке — около 72° с. ш., причем на территории тундры тогда росли ель, лиственница, древовидная ива и береза, дополняемые в южных районах сосной и пихтой [Левковская, 1977]. В Восточной Сибири, судя по данным пыльцевого анализа и макроостаткам древесины, лесотундра подходила к побережью Ледовитого океана [Хотинский и др., 1971; Абсолютная геохронология, 1963: 142].

Одним из первых на далекое продвижение лесной растительности Таймыра к северу обратил внимание известный арктический путешественник и географ А. Э. Норденшельд во время своей экспедиции по Енисею в 1875 г. Обнаружив «в позднейших отложениях енисейской тундры... значительно севернее современной границы леса толстые пни коренастых деревьев», он

пришел к выводу, что «граница леса на Енисее проходила прежде гораздо севернее, нежели теперь» [Норденшельд, 1881: 370].

Остатки древесной растительности в виде пней часто встречаются в тундрах Таймыра. Сотрудники Заполярной экспедиции видели их в большом количестве на северном берегу оз. Лабаз (72—73° с. ш.), где сейчас кустарнички уцелели лишь по долинам ручьев. На р. Захарова Рассоха в бассейне р. Новой найден пень лиственницы, датированный 5180 ± 150 л. н. (СОАН 28). В это время здесь существовали разреженные березово-лиственничные леса с участием ели, ольхи и ольховника. Менее, чем сейчас, были развиты болота [Культина и др., 1974]. Однако древесная растительность в атлантический период достигала и более высоких широт: так, макроостатки лиственницы известны под 76° с. ш. [Зубков, 1948], имеются сведения о таких находках даже на мысе Челюскин. Лесотундра занимала современную подзону арктической тундры на северо-востоке Таймыра (Берег Прончищева). По определениям пыльцы из отложений среднего голоцена отмечается преобладание сосны [Бердовская и др., 1968].

Изучение торфяников на мысе Каргинском, откуда происходит значительная серия углеродных дат, показывает, что в период с 6400 по 3100 г. до н. э. на западе Таймыра господствовали березовые ассоциации [Фирсов и др., 1974]. Для средней части Таймыра имеются палинологические определения Г. М. Левковской, полученные по образцам из разреза на стоянке Тагенар VI [Левковская и др., 1972]. По образцу угля из кострища, открытого в культурном слое этой мезолитической стоянки, получена дата 6020 ± 100 л. н. (ЛЕ 884), что позволяет отнести период обитания к атлантическому периоду, для которого здесь были характерны условия северотаежной подзоны с господством сообществ, образованных древесными и кустарниковыми видами березы и ольхи. Значительно меньшее место занимали хвойные древесные породы — лиственница, ель, сосна.

Таким образом, в среднем голоцене лесная растительность на территории Таймыра была самой северной в мире. Эта особенность, обусловленная континентальностью климата этого края, сохраняется и в настоящее время: на Таймыре на 73° с. ш. расположен самый северный в мире лесной оазис — урочище Ары-Мас на р. Новой.

Атлантический период в целом характеризуется на всем Севере Евразии повышенными на 2—4° С по сравнению с современными средними температурами и большей, чем сейчас, увлажненностью [Кац, Кац, 1946], что сказывалось на увеличении поемности рек и развитии заболоченности на обширных территориях. Усилился процесс торфообразования; одним из его проявлений является торфяник на мысе Каргинском, максимум прироста торфа в котором приходится на атлантическое и раннесуббореальное время.

Смещение растительных зон и соответствовавших им фаун на север было основной причиной, повлекшей за собой проникновение в пределы Заполярья человеческих коллективов, своей культурой связанных с зонами северной тайги и лесотундры. Вторым фактором, обусловившим заселение Крайнего Севера, был рост населения, который вынуждал избыточную его часть осваивать новые территории. Влияние их было различным в различные эпохи в разных регионах. Если в процессе первоначального заселения Заполярья доминировали, как показано далее, экологические факторы, то последующие его этапы были в большей степени обусловлены демографическими факторами.

Итак, изменение экологических условий в послеледниковое время вызвало активное передвижение групп населения в высокоширотные области. По-видимому, в эпоху климатического оптимума была заселена почти вся Арктика. Исключением, пожалуй, были лишь острова Полярного бассейна и

территории, не пригодные для жизни мезолитических охотников: заболоченные районы Западной Сибири и горные области. Последующие ухудшения климата не были столь существенными, чтобы заставить гиперборейских охотников покинуть освоенные ими территории, а возросший со временем уровень культуры позволил им успешнее противостоять окружающей среде, приспосабливаться к условиям существования. Таким образом, потомков людей, появившихся в Евразийском Заполярье в бореальное и атлантическое время, на которое на Севере Евразии приходится эпоха мезолита, можно считать аборигенным населением Арктики. В дальнейшей истории освоения циркумполярной зоны оно, как важный компонент, участвовало в сложении культур и генезисе последующих обитателей Заполярья и в конечном счете — его современных этносов. Поэтому, с целью выяснения истинности гипотезы о существовании единой циркумполярной культуры, необходимо обратиться к рассмотрению археологических памятников циркумполярной зоны Евразии уже с эпохи мезолита, хотя, согласно указанной гипотезе, распространение уральского по происхождению праэтноса, создавшего циркумполярную культуру, произошло в эпоху железа.

Однако прежде чем перейти к изложению материала, следует, хотя бы кратко, остановиться на рассмотрении семантики терминов «мезолит», «эпипалеолит», «неолит» и производных от последнего понятий «субнеолит», «пережиточный неолит», «докерамический неолит».

О понятиях «мезолит» и «неолит»

Оставим в стороне подробности, связанные с историей появления этих терминов, и не будем излагать существовавшие и еще бытующие мнения тех или иных исследователей относительно смысла и правомерности использования перечисленных терминов — эта задача заслуживает отдельного специального историографического исследования. Коснемся лишь конкретного употребления их при изучении каменного века Сибири. К этому нас вынуждает тот факт, что на территории Северной Евразии существуют памятники сумнагинской культуры, которую выделивший ее Ю. А. Мочанов относит к числу палеолитических, уточняя, что она «позднепалеолитическая» или же культура «голоценового палеолита».[2]

Эти термины можно было бы оставить на совести их автора, если бы они не вносили, по образному выражению А. Я. Брюсова, «мезолитическую неурядицу» в дела сибирской археологии. На позиции отрицания широко принятого термина «мезолит» и признания существования палеолитических культур вплоть до появления неолитических стоит, например, А. Н. Рогачев, уделивший специальное внимание этой проблеме в некотрых работах [Рогачев, 1962; 1966].

Рассмотрим теоретические основы позиции А. Н. Рогачева, поскольку Ю. А. Мочанов в значительной мере опирается на его концепцию, дополняя ее высказыванием, что преднеолитический этап каменного века «составляет с палеолитом единое целое» [Мочанов, 1969: 139]. В связи с этим напомню, что Ю. А. Мочанов признает отсутствие связи между дюктайской и сумнагинской культурами, что, на мой взгляд, лишает приведенное высказывание логики.

---

[2] Исключение составляет единственная работа Ю. А. Мочанова «Ранний неолит Алдана» (СА. 1966. № 2), в которой автор, как он признал впоследствии, «некритически использовал термины „докерамический неолит“ и „мезолит“».

Прежде всего, на мой взгляд, невозможно принять тезис А. Н. Рогачева о том, что поскольку термин «мезолит» не использовался или использовался в другом смысле русскими и советскими археологами вплоть до 50-х гг., то и нам надлежит следовать их примеру. Первой и наиболее существенной посылкой в рассуждениях А. Н. Рогачева является указание на то, что основные черты культур, относимых к мезолиту, зародились еще в верхнем палеолите. Вторая состоит в замечании о трудности проведения границы между верхним палеолитом и эпипалеолитом. Последнее совершенно справедливо. На основе типологического сопоставления каменных изделий позднеплейстоценовых культур Восточной Сибири с изделиями непосредственно сменяющих их раннеголоценовых культур между ними невозможно провести четкую грань. Преемственность в развитии палеолитических и мезолитических культур особенно четко мы можем наблюдать на примере культур Среднего Енисея, Приангарья и Забайкалья, где техника изготовления ножевидных пластинок возникает еще в палеолите, а палеолитические традиции использования галечных орудий продолжают сохраняться и в голоцене. И несомненно прав А. П. Окладников, неизменно подчеркивавший прогрессивную эволюционность, непрерывную преемственность в автохтонном развитии сибирских культур, существовавших в позднем плейстоцене и раннем голоцене [Окладников, 1966а; 1968]. Хронологическая неравномерность в изменении хозяйственной деятельности людей в разных частях Сибири, обусловленная экологией и различным составом промысловой фауны, которая благодаря исследованиям Н. М. Ермоловой [1966; 1972] проявляется все более четко, также затрудняет проведение резкой границы между палеолитом и мезолитом.

Изложенное оправдывает употребление термина «эпипалеолит» в приложении к некоторым самым ранним голоценовым культурам Сибири, особенно к тем, в материалах которых сохраняются изделия из галек. Этот термин использовался и мной при изучении памятников Прибайкалья [Хлобыстин, 1964а; 1964б; 1965]. Однако понятие «эпипалеолит», на мой взгляд, следует считать более узким, чем «мезолит», и употреблять его относительно памятников голоценового времени, непосредственно сменяющих верхнепалеолитические и в большей степени сохраняющих черты предшествующей культуры палеолита. Здесь уместно вспомнить, что приставка «эпи-», при всей многочисленности смысловых оттенков, которые она имеет в греческом языке, всегда означает «поверх», «после». Поэтому «эпипалеолит» — это не сам палеолит, а то, что непосредственно за палеолитом следует. Широко же распространять этот термин, относить к эпипалеолиту культуры предneолитического времени нельзя.

Культуры, пришедшие на смену верхнепалеолитическим, оказались на принципиально новых исторических путях. Потомки людей верхнего палеолита, очевидцы грандиозных экологических перемен на рубеже плейстоцена—голоцена, уже имели в своем арсенале достижения в области технологии производства орудий, промысла, наконец, в социальной сфере, которые можно было использовать в новых условиях существования. В то же время они не могли полностью сохранить культуру, доставшуюся им в наследство. Ее пришлось во многом перестраивать, так как культура — это средство взаимодействия человеческих коллективов с окружающей природной средой, которая претерпевала серьезные изменения. Поэтому культуры финала мезолита резко отличны от палеолитических и по индустрии, и по показателям социально-экономического характера. Иногда, как это будет показано далее на примере раннего неолита Таймыра, они отличаются от неолитических только по одному признаку — отсутствию керамической посуды. В связи с этим, на наш взгляд, возможно относить такие культуры к «доке-

рамическому неолиту». Этот термин был употреблен мной для обозначения памятников хиньского, финального этапа мезолита Прибайкалья [Хлобыстин, 1965]. Понятие «докерамический неолит» является аналогом термина «протонеолит» (т. е. «донеолит»), но поскольку считается, что «нет настоящего неолита без керамики» [Равдоникас, 1947: 144], то приходится вводить уточнение «докерамический». «Докерамический неолит» у́же по содержанию, чем «мезолит», и если эпипалеолит иногда полностью находится в соответствии с ранним этапом мезолита, то докерамический неолит соответствует его финалу.

Наличие керамики в культурах каменного века является показателем для отнесения их к неолиту, но последняя нередко лишь формальный признак, поскольку для некоторых обществ ее появление не несет за собой кардинальных изменений. Если бы противники термина «мезолит» были до конца последовательными, то им пришлось бы отнести к позднему палеолиту ранненеолитические культуры Таймыра, Якутии и многих других территорий, ибо основные компоненты этих культур зародились в период мезолита так же, как многие признаки мезолита наблюдаются в верхнем палеолите. Если верхняя граница мезолита проводится археологами условно, то нижняя граница этой эпохи обозначена реальным природным фактором — глобальным изменением климата на рубеже *плейстоцена—голоцена*, отделившим палеолитическую эпоху от очень важной для человечества эпохи поиска новых способов существования эпохи мезолита. Как показывают археологические исследования, именно тогда, еще до оформления тех признаков, какими обычно руководствуются исследователи, выделяя неолит, на Переднем Востоке, Балканах, в Индостане возникают новые формы хозяйства — земледелие и скотоводство; в эту эпоху в среде коллективов, оставшихся в рамках присваивающей экономики, складываются специализированные типы хозяйства: выделяются коллективы охотников, рыболовов, прибрежных собирателей-охотников; во всех случаях вследствие хозяйственной необходимости происходят отбор и развитие тех типов орудий, которые соответствовали новым требованиям, и изобретаются новые инструменты и утварь. Поэтому настаивать на сохранении за понятием «мезолит» узкого и содержания, и значения, каковым является «конечное, четвертое звено подразделения эпохи палеолита», — значит, затушевывать важный этап в развитии человеческого общества.

Критику позиций противников выделения эпохи мезолита можно продолжить, аргументируя ее рядом конкретных фактов, на которые, в частности, обращает внимание А. А. Формозов, выступающий против взглядов А. Н. Рогачева и Ю. А. Мочанова [Формозов, 1970].

Итак, за нижнюю границу мезолита — последующей за палеолитом эпохи широкого распространения культур, основным признаком которых является ведущая роль в каменном инвентаре призматических пластинок и орудий из них, следует условно принимать геологическую границу между плейстоценом и голоценом, ибо повсюду, где нет смены позднепалеолитических культур пришлыми мезолитическими, а наблюдается их генетическая преемственность, установить критерии их различия трудно. Последнее удачно показано Л. В. Кольцовым на примере культур Южной и Восточной Прибалтики [Кольцов, 1977].

Наконец, относительно содержания понятия «неолит» существуют две принципиально различные точки зрения. Первая, восходящая к Дж. Леббоку, в 1863 г. впервые предложившему указанный термин [Леббок, 1876], состоит в понимании неолита как этапа в археологической периодизации материальной культуры, предшествующего периоду начала употребления металлических орудий и характеризующегося появлением керамической

посуды, а также развитой техникой изготовления каменных орудий. Согласно второй, совмещающей принципы археологической периодизации и периодизации первобытной истории по Моргану, дополненному Энгельсом, неолит связывают с появлением производящего хозяйства (скотоводства и земледелия). Необходимо отметить, что в распространении такого представления о неолите большую роль сыграл, как известно, Г. Чайлд, который термином «неолитическая революция» подчеркнул огромное прогрессивное значение перехода от периода присвоения готовых продуктов к периоду, когда началось воспроизводство продуктов потребления, в первую очередь продуктов питания [Чайлд, 1949: 33, 34, 66]. Принимая подобную точку зрения, исследователи часто сталкиваются с фактами неравномерности развития человеческих обществ, обусловленными природными и историческими причинами. Попытки дать имя наблюдаемым фактам привели к появлению терминов «субнеолит», «пережиточный неолит» и т. п. для обществ с присваивающими формами хозяйства и неолитическим обликом материальной культуры. На наш взгляд, этого можно избежать, следуя рекомендации того же Чайлда, который считал, что «для археолога наиболее правильно в основу своей классификации класть технику изготовления орудий» [Чайлд, 1949: 54].

Памятники эпохи мезолита Европейского и Западно-Сибирского Заполярья

Одними из наиболее ранних поселенцев в Европейской Арктике следует считать носителей культуры Комса, или, иначе, «арктического палеолита» [Bøe, Nummedal, 1936; Земляков, 1937; 1940; Freundt, 1948; Luho, 1956b; Odner, 1966; Гурина, 1971; 1973а; 1973б]. Их многочисленные поселения обнаружены вдоль морских побережий Северной Норвегии (провинция Финмарк) и западной части Кольского п-ова. Они расположены на древних террасах высотой от 30 до 60 м и приурочены к береговым валам, что позволяет геологически датировать их VII—VI тыс. до н. э. [Гурина и др., 1974], т. е. концом бореального—началом атлантического периода.[3] Отдельные поселения, относимые к Комса, обнаружены и в отдаленных от побережья районах Норвегии и Кольского п-ова. Благодаря работам Н. Н. Гуриной представления о культуре Комса в этом районе существенно расширились. К культуре Комса относятся небольшие по площади стоянки, инвентарь которых имеет несомненно мезолитический облик и состоит из наконечников стрел, скребков, резцов, ножей и сверл, изготовленных преимущественно из кварцита, кварца, сланца, реже из горного хрусталя или кремня. Иногда на стоянках встречаются призматические и дисковидные нуклеусы, скребла крупных размеров и грубые рубящие орудия, а также геометрические микролиты. Найдены следы округлых в плане небольших по размерам жилищ типа чумов и мастерские, где добывалось каменное сырье и производилась обработка орудий. По-видимому, носители этой культуры были охотниками и прибрежными собирателями и жили небольшими группами.

Высказывались различные предположения о происхождении культуры Комса. В Фенноскандии с нею сходны культуры Фосна и, в какой-то мере, Суомусьярви. Памятники Фосна [Freundt, 1948; Hagen, 1963] обнаружены вдоль Атлантического побережья Норвегии, к северу от города Берген до заполярных районов Хальгеланна (Гельголанд). К Фосна относят и находки

[3] В настоящее время древнейшие памятники культур Фосна и Комса датируются не позднее 10 000 л. н. — *Ред.*

в юго-восточной части Норвегии (Фольке Эстфолл), а также вдоль западного побережья Швеции. Время существования этой культуры дискуссионно. Есть основания сопоставлять ее материалы с комплексами памятников типа Люнгбю и Пиннберг (VII тыс. до н. э.) и связывать в конечном счете с аренгсбургской традицией. Вероятно, появление культуры Фосна на территории Скандинавии связано с проникновением части населения с культурой, близкой Пиннбергу, из Дании на юг Швеции. Эта миграция могла произойти в начале бореала, когда в результате изостатического поднятия дна пролива, соединявшего Иольдиевое море с океаном, Скандинавия соединилась с южнобалтийским берегом, что привело к образованию Анцилового оз. С юга Швеции, через Эстфолл, носители культуры Фосна могли проникнуть в Заполярье, двигаясь по долинам рек (в частности, через Гудбраннсдален), через горы на побережье Атлантического океана и далее вдоль него на север. Культуру Фосна позволяет сопоставлять с культурой Комса прежде всего наличие в них наконечников стрел с выделенным черешком и геометрических микролитов. Е. А. Фрейндт находил возможным рассматривать Фосна и Комса как близкие культуры. По мнению А. Хагена [Hagen, 1967: 42], импульс возникновения культура Комса могла получить из нескольких центров, но главным образом от Фосна. В. Лухо [Luho, 1955б: 299] считал, что выводить происхождение культуры Комса из Фосна нельзя, и указывал на ее сходство с мезолитом Финляндии. С наличием этого сходства и возможностью связывать происхождение Комса с мезолитическими памятниками Финляндии и близкими им памятниками Карелии согласны многие исследователи.

В Финляндии были выделены памятники двух мезолитических культур: Аскола [Luho, 1956а] и Суомусьярви [Luho, 1967], причем первая из них была датирована более ранним временем (VIII—VII тыс. до н. э.), чем вторая (VII—IV тыс. до н. э.).[4] Было отмечено, что Суомусьярви является дальнейшим этапом развития культуры Аскола. В настоящее время они рассматриваются совместно с мезолитическими памятниками Карелии как единая культура эпохи мезолита, имеющая некоторые локальные особенности [Панкрушев, 1978: 61]. В этой культуре памятники типа Аскола, где преобладают орудия из кварца, а сланцевые редки, и памятники типа Суомусьярви, для которых характерно, наряду с продолжающимся употреблением кварцевых орудий, увеличение числа орудий из сланца и их большее разнообразие и совершенство, могут рассматриваться как два этапа ее развития. Мезолитические находки в приполярной части Финляндии, открытие мезолитических стоянок в устье р. Кемь, датируемых, хотя это вызывает сомнение у ряда археологов, X—VII тыс. до н. э. [Аппилогов, 1972; Панкрушев, 1978], а также на Кандалакшском берегу Кольского п-ова, отнесенных к концу VII—V тыс. до н. э. [Песонен, 1978], имеющих сходство с памятниками Комса, делают предположение об участии в сложении этой культуры мигрантов из Финляндии и Карелии более обоснованным.[5]

В Верхнем Поволжье и Вычегодском крае имеются находки единичных экземпляров трапеций, а в Южной Карелии и в некоторых районах Вологодской и Архангельской областей и Республике Коми обнаружены наконечники стрел, изготовленные из ножевидных пластинок [Гурина, 1977а: 24—27]. Однако связывать появление в культуре Комса трапеций и наконечников стрел с выделенным черешком с культурным влиянием из указан-

---

[4] С середины 70-х гг. признано существование на территории Финляндии единой мезолитической культуры Суомусьярви, время существования которой определяется в пределах VIII—V тыс. до н. э. — *Ред.*

[5] Приводимые автором датировки и гипотетические направления миграций в рассматриваемом регионе не получили подтверждения в дальнейших исследованиях. — *Ред.*

ных районов пока преждевременно, хотя имеются данные, свидетельствующие о возможном проникновении на Кольский п-ов некоторых культурных элементов, характерных для культур с волго-окскими традициями. На юге Карелии обнаружены стоянки с инвентарем из кремневых пластинок, аналогичным по сырью и типам изделий материалам из волго-окских мезолитических памятников, что свидетельствует о появлении здесь в позднем мезолите (VII—IV тыс. до н. э., по Г. А. Панкрушеву) пришельцев с Верхней Волги [Панкрушев, 1978: 62—64]. Н. Н. Гуриной на р. Щуснийоки (северо-запад Кольского п-ова) были открыты стоянки, где обнаружены изготовленные из местного сланца наконечники стрел на пластинах с ретушным оформлением острия и черешка и конические нуклеусы, типичные для волго-окского мезолита, что в сочетании с другими находками позволяет говорить о заселении Кольского п-ова в эпоху мезолита с двух территорий — северо-западной и южной [Гурина, 1977б]. По-видимому, мнение А. Хагена является наиболее правильным, и мы вправе считать, что сложение и развитие культуры Комса было обусловлено приходом на Север Фенноскандии и Кольского п-ова как носителей культуры Фосна, так и неоднократными миграциями населения со стороны Финляндии и Карелии, привнесшими в культуру Комса черты культур типа Аскола—Суомусьярви и верхневолжского типа. Затруднительно определить, какая из миграционных волн — из Норвегии или из Карелии и Финляндии была первой и какие этнические компоненты господствовали в культуре Комса. Возможно, на эти вопросы удастся ответить впоследствии, если в материалах культуры Комса будут выделены ранние и поздние компоненты, однако уже сейчас есть основания полагать, что в ее сложении участвовали различные группы, связанные с кругом мезолитических культур южного побережья Балтики. Проявление влияния со стороны круга культур верхневолжского мезолита, по-видимому, относится к поздней фазе развития культуры Комса. Поскольку верхневолжские культуры эпохи мезолита связаны своим происхождением с мезолитическими культурами Балтики и Юга Восточной Европы, можно предполагать, что обитателям Верхней Волги был присущ европеоидный, а не уральский антропологический тип. Предположения Г. А. Панкрушева [1978: 91, прилож. IV, рис. 1] о заселении Карелии и юга Финляндии в раннем мезолите (X—VII тыс. до н. э.) протосаамами, пришедшими из Северного Приуралья, представляются необоснованными, так как известные в настоящее время материалы из памятников Европейского Северо-Востока никоим образом их не подтверждают.

Среди археологических материалов, собранных геологами Г. А. Черновым и А. И. Блохиным в центре Большеземельской тундры [Чернов, 1948], удалось выделить комплексы стоянок, которые дают представление о мезолите Печорского Заполярья [Хлобыстин, 1973б; Верещагина, 1973]. Местонахождения имеют обычно малую площадь, а найденные изделия, как правило, невелики по размеру, что позволяет высказать предположение о кратковременности стоянок и о малочисленности и подвижности групп, оставивших их. Такие стоянки обнаружены на высоких (15—20 м) коренных берегах рек. Наиболее выразительный инвентарь собран на стоянке Сандибей-ю I, найденной на одноименном притоке р. Колвы. Мезолитические обитатели Большеземельской тундры использовали для производства орудий главным образом ножевидные пластинки, снятые с призматических и конических нуклеусов, изготовленных из яшмовидных разновидностей кремня. На основе пластинок делались концевые и боковые скребки, угловые резцы и резцы с ретушным оформлением рабочего края; срединные проколки, ножи и вкладыши с ретушью по краям. Имеются пластинчатые нако-

нечники стрел с выделенным черешком. Скребки различных типов оформлены на отщепах.

Изделия из мезолитических стоянок Печорского Заполярья находят себе полные аналогии на поселениях эпохи мезолита, открытых в таежной зоне, примыкающей с юга к Большеземельской тундре [Лузгин, 1972; Канивец, 1973], а также среди материалов мезолитических стоянок Вычегодского края, открытых в бассейне Северной Двины, Явроньга I и др. [Буров, 1961; 1974; Канивец, Верещагина, 1973].

Микролитический характер инвентаря большеземельских стоянок позволил О. Н. Бадеру и Г. М. Бурову отнести эти материалы к эпохе мезолита и высказать предположение об их генетической связи с камским мезолитом через посредство вычегодских поселений [Бадер, 1961: 169; 1966: 199; Буров, 1961; 1965: 158—161]. Приуроченность мезолитических памятников к гидрографической сети, соединяющей Печорское Заполярье с Камой, заставляет с вниманием относиться к этой гипотезе. Следует, впрочем, отметить, что на известных в настоящее время мезолитических стоянках Камы отсутствуют пластинчатые наконечники стрел и копьевидные скребки, обычные для заполярного мезолита. Однако немногочисленные камские мезолитические материалы, по-видимому, имеют связи с мезолитом Южного Урала, а в Башкирии, судя по работам Г. Н. Матюшина [1964а; 1976: 139], найдены наконечники стрел свидерского типа. Очевидно, дальнейшие исследования могут привести к открытию таких наконечников и в Прикамье, однако, вероятнее всего, мезолитическая индустрия этого региона имела свои особенности. Наконечники стрел характерны для мезолита Верхней Волги, Оки, Верхнего Поднепровья и прибалтийских областей [Третьяков, 1963; Кольцов, 1965; 1977]. Тяготение аналогий мезолитических находок из I Висского торфяника и соответствующих ему других памятников Синдора к комплексам мезолита Прибалтики [Буров, 1967: 62—68, 166], несомненные черты сходства печорского мезолита с мезолитом Верхней Волги — все это заставляет склоняться к мнению о заселении Нижней Печоры и вообще Северо-Востока Европейской России с юго-запада, из верхневолжского бассейна через бассейн Северной Двины.

Что *касается датировки мезолита* Печорского Заполярья, то, за неимением данных абсолютной хронологии, приходится основываться на типологическом сопоставлении его с датированными комплексами других территорий. В. И. Канивец, указывая на соответствия между материалами ранней группы мезолитических стоянок Печорского Приполярья, с которой тесно связаны материалы стоянки Сандибей-ю I и памятники третьего этапа развития волго-окского мезолита, датировал эту группу временем «около VI тыс. до н. э.» [Канивец, 1973: 23]. Радиоуглеродные определения возраста мезолитических находок из стоянки Явроньга I (8530 ± 60 л. н., ЛЕ 853) и I Висского торфяника (7090 ± 70, ЛЕ 713; 7090 ± 80, ЛЕ 685; 7150 ± 60, ЛЕ 684; 7820 ± 80, ЛЕ 616; 8080 ± 90, ЛЕ 776), укладывающиеся в пределы VII—VI тыс. до н. э., подтверждают возможность отнесения *мезолита* Печорского Заполярья к VI тыс. до н. э., хотя памятники типа Сандибей-ю I могли существовать здесь и в V тыс. до н. э., вплоть до проникновения сюда неолитических культур. Последние представлены в рассматриваемом регионе памятниками, материалы которых позволяют говорить об их генетической связи с ямочно-гребенчатыми культурами Верхней Волги [Хлобыстин, 1973б: 59, 60].

На территории Сибирского Заполярья, протянувшейся на тысячи километров от Полярного Урала до Чукотского моря, памятники, свидетельствующие о ее заселении в эпоху мезолита, *представляют* большую редкость. Относительно многочисленны таймырские материалы, но их рассмотрение,

на наш взгляд, целесообразно предварить обзором других памятников Крайнего Севера Сибири.

В западносибирском секторе Арктики к эпохе мезолита может быть отнесено лишь местонахождение Корчаги IБ — комплекс орудий, найденных на мысу Корчаги на правом берегу р. Обь, ниже г. Салехарда [Хлобыстин, 1977]. Здесь, на разрушенном выдувом мысовидном участке высокой (до 15—20 м) террасы, в лессовидном грунте было расчищено скопление предметов, включавшее в себя три небольших нуклеуса из темно-серой яшмовидной породы (два призматических и пирамидальный), а также нуклеус из коричневой яшмы, для которого использована четырехгранная заготовка, и крупное изделие из черного кремнистого сланца, напоминающее заготовку плоскоспинного нуклеуса (одна сторона его уплощена сколами). Кроме того, в скоплении оказались большое скребло из кремнистой породы светло-коричневого цвета и три маленьких скребка, два из которых — концевые, оформленные на толстых коротких пластинах; для третьего заготовкой послужил массивный скол. В скоплении были обнаружены также отщепы и сколы, но пластинки отсутствовали. Последнее, возможно, указывает на то, что изготовленные орудия были унесены обитателями стоянки. Типологическое сопоставление комплекса затруднено тем, что на Севере Западной Сибири он является единственным известным комплексом с набором изделий, близким верхнепалеолитическим артефактам. Однако аналогичные скребки и нуклеусы есть и в неолитических памятниках Среднего Зауралья, что и позволяет говорить, скорее, о мезолитическом возрасте комплекса Корчаги IБ. Вблизи от описываемого скопления в борту котловины выдувания была обнаружена углистая прослойка, по разрезу залегающая выше лессовидных отложений, вмещавших культурные остатки. Абсолютный возраст угля, отобранного из этой прослойки, — 7260 ± 80 л. н. (ЛЕ 1376), т. е. прослойка либо синхронна упомянутым культурным остаткам, либо несколько моложе их и позволяет косвенным образом датировать сам комплекс, относящийся к эпохе мезолита.

Ранее атором в некоторых работах было высказано мнение, что Север Западной Сибири был заселен сравнительно поздно, так как в атлантический период влажность климата превращала Западно-Сибирскую низменность, большая часть которой и сейчас заболочена, в труднопроходимый рубеж [Хлобыстин, 1973а; Хлобыстин, Левковская, 1974]. Однако нельзя не отметить, что вдоль Уральского хребта имеются участки с высокими гипсометрическими отметками, по которым люди, жившие в атлантический период, могли проникнуть далеко к северу, в район современного Салехарда, и заселить обширные плоские поднятия, носящие местное название «материки». Такие «материки» возвышаются над речными долинами и иногда тянутся на большие расстояния, подобно Обь-Полуйскому «материку», на северном выступе которого — мысе Корчаги и найдена единственная пока мезолитическая стоянка. Однако мнение о слабой заселенности этой территории также нельзя считать опровергнутым.

Памятники эпохи мезолита и мезолитическо-раннеолитического облика в Восточно-Сибирском и Таймырском Заполярье

В Восточной Сибири климат атлантического периода был более благоприятным для заселения заполярных районов. Климат тундры Восточной Сибири отличается от климата тундр других областей большей континентальностью и меньшей годовой суммой осадков [Борисов, 1975: 130, 131].

По-видимому, и в атлантический период, когда Полярный бассейн был свободен ото льдов, это отличие сохранялось. Более высокие по сравнению с Западно-Сибирской низменностью гипсометрические отметки также облегчали процесс заселения восточносибирских районов Заполярья. Однако изучены они археологически еще очень слабо; известные памятники сосредоточены в основном в бассейнах рек Анабара и Оленека, Индигирки и Колымы.

Благодаря работам сотрудников НИИГА в междуречье Анабара и Оленека стал известен ряд древних памятников [Окладников, Пуминов, 1958а; 1958б; Глушинский, Хлобыстин, 1966; 1970; Константинов, 1970]. Характерной чертой поселений, открытых в бассейнах этих рек, является многочисленность пластинчатых изделий. Традиция изготовления ножевидных пластинок сохранялась здесь еще в эпоху бронзы, о чем свидетельствуют материалы стоянки Буолкалаах. Возможной причиной этого является изобилие в этом районе кремнистых сланцев, которые, легко поддаваясь обработке, и служили в качестве основного типа сырья.

Из этого же сырья изготовлены орудия одного из интереснейших местонахождений древних изделий — стоянки на р. Тимир-Билир. Она находится на водоразделе Оленека и Анабара, но принадлежит к системе последнего. На III террасе Тимир-Билира в 1961 г. геологом Ф. Ф. Ильиным была собрана немногочисленная, но выразительная коллекция каменных орудий, которую составляют три небольших наконечника стрел, изготовленных из ножевидных пластин с помощью оформления острия и насада ретушью, нанесенной со стороны брюшка; резец на углу усеченной пластинки; два скребка, приближающихся к острообушковому типу, но сохранившие благодаря изготовлению из массивных пластин черты концевых скребков. Кроме того, найдено несколько отщепов и большое количество ножевидных пластинок, некоторые из которых имеют на брюшковой стороне краевую ретушь и, вероятно, употреблялись как вкладыши. Примечательно, что на одном из наконечников присутствует косая струйчатая ретушь, типичная для изделий ленских культур.

Сопоставление этого комплекса орудий архаичных форм с материалами мезолитических и неолитических культур Восточной Сибири указывает на большую древность стоянки Тимир-Билир. На Нижней Лене наконечники стрел, изготовленные из ножевидных пластин, и другие орудия, аналогичные тимир-билирским, найдены А. П. Окладниковым около озер Уолба и Кьларса на возвышенностях, служивших местами сезонных поселений рыболовов и посещавшихся с очень раннего времени [Окладников, 1946: 10—57, табл. IV, V, VII]. В Прибайкалье подобные изделия бытуют на хиньской, финальной стадии мезолита, датируемой VI—V тыс. до н. э. [Окладников, 1950в: 157—164]. Отсутствие пластинчатых наконечников с выделенным черешком на алданских стоянках сумнагинской культуры, по-видимому, является отличительной чертой мезолита и раннего неолита этой области Восточной Сибири, что не может отрицать ранний возраст тимир-билирских находок. Такие наконечники есть среди раннеэолитических изделий, происходящих из памятников другой крупной реки Якутии — Вилюя [Федосеева, 1968: 49, 50]. Найден обломок такого наконечника и на территории Эвенкии, на стоянке Тура-А (раскопки Г. А. Андреева, 1967 г.). О находках аналогичных наконечников на Индигирке и Чукотке говорится далее. Ю. А. Мочанов, отрицавший ранее возможность употребления лука и стрел носителями сумнагинской культуры [Мочанов, 1969: 131; 1973б: 40], ныне склоняется к мнению, что часть пластинчатых наконечников стрел, найденных в регионе вне четкого контекста, со временем может быть отнесена к сумнагинской культуре [Мочанов, 1977: 246—248].

Учитывая типологию орудий со стоянки Тимир-Билир, ее расположение на III террасе, а также наличие на Анабаре и Оленеке памятников развитого неолита, для которых характерны другие типы наконечников стрел, правомерно относить эту стоянку к финалу мезолита—раннему неолиту, датируя ее V—IV тыс. до н. э., что позволяет считать ее одним из первых свидетельств заселения Восточного Заполярья в начале атлантического периода.

Среди подъемных материалов с других памятников востока Северо-Сибирской низменности, например, стоянки Улахан-Кюэль-Сээнэ в бассейне р. Уэле (сборы геологов Ф. Ф. Ильина и Г. А. Ермолаева в 1966 г.), стоянки на правом берегу р. Анабара в 18 км выше пос. Урюнг-Хая (сборы геолога Ф. Ф. Ильина, 1960 г.), имеются пластинчатые изделия (угловые резцы, миниатюрные вкладыши, концевые скребки), которые могут относиться к мезолиту—раннему неолиту.

По имеющимся сведениям [Мочанов, 1977: 99, рис. 18], на севере Якутии памятники сумнагинской культуры обнаружены в бассейне р. Индигирки (стоянка Юбилейная) и в низовьях р. Колымы на р. Пантелеихе (стоянки Пантелеиха I—VIII и Пирс). На Юбилейной найдены наконечники стрел с выделенным черешком, изготовленные из ножевидных пластин [Мочанов, 1977: табл. 86]. На колымских стоянках сумнагинские изделия выделены типологически из материалов, среди которых имеются изделия эпохи неолита и раннего железного века, на основании наличия здесь типичных для сумнагинской культуры концевых скребков на массивных пластинах и отщепах. Присутствующие на стоянке концевые скребки, ножи и вкладыши из ножевидных пластинок могут относиться, как отмечается Ю. А. Мочановым [1977: 203—207], и к сумнагинской культуре, и к неолиту. Предполагалось также, что материалы из стоянки Бурулгино могут иметь возраст 7000—8000 л. н. [Береговая, 1967: 87], однако последующие работы доказали ошибочность такого предположения [Федосеева, 1972: 261].

На Чукотке мезолитом и ранним неолитом могут датироваться подъемные материалы со стоянок у озер Тытыль и Ионигытхын, а также черешковый наконечник стрелы из ножевидной пластинки со стоянки Усть-Белая, аналогичный наконечникам со стоянки Юбилейная [Диков, 1979: 130—134].

Наиболее древним, точно датированным памятником, свидетельствующим о заселении Таймырского Заполярья в атлантический период, является стоянка Тагенар VI, открытая в 1967 и исследовавшаяся также в 1968 и 1972 гг.

Стоянка Тагенар VI

Памятник находится на левом берегу р. Тагенар, в 5 км от места ее впадения в р. Волочанку, относящуюся к бассейну рек Хеты—Хатанги. По Тагенару и Волочанке проходит наиболее удобный путь, связывающий приенисейскую часть Северо-Сибирской низменности с низовьями Лены. Расположена стоянка на большом песчаном бугре I надпойменной террасы, высота которого 5—7 м относительно меженного уровня Тагенара. На вершине его, по краю обширного выдува, частично нарушившего культурный слой, был заложен раскоп (39 кв. м.), в пределах которого отмечена следующая стратиграфия (рис. 3, 4). Под слабовыраженным дерновым покровом (0—0.02 м) лежит серо-желтый песок (0.02—0.34 м), в котором заметны тонкие коричневые гумусные прослойки. Он переходит в песчаный в своей основе слой (0.34—0.47 м), пронизанный темно-коричневыми гумусными прослойками, более частыми и интенсивными в ее основании. Нижняя его граница, в отличие от верхней, четкая. От нее начинаются мерзлотные клинья, зарождающиеся в виде небольших не-

равносторонних углов, от вершин которых иногда опускаются вниз тонкие ниточки трещин. Встречен также мощный клин, на 0.8—1 м углубляющийся в нижележащий горизонт коричневого слабослоистого песка (0.47—1.32 м) с 8—9 гумусно-углистыми прослойками, иногда сливающимися или исчезающими, мощность которых от 0.5 до 2 см. К прослойкам приурочены кострища, куски обгоревшего дерева и коры.

На глубине 1.20—1.32 м от поверхности горизонтально лежит гумусно-углистая прослойка (1—3 см) с красными и черными пятнами кострищ, небольшими камнями и вкраплениями малиновой охры, местами интенсивно окрашивающей прослойку, с которой связаны изделия из камня. Подстилается культурный слой желтыми, местами серыми, крупнозернистыми песками, напоминающими русловой аллювий.

Насыщенность культурного слоя находками неравномерная (рис. 4). Они сосредоточены в основном около большого кострища, в котором найдено много углей, мелких обгоревших камней и костей животных и птиц. Кости, найденные в слое, имеют плохую сохранность; удалось определить только зубы северного оленя.

Основную массу находок составляют тонкие призматические пластинки и их сечения — 215 экземпляров, включая и обработанные. Отщепов, в том числе и очень мелких, найдено всего 62. Ножевидные пластинки скалывались с призматических нуклеусов, изготовленных из плитчатых отдельностей пестрого кремня, сочетавшего серые, розовые и бежевые оттенки. При раскопках было найдено три таких нуклеуса (рис. 5: 24—26).

О первоначальных размерах нуклеусов дают представление сколотые с них пластинки, достигающие длины 7.7 см (рис. 5: 23). Призматические пластинки в основном употреблялись как лезвия ножей и в большинстве несут следы именно такого использования. На них часто встречается краевая ретушь, мелкая, небрежно нанесенная (рис. 5: 14—19); очевидно, они могли использоваться как вкладыши составных орудий. Найдено два микровкладыша с притупленной спинкой, отструганной крутой, очень тщательной мелкофасеточной ретушью (рис. 5: 9, 10). Их длина 10 и 13 мм, ширина, соответственно, 2.5 и 3 мм. Найдены три угловых резца (рис. 5: 1—3), а также резчики двух типов. Первые, угловые, резчики представляют собой усеченные пластинки с мельчайшей ретушью, образующей подобие резцового скола (рис. 5: 4, 5). Своеобразны резчики другого типа (клювовидные), у которых выделяется клювовидное острие, оформленное краевой выемкой вблизи усеченной части пластинки (рис. 5: 6, 7). Одна пластинка имеет пологую ретушь на брюшке и, по-видимому, является обломком проколки или наконечника стрелы (рис. 5: 8).

Миниатюрность и скупость обработки, характерные для рассматриваемого комплекса, проявляются и в оформлении скребков: снимая несколько мелких чешуек с обломанного конца ножевидной пластинки, получали скребки концевого типа (рис. 5: 11, 13, 20). Пластинка, более тщательно обработанная крутой дорсальной ретушью по краю и скругленному проксимальному концу, использовалась в качестве комбинированного концевого и бокового скребка (рис. 5: 15). Единственным орудием, изготовленным на отщепе, является скребок овальной формы; его спинка и брюшко обработаны длинными плоскими фасетками ретуши (рис. 5: 21), невысокий край сильно сработан (отчетливо видна заполировка). Массивный скол с призматического нуклеуса был использован для изготовления долотовидного орудия (рис. 5: 22). Изогнутый рабочий край оформлен несколькими сколами, нанесенными с брюшка, а на спинке сохраняет рельеф поверхности скалывания нуклеуса. О том, что использовались и шлифованные изделия, говорят отщепы кремнистого сланца со шлифованными участками на спинках.

По образцам органики из культурного слоя стоянки получены две радиоуглеродные даты. Первая из них — 5160 ± 60 л. н. (ЛЕ 789) получена по образцу угля, взятому на периферии культурного слоя и, возможно, слегка омоложена за счет примеси из вышележащей углисто-гумусной прослойки. Вторая, полученная по образцу угля, извлеченного из кострища, вокруг которого были сосредоточены культурные остатки, несколько древнее — 6020 ± 100 л. н. (ЛЕ 884), т. е. время существования стоянки относится к концу V тыс. до н. э.

Спорово-пыльцевой анализ образцов, отобранных по разрезу стоянки, выполнен Г. М. Левковской [Левковская и др., 1972]. Было установлено, что в песках, подстилающих культурный слой, отсутствует пыльца древесных пород, однако в период существования стоянки в ее окрестностях были распространены леса северотаежного типа. Господствовали древесные и кустарниковые виды березы и ольхи, меньшее место занимали хвойные породы — лиственница, ель и сосна. Такой состав пыльцы соответствует подзоне Iб атлантического периода, прослеживаемой по спорово-пыльцевой диаграмме торфяника около мыса Каргинского, и совпадает с ней по абсолютным датировкам. Климат в это время был теплый и влажный. По-видимому, на месте современных тундр, окружающих возвышенность, на которой располагалась стоянка, было больше озер и болот. Сейчас бассейн р. Тагенар входит в северную подзону лесотундры, и по берегам реки тянутся предтундровые лиственничные редколесья.

Стоянка Тагенар VI сейчас уже не единственный мезолитический памятник Таймыра. Среди древних поселений, обнаруженных Заполярной экспедицией в 1971 г. при обследовании берегов р. Пясины — основной водной артерии западной части Таймыра, выделяется ряд стоянок (Пясина I, III, IV, V, XI и XV, Лантошка II, Малая Коренная II и III, Капканная II), на которых найдены изделия из ножевидных пластинок, имеющие мезолитический облик. Примечательно, что основным сырьем для них служил кремнистый сланец коричневатых или серых оттенков.

Для Таймыра, как, впрочем, и для других регионов Севера, характерно неоднократное использование древними людьми мест, удобных для поселений. До сих пор пригодными для жилья считаются хорошо прогреваемые, открытые ветрам, прогоняющим гнус, песчаные гривы высоких береговых террас при устьях небольших рек. Такие места, как правило, не заливаются при половодьях. Поверхность песчаных возвышенностей часто нарушена выдувами, на которых сплошными россыпями или отдельными скоплениями лежат находки. Древние стоянки были обычно недолговременными, содержащими немногочисленные следы деятельности их обитателей. Площади их невелики и зачастую не перекрывают одна другую, в силу чего применение метода горизонтального расчленения находок на разновременные комплексы дает хорошие результаты. Так, применение этого метода позволило типологически отчленить ранние комплексы от других находок на большинстве указанных местонахождений. Стоянка Лантошка II содержала такой комплекс в чистом, без чужеродных примесей виде. Связь изделий из ножевидных пластин с культурным слоем отмечена и на стоянке Пясина I.

Стоянка Пясина I

Стоянка расположена на левом берегу р. Пясины, в 5 км ниже устья р. Бол. Коренной, где четко выражены две террасы: I — высотой 5—6 м, II — около 9 м над уровнем реки. На мысовидном выступе II террасы выявлены два культурных слоя. Первый — темно-коричневый песок с уг-

листыми вкраплениями мощностью около 5 см — обнаружен прямо под дерном. К нему приурочены находки тонкостенной керамики с узкими налепными валиками, относящейся к эпохе железа. Ниже, в серо-желтом песке, на глубине 10—24 см лежит темно-коричневый гумус с зольными примазками и со следами мерзлотных деформаций; его мощность 3—6 см, а в мерзлотном клине достигает 11 см. В слое изредка встречаются ножевидные пластинки. На выдуве рядом с раскопом на площади в 20 кв. м собрано 90 ножевидных пластинок с двумя или тремя гранями на спинке. Отщепы и осколки на местонахождении немногочисленны, их найдено всего 28. Отметим также находку обломка остроконечной гальки, служившей, по-видимому, отбойником. Сырье, использованное для производства орудий, достаточно разнообразно — это халцедон, кремнистый сланец, *светлая яшма*. *Пластинок найдено* 103 экз., они изготовлены преимущественно из кремнистого сланца серого и угольно-черного цвета. Пластинки из яшмы немногочисленны. Некоторые из них, вероятно, отделены от крупного плоскоспинного нуклеуса (рис. 6: 13), найденного на выдуве в 15—20 м от основного скопления находок. Это нуклеус отнесен к типу «плоскоспинных», поскольку у него, как и у некоторых других найденных в Сибирском Заполярье ядрищ, поверхность, противоположная поверхности скалывания, специально уплощена сколами. По характеру и цвету породы можно предполагать, что остальные пластинки сколоты всего с четырех-пяти нуклеусов. В большинстве своем они имеют крупные размеры, ширина их 11—13 мм, редко 5—8 мм, длина более 60 мм. Почти все пластинки использовались как орудия, но только 32 из них были для этого специально обработаны. Другие, судя по следам сработанности, употреблялись просто как клинки ножей (здесь и далее функциональные определения Г. Ф. Коробковой).

Тринадцать пластинок угловыми сколами были превращены в резцы (рис. 6: 1—11). Негативы резцовых сколов расположены по-разному: у четырех экземпляров — на двух углах одного конца обломка пластинки, еще у двух — на одном краю, но на противоположных концах сечения пластинки, семь *других имеют по одному* резцовому сколу. Еще у одного орудия один из углов образован обычным резцовым сколом, а *другой оформлен в* виде резцового скола мелкой ретушью, нанесенной со стороны спинки (рис. 6: 5). Для изготовления перечисленных орудий были утилизированы пластинки, уже использованные как *ножи или* боковые скребки. Концевые скребки (5 экз.) в четырех случаях имеют *овально-выпуклые* рабочие края, а у одной пластинки усеченный конец использовался без предварительной обработки ретушью (рис. 7: 1—6). У длинного скребка на краях пластинки видны следы сработанности, как у ножа. Края массивного скребка имеют четкие следы, свидетельствующие о том, что орудие использовалось как боковой скребок.

Двенадцать пластинок, как показал трасологический анализ, также употреблялись как боковые скребки (рис. 7: 16, 22); их края имеют крутую зубчатую ретушь. Две проколки изготовлены из миниатюрных пластинок, причем заостренность одной из них позволила обойтись без дополнительной обработки (рис. 7: 7), а у *другой*, сломанной, острие было оформлено крутой ретушью (рис. 7: 8).

Несколько в стороне от основного скопления пластинок, вдали от останцов культурного слоя, вместе с керамикой периода позднего железного века залегала группа изделий, принципиально отличных от описанных выше. Это два полулунных ножа, изготовленных из голубоватой сланцевой породы при помощи шлифования. Лезвия их заточены только с одной, левой стороны (рис. 8: 8—9). Здесь же были найдены обломок кремневого

двусторонне ретушированного вкладыша (рис. 8: 3) и заготовка листовидного в плане орудия, изготовленного на краевом сколе, снятом с плитчатой отдельности голубоватой кремнистой породы (рис. 8: 7). Особенно интересны пять изделий из кремнистого сланца, аналогичного тому, из которого выполнено большинство ножевидных пластинок со стоянки Пясина I. Это двусторонне ретушированный вкладыш (рис. 8: 3) и обломки четырех бифасиально обработанных ретушью клинков типа ножей или наконечников дротиков (рис. 8: 1, 2, 5, 6). Несомненно, что они не составляют одного комплекса с керамикой железного века, найденной там же. Однако остается нерешенным вопрос о возможной их связи с комплексом изделий из ножевидных пластин. С одной стороны, вполне возможно, что изделия с двусторонней обработкой появились на Таймыре уже в эпоху мезолита, но в то же время допустимо предполагать, что весь комплекс находок стоянки Пясина I, на котором могла не сохраниться керамика, может относиться к раннему неолиту; наконец, можно допустить, что бифасы и пластинчатые изделия относятся к разновременным комплексам мезолитическому и неолитическому, поскольку иное на Таймыре пока не зафиксировано. Таким образом, последнее предположение кажется наиболее вероятным и будет подкреплено в дальнейшем.

Стоянка Лантошка II

От устья р. Лантошка, правого притока р. Пясины, к северу протянулась терраса высотой 8—10 м, образующая коренной берег р. Пясины. Поверхность террасы повреждена рядами мелких выдувов, протянувшихся вдоль ее края. Здесь, на площади около 150 кв. м, собрана небольшая, но выразительная коллекция каменных орудий, состоящая из 12 отщепов, 8 из которых пластинчатые, и 15 призматических пластинок, большинство которых крупные (ширина 9—12 мм). Они изготовлены из кремнистых сланцев бежевого, серого и коричневого цветов. Пластинки из яшмовидных пород меньших размеров, их ширина 5—8 мм. Все они изучены трасологически и имеют следы использования, образовавшиеся в результате операций резания и скобления (определение Г. Ф. Коробковой). Верхний конец одной из массивных пластин залощен, и на его скругленном крае четко видны поперечные штрихи, свидетельствующие об употреблении этого изделия в качестве лощила (рис. 9: 24).

Четыре пластинки ретушированы. Две из них, имеющие правильное огранение, являлись вкладышами. Они имеют на брюшковой стороне пологую ретушь по одному из краев, что позволяло получить более ровное лезвие составного орудия (рис. 9: 21). Такая же ретушь имеется на обломке пластинки (рис. 9: 28), первоначально служившей вкладышем, а позднее использованной в функции бокового скребка. Ее край дополнительно обработан крутой ретушью. У крупной пластинки (рис. 9: 23) проксимальный конец с сохранившимся ударным бугорком с помощью двусторонней ретуши превращен в симметричное острие с углом заострения 54°. Дистальный конец пластинки обломлен и подправлен крутой мелкой ретушью, что, вероятно, было сделано для более удобного закрепления орудия. Пластинка асимметрична в поперечном сечении. Скос ее острия использовался в качестве бокового скребка (скобеля). Изношенность краев свидетельствует, что орудие также использовалось в качестве ножа. Однако многофункциональность изделия не исключает возможности его первоначального применения в качестве наконечника стрелы. Единственным халцедоновым орудием является пластинчатый отщеп, у которого

крутой краевой ретушью образованы выемки и клювовидный выступ на конце, служивший основным рабочим участком этого инструмента, выполнявшего функции скребка (рис. 9: 25).

Стоянка Пясина III

В 1.5—2 км ниже по течению р. Пясины от стоянки Пясина I на правом берегу реки, на террасе, образующей берег высотой около 8 м, найдены остатки разновременных поселений. Терраса расчленена на несколько мысовидных участков долинами ручьев и оврагами. На двух из них сделаны находки. Участок, расположенный выше по течению Пясины, получил наименование Пясина III, второй — Пясина IV.

На поверхности террасы, сильно разрушенной выдувами, выявлено пять скоплений находок. В трех пунктах они представлены грубыми сколами и отщепами кварцита, обломками льячек, наконечниками стрел, кварцитовым скребком, каплей бронзы, а также керамикой, облик которой позволяет относить ее к эпохе поздней бронзы и раннего железа. В двух других пунктах найдены только каменные изделия, среди которых много ножевидных пластинок. В высокой южной части поселения на площади 10—15 кв. м были собраны шесть сколов кремня (из них один массивный, со скребковой ретушью) и одиннадцати ножевидных пластинок из яшмы, в том числе реберчатый скол. На пластинках видна мельчайшая ретушь утилизации. Намеренная мелкая крутая ретушь образует на конце одной из пластинок выпуклое лезвие скребка (рис. 9: 4).

Второе скопление каменных изделий обнаружено у края террасы в ее средней части, на обширном выдуве. Коллекция, собранная на площади 15—20 кв. м, состоит из 23 мелких отщепов кремнистых пород, скребка, нуклеуса, 17 призматических пластинок и реберчатого скола.

Для изготовления пластинок использовались яшма и кремнистые сланцы, аналогичные сырью, использованному на стоянке Пясина I. Сильно истощенный двухплощадочный призматический нуклеус со спинкой, приостренной сколами (рис. 9: 8), также изготовлен из кремнистого сланца.

Скребок из беловатой яшмовидной породы (рис. 9: 10) имеет на спинке негативы пластинчатых сколов. Изделие имеет три рабочих лезвия, обработанных крутой ретушью, левый край его с брюшка подновлен сколом. На одной из пластинок оформлен концевой скребок, но рабочий край частично обломлен. Концевой вкладыш составного орудия оформлен на другой пластинке с помощью ретуши, нанесенной с брюшковой стороны; рабочий край имеет хорошо заметную ретушь утилизации. Крупная пластинка использовалась как нож-скребок и имеет хорошо выраженную ретушь утилизации по обоим краям и на скругленном конце. Еще одна пластинка использовалась в качестве лезвия ножа. Угловые резцы (4 экз.) изготовлены на небольших сечениях пластинок (рис. 9: 1—2).

Особенно интересны три пластинчатых острия. Одно из них, удлиненно-треугольное в плане (рис. 9: 13), изготовлено из светло-бежевого кремнистого сланца. Дистальный конец заготовки был симметрично заострен под углом 29° (ретушь нанесена на брюшке и по одному из краев на спинке); проксимальный был спрямлен крутой ретушью, нанесенной со спинки. Длина орудия 4 см, ретушь занимает около 3 см. Второе острие изготовлено из коричневого плитчатого кремня (рис. 9: 14), третье — из светло-серой яшмы (рис. 9: 12). Эти острия получены в результате приострения проксимальных концов заготовок, но обработка не столь тщательна, как на первом образце. Основание спрямлено. Боковые края, обработанные дву-

сторонней ретушью, сходятся под углом 41°. Следы утилизации на всех трех предметах отсутствуют, что позволяет типологически относить их к наконечникам стрел.

Стоянка Пясина IV

Мысовидный участок коренного берега с расположенным на нем местонахождением имеет три разновысоких уступа, на которых обнаружены явно разновременные материалы. На средней площадке, совпадающей по высотным отметкам с местонахождением Пясина III, расположено основное скопление изделий из кремнистого сланца. Здесь в 1971 и 1972 гг. на выдуве, нарушающем поверхность террасы, было собрано 86 пластинок из кремнистого сланца и 23 — из яшмы и халцедона. На верхней площадке в 1973 г. также было собрано небольшое количество пластинок из кремнистого сланца. Единичные пластинки из этого материала встречались в различных местах стоянки, халцедоновые преобладали на верхней площадке.

Среди пластинок из кремнистого сланца, собранных на средней площадке, оказалось 3 угловых резца (рис. 10: 8—10), один из которых имел сколы на всех четырех углах, 5 небольших концевых скребков (рис. 10: 2—5, 7), угловой резчик (рис. 10: 18), 5 вкладышей и 2 пластинки с неровной краевой ретушью (рис. 10: 11—17), боковой скребок на обломке проксимального конца пластинки с крутой ретушью по одному из краев (рис. 10: 19). Реберчатый скол светлого кремнистого сланца использовался в качестве развертки, ее острием служил проксимальный конец, не имеющий дополнительной обработки. Около острия на ребрах скола отчетливо видна заполировка (рис. 10: 27). Интересны три сломанные пластинки, концы которых приострены ретушью (рис. 10: 22, 24, 25). Эти изделия, несомненно, являются фрагментами наконечников стрел, по-видимому, листовидной формы. Здесь же был найден угловой резец из яшмы.

На верхней площадке были найдены концевые скребки — 2 экз. (рис. 10: 1, 6); листовидный наконечник стрелы с обломанным острием, оформленный краевой ретушью (рис. 10: 26); скругленный вентральной ретушью черешок еще одного пластинчатого наконечника стрелы (рис. 10: 23) и нуклеус (рис. 10: 21). Последний — биконической формы; снятие пластин с него производилось с двух концов.

Халцедоновые пластинки и некоторые пластинки из яшмы употреблялись или как боковые скребки, или как вкладыши составных ножей. Только один аморфный халцедоновый скол имеет обработку, напоминающую обработку концевого скребка.

Ранее халцедоновые скребки рассматривались вместе с комплексом пластинок из кремнистого сланца [Хлобыстин, 1973а: рис. 14: 17—19]. Последующие работы показали, что пластинки из кремнистого сланца и изделия из халцедона образуют отдельные скопления. Вероятно, последние составляют более поздний комплекс, относящийся к III тыс. до н. э., когда здесь бытовала шнуровая керамика, фрагмент которой найден на средней площадке.

Что касается изделий из кремнистого сланца, то по набору орудий они, подобно находкам из местонахождений Лантошка II и Пясина III, могли бы быть отнесены к мезолиту, если бы не присутствие обломков листовидных наконечников стрел. Последние встречены на ранненеолитических стоянках Абылаах I и Глубокое I вместе с сетчатой керамикой. Остается неясным, была ли такая керамика на Пясине IV, или листовидные наконеч-

ники появились на Таймыре в докерамический период. В таком случае справедливо будет отнести эти материалы к концу мезолита—раннему неолиту.

Стоянка Капканная II

Подобным же образом следует интерпретировать комплекс изделий из ножевидных пластинок, выделенный на стоянке. Памятник расположен в 72 км от истока р. Пясины, на ее правом берегу, в устье небольшой речки, впадающей в Пясину. Правый борт долины притока образует с 8—10-метровой террасой Пясины небольшой узкий мыс с крутыми склонами и ровной поверхностью, сильно поврежденной выдувами. Здесь, на площади около 100 кв. м вдоль края мыса, обращенного к Пясине, была собрана коллекция из каменных предметов и фрагментов керамики, имеющих явно разновременное происхождение.

Керамика представлена мелкими фрагментами ымыяхтахской культуры, относящейся к эпохе бронзы, и пясинской культуры эпохи железа. В коллекцию каменного инвентаря входят двустороннеобработанные скребки (рис. 11: 7, 10—12), а также проколки плечикового типа, изготовленные из кремнистого сланца голубовато-серого цвета (рис. 11: 16, 17). Перечисленные предметы наряду с керамикой составляют группу относительно молодых находок.

Помимо указанных предметов на стоянке собрано 77 ножевидных пластинок. Лишь 6 из них сделаны из яшмы и 1 — из халцедона изумрудного цвета, остальные изготовлены из кремнистого сланца, черного или бежевого полосчатого. Часть пластинок имеет своеобразную патину, или, скорее, обесцвечены в результате какого-то процесса, развивавшегося из-за длительного пребывания предметов на дневной поверхности, что привело также к повышенной хрупкости изделий и разрушению их поверхностей. Большинство таких пластинок сильно повреждено.

Среди сохранившихся орудий выделяются угловой резец (рис. 11: 5), небольшой концевой скребок (рис. 11: 6), семь пластинчатых вкладышей с брюшковой ретушью по одному краю и вкладыш с двусторонней ретушью, нанесенной по обоим краям (рис. 11: 1—4, 13—15). Острие, сформированное вентральной ретушью по вентральной стороне пластинки (рис. 11: 9), напоминает наконечники стрел из стоянок Лантошка II и Пясина III, но второй наконечник, листовидный в плане, полностью ретушированный с одной стороны и по краю — с другой, принадлежит, как и наконечники из стоянки Пясина IV, к типу, характерному для ранненеолитических памятников.

Необходимо упомянуть находку кремнистосланцевого скола подправки площадки призматического нуклеуса и двух пластинок из светлой яшмы (рис. 11: 18, 20). На краях последних имеется мелкофасеточная ретушь, но служила она не для придания симметрии краю изделия, предназначенного для закрепления в оправе составного орудия, что характерно для пластинок из кремнистого сланца, а для получения рабочего края как такового, что типично для более поздних неолитических орудий. В целом, пластинчатый комплекс стоянки Капканная II отражает ранний этап обитания и может быть отнесен к эпохе перехода от мезолита к раннему неолиту.

Прочие предположительно мезолитические комплексы Таймыра

Характерное для ранних памятников долины р. Пясины использование кремнистых сланцев в качестве основного типа сырья в пластинчатых мезолитических и ранненеолитических индустриях позволяет отнести к доке-

рамическому периоду еще ряд стоянок, где открыты комплексы подобных изделий, менее значительные типологически и количественно, чем материалы из рассмотренных местонахождений. К их числу относится группа стоянок, расположенных на правом берегу р. Пясины в 6—7 км ниже пос. Кресты. Среди них, благодаря наличию крупных сколов и пластин, выделяется стоянка **Пясина XI**. Помимо них здесь также имеются 9 ножевидных пластин, крупный концевой скребок (рис. 10: 37) и ребристая пластинка с выемками, оформленными крутой ретушью (рис. 10: 33). Из яшмы изготовлены лишь одна пластинка и два обломка предметов с бифасиальной обработкой, один из которых, вероятно, был листовидным ножом или наконечником (рис. 10: 36).

На стоянке **Пясина XIII** пластинки из кремнистого сланца встречены вместе с двустороннеобработанными орудиями из халцедона и яшмы, которые могут быть отнесены к раннему неолиту—ранней бронзе.

Коллекция изделий из кремнистого сланца собрана и на стоянке **Пясина XV**. В ней кроме отщепов и пластинок имеется черешок пластинчатого наконечника стрелы (рис. 10: 35) и обломок ретушированного с обеих сторон вкладыша (рис. 10: 32).

На стоянке **Малая Коренная II**, открытой на правом берегу р. Пясины ниже впадения в нее р. Малой Коренной, большинство находок относится к периоду позднего неолита—раннего железа. Но здесь же оказались скол подправки площадки призматического нуклеуса, угловой резец (рис. 9: 20), угловой резец на обломке пластинчатого вкладыша (рис. 9: 19) и 6 пластинок из кремнистого сланца. Кроме того, здесь же найден небольшой концевой скребок на пластинке из яшмы (рис. 9: 18).

На соседней стоянке **Малая Коренная III** в 1971 г. на одном из выдувов было обнаружено скопление находок, включающее керамику эпохи железа — гладкостенную или с ромбовафельным технологическим орнаментом, грубые скребки, обломок шлифованного тесла, обломок льячки, отщепы кремня, халцедона и кварцита. Резко выделяются среди этих находок две единственные призматические пластинки. Одна, из темно-серого, почти черного кремнистого сланца, имеет рабочий край, оформленный пильчатой ретушью, нанесенной с брюшка (рис. 9: 26), вторая — также из темно-серого сланца представляет собой переоформленный остроконечник, подобный изделиям из стоянок Пясина III и Лантошка II. Ее проксимальный конец был приострен плоской ретушью по брюшку, затем с заостренного конца был сделан длинный резцовый скол. Второй резцовый скол был выполнен с дистального конца, тем самым остроконечник был превращен в комбинированный резец. Употреблялась пластинка и как нож, о чем свидетельствует сработанность края. Эта форма позволяет говорить о возможности появления здесь людей в эпоху мезолита, хотя несколько в стороне и был найден черепок керамики с отпечатками, напоминающими один из вариантов сетчатого орнамента, характерного для ранненеолитической посуды.

Легко заметить, что исключительно трудно среди подъемных пластинчатых орудий различить мезолитические и ранненеолитические орудия, если последние не сопровождает керамика. Тем не менее в этой главе представляется целесообразным рассмотреть и другие комплексы, содержащие пластинчатые индустрии из кремнистого сланца, где отсутствует неолитическая керамика, хотя, возможно, такие памятники и могут относиться к раннему неолиту. К их числу принадлежит стоянка у **станка Коренного**. Большинство изделий, собранных здесь, датируется концом I тыс. до н. э., но среди них имеются угловой резец (рис. 10: 28) и пластинка с краевой ретушью, сделанные из кремнистого сланца.

На стоянке **Пясина V** около старого долганского погребения был найден превосходный плоскоспинный нуклеус, по-видимому, оказавшийся на поверхности вместе с выбросом земли из могильной ямы. Он изготовлен из кремнистого сланца. Его характерной особенностью является расположение ударной площадки под очень острым углом к поверхности скалывания (рис. 9: 15).

К мезолиту или раннему неолиту следует отнести **стоянку Холодная V** на р. Дудыпте. Здесь найдено всего три изделия: ножевидная пластинка, отщеп и наконечник стрелы. Последний изготовлен из ножевидной пластинки краевой ретушью (рис. 10: 39); черешок обломлен, а в месте слома нанесен резцовый скол.

Отщепы, пластинки и пластинчатый вкладыш из кремнистого сланца (рис. 9: 29) обнаружены на мысу в истоке р. Глубокой из одноименного озера, расположенного на северо-западе гор Путорана. Там же найдены сколы беловатой яшмы, имеющие краевую ретушь, и рубчатая выбивная керамика, относящаяся к эпохе ранней бронзы.

К мезолиту—раннему неолиту, вероятнее всего, относится концевой скребок, изготовленный на широкой тонкой пластинке прозрачной коричневой яшмы, найденный на р. Яр-Танама (рис. 10: 36). Это первая находка каменного орудия на Гыданском п-ове.

В восточной части Таймыра, в бассейне Хеты—Хатанги, в результате работ Заполярной экспедиции выявлено много местонахождений, содержавших изделия только пластинчатых индустрий. Стоянки с такими изделиями располагаются на берегах с высокими гипсометрическими отметками, как правило, на господствующих над окрестной тундрой буграх. Весной эти бугры первыми появляются из-под снега, но растительность и почвенный покров на них обычно отсутствуют вследствие разрушительного действия талых вод и частых сильных ветров, в зимнее время усиливающегося за счет абразивного воздействия мелких ледяных кристаллов. В результате поверхность бугров часто покрыта россыпями сортированной, слабосортированной или несортированной гальки, покрытой «пустынным загаром». На подобных поверхностях встречаются отдельные скопления или единичные ножевидные пластинки и нуклеусы. К числу таких местонахождений относятся стоянки Лабаз V, VI, IX, Самос, Усть-Попигай I, Блудная II. Так, **на стоянке Самос**, расположенной на бугре 20-метровой террасы правого берега р. Хатанги, было найдено 217 пластинок и их сечений и небольшое количество мелких отщепов и сколов из кремнистого сланца и яшмы желтоватого цвета. Среди сколов большинство отделено от призматических нуклеусов. Сохранился небольшой удлиненно-конический нуклеус, с которого скалывались тончайшие пластинки (рис. 12: 10). Среди пластинчатых изделий 4 угловых резца, 2 пластинки с краевой ретушью на спинке и 2 — с выемками по краям, оформленными мелкой ретушью. Один из сколов (заготовка нуклеуса?) имеет ретушированную поверхность.

Стоянка Блудная II дала 58 пластинок и их сечений, 72 отщепа и обломок конического нуклеуса из светлой яшмы (рис. 13: 14). Из пластин сделано 3 угловых резца. Лишь одна пластина имеет четкую ретушь, свидетельствующую о ее употреблении в качестве бокового скребка. В стороне от скопления изделий из яшмы найден халцедоновый нуклеус с двумя противолежащими поверхностями скалывания (рис. 13: 5). Возможно, он не связан с остальными находками.

На стоянке Усть-Попигай, расположенной на небольшой сопочке высокого правого берега р. Хатанги, выше места впадения в нее р. Попигай, были собраны обломок плоскоспинного призматического нуклеуса, 51 пластинка и 3 небольших отщепа. Сырьем служили кремнистый сланец, светлая

и коричневатая разновидности яшмовидной породы. Из пластинок изготовлены угловой резец и микровкладыши, подобные найденным на стоянке Тагенар VI (рис. 14: 14). У двух пластинок на спинке имеется краевая ретушь, причем у одной из них таким образом оформлен пильчатый край (рис. 14: 5, 6).

На **стоянке Лабаз VI**, расположенной на северном берегу оз. Лабаз, найдено два сработанных нуклеуса, два обломка призматических ядрищ и заготовка нуклеуса из плитки кремнистого сланца (рис. 13: 1; 15: 1, 6—8). Вместе с ними лежали 17 пластинок и 3 яшмовых отщепа. **Стоянки Лабаз V и IX**, расположенные там же, дали находки призматического нуклеуса и пластинок. Как и местонахождение Лабаз VI, они могут быть отнесены и к мезолиту, и к неолиту.

Следует отметить, что на стоянках, открытых на р. Хатанге вблизи пос. Новорыбное, пластинчатые индустрии представлены вплоть до периода поздней бронзы. Этой особенностью они напоминают соседние территории, бассейны рек Анабара и Оленека. Примечательно, что на востоке Таймыра пока не найдены концевые скребки, и в целом на стоянках, которые могут считаться мезолитическими или ранненеолитическими, скребки отсутствуют.

Преобладание изделий из правильных призматических пластин, в основном использовавшихся в качестве заготовок, типично для мезолитических и ранненеолитических памятников Сибири. Бытование приемов пластинчатого расщепления продолжалось на Таймыре до периода раннего железного века, но изделия из пластинок уже в период ранней бронзы становятся редкими, господствуют полностью или почти полностью ретушированные изделия из отщепов и сколов.

Среди характерных признаков мезолитических памятников Таймыра можно назвать употребление в качестве сырья кремнистого сланца, яшмы белого, розового, желтого, реже коричневого цветов. Халцедон почти не использовался. Из этого сырья изготовляли призматические, конические и «плоскоспинные» нуклеусы. Из призматических пластинок делали концевые и боковые скребки, вкладыши с вентральной ретушью, пилки и пластики с краевыми выемками, угловые резцы, резчики, заостренные с одного конца наконечники стрел. Возможно, что еще в докерамический период начали входить в употребление пластинчатые наконечники стрел с приостренным основанием и наконечники листовидных очертаний, оформленные краевой ретушью. Вопрос о времени появления в Восточной Сибири каменных наконечников стрел остается неясным. Только в Приангарье имеются несомненные финальномезолитические находки «нестандартных, но выполненных в технике совершенной ретуши» наконечников [Медведев и др., 1975: 77]. Представляется, однако, что появление наконечников стрел по крайней мере в финале мезолита должно быть характерно для всей территории Восточной Сибири.

К востоку от Таймыра, в бассейнах рек Анабара и Оленека, на ряде стоянок обнаружены типы орудий, аналогичные таймырским, в том числе и по материалу, из которого они изготовлены. Не найдены лишь остроконечники. Наконечники ранненеолитических стоянок Абынаалах, Хорбусуонка I, сделанные из ножевидных пластинок, имеют листовидную форму или выделенный черешок [Константинов, 1970: 83, 88, 89]. Их относят к раннему неолиту, что подтверждается залеганием таких предметов совместно с сетчатой керамикой сыалахской культуры в VII слое алданского многослойного поселения Белькачи I [Мочанов, 1969: табл. 13: 1, 5]. В нижележащих IX и X слоях памятника, относящихся к сумнагинской культуре, встречаются острия на пластинках, определенные как проколки. Они миниатюрнее пясинских, как и почти весь инвентарь, происходящий из этих горизонтов,

что, возможно, объясняется особенностями использованного сырья. Близки пясинским пластинчатые наконечники, собранные на бичевнике около стоянки Белькачи [Мочанов, 1969: 55, табл. 2: 10, 11, 16; 1: 4—6]. Возможно, их следует связывать с мезолитическими слоями этой стоянки. Часть сумнагинских острий на пластинках, как и острия, найденные на памятниках Ангары (погребения в падях Частые и Хиньская), Байкала (мыс Будун) и Забайкалья [Окладников, 1950в: рис. 15—17], непосредственно предшествующих неолиту, вероятно, выполняла роль наконечников стрел. Примечательно, что с появлением отчетливо выраженных наконечников стрел на пластинах такие острия исчезают.

Исходя из типологии материла, пясинские стоянки с пластинчатыми остриями следует считать мезолитическими. Что касается других памятников Таймыра, перечисленных выше, то их следует относить к мезолиту или раннему неолиту, учитывая возможность существования в раннем неолите изделий мезолитического облика, а также и то, что керамика в ряде случаев могла не сохраниться либо в силу каких-то причин изначально отсутствовала в тех или иных комплексах.

На основании абсолютной датировки образца угля из слоя памятника Тагенар VI, типологического сопоставления мезолитических и ранненеолитических памятников Таймырского Заполярья с культурами сопредельных территорий, особенно Якутии, мезолит Таймыра можно датировать V тыс. до н. э.

Соотношение мезолитических памятников Таймыра с культурами мезолита лесной зоны Сибири

Установить пути, по которым шло заселение субарктических территорий Таймыра в эпоху мезолита, можно лишь сопоставив материалы местных мезолитических стоянок с аналогичными им памятниками таежной Сибири.

Поиск аналогий облегчается тем, что в северной части Западной Сибири, прилегающей к Таймыру, памятники эпохи мезолита, за исключением стоянки Корчаги IБ, все еще не выявлены. Ближайшие к Таймыру мезолитические памятники Западной Сибири известны лишь на ее юго-западе, в пределах Омской области — стоянки Черноозерье IVа и, возможно, Черноозерье II [Геннинг и др., 1973], Курганской (стоянка Камышное) и Свердловской областей. На территории последней открыто несколько десятков стоянок и среди них Выйка II, Исток II, Крутики I и II, Юрьино VI [Сериков, Арефьев, 1975; Сериков, 1976; Старков, 1980: 21—36]. В комплексах этих стоянок преобладают ножевидные пластинки, сколотые с призматических нуклеусов, и изделия из них, представленные угловыми резцами и резчиками, клювовидными резчиками, скошенными и плечиковыми остриями, вкладышами. Весьма характерны пластинки с боковыми и торцевыми выемками. Концевые скребки редки. Основная масса скребков изготовлялась из отщепов. Единичны находки боковых резцов, шлифованных рубящих орудий, наконечников стрел, трапеций. В материалах стоянок Среднего Зауралья не наблюдается особых различий, позволяющих выделить среди них разнокультурные памятники, т. е. можно говорить о существовании здесь одной мезолитической культуры. Наконечники стрел и трапеции, по-видимому, не типичны для нее, а их наличие может быть объяснено влиянием янгольской культуры Южного Урала [Матюшин, 1964б; 1976]. Вероятно, обитатели Среднего Урала предпочитали изготовлять наконечники стрел из кости, аналогичные найденным в Шигирском торфянике, хотя, возможно, здесь использовались в качестве наконечников и острия со скошенным

краем [Матюшин, 1969]. В целом мезолитические памятники Зауралья не могут быть названы генетическими предшественниками таймырского мезолита.

На таежных территориях Средней Сибири мы также не находим истоков мезолита Таймыра. Мезолитические памятники неизвестны здесь в ближайшей к Таймыру области — Эвенкии. Кроме того, памятники лесной зоны Среднего Енисея входят в зону распространения ангарского локального варианта восточносибирского мезолита, что подтверждают материалы III—XVII культурных горизонтов стоянок Стрижовая Гора [Медведев, 1975; Гуляев и др., 1976] и VIII—IX культурные горизонты стоянки Казачка на р. Кан.

В настоящее время в мезолите Восточной Сибири можно выделить три провинции: ангарскую, забайкальскую и приленскую. Они различаются специфическими тенденциями развития материальной культуры, что, по-видимому, обусловливалось преемственностью населения, особенностями экологии и хозяйства.

В Приангарье, главным образом за последние годы, трудами иркутских археологов под руководством Г. И. Медведева исследовано значительное количество мезолитических памятников, что позволило проследить некоторые закономерности развития ангарского мезолита [Медведев, 1968а; Мезолит Верхнего Приангарья, 1971; Медведев и др., 1975].

Выделяются две группы памятников раннего мезолита, фактически культуры: бадайская, связанная с местным палеолитом, и верхоленско-идинская, имеющая истоки в Забайкалье. Начало мезолита датируют временем около 12 000 л. н. К финалу мезолита (приблизительно 8000 л. н.), в результате взаимодействия этих культур, складывается новый культурный комплекс, для которого характерно однообразие инвентаря. Если для двух первых этапов развития мезолита типично сохранение изделий микролитических форм при преобладании пластинчатой индустрии, трансверсальные резцы, фронтальные нуклеусы, постепенное увеличение доли клиновидных ядрищ, расширение ассортимента вкладышевых орудий, появление гарпунов, острог, костяных рыболовных крючков, тесел и топориков, многофасеточных срединных резцов, то для финального этапа типичны полиэдрические нуклевидные резцы и сверла, острия из пластинок, тесла с перехватом, шиферные шлифованные острия и стерженьки рыболовных крючков, двусторонне ретушированные вкладыши, наконечники стрел, общее преобладание пластинчатой индустрии. На примере стоянки Усть-Белая отчетливо видна специфика хозяйства мезолитического населения Ангаро-Бельского района, связанная с рыболовством и охотой на косулю. Важными объектами охоты были олень и лось.

Особый интерес представляют пластинчатые острия с боковой выемкой, напоминающие кельтиминарские наконечники стрел. Они найдены в погребениях в падях Частые и Хиньская, а также в большом числе на стоянках Забайкалья [Дебец, 1930; Окладников, 1950в: 157—163]. Г. И. Медведев, изучавший следы сработанности на забайкальских остриях, пришел к выводу, что они были не наконечниками стрел, а сверлами и микрорезцами [Медведев, 1968б]. Трасологическое изучение орудий из Средней Азии, имеющих типичные формы наконечников стрел, показало, что они также употреблялись в качестве наконечников стрел и в некоторых других функциях [Коробкова, 1969: 114, рис. 17]. В связи с этим напомню, что на острие с пясинской стоянки Лантошка II Г. Ф. Коробковой также были обнаружены следы использования его как скобеля и ножа. Каких-либо специфических следов использования наконечники стрел обычно не имеют. Означает ли в таком случае вторичная утилизация типичных по своим формам стрел

то, что они таковыми не служили? Имея в виду такие соображения, трудно отказаться от мысли, что пластинчатые острия с боковой выемкой из Забайкалья в действительности являются наконечниками стрел. В любом случае они — яркий признак пластинчатой индустрии Забайкалья, придающие ей специфический облик. Г. Ф. Дебец [1930] отнес их к даурской мезолитической культуре. Раскопки поселения Студеное близ села Нижний Нарым [Константинов, Немеров, 1976] во многом подтвердили наблюдения Г. Ф. Дебеца: даурские острия, наконечники с боковой выемкой залегают совместно с керамикой. Вместе с ними были встречены и чопперы, что указывает на сохранение многих черт мезолитической культуры в раннем неолите. Нижележащие мезолитические слои также содержат изделия из ножевидных пластинок в сочетании с галечными орудиями. Особо отметим наличие здесь гобийских нуклеусов и рыболовных крючков из кости. Наконечники стрел здесь не найдены.

Даурские острия в четких стратиграфических условиях, доказывающих их принадлежность к мезолиту, в Забайкалье не обнаружены, что позволяет поставить под сомнение принадлежность к финалу эпохи мезолита хиньских погребений Прибайкалья. Скорее, они могут рассматриваться как свидетельство проникновения забайкальского населения на запад. Однако, принимая во внимание немногочисленность даурских остроконечников в Забайкалье, их отсутствие в памятниках, достоверно относящихся к мезолиту, еще не означает, что такие острия не существовали в финальном мезолите.

Материалы памятников забайкальского мезолита освещены в ряде публикаций [Окладников, 1971а; Кириллов, Рижский, 1973; Константинов, Немеров, 1974; 1976 и др.], и, хотя этот период остается слабо изученным, можно отметить некоторые его признаки, позволяющие говорить о своеобразном пути развития материальной культуры мезолитического населения Забайкалья. К этим признакам относятся длительное совместное бытование галечных орудий, в том числе чопперов, и изделий из ножевидных пластинок, изготовление гобийских нуклеусов, крупных подтреугольных остроконечников из пластин, крупных скребел, трансверсальных резцов, рыболовных крючков из кости.

На берегах Байкала выявлены памятники [Хлобыстин, 1965; Горюнова, 1978; Шмыгун, Ендрихинский, 1978], относящиеся как к ранним этапам мезолита (Лударская III, Лударская I, Курла I, III, VI), так и к его финальному периоду (нижние слои стоянок Улан-Хада и Саган-Нугэ, VII—IX слои стоянки Итерхей). Материалы этих памятников при наличии, особенно на финальной стадии, характерного комплекса изделий (например, нуклеусов-дрилей, сланцевых рыболовных крючков байкальского типа) сочетают некоторые черты мезолита Приангарья и Забайкалья, что позволяет считать Байкал зоной контакта ангарской и забайкальской провинций.

Среди изделий Забайкалья, а также некоторых памятников Байкала и Прибайкалья, вероятно, связанных своим происхождением с забайкальскими территориями, наибольшее внимание, как аналогия наконечникам из таймырских стоянок, привлекают даурские остроконечники. Среди них имеются экземпляры, которые по форме и обработке идентичны пясинским [Дебец, 1930: табл. VII; Окладников, 1950в: рис. 17]. Однако районы, в которых они найдены, разделяют огромные территории Эвенкии и Якутии.

Якутия может быть выделена в качестве третьей провинции восточносибирского мезолита. Здесь в период раннего голоцена была распространена сумнагинская культура [Мочанов, 1969; 1973а; 1973б; 1977]. Многослойные памятники, на которых сумнагинские комплексы представлены в наиболее полном и чистом виде, благодаря чему эта культура и была выделена, расположены в юго-восточной части Якутии, на правом крупном притоке

р. Лены — р. Алдан (стоянки Белькачи I, Сумнагин I, Усть-Тимптон). Стоянки сумнагинской культуры обнаружены на реках Олекме, Амге, Мае, Витиме, Вилюе, Индигирке, Колыме. Серией радиоуглеродных дат существование этой культуры определено в пределах 10 074 ± 100 л. н. (ЛЕ 861, Усть-Тимптон)—5900 ± 70 л. н. (ЛЕ 678, Белькачи I, сл. VIII), т. е. с середины IX по рубеж V—VI тыс. до н. э. [Мочанов и др., 1970; Мочанов, Федосеева, 1975а].

Для сумнагинской индустрии характерно изобилие ножевидных пластинок. Из них делались концевые и боковые скребки, угловые и боковые резцы и резчики, ножи и вкладыши, пластинки со скошенным краем и острия. Пластинки скалывались с призматических и, главным образом, карандашевидных нуклеусов. Небольшой процент орудий составляют скребла, тесла и топоры, иногда с ушками у обушка, изготовленные из галек. Иногда встречаются многофасеточные резцы-дрили. На поздних этапах развития культуры появляются оббитые тесла и рыболовные грузила из галек. В остальном признаки культуры и ее раннеголоценовый возраст, и микролитическая пластинчатая индустрия типичны для мезолитических культур в их обычном понимании.

Пытаясь проследить корни сумнагинской культуры, Ю. А. Мочанов вначале предполагал ее связь с еще не выявленными культурами Якутии [Мочанов, 1969: 141]. Однако, после того как были изучены памятники дюктайской палеолитической культуры, исследователь пришел к выводу, что между ними генетическая связь отсутствует [Мочанов, 1970: 63], что «сумнагинцы были потомками одной из „западных" — приенисейских верхнепалеолитических культур» [Мочанов, 1973а] и что сумнагинская культура, судя по ее облику, генетически связана с «мальтинско-афонтовской культурной группой» [Мочанов, 1973б: 42]. С предположением о местонахождении прародины сумнагинской культуры на Енисее был согласен С. А. Астахов [1973: 195]. Эта гипотеза в какой-то мере вытекает из высказывавшихся ранее замечаний относительно черт сходства между сумнагинской культурой и енисейскими памятниками верхнего палеолита [Мочанов, 1969: 140].

Отсутствие преемственности между дюктайской и сумнагинской культурами, поиски корней последней в южных районах Сибири заставляют коснуться вопроса о сложении пластинчатых культур эпохи мезолита в общем плане. В Восточной Европе и Западной Сибири изготовление орудий из пластинок было типично уже для верхнепалеолитических культур. Относительно территорий юга Средней и Восточной Сибири долгое время бытовало в определенной мере справедливое мнение о продолжительном, охватывающем период верхнего палеолита и мезолита, периоде существования галечных культур, где были слабо развиты пластинчатые технологии, и о сравнительно позднем расцвете и широком распространении последних на финальной стадии мезолита. Как предполагалось, именно поэтому комплексы типа сумнагинских или вторых слоев стоянок Курла II и VI на Северном Байкале кажутся возникшими внезапно. С другой стороны, в Приангарье известны верхнепалеолитические стоянки Мальта и Красный Яр, на основе материалов которых можно было бы предполагать относительно раннее развитие пластинчатых технологий. Однако в памятниках раннего мезолита этого района встречены изделия, позволяющие говорить о сохранении в облике культуры палеолитических традиций. Так, найдены орудия макролитических форм, хотя следует отметить, что в памятниках раннего мезолита они немногочисленны или даже отсутствуют, как в поселении Стрижовая Гора на р. Кан.

На Среднем Енисее в качестве типичного мезолитического памятника выделяли слой В на поселении Усть-Бирюса. Материалы его во многом по-

добны изделиям из нижележащих верхнепалеолитических слоев (слой С), напоминающим материалы афонтовской культуры [Гурина, 1964; Хлобыстин, 1972б]. Однако, по мнению С. М. Цейтлина [1979], судя по наличию в слое В криогенных деформаций, он может быть отнесен, скорее, к концу сартана. В таком случае инвентарь слоя допустимо считать верхнепалеолитическим.

Благодаря работам З. А. Абрамовой [1979а; 1979б], в Минусинской котловине выявлена кокоревская культура палеолита, в каменном инвентаре которой, в отличие от существовавшей параллельно ей афонтовской, пластинчатые изделия преобладали над изделиями макролитических форм — галечными орудиями и крупными скреблами. Особо следует отметить костяные и роговые изделия, служившие основами вкладышевых дротиков и кинжалов. На афонтовских памятниках также встречены основы вкладышевых орудий и микропластинки [Абрамова, 1979а; Хлобыстин, 1972б]. Такие орудия были известны и в Забайкалье, где они встречены на стоянке Ошурково [Окладников, 1959: табл. VI], относящейся к самому концу палеолита—началу мезолита. Очевидно, что предпосылки для возникновения мезолитических пластинчатых культур сложились в верхнем палеолите юга Сибири.

Повсеместное изменение природных условий и набора промысловых видов на рубеже голоцена вызвало в свою очередь изменения в составе охотничьего инвентаря, широкое распространение составных орудий с пластинчатыми вкладышами. Переориентировка охотничьего хозяйства на промысел степных и лесостепных копытных (судя по данным немногочисленных спорово-пыльцевых анализов, нуждающимся в уточнении хронологии, в районе Минусинской котловины, на территории Красноярско-Канской степи и в Забайкалье в период раннего голоцена господствовала растительность холодной степи) вынудила коллективы мезолитических охотников к более подвижному образу жизни, связанному с использованием облегченного инвентаря. Исследования мезолита Южной Сибири [Лисицын, 1980] показали, что роль пластинок в инвентаре неуклонно возрастала, особенно в памятниках степной зоны, в большей степени унаследовавших традиции кокоревской культуры.

Подобный процесс шел и в Забайкалье [Константинов, 1979]. В обоих этих районах у потомков аборигенного палеолитического населения сохранились традиции изготовления в небольшом количестве галечных орудий. В группах, в самом начале голоцена продвигавшихся на Север Сибири, эта тенденция была выражена более резко. Вероятно, именно так и появилась сумнагинская культура. Если бы эта культура имела истоки в палеолите Енисея, то носителям енисейских традиций, гипотетическим предкам сумнагинцев, пришлось бы пройти через Приангарье и Верхнюю Лену, где в таком случае должны были бы остаться их поселения финального этапа палеолита—начала мезолита. Именно с такими памятниками можно было бы связать истоки сумнагинской культуры. Однако пока они неизвестны. В то же время на Байкале имеются комплексы Курла I, III и VI, пластинчатая индустрия которых могла бы рассматриваться как исходная для якутского мезолита, но происхождение самих курлинских памятников еще неясно. Между тем в них можно найти ряд общих черт с сумнагинскими комплексами. Индустрии ножевидных пластинок, первоначально основанные на технологии клиновидных нуклеусов, постепенно уступили место пластинчатым индустриям призматических ядриц. Костяные вкладышевые острия с поселения Ошурково служат примером существования в Забайкалье составных орудий с костяной основой и вкладышами из ножевидных пластин, которые Ю. А. Мочанов видит только на Енисее. На забайкальских стоянках есть оббитые топоры и тесла, напоминающие сумнагинские. Все типы пластинчатой индустрии сумнагинской культуры в той или иной мере представлены

среди находок из Забайкалья. Особенно сходны забайкальские острия и заостренные пластинки из якутских памятников. В сумнагинских материалах нет некоторых типов, свойственных пластинчатой индустрии Забайкалья, например, наконечников стрел с боковой выемкой, но последние появляются поздно, вероятно, в финале мезолита, немного позже того периода, когда произошло разделение забайкальской и якутской мезолитических культур.

Население, создавшее впоследствии сумнагинскую культуру, могло проникнуть на территорию Якутии по бассейнам рек Витим и Олекма, берущих начало среди хребтов Забайкалья. Изменения экологической обстановки на грани плейстоцена и голоцена вынудили охотничьи коллективы к адаптации в новых условиях. В Приангарье и Забайкалье началась переориентировка хозяйства на рыбный промысел и охоту на косулю. Возросла подвижность коллективов, на памятниках выражена сезонность. В таежных районах Якутии основным объектом охоты становится лось. Осваивая лесные территории Якутии, сумнагинцы достигли бассейнов Анабара и Оленека, а оттуда по Северо-Сибирской низменности проникли на Таймыр.

Пластинчатые комплексы тагенарской и пясинских стоянок имеют несомненную близость к инвентарю сумнагинской культуры. Так, уже упоминалось, что остроконечники со стоянок Пясина II, Лантошка II и Мал. Коренная II аналогичны остриям со стоянки Белькачи, которые, к сожалению, найдены вне культурного слоя. Наибольшее сходство отмечается между коллекцией со стоянки Тагенар VI и материалами из X—XI слоев стоянки Белькачи I. Особенностью тагенарского комплекса является своеобразный способ обработки микровкладышей крутой ретушью. Возраст X—XI слоев стоянки Белькачи I определяется датами 6750 ± 70 (ЛЕ 698)—5900 ± 70 л. н. (ЛЕ 678) и не противоречит дате из стоянки Тагенар VI — 6020 ± 100 л. н. (ЛЕ 884).

Хронологические и типологические совпадения, отмеченные между материалами стоянок, исследованных на Таймыре и Алдане, свидетельствуют о культурном единстве этих краев, разделенных несколькими тысячами километров тундры, что в свою очередь может рассматриваться как показатель родства заселявших их коллективов.

ГЛАВА II

ТАЙМЫРСКОЕ ЗАПОЛЯРЬЕ В ЭПОХУ НЕОЛИТА

Восточную Сибирь и Крайний Северо-Восток Азии в период раннего неолита можно рассматривать как особый историко-культурный регион, поскольку здесь переход к неолиту связан с формированием культур с керамикой, имеющей на внешней поверхности отпечатки мелкоячеистой сетки, так называемой сетчатой керамикой. В других областях Сибири и Дальнего Востока, на соседних территориях Западной Сибири и Приамурья ранний период неолита характеризуется другими типами керамики. Таймыр, благодаря своему положению, гидро- и орографии, а также вследствие слабой заселенности Севера Западной Сибири, был своими историческими судьбами связан прежде всего с Восточной Сибирью. В раннем неолите территория Таймыра, как будет показано далее, входила в восточносибирскую историко-культурную общность.

Ранний неолит Таймыра (IV тыс. до н. э.)

В 1967—1968 гг., при раскопках одного из интереснейших памятников Таймыра стоянки Абылаах I, верхние горизонты которой дали прекрасный комплекс, относящийся к эпохе бронзы,[1] был выявлен культурный слой, содержащий раннеэолитические изделия.

Стоянка Абылаах I

Стоянка Абылаах I расположена в 17 км выше пос. Катырык на правом высоком берегу р. Хеты, расчлененном многочисленными оврагами и долинами небольших ручьев. При впадении в Хету р. Абылаах расположен высокий (15 м) узкий участок береговой террасы, ограниченный с северо-востока р. Абылаах, а с юго-запада — глубоко врезанной эрозионной ложбиной (рис. 40). Края мыса очень круты. Он вытянулся на запад—северо-запад примерно на 120 м, тогда как ширина его всего 15—20 м. Стоянка расположена в самом широком и ровном месте мыса, в 100 м от уреза воды. Место стоянки с реки незаметно, поскольку правый берег ее зарос лиственничным лесом, который, несмотря на то что район находится в

[1] Рассматривается в главе III.

500 км к северу от Полярного круга, поражает своей густотой, развитым подлеском и крупными размерами деревьев. Помимо даурской лиственницы здесь растут багульник и карликовая береза.

Общая площадь раскопов (рис. 41), заложенных на стоянке, — 125 кв. м, что составляет примерно треть всей пригодной для жилья поверхности мыса. Раскоп вытянут вдоль его северного края, обращенного к долине р. Абылаах, что связано как с распространением находок, так и с расположением деревьев.

Стратиграфия на всей площади раскопа в целом однообразна (рис. 42). Под дерново-почвенным слоем, состоящим из серого гумусированного песка мощностью от 2 до 12 см, залегает желтоватая супесь (2—15 см), местами смешанная с подстилающим ее коричнево-серым суглинком неустановленной мощности. Зафиксированы многочисленные следы криогенных деформаций. Отмечены вспученные участки, неоднократно встречались морозобойные трещины, в том числе две крупные, одна из которых пересекает раскоп с юга на север. Ее ширина доходит до 40 см; она рассекает слои и глубоко уходит в материковый суглинок. Судя по разрывам кострищ, образование мерзлотных деформаций началось после того, как поселение перестало существовать. Культурные остатки приурочены в основном к желтой супеси, хотя отдельные предметы найдены в дерновом слое, а некоторые, вместе с вмещающим их материалом культурного слоя, оказались внедрены по жилам заполнения в толщу материка.

По типологии, подтвержденной в ряде случаев особенностями залегания и стратиграфии, находки делятся на два разновременных комплекса. Более древний из них включает в себя черепки керамики, покрытой по внешней поверхности отпечатками сетки (рис. 44: 4), и орудия, изготовленные из ножевидных пластин. Находки сетчатой керамики немногочисленны (14 экз.). Реконструировать форму сосудов крайне трудно. Единственный обломок венчика с прямым краем и выступом внутрь позволяет говорить, что он принадлежал небольшому (диаметр венчика около 13 см) горшку закрытой (митровидной?) формы. В 1 см ниже края сосуда нанесен ряд круглых ямок, диаметр которых 5 мм. Заметна примесь шамота, угловатые кусочки которого хорошо видны в изломах. Черепки темно-бурого, иногда красноватого цвета и хорошо обожжены, однако имеют плохую сохранность. Хотя керамика из арктических стоянок, как правило, имеет плохую сохранность вследствие естественных причин, слабая прочность здесь, очевидно, связана с типом примеси, особенно неудачной в условиях Арктики. Возможно, именно поэтому впоследствии распространился обычай добавлять в глину шерсть животных.

Снаружи и изнутри сосуды обмазывались глиной, в результате чего некоторые черепки кажутся трехслойными. Толщина их 5—8 мм. Венчик был утолщен наружным подлепом. Внутренняя поверхность гладкая, тогда как внешняя покрыта отпечатками мелкоячеистой сетки. Хорошо заметны ямки от узелков, а также следы тонких жильных нитей, из которых были сплетены сетки. Отпечатки ячеек сетки имеют очертания ромбов с диагоналями 8 × 10, 4 × 7 мм. Их размеры показывают, что для изготовления керамики использовались не рыболовные сети, а либо сетки сумок-ягдташей, либо сетки, специально изготовленные для этих целей. Неглубокие оттиски нитей, а также, как правило, хаотичное расположение оттисков узелков доказывают, что в данном случае сетки не были каркасом, а использовались при обработке поверхности уже вылепленных горшков. Однако эти особенности являются отражением древней традиции формирования сосудов в сетчатых мешках, отмеченной А. П. Окладниковым [1950в: 170, 171] для исаковских сосудов Прибакалья.

Черепки сетчатой керамики были встречены преимущественно в южной части раскопа, на контакте с серым суглинком, подстилающим желтую супесь, содержащую культурные остатки. В кв. 113 черепок с сетчатыми отпечатками был найден вместе с ножевидными пластинками под небольшим кострищем, относящимся к эпохе бронзы.

Пространственное распространение изделий из камня несколько иное. Они встречены преимущественно в западной части раскопа, где залегают на смежных квадратах полосой, тянущейся в меридиональном направлении. Почти все найденные здесь ножевидные пластинки извлечены из нижней части культурного слоя. Особенно четко это заметно в кв. 60 и 82, где они лежали на дне углубления, отделенные от вышележащих находок слоем стерильного песка. Рядом с этой ямой в нижней части желтого слоя были найдены карандашевидный нуклеус из светлой яшмы (рис. 17: 8) и крупный скребок из того же материала (рис. 17: 11), изготовленный на толстом отщепе, причем его брюшко подправлено несколькими сколами, а на спинке сохранилась корка. Скребок имеет крутую ретушь по всему периметру, все его края интенсивно использовались. Первоначально он употреблялся для обработки мягких материалов, скорее всего, кож, в результате чего его края приобрели характерную заглаженность с ясно видимыми штрихами; впоследствии одним из краев скребли по какому-то твердому материалу, отчего на рабочем крае образовались выщербины и заломы. Формой и способом употребления это орудие значительно отличается от многочисленных скребков, принадлежащих к верхнему комплексу с вафельно-рубчатой керамикой, относящихся к черешковому типу.

К северо-востоку от углубления в тех же условиях были найдены 3 листовидных наконечника стрел, изготовленных на пластинах. Все они небольшого размера; только один из них целый (рис. 17: 1). Он изготовлен из светлой яшмы, так же как и один из фрагментированных (рис. 17: 3). Третий, у которого обломлены оба конца, изготовлен из кремнистого сланца (рис. 17: 2). Наконечники оформлены плоской пологой ретушью, нанесенной на брюшко, двусторонней подправке подверглись лишь концы изделий.

Из пластинок светлой яшмы изготовлены и угловые резцы (рис. 17: 4—7). Три из них — укороченных пропорций, а для четвертого использована пластинка, ранее служившая ножом.

Шесть ножевидных пластинок ретушированы по краю (рис. 17: 10, 12—16). Они изготовлены из кремнистого сланца и яшмы. Один из таких вкладышей был найден вместе с черепком сетчатой керамики под кострищем № 6 в кв. 113, другой — на дне углубления в кв. 60.

К этой группе находок примыкает обломок пластинки с ретушью, найденный в основании желтого песчаного слоя под кострищем № 3. Сильно изогнутый дистальный конец этой пластинки, сколотой с нуклеуса из серого кремнистого сланца, отретуширован с обеих сторон, что заметно уменьшило степень изгиба и дало возможность использовать ее, судя по сработанности краев, как нож (рис. 17: 9). Многие пластинки, использованные аналогичным образом, ретуши не имеют.

Вследствие мерзлотных деформаций слоя в его нижней части оказались изделия, принадлежащие к вышележащему комплексу: остро- и овальнообушковые скребки, тонкие, полностью ретушированные проколки, треугольные наконечники стрел с прямым основанием. Большая их часть изготовлена из халцедона. Однако следует упомянуть еще два предмета, относящихся к изделиям раннего комплекса. Это крупная уплощенная кварцевая галька-отбойник, имеющая забитость на обоих концах (найден в серой супеси под красным пятном прокаленной земли, содержавшим наход-

ки эпохи бронзы), и массивный тругольный в сечении скол белой яшмы, использовавшийся в качестве грубой проколки-развертки.

Следов кострищ раннего этапа заселения стоянки не выявлено. На стыке кв. 5 и 9 в серой супеси расчищено скопление небольших галек. В материковом грунте они не встречаются и, видимо, являются следствием какой-то деятельности.

Необходимо подчеркнуть, что к комплексу сетчатой керамики и сопровождающего ее каменного инвентаря нами отнесены предметы, встреченные только в основании разреза и типологически отличные от комплекса эпохи бронзы. Для нижнего комплекса характерны изделия из ножевидных пластин и использование типов сырья, известных на мезолитических—ранненеолитических стоянках Тагенара и Пясины (см. выше). Светлые яшмы и темно-серый кремнистый сланец типичны именно для ранних памятников Таймыра, что подтверждают находки из другой ранненеолитической стоянки Глубокое I.

Стоянка Глубокое I

Стоянка Глубокое I находится на юго-западе Таймыра на расстоянии около 400 км по прямой от стоянки Абылаах I. Оз. Глубокое, где она была открыта в 1973 г., лежит у подножия северо-западных склонов гор Путорана и входит наряду с озерами Мелким, Собачьим и Лама в систему озер неотектонического происхождения, соединяемую р. Норилкой с оз. Пясино. Озера представляют собой каньонообразные углубления между высокими (около 1000 м) горами с выраженной вертикальной зональностью: у подножий распространен лес северотаежного типа, тогда как плоские вершины заняты тундрой. Озера связаны между собой порожистыми речками. Такая растительность и должна была почти без изменений сохраняться в этом районе, начиная с атлантического периода, после освобождения гор Путорана от ледников. Озера богаты рыбой, но олени и горные бараны держатся здесь небольшими группами, и добыча их затруднена.

Таким образом, этот район резко отличается по условиям обитания от участка долины р. Хета, где расположено поселение Абылаах I. Однако в атлантический период разница между этими двумя районами была, по-видимому, меньшей, чем в настоящее время.

На южном берегу оз. Глубокого, к западу от устья р. Бадиха, высокая крутая 20-метровая терраса отделена от вод озера широкой полосой низины современного берега. На мысу, образованном краем террасы, обращенным к озеру, и долиной р. Бадиха, и была обнаружена стоянка Глубокое I. Распространение находок, приуроченных к озерному фасу террасы, было ограничено небольшим ровным участком поверхности. Раскоп (21 кв. м.) исчерпал практически всю основную часть древнего поселения. На этом удобном мысу было совершено детское захоронение, вероятно, долганское, частично нарушившее культурный слой памятника.

Стратиграфия его однообразна, хотя и отмечен ряд криогенных деформаций. Под дерново-почвенным слоем (6—10 см) залегает светло-коричневая супесь с примазками угля (3 см), переходящая в темно-коричневый, местами углистый с линзами кострищ, культурный слой (1—5 см); ниже снова встречается светло-коричневая супесь, сменяющаяся на глубине 20 см от поверхности темно-коричневой супесью, в которой начинают встречаться гальки.

Выявлено 4 кострища, три из которых тяготеют к верхней границе культурного слоя, а одно — к нижней. Вследствие маломощности отложений разделить находки стратиграфически трудно, в какой-то мере это позволяет сделать типологический анализ.

Прямо под дерном находились изделия из металла, в том числе железный нож прекрасной сохранности, который может быть датирован началом нашей эры.

Каменный инвентарь и керамика встречались преимущественно на глубине 13—18 см в гумусно-углистой прослойке около кострищ. Ряд типологически ранних изделий залегает под этой прослойкой в светло-коричневой супеси. Исходя из стратиграфических наблюдений и типологии находок, их можно разделить на два комплекса. К раннему следует отнести две пластинки с краевой ретушью на брюшке, служившие вкладышами, которые лежали в светло-коричневой супеси под одним из кострищ (рис. 18: 8, 9). В этой же супеси был найден угловой резец (рис. 18: 3). К этому же комплексу относятся найденные в нижней части культурного слоя листовидный наконечник стрелы, сделанный из призматической пластинки, угловой резец, пластинка-вкладыш с полностью ретушированным брюшком и 4 скребка (рис. 18: 1, 2, 10, 4—7). Два из них — концевые. Третий, изготовленный из поверхностного скола яшмовидной породы, относится к подпрямоугольному листовидному типу. Еще один скребок из белого кремнистого материала имеет острообушковую форму.

Возможно, к этому же комплексу относятся угловой резец и пластинка, у которой грубая ретушь на брюшке оформляет наподобие черешка один из концов (рис. 18: 12, 11). Эти изделия происходят из верхней части культурного слоя, но типологически близки находкам из его нижней части.

Немногочисленные отщепы большей частью мелкие. В верхней части слоя найдено 68 отщепов и 23 пластинки, в нижней — соответственно, 39 и 22. При наличии 23 обработанных изделий это указывает на то, что орудия на стоянке практически не изготовлялись, что подтверждается и характером сырья. Использованные кремнистые породы разнообразны, но представлены большей частью единичными отщепами. Преобладают отщепы серо-зеленого кремнистого сланца (68 шт.). Из этого сырья сделано всего 2 орудия; примечательно, что типологически они близки ранним формам (угловой резец и скребок концевого типа) и найдены в нижнем горизонте.

К нижней части слоя относятся фрагменты округлого днища и стенок небольшого сосуда. Диаметр его в средней части был около 15 см. Отдельные фрагменты его стенок встречались и в верхней части слоя. Поверхность тулова горшка, имеющая шнуровые отпечатки, создает впечатление, что он формировался при помощи выбивной лопаточки, обмотанной шнуром, однако в придонной части сохранились оттиски крупноячеистой сетки. Она сплетена из толстых шнуров; ее ромбовидные ячейки имеют диагонали 10 × 15 мм. Толщина стенок сосуда — 7—8 мм, цвет темно-бурый, в состав теста входил крупный песок. Верхняя часть горшка не найдена, что затрудняет его реконструкцию, но, судя по нижней, он был круглодонный митровидной формы.

Комплексы нижних слоев стоянок Абылаах I и Глубокое I сходны набором орудий, изготовленных из ножевидных пластинок, в число которых входят листовидные наконечники стрел, и небольшими по размеру горшками митровидной формы с «сетчатым» технологическим орнаментом на поверхности. Аналогичны они и по каменному сырью. К числу подобных памятников можно отнести стоянки Пясина VII и VIII.

Стоянка Пясина VIII

Стоянка Пясина VIII расположена на правом берегу р. Пясины в 77 км от ее истока, в устье небольшого ручья. При зачистке берегового обрыва в коричневатой гумусной прослойке, залегающей на глубине 10 см от дневной поверхности, были обнаружены черепки толстостенной (7—8 мм) керамики с пересекающимися отпечатками толстого шнура на поверхности, чем она сильно напоминает керамику из стоянки Глубокое I. Вместе с черепками были найдены ножевидные пластинки из кремнистого сланца и розоватой яшмы и сделанный из такой же яшмы скребок с сильно сработанным лезвим (рис. 19: 8). Эти находки позволили выделить среди подъемного материала еще два скребка на отщепах из того же сырья, скребок на конце пластинчатого отщепа кремнистого сланца, обломок наконечника стрелы, оформленный краевой ретушью на пластинке розовой яшмы, а также пластинчатый отщеп, приостренный краевой ретушью наподобие наконечника (рис. 19: 10, 11, 20, 6, 2).

Черепок аналогичной керамики был найден на острове (стоянка Пясина VII) в 3 км выше стоянки Пясина VIII.

От мезолитических памятников Таймыра материалы этих стоянок отличает только форма наконечников стрел, скребки на отщепах и наличие керамики. Если бы последняя отсутствовала, каменный инвентарь стоянок позволил бы отнести их к мезолиту. Преемственность в развитии инвентаря доказывает, что становление раннего неолита Таймыра явилось не результатом проникновения сюда нового населения, а связано с дальнейшим развитием аборигенной культуры эпохи мезолита, заимствовавшей приемы изготовления керамики от южных соседей.

Сетчатая керамика, появившаяся в южной части Восточной Сибири в V тыс. до н. э., в IV тыс. до н. э. распространилась уже по всей территории региона, включая Чукотку. Поскольку распространение ее шло в среде населения, имевшего культуру мезолитического облика, каменный инвентарь раннего неолита сохранил многие черты мезолитическмх культур. Возраст сыалахской культуры Якутии, сменяющей мезолитическую сумнагинскую, определяется в пределах 5970 ± 70 (ЛЕ 676)—4760 ± 60 л. н. (ЛЕ 736), т. е. IV тыс. до н. э. [Мочанов, Федосеева, 1975а]. Наиболее ярким признаком, позволяющим отнести сыалахскую культуру к неолиту, является керамика, представленная горшками митровидной формы с сетчатой поверхностью, украшенная у слегка утолщенного венчика пояском ямок. Иногда в верхней части горшков встречается налепной валик с насечками. Каменный инвентарь сохраняет мезолитические традиции, продолжается широкое употребление орудий, изготовленных из ножевидных пластинок: угловых резцов, скребков и т. е. Появляются пластинчатые листовидные наконечники стрел, а также двустороннеобработанные орудия на отщепах и шлифованные топоры и тесла.

В Прибайкалье ранний период неолита представлен исаковской культурой, пришедшей на смену хиньским памятникам эпохи финального мезолита. Керамика этой культуры, так же как и китойской, относится к типу сетчатой. Вероятно, она синхронна последней, для которой получены даты 5720 ± 50 (Китойский могильник, могила № 13, ЛЕ 1076) и 6550 ± 35 л. н. (о. Ольхон, СОАН 790).

Заметное сходство, выявленное типологическим сопоставлением материалов из бассейнов Анабара и Оленека с сыалахскими находками из многослойных памятников Алдана, говорит о возможном проникновении сыалахской культуры далеко на северо-запад. С ее влиянием можно связывать начало эпохи неолита на Таймыре. Так, комплексы стоянок Абылаах I и

Глубокое I близки материалам ранненеолитических стоянок Оленека и Средней Лены. На ближайших к Хете стоянках бассена Оленека — Абыналаах и Хорбусуонка I найдены черепки сетчатой керамики, сопровождаемые комплексами орудий на пластинках, и в их числе — наконечниками стрел [Константинов, 1970: 83, 91].

На неолитическую культуру Таймыра, несомненно, оказали влияние и одновременные сыалахским памятники Эвенкии. Ранний неолит здесь хорошо представлен на стоянках Тура I на р. Нижняя Тунгуска [Андреев, Студзицкая, 1968: 153; 1969: 207], где вместе с сетчатой керамикой и типичными неолитическими орудиями в большом количестве встречены орудия из ножевидных пластинок: концевые скребки, угловые резцы и резчики, вкладыши и т. е. Среди находок есть и наконечник стрелы на ножевидной пластинке, оформленный приострением ее концов вентральной ретушью, однако типологически инвентарь памятника заметно ближе к материалам исаковской и серовской культур неолита Прибайкалья, чем к сыалахским.

Таким образом, истоки керамических традиций Таймыра могут лежать как к югу, так и к востоку, что связано с двумя основными путями, ведущими в Таймырское Заполярье, — из Эвенкии по долинам рек Енисей и Котуй и из Якутии — по Северо-Сибирской низменности. Однако ранненеолитические культуры Эвенкии и Якутии во многом схожи и, возможно, представляют собой еще не выявленные локальные варианты одной культуры. На возможность выявления локальных различий в массиве сыалахских памятников указывает своеобразие ранненеолитических комплексов Верхнего Вилюя [Федосеева, 1970б: 67], расположенных между сыалахскими стоянками бассейнов рек Лена и Алдан, и одновременными им памятниками обеих Тунгусок.

Что касается ранненеолитических памятников Таймырского Заполярья, то, признавая их генетическую связь с местным мезолитом, логично рассматривать последние как самостоятельную культуру, которая может быть названа глубокоозерской, входящую как локальный вариант в обширную ранненеолитическую общность севера Восточной Сибири.

Имея в виду возникновение керамического производства вообще, нельзя не отметить, что это одно из проявлений конвергенции в общем развитии материальной культуры человека. Одним из центров изобретения и распространения керамики, возможно, был южный из четырех главных островов Японии — Кюсю. Самый ранний из известных здесь линейно-рельефных типов керамики найден в III слое пещеры Фукуи, который датирован 12 700 ± 500 л. н. Керамика II слоя имеет возраст 12 400 ± 350 [Ikawa, 1964: 99, 100; Чард, Морлан, 1970: 117, 118, 126]. Таким образом, появление керамической культуры дземон относится еще к концу плейстоцена. Довольно быстро распространившись по о. Хонсю, керамика достигла Хоккайдо примерно в VII тыс. до н. э. [Oda, Keally, 1975].

Другой центр (или ряд независимых центров), где появилась керамика, находился в Передней Азии. Предполагается, что она появилась практически одновременно в сирийско-малоазийском регионе и на ирано-иракской территории. Ранние образцы керамики относят здесь к VII тыс. до н. э.

В каждом из указанных центров появление керамики было обусловлено своими причинами. Наблюдаются различия и в технологических принципах ранних керамических производств. Особый способ изготовления ранней восточносибирской сетчатой керамики показывает, что и здесь керамическая посуда была изобретена самостоятельно. Появившись где-то на юге Восточной Сибири, сетчатая керамика быстро распространилась среди соседних культур; уже в IV тыс. до н. э. она становится обычной для всей Восточной Сибири и достигает Чукотки. На основании сходства таймырского раннего

неолита и сыалахской культуры Якутии, а также результатов абсолютного датирования можно предполагать, что и на Таймыре ранние образцы керамики *со стоянок* Глубокое I и Абылаах I должны относиться к IV тыс. до н. э.

Другие ранненеолитические памятники Таймыра

К этому времени следует отнести и часть стоянок Таймыра, на которых не сохранилась керамика. О материалах некоторых стоянок, которые могут быть отнесены как к мезолиту, так и к раннему неолиту (Капканная II, Пясина XV, Мал. Коренная III, Холодная V, Лабаз V, VI и IX), а также о возможном ранненеолитическом возрасте стоянки Мал. Коренная I говорилось выше.[2] К этому же времени могут быть отнесены находки со стоянок Дюна II, Новорыбное II и Новая VII.

Стоянка Дюна II находится на левом берегу р. Пясины в 71 км от ее истока. Здесь были собраны обломки 4 пластинок и нуклеуса из кремнистого сланца, 3 пластинки из коричневато-дымчатого кремня и отщеп черного кремнистого сланца, подправленный краевой ретушью. По-видимому, он являлся заготовкой *миндалевидного наконечника стрелы*.

Местонахождение Новорыбное II расположено на правом берегу р. Хатанги близ пос. Новорыбное. Здесь найден иволистный наконечник стрелы, изготовленный из крупной ножевидной пластинки розоватой яшмы, дорсальную поверхность его почти сплошь покрывает косая стелющаяся ретушь, от которой свободна только центральная часть с ребром. На брюшке пластинки ретушью оформлены лишь острие и насад (рис. 14: 4). Подобные наконечники найдены в VII, самом раннем сыалахском слое стоянки Белькачи I [Мочанов, 1969: табл. 15: 1, 2, 5].

Описание ранненеолитических стоянок завершим каменными изделиями **стоянки Новорыбное I-б**, которая может относиться и к следующему этапу неолита. На ней собрано 59 пластинок и их сечений, призматический нуклеус (рис. 15: 5) и нож-скребок копьевидной формы, сделанный из крупной пластины или пластинчатого отщепа (рис. 14: 1). Одна его сторона сплошь обработана плоской ретушью, а округлый рабочий край — крутой ретушью. Другие края обработаны приостряющей ретушью. Из 8 мелких отщепов только 2 из другого материала — черного кремнистого сланца, причем они сколоты со шлифованного орудия.

Сетчатая керамика, таким образом, является важнейшим культурным признаком для памятников раннего неолита. Хотя ее изготовление продолжалось и на следующем этапе неолита Таймыра, она приобретает другие черты. В связи с этим в заключение этого раздела попытаемся кратко определить основные типы сетчатой керамики, встречающиеся в таймырских *неолитических памятниках*.

По характеру отпечатков сетчатую керамику можно разделить на 4 основных типа:

1. мелко- или крупносетчатая керамика. На ее поверхности сохраняются ясно видимые отпечатки ячеек сетки;

2. сетчато-ямчатая керамика. На ее поверхности сохраняются редкие отпечатки выпуклых узелков сетки;

3. сетчато-тканевая керамика. Отпечатки сетки плотно покрывают поверхность сосудов, создавая впечатление отпечатков плетеной или вязаной ткани;

---

[2] См. главу I.

4. сетчато-шнуровая керамика. Оттиски сетки на ней не дают представления о форме ячеек, а, будучи заглаженными, выглядят как отпечатки выбивной лопаточки, обмотанной шнуром.

Встречаются сосуды, на поверхности которых в разных сочетаниях имеются отпечатки разного типа. Такую керамику можно называть просто сетчатой. Хорошим образцом ее является горшок со стоянки Глубокое I, на стенках тулова которого видны как бы шнуровые отпечатки, а на днище сохранились отпечатки крупных ячеек.

Отпечатки сетки на сосудах могут быть вызваны не только лепкой горшка в сетке, обжиманием или заглаживанием с помощью сетки, но и употреблением выбивной лопатки, обмотанной ею. В любом случае «сетчатый» орнамент связан с особенностями ранних технологий производства керамики.

Неолитические памятники III—II тыс. до н. э.

Раннесуббореальное похолодание, начавшееся в конце IV тыс. до н. э., по-видимому, не имело серьезного влияния на неолитическую культуру Таймыра. Первая половина III тыс. до н. э. была еще теплой, но климат стал суше, континентальнее. Древесная растительность сохранялась в тех же пределах, что и в атлантический период, однако ее породный состав начал изменяться. По разрезу мыса Каргинского на Енисее установлено, что этот район входил в подзону ольхово-березовых лесов с примесью лиственницы и ели [Фирсов и др., 1974], а в центральной области Таймыра, судя по диаграммам из разреза на стоянке Тагенар VI, были распространены лиственничные леса центральносибирского типа [Левковская и др., 1972]. Начиная с середины III тыс. до н. э. климат стал ухудшаться. Анализ СПК из упомянутых разрезов показывает, что в это время вблизи мыса Каргинского господствовала лесотундра, а в районе р. Тагенарки еще сохранялась северная тайга. Но в целом и во вторую половину суббореала климатические условия на Таймыре все еще оставались лучше современных.

Стоянки с белькачинской керамикой

К III тыс. до н. э. относится появление на Таймыре памятников трех культур. С одной из них связана **стоянка Хатанга II** (Куччугуй-Юрях I), открытая А. П. Окладниковым в 1945 г. и поглощенная ныне разросшимся поселком Хатанга [Окладников, 1947а]. На стоянке около двух кострищ были найдены большой треугольный нож, 7 скребков из отщепов, почти полностью ретушированные; 2 многофасеточных резца, подобных нуклевидным; узкие, вытянутые наконечники стрел с вогнутым основанием и асимметричными шипами; обломки шлифованных тесел, ножевидные пластинки и другие изделия из халцедона и кремнистого сланца. В кострище оказался обломок костяной основы вкладышевого орудия с глубоким пазом — явление редкое для Таймыра, где кость на ранних стоянках сохраняется плохо. Керамика представлена фрагментами одного большого горшка с округлым дном, имеющим нарочитое приострение. Внешняя поверхность черепков покрыта технологическими шнуровыми отпечатками — результатом формовки сосуда ударами колотушки, обмотанной толстым шнуром.

А. П. Окладников весьма точно отнес эти находки к развитому неолиту Якутии, указав на большое их сходство с материалами среднеленских стоянок Куллаты и Мал. Мунку [Окладников, 1947а: 44; 1950б: 21—79; 1955а:

85]. После обнаружения многослойных стоянок на Алдане, ставших опорными памятниками неолита Якутии, эти среднеленские стоянки отнесены к белькачинской культуре, датируемой *5000 ± 100—3900 ± 100 л. н., т. е.* к III тыс. до н. э. [Мочанов, 1969; Мочанов, Федосеева, 1975а].

Комплекс орудий из стоянки Хатанга II во многом совпадает с каменным инвентарем белькачинской культуры, который состоит из обычного для развитого неолита набора двустороннеретушированных и шлифованных изделий. Продолжали употребляться изделия из ножевидных пластинок. Существенные изменения произошли в технологии изготовления керамики, для формовки которой использовался метод выбивания лопаткой, обмотанной шнуром, из-за отпечатков которого белькачинскую посуду называют «шнуровой». Еще одним ее характерным признаком является налепной валик, который утолщает венчик. У края венчика наносили ряд тонких сквозных отверстий.

Керамика белькачинского типа была найдена еще на трех стоянках Таймыра. На нижней площадке **стоянки Пясина IV** оказались черепки сероглиняного тонкостенного (0.4—0.5 мм) сосуда, у которого отпечатки тонкого витого шнура, судя по изгибу черепков, располагались на поверхности вертикально. К сожалению, из подъемного материала, сопровождающего керамику, трудно выделить действительно сопутствующий ей инвентарь. Среди находок выделяются изделия из пластинок кремнистого сланца, которые, как было показано выше, относятся к мезолиту. Имеется также легко отличимая керамика эпохи железа, которая обычно не встречается вместе с ножевидными пластинками и орудиями из халцедона. По этой причине кажется уместным связывать со шнуровой керамикой халцедоновые изделия — пластинки, скол с конического нуклеуса, концевой вкладыш, клинок вкладышевого ножа, треугольный наконечник стрелы и 6 скребков на сколах и отщепах. Предположительно вместе с ними можно рассматривать и несколько пластинок из белой кремнистой породы, найденных как на нижней, так и на средней площадках.

Мелкие черепки керамики с плохо сохранившимися отпечатками тонкого шнура были собраны и на стоянке **Пясина II**. Вместе с ними на небольшой площади собраны один целый и один сломанный плоскоспинный нуклеус из розовой яшмы (рис. 20: 19, 20), скол с нуклеуса белой кремневой породы, 29 пластинок из светлого кремня, розовой яшмы и халцедона, 8 пластинок из серого кремнистого сланца. Из розовой яшмы и кремнистого сланца изготовлены 9 пластинок-вкладышей (рис. 20: 9—15), 2 пластинки со скошенным концом и 5 пластинок с мелкой краевой ретушью на брюшке. Одна пластинка при помощи вентральной ретуши заострена для употребления в качестве проколки (рис. 20: 2). Из пластинчатого скола краевой ретушью оформлен треугольный наконечник стрелы (рис. 20: 1). Обломок скребка из скола малиновой яшмы был превращен в срединный резец (рис. 20: 3). Плитку песчаника использовали как пилку (рис. 20: 17). Большое количество отщепов и сколов из того же сырья, что и использованное для изделий. Крупные отщепы темно-серого кремнистого сланца сняты с какого-то шлифованного изделия. Около скопления пережженных растрескавшихся камней (кострища?) найден кусочек рога со следами пиления и кальцинированные фрагменты костей, среди которых оказался обломок орудия, возможно, проколки.

Стоянка Боярка I расположена на правом берегу р. Хета выше устья впадающей в нее р. Боярка. При раскопках была обнаружена толстостенная керамика (7—8 мм), на поверхности которой заметны отпечатки грубой плетеной ткани-рогожки, напоминающие иногда плетение из толстых шнуров. На черепках видны следы орнамента в виде прочерченных палочкой полос,

расположенных рядом. Вместе с этой керамикой были найдены черепки с четкими параллельными оттисками витого шнура — типично белькачинские. С этими двумя типами керамики залегали бочонковидный нуклеус с двумя противолежащими площадками (рис. 21: 12), 5 скребков на аморфных сколах халцедона и кремня, угловой резец на призматической пластинке (рис. 20: 4), реберчатая пластинка со следами использования в качестве бокового скребка, обломок вкладыша или наконечника стрелы и фрагмент какого-то крупного изделия. Ножевидные пластинки получены с нуклеусов из разнообразного материала — яшмы, халцедона, кремня и кремнистого сланца коричневого цвета. На стоянке выявлено «рабочее место мастера» — участок площадью 0.3 кв. м, где собрано около 1000 халцедоновых отщепов.

К белькачинской культуре могут быть отнесены также материалы некоторых других стоянок Восточного Таймыра, на которых отсутствует керамика, и в первую очередь находка из пункта 1 стоянки Блудная II. Это наконечник стрелы вытянуто-листовидной формы с округлым основанием, изготовленный из розовой яшмы. Его поверхность обработана косой стелющейся ретушью (рис. 14: 3). Подобные наконечники характерны для белькачинской культуры. Грубая заготовка аналогичного наконечника найдена на стоянке-мастерской Новорыбное VI (рис. 16: 5).

На стоянке **Новая VII** вместе с крупными сколами кремнистого сланца, 27 ножевидными пластинками и множеством мелких отщепов из светло-розовой яшмы и кремнистого сланца был найден массивный пластинчатый скол с карандашевидного нуклеуса из розовой яшмы (рис. 14: 2). Дистальный конец пластины приострен грубой небрежной ретушью. Вторым изделием является нож-скребло, изготовленный из крупной пластины серо-зеленого кремнистого сланца (рис. 16: 2). Ретушью, заходящей на спинку, приострен выпуклый край пластины, тогда как другой обработан крутой ретушью и использовался как скребло.

К памятникам, связанным с белькачинской культурой по типам изделий и сырью, можно было бы отнести и некоторые другие стоянки как Восточного, так и Западного Таймыра, но, поскольку встреченные на них типы орудий могут принадлежать и к неолитическим, и к раннебронзовым культурам, я хотел бы остановиться на их характеристике в заключительной части главы. Можно предполагать также, учитывая малую распространенность белькачинских памятников на Таймыре, что численность носителей этой культуры, проникших далеко на северо-запад от основного ареала, была невелика. Примечательно, что и на северо-западе Якутии шнуровая керамика найдена пока лишь на стоянке Хорбусуонка I [Константинов, 1970]. Возможно, широкому расселению на Таймыре белькачинцев в III тыс. до н. э. помешало присутствие на востоке региона другого населения, следы которого отмечают стоянки Маймече I и IV.

Стоянки с сетчатой керамикой (памятники культуры Маймече)

Стоянки Маймече I и IV расположены на правом высоком берегу р. Хета, ниже пос. Катырык, выше устья впадающей в Хету р. Маймече, соответственно в 3 и 2 км. Правый берег, высота которого 11—13 м, густо зарос даурской лиственницей и в районе стоянок отделен от основного русла реки неширокой поймой, пересыхающей протокой и большим, затопляемым в половодье намывным о. Боро. Берег расчленен оврагами и долинами многочисленных ручьев. На его мысовидных выступах и располагаются древние стоянки.

Стоянка Маймече I

Стоянка Маймече I занимает стрелку левого борта долины одного из ручьев (рис. 23). Мыс имеет небольшой, около 200 кв. м, участок ровной поверхности. Раскоп, заложенный в его центре в 1967 г., дал малое число находок. Дальнейшие раскопки в 1968 и 1972 гг. показали, что наиболее насыщенным оказался участок культурного слоя, протянувшийся вдоль западного края мыса, обращенного к р. Хета. Выгоды такого местоположения очевидны.

Раскоп 1968—1972 гг., площадь которого 54 кв. м, исчерпал основную часть стоянки. Стратиграфия стоянки вполне обычна для этого региона, где культурные остатки залегают чаще всего на малой глубине: дерново-почвенный слой — 7—12 см; желтоватый песок — 6—10 см; ниже — серый суглинок. Отмечены мерзлотные деформации слоя в виде мелких мерзлотных клиньев. Большой клин, возле которого наблюдалось оползание слоя и глубокое проникновение находок в материковый горизонт, пересекает раскоп с юго-запада на северо-восток. Находки залегают под дерном и в супеси. Мощность деятельного горизонта около 50 см.

В восточной части раскопа, где сосредоточено подавляющее большинство находок, были выявлены и остатки жилого комплекса. Здесь был обнаружен гумусно-углистый слой мощностью 6—7 см, залегающий в основании песчаного слоя, на некоторых участках перекрытый прослойкой суглинка. Он состоял из чередовавшихся тончайших черных, коричневатых и красноватых прослоек. По простиранию слой представлял собою пятно площадью 4—5 кв. м. С юго-востока оно имело округлые очертания и ограничивалось уступом, сделанным в суглинке (рис. 24). Его наибольшая высота — 25 см. С юго-запада и северо-востока пятно имеет расплывчатые очертания, с северо-запада его край рассечен упоминавшимся мерзлотным клином. Уровень залегания пятна у юго-восточного края — 30—35 см; к северо-западу глубина значительно меньше. Как было установлено, пятно оказалось заполнением котлована диаметром 2.5—3 м с крутыми невысокими стенками, который может быть интерпретирован как основание углубленного жилища типа «голомо».

У северного края жилищного пятна на глубине 12 см найден большой камень-голыш с плоской поверхностью, на котором лежали крупные отщепы зеленоватого кремнистого сланца. Отщепами была насыщена и нижняя часть песчаного слоя на расстоянии 1.5—2 м к югу и западу от этого камня, служившего наковальней при расщеплении галек зеленовато-серого кремнистого сланца. На площади в 4 кв. м здесь было собрано свыше 2000 отщепов от таких галек, площадь распространения которых совпадает с очертаниями гумусно-углистого пятна, а за его пределами их количество резко сокращается. Очевидно, следует предположить, что наковальня стояла в жилище на уступе нар. Другой подобный голыш диаметром 15 см лежал к востоку от пятна, за его пределами. В центрах уплощенных боковых поверхностей этого камня имеются сильно забитые зоны, указывающие на то, что он также служил для раскалывания камней, но отщепов вблизи него обнаружено мало. Еще один плоский булыжник-наковальня, со следами забитости в центрах плоских сторон, находился в кв. 52. На нем и около него найдено большое количество отщепов и 3 гальки-отбойника с характерно забитыми концами.

Культурный слой стоянки содержал небольшое количество черепков глиняной посуды. Найденные фрагменты принадлежат не менее чем 6 однотипным сосудам (рис. 25, 26). Это круглодонные горшки, изготовленные из глины, смешанной с шерстью оленя и изредка с кусочками шамота. В за-

висимости от размеров сосудов находится толщина их стенок. Так, горшок с диаметром венчика 12 см — тонкостенный (3 мм), тогда как у другого, имевшего диаметр устья около 20 см, толщина стенок 6—7 мм. Лепка стенок производилась кусками, в два слоя. Край горшка снаружи немного утолщался налепом в 2—2.5 см шириной, образующим характерный валиковый венчик. Обрез края скругляли или оставляли прямым. Поверхность горшков испещрена ямками от обжима, выполнявшегося крупноузелковыми сетями. По этой причине черепки напоминают так называемую текстильную керамику или, согласно предлагаемой терминологии (см. выше), относятся к сетчато-ямочному типу. Только на небольшом числе фрагментов встречаются четкие отпечатки ячеек с размерами диагоналей 3 × 5 и 5 × 5 мм. Валиковый венчик иногда украшали горизонтальными линиями из отпечатков мелкозубчатого штампа, после чего в венчике у края протыкали ряд маленьких сквозных отверстий, опоясывающих его, а затем сосуды подвергали обжигу, придававшему им черный цвет.

Состав орудий, найденных на стоянке, однообразен. Они изготовлены преимущественно из халцедона; небольшое их число сделано из серо-зеленого кремнистого сланца.

Наиболее четкую группу составляют проколки (рис. 27: 14—18). Их 5 штук, две из них залегали в гумусном пятне жилища. Все они относятся к плечиковому типу; две из них изготовлены на пластинках, три — на отщепах. Тонкое острие длиной 3—6 мм, так же как и плечики, тщательно оформлялось мелкой ретушью. Тело проколок невелико. К этим типологически четким экземплярам примыкает проколка, для которой был использован острый халцедоновый отщеп (рис. 27: 19).

В большом числе найдены вкладыши и вкладышевые ножи. Некрупных вкладышей, которые могли входить в состав длинных лезвий, всего 2 (рис. 27: 7, 8). Это узкие (8 мм), полностью ретушированные пластины, вставлявшиеся в паз более тонким краем. Их лезвия имеют сильные следы сработанности. Вкладышевые ножи (6 экз.) — пластины большей величины — представлены обломками шириной от 15 до 22 мм (рис. 27: 10—13), для которых характерна намеренная асимметричность краев. По-видимому, длина орудий превышала 6 см. Вероятно, таким вкладышем является и пластинчатый отщеп с неполной обработкой поверхности (рис. 27: 9). Вкладышевые клинки делались преимущественно из халцедона, превосходящего по прочности местные сланцы. Однако в коллекции имеется прекрасный полулунный шлифованный нож, изготовленный из отщепа серо-зеленого сланца (рис. 27: 6), который имеет одностороннюю заточку, удобную для чистки рыбы и строгания дерева, характерную и для современных нганасанских и долганских ножей.

Своеобразным изделием, часто встречающимся в таймырских памятниках, является угловой резак — небольшое орудие, у которого два края, оформленные как лезвия ножей, сходятся под углом 70° (рис. 27: 23). Угол схождения лезвий, как удалось заметить при изучении материалов других стоянок, может варьировать от 65° до 100°.

Вероятно, к режущим орудиям относится также изделие из крупного куска халцедона, по форме напоминающее скребло или обломок тесла. Его выпуклый край оформлен крупной ретушью, другой, слабовогнутый, слегка приострен и имеет следы сработанности (рис. 27: 24).

На стоянке встречен всего один тщательно обработанный скребок (рис. 27: 1), изготовленный из халцедона и имеющий полностью ретушированную поверхность. Четыре других орудия, отнесенные к скребкам, изготовлены из грубых отщепов и имеют ретушь только по рабочему краю (рис. 27: 2—5); один из них служил для обработки выпуклых поверхно-

стей (рис. 27: 2). Интересен халцедоновый микроскребок длиной 1.5 см, имеющий слабовыпуклый рабочий край, обработанный мельчайшей ретушью.

Малочисленность скребков, отмечаемая на стоянке Маймече I, — явление не вполне обычное для Таймыра. Странным кажется и отсутствие на поселении наконечников стрел четких форм. Так, на однокультурной стоянке Маймече IV они представлены несколькими типами, тогда как на Маймече I встречено только три таких орудия, небрежно оформленных на отщепах халцедона и напоминающих треугольные наконечники со скошенным основанием (рис. 27: 20—22). Кроме того, следы утилизации на их лезвиях указывают, что они могли служить и как режущие орудия. Помимо указанных предметов обломками наконечников стрел, возможно, являются еще два небольших фрагмента каких-то орудий.

В пределах жилища найден обломок абразивного камня, вторая половина которого оказалась в заполнении большого мерзлотного клина. Размеры абразива — 7 × 12 × 50 мм. На поверхности его имеются желобки, образовавшиеся в результате заточки каких-то острий (рис. 27: 31).

Встречено несколько кусков пористого песчаника со следами использования их в качестве абразивов, применявшихся для шлифовки и пиления сланцевых пород, куски и отщепы которых со следами такой обработки найдены на стоянке. На стоянке Маймече I из галек кремнистого серо-зеленого сланца, собиравшихся по берегу Хеты во второй половине лета, когда обнажались галечники, изготавливались шлифованные орудия. С таким производственным характером поселения, по-видимому, связан не совсем обычный для охотничьих стоянок Арктики инвентарь, особенностью которого является малое количество скребков и наконечников стрел.

На площади раскопа собрано в общей сложности 4302 отщепа, среди которых ничтожное количество халцедоновых. Столь же малочисленны ножевидные пластинки (39 экз.), среди которых к тому же единичны предметы с четкой огранкой. Найден один конический халцедоновый нуклеус, неудачно расколотый и брошенный на стоянке. После поломки была предпринята попытка снимать пластинки с его частей, а затем обломок его нижней части был подправлен и утилизирован как скребок. Это изделие, единственное из всех халцедоновых поделок, имеет белую патину. Обломок верхней части нуклеуса пережжен. Склеенный нуклеус имеет высоту 42 мм (рис. 27: 25), однако некоторые пластинки достигают 50 мм длины.

Самым замечательным открытием, сделанным на стоянке Маймече I, следует считать находку лабретки — украшения, вставлявшегося в отверстие, протыкавшееся около рта. Она по очертаниям напоминает цифру 1. Асимметричность ее формы позволяет предполагать, что лабретка была латерального типа, т. е. вставлялась у края рта и должна иметь парный экземпляр (рис. 29). Размеры украшения: толщина — 7 мм, длина — 25 мм, ширина — 18 мм, не считая уступов (рис. 27: 27; 28: 2). Лабретка вырезана из стеатита светло-коричневого цвета, поверхность ее тщательно заполирована. Другим украшением является поделка в виде кнопки (рис. 27: 26; 28: 4). Она невелика по размеру, ее диаметр и высота — 10 мм. Вероятно, эти украшения могли быть изготовлены на стоянке, поскольку в раскопе найден кусочек стеатита, отпиленного от желвака, а подобный камень, по словам местных жителей-долган, встречается в верховьях р. Маймече. Из жировика худшего качества изготовлены еще две поделки, назначение которых неясно, — стержнеобразная заготовка (рис. 27: 29; 28: 6) и подобие шпильки (рис. 27: 30; 28: 5).

Стоянка Маймече IV

Стоянка Маймече IV расположена ниже по течению р. Хеты, примерно в 1 км от стоянки Маймече I. Она занимает небольшой мыс коренного берега, ровная поверхность которого почти целиком охвачена раскопом. Площадь последнего — 61 кв. м (рис. 30). Основная часть стоянки была вскрыта в 1968 г., что подтвердили повторные работы в 1972 г.

Отмечена следующая стратигафия (рис. 31):

1. дерново-почвенный слой — 9—12 см;
2. желтый или замещающий его красновато-коричневый суглинистый песок мощностью от 3 до 20 см;
3. серый суглинистый песок неустановленной мощности (материк).

Отмечены многочисленные криогенные деформации слоев, связанные с активностью мерзлоты. Мощность деятельного горизонта составляет здесь всего 15 см.

Находки связаны со II слоем, в котором встречены и остатки трех кострищ, имеющих вид расплывчатых зольных пятен. Линзы кострищ № 1 и 2 очень тонкие. Кострище № 3 состояло из нескольких чередующихся углистых и суглинистых прослоек общей мощностью 12 см. Вследствие мерзлотных деформаций находки оказывались на разных глубинах, а также в трещинах, уходящих в материк.

Несмотря на наличие мерзлоты, сильно осложнявшей раскопки, органика на стоянке сохранилась плохо. Из костных остатков имеется только коронка зуба оленя.

Стоянка Маймече IV характеризуется тем же составом находок, что и Маймече I. Сходство в первую очередь проявляется в керамике, которая имеет плохую сохранность и представлена многочисленными мелкими фрагментами с отпечатками сетки на внешней поверхности (рис. 32, 33). Использовавшаяся сетка имела маленькие ячейки с диагоналями 6 × 3, 6 × 4 мм. Она была сплетена из тонких, скорее всего, жильных нитей толщиной 0.2—0.25 мм. На многих черепках ячейки не отпечатались, и их поверхность пестрит от узелков. Имеются черепки с заглаженной поверхностью. Толщина черепков около 5 мм, в тесте заметна примесь шерсти. Куски глины соединялись чаще всего под острыми углами. По венчикам и орнаментам на них удалось определить, что фрагменты относятся, как минимум, к четырем сосудам. Их венчики утолщены широким тонким налепом, сегментовидным в сечении. У двух сосудов венчики украшены горизонтальными оттисками гребенчатого штампа; у третьего — прочерченными линиями, образующими зигзаг. Венчик четвертого имеет узор из горизонтальных рядов неглубоких наколов, а чуть ниже его края располагается ряд тонких сквозных отверстий, проткнутых с внешней стороны. У сосуда с прочерченным орнаментом ямки располагаются в вершинах зигзага. Имеются куски круглого днища, украшенные тремя прочерченными линиями, звездообразно пересекающимися в его центре. Горшки имели митровидную форму и небольшие размеры (диаметр одного из венчиков 17 см). Края некоторых венчиков прямые и образуют нависающий внутрь карнизик.

Как и на Маймече I, на стоянке производилась обработка галек кремнистого сланца. Скопления его отщепов находятся возле кострищ. Так, на 4 кв. м к югу от кострища № 1 было найдено свыше 1400 отщепов. Здесь же лежал большой плоский камень-наковальня со сбитостями в центре, аналогичный найденным на Маймече I, а около него — большое количество отщепов. В 1 м от него лежала расколотая галька кремнистого сланца. Отбойники на стоянке не обнаружены, однако найдено несколько галек приблизительно одинакового размера, без следов использования. Так, в кв. 18

их было 9 штук. В пределах раскопа эти гальки располагаются в линию, что наводит на предположение о том, что здесь лежала сеть, для которой они служили грузиками.

Хотя из кремнистого сланца на стоянке изготавливались различные изделия, включая и ножевидные пластинки, из него главным образом делались прямоугольные в сечении тесла. Найдено 3 оббитых заготовки таких орудий (рис. 34: 1, 2, 5). Среди многочисленных отщепов попадаются, особенно в южной части раскопа, сколы со шлифованных тесел. На некоторых из них видны ребра между пришлифованных плоскостей, причем одна из них, как правило, является остатком ударной площадки. Один из сколов сделан с лезвия тесла, ширина которого была 3.7 см; другой получен с боковой грани того же тесла в его обушковой части, толщина тесла в этом месте равнялась 1.6 см. Отщепы со следами пришлифовки различаются по цвету и фактуре, поэтому можно предполагать, что они сняты с трех различных изделий. Факты специального раскалывания шлифованных тесел и их вторичной утилизации отмечены А. П. Окладниковым на ленских стоянках Сыалах и Куллаты [Окладников, 1945: 89; 1950б: 61]. Абразивами для заточки шлифованных орудий служили куски крупнозернистого песчаника, найденные на стоянке.

При раскопках извлечено более 3000 отщепов и сколов кремнистого сланца. В отличие от Маймече I, здесь в значительном количестве обрабатывался и халцедон: найдены куски халцедоновых натеков, использовавшихся в качестве сырья, и собрано 868 отщепов и сколов. Из халцедона и сланца изготовлено подавляющее большинство ножевидных пластинок, хотя есть и небольшое количество яшмовых. Всего найдено 126 пластинок. Имеются сколы с халцедоновых нуклеусов (рис. 35: 3); скол подправки площадки призматического нуклеуса, аморфные куски халцедона со следами скалывания пластин, но целые нуклеусы четких форм отсутствуют.

Орудия изготовлены в основном из халцедона. К сланцевым изделиям относятся помимо тесел заготовка массивного сегментовидного в плане ножа (рис. 35: 8), шлифованный нож серповидной формы (рис. 35: 1) и маленькая стамеска (рис. 34: 4). Заготовка ножа обработана крупными сколами по всей поверхности и подправлена ретушью по краям. Лезвие и обушок сохраняют зубчатость. Для изготовления ножа использован сланец черного цвета; одна из его сторон плоская, другая имеет трехгранную заточку; обушковый край отретуширован. Стамеска изготовлена на отщепе и имеет ретушную обработку; лезвие с обеих сторон заточено абразивом. Крутой краевой ретушью выделен черенок для закрепления в рукояти.

Из большого халцедонового отщепа изготовлено долотце (рис. 34: 3). Желобок образован естественной вогнутой поверхностью, для утоньшения рабочего края отретуширована только спинка изделия.

Режущие орудия представлены двумя халцедоновыми ножами вкладышевого типа (рис. 35: 4, 5), крупным вкладышем из светло-розовой яшмы (рис. 35: 6) и прекрасным халцедоновым ножом (рис. 35: 7). Все они тщательно обработаны стелющейся ретушью с обеих сторон. Помимо перечисленных встречены небольшой нож на халцедоновом отщепе, фрагмент листовидного (?) ножа и обломок заготовки крупного ножа из халцедона; обломки небольших, сплошь ретушированных вкладышей и пластинки с двусторонней ретушью по одному из краев, также служившие вкладышами. У обломка одного из халцедоновых вкладышей рабочий край оформлен мельчайшей пильчатой ретушью.

Группа проколок состоит из 6 изделий (рис. 36: 6—10). Они изготовлены из отщепов (в основном халцедоновых) путем ретушного оформления острия и плечиков. Лишь одна из них изготовлена из кремнистого сланца.

Проколку также напоминает небольшой пластинчатый отщеп, вначале, возможно, служивший вкладышем. Его края оформляет приостряющая ретушь, а на одном из концов имеется выемка, оформленная крутой ретушью, что позволяет предполагать его использование в качестве выемчатого скобеля. Зубчатые выемки есть еще на одном халцедоновом отщепе. На ряде отщепов есть ретушь и следы сработанности, которые позволяют относить их к скребкам. Хорошим примером является массивный пластинчатый отщеп халцедона (рис. 36: 13). Ретушь по его высокому крутому краю образовалась при работе по дереву. Противоположный край сильно, до закругления и блеска, сработан при чистке кож. Из массивного скола халцедона сделан скребок с оформленным крутой ретушью скругленным рабочим краем (рис. 36: 11). По краю заметно много выщербин от работы по твердому материалу (кости?). Одна халцедоновая пластинка была превращена в концевой скребок. Другой скребок, изготовленный из дымчатого халцедона, ретуширован со всех сторон и единственный из всех орудий этой группы имеет четкие очертания и относится к типу усеченно-обушковых рукояточных скребков с выпуклым краем. Его рабочий край сильно выкрошен в результате работы по твердому материалу.

Серию из четырех изделий составляют пластинчатые отщепы, у которых один из краев имеет ретушь и следы использования их как боковых скребков.

На стоянке найдено 8 наконечников стрел, большей частью сломанных. К типу треугольно-вытянутых с вогнутым основанием относятся наконечник со сломанным острием (рис. 36: 3) и обломок небольшой стрелки, сделанные из яшмовидного кремня. Возможно, к этому же типу принадлежал халцедоновый наконечник с сильно поврежденным основанием (рис. 36: 4). В отличие от описанных орудий, отличающихся хорошим качеством обработки, остальные предметы, отнесенные к этой группе, обработаны небрежно. Так, два треугольно-черешковых наконечника лишь незначительно обработаны с вентральной стороны по краям (рис. 36: 1, 2). То же самое можно сказать и о трех наконечниках стрел листовидного типа, представленных основаниями. В коллекции имеется основание еще какого-то орудия, вероятно, наконечника дротика.

Наиболее замечательными находками на стоянке Маймече IV являются украшения из золотистого стеатита, такого же, как и на стоянке Маймече I, что исключает сомнения в гомогенности как первого, так и второго комплексов.

В северной части раскопа найдены круглая выпуклая пуговица с ушком, в котором двусторонним сверлением сделано отверстие для пришивания (рис. 28: 8), и лабретка пятиугольной формы с вогнутой базой и выступами у основания (рис. 28: 1). Она, вероятнее всего, вставлялась через рот в отверстие под нижней губой и вогнутой стороной упиралась в десны, удерживаясь с помощью выступов. Симметричность лабретки говорит о ее принадлежности к медиальному типу, т. е. к вставлявшимся в центральной части губы (рис. 37).

В юго-восточном углу раскопа был найден обломок плоского стеатитового кольца, внешний диаметр которого 30, а внутренний — 25 мм (рис. 28: 9). Близ центра раскопа, в кв. 22, была найдена грибовидная подвеска (рис. 28: 7). На ее уплощенном конце двусторонним сверлением выполнено отверстие, по которому она и сломалась.

Кольца из сланца, янтаря и кости не редкость на стоянках эпохи неолита в лесной полосе Евразии и встречаются от Прибалтики до Алдана, где обломок кольца из белого нефрита был обнаружен в V слое стоянки Белькачи I, датированном 4880 ± 90 л. н. (ЛЕ 775) и содержащем изделия одноименной культуры [Мочанов, 1969: 91, табл. 89: 14]. В Приангарье мра-

морные и нефритовые кольца изготавливались, судя по находкам из могильника Циклодром, еще носителями китойской культуры [Окладников, 1950в: 385, рис. 122; Хороших, 1966: рис. 5, 80]. Такие изделия были широко распространены и в эпоху ранней бронзы, например, в глазковской культуре [Окладников, 1955б: 269]. Обломок нефритового кольца был найден вместе с бронзовыми орудиями на Чукотке, в Усть-Бельском могильнике [Диков, 1969: рис. 29].

Остальные украшения из маймеченских стоянок уникальны. Так, грибовидная подвеска имеет единственную аналогию [Диков, 1969: рис. 61], поразительную по ряду причин. Прежде всего, аналогичное изделие полностью совпадает с грибовидной подвеской из Маймече IV не только по форме, но и по размеру, и сделано из мягкого камня. Далее, места находок удалены друг от друга на огромное расстояние (подвеска, о которой идет речь, найдена Диковым при раскопках на п-ове Камчатка). И наконец, камчатская подвеска, аналогичная таймырской, происходит из палеолитического слоя VI стоянки Ушки I, абсолютный возраст которого [Диков, 1977: 58] — 10 360 ± 350 (Mo 345), 10 760 ± 110 л. н. (МАГ 219).

Начиная с первой половины III тыс. до н. э. в неолитических памятниках европейского северо-запада, особенно в Латвии, встречаются так называемые пуговицы с V-образным сверлением отверстия, сделанные из янтаря [Ванкина и др., 1973: 214]. Однако при всем разнообразии форм среди них нет предметов, подобных пуговице из Маймече IV, которую отличает наличие ушка. Ближайшей по времени аналогией к маймеченской пуговице следует считать вырезанные из кости части браслета, украшавшего левую руку женщины, погребенной в афанасьевской могиле в могильнике Афанасьева Гора на Енисее. Погребение датируется концом III тыс. до н. э. [Gryaznov, 1969: 50, pl. 3].

Украшение в виде кнопки со стоянки Маймече I имело своей внешней частью выпуклую поверхность шляпки, а стержень его, видимо, вставлялся в какую-то основу. Подобные кнопочные украшения из моржового клыка были встречены в древнеэскимосских погребениях Уэленского и Эквенского могильников. «Гвоздевидные поделки», как их называют С. А. Арутюнов и Д. А. Сергеев, служили для инкрустации деревянных изделий [Арутюнов, Сергеев, 1962: 15; 1969: 79, рис. 42: 1—5; 1975: 35, 36]. Таким же образом можно трактовать и употребление маймеченской кнопки.

В связи с этой находкой следует упомянуть стеатитовый стерженек, найденный на стоянке Тура А в Эвенкии. Его длина — 13, диаметр — 7 мм. Один конец скруглен и сильно залощен. Хотя изделие не имеет шляпки, оно сходно с кнопочным украшением, во-первых, поделочным материалом, а во-вторых, вероятно, и назначением.

В погребениях указанных могильников имеются и пуговицы с ушками. С. А. Арутюнов и Д. А. Сергеев писали, что круглые пуговицы, скорее всего, играли роль украшения на одежде, тогда как другие, вероятно, относятся к охотничьему снаряжению [Арутюнов, Сергеев, 1969: 144].

Связи, намечающиеся между культурами Таймыра и территориями Тихоокеанского Севера на основе анализа маймеченских стеатитовых украшений, становятся еще заметнее при анализе лабреток.

Прежде всего, следует отметить, что кроме лабреток со стоянки Маймече на востоке Таймыра найдено еще одно такое украшение (рис. 28: 10). Оно обнаружено в районе оз. Лабаз на стоянке Харгы III, которая по своему инвентарю относится к ранней бронзе. Что касается находок вне пределов Таймыра, то в первую очередь следует упомянуть лабретку из моржового клыка, найденную Н. Н. Диковым в 1963 г. на северном берегу Чукотки близ устья р. Иколиврунвеем [Диков, 1977: 187, табл. 166: 12]. Она

медиального типа, уплощенная, но, в отличие от лабретки из Маймече IV, обладает коротким телом. Эта находка относится к пунукской культуре, примерно к 900 г. н. э. Вторая лабретка медиального типа, изготовленная из стеатита и более близкая маймеченской, была найдена в слое II стоянки Ушки II на Камчатке, отнесенном к развитому неолиту, однако абсолютный возраст слоя — 1025 л. н. (МАГ 32) — близок возрасту иколиврунвеемской находки [Диков, 1969: 209, рис. 59, 114; 1977: 73]. Близка им по форме лабретка с р. Авачи на юге Камчатки [Пономаренко, 1976: табл. 1, 17]. Это изделие, как и находки из II слоя Ушковской стоянки, относятся к тарьинской культуре развитого неолита, возраст которой определяется в рамках II—I тыс. до н. э. Эско-алеутские традиции в целом, включая обычай употребления лабреток, возводятся ко времени VI позднепалеолитического слоя стоянки Ушки I [Диков, 1979: 126, 127].

Здесь необходимо также упомянуть изделие из белого нефрита со стоянки Гэлькай на р. Туруктa (Средняя Лена). По находкам штрихованной керамики и облику каменного инвентаря эта стоянка датирована III—началом II тыс. до н. э. [Окладников, 1943: рис. 6; 1955а: 79, 80, цветная вклейка]. Нефритовая поделка описана как украшение или амулет. По форме она аналогична лабреткам медиального типа, но крупнее их. Учитывая этнографические примеры ношения нагубных украшений, еще больших по величине и весу, нельзя полностью игнорировать возможность интерпретации этого предмета как лабретки.

Но даже если туруктинское украшение не было лабреткой, и в этом случае, благодаря находкам на Таймыре, относящимся к неолиту, выясняется вопрос о прародине подобных украшений, распространенных по северному побережью Тихого океана и проникших даже в Южную Америку. Исследователи, изучавшие проблему происхождения лабреток, согласны, что обычай употребления такого своеобразного украшения лица не мог зародиться непосредственно в Арктике, где ему не соответствуют климатические условия. Однако центр его распространения определяют по-разному. Так, В. Х. Долл предполагал, что лабретки распространились на Север из Центральной Америки [Dall, 1884]. Эта точка зрения поддержана Ч. Е. Борденом, указавшим на вероятность заимствования эско-алеутами практики ношения таких украшений от древних индейцев северо-западного побережья [Borden, 1962: 13]. Другие авторы предполагают, что лабретки проникли в эско-алеутскую среду из южных тихоокеанских областей вдоль азиатского побережья через Японию, Курилы и Камчатку [Васильевский, 1973: 95; Лапунова, 1979: 201, 202]. Н. Н. Дикову принадлежит гипотеза о возможном распространении традиции ношения нагубных украшений с севера на юг вместе с другими эско-алеутскими элементами культуры. Таймырские украшения рассматриваются в этой связи как реликт проникшей ранее на Таймыр из южных районов культуры из той же культурно-этнической области, к которой принадлежала и финально-палеолитическая культура Камчатки [Диков, 1979: 181, 208]. В связи с находками лабреток на Таймыре было сделано также предположение о проникновении туда каких-то групп морских охотников из Берингоморья [Гурвич, Симченко, 1980: 145]. Но, поскольку ни в мезолите, ни в неолите непосредственные культурные связи между Таймыром и Северо-Востоком Азии не прослеживаются, нет оснований усматривать истоки обычая употребления лабреток частью таймырского неолитического населения даже в камчатской финально-палеолитической культуре. Естественнее предполагать, что родиной обычая носить губные украшения и грибовидные подвески является Восточная Сибирь, откуда эти традиции могли проникнуть как на Северо-Восток Азии и далее в Америку, так и на Таймыр.

Радиоуглеродные даты, полученные для мезолитических (4070 г. до н. э.) и раннебронзовых памятников Таймыра (1150 г. до н. э.), подтверждаемые абсолютным возрастом соответствующих горизонтов многослойных памятников Якутии, оставляют для памятников развитого неолита, к которым относится и комплекс Маймече, широкий хронологический интервал. Этот период сокращается примерно на тысячу лет, в течение которых на Таймыре существуют памятники раннего неолита, а на других территориях Восточной Сибири — памятники исаковской и сыалахской культур. Сетчатая керамика, относящаяся к последним, резко отличается от керамики Маймече отсутствием характерных для последней утолщенных налепных валиков. Валики, утолщающие венчик, и маленькие отверстия у его края появляются в Прибайкалье на керамике иного облика, уже лишенной сетчатых отпечатков и покрытой оттисками шнура. Венчик ее утолщался, как правило, треугольным в сечении валиком. Сосуды украшались орнаментом из линий отступающей лопаточки и, реже, гребенчатыми отпечатками. Такая керамика представлена в IX слое поселения Улан-Хада и залегает под слоями с усть-бельской посудой, абсолютный возраст которой 3660 ± 60 л. н. (ЛЕ 883), и выше слоев, содержащих сетчатую керамику [Хлобыстин, 1964а; 1978б]. Таким образом, эту керамику можно датировать концом IV—самым началом II тыс. до н. э. Ее я называю керамикой посольского типа, так как в наибольшем числе она представлена на стоянке около Посольска, на Байкале. Образцы посольской керамики распространены от Забайкалья до Енисея (стоянка Няша) и встречены на стоянках Эвенкии.

В Забайкалье также встречаются образцы подобной керамики, но без отверстий у края венчика и с несколько иными приемами орнаментации. Этот тип керамики можно назвать забайкальским вариантом посольской керамики. По-видимому, Забайкалье было тем центром, откуда в конце IV—начале III тыс. до н. э. произошло распространение шнуровой керамики на Ангару, Средний Амур (громатухинская культура) и в Якутию, в результате чего в этих районах встречаются близкие типы керамической посуды. О распространении в III тыс. до н. э. даурских культур со шнуровой керамикой говорил еще в 1970 г. В. Н. Чернецов [1973: 15—17].

На территории Якутии посольской керамике по облику и времени соответствует керамика белькачинской культуры. От посольской она отличается орнаментацией и сегментовидным сечением валика, утолщающего венчик. При сравнении материалов стоянки Хатанга II с белькачинскими уже говорилось, что для последних характерна выбивная шнуровая керамика. Однако в ареале белькачинской культуры, на Средней Лене, А. П. Окладниковым при исследовании II слоя стоянки Куллаты наряду с типично белькачинскими были встречены фрагменты сосудов с сегментовидным утолщением венчика и с сетчатой поверхностью [Окладников, 1950б: 57, табл. XV: 5], которые являются почти полным подобием керамики маймеченских стоянок.

Типологически такая керамика должна занимать промежуточное место между сетчатой керамикой без утолщенного венчика и шнуровой керамикой, имеющей такое утолщение. Однако было ли появление керамики Маймече особым этапом развития материальной культуры древних обитателей бассейна Лены, сосуществовала ли она с другими типами, как это видно по материалам стоянки Куллаты, или, наконец, она является определяющим признаком самостоятельной культуры, пока неясно, и прояснить этот вопрос могут только дальнейшие поиски на терриории между Таймыром и Средней Леной. На наш взгляд, наиболее верным является рассматривать маймеченскую керамику как признак самостоятельной культуры, в какой-то

мере синхронной белькачинской, ибо, встречаясь в чистых комплексах на Таймыре, она пока не найдена на Алдане.

Вероятнее всего, культура Маймече возникла в результате консолидации носителей белькачинской культуры и аборигенного, существовавшего с эпохи мезолита, населения Таймыра. В этом отношении интересна упоминавшаяся стоянка Боярка I, где найдены и сетчатая, и шнуровая керамика, залегающие совместно, что, с одной стороны, может быть случайностью, а с другой — отражать сосуществование аборигенов и пришельцев. Будучи гибридной, маймеченская культура, соответственно, должна быть в какой-то мере синхронной белькачинским памятникам или быть несколько их моложе, и, таким образом, она может быть датирована III—самым началом II тыс. до н. э.

Итак, в III тыс. до н. э. в Восточной Сибири распространяются новые принципы изготовления керамической посуды при помощи колотушки, оставляющей шнуровые отпечатки, и своеобразный обычай украшения венчиков. При этом вновь, как и в отношении ранненеолитической сетчатой керамики, можно отметить ряд специфических черт, позволяющих уловить определенные различия между приангарской и якутской провинциями, проявившиеся еще в эпоху мезолита.

Можно отметить, что в Восточной Европе процесс распространения из единого центра (предположительно из Прикаспия и Южного Урала) умения изготовлять керамику с прочерченно-накольчатым узором шел среди носителей различных мезолитических культур, большей частью генетически близких друг другу. Поэтому мы встречаемся здесь не с единой культурой, выявляемой по однообразной керамике, как должно было бы быть, а с рядом родственных ранненеолитических культур, имеющих различия в орнаментации керамики и, соответственно, различные мезолитические корни. Распространение ранней керамики, таким образом, было не результатом расселения, миграции какого-то этноса, а процессом освоения культурных достижений соседей, процессом передачи информации.

То же самое можно отметить и для периода развитого неолита Восточной Сибири. Шнуровая керамика с утолщенным налепным венчиком, хотя и появилась впервые в какой-то определенной группе населения, не может служить указанием на распространение этого населения от Енисея до Охотского моря и к северу от Восточных Саян и Яблонового хребта. Образно говоря, распространялась и усваивалась определенная «керамическая мода». И эта «мода» воспринималась в разных районах по-своему. Один вариант шнуровой керамики — посольский мы встречаем в Прибайкалье и Приангарье и, судя по отдельным находкам, в Эвенкии, другой (белькачинский) — на юго-востоке Якутии и в ее центральных районах, откуда, видимо, уже в связи с передвижением белькачинцев, их керамика была занесена на Таймыр и Крайний Северо-Восток Азии. Третий, особый вариант «моды», выразившийся в появлении не шнуровой, а сетчатой, но с утолщенным валиком, керамики, возник на востоке Таймыра, как это можно предположить по материалам стоянок Маймече.

За каждым из перечисленных вариантов, скорее всего, стоят различные этнические общности, возникшие в мезолите—раннем неолите. Так, относительно белькачинской культуры Ю. А. Мочанов писал, что ее керамику «можно рассматривать как чисто техническое заимствование, не связанное с приходом нового этноса», и, далее, что «белькачинская культура возникла в результате автохтонного развития ранненеолитических племен Якутии, ускоренного контактами с населением смежных областей» [Мочанов, 1969: 181].

Все это, вероятнее всего, справедливо и по отношению к маймеченской культуре, являющейся итогом развития какой-то части неолитического населения Якутии и родственного ей населения восточной части Таймыра. Ее генетическая близость памятникам белькачинской культуры проявляется не только в керамике, но и весьма многочисленными аналогиями в каменном инвентаре. И тем не менее особый тип керамики, уникальный набор украшений придают комплексам Маймече черты своеобразия. Эти памятники в настоящее время не единственные, по которым можно судить о развитии и распространении культуры сетчатой керамики III тыс. до н. э. в Таймырском Заполярье.

Другие памятники культуры Маймече

Керамика с четкими отпечатками крупных квадратных ячеек сетки найдена на стоянках Абылаах IV, Мал. Коренная I и III, Усть-Боярка

Стоянка Абылаах IV расположена на правом берегу р. Хета в 1 км ниже стоянки Абылаах I. Судя по отпечаткам на черепках, толщина которых 6 мм, сетка была сплетена из тонких «нитей». В раскопе были найдены и фрагменты тонкостенного (2.5—4 мм) сосуда с заглаженной поверхностью, на которой иногда хорошо видны следы мелкой ромбической «вафли» — отпечатки лопатки для выбивания. Этот сосуд относится к эпохе раннего железа. Вместе с керамикой в слое залегали 44 призматические пластинки и 1 реберчатый скол. Подавляющее большинство предметов, включая отщепы и скол с плоскоспинного нуклеуса, изготовлены из белой кремнистой породы; имеется также 3 халцедоновых скола и пластинка из кремнистого сланца. На трех пластинках видна мелкая ретушь утилизации. На сколах белой кремнистой породы изготовлены срединный резец, нож-скребок и плечиковая проколка. Помимо этих изделий найдены обломок халцедонового скребка, 2 халцедоновых отщепа с ретушью, использованные для скобления, и расслоившийся крупный точильный брусок из плитки серого сланца, имеющий многочисленные желобки, проточенные на его поверхности и боковых гранях.

Стоянка Усть-Боярка расположена на мысу ниже впадения р. Боярки в р. Хету. Здесь найдены мелкие черепки сетчатой керамики и отщепы кремнистого сланца, халцедона и кремня.

Фрагменты сетчатой керамики оказались среди обломков сосудов раннего железного века на стоянках Мал. Коренная I и III на р. Пясине, где были обнаружены также каменные орудия и пластинки, которые могут относиться к развитому неолиту.

К III—первой половине II тыс. до н. э. можно предположительно отнести ряд стоянок, на которых отсутствует керамика. Типы каменных изделий и сырье, из которого они изготовлены (розовая яшма, кремнистый сланец, реже халцедон), сближают их с памятниками белькачинской и маймеченской культур. Это стоянки Новая VIII, Харгы I и II, Лабаз I, V, VIII—XII, Тагенар IV и V, Тагенарское озеро III, Волочанка II. Иными по составу сырья являются стоянки Крестовый мыс, Новорыбное V и Блудная I, где преобладает серый пестроцветный кремень, но и они, вероятно, существовали еще до появления на Таймыре бронзовых орудий. Выделяя эти стоянки как неолитические, я могу и ошибаться, поскольку многие формы каменных изделий бытуют здесь и в эпоху бронзы, для бескерамических памятников которой диагностическими являются немногие типы орудий и массовое использование в качестве сырья халцедона.

В южной части Таймырского округа к эпохе развитого неолита относится большой наконечник копья (рис. 38: 1), найденный на северо-западном берегу оз. Дюпкун [Хлобыстин, Студзицкая, 1976]. Своими размерами, формой и отделкой он напоминает некоторые образцы ножей и кинжалов из поселений Полигус и Байкит на Подкаменной Тунгуске, поселения Тура I на Нижней Тунгуске, исследованных Г. И. Андреевым, а также из серовских могил Прибайкалья [Окладников, 1950в: 63—65]. Неолитом—ранней бронзой могут датироваться две небольшие стоянки, расположенные на этом же берегу напротив метеостанции [Хлобыстин, 1978а].

В III тыс. до н. э. на западе Таймыра, одновременно с памятниками сетчатой керамики, существовало поселение с керамикой иного облика, выявленной при раскопках многослойного поселения Усть-Половинка.

Комплексы с керамикой байкитского типа

Стоянка Усть-Половинка расположена на левом берегу р. Пясина ниже устья ее притока р. Половинки. Здесь, в песчаных отложениях гребня берегового вала I надпойменной террасы, выявлены культурные слои с остатками нескольких поселений, сменявших друг друга на протяжении нескольких столетий начиная с середины I тыс. до н. э.[3]

Береговой вал сильно нарушен выдувами, между которыми иногда сохранились останцы с непотревоженными культурными отложениями, на которых и производились раскопки. Около раскопа III, примерно в центре вала, на выдуве, были отмечены остатки культурного слоя с углем и неолитическими находками, который имел вид плотной гумусной прослойки площадью 1.5 кв. м и толщиной 1—1.5 см. Перекрывающие отложения полностью развеяны; их мощность можно оценить примерно 0.8 м. Ниже залегали крупнозернистые пески, слагающие вал. Один из участков слоя был особенно насыщен углем. Здесь были найдены фрагменты верхней части горшка (рис. 39: 2, 3).

Глина, из которой был изготовлен сосуд, имела примесь дресвы. Венчик горшка слабо отогнут наружу, край прямой и украшен насечками, выполненными по принципу накольчато-отступающего орнамента палочкой с треугольно-выемчатым концом. Внешняя поверхность красновато-бурого цвета украшена линиями, исполненными в той же манере. Под венчиком размещены три такие полосы, от которых под острым углом к днищу опускаются другие линии, нанесенные той же палочкой. При этом образуется пустая, незаполненная оттисками треугольная зона. В месте отгиба венчика после нанесения основного орнамента был проткнут ряд неглубоких ямок небольшого диаметра, опоясывающий сосуд. Толщина стенок горшка — 7 мм, к венчику она уменьшается до 6 мм. Вместе с фрагментами сосуда в слое обнаружена проколка из кремнистого сланца, один из концов которой оформлен как острие со скошенным краем мелкой приостряющей ретушью, нанесенной по двум краям на брюшке, а по скошенному концу — на спинке.

По образцу угля из культурного слоя получена дата 4060 ± 120 л. н. (ЛЕ 1017), т. е. около 2110 г. до н. э., что хорошо согласуется с представлениями о хронологии неолита региона.

Неолитическая керамика из Усть-Половинки не находит аналогий среди керамических комплексов бассейна р. Лены. Она не имеет прототипов ни в сыалахской культуре, более древней, ни в синхронной ей белькачинской

[3] Эти материалы подробно рассматриваются в главе IV.

посуде. Поиск близкой ей керамики благополучно завершается в таежных районах, лежащих к югу от Таймыра, на правобережных притоках Енисея.

В 1963 г. при рекогносцировочном обследовании древних стоянок в окрестностях пос. Байкит в среднем течении р. Подкаменной Тунгуски Г. И. Андреевым в пункте 1 наряду с разнообразным каменным инвентарем была собрана керамика, которую автор находки назвал «очень своеобразной» [Андреев, Фомин, 1964: 94, рис. 27: 4]. Г. И. Андреев ограничился весьма кратким ее описанием как в публикации, так и в отчете [Андреев, 1963]. Эта керамика представлена немногочисленными фрагментами нескольких сосудов. Их венчики слегка утолщены и скошены внутрь. Края венчиков, под которыми сделаны маленькие круглые ямки, украшены косыми линиями отступающей палочки. Такие же линии сплошь покрывают поверхность стенок, причем на некоторых черепках линии комбинируются в разноугольные треугольники, плотно примыкающие друг к другу и образующие тем самым узор, в котором трудно установить закономерность. На такой орнамент и обратил внимание Г. И. Андреев. Однако в коллекции керамики со стоянки Байкит I имеются черепки, орнамент которых можно интерпретировать как зональный: на нескольких черепках есть линии, от которых в противоположные стороны, симметрично, под углом 60° отходят ряды линий, выполненные наколами отступающей палочки. Описываемая керамика хорошо обожжена, имеет незначительную примесь дресвы. Обломков днищ выделить не удалось.

При повторных работах на стоянке Байкит I Г. И. Андреевым наряду с керамикой описанного типа были найдены фрагменты сосудов, покрытые узором из отпечатков гребенчатых или гладких штампов [Андреев, Фомин, 1966: 106, рис. 45: 6, 7, 9]. Ряды наклонно расположенных отпечатков штампов перемежались горизонтально расположенным зигзагом. Оба типа орнамента автор считал совершенно тождественными керамике поселения Чадобец на Средней Ангаре. Вопрос о возможности сосуществования этих типов керамики остается пока открытым, хотя нет сомнения, что они разнокультурны, причем линейно-накольчатая керамика имеет более древнее происхождение.

Каменные изделия из подъемных материалов стоянки Байкит I нельзя синхронизировать с каким-либо определенным типом керамики, однако среди них нет образцов, которые определенно не могут составлять один комплекс с керамикой. Каменные орудия представлены треугольными наконечниками стрел с прямым основанием, обломками ретушированных ножей с выпуклой спинкой, скребками на отщепах и крупными скребками из ножевидных пластин. Имеются заготовки, обломки и целые экземпляры прямоугольных шлифованных тесел, столь часто встречающихся на таежных стоянках и редких в тундре. Отщепы и пластинки количественно соотносятся как 2:1. Ножевидные пластинки, сколотые с призматических и конических ядрищ, использовались как ножи, что доказывают макроследы сработанности. Найдено 5 экземпляров нуклеусов, однако, судя по разнообразному характеру сырья, использовалось значительно большее количество. Основным типом сырья были ороговикованные породы, гораздо реже использовались долериты, яшма и другие материалы. Г. И. Андреев отнес находки к концу III—первой половине II тыс. до н. э., однако есть все основания датировать образцы линейно-накольчатой керамики серединой—второй половиной III тыс. до н. э.

Сопоставление керамики со стоянок Усть-Половинка и Байкит I, украшенной линиями из отпечатков отступающей палочки, позволяет отметить значительное сходство сосудов, изготовленных неолитическими обитателями рек Пясины и Подкаменной Тунгуски. Образцы этой керамики объединя-

ются в один тип, который можно назвать «байкитским». Судя по имеющимся датировкам, такая керамика была распространена на Енисейском правобережье в Эвенкии и на Таймыре в конце III тыс. до н. э. Находки последней на Пясине фиксируют проникновение населения, изготовлявшего ее, из Эвенкии в Таймырское Заполярье. Резкое отличие байкитской посуды от синхронных ей керамических комплексов Восточной Сибири говорит об этнической самостоятельности ее создателей и о своеобразии их культуры. Возможно, памятники с керамикой этого типа в перспективе могут быть выделены в особую байкитскую культуру.

Впервые на сходство байкитской керамики с зауральскими материалами обратил внимание В. Н. Чернецов, который, сопоставляя ее с посудой из стоянки Козлов Мыс I на берегу Андреевского оз. в Тюменской области, писал, что «весь неолитический комплекс Среднего Енисея, Нижней Ангары и Подкаменной Тунгуски находит себе достаточно полные соответствия во второй и третьей фазах уральского неолита, за исключением некоторых форм, проникших сюда с территории серовской и китойской культур» [Чернецов, 1964: 8]. Ссылаясь, в частности, на находки на юге Таймыра и в Эвенкии, исследователь предполагал, что древние уральцы, мигрируя в северо-восточном направлении, заселили еще в IV тыс. до н. э. среднее и нижнее течение Енисея, включая низовья его правобережных притоков, в результате чего «территория распространения урало-западносибирской культурной области в эпоху неолита и бронзы захватывала и эти районы» [Чернецов, 1971: 111, 112].

О продвижении восточноуральской культуры неолита и бронзы до Енисея еще в 1947 г. говорил А. П. Окладников [1948: 20]. На Среднем Енисее, у Красноярска, уральская или западносибирская культура смыкается с обширной культурной областью байкальского неолита, охватывающей долину Ангары и прилегающие к Байкалу районы [Окладников, 1950а: 28]. Керамика со сплошной орнаментацией из поясных гребенчатых оттисков, позволяющая говорить о проникновении западносибирского населения на Среднюю Ангару, известна из раскопок в зоне затопления Братской ГЭС [Окладников, 1957]. Анализируя материалы эпохи неолита и бронзы из района Красноярска (со стоянок Базаиха, Собакинская и др.), по орнаментации керамики близкие как зауральским, так и найденным у Братска, А. П. Окладников пришел к выводу, что культурное влияние, направленное от Енисея на восток, достигает на Ангаре района р. Оки и, возможно, проникает далее на Верхнюю Лену [Окладников, 1957]. Находки на Среднем Енисее А. П. Окладников связывал с предками самодийцев, пришедшими сюда с запада, из Приуралья.

В. Н. Чернецов считал, что восточную область некогда существовавшей на пространстве от Скандинавии до Таймыра и правобережья Енисея этнокультурной общности составляли предки юкагиров [Чернецов, 1964: 5, 9, 10; 1971: 115].

Действительно, орнаментация байкитской керамики близка ряду узоров на сосудах козловской фазы зауральского неолита, достигающих расцвета на следующей, юрьинско-горбуновской фазе, по терминологии В. Н. Чернецова [1968], или полуденского этапа, согласно периодизации О. Н. Бадера [1970: 162]. В. Н. Чернецов и О. Н. Бадер связывали происхождение орнамента такого типа с кельтеминарскими памятниками.

Работами А. Н. Мелентьева [1978] в Закаспийской области выявлен ряд памятников, по своим признакам близких зауральским и подтверждающих гипотезу о сложении зауральского лесного неолита под влиянием южных культур. Возможно, имело место и прямое проникновение в Зауралье населения из этих районов. Появление неолитических культур в этом регионе

относят к концу V—началу IV тыс. до н. э. [Чернецов, 1968; Бадер, 1970; Крижевская, 1968; Старков, 1980]. Кажется возможным, что начало этого процесса приходится на середину V тыс. до н. э.

С самого начала для неолита Зауралья характерна керамика с волнистыми прочерченными и линейно-накольчатыми узорами. Такие орнаментальные традиции продолжали существовать здесь, судя по памятникам кошкинской культуры Притоболья и левобережья Нижнего Иртыша, до позднего неолита, в то время как параллельно ей развивалась традиция гребенчатой орнаментации [Крижевская, 1970; Ковалева, Варанкин, 1976; Ковалева, 1979; Ковалева, Потемкина, 1980; Хлобыстин, 1979б]. В восточных районах Западной Сибири памятники с ранненеолитической керамикой неизвестны. На Верхней и Средней Оби имеется группа поселений, которые относят к развитому и позднему неолиту [Матюшенко, 1973; Молодин, 1977]. Для некоторых из них, характеризующих завьяловский (стоянка Завьялово 8) и кипринский (стоянка Киприно) этапы верхнеобской культуры, а также некоторых других, расположенных севернее ареала последней, в таежной зоне бассейна р. Вах (поселение Бол. Ларьяк II), обычны линейно-накольчатые узоры, среди которых есть взаимопроникающие треугольники [Молодин, 1977: табл. III: 5, XIII: 2; Посредников, 1973а: табл. 2: 2, 3, 5, 7]. Вероятно, эти памятники, относящиеся к концу IV—второй половине III тыс. до н. э., возникли под влиянием зауральских культур, возможно, в результате непосредственного проникновения их носителей на восток. Такие орнаментальные традиции продолжали бытовать и в середине II тыс. до н. э., что позволило М. Ф. Косареву назвать орнаментальный комплекс позднего неолита Верхнего и Среднего Приобья «автохтонным» [Косарев, 1972]. Именно в этих материалах можно найти главный исток происхождения байкитской керамики. Наибольшую близость имеют к ней некоторые образцы керамики с поселения Новокусково на р. Чулым. Относительно возраста этого памятника имеются различные суждения. В. И. Матюшенко относит Новокусково к неолитической верхнеобской культуре и датирует ее IV—концом III тыс. до н. э. [Матюшенко, 1966; 1973], а М. Ф. Косарев — к числу памятников самусьской культуры XIV XIII вв. до н. э., допуская, что древнейший этап обитания на поселении может соответствовать самому концу неолитической эпохи [Косарев, 1974: 51—55]. Действительно, среди собранной на его месте керамики есть разновременные типы, а в их числе — фрагменты толстостенных (12—13 мм) сосудов, внешняя поверхность которых, гладкая до лоска, покрыта наклонно расположенными линиями отступающей палочки. Они заполняют иногда зоны проникающих треугольников. В черепках заметна примесь шамота и слабая примесь дресвы. Эта керамика в определенной мере отличается от самусьской и может считаться неолитической, близкой байкитской.

В Эвенкии помимо стоянки Байкит I керамика, украшенная линиями отступающей палочки, встречена на стоянках Байкит II и Усть-Камо на р. Подкаменной Тунгуске [Андреев, Фомин, 1966], а также присутствует среди материалов, добытых во время разведки, проведенной П. П. Хороших на р. Нижней Тунгуске [Хороших, 1949]. Однако по ряду признаков эта керамика отличается от байкитской и может быть сопоставлена с более поздними — глазковскими образцами керамики Прибайкалья. На территории Якутии, где были распространены резные и штампованные узоры, такой способ орнаментации в эпоху неолита не использовался и начал входить в употребление, судя по найденной там керамике, только в I тыс. до н. э. [Окладников, 1950б: V]. Широко встречается посуда с такой орнаментацией в Приангарье и Прибайкалье. В IX слое поселения Улан-Хада на оз. Байкал найдены черепки сетчатой керамики, орнаментированные линия-

ми отступающей палочки, которые, по-видимому, следует отнести к раннему этапу развития серовской культуры [Хлобыстин, 1964а], однако подлинного расцвета такая орнаментика достигает на сосудах посольского типа.

Условия залегания керамики посольского типа на многослойных поселениях Улан-Хада, Горелый Лес и Казачка позволяют датировать ее концом IV—III тыс. до н. э. Возможно, появление на ней линейно-накольчатой орнаментации связано с влиянием западносибирских культур. Примечательно в этом отношении, что линии наколов на этой керамике тонкие, напоминающие линейно-накольчатые орнаменты Западной Сибири. На более поздних типах керамики Восточной Сибири линии отпечатков наносились более широкими палочками. Можно предположить также, что подобная орнаментация на сетчатой керамике из Улан-Хады появилась в результате влияния посольской, т. е. сетчатая керамика некоторое время сосуществовала с последней.

В VII слое поселения Казачка на р. Кан горшок, имеющий шнуровые отпечатки и узор из линий отступающей палочки, был найден совместно с сетчатой керамикой [Генералов, 1979а; 1979б]. Этот горшок почти полностью повторяет посольскую керамику, и его присутствие в VII слое вместе с фрагментами сетчатой позволяет предполагать, что формирование слоя завершилось по крайней мере в конце IV тыс. до н. э. или позже. Дата перекрывающего VI слоя — 6660 ± 190 л. н. (ЛЕ 1231), на наш взгляд, является явно заниженной. В этом слое найдены образцы горшков, орнаментированных горизонтальными линиями отступающей палочки либо редких гребенчатых или гладких штампов, нанесенных в технике накола, иногда личинковидных («гусенично-гребенчатых»). На поселении Горелый Лес на притоке р. Ангары — р. Белой такая керамика (будем условно называть ее западноангарской) найдена в IV слое, перекрывающем находки посольской керамики [Савельев и др., 1974]. Довольно часто в орнаментации посуды западноангарского типа используются редко расположенные по тулову сосудов пояса круглых ямок, нанесенных поверх основного узора. Подобная традиция украшения керамики типична для культур неолита и бронзы Западной Сибири. Образцы такой орнаментации, кроме стоянки Казачка, имеются на стоянках Аталанга на р. Илим, Мироново (р. Уда) и на стоянке в устье притока Ангары р. Белой. Время существования западноангарской керамики, по-видимому, можно отнести к середине III тыс. до н. э., при условии, что посольская датируется первой его половиной.

Особо следует отметить керамику из слоя IIа поселения в устье р. Белой. К этому горизонту относятся сосуды с параболоидным профилем, орнаментированные гребенчатым штампом и отступающей палочкой. Характерен узор из горизонтальных зигзагов, параллельных друг другу. Подобные сосуды известны из слоя IX поселения Улан-Хада, где помимо них найдены фрагменты сетчатой и посольской керамики, а также в основании толщи VIII—II слоев. Усть-бельская посуда выделяется в особый тип, который на Ангаре можно рассматривать, по мнению Н. А. Савельева и Г. И. Медведева, как привнесенный из западных областей Сибири или из Зауралья [Савельев, Медведев, 1973: 63].

На Среднем Енисее сосуды, украшенные линиями отступающей палочки, найдены на ряде стоянок (Ладейки, Базаиха и др.). На стоянке Унюк [Зяблин, 1973] линии отступающей палочки образовывали композиции в виде горизонтальных линий и зигзагов, косых линий. Вместе с этой керамикой, напоминающей образцы и западноангарской, и усть-бельской керамики, были встречены горшки, сплошь украшенные оттисками гребенчатого штампа. Один из горшков имел плоское дно. Горшки с уплощенным дном, украшенные личинковидными вдавлениями, найдены на Усть-Собакинской

стоянке. Возможно, это одно из проявлений влияния западносибирских культур, где плоскодонные сосуды появляются еще в неолите.

В настоящее время трудно решить, связана ли байкитская керамика с раннеенеолитической культурой Зауралья и Западной Сибири или она является обособившимся вариантом «автохтонной», по В. Н. Чернецову, неолитической культуры Приобья. В общем, несмотря на некоторое орнаментальное своеобразие, она хорошо сопоставляется с культурно-хронологическим пластом, который в Приангарье образуют относящиеся ко II тыс. до н. э. памятники с керамикой западноангарского и усть-бельского типов, указывающие на распространение к востоку от Енисея западносибирского культурного влияния. Последнее, вероятно, связано с проникновением на правобережье Енисея и далее, по долине Ангары в Прибайкалье, каких-то групп населения из Западной Сибири, слившегося с аборигенами, что нашло отражение в орнаменте как посольской, так и более поздних типов керамики.

Обычай украшать горшки линиями оттисков отступающей палочки отмечен и к востоку от Байкала по материалам из Забайкалья и даже восточнее, где такая керамика встречена на стоянках громатухинской культуры в бассейне р. Зеи [Окладников, Деревянко, 1977]. Генезис последней связан с Забайкальем. Таким образом, этот способ орнаментации распространился в эпоху неолита по лесостепной зоне Юга Восточной Сибири, достигнув региона приамурско-приморских культур и оставив в стороне якутскую провинцию неолита восточносибирского региона, что, несомненно, связано с этнокультурными процессами.

Необходимо коснуться вопроса о возможности сосуществования байкитского, линейно-накольчатого типа орнаментации с керамикой, украшенной гребенчатыми штампами. Поскольку и западноангарский, и усть-бельский типы дают пример одновременного использования обоих приемов, то подобное явление можно допустить и для неолита Эвенкии. Однако резонно предполагать, что эти орнаментальные традиции были принесены сюда различными по происхождению группами людей. Эвенкийская керамика с гребенчатыми оттисками может быть типологически разделена на раннюю и позднюю. Так, к раннему типу должна относиться керамика со стоянки Байкит I, тогда как керамика со стоянки в устье Подкаменной Тунгуски, украшенная рядами отпечатков гребенки с нанесенными поверх гребенчатого узора небольшими, попарно сгруппированными ямками, является более молодой [Андреев, Фомин, 1966: 109, рис. 45: 10]. Такой способ орнаментации характерен для памятников эпохи ранней бронзы Западной Сибири.

Использование гребенчатых штампов и отступающей лопаточки как взаимозаменяющих способов нанесения узора особенно заметно проявилось к концу эпохи бронзы, что отмечается по находкам из стоянки Сургутиха, расположенной на одноименной реке, левом притоке Енисея [Николаев, 1963б: 127, табл. 8], а также по керамике пясинской культуры Таймыра, о которой говорится в главе IV. Вероятно, это можно объяснить синтезом двух орнаментальных традиций в результате взаимовлияний или прямых ассимиляционных процессов.

В III тыс. до н. э. на территории Таймырского Заполярья, как и на территории всего правобережья Енисея в целом, впервые сформировались две сосуществующие культурные традиции, имеющие истоки, соответственно, в западной и восточной частях Сибири. Их взаимодействие в эпоху неолита еще не заметно, но становится отчетливым в эпоху бронзы, когда на Таймыр проникает новая волна населения из Восточной Сибири.

ГЛАВА III

РАННИЕ БРОНЗОЛИТЕЙЩИКИ ТАЙМЫРА

Заселенность различных природных зон обусловлена рядом причин, главными из которых, особенно в древности, были (и все еще остаются в современную эпоху) возможности добычи средств к существованию — продуктов питания, материалов для одежды, топлива для обогрева жилищ и приготовления пищи. История человечества знает периоды, когда в связи с изменением климата осваивались новые территории или, наоборот, становились безлюдными ранее заселенные районы. Таким образом, выявление связи между природными изменениями и изменениями культуры человека является одной из важнейших задач в изучении древних человеческих обществ. Широкое освоение Крайнего Севера Евразии было тесно связано с климатическим оптимумом, во время которого лесная растительность продвинулась далеко на север. Период климатического оптимума голоцена охватывает интервал примерно 7500—4500 л. н. [Кинд, 1974]. В эти же пределы укладываются все абсолютные датировки, полученные для мезолитических—ранненеолитических памятников Евразийского Заполярья. В свою очередь представляется важным установить, когда в высоких широтах произошла смена лесных ландшафтов тундрами, существующими здесь ныне, и какие историко-культурные процессы оказались связанными с этими изменениями *природной* обстановки.

Об изменении климата в позднем голоцене

Среди исследователей, занимающихся вопросами истории климата, существуют различные мнения о времени, когда началось резкое ухудшение климата, приведшее к смене растительных зон. По схеме Блитта—Сернандера, которой придерживаются многие авторы, резкое похолодание совпадает с началом субатлантического периода (около 500 г. до н. э.). По Г. М. Левковской, основная перестройка природных условий произошла в Арктике около 3500—3000 л. н. [Левковская, 1977]. Ряд палеогеографов, напротив, считает, что перелом климата в сторону похолодания относится к рубежу атлантического и суббореального периодов, который соответствует примерно середине III тыс. до н. э. [Лаврушин и др., 1963; Кинд, 1974; Хотинский и др., 1971].

Действительно, судя по материалам Каргинского торфяника, начало ухудшения климата в Заполярье датируется примерно 4500 л. н. Именно в это время место лесов в районе мыса Каргинского занимает лесотундра.

Однако влияние климатических условий на растительность, животный мир и, соответственно, образ жизни и культуру древних аборигенов Таймыра было первоначально незначительным. В полной мере начавшееся похолодание, согласно датам из Каргинского торфяника, полученным из слоя, для которого отмечено резкое замедление его роста и замена лесотундровой растительности южнотундровыми ассоциациями, проявилось около 3300 л. н. [Фирсов и др., 1974]. В Западной Сибири фаза отундрования датируется чуть позднее 3600 л. н. [Левковская, 1971]. По Х. Никольсу, холодный и сухой климат установился на Севере Канады около 3200 л. н. [Никольс, 1971]. Около 3000 л. н. начинается увеличение ледовитости Полярного бассейна, а в период 2500—1500 л. н. его ледовый покров был близок по параметрам к современному [Борисов, 1968].

В результате развития вечной мерзлоты началась гибель древесной растительности. По результатам изучения макроостатков деревьев из таймырских тундр установлено, что все они относятся ко времени ранее II тыс. до н. э. Таким образом, все имеющиеся данные показывают, что ко II тыс. до н. э. зона тундры расширилась до своих современных пределов.

Климат конца II тыс. до н. э. был близок современному, но несколько суше. Предполагают, что именно во второй половине суббореала Заполярье становится экстремальной зоной с характерными для него факторами: длительной и суровой зимой, коротким, иногда жарким летом, частыми и сильными ветрами и т. д., усугубляющими воздействие геофизических и астрономических факторов, свойственных заполярным местностям.

Расширение зоны тундры должно было повлиять на особенности расселения и поведения животных, в первую очередь северного оленя. Пути их сезонных миграций удлинились: весной они стали уходить далеко на север, возвращаясь осенью в северную тайгу и лесотундру.

Судя по подсчетам, проведенным для нужд оленеводческого хозяйства [Дикий северный олень, 1975], оленеемкость пастбищ тундры и лесотундры примерно вдвое больше емкости пастбищ таежной зоны. Соответственно, расширение зон тундры и лесотундры способствовало росту поголовья северного оленя — важнейшего промыслового животного Крайнего Севера.

Изменения климата и среды обитания неизбежно должны были сказаться на культуре и особенно хозяйстве жителей Заполярья. Результатом этой адаптации стали культуры охотников на северных оленей, основные черты которых рассмотрены в работе Ю. Б. Симченко [1976].

Говоря об адаптации к экстремальным условиям Заполярья, следует иметь в виду, что это был многосторонний процесс, охватывавший как разнообразные стороны культуры населения этих районов, так и акклиматизацию человека как биологического вида. Учитывая, что рассматриваемый период был особенно неблагоприятным с точки зрения природно-климатических условий и длился достаточно долго, можно, по-видимому, говорить, что акклиматизационные процессы, затронувшие физиологические механизмы человеческого организма, привели к определенной направленной генетической изменчивости и, в конечном счете, к формированию особых антропологических типов. Последние выявляются на основе антропологического изучения таких коренных народов Крайнего Севера, как нганасаны Таймыра и аборигены Чукотки — эскимосы и чукчи [Акклиматизация человека, 1969; Алексеев, 1968; Алексеева, 1977; Золотарева, 1962]. К сожалению, исследования экологической физиологии в этноисторическом плане еще не получили должного развития, что в известной степени объясняется малочисленностью, а то и полным отсутствием палеоантропологических материалов. Однако относительно таймырских нганасан можно с уверенностью

сказать, что они отличаются большей физиологической приспособленностью к местным природным условиям, чем пришлое население.

На протяжении примерно 3000 лет, отделяющих нас от момента сложения экстремальных природно-климатических условий в Сибирском Заполярье, климат не был стабилен. По Х. Никольсу, на арктическом побережье Канады максимум похолодания фиксируется в последние века до нашей эры, а с первых веков нашей эры, около 1800 л. н., здесь начинается некоторое потепление. Незначительное потепление и увлажнение климата в I тыс. до н. э. отмечено и для Западной Сибири, что проявляется в увеличении доли пыльцы ели [Левковская, 1971].

По диаграмме из разреза на поселении Усть-Половинка (рис. 87), хорошо обеспеченного ^{14}C датами и охватывающего промежуток от середины I тыс. до н. э. до современности, можно обоснованно судить о климатических изменениях в районе памятника. Полученные результаты имеют большое значение, поскольку позднеголоценовые фазы изменения растительности в Заполярье были датированы лишь в Канаде.

Так, по образцу из основания разреза (глубина 0.8 м) установлено, что в середине I тыс. до н. э. в районе поселения пясинской культуры существовала древесная растительность, но основные площади были заняты моховыми тундрами; позднее господствовала лесотундра. Растительность представляла собой сочетание елово-лиственничных редколесий, зарослей ольховника, травянистых сообществ, образованных осокой и разнотравьем, и моховых тундр. После 150 г. н. э. (время существования малокореннинской культуры) началось улучшение климата, что, как показывает образец из средней части разреза (глубина 0.5 м), привело к возрастанию в комплексах роли древесных пород, пыльца которых составляет до 74.7%, а преобладают среди них хвойные, достигающие 78.8%. Отмечается максимум пыльцы ели (37%); в конце этапа начинает встречаться пыльца кедра сибирского и пихты, что указывает на смещение к северу границы зоны северотаежных лесов. В травянистых сообществах заметно уменьшается доля осоки. Эта ситуация сложилась 920 ± 100 л. н. (ЛЕ 1148), т. е. около 1030 г. н. э.

Образцы из верхней части разреза, ограниченной уровнем погребенной почвы со следами криогенных деформаций (глубина 0.3 м), показывают совсем иное соотношение различных типов растительности. Так, начиная с глубины 0.3 м, значительно сокращается общее содержание пыльцы древесных пород — до 32—37% с одновременным плавным сокращением в них доли хвойных (от 74% в начале этапа до 26% в его конце). В травянистых сообществах вновь доминируют осоковые, а роль разнотравья сокращается. В конце этапа практически перестает расти ель, содержание пыльцы которой снижается до 2—2.8%, тогда как в поверхностных пробах в пределах ее ареала нормой является примерно 10%.

Уровень погребенной почвы с криогенными деформациями отмечен на многих раскопах поселения Усть-Половинка, имеется он и в разрезе поселения Тагенар IV, а также в ряде других пунктов. Датировать его, что представляется весьма важным, в какой-то мере помогает слой с погибшей растительностью на стоянке Дюна III, расположенной в 20 км ниже по течению р. Пясины от поселения Усть-Половинка. В песках, перекрывающих на стоянке Дюна III развалины жилища, построенного из жердей, длинных тонких стволов и пластов коры, были выявлены захороненные пни крупных лиственниц. Поскольку жилище датировано по ^{14}C примерно 900 г. н. э., а возраст деревьев достигал по крайней мере 200 лет, можно предполагать, что они были погребены песками в XII—XIII вв. Следовательно, период их начального роста приходится на X—XI вв., когда образовался слой почвы, датированный 1030 г. Обусловлено ли образование дюны общим повыше-

нием континентальности или локальными факторами, неясно, но формирование почвы должно было относиться к теплой фазе и предшествовать изменению климата в сторону похолодания, с которым и связаны фиксируемые молодые криогенные деформации. Предполагается, что этот процесс, начавшийся в XIII в., достиг максимума в XVI—первой половине XIX вв. Это время иногда называют «малой ледниковой эпохой», которая отделена от последнего крупного похолодания конца I тыс. до н. э. периодом в 1800—1900 лет, что соответствует, по А. В. Шнитникову [1957], многовековому ритму колебаний климата, который В. М. Синицын [1965] называет периодическим изменением климата IV порядка. Примечательно, что в XIV в. исчезают норманнские поселения в Гренландии [Хеннинг, 1962: 432, 433]. Со второй половины XIX в. начинается современное потепление Арктики.

Ухудшение климата во II тыс. до н. э. не было столь пагубным для охотников Заполярья, как «малая ледниковая эпоха» для гренландцев, занимавшихся сельским хозяйством. Древние арктические народы не покинули Заполярье и приспособились к существованию в сдвинувшихся к югу зонах тундры и лесотундры. Напротив, происходившие в это время крупные этнокультурные преобразования, связанные с передвижением андроновских коллективов, которые из-за аридизации климата степной зоны были вынуждены частично покинуть районы расселения [Косарев, 1974: 31; Хлобыстин, 1976: 38—45], привели к проникновению за Полярный круг новых групп населения и новых культурных навыков, среди которых главным следует считать бронзолитейное производство. В то же время, благодаря начавшемуся в середине III тыс. до н. э. понижению уровня Мирового океана, усиливается дренаж Западно-Сибирской низменности, что совместно с развитием вечномерзлых грунтов сделало Север Западной Сибири пригодным для широкого освоения пришельцами с юга [Хлобыстин, Левковская, 1974: 239]. Судя по относительной многочисленности памятников II тыс. до н. э. даже на Севере Западной Сибири, населенность заполярных районов в этот период заметно возрастает. Очевидно, появление широких просторов тундры и улучшение ее проходимости в связи с развитием вечной мерзлоты способствовали широтным перемещениям как в зимнее, так и в летнее время. Это отразилось, в частности, в распространении по Евразийскому Заполярью вафельной керамики — одного из показателей ымыяхтахской культуры.

Памятники с вафельной керамикой в Восточной Сибири

(общая характеристика и хронология)

Поселения с вафельной керамикой, впервые обнаруженные в Якутии А. П. Окладниковым и отнесенные им к позднему неолиту или ранней бронзе, были сопоставлены исследователем с глазковскими материалами и датированы II тыс. до н. э. [Окладников, 1945; 1946; 1950б].

Публикуя коллекцию со стоянки Буолкалаах, обнаруженной П. И. Глушинским в 1961 г. на одноименной речке — левом притоке р. Оленек, я также датировал ее эпохой бронзы, временем, близким к рубежу II—I тыс. до н. э. [Глушинский, Хлобыстин, 1966]. Коллекция, представляющая собой чистый комплекс, содержала фрагменты сосудов митровидной или шаровидной формы с примесью шерсти в тесте и вафельными отпечатками на поверхности. Горловины сосудов образованы незначительным отгибом венчиков наружу. В орудийном наборе стоянки отметим трехгранные наконечники стрел, сделанные из кремнистого сланца, треугольный и трапециевидные скребки, крупный наконечник копья. Имеются ножевидные пластинки и

орудия из них, проколка с трехгранной рукояткой. Сопоставляя формы сосудов и способ их изготовления, приемы обработки орудий с изделиями ленских стоянок, открытых А. П. Окладниковым, удалось прийти к выводу, что бассейн Оленека входил в это время в единый с синхронными Буолкалааху поселениями бассейна Лены культурно-этнический круг.

Впоследствии Ю. А. Мочановым была выделена ымыяхтахская культура [Мочанов, 1969; Федосеева, 1980]. В число ее памятников вошли и те, с которыми сопоставлялась стоянка Буолкалаах. Ю. А. Мочанов отнес эту культуру к позднему неолиту. Абсолютный возраст нижнего хронологического предела ее существования определяется 3900 ± 50, а верхнего — 3100 ± 100 л. н. [Мочанов, Федосеева, 1975а; 1975б]. Можно отметить, что две даты, на основе которых определяется нижняя граница периода, а именно 3900 ± 50 л. н. (ЛЕ 858) из слоя VIII стоянки Сумнагин I и 3800 ± 400 л. н. (ЛЕ 1025) из Чучур-Муранского могильника, вызывают некоторые сомнения, поскольку для слоя IX стоянки Сумнагин I имеется дата 3750 ± 50 (ЛЕ 859), а для самого слоя VIII есть вторая дата — 3310 ± 130 л. н. (ЛЕ 874). Остальные имеющиеся даты укладываются в рамки последних веков II тыс. до *н. э.*

Для ымыяхтахской культуры характерны митровидные и шаровидные горшки, круглодонные миски. В тесте имеется примесь шерсти. Поверхность сосудов бывает гладкой либо несет рубчатые, чаще всего вафельные, отпечатки от колотушки, с помощью которой они формировались. Размеры ячеек «вафельного» узора большей частью небольшие — 5 × 5 мм. Орнаментировались сосуды ямками под венчиком, изредка — резными линиями.

Каменный инвентарь отличается высоким совершенством обработки и очень разнообразен. К ведущим типам орудий принадлежат трехгранные наконечники стрел, треугольные наконечники стрел с вогнутым либо прямым основанием, а также с боковыми уступами. Появляются удлиненные формы черешковых наконечников. Скребки имеют тщательную поверхностную обработку и дают устойчивые серии треугольных и трапециевидных форм. Характерны трехгранные основы многофасеточных резцов. На ряде стоянок, содержащих вафельную керамику, встречены следы бронзолитейного производства — обломки льячек и капли бронзы.

Стоянки с вафельной керамикой широко распространены по территории Восточной Сибири, однако не все они могут быть отнесены к ымыяхтахской культуре, поскольку вафельный узор является техническим, отражающим технологию изготовления керамической посуды. Он иногда употреблялся при изготовлении глазковской керамики и бытовал в культурах, более поздних по времени, чем ымыяхтахская.

На Таймыре обнаружен ряд стоянок, принадлежащих носителям ымыяхтахской культуры. Наиболее выразительной из них по находкам является стоянка Абылаах I.

Стоянка Абылаах I

Стоянка Абылаах I (рис. 40—42) уже упоминалась в главе II, где описаны ее местоположение и особенности стратиграфии, в связи с ранненеолитическим комплексом находок, происходящим из нижнего слоя. Верхний слой заключал в себе следы поселения ымыяхтахцев. Находки, связанные с ним, залегали прямо под дерном на глубине 7—10 см. Вследствие криогенных деформаций слоя находки иногда имели вертикальное смещение в пределах разреза, в жилах заполнения опускаясь в нижележащие уровни.

Изделия встречались рассеянно по всему желтому слою, не будучи привязаны к какой-либо прослойке. Местами они образовывали небольшие скопления. Эти скопления прослеживались около кострищ. Обнаружено 6 кострищ и 3 пятна красного, как бы прокаленного суглинистого песка.

Кострище № 1 находилось в юго-восточной части раскопа у края мыса, занятого стоянкой. Оно имело округлые очертания с диаметром около 1.5 м и в разрезе представляло собой линзу грунта красного цвета с примесью угольков. Наибольшая мощность ее 8 см. В центре кострища находилось скопление обожженных растрескавшихся галек, вокруг которых имелась тонкая углистая прослойка. С юго-восточной стороны кострища лежал большой камень. Место, на котором он лежал, окаймлял углистый слой, отходящий в виде аппендикса от основной части кострища. Рядом с последним были найдены наконечник стрелы, скребок, отщепы, ножевидные пластинки и фрагменты керамики.

Кострище № 2 оказалось в центре раскопа. Оно имело вытянутую форму (1 × 1.7 м) и представляло собой тонкую углистую прослойку, лежавшую на желтом песке и перекрытую слоем прокаленного суглинистого песка, перемешанного с угольками. Восточная часть кострища нарушена большой мерзлотной трещиной. Мощность линзы кострища 7—12 см. По всей его площади были рассеяны обожженные камни, черепки сосудов, отщепы, кальцинированные косточки рыб. Найдено много кусков шлакированной керамики и обломки льячки, а в кв. 9, близ кострища, был найден обломок втулки кельта.

Кострище № 3 также находится вблизи центра раскопа, занимая весь кв. 49, большую часть кв. 50 и заходя в прилегающие квадраты. Оно имеет вытянутые очертания (1.2 × 2.1 м). Его слой насыщен углем; мощность линзы кострища, лежащей на желтом песке, около 7 см. Линза перекрыта красным суглинком и песком (6 см). Восточная часть кострища разорвана мерзлотной трещиной. В кострище и около него найдены обломки двух льячек, капли бронзы, куски шлакированной керамики, мелкие кальцинированные кости, много мелких отщепов, черепки глиняных горшков, кусочки керамического шлака, речные гальки. По углю из кострища получена дата 3100 ± 60 л. н. (ЛЕ 790), т. е. 1150 лет до н. э.

Рядом с кострищем № 3, к востоку от него, находилось большое (1.30 × 2.36 м) вытянутое пятно красного суглинка и песка, в котором встречались прослойки угля. Мощность его около 7 см. Краем оно перекрывало кострище № 3. Все находки извлечены из красного слоя, среди них кусочек бронзы, наконечник стрелы, абразив, обломки двух нуклеусов, ножевидные пластинки, отщепы, черепки керамики, галька-отбойник с характерной звездчатой забитостью концов и обломки льячки.

И кострище № 3, и красное пятно около него, вероятно, были связаны с бронзолитейным производством. Вблизи них с северной стороны были найдены обломок глиняной литейной формы кельта (в кв. 60) и фрагменты песчаниковой формы для отливки антропоморфной фигурки (в кв. 75).

Кострище № 4 выявлено на границе кв. 78 и 79. Диаметр его 0.5 м, а мощность незначительна — 0.5—1.5 см; слой слабо насыщен углями. Около него происходило изготовление каменных орудий: здесь на 6 кв. м площади найдено 373 отщепа, что составляет пятую часть от всех отщепов, найденных на стоянке.

Кострища № 5 и 6 были открыты в юго-восточном углу раскопа; они находятся рядом, но расположены на разных уровнях — № 5 на 2—3 см ниже №·6. Небольшое (диаметр 0.4 м) кострище № 5 располагалась на границе кв. 113 и 116. В нем была найдена галька кремнистого сланца. Слой кострища был тонким и залегал в желтом песке. Кострище № 6 было зна-

чительным по размеру (диаметр — около 2 м), но расплывчатым, а углистые прослойки в нем представляли собой небольшие пятна. На северном краю кострища лежал большой камень. Находки возле этих кострищ были малочисленными. Красные маломощные пятна обожженного песка с небольшой примесью угольков были обнаружены в кв. 21 и 39. Они невелики по размеру. Поскольку никаких углублений на стоянке не зафиксировано, жилища, видимо, были наземными.

Остеологические материалы представлены костями северного оленя. Обычно они попадались единично и имели плохую сохранность. В пределах кв. 35 большое скопление костей образовало прослойку тлена мощностью 0.5 см, заходящую и на соседние квадраты. В кв. 34 найден обработанный кусок рога северного оленя (рис. 43).

Керамику, обнаруженную в верхнем культурном слое стоянки Абылаах I, можно разделить на две функциональные группы: бытовую посуду и изделия, связанные с бронзолитейным производством.

Керамическая посуда представлена фрагментами не менее чем 9 сосудов (рис. 44—45). К сожалению, они отличаются плохой сохранностью; черепки слоистые, некоторые разрушились вследствие пребывания в кострах, где производилась плавка бронзы. Глиняное тесто, из которого лепились сосуды, имело примесь крупной и ломкой шерсти, по-видимому оленьей. Горшки изготовлены способом выбивания и имеют характерную слоистость; в толстых черепках прослеживается до трех слоев, по которым черепки распадаются. При выбивании использовалась лопатка с нарезками, оставлявшая на внешней поверхности горшков прямоугольные вафельные отпечатки либо рубчики. Ячейки вафельной сетки мелкие, их число достигает 16 на 1 кв. см. На некоторых фрагментах участки с отпечатками перемежаются с гладкими поверхностями.

Горшки круглодонные, шаровидной или митровидной формы; края их округлые или, реже, прямые. В одном случае венчик был утолщен за счет налепного валика на внутренней стороне. У одного горшка имелась слабо выгнутая шейка. Толщина стенок сосудов заметно различается: так, встречены фрагменты, толщина которых достигает 13 мм, но в то же время имеются и черепки толщиной всего 5 мм. Единственным украшением горшков был поясок ямок, расположенный у края; у сосуда с шейкой верхняя часть была украшена отпечатками жильной сетки с крупными ячейками (рис. 47: 1). Расстояние между нитями около 10 мм. Черепки этого сосуда находились среди кусков шлака. У западного края кострища № 2 были найдены обломки маленькой круглодонной миски (рис. 48: 4); ее диаметр — 9.5 см, высота — 5, а толщина стенок — около 0.5 см. Примесь в тесте незаметна, лишь на внешней поверхности имеются штрихи, напоминающие отпечатки шерсти. Мисочка была вылеплена без дополнительного выбивания.

Бытовая керамика верхнего слоя Абылаах I полностью соответствует керамике ымыяхтахской культуры, особенно происходящей со стоянок Северной Якутии. От сосудов из III слоя стоянки Белькачи I ее отличает только отсутствие прочерченных узоров.

Из керамических изделий, использовавшихся в бронзолитейном производстве, в первую очередь следует отметить обломки четырех льячек (рис. 48: 1—3; 50: 1—3). Одна из них реставрирована, остальные, судя по имеющимся фрагментам, имели сходную форму. Они были небольшого, примерно одинакового размера (4.5 см в длину), овальные в плане с сужением к устью, где был желобок для слива. Днища сильно пережженные, только по одному фрагменту удалось установить высоту льячек, которая оказалась около 3 см. Емкость их, таким образом, примерно 15 куб. см. Днища в задней части расширялись, что, вероятно, было необходимо для

удержания льячки при разливе металла. В отличие от бытовой посуды, льячки вылеплены из глины, не содержавшей каких-либо искусственных примесей. Края льячек ошлакованы. На одном из фрагментов заметна капля меди.

Выступы на абылаахских льячках напоминают ручку на льячке со стоянки Старый Сиктях, расположенной на Нижней Лене, в ее заполярном течении. Вместе с обломками льячек на этой стоянке в одном слое залегали вафельная керамика и каменные орудия, аналогичные ымыяхтахским [Окладников, 1946: 89, табл. XII, XIII]. Льячка, найденная на ымыяхтахской стоянке у с. Покровского, также несколько отличалась по форме и размеру от абылаахских находок [Окладников, 1950б: табл. XXXIV]. В то же время льячки со стоянки Куллаты и стоянки «У Областной больницы» в г. Якутске были совершенно другого типа, с ручкой и боковым расположением слива, а вместе с ними, кроме вафельной, залегала и керамика более позднего возраста [Окладников, 1950б: табл. XXXIV: 1; рис. 23]. В целом абылаахские льячки, отличаясь от льячек из Якутии, имеют своеобразный облик.

Литейная форма для отливки кельта, от которой сохранился обломок одной из половинок матрицы (рис. 49: 2; 50: 5), оказалась изготовлена из той же глины, что и льячки. Внешняя сторона формы скруглена, а на внутренней вырезана матрица для средней части кельта. Кельт, для отливки которого была предназначена литейная форма, имел в срединном поперечном сечении форму шестигранника с плоскими сторонами и выступающими продольными ребрами. Такая форма типична для кельтов сейминско-турбинских типов [Тихонов, 1960: 37; Бадер, 1964: 65]. Глиняные литейные формы, по-видимому, были разового употребления и разбивались при извлечении отливки.

В кострищах № 2 и 3 было найдено много кусков пористого, сильно пережженного керамического шлака (рис. 47: 2—4), часть которых, возможно, является фрагментами попавших в костер сосудов. Остатки первоначальной поверхности с отпечатками сетки, сохранившиеся на трех кусках спекшейся керамической массы, напоминают края большого сосуда. Диагонали ромбических ячеек — 12 мм. Сетка охватывала край, заходя по обе стороны от него. Вероятно, эти фрагменты и черепки от упоминавшегося выше сосуда с шейкой составляли единое целое, какое-то сооружение на месте кострища, служившее для улучшения процесса плавки бронзы. При раскопках места плавки бронзы на стоянке «У Областной больницы» были найдены подобные керамические шлаки. А. П. Окладников пришел к выводу, что они являются обмазкой стенок плавильного горна [Окладников, 1950б: 101]. С подобными же шлаками пришлось встретиться при раскопках кострища, где плавилась бронза, на поселении Усть-Половинка (раскоп II, кострище № 2).[1]/Находки на стоянках Абылаах I и Усть-Половинка встречаются в сопровождении красной суглинистой массы, вероятно, служившей внешней обмазкой горна, что до некоторой степени подтверждает мысль А. П. Окладникова.

Важной находкой, характеризующей бронзолитейное производство ымыяхтахцев, является также небольшой обломок втулки кельта с орнаментальным поясом, состоящим из двух тонких валиков, пространство между которыми заполнено вертикальными «городками». От пояса спускаются валики, образующие треугольники и вертикальные линии (рис. 50: 6). Орнамент из «городков» обычен для кельтов сейминско-турбинского типа, но вертикально опускающиеся линии на них отсутствуют. Такие линии есть на не-

[1]См. главу IV.

которых кельтах Среднего Урала, относимых к одной из групп западносибирских кельтов, которые датируются началом I тыс. до н. э. [Тихонов, 1960: 52—54]. Ближайшей аналогией абылаахской находке по орнаменту является один из кельтов, относимых мной к прибайкальскому типу.[2] Он найден на побережье Байкала близ с. Лиственничного в местности Березовый мыс. Характерной особенностью этих кельтов являются выступы по краям, благодаря которым кельты напоминают распространенные в Восточной Сибири топоры с «ушками». П. П. Хороших датировал эти кельты карасукским временем [Хороших, 1970]. По-видимому, дата XIII—XII вв. до н. э. является для прибайкальских кельтов наиболее реальной, учитывая их сходство с сейминско-турбинскими, а также абсолютный возраст абылаахских находок.

Абылаахский кельт, судя по результатам спектрального анализа, выполненного Д. В. Наумовым в лаборатории археологической технологии ЛОИА АН СССР, был отлит из оловянистой бронзы, состоявшей на 92% из меди и на 7% из олова. Кроме того, были отмечены незначительные примеси свинца, серебра, никеля и других элементов. Подобное содержание элементов установлено и для корольков (капель металла, остающихся на местах отливки изделий), найденных в кострищах стоянки Абылаах I.

Уникальной находкой является песчаниковая форма (рис. 49: 1; 50: 4), изготовленная из плитки красноватого мелкозернистого песчаника, имеющей очертания овала с усеченным широким концом; наибольшие размеры плитки — 7.5 × 4 см при толщине 1.3 см. При склейке ее кусочков оказалось, что она предназначалась для отливки антропоморфной фигурки, схематично вырезанной на широкой лицевой стороне формы прямолинейными желобками. Голова и туловище изображены одной линией, начинающейся с широкого торца плитки. Линия туловища расходится на конце на две линии ног, расставленных под острым углом; в верхней половине она пересекается под прямым углом линией плеч, от концов которой по направлению к туловищу опускаются линии рук. Длина фигурки — 6.5, ширина плеч — 2.4 см; ширина желобка, изображающего туловище, — 4.5—5, остальных желобков — 3 мм. Врезаны они также на разную глубину: туловище — на 4 мм, руки и ноги — на 2.5—3 мм. Желобки имеют трапециевидное сечение. Желобок туловища расширяется при выходе на торец в прямоугольный раструб.

Когда плитка стороной с вырезанным изображением прижималась к какой-либо деревянной или каменной плоской поверхности, образуя замкнутую литейную форму, то через этот раструб, выполнявший функцию литка, форма наполнялась металлом, вероятнее всего, бронзой. Металл, застывший в виде шляпки над литком и в самом раструбе, образовывал головку отлитой фигурки. Фигурка лишена половых признаков. Тонкая линия, продолжающая туловище, как и штрихи, продолжающие желобки рук, являются следствием небрежности гравировки. Попадавший в них металл должен был застывать нитями и удаляться при дальнейшей обработке изделия.

Идентичные по положению конечностей и линейности рисунка фигурки были распространены в искусстве сибирских народов довольно широко и встречаются в разной технике исполнения. На красноватом песчанике, слагающем скалистые берега Енисея на Юге Сибири, они исполнены техникой точечного выбивания (гора Тепсей). Та же техника использована при их

---

[2] Кроме указанного кельта, хранящегося в Иркутском областном краеведческом музее, к прибайкальскому типу относятся кельт, найденный на Байкале у с. Горемыки (ныне пос. Байкальское), а также кельт, поступивший в Археологическую Комиссию от «человека, пришедшего с Ангары» (ОАК за 1900 г.: рис. 275).

изображении на песчаниковых плитах, окаймляющих тагарские могилы у оз. Шира [Рыгдылон, 1959: табл. IV, VII]. Красная охра выделяла такие же фигурки на известковых скалах близ д. Каменки на Нижней Ангаре [Окладников, 1966б: 102, табл. 174: 1].

Известны и этнографические параллели с подобными изображениями. На одном эвенкийском шаманском нагруднике помещено пять фигурок, застывших в той же позе, что и абылаахский «человечек». Они нарисованы на желтовато-серой ровдуге темно-красной краской и оконтурены вышивкой из белого оленьего волоса. У центральной фигурки голова не изображена, у остальных она показана кружками [Иванов, 1954: 151—153, рис. 46]. Поразительной аналогией абылаахской находке не только по постановке фигуры, но и по способу ее вырезания и даже по своим очертаниям, является литейная форма из Ямало-Ненецкого окружного краеведческого музея в г. Салехарде. Сделана она из дерева и имеет вторую половинку, на которой вырезана только часть литка (рис. 51). Высота отлитой в ней оловянной фигурки — 14.5 см. Конечности фигурки снабжены кистями и ступнями. Литейная форма, судя по надписи, сделанной на ней в конце прошлого или начале нашего века, принадлежала «самоедам» — ненцам [Иванов, 1969: рис. 82].

Приведенные примеры показывают, что возраст схематичных антропоморфных фигурок, лишенных каких-либо характерных датирующих атрибутов, не может определяться достоверно. Можно лишь говорить о времени появления определенного канонического образа. Для абылаахского типа, принимая во внимание абсолютное определение возраста памятника, таким рубежом можно считать XII в. до н. э. Это же положение применимо и по отношению к другим типам канонических изображений (лоси, быки и т. д.), ибо традиционность приемов, ограничивающих творчество, наделяла стилизованные изображения живучестью, преодолевающей века.

Из каменного инвентаря верхнего слоя стоянки непосредственное отношение к производству металлических орудий имеют некоторые абразивы. Так, около кострища № 2 в кв. 19 был найден брусок твердого сланца, одна из широких сторон которого имеет следы пришлифовки, обычной при заточке металлических орудий (рис. 52: 4). Обломок такого же бруска, но меньшего размера, встречен севернее кострища № 3. Для остальных абразивов использовался крупнозернистый песчаник. На нескольких кусках песчаника следы заглаженности образуют плоские гладкие поверхности. Один крупный кусок песчаника имеет желобки от заточки каких-то острий. Плитка служила для распилов. У другого, имеющего форму бруска, на конце образовался конус, на поверхности которого хорошо видны концентрические желобчатые штрихи. Это следы сверления отверстия. Наибольший диаметр сверла — 18 мм; ширина его — 8 мм. К абразивам относится небольшая плитка сланца, на обеих сторонах которой и даже на боковой грани имеются многочисленные глубокие желобки (рис. 58: 8). По-видимому, эта плитка использовалась для заточки иголок.

Из каменных орудий обращает на себя внимание трехгранный наконечник стрелы, сделанный из коричневого кремнистого сланца (рис. 54: 17). По своей тщательной отделке струйчатой ретушью и геометрической правильности граней он представляет собой один из шедевров обработки камня. Такие наконечники типичны для ымыяхтахской культуры и присутствуют в комплексах стоянок Буолкалаах, Кестримрюнгкя III, Уолба II, Туой-Хая, Конзабой и на других памятниках Якутии [Глушинский, Хлобыстин, 1966: рис. 3: 3, 4; Окладников, 1946: табл. XII: 1, рис. 3: 2; Федосеева, 1968: рис. 15: 1; 1980: 182, 183, рис. 102: 66—69]. На Чукотке они представлены в памятниках выделенной Н. Н. Диковым северочукотской культу-

ры — аналога ымыяхтахской [Диков, 1977: табл. 84; 1979: 135, рис. 51: 18, 19], а на Камчатке встречаются среди изделий, отнесенных к ушковским неолитическим культурам [Диков, 1979: рис. 41: 10, 42: 8]. Происхождение необычной трехгранной формы этих наконечников, вероятно, может быть связано с подражанием форме костяных орудий, часто также трехгранных благодаря естественным пропорциям использованных для этой цели костей [Окладников, 1946: 178, табл. XVII; 1950б: табл. I; Хлобыстин, 1970: рис. 2].

Найдено также значительное количество наконечников стрел (9 — целые, еще 10 представлены обломками). Треугольные с прямым или слабовогнутым основанием представлены 5 экз. (рис. 54: 1—4, 16). Одно орудие принадлежит к типу треугольных с сильновыпуклыми боковыми лезвиями (рис. 54: 6). К типу треугольных с боковыми выемками относятся два наконечника, причем один из них весьма своеобразен благодаря сильно скошенному основанию (рис. 54: 7, 8). К типу листовидных со скругленным основанием относятся один целый экземпляр и один сломанный наконечник (рис. 54: 14, 19). Два обломка, возможно, являются частями листовидных наконечников, оформленных краевой ретушью (рис. 54: 18, 20). Возможно, они, так же как и фрагменты двух других подобных наконечников, связаны с ранненеолитическим комплексом нижнего слоя (рис. 54: 15, 16). Подавляющее большинство наконечников изготовлено из прозрачного халцедона, лишь несколько предметов сделаны из серовато-белой яшмовидной породы и кремнистого сланца.

В верхнем слое обнаружено 7 экземпляров ножей, которые, по-видимому, все имели сегментовидную форму и усеченное основание и использовались, будучи вставленными в рукояти. Один из них изготовлен из розовато-серой кремнистой породы путем шлифования (рис. 55: 14), другой — из красивой яшмы красных тонов с помощью ретуши (рис. 55: 15); остальные сделаны из халцедона (рис. 55: 9, 13, 16—18). Обломками ножей или крупных вкладышей являются фрагменты трех халцедоновых изделий (рис. 55: 3—5, 8). Вкладыши составных орудий делались из халцедона и кремнистых сланцев (рис. 55: 1, 2, 6, 7, 10, 11). Для них характерна тщательная обработка ретушью по всей поверхности. Два вкладыша были концевыми (рис. 55: 6, 12).

Около кострища № 1 было найдено три проколки (рис. 53: 1—3), причем две из них оказались перекрыты его краем, но не имеют следов обжига. Вероятно, они оказались погребенными после размыва кострища. Обе они изготовлены из халцедона. Третья сделана из светлого кремня. Ретушь оформляет изделия по всей поверхности, придавая им вид тонких четырехгранных в сечении острий. Заготовкой для проколки, найденной в восточной части раскопа, послужил кремневый краевой скол (рис. 53: 5). Он имеет трехгранное сечение и ретушь на двух гранях, дополнительно было подправлено лишь острие, имеющее следы сильной, до блеска, сработанности, показывающие, что оно употреблялось не только в функции прокалывания.

В качестве провертки использовался крупный трехгранный скол светлой яшмы (рис. 53: 7), не имеющий дополнительной обработки. Однако на его острие и участках ребер вблизи последнего отчетливо видны следы сработанности в виде заполировок и выщербин.

Вместе с другими изделиями в верхнем слое оказались три орудия, рабочие участки которых приострены несколькими резцовыми сколами. Два из них являются так называемыми нуклеусами-дрилями. Орудие из яшмового нуклеуса, вероятно, служило полиэдрическим резцом (рис. 56: 2). Судя по следам утилизации на острие и прилегающих к нему ребрах, халцедоновое орудие выполняло функции сверла (рис. 56: 3). Халцедоновый скол с нуклеуса использовался как полиэдрический резец (рис. 56: 1).

Самыми многочисленными орудиями на стоянке были скребки. На 125 кв. м раскопа их найдено 60 экземпляров (рис. 57—60). Они разнообразны по форме. Среди них выделяются остро- и овальнообушковые, трапециевидные и секировидные скребки, скребки на концах пластинчатых сколов. В большинстве своем они имеют выпуклые лезвия; изделия с прямым рабочим краем единичны. У ряда скребков лезвия скошены по отношению к продольной оси орудия. Часто один из углов лезвия оформлялся как выступ. Скребки изготавливались как из отщепов, так и из пластинчатых сколов. Для удобства закрепления их обушки обрабатывались с обеих сторон, причем на нескольких скребках остались следы вара, с помощью которого орудия закреплялись в рукоятках. Некоторые изделия ретушированы полностью. Примечательно, что последние выделяются также цветом или рисунком камня. Большинство скребков сделано из прозрачного халцедона, но есть и дымчатые, и молочные, и полосчатые его разновидности. Употреблялись, но в значительно меньшей степени, кремнистые сланцы и яшмовидные породы камня. Особо выделяется массивный скребок с трехгранным поперечным сечением, изготовленный из сердолика темно-янтарного цвета (рис. 58: 13).

Скребло в коллекции одно (рис. 58: 14). Оно изготовлено из крупного скола серого кварцита. Его выпуклый рабочий край имеет двустороннюю ретушь и сильно сработан.

В верхнем слое встречено много отщепов, сколов и пластинок с ретушью по краям, главным образом халцедоновых. У некоторых из них рабочий край оформлен крутой ретушью, и они служили скребками и скобелями, как, например, пластинка, использовавшаяся как боковой скребок; другие употреблялись для резания. Имеются и обломки каких-то орудий, среди них — край наконечника копья (?). На спинке одного отщепа бежевого кремнистого сланца сохранился участок поверхности шлифованного изделия.

Ножевидных пластинок с хорошей огранкой мало, причем необходимо учитывать возможность принадлежности части таких находок к комплексу раннего неолита, залегающему в основании культурных отложений стоянки. Всего в обоих горизонтах найдено 532 ножевидные пластинки, а отщепов — 2181 экз., что, учитывая даже принадлежность какого-то количества пластинок к более древнему комплексу, указывает на их большое значение в каменном инвентаре ымыяхтахских обитателей Абылааха. На многих сечениях пластинок есть следы утилизации; вероятно, они использовались без дополнительной обработки как вкладыши составных ордий.

В верхнем слое кроме нуклеусов-дрилей встречены остатки еще 5 халцедоновых призматических ядрищ.

На двух участках верхнего слоя отмечены скопления продуктов расщепления кремнистых пород. Один из них, где найдена почти шестая часть всех отщепов, находился возле кострища № 4. Около кострища № 3 на площади в 6 кв. м собрано 306 отщепов, что составляет седьмую часть их количества. Много отщепов было и в самом слое кострища № 3, вблизи которого найден отбойник из кварцитовой гальки.

Примечательно отсутствие на стоянке шлифованных инструментов для обработки дерева. Вероятно, они в первую очередь были замещены орудиями из бронзы.

Единственным украшением, найденным на памятнике, является обломок кольца из мягкого камня, напоминающего сланец (рис. 53: 9). Внешний его диаметр около 3.5 см, внутренний — 2.1 см. Толщина изделия — 3 мм. Оно было сделано двусторонним станковым резанием. Одна из сторон, видимо, внешняя, пришлифована, на другой заметны глубокие бороздки от предва-

рительной отделки. Кольцо было сломано еще в древности, и на дошедшем до нас фрагменте имеются два отверстия, выполненные биконическим сверлением. Они расположены друг от друга на расстоянии, равном четверти длины окружности кольца, и можно предполагать, что изначально на нем было четыре симметрично расположенных отверстия. Один из концов обломка был обточен; на другом, где линия слома проходит через отверстие, заметна заглаженность краев, появившаяся, возможно, вследствие ношения кольца.

Завершая обзор находок, упомянем изделие из рога северного оленя, найденное в кв. 34. Это нижняя часть рога с первым (надглазничным) отростком, от которого была отделена «лопатка». Рог был обрезан с двух краев. В результате получилось изделие, по форме напоминающее колотушку. Подобные изделия найдены в мезолитических слоях стоянки Усть-Белая на р. Ангаре, однако там они изготовлены из рога благородного оленя [Медведев и др., 1971: 56, табл. 12: 3, 32: 2]. Такое же изделие из рога северного оленя было обнаружено в одном из жилищ Мезинской палеолитической стоянки. По мнению Г. Ф. Коробковой, исследовавшей следы сработанности на нем, последнее использовалось как колотушка для ударов по лопаткам и другим костям мамонта, составлявшим комплекс ударных музыкальных инструментов. Плохая сохранность колотушки, найденной на Абылаахской стоянке, мешает установить ее функции, применяя возможности трасологического анализа. Однако, учитывая отсутствие сбитостей на ударном конце изделия, можно предположить, что она могла использоваться так же, как мезинская находка, и служила, скорее всего, колотушкой бубна. При наличии на стоянке формы для отливки антропоморфной фигурки, которая, вероятно, была культовым изображением, предположение, что колотушка служила древнему «шаману», является вполне реальным.

Комплекс находок из верхнего слоя стоянки Абылаах I, как показывает анализ его керамического и каменного материала, по основным признакам близок памятникам ымыяхтыхской культуры, со временем существования которой хорошо согласуется и абсолютная датировка памятника. Но если на ленских стоянках связь остатков бронзолитейного производства с изделиями этой культуры могла вызывать сомнение из-за наличия в их материалах поздней примеси, то открытие мастерской на Абылаахской стоянке свидетельствует, что памятники этой культуры, существовавшие в конце II тыс. до н. э., с точки зрения археологической периодизации следует относить уже к эпохе бронзы.

Стоянка Абылаах I является выдающимся эталонным памятником, характеризующим эпоху бронзы Восточно-Сибирского Заполярья. Удачное сочетание полученной по углю из культурного слоя памятника радиоуглеродной даты и интересных изделий самой северной в мире бронзолитейной мастерской, происходящих из него, позволяет сделать ряд интересных выводов, имеющих важное значение не только для интерпретации данного комплекса и выяснения вопросов древней истории Арктики, но для сибирской археологии вообще.

Во-первых, открытие на Таймыре бронзолитейной мастерской XII в. до н. э., а также обнаружение следов такого производства на однокультурной Абылааху стоянке Старый Сиктях, находящейся за Полярным кругом в низовьях р. Лены, свидетельствует о том, что жители Сибирского Заполярья не столь уж сильно отставали в культурном развитии от населения Юга Восточной Сибири, если не считать отставанием сохранение охотничьего уклада промысловой экономики, хорошо приспособленной к природным условиям Арктики. Впрочем, вполне вероятно, что в это время уже началось, в какой-то мере, приручение северных оленей. Во-вторых, благодаря абы-

лаахским находкам становится возможным датировать время бытования в Восточной Сибири кельтов, близких сейминскому типу. В-третьих, находка уникальной формы для отливки антропоморфной фигурки устанавливает дату post quem для подобных схематичных изображений, часто встречающихся на писаницах Сибири. Наконец, нахождение бронзолитейной мастерской в столь высоких широтах позволяет по-новому подойти к вопросу о распространении навыков и знаний, связанных с металлургией бронзы, среди охотничьих коллективов, заселявших таежную зону Сибири.

Одним из частных моментов, связанных с последним, можно считать уточнение культурной принадлежности погребений в устье р. Куллаты [Окладников, 1950б: 79], в Иччиляхе и на р. Букачан на Нижней Лене [Окладников, 1946: 96—100]. А. П. Окладниковым был установлен их раннебронзовый возраст, а теперь, в связи с находками следов бронзолитейного производства на ымыяхтахских памятниках, становится возможным отнести указанные погребения к кругу памятников ымыяхтахской культуры.

Ымыяхтахские памятники в Таймырском Заполярье

Возвращаясь к рассмотрению ымыяхтахских памятников Таймыра, необходимо в первую очередь упомянуть материалы стоянок **Холодная II** и **III**. Эти стоянки расположены на 6—8-метровой террасе правого берега р. Дудыпта, в 2.5 км выше впадения в нее левого притока — р. Кыстыктах. Терраса сильно расчленена оврагами, разделяющими ее край на мысовидные выступы. Находки были сделаны на пяти мысах, причем они приурочены, в основном, к речному фасу террасы, а в ее глубине отсутствуют. Весь материал собран на выдувах. Нумерация местонахождений (от I до V) принята согласно их расположению вниз по течению.

Стоянка Холодная III, расположенная на среднем мысу, дала наибольшее число находок. Среди них выделяются фрагменты небольшого горшка митровидной формы, со слегка выпуклыми стенками, небольшой горловиной с диаметром венчика около 15 см и прямым краем (рис. 61); толщина стенок сосуда — 5 мм. Вся внешняя поверхность его черепков, имеющих характерную для выбивной керамики слоистость и примесь в виде оленьего волоса, покрыта мелкоячеистыми прямоугольными вафельными отпечатками. У края венчика на одном из фрагментов имеется сквозное отверстие небольшого диаметра, проткнутое до обжига сосуда и, вероятно, вместе с другими такими же отверстиями являвшееся частью орнамента. Вместе с черепками этого горшка был найден обломок края льячки.

Каменные орудия, собранные на стоянке, представлены формами, характерными для ымыяхтахской культуры. Так, найдены два наконечника стрел треугольной формы со слабовогнутым, фактически прямым основанием, изготовленные из зеленоватой кремнисто-сланцевой породы (рис. 62: 11, 13). Третий наконечник сделан из халцедона того же типа, но отличается миниатюрностью (рис. 62: 12). На халцедоновых заготовках оформлены также два скребка (рис. 62: 15, 18). Еще один скребок секировидного типа был изготовлен из скола кварцитообразной корки яшмы (рис. 62: 19); эта же порода была использована для неудачной заготовки ножа (рис. 62: 17). Кроме двустороннеобработанного крупного вкладыша из кремнистого сланца (рис. 62: 10), острия из пластинчатого скола яшмы, употреблявшегося, по-видимому, как провертка, и незаконченного полиэдрического резца из халцедонового нуклеуса (рис. 62: 9), все остальные изделия являются либо заготовками крупных скребков, либо тесел и топориков. Сырьем для них были кремень и кремнистый сланец.

Стоянка Холодная II находится на соседнем мысу, расположенном чуть выше по течению р. Дудыпты. Здесь также был найден обломок льячки. Фрагменты керамики, собранные здесь, были настолько разрушены, что оказалось невозможным установить, к какому типу керамической посуды они относятся. Орудия с этой стоянки (рис. 62: 1, 3—6), однако, могут входить в состав ымыяхтахских комплексов.

На р. Дудыпте на **стоянке Заячья** в кострище был обнаружен обгоревший трехгранный наконечник стрелы (рис. 63: 4). Поскольку подобные наконечники встречаются только на ымыяхтахских памятниках, то и стоянку Заячью следует относить к их числу. Заготовка такого наконечника (?) с негативами пластинчатых сколов найдена на **стоянке Дудыпта VI** (рис. 63: 5).

О несомненной принадлежности к ымыяхтахской культуре **стоянок Пясина V** на р. Пясина, **Ивановская, Кылкай и Дудыпта XI** на р. Дудыпте свидетельствуют находки черепков керамики с мелкоячеистыми прямоугольными вафельными отпечатками от выбивания колотушкой. Каменный инвентарь Ивановской стоянки, в котором преобладают изделия из халцедона (рис. 64), во многом аналогичен изделиям из поселения Абылаах I.

На стоянке Пясина V вместе с вафельной керамикой были найдены черепки с рубчатыми отпечатками на поверхности (рис. 65). Эти находки сопровождались обломками листовидных и удлиненно-треугольных наконечников стрел с прямым основанием; у одного из таких наконечников основание было вогнутым (рис. 66: 8). Здесь же были: заготовка листовидного наконечника копья (рис. 66: 1); обломок крупного черешкового наконечника или заготовка проколки (рис. 66: 2); обломки ножей-вкладышей, сложное по форме вильчатое изделие (рис. 66: 12), напоминающее фигурные кремни; отщепы и ножевидные пластинки. Все они изготовлены из кремня или кремнистого сланца, и только одна пластинка — из халцедона. Из тонкой плитки мелкозернистого песчаника изготовлен оселок (или украшение-подвеска). Сохранился обломок его верхней части с биконически просверленным отверстием для привязывания (рис. 66: 3). На обгоревшей костяной пластинке имеются следы медных окислов. Каменные орудия отличаются от ымыяхтахских меньшей тщательностью обработки, что характерно уже для орудий раннего железного века. По-видимому, этот памятник относится к концу периода самостоятельного существования ымыяхтахской культуры на западе Таймыра.

Вильчатое орудие (рис. 67: 7), подобное найденному на стоянке Пясина V, было встречено среди изделий с Ивановской стоянки, расположенной ниже по течению р. Пясины. По облику находок эта стоянка относится к эпохе бронзы (рис. 67: 7—10, 13, 19).

Исходя из материалов стоянки Пясина V, к поздним памятникам этой культуры (либо к памятникам, связанным с нею происхождением) следует отнести стоянки **Августовская I** на р. Дудыпте и **Исток Глубокой** на оз. Глубоком, на которых найдена тонкостенная керамика с примесью оленьего волоса и рубчатыми отпечатками от выбивания на поверхности.

В верховьях р. Дудыпты, на стоянке **Пайтурма IV**, встречены черепки сосуда с характерными для ымыяхтахской культуры признаками — закрытой формой сосудов, пояском сквозных отверстий под краем венчика и примесью шерсти, но с ромбическо-решетчатыми отпечатками выбивной лопатки. Именно такой облик приобретает оформление поверхности на сосудах позднебронзового и раннего железного века. По этой причине керамику из Пайтурмы IV, как и рубчатую, приходится датировать позднеымыяхтахским временем, примерно началом I тыс. до н. э.

В восточной части Таймыра имеется ряд стоянок, на которых найдены скребки, наконечники стрел, нуклевидные резцы-дрили, по своему облику

аналогичные изделиям ымыяхтахской культуры, однако отсутствие на них керамики заставляет воздержаться от окончательного решения вопроса об их культурной принадлежности. Характерным признаком этих стоянок является резкое преобладание на них изделий из халцедона.

К числу таких памятников относится упоминавшаяся в связи с находками лабреток стоянка **Харгы III**, расположенная на северо-западном берегу одноименного озера. Среди подъемного материала имеются кремневая заготовка наконечника копья или копьевидного ножа, пластинка с ретушью на брюшке и вторичный резцовый скол (рис. 14: 11); отщепы и пластинки из халцедона и яшмы, халцедоновый многофасеточный резец — нуклеус-дриль (рис. 14: 15). Присутствие последнего и позволяет датировать стоянку Харгы III ранней бронзой, поскольку среди бесспорно неолитических материалов такие изделия на Таймыре не встречены. В этом комплексе оказалась поделка из белой мраморовидной породы, напоминающая по форме рыбий позвонок (рис. 28: 10); ее размеры невелики: диаметр — 10 мм, высота — 5 мм. Нижний диск «позвонка» выпуклый и больше по размеру, чем верхний. Края последнего повреждены, а сам он имеет вогнутую поверхность. В центре ее находится округлая ямка, от которой крестообразно расходятся намеченные точками четыре линии, составленные из четырех точек каждая. У концов линий, в местах, где край не поврежден, в направлении по часовой стрелке нанесено еще по одной точке, так, что линии напоминают цифру 1. В целом рисунок имеет вид свастикообразной розетки. Это изделие, скорее всего, можно интерпретировать как запонковидную лабретку, вставлявшуюся орнаментированной стороной наружу.

Своей формой лабретка со стоянки Харгы III напоминает изделия древних эскимосов, трактуемые иногда исследователями как затычки для поплавков, т. е. кожаных мешков (обычно из снятой «чулком» нерпичьей шкуры), наполненных воздухом, которые, будучи привязаны к линю гарпуна, затрудняли перемещения загарпуненного животного и, впоследствии, удерживали добытого зверя на плаву. Именно таким образом С. И. Руденко объяснил назначение похожего предмета, найденного в Уэлене [Руденко, 1947: 79, табл. 1: 18]. Есть запонковидные формы лабреток, происходящие из Америки, с Курильских о-ов и Северного Хоккайдо.

Находка лабретки на стоянке Харгы III свидетельствует о сохранении традиции ношения губных украшений и в период ранней бронзы и тем самым позволяет предполагать, что потомки носителей культуры Маймече продолжали существовать на востоке Таймыра и в конце II тыс. до н. э. и, возможно, находились в отношениях взаимной ассимиляции с пришельцами. С другой стороны, можно предполагать, что лабретки употреблялись носителями ымыяхтахской культуры, и к ней следует относить харгинскую лабретку. Последнее, однако, представляется сомнительным, так как у юкагиров и северо-восточных палеоазиатов (чукчей и коряков), к числу предков которых, по-видимому, принадлежали и носители ымыяхтахской культуры, обычай употребления лабреток не был распространен.

Среди находок, которые могут быть синхронны ымыяхтахской культуре или относиться к несколько более позднему времени, необходимо отметить рыбковидный наконечник стрелы (рис. 68: 3) со стоянки **Тагенарское озеро I**, сделанный из темно-коричневой яшмы. Он тщательно обработан двусторонней ретушью.

Интересное изделие — многошипный наконечник из желтовато-белой яшмы (рис. 13: 3) было найдено на стоянке **Лабаз III**. Среди других находок необходимо упомянуть халцедоновые резец-дриль (рис. 15: 4) и удлиненно-треугольный наконечник стрелы с прямым основанием, двумя резцовыми сколами превращенный в срединный резец (рис. 15: 3); пластинку-вкладыш,

переделанную в угловой резец; пластинку с краевыми выемками; обломок призматического нуклеуса, ножевидные пластинки и отщепы из розовой и белой яшмы. Массивный многошипный наконечник имеет трехгранное поперечное сечение, чем напоминает ымыяхтахские изделия, а в его средней части на ребрах выступает по шипу. К сожалению, острие, насад и один из шипов повреждены сколами. Этот наконечник уникален и напоминает только так называемые многорожковые наконечники из рога, найденные в Усть-Полуе на Нижней Оби [Мошинская, 1953: 76, табл. I: 21—23; 1965: табл. I: 4—6, II: 15]. Эти орудия подобны «когтистым наконечникам», которые, вероятно, употреблялись при охоте на водоплавающую дичь [Мошинская, 1965: 76]. Для тяжелого наконечника с оз. Лабаз такое предположение кажется малоприемлемым. Примечательно, что нганасаны, которым был показан этот предмет, высказали предположение, что он мог служить наконечником хорея для управления оленем. Однако такая гипотеза может оказаться справедливой, только если признать возможность появления охоты с помощью оленя-манщика еще в эпоху бронзы. Вероятнее всего, он предназначался для охоты на линных гусей.

Среди бескерамических памятников р. Пясины, относимых к периоду ранней бронзы, особое внимание привлекает местонахождение в устье р. Таловой. Здесь на выдуве было собрано пять халцедоновых изделий, рассеянных на небольшой площади: обломок удлиненно-треугольного наконечника стрелы со слегка вогнутым основанием (рис. 69: 8); проколка из ножевидной пластинки, острие которой было оформлено *двухсторонней косой* ретушью (рис. 69: 9); обломок орудия, употреблявшийся как скребок; плитка халцедона, с которой скалывали отщепы и пластинки. Такой набор изделий, встреченных компактно, заставляет задуматься, не могло ли здесь быть развеянное погребение, тем более что захоронения ранних эпох на Таймыре *неизвестны*.

Распространение вафельной керамики в Заполярье и ее последующее развитие

Открытие на востоке и западе Таймыра стоянок с вафельной керамикой и орудиями ымыяхтахского облика говорит о том, что Таймырское Заполярье являлось областью распространения ымыяхтахской культуры, носители которой в конце II тыс. до н. э., проникнув из бассейна р. Лены за Полярный круг, начали успешно осваивать циркумполярные территории. К востоку от Таймыра ымыяхтахские памятники найдены, кроме Анабаро-Оленекского междуречья и низовьев р. Лены, на р. Индигирке — стоянки Уларовская протока [Окладников, Гурвич, 1957] и Бурулгино; на р. Колыме — стоянки Лабуя, Нижне-Колымская и Конзабой [Окладников, 1947б; Федосеева, 1975]. Вафельная керамика присуща северочукотской культуре [Диков, 1979: рис. 50]. Рубчатая керамика характерна для усть-бельской культуры Чукотки, которую Н. Н. Диков склонен датировать концом II—первой половиной I тыс. до н. э. [Диков, 1979: 147, 148], что соответствует датировке, предложенной для рубчатой керамики Таймыра, т. е. позднe- и послеымыяхтахским временем.

Первым, кто обратил внимание на проникновение вафельной керамики из Сибири на запад Евразийского Заполярья, был А. П. Окладников, указавший на значительное сходство фрагментов, найденных в погребении X Оленеостровского могильника на севере Кольского п-ова, и вафельной керамики Якутии [Окладников, 1953: 156; Шмидт, 1930: табл. VI-4; Гурина, 1953: 376]. Эти фрагменты имели подромбические отпечатки от выбивания сосуда колотушкой.

Находка такой керамики на Севере Европы не является единственной. Обломки сосудов с ромбическим вафельным узором были найдены на ряде стоянок Северной Норвегии. Территориально ближайшие к о. Оленьему памятники с вафельной керамикой известны в районе п-ова Варангер, на о. Кельмо и около Варде [Solberg, 1909: 71, 72; Gjessing, 1935: 25—38; 1942: 275—278, fig. III, 3]. Имеются сведения о таких находках близ мыса Нордкап и в Сторбукте, округ Кельвика. Самым западным пунктом, где она зафиксирована, является Киркхелларен на о. Санда в архипелаге Трэна, чуть южнее Полярного круга [Gjessing, 1943: 129—131, pl. XXXVII].

Керамика, обнаруженная на севере Норвегии, имеет примесь асбеста, что типично для культур Скандинавского Севера, Кольского п-ова, заполярных территорий Финляндии и Карелии в эпоху бронзы—раннего железа. Коренные жители этих районов — саамы при изготовлении керамической посуды также использовали асбест.

Однако при исследовании стоянки Антгила II, расположенной на Севере Финляндии на р. Кемийоки, чуть южнее Полярного круга, были обнаружены образцы вафельной ромбической керамики, в состав которой в качестве примеси входили либо волокна асбеста, либо длинная шерсть [Carpelan, 1970: 26, fig. 4, 5; 1975]. Использование на одной стоянке типично местной примеси асбеста и примеси шерсти, которая является редкостью для рассматриваемых районов, отражает смешение двух различных традиций керамического производства. Кристиан Карпелан, изучавший керамику из Антгилы II, вслед за скандинавскими исследователями называет ее «имитирующей текстильную керамику», что соответствует распространенному у нас термину «ложнотекстильная». Карпелан датировал ее в пределах 1000 г. до н. э.—300 г. н. э. [Carpelan, 1970: 34]. Эта датировка укладывается в период существования асбестовой керамики, определенный на основании известных абсолютных дат.

Время появления вафельной керамики на Севере Европы уточняет радиоуглеродная дата — 3000 ± 50 л. н. (ЛЕ 800), полученная по образцу материала подстилки под погребением № 4 Оленеостровского могильника [Гурина, 1953: 53]. По наблюдениям Н. Н. Гуриной, могильник нельзя разделить на разновременные комплексы, и эту дату, следовательно, можно считать в какой-то мере соответствующей времени функционирования могильника и распространять ее на погребение X, содержащее вафельную керамику. Таким образом, вафельная керамика Кольского п-ова и Финляндии оказывается синхронной ымыяхтахской.

Когда А. П. Окладников и Н. Н. Гурина отмечали сходство вафельной керамики Оленеостровского могильника с материалами из Якутии, еще не были известны памятники с такой же керамикой на огромном пространстве от низовьев Лены до Белого моря. Г. Йессингу не были известны даже находки в Якутии, и он, выделяя ее как один из признаков циркумполярной культуры, вынужден был оперировать аналогиями из еще более отдаленных районов Камчатки и Северной Америки [Gjessing, 1944: 43—45].

Благодаря открытиям в Анабаро-Оленекском междуречье и в Таймырском Заполярье, было установлено распространение вафельной керамики до р. Пясины на западе Таймыра.

В 1966 г. во время поисковых работ Заполярной экспедиции в низовьях р. Малой Хадыты на юге п-ова Ямал на стоянке Хадыта-яха I был найден фрагмент горшка с мелкоячеистым прямоугольным вафельным узором на поверхности.

Далее к западу также известны немногочисленные находки вафельной керамики. Так, черепки с прямоугольными ячеистыми оттисками и примесью шерсти выявлены мною среди хранящихся в МАЭ (колл. 1184 и 1457)

материалов стоянки Мой-Ярей, открытой в 1907 г. А. В. Журавским при обследовании берегов р. Колвы в Большеземельской тундре [Журавский, 1909: 298]. Помимо фрагментов в сборах с Мой-Ярея вафельная керамика обнаружена в бассейне р. Колвы Г. А. Черновым в 1947 г. на стоянке Сандибей-ю VI, пункт 2.

На всех указанных стоянках вафельная керамика не является основной, среди этих сборов преобладают другие, синхронные ей типы посуды, относящиеся к местным культурам. Так, например, на стоянке Хадыта-яха I совместно с ней была найдена керамика ярсалинского типа, которая датируется концом II—началом I тыс. до н. э. Признаки металлургического производства на этой стоянке отсутствовали.

На стоянке, открытой Г. А. Черновым, кроме фрагментов горшков периода раннего железа оказались черепки с волнистыми отпечатками прокатного штампа. Подобная орнаментация отмечена на ряде поселений Среднего Зауралья, где она не может быть датирована ранее конца II тыс. до н. э. Сходную керамику, обнаруженную на поселениях в приполярном течении р. Печоры, В. И. Канивец назвал «коршаковской» и, на основе сопоставления меандровидных элементов орнамента с узорами горшков андроновской культуры, датировал ее приблизительно серединой II тыс. до н. э. [Канивец, 1974: 22—25, 124—126]. Однако поскольку автор исходил при этом из датировок сузгунской и еловской андроноидных культур, а их существование следует, как показано М. Ф. Косаревым [1974: 117], относить к последней четверти II тыс. до н. э., то и возраст керамики с прокатным штампом «типа Коршак» не может быть древнее, чем конец II тыс. до н. э.

Возвращаясь к находкам вафельной керамики в заполярных районах Восточной Европы и Западной Сибири, следует отметить, что, исходя из встреченных здесь находок, относящихся к рубежу II—I тыс. до н. э. и свидетельствующих о заселении этих районов населением, культурно близким обитателям прилегающих к ним территорий таежных зон, появление здесь вафельной керамики можно объяснить только проникновением культурных традиций с востока, со стороны Таймыра. Путями, по которым осуществлялось распространение вафельной керамики на запад, были заполярные тундры и лесотундры. Их расширение в результате ухудшения климата во второй половине II тыс. до н. э. и сокращение площади заболоченных пространств, несомненно, способствовали этому процессу.

Закономерен вопрос, каким же образом распространялись навыки изготовления керамики выбиванием при помощи лопатки-колотушки, оставляющей вафельные отпечатки? Связан ли этот процесс с продвижением на запад какого-либо этноса, или распространялись только культурные навыки, или, наконец, появление вафельной керамики в Арктическом регионе было чисто конвергентным явлением? Последнему противоречат датировки вафельной керамики, найденной в Евразийском Заполярье. Абсолютный возраст образцов очень близок: так, для стоянки Бурулгино (р. Индигирка) имеется определение 2950 ± 50 л. н., для стоянки Абылаах I на Таймыре измерен возраст 3100 ± 60, а для Оленеостровского могильника на Кольском п-ове — 3000 ± 50 л. н., что не соответствует принципам конвергентности, когда основную роль играет причинная, а не временная обусловленность. Впрочем, поскольку теория возникновения конвергентных явлений не разработана, этот комментарий носит предположительный характер. Но почему тогда в среде разных этносов, имеющих совершенно различные традиции изготовления керамики с глубокими корнями, практически в одно и то же время появляется чуждая, не обусловленная потребностями развития культуры технология, которая, по крайней мере на западе региона, не имеет дальнейшего развития? Эти явления в любом случае необъяснимы с точки зрения кон-

вергентности развития различных в своей основе культур. Использование в качестве примеси шерсти, также повсеместно являющейся отличительным признаком вафельной керамики, тем более необъяснимо с этих позиций.

Более приемлемым в данном случае является объяснение этих явлений с точки зрения «распространения моды». Но почему тогда она распространялась столь избирательно, ограничиваясь фактически только вафельными узорами, и почему соседствующие культуры не воспринимали и другие особенности керамического производства и орнаментации? Наконец, почему распространение шло только через определенные природные зоны, не затрагивая зону леса, в которой жили родственные или культурно близкие населению Заполярья этносы? Исключением является только стоянка Антгила I.

Представляется наиболее оправданным видеть за распространением вафельной керамики миграцию народа, частью культуры которого она была. Передвигаясь по привычному экологическому «коридору» тундры и лесотундры, ограниченному побережьем Северного Ледовитого океана и тайгой, в обход основной территории, на которой проходило формирование финно-угро-самодийской общности, эти люди по мере своего продвижения вступали в контакты с различными аборигенными этносами и постепенно растворялись в среде местного населения, оставляя археологически видимые «следы» в виде черепков вафельной керамики. Примечательны в этом отношении черты сходства, прослеживаемые между обитателями Печорского Заполярья, Севера Западной Сибири и народностями Северо-Востока Азии по культурным элементам и данным языкового анализа [Прокофьев, 1939: 21—22; 1940: 73; Лашук, 1958: 33—36]. Наличие общих культурных элементов у народов Крайнего Севера объясняется рядом причин, среди которых главными являются экологический фактор и диффузное распространение культурных достижений. Однако существование некоторых специфических черт и особенно лексических связей, вероятно, обусловлено вкладом в культуры различных народов со стороны этнических групп, связанных с распространявшейся в Заполярье на рубеже II—I тыс. до н. э. ымыяхтахской культурой.

Исследователь стоянки Антгила II К. Карпелан, хотя и указывал ранее на наличие в Восточной Сибири и Северной Америке керамики, «имитирующей текстильную», отмечал все же, что происхождение такой посуды на Севере Фенноскандии не вполне ясно [Carpelan, 1974: 27]. После ознакомления с работами автора он поддержал гипотезу о появлении вафельной керамики в Фенноскандии в результате ее привнесения народом, продвинувшимся со стороны Таймыра [Carpelan, 1975: 28].

При продвижении на запад носителей ымыяхтахской культуры их культурное воздействие первыми испытали потомки байкитцев, расселявшиеся в долине р. Пясина. Следствием культурных контактов, по-видимому, является керамика, найденная на стоянке Пясина IV-А.

Стоянка Пясина IV-А обнаружена в 1971 г. на правом берегу р. Пясины ниже устья р. Мал. Коренная, в 69 км от истока Пясины. Здесь высокая 10-метровая терраса рассекается широкой долиной ручья, правый борт которой вместе с речным фасом террасы образуют мыс, уступами поднимающийся к уровню II террасы. На небольшой площадке у начала подъема в мощном (10 см) гумусированном слое было расчищено кострище, около которого и на выдуве рядом с расчисткой найдены кропечная проколка с плечиками, халцедоновый нож, ножевидные пластинки и отщепы, вместе с которыми встречены фрагменты толстостенного горшка и маленькой льячки.

Льячка (рис. 71, 77) имеет овальную в плане форму со сливом в узком конце, дно ее слегка округлено. Ее размеры очень малы: длина — 6 см, наи-

большая ширина — 4.7 см, высота — 1.9 см, а объем — всего 12 куб. см. По форме лячка иная, чем употреблявшиеся на стоянке Абылаах I. Такой тип лячек, получивший развитие на стоянках р. Пясины, в дальнейшем мы будем называть «пясинским».

Весьма интересна орнаментация горшка (рис. 70). Он был, предположительно, круглодонным, митровидного типа, диаметр его горловины 25—26 см. Высота горшка примерно 28 см, толщина стенок, слегка увеличивающаяся у прямо срезанного края, составляет 1 см; в тесто была добавлена дресва. Горшок хорошо, до звонкости, обожжен. Внутренние поверхности черепков имеют штрихи от заглаживания. Орнаментирована верхняя половина сосуда. По срезу венчика и его внешнему краю остроугольным стеком под небольшим углом сделаны наколы. Ниже, под венчиком, тем же стеком по принципу отступающей лопаточки нанесено семь линий, опоясывающих горшок, глубоко вдавленных и подобных желобкам. По верхней линии и под нижней сделаны конические ямки небольшого (4 мм) диаметра. От нижней линии вниз опускаются, начинаясь от каждой второй ямки, косые накольчатые линии, пересекающиеся под углом 55—60° и образующие подобие треугольных флажков. От ямки, находящейся внутри «флажка», к пересечению боковых линий опускается вертикальная линия наколов.

Если рассматривать только верхнюю часть узора, то его генетическая близость неолитической байкитской орнаментации, в которой узор создавался из линий оттисков отступающей лопаточки, становится очевидной. Особенно он напоминает фрагмент байкитской керамики со стоянки Усть-Половинка. В то же время нижняя часть сосуда со стоянки Пясина IV-А там, где орнамент отсутствует, покрыта хаотичными отпечатками «вафли», типичной для ымыяхтахской керамики. Выколачивание производилось по влажной глине, и края ячеек затекли. Однако узор, нанесенный на колотушку, которой оббивался горшок, распознается легко: он был образован узкими (3.5 мм) нарезками, отстоявшими друг от друга на 4 мм и пересекавшимися под прямым углом.

Таким образом, орнамент сосуда со стоянки Пясина IV-А сочетает в себе признаки двух генетически различных керамических традиций — байкитской и ымыяхтахской и является гибридным. Появление такой гибридной керамики отражает слияние двух культурных традиций и, вероятнее всего, ассимилятивные связи между аборигенами Пясины — потомками носителей байкитской культуры и пришельцами с востока Таймыра — ымыяхтахцами. Соответственно, можно предполагать, что такая керамика должна быть моложе ымыяхтахской культуры, а так как в VI в. до н. э. на Пясине существовали поселения, обитатели которых изготавливали керамику уже иного облика, то датировать стоянку Пясина IV-А следует началом I тыс. до н. э. Необходимо упомянуть, что вблизи от кострища был найден венчик еще одного горшка, но меньшего размера, украшенный горизонтальными линиями наколов отступающей палочки с зубчатым концом. Керамика, найденная на стоянке Пясина IV-А, в дальнейшем изложении именуется «раннепясинской».

Вследствие своего широкого распространения ымыяхтахская культура оказала значительное влияние на многих обитателей Восточной Сибири, унаследовавших от нее вафельную керамику. Сосуды с вафельным узором на поверхности продолжали бытовать на Таймыре и во второй половине I тыс. до н. э., в пору существования памятников пясинской культуры, речь о которой — в следующей главе. Изготавливались они и в иных районах Восточной Сибири и Дальнего Востока в периоды, когда в Якутии, исконном ымыяхтахском ареале, уже существовали иные традиции. По этой причине неправомерным является отнесение к кругу ымыяхтахских всех памят-

ников, на которых встречена вафельная керамика. Даже во время существования ымыяхтахской культуры такая керамика употреблялась группами, испытавшими ее влияние в той или иной форме, вплоть до интеграции в аборигенную среду пришлого населения, но сохранившими в полной мере культурную самостоятельность. Таким примером служит культура асбестовой керамики рубежа II—I тыс. до н. э. на Севере Скандинавии. Подобным же образом следует интерпретировать наличие вафельных черепков в Прибайкалье и Забайкалье на стоянках Ченча, Фофаново, Душкачан, Посольское, Улан-Хада, бухта Песчаная и др. Такие отпечатки встречаются на горшках, относящихся к глазковской культуре, хотя для них более типично выбивание при помощи рубчатой колотушки.

Интересно в этом отношении сопоставить с ымыяхтахской керамику, найденную на пашнях пос. Душкачан экспедицией М. Г. Левина (Институт антропологии МГУ, колл. № 8540). Она выбита лопаточкой с ромбическо-решетчатым узором, украшена тесными рядами гребенчатых отпечатков и вертикальных наколов стеком. В примеси у нее имеется, подобно ымыяхтахским образцам, шерсть.

К ымыяхтахской культуре была отнесена Ю. А. Мочановым и С. А. Федосеевой стоянка на Татьянином оз., расположенная в дельте р. Индигирка на Колымской протоке [Окладников, Гурвич, 1957; Мочанов, 1969: 190, 191; Федосеева, 1980: 149]. Здесь были найдены черепки сосудов с ромбическим вафельным узором. Небольшой сосуд шаровидной формы был украшен у венчика пятью параллельными гладкими тонкими налепными валиками, опоясывающими его; поверхность горшка имеет подобие лощения. Примеси в тесте не определены. Появление таких валиков на керамике связывается в Якутии с усть-мильской культурой и датируется X в.— серединой I тыс. до н. э. [Федосеева, 1970а; 1974]. Как показано далее, тонкие налепные валики и крупные ромбовафельные отпечатки характерны для таймырской посуды железного века, что и позволило автору датировать стоянку Татьянино оз. второй половиной I тыс. до н. э. [Хлобыстин, 1975: 105]. Относить ее к ымыяхтахской культуре, как и аналогичную ей керамику со стоянок Уларовская протока на р. Индигирке [Окладников, Гурвич, 1957], Курунг I и Большая Кюскэ на р. Олекме [Зыков, 1975], не представляется возможным, поскольку указанная посуда, возникшая под влиянием усть-мильской культуры, явно отличается от ымыяхтахской.

Керамика с вафельными отпечатками на поверхности найдена на поселениях магаданского побережья Охотского моря, отнесенных Р. С. Васильевским [1971] к древнекорякской культуре, — Атарган, Наргабьен, мыс Трех Братьев, Кип-Кич и Варганчик. Как типично вафельные, нанесенные выбивной лопаткой, так и реальные тканевые отпечатки на поверхности черепков описаны исследователем как «ложнотекстильные». Можно предполагать, что и на других поселениях этого района (Богурчан, жилище 1; мыс Алевина, Орочан, Сивуч, бухта Астрономическая, бухта Средняя, Нантанджа, бухта Иткилен, Таватум и др.), при рассмотрении керамических комплексов которых Р. С. Васильевский пишет об употреблении «ложнотекстильных штампов», имеются сосуды, сформованные методом выбивания лопаткой, оставляющей вафельные отпечатки. «Ложнотекстильная» посуда, как отмечено автором, является относительно тонкостенной: ее толщина — 4—5 мм, реже — 3 или 8 мм, тогда как толщина стенок горшков гладкостенных типов, как правило, свыше 1 см, а иногда 2—2.7 см. Круглодонные сосуды, внешняя поверхность которых сплошь покрыта «ложнотекстильными оттисками», по наблюдениям Васильевского, на древнекорякских поселениях абсолютно преобладает над другими типами посуды. Венчик таких

сосудов гладкий, слегка отогнутый наружу, стенки сравнительно тонкие (0.4—0.6 см), максимальный диаметр — 18—24 см, высота — 20—25 см.

Р. С. Васильевский определяет время существования сосудов с «ложнотекстильной орнаментацией» с VI по XIII в. н. э., намечая эволюцию этого типа посуды от остродонных горшков к круглодонным (яйцевидным) и шаровидным, которые нередко украшают валики, рассеченные поперечными насечками [Васильевский, 1971: 132—135].

Не вызывает сомнения, что происхождение вафельной керамики в древнекорякской культуре обусловлено внутриматериковым влиянием, вероятнее всего, со стороны ымыяхтахской культуры Якутии, памятники которой обнаружены как в долине р. Колымы, так и на Охотском побережье в устье р. Кухтуй [Мочанов, 1977]. Население, генетически связанное с носителями ымыяхтахской культуры, было, по-видимому, одним из этнических компонентов, участвовавших в сложении корякского этноса.

В связи с последним предположением представляют интерес погребения, раскопанные А. В. Беляевой и Г. А. Пытляковым в бухтах Астрономическая и Средняя, а также на мысе Трех Братьев. Возраст захоронений не установлен, однако в могилах найдены каменные наконечники копий и сделанные из кости навершие гарпуна и втульчатый наконечник. В одной из могил бухты Астрономической оказались стеклянные матовые бусы синего цвета. В могиле № 2 на мысе Трех Братьев был обнаружен горшок с украшенной вафельными отпечатками поверхностью [Беляева, 1967].

Подобные стеклянные бусы появляются в Сибирском Заполярье в XVI в., и их распространение среди коренных народов Сибири связано с возникновением торговых отношений с русскими, т. е. погребение с бусами, учитывая время появления русских землепроходцев на Крайнем Северо-Востоке Сибири, следует датировать не ранее XVII в. Синхронизировать могилы в бухте Астрономической и на мысе Трех Братьев, вероятно, нельзя; последняя должна быть более ранней. Обнаруженные в могилах черепа, по определению Г. Ф. Дебеца и Н. Н. Мамоновой, принадлежат, предположительно, юкагирам или ламутам [Беляева, 1967: 84], что весьма примечательно, если иметь в виду проблемы этнической принадлежности ымыяхтахской культуры.

Возможно, что некоторые образцы вафельной керамики, найденной на месте древнекорякских поселений, могут относиться еще к I тыс. до н. э. Однако если верна верхняя дата (XIII в.), предложенная Р. С. Васильевским для поздних типов такой керамики в древнекорякской культуре, то она фиксирует наиболее позднее в Северной Евразии время существования такого способа изготовления глиняной посуды.

Фрагменты горшков с вафельными узорами на поверхности известны и в ареале распространения древних эскимосских культур. Так, например, они найдены на стоянке в Сиреникаx; у мыса Чаплина среди множества обломков типично эскимосских толстостенных сосудов найдены черепки со следами рубчатой колотушки и один — с плохо различимым «шашечным», т. е. прямоугольным вафельным, орнаментом [Руденко, 1947: 38, 52, 93, табл. 26].

Вафельная керамика найдена на стоянке Мийовагх на о. Лаврентия [Collins, 1937: 169, fig. 17] и на многих поселениях Аляски, где она датируется серединой I тыс. до н. э. и позднее.

Наконец, отметим находки горшков с вафельной поверхностью на мохэсских памятниках Приамурья, время существования которых V—VII вв. н. э., — могильник у с. Троицкого, городище Сикачи-Алян [Дьяконова, Шавкунов, 1975: 165, рис. 3].

Таким образом, традиция изготовления вафельной керамики позволяет говорить, что носители ымыяхтахской культуры могли принимать участие

в этногенезе многих народов Восточной Сибири и Северо-Востока Азии. Хотя изученные палеоантропологические материалы крайне малочисленны — 2 черепа из Чучур-Муранского могильника и по одному из Усть-Бельского могильника и Бугучанского погребения, они по своим признакам столь различны [Якимов, 1950; Левин, 1958: 162, 163; Гохман, 1961; Диков, 1979: 154; Федосеева, 1980: 80, 82], что не дают возможности рассматривать их как принадлежащие к единому типу, и можно предполагать, что ымыяхтахская культура была сложной по своему этническому составу, т. е. полиэтничной. Связать памятники с вафельной керамикой с какой-либо конкретной этнической общностью невозможно. Тем не менее она оказала несомненное и значительное влияние на культуру и процесс формирования ряда этносов, как это было показано выше и о чем пишут Ю. А. Мочанов, отмечающий определенную роль племен ымыяхтахской культуры в формировании предков северо-восточных палеоазиатов — чукчей и коряков [Мочанов, 1969: 196]; Р. С. Васильевский, признающий участие носителей вафельной (ложнотекстильной) керамики в этногенезе коряков [Васильевский, 1971: 174—176, 192]; Н. Н. Диков, рассматривающий усть-бельскую культуру как принадлежащую северо-восточному палеоазиатскому населению [Диков, 1979: 140, 154—159, 212]. А. П. Окладников [1955а] связывал памятники с вафельной керамикой с предками юкагиров и нганасан. Как палеоазиатских предков юкагиров, или праюкагиров, рассматривал носителей вафельной керамики автор [Хлобыстин, 1969в: 142; 1973в: 163; 1975: 104], исходя из того, что в языковом отношении они еще не входили в уральскую общность. К выводу, что ымыяхтахцы сыграли немаловажную роль в сложении северо-восточных палеоазиатов, а часть их могла принять участие в этногенезе юкагиров, пришла С. А. Федосеева [1980: 215].

Наличие таких памятников, как Пясина IV-А, Душкачан и других, сочетающих традиции ымыяхтахской вафельной керамики с орнаментацией, привнесенной из Западной Сибири, показывает, что оставившее их население имело сложный генезис. Вероятнее всего, вместе с другими элементами культуры с запада был воспринят и язык, родственный самодийским. Таким образом, на основе сочетания восточно- и западносибирских компонентов могло произойти сложение древних юкагиров.

Родство юкагирского языка с уральскими, особенно самодийскими, отмечалось рядом исследователей [Collinder, 1940; Мещанинов, 1948; Harmms, 1977 и др.]. Сторонник генетической обособленности юкагирского языка Е. А. Крейнович [1958: 254] пришел к выводу, что большую роль в его формировании сыграли, наряду с какими-то алтайскими, и самодийские языки.

О времени, когда древние юкагиры еще были в контакте с восточными самодийцами, говорят лексические соответствия в юкагирском и самодийском языках, касающиеся названий меди и бронзы. В юкагирском языке *н'ордэнг* и *норохон* (медь) находят соответствия во всех самодийских языках. Самодийские названия меди имеют аналогичную фонему *нар* ~ *нор*: *норуму* (нг.), *нара* (эн.), *няр* (селькуп.), *нярава* (нен.). Эти слова имеют единую основу со словами *нору* (нг.), *нарзедэ* (эн.), *нярӈы* (селькуп.), *нярьяна* (нен.) — «красный». В юкагирском языке «красный» — *н'амут'энил*; слово *н'орнэj* — «желтый», вероятно, является производным от названия меди. Поскольку у других, соседних юкагирам, народов названия меди и иных металлов имеют несходные с *нар* ~ *нор* основы, естественно предположить, что название меди было воспринято юкагирами от самодийцев вместе со знаниями медной металлургии в период, когда между ними существовали контакты [Хлобыстин, 1979а]. Учитывая археологические материалы, его можно датировать второй половиной II—началом I тыс. до н. э., т. е. временем, когда

появляются памятники со смешанными ымыяхтахскими и западносибирскими традициями.

Названия железа в юкагирском языке иные, чем в самодийских языках: *лудул* и *т'уонг*. У самодийских народов названия железа восходят к единой финно-угро-самодийской основе *вас*, что может служить свидетельством отсутствия контактов между юкагирами и самодийцами в период ознакомления с железом. Возможно, это было вызвано проникновением на границу ареалов какого-то другого этноса. В связи с этим представляет интерес наличие общей фонемы *тул* ~ *дул* в юкагирском названии железа и кетском названии меди *тул'а*. Если учесть, что в ряде языков названия меди или железа воспринимались как просто «металл», то заимствование юкагирами названия железа от кетов или другого древнего енисейского населения выглядит правдоподобным. В таком случае необходимо признать, что по крайней мере в раннем железном веке, примерно во второй половине I тыс. до н. э., еще существовали контакты юкагиров с енисейскими народами. По-видимому, именно в этот период происходило распространение кетских этнических групп по долине Енисея на север [Дульзон, 1962; Членова, 1975], что и привело, в основном, к отчленению юкагирского ареала от самодийского этнического массива.

Наличие значительной близости между антропологическими типами юкагиров и нганасан не раз отмечено И. М. Золотаревой [1962; 1968; 1971; 1975], которая полагает, что эти типы имели в прошлом весьма тесную связь и образовывали однородную антропологическую общность, связанную с населением Енисейско-Ленского междуречья, которое относилось к катангскому антропологическому типу.

ГЛАВА IV

ТАЙМЫР В ПЕРИОД РАННЕГО ЖЕЛЕЗА И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Железный век лесной и тундровой полосы Сибири изучен неравномерно. В Западной Сибири, в бассейнах рек Оби и Иртыша обнаружено большое количество памятников разных этапов эпохи железа. Выделению на их основе культур и периодизации последних посвящены многочисленные публикации, среди которых первое место занимают исследования В. Н. Чернецова [1953а; 1953б; 1957]. Немногие памятники железного века на территории Эвенкии известны, в основном, благодаря поискам Г. И. Андреева. В Якутии стоянки этого этапа многочисленны, однако из-за небольшого числа относящихся к ним находок, смешанности и схожести материалов с находками других эпох, особенно бронзового века, их выделение затруднено и период раннего металла долгое время оставался слабо изученным, хотя еще в 40-е гг. А. П. Окладниковым были выделены характерные для эпохи железа типы керамики и намечена их периодизация [Окладников, 1945; 1946]. Важный вклад в изучение железного века Якутии внесли работы С. А. Федосеевой [1968; 1970абвг; 1974], которая на основе исследований памятников Вилюя и многослойных поселений Алдана установила хронологию усть-мильской культуры эпохи бронзы и выявила группы керамики, типичные для нее, а также для комплексов периода раннего железа. Усть-мильская культура датирована в пределах X—середины I вв. до н. э., и, соответственно, начало эпохи железа относится к рубежу нашей эры. Развитием идей С. А. Федосеевой является монография И. В. Константинова [1978], в которой впервые были обобщены почти все добытые к тому времени материалы по раннему железному веку Якутии. И тем не менее железный век лесной и тундровой полосы Восточной Сибири все еще остается во многом слабо изученным, так как даже многослойные памятники Алдана дают ограниченное представление о развитии культур эпохи раннего металла на огромной территории Восточной Сибири на протяжении более чем двух тысячелетий. Между тем изучение этих культур особенно важно, поскольку именно с ними связаны многие вопросы этногенеза современных народов Восточной Сибири. Определенный вклад в эту работу вносит исследование памятников I тыс. до н. э.—I тыс. н. э. на территории Таймыра, особое место среди которых занимает многослойное поселение Усть-Половинка.

Поселение Усть-Половинка и пясинская культура

В середине I тыс. до н. э. население Таймыра вступило в эпоху железа. Наиболее яркую характеристику материальной культуры этого периода дали раскопки уникального по качеству и значимости материалов поселения в устье р. Половинки. Исключительные условия осадконакопления, благоприятствовавшие захоронению в песчаных отложениях нескольких культурных горизонтов, относящихся к эпохе железа, а также возможность их абсолютного датирования делают этот памятник опорным для изучения железного века Севера Средней Сибири.

Небольшая речка Половинка является левым притоком р. Пясина и впадает в нее в 53 км от истока последней из оз. Пясино. В устье р. Половинки на ее левом берегу начинается протянувшаяся вдоль Пясины песчаная гряда древний береговой вал (рис. 72). Его длина чуть более 600 м, а ширина от 15 до 25 м. Над I террасой, на которой он расположен, вал возвышается на 0.7—1.5 м и имеет наибольшую высоту в средней части. От Пясины вал отделен 20—30-метровой полосой террасы и поймой, ширина которой сильно меняется в зависимости от уровня воды в реке. В межень высота террасы около 4.5 м. Тыловой край вала пологий и сливается с поверхностью террасы, как и его северная оконечность. За валом лежит мокрая низина, а за ней полого поднимается край II террасы.

Большая часть вала разрушена выдувами, между которыми сохранились останцы, содержавшие непотревоженные культурные слои. На поверхности выдувов попадаются скопления камней, являющиеся остатками очагов; иногда линзы кострищ, отдельные изделия из камня, фрагменты керамики; шлаки и иные остатки бронзолитейного производства. В стенках выдувов видны углисто-гумусные полоски культурных слоев. Находки начинают встречаться на выдувах у устья р. Половинки и присутствуют на поверхности всех выдувов до северной оконечности вала, но в основном сосредоточены в его средней части. Типологический анализ подъемных материалов указывает на их разновременность, что подтверждают стратифицированные находки из раскопов, заложенных в останцах.

Поселение было открыто в 1971 г. и исследовалось в 1972 и 1973 гг. На валу были заложены раскопы I—V, с площадью соответственно 88, 30, 36, 24 и 8 кв. м. В раскопах I—III были выявлены котлованы полууглубленных жилищ. Остатки жилища были выявлены и в раскопе IV, а в раскопе V было обнаружено синхронное этим жилищам кострище. Кроме того, было раскопано кострище с байкитской керамикой, находившееся в 10—12 м к северу от раскопа III, упомянутое в главе II. Жилища оказались перекрыты слоями еще нескольких стоянок эпохи железа.

Корреляция стратиграфических разрезов и культурных слоев, выявленных в раскопах I—IV, и полученные радиоуглеродные датировки показывают, что кроме неолитической стоянки на валу в период с середины I тыс. до н. э. по XII в. н. э. последовательно существовало еще по крайней мере 5 поселений, относящихся к трем разнокультурным этапам заселения устья р. Половинки. Самый ранний из них характеризуется материалами II культурного слоя III раскопа, III культурным слоем I, II и IV раскопов и слоем IIа в раскопе II. Второй этап заселения связан с малокореннинской культурой и представлен II слоем раскопа II, тогда как вторые слои раскопов I и IV, по-видимому, отмечают заключительный период жизни малокореннинцев на Усть-Половинке. Наконец, культурные слои с индексом I, прослеженные в раскопах I—IV, относятся к позднейшему этапу и указывают на заселение Усть-Половинки людьми, чья культура может быть интерпретирована как древнетунгусская.

Пясинская культура, получившая свое имя вследствие сосредоточения относящихся к ней памятников в долине р. Пясины, характеризуется на поселении Усть-Половинка комплексами жилищ и подъемными материалами. Жилища представляли собой полуземлянки, вырытые в слоистых песках, слагающих вал.

Жилище, выявленное в раскопе I (рис. 73, 74), имело котлован прямоугольных очертаний, края которого почти точно ориентированы по сторонам света; его длина (с юга на север) — 5.5 м, а ширина — примерно 4.5—5 м; площадь составляет около 27 кв. м. В наибольшей степени сохранились северный и южный края котлована. Зафиксированная высота северной стенки — 0.3, южной — 0.2 м. Стенки пологие, вероятно, осыпавшиеся и имели большую высоту. Выдувом нарушены западная часть котлована и его восточная стенка, но граница жилища сравнительно точно устанавливается по углистой поверхности его пола, с которой совпадает область распространения находок. Поверхность пола ровная, в южной части имеет небольшой уступ; разница в глубине между северной и южной частями котлована всего 0.1 м. В северо-восточной части уровень пола отмечен тонкой углистой прослойкой, а в западной — корочкой спекшегося песка коричневатого цвета, местами с пестрыми пятнами от малинового до черного цветов. В ней попадались мелкие угли, иногда встречались комки органического материала, напоминающие высохший тлен от шкур. В юго-восточном углу углистый слой достигал мощности 6—8 см и разделялся песчаными прослойками на три маломощных горизонта, сливающихся к середине котлована. Образование таких прослоек, вероятно, связано с осыпанием песка с кровли постройки через деревянное перекрытие в те периоды, когда она была необитаема, и отражает сезонность использования жилища.

Юго-восточный участок пола жилища на расстоянии примерно 1.2 м от восточной стенки и 0.7 — от южной был особенно насыщен углистозольными остатками. Это скопление (по-видимому, очажное) имело в плане подпрямоугольные очертания размером 0.9 × 0.6 м и было вытянуто согласно конфигурации постройки. Его мощность достигала 10 см, и оно было слегка углублено в грунт ниже углистой прослойки пола.

Угол жилища за очагом также содержал много углей. Здесь в слое пола были найдены прослойки бересты и тлен, напоминающий тлен от шкур. Этот участок был особенно насыщен находками. Среди крупных камней здесь лежали многочисленные плохо сохранившиеся кости северных оленей, а также отщепы, несколько каменных скребков, отбойник из гальки и обломки льячек; найдены капли бронзы. Крупные фрагменты горшков образовывали большие скопления. Одна из найденных костей обработана и по форме напоминает обломок гарпуна, его основание. В 10—15 см к востоку от очага лежал коленчатый нож с бронзовой ручкой и железным клинком (рис. 75: 3); его нижняя часть была прикрыта кусочком бересты, возможно, остатком ножен.

Скопление находок, состоявшее из скребков, отщепов камня, мелких черепков, обломков льячек и капель бронзы, было выявлено также и к северо-западу от очага, у центра жилища. В северной части котлована были найдены бронзовые наконечник стрелы (рис. 75: 6) и обломок четырехгранной иголки или проколки, а также отлитое из бронзы украшение — овальная пластинка с концентрическими каннелюрами на одной из сторон (рис. 75: 5). В северо-западном углу было обнаружено скопление обломков льячек. Одна из них была реставрирована и вместе с остальными фрагментами даст представление о типе льячек, бывших в употреблении на стоянке (рис. 76: 1; 77: 1). Реставрированная льячка имеет овальную в плане форму, утончающиеся к краю стенки, плоское дно и полуовальный резервуар со

сливом в зауженном конце. Размеры: длина — 13 см, ширина — 11 см, высота в сливном конце — 6.5 см, в противоположном — 7.5 см; объем резервуара — 150 куб. см. У некоторых льячек емкость резервуара увеличена за счет наращивания бортов специальными налепами. Края льячек выше линии заполнения сплавом нередко оплавлены и имеют включения бронзы. Отмечается сильная степень разрушения днищ вследствие перекаливания глины. Последняя тонко отмучена, примеси отсутствуют. От круглодонных сосудов для плавки и разлива металла, иногда встречающихся вместе с этим типом льячек, последние отличаются более тонкой структурой глиняного теста. В жилище найдены обломки как минимум 12 льячек, лишь слегка различающихся по размеру. Имеются фрагменты 9 горшков с характерным орнаментом, составленным из горизонтальных линий отступающей палочки или рядов оттисков гребенчатого штампа, а также обязательным пояском редко поставленных ямок (рис. 80—84). Примечательно использование в орнаментации треугольного налепного валика у венчика (рис. 80; 82: 1). Каменный инвентарь представлен 11 скребками (рис. 78: 2—4, 6, 7, 9—14), обломком (рис. 78: 1) листовидного наконечника стрелы (?), долотовидным орудием (рис. 78: 8), проколкой из халцедоновой пластинки (рис. 78: 15), тремя ножевидными пластинками и нуклеусом. В западной части жилища найден плоский точильный камень подовальных очертаний и с утонченными краями (рис. 79: 1), на котором, вероятно, затачивались металлические орудия. Подобное изделие оказалось среди подъемных материалов со стоянки Мал. Коренная I (рис. 79: 2). В жилище были также два пестообразных орудия (отбойники?), сделанные из галек. Около кострища лежала обгоревшая «пастовая» бусина цилиндрической формы (рис. 75: 4). Такие бусы были распространены во второй половине II—начале I тыс. до н. э. на Юге Восточной Сибири в глазковской, шиверской и синхронных им культурах [Окладников, 1955б: 167—174], а в Южной Сибири — в андроновской и карасукской и продолжали существовать в тагарской еще в первой половине I тыс. до н. э. [Киселев, 1951: 79, 130, 230]. Можно упомянуть также находку кусочка вара, использовавшегося, по-видимому, для промазки швов берестяных изделий.

Следов столбовой каркасной конструкции не выявлено, поэтому можно предполагать либо наличие конструкции типа сруба, либо, что более вероятно, установку перекрытия, опиравшегося на края котлована даже без укрепления в грунте его элементов, подобно тому, как сооружалась деревянная конструкция наземного **голомо** (реже слегка углубленного в землю) — жилища, совсем недавно широко распространенного на Таймыре. Как писал Г. Кларк [1953: 140], «не следует забывать, что можно строить весьма сложные дома, не врыв при этом в грунт ни одного столба».

По углю из прослойки пола в юго-восточном углу жилища получена дата 2830 ± 70 л. н. (ЛЕ 1104), или 880 г. до н. э.

Жилище, исследованное в раскопе II (рис. 86, 87), расположено на валу в 40 м к северо-востоку от жилища I. Над центральной его частью возвышался останец с ненарушенными наслоениями, но края его выходили за пределы останца и были частично разрушены выдувом. Северная и южная стенки котлована сохранились на высоту 0.2 м. На выдуве удалось выявить контуры стенок, принимая во внимание распространение черной или коричневой тонкой углисто-гумусной прослойки, фиксирующей уровень пола. Котлован был прямоугольным, вытянутым в направлении юго-запад—северо-восток; его размеры 5.3 × 4.2 м, а площадь составляет примерно 22 кв. м. Следы столбовой конструкции отсутствуют.

Обогревалось жилище костром, расположенным почти в центре. Кострище (№ 4) было устроено на небольшом возвышении из песка; его углистый

слой на 5—10 см выше уровня пола. Слегка оплывшее, изначально оно было почти квадратным в плане (1 × 0.9 м). Мощность углистого слоя достигала 6 см, песок под ним был прокален на глубину 8 см и имел ярко-красный цвет. По углю из кострища получена дата 2490 ± 100 л. н. (ЛЕ 1146). В самом пятне были найдены крупные фрагменты горшка, похожего на сосуды из жилища I, обломки льячки и обгоревшие мелкие кости. У его юго-восточного края, на склоне ямы, лежал большой плоский камень.

Яма с корытообразным профилем имела овальные очертания с размерами 0.75 × 1 м и на 15 см была заглублена в материковые слоистые пески. На полу около ямы и в ее заполнении, состоявшем из гумусированного коричневатого песка с примазками угля, лежали разбитые трубчатые кости и три черепные крышки со сбитыми рогами, принадлежавшие северным оленям. В северо-восточном углу жилища прослойка пола была насыщена костным тленом и плохо сохранившимися костями северных оленей. В восточной его части находилось овальное кострище № 5, размером 0.5 × 0.7 м, и мощностью огнища, сильно насыщенного углями, 4 см. В нем были найдены фрагмент керамики и пережженные кости. Гумусная прослойка пола жилища здесь была перекрыта кострищем, и, возможно, оно не связано с последним.

По сравнению с жилищем из раскопа I находок в этом жилище мало и они имеют хаотическое распространение. В кострище № 4 лежали фрагменты горшка с диаметром венчика около 20 см. Сосуд был украшен налепным валиком с насечками и 4 рядами гребенчатых наколов, нанесенных по принципу отступающей лопаточки (рис. 88). Кроме того, найдены черепки еще двух горшков. Фрагменты одного из них, лежавшие на прослойке пола и на выдуве, принадлежат круглодонному небольшому сосуду (рис. 85: 3) с диаметром венчика 10 см; высота его примерно 11 см. Он украшен рядом ямок и 6 опоясывающими линиями наколов отступающей узкой лопаточки, напоминающими отпечатки шнура. От третьего горшка осталось несколько неорнаментированных черепков. Из жилища происходят обломки по крайней мере трех плоскодонных льячек, а также сильно сработанный скребок (рис. 89: 7), плечиковая проколка (рис. 89: 3), три небольших ретушированных долотца (рис. 89: 4, 6, 9), крупная кварцитовая галька, двусторонними сколами с одного конца превращенная в подобие чоппинга (рис. 90: 2). Кроме того, найдены шлифовальная плитка, куски кремня, ножевидная пластинка с краевой ретушью (рис. 89: 1), мелкие фрагменты керамики. У южной стенки плотной кучкой лежали 6 ножевидных пластинок, изготовленных из кремнистого сланца различных видов.

Немногочисленность находок и маломощность прослойки пола свидетельствуют, что жилище функционировало недолго. Оно было покинуто и разрушилось еще в период существования пясинской культуры. К такому выводу позволяют прийти находки из слоя IIа, залегавшего в слоистых песках, со временем заполнивших котлован разрушенной постройки. Уровень его отмечен углистыми примазками и кострищем № 3, расположенным на 17—20 см выше кострища № 4 и представлявшим собой линзу черной углистой массы с диаметром 1—1.8 м, мощность которой в центре достигала 5 см. Она содержала фрагмент крошечного сосуда с диаметром венчика всего 5.5 см (рис. 128: 1), который был орнаментирован в верхней части поясом из трех рядов вертикальных наколов лопаточки, обрамленным рядами ямок. По орнаменту и составу теста горшок относится к пясинскому типу керамики. Около кострища и в горизонте, отмеченном угольками, лежали мелкие пористые черепки, напоминающие в большей степени обмазку, чем фрагменты стенок горшка.

Жилище, выявленное в раскопе III (рис. 91, 92), находится в 50 м к юго-востоку от жилища I. Хорошо сохранилась западная половина котлована, скрытая под отложениями неразвеянной части берегового вала, достигавшими над полом жилища мощности 0.9 м. Выдувом уничтожена восточная стенка постройки, однако край пола и, соответственно, контур жилища удалось установить по простиранию прослойки коричневатого гумусированного песка с вкраплениями угольков.

Котлован был вырыт в серых слоистых песках, и его глубина, судя по сохранившимся участкам стенок, была не менее 0.6 м. Стенки были вертикальными и должны были иметь какую-то конструкцию, предотвращавшую осыпание, однако ее следов выявить не удалось. Котлован имеет прямоугольные очертания, его ориентация близка направлению север—юг. Он слегка вытянут в этом направлении, размеры его 5 × 4.6 м, площадь — около 23 кв. м. В южной стене котлована был устроен дромосовидный вход шириной 1.4 м. У края котлована он образует ступеньку высотой около 20 см, затем на протяжении 1 м идет горизонтально, а далее под углом 30—35° поднимается вверх; его окончание теряется. Выявленная протяженность входного коридора — 1.8 м. Вдоль западной стенки котлована тянется канавка шириной 15—20 см.

Гумусно-углистые накопления, отмечающие уровень пола, местами делятся на два горизонта песчаной прослойкой, что, возможно, говорит о перерыве в использовании постройки. В северо-восточной ее части встречены кусочки бересты и тлен от костей и шкур (?). Посередине восточной половины жилища на уровне пола располагалось кострище № 2, округлых очертаний и диаметром 1 м. В кострище и около него лежали обломки льячки, фрагмент (краевая часть) тигля и черепки керамики, на одном из которых сохранились следы выбивания рубчатой лопаткой. Среди находок имеется часть венчика горшка, украшенного рассеченным налепным валиком (рис. 85: 1).

Между кострищем и восточным краем жилища найдено 4 скребка. Большинство находок оказалось в его северной части, где были обнаружены обломки льячек, мелкие черепки керамики, отщепы, 4 ножевидные пластинки, наконечник стрелы треугольной формы (рис. 93: 11), скол с нуклеуса (рис. 93: 15), скребки. Всего в жилище их найдено 10 (рис. 93: 2, 5, 8—10, 12—14, 16). По образцу угля из кострища получена абсолютная дата 2290 ± 100 л. н. (ЛЕ 1103), на основании которой комплекс находок из него можно датировать IV в. до н. э.

В III культурном слое раскопа IV, вскрытом на площади 16 кв. м, обнаружено прямоугольное в плане скопление углей, содержавшее крупные, не до конца сгоревшие деревянные плашки (рис. 94, 95). Размер скопления 2.2 × 2.7 м; мощность углистого слоя достигает 8 см, местами он разделяется на 2—3 прослойки включениями светлого песка. Скопление имеет четкие границы и напоминает большой очаг, обложенный плашками. В его пределах найдены скребок (рис. 96: 1), наконечник стрелы (рис. 96: 3), скопление обломков льячек и крупных кусков тигля, капли бронзового литья. Подобные находки встречены и вблизи кострища. Помимо отщепов, 3 скребков (рис. 96: 2, 4, 5), утилизированной ножевидной пластинки кремнистого сланца со свежими следами ретуши (рис. 96: 8) и обломка ножа здесь, у юго-восточного угла, оказались галька-отбойник с характерной забитостью на одном из концов и плоский булыжник, служивший наковальней. Среди фрагментов керамики есть черепки, украшенные наколами палочки. Найден кусочек вара.

Дата углистого скопления по ^{14}C 2440 ± 90 л. н. (ЛЕ 1149). Учитывая глубину залегания находок, соответствующую уровням полов жилищ,

вскрытых раскопами I—III, можно предполагать, что здесь также находилась постройка, составлявшая с ними единый поселок.

Кострище, исследованное в раскопе V, находилось на выдуве в 78 м к югу от раскопа IV. Округлое в плане огнище (углистая линза с максимальной мощностью 12 см) имело диаметр около 1 м. По краям его лежало несколько камней, а углистый слой содержал большое число кусков ошлакованной керамики, среди которых оказались обломок шишки от литейной формы кельта (рис. 75: 1), фрагменты льячек и тиглей, капли бронзы, обгоревшие косточки. Рядом с кострищем лежал скребок (рис. 96: 6). Верхняя часть линзы кострища была затронута выдувом, поэтому лежавшие на этом месте два крупных треугольных наконечника стрел, так же как и обнаруженные при расчистке перекрывающих песков черепок тонкостенной керамики со следами тонких налепных валиков и 3 треугольных наконечника стрел (рис. 96: 7, 9—11), следует рассматривать как привнесенные из более поздних отложений. По образцу угля, отобранному из углистой линзы, получена абсолютная дата 2430 ± 50 л. н. (ЛЕ 712). Обилие остатков бронзолитейного дела, углей, следы высокой температуры, отразившейся на цвете подстилающих песков и вызвавшей шлакирование керамики, попавшей в огонь, указывают на производственное предназначение костра, на его связь с изготовлением бронзовых предметов.

Керамика пясинской культуры представлена на поселении фрагментами более чем 20 сосудов. Горшки имели яйцевидную закрытую форму, изредка со слегка отогнутыми наружу венчиками, диаметр которых обычно 25—30 см, но встречаются сосуды и меньшего диаметра — 20, 10, даже 5.5 см. Наиболее полно сохранившийся сосуд из жилища I (рис. 80) имел диаметр венчика — 25 см, тулова — 32 см (наибольший) и реконструируемую высоту — 28 см. Характерна значительная толщина стенок, обычно составляющая 0.7 см и достигающая 1 см у крупных сосудов. К венчику она, как правило, несколько меньше. Горшки изготавливались способом выбивания, вследствие чего их черепки имеют характерную слоистость. Однако только на трех сосудах есть четкие отпечатки, оставленные выбивной лопаткой, — крупные прямоугольные ячейки «вафли» на нижней части горшка из жилища I и рубчики на сосудах из жилищ II и III. Остальные сосуды, по-видимому, выбивались гладкой лопаткой и заглаживались. Характерным признаком пясинской керамики является примесь дресвы, которая иногда сочетается с примесью небольшого количества шерсти, что указывает на сохранение традиций керамического производства, восходящих к ымыяхтахской культуре.

Характерна орнаментация пясинской керамики. Элементами узора являются круглые ямки, вертикально или наклонно нанесенные отпечатки гребенчатого штампа или лопаточки; налепной, треугольный в сечении валик; прочерченный желобок. Украшались край венчика и верхняя часть наружной поверхности сосудов, примерно треть. Прямой срез венчика и его внешний край украшали косо расположенные отпечатки или наколы гребенки. Ниже венчика начинался основной орнаментальный пояс, состоящий из 2, 3 или 4 горизонтальных рядов вертикально или наклонно расположенных плотно поставленных отпечатков гребенчатого штампа или наколов лопаточки. Последние часто образовывали линейно-накольчатый орнамент. На четырех горшках под венчиком располагается по одному валику, рассеченному косыми наколами. Эти ряды дополнялись иногда снизу горизонтальным зигзагом, выполненным из тех же элементов, что и основной пояс. На одном из сосудов под таким поясом при помощи гребенчатого штампа был нанесен ряд крупных косых крестов с ямками между ними (рис. 81: 2). Ямки, сгруппированные по три, обрамляют пояс на другом горшке (рис. 84:

1). Типичным для пясинской керамики является орнамент из нескольких поясов, обычно трех, состоящих из редко расположенных ямок и отстоящих друг от друга на 4—5 см. Ямки глубокие, и на внутренней стороне горшков получались выпуклости с дактилоскопическими отпечатками на поверхности. Узор из ямок мог быть основным (рис. 82: 2), но чаще он наносился поверх гребенчатого или накольчатого орнамента, лишь изредка образуя с ним органическую композицию, чередуясь с линиями наколов или заполняя пустоты между зигзагами и крестами. Несмотря на разнообразие в орнаментике, пясинские сосуды составляют единую типологическую группу, в пределах которой происходит комбинирование одних и тех же характерных элементов.

Особое внимание среди материалов пясинской культуры привлекают изделия из металла. На поселениях находки металлических изделий вообще являются редкостью, и их обнаружение в жилище I Усть-Половинки служит косвенным доказательством гибели его в результате стихийного бедствия. Наиболее интересен найденный здесь биметаллический нож с кованым железным клинком, черенок которого охватывает литая бронзовая рукоять, относящийся к типу коленчатых, — его клинок располагается под углом 120° к ручке. Длина рукояти до изгиба, где она соединяется с клинком, — 7 см, 3 см приходится на место соединения. Рукоять плоская, толщиной 1.5—2 мм, вес ее около 20 г. Она отлита из оловянисто-мышьяковистой бронзы, основой которой была медь с высоким (1.5%) содержанием никеля, в форме, куда был предварительно помещен железный клинок. Вся поверхность ручки сильно патинизирована. Клинок, ширина которого 1.7 см, сильно изъеден коррозией, и от него сохранился лишь небольшой участок.

Составные коленчатые ножи были широко распространены у народов Сибири еще в неолите, и традиция их изготовления была продолжена древними бронзолитейщиками, создававшими даже цельнолитые коленчатые ножи, имитирующие составные [Хлобыстина, 1961]. Но биметаллический коленчатый нож найден впервые. Бронзово-железные изделия появляются на самом раннем этапе железного века. В Сибири такие изделия (кинжалы, клевцы, прямые ножи, наконечники стрел) характерны для второй стадии тагарской культуры [Киселев, 1951: 275; Гришин, 1960: 185; Членова, 1967: 22, 23], и наиболее ранние из них датируются V—IV вв. до н. э. Возраст ножа из Усть-Половинки оказывается более древним, как показывает дата, полученная по образцу угля из жилища, где найден нож, — 2830 ± 70 л. н. На Северном Кавказе и в Северном Причерноморье появление биметаллических и ранних железных изделий относится к IX—первой половине VII вв. до н. э. [Крупнов, 1960: 321—324; Тереножкин, 1961: 185, 186; 1976: 104—106]. Проникновение первого железа в Северное Причерноморье началось с Северного Кавказа. Вероятно, что именно с Северного Кавказа проникло оно и в Западную Сибирь, где, как можно предполагать, его использование началось раньше, чем это случилось в тагарской культуре. Поскольку пясинская культура имеет несомненные связи с культурами Западной Сибири, знакомство аборигенов Таймыра с железом могло произойти независимо от степени их контактов с кругом южносибирских культур и времени появления в среде последних железа. Даже если допустить, что уголь из жилища I имеет некую примесь, искажающую его истинный возраст, и пренебречь этой датировкой, в нашем распоряжении имеются серийные даты из других пясинских комплексов, укладывающиеся в пределах V—IV вв. до н. э., что соответствует второй стадии тагарской культуры и говорит об очень быстром проникновении навыков изготовления железных предметов в Таймырское Заполярье. Нож из Усть-Половинки, таким образом, является древнейшим из известных железных орудий Сибирского Запо-

лярья, и его находка позволяет относить пясинскую культуру уже к периоду раннего железа.

Уникальным изделием является и плоский листовидный наконечник стрелы. Его основание сделано слегка вогнутым. С двух сторон он имеет «жилку», расположенную по оси орудия и укрепляющую его. Предмет был отлит в двусторонней форме, створки которой были плохо совмещены, что привело к несовпадению выпуклостей «жилки». Близ центральной части наконечника по краям жилки имеются отверстия, образовавшиеся при отливке и предназначенные для скрепления наконечника с древком. Длина наконечника — 8.3 см, вес — 9.8 г. Среди сибирских наконечников стрел это изделие аналогий не имеет.

Не менее уникальна и плоская бляшка, найденная вместе с ножом и наконечником в жилище I. Она имеет овальные очертания; один из концов приострен, и форма изделия напоминает форму глаза. Одна сторона ее гладкая, другая украшена двумя концентрическими желобками, повторяющими очертания бляшки. Орнамент воспринимается как подобие зрачка и радужной оболочки. Размеры пластинки близки размерам глаза: длина — 4.4 см, ширина — 2.3 см; толщина пластинки — 2 мм. Орнаментированная сторона слегка выпуклая, что усиливает сходство с глазом. Вес изделия — 9.3 г.

Бронзовое заполнение литейных каналов (вес слитка 73.1 г) и глиняная шишка, служившая для образования внутренней полости кельта, показывают, что здесь отливались крупные орудия.

С пясинской культурой следует связывать и четырехгранное шило, найденное на выдуве участка 9. Его длина — 7.2 см, вес — 12.1 г. Такие шилья были в употреблении в Южной Сибири и в Забайкалье в конце II—I тыс. до н. э.

Все эти находки вместе с многочисленными тиглями и льячками создают яркое впечатление о высоком развитии индустрии металла у носителей пясинской культуры, хотя каменный инвентарь все еще имел большое значение.

Судя по находкам в жилищах, продолжали изготавливаться небольшие наконечники стрел и скребки, аналогичные существовавшим в эпоху бронзы. Однако можно отметить и ряд изменений. Так, появляются массивные высокие двустороннеобработанные скребки, у которых брюшко делалось выпуклым, из-за чего и лезвие получалось изогнутым. Характерна сильная, до лоска, сработанность этих орудий. Ретушная обработка становится менее тщательной. Не встречены шлифованные орудия, ранее весьма распространенные. Ножевидные пластинки, обнаруженные в жилищах, немногочисленны и разнообразны по сырью, и создается впечатление, что они не изготовлены носителями пясинской культуры, а собраны ими на местах более древних стоянок. В связи с этим необходимо указать на проколку из жилища II и скребок на пластине из жилища IV, на которых поверх патинированной поверхности нанесена свежая ретушь. Следует отметить и изменения в составе сырья, которое становится более разнообразным, при этом качество его ухудшается. Реже используются халцедон и яшма, появляются орудия из кварцита и кремнистого сланца плохого качества. Появляются изделия из галек — ядрища для снятия отщепов или грубые рубящие орудия типа чопперов и чоппингов. Возможно, что и чопперовидное орудие, найденное на II террасе в устье Половинки, упоминавшееся в главе I, также относится к пясинской культуре. Среди сборов С. Л. Троицкого у пос. Жданиха на р. Хатанге имеется крупная галька со сколами, напоминающая палеолитические орудия. Грубые галечные рубящие орудия известны на стоянках раннего железного века Якутии [Федосеева, 1970в: 147; Константинов,

1978: табл. V, 10]. Возможно, к появлению таких орудий привел отказ от изготовления шлифованных рубящих орудий после появления металлических топоров, которые все-таки были немногочисленны.

Подобный процесс изменения состава каменных орудий продолжался и во время малокореннинской культуры, сменившей пясинскую. На поселении Усть-Половинка каменные изделия, происходящие из разрушившихся пясинских и малокореннинских слоев, оказались смешанными, и выделить среди них (рис. 97—104) предметы, относящиеся к той или иной культуре, затруднительно. Учитывая, что малокореннинские отложения разрушены в большей степени, чем пясинские, можно предполагать, что большая часть каменных орудий из сборов относится именно к малокореннинской культуре.

На основании сопоставления материалов с находками из культурных горизонтов поселения Усть-Половинка к пясинской культуре можно отнести также стоянки Пясина XVI и XVII, Береговая, Дюна V, часть сборов со стоянок Пясина III и IV, Малая Коренная I и III, Большая Коренная II, Капканная II, а также керамику с местонахождения Исток Пясины.

Местонахождение **Исток Пясины** было случайно обнаружено норильскими геологами при обследовании обнажений высокого левого берега р. Пясины в месте, где она делает крутой поворот, прорываясь среди валунов Ньяпанской моренной гряды, которой подпружено оз. Пясино. Здесь найдена привенчиковая часть сосуда, имеющего типичные для пясинской керамики признаки. Судя по фрагменту (рис. 39: 1), это был большой, с диаметром около 32 см, горшок открытой формы. Глиняное тесто имело примесь шамота, редких зерен дресвы и шерсти, скорее всего, оленьей. Толщина стенок горшка около 8 мм; венчик не был особо выделен и имеет округленный край. Сосуд изготовлен методом выбивания лопаткой, оставившей на его поверхности подромбические отпечатки «вафли». Украшен горшок далеко отстоящими поясами неглубоких крупных ямок.

Стоянка **Береговая** расположена на левом берегу р. Пясины в 20 км ниже Усть-Половинки. Собранные на ней черепки с ромбическими вафельными отпечатками и круглыми ямками орнамента имели в составе теста примесь дресвы. Имеются фрагменты треугольного в сечении валика с насечками, подобного валикам на горшках из Усть-Половинки. Некоторые черепки внутри шлакированы. Часть фрагментов принадлежит небольшому (диаметр венчика около 10 см) неорнаментированному сосуду, на поверхности которого видны отпечатки шерсти. Изделия представлены обломком вкладыша или наконечника стрелы с округлым основанием (рис. 105: 7), скребком на отщепе (рис. 105: 8) и двумя обломками каких-то орудий, изготовленных из светлой яшмовидной породы. Найдено 4 кварцитовых скребка (рис. 105: 3—5, 10). Большой скребок овальной формы сохраняет на спинке естественную поверхность гальки (рис. 105: 10). Два скребка на отщепах кварцита и крупный скребок из кремнистого сланца (рис. 105: 1) имеют сильную сработанность, линейные следы которой хорошо видны на лезвиях даже невооруженным глазом. Из кварцитовой гальки было начато изготовление крупного орудия типа топорика (рис. 105: 11). О повышении роли кварцита в изготовлении каменных орудий свидетельствует преобладание кварцитовых отщепов и сколов (78 экз.), среди которых есть пластинчатые, над отщепами и сколами кремнистых пород (10 экз.). На месте стоянки найдена тонкая абразивная плитка.

На развеянной стоянке **Дюна V**, обнаруженной в 2 км выше Береговой, найдены черепки керамики с типичными для пясинских сосудов признаками и небольшое количество изделий из халцедона и светлой яшмы. Привлекают внимание своей сработанностью два небольших скребка. Один из них, сделанный из темно-серого кремнистого сланца, имеет двустороннюю обра-

ботку и секировидную форму. Его лезвие имеет изгиб, характерный для скребков, относящихся к периоду раннего железа.

Фрагменты сосуда, аналогичного горшочку из слоя IIа раскопа II поселения Усть-Половинка, обнаружены на поселении Пясина XVI. У венчика он имел диаметр всего 6 см и был украшен пояском ямок, ниже которого располагались ряды наколов зубчатой лопаточки (рис. 106: 4). Примесью к глине служила шерсть. Вместе с горшочком найден скребок (рис. 107: 14), две пластинки из белой яшмы и серого кремнистого сланца, два скола со шлифованного сланцевого изделия.

Среди пясинской керамики стоянки **Пясина III** примечателен горшок, в привенчиковой части которого прочерчены два углубления для лучшего прикрепления налепных валиков (рис. 106: 1). Этот сосуд является примером зарождения в пясинской культуре многоваликовости, характерной для посуды сменяющей ее малокореннинской культуры.

На стоянке Пясина IV к пясинскому типу керамики относятся фрагменты 8 горшков, пять из которых отличаются грубостью изготовления и обедненностью орнаментации (рис. 108: 1—4, 6). Они украшены лишь рядами ямок и в четырех случаях гребенчатыми отпечатками на срезе венчика. Это небольшие сосуды закрытой формы со слегка отогнутым венчиком, который имеет диаметр 22—24 см, и толщиной стенок 5—7 мм. Сравнение их с образцами пясинской керамики из Усть-Половинки приводит к мысли, что они являются либо образцами так называемой кухонной посуды, либо, что кажется более вероятным, относятся завершающему периоду существования пясинской культуры, ко времени затухания ее орнаментальных традиций. Интересен в этом отношении еще один горшок (рис. 106: 2), аналогичный описанным по размерам и форме, но сплошь украшенный в привенчиковой части рядами скобковидного зубчатого штампа, что также выделяет его среди посуды пясинского типа.

Фрагменты сосудов, украшенных только ямками и гребенчатыми отпечатками по срезу венчика и ямками, имеются среди подъемных материалов с поселения Усть-Половинка (рис. 109: 2—5) и стоянок Малая Коренная II и III, Большая Коренная I и II. Так как на этих стоянках указанная керамика встречалась совместно с многоваликовой посудой малокореннинского типа, являющейся примером дальнейшего развития пясинской, то можно предположить, что слабо орнаментированная керамика была вариантом развития пясинского типа, сосуществовавшего с многоваликовым.

Рассматривая материалы пясинской культуры в целом, следует в первую очередь отметить сочетание в ее керамике двух традиций различного происхождения. Одна из них, проявляющаяся в использовании выбивной техники и примеси шерсти в тесте, связана с ымыяхтахской культурой. Другая, нашедшая отражение в способах орнаментации и добавках дресвы, имеет связь как с байкитской культурой, так и с традициями керамического производства культур западносибирского круга. Преемственность по отношению к байкитской керамике прослеживается по материалам стоянки Пясина IV-А, о гибридности которой говорилось ранее. В сущности, керамику со стоянки Пясина IV-А можно рассматривать как раннепясинскую и считать, что именно через нее пясинская керамика унаследовала линейно-накольчатые узоры. Что касается западносибирских керамических традиций, то им пясинская керамика обязана своими гребенчатыми узорами и поясами ямок. Последние, нередко наносившиеся поверх орнамента из других элементов, являются характерной чертой неолитической керамики из памятников Прииртышья. Эта орнаментальная традиция продолжала существовать в гребенчато-ямочных культурах и генетически связанных с ними андроноидных памятниках бронзового века Западной Сибири по крайней мере до середины

I тыс. до н. э. Ю. П. Чемякин любезно ознакомил меня с выделенной им на основе материалов городищ Барсовой Горы белоярской группой керамики. Круглодонные сосуды последней сменили в VII в. до н. э. плоскодонные типы посуды, существовавшие ранее. По своей форме и орнаментации белоярская посуда является в настоящее время единственной в Западной Сибири группой керамики, наиболее близкой пясинской и синхронной ей. Примечательно, что с белоярской керамикой встречены тигли, аналогичные тиглям и льячкам пясинской культуры. Учитывая наличие в пясинской посуде западных традиций, отличных от байкитских, можно уверенно говорить и о культурных, а может быть, и генетических связях носителей пясинской культуры с юго-западными соседями.

Таким образом, справедливо предположить, что гибридная пясинская культура возникает на стыке двух больших историко-культурных регионов в результате слияния культур, созданных различными по своему происхождению этническими группами.

Время существования пясинской культуры определяется радиоуглеродными датами 2830 ± 70 (ЛЕ 1104), 2490 ± 100 (ЛЕ 1146), 2440 ± 90 (ЛЕ 1149), 2430 ± 50 (ЛЕ 712), 2290 ± 100 (ЛЕ 1103) л. н., полученных для пясинских комплексов Усть-Половинки, т. е. IX—IV вв. до н. э. Наиболее ранняя из них (2830 ± 70) кажется излишне древней из-за находки в жилище I, возраст которого она определяет, ножа с железным клинком. Поскольку известно, что первые находки железных изделий в южных районах Сибири датируются только VII в. до н. э., может быть, и следует признать ошибочность даты жилища, однако остальные радиоуглеродные определения сомнений не вызывают, и, датируя жилище I, подобно другим пясинским комплексам, серединой I тыс. до н. э., мы все равно вынуждены признать, что нож из Усть-Половинки является наиболее ранней находкой железного орудия на памятниках Севера Евразии. Если же принимать за начальный момент формирования пясинской культуры первый этап взаимодействия ымыяхтахской культуры с культурой аборигенов Пясины, нашедшей отражение в керамике Пясины IV-А, то IX—VIII вв. до н. э. будут вполне соответствовать времени зарождения пясинской культуры. Хронологическую границу между пясинской и сменяющей ее малокореннинской культурой можно проводить в III—II вв. до н. э., поскольку для малокореннинской культуры имеется дата 2100 ± 50 (ЛЕ 1147), полученная по углю из кострища культурного слоя II раскопа II на поселении Усть-Половинка.

Памятники малокореннинской культуры

Малокореннинская культура выделена на основе материалов из вторых культурных слоев поселения Усть-Половинка, а также находок на стоянках Малая Коренная I, Большая Коренная II, Пясина IV и VII.

На поселении **Усть-Половинка** древнейшим культурным слоем малокореннинской культуры является II слой раскопа II. В нем обнаружено располагавшееся на 15 см выше кострища № 3 слоя IIа (рис. 114) кострище № 2 — округлое углистое пятно с диаметром 1 м, по углю из которого получена приведенная выше дата. Оно перекрыто слоем красного прокаленного песка, мощность которого 5—6 см. Углистый слой в центральной части разделен прослойкой такого же песка, содержащего зольные включения; мощность его 5 см. Прослойка делит углистый слой, общая мощность которого в центре достигает 17 см, на 2 горизонта, мощностью, соответственно, 5 см (верхний) и 2 см (нижний). Пятно подстилает красный прокаленный песок мощностью 3 см. В северной части слой кострища разбит

мерзлотной трещиной. И в самом кострище, и около него было много находок. Основную их массу составляют куски пережженной глины, сосредоточенные в прослойке между углистыми горизонтами. Они легко крошатся, и лишь на некоторых из них сохранилась первоначальная поверхность со следами заглаживания, штрихами и прочерченными линиями. Имеются отпечатки грубой травы, похожей на осоку. На ряде обломков сохранились утоньшенные края, и они напоминают изделия типа льячек. Куски пережженной глины и прослойка, в которой они залегают, являются, возможно, остатками какого-то сооружения для плавки бронзы. В углистом пятне и рядом с ним найдены во фрагментированном состоянии большие толстостенные тигли, один из которых удалось реставрировать (рис. 76: 2; 77: 3). Он имеет овальную форму, толстые стенки (1—1.5 см), плавно переходящие в округлое, еще более толстое (2 см) днище. Длина изделия — 16.5 см, ширина — 12.3 см, высота — 6.5 см. На зауженном конце резервуара тигля расположен желобок слива, с учетом которого внутренний полезный объем тигля составляет 130 куб. см. По форме он напоминает маленькую льячку со стоянки Пясина IV-А и тигли, найденные на поселении Усть-Половинка в кострище из раскопа V. Дно тигля было разрушено, а к его прямо срезанным краям приварились кусочки бронзы и косточек. Однако в целом во II слое сплесков бронзы очень мало.

Изделия из камня представлены обломками трех наконечников стрел треугольной формы (рис. 98: 2, 3; 89: 8), найденными на периферии кострища, скребком (рис. 89: 9), ножевидной пластинкой. В кострище и рядом с ним найдено более 60 отщепов и осколков сланца, кварцита, яшмы красноватого оттенка и других пород; некоторые из них сильно обожжены. Часть находок собрана в осыпи края кострища. Среди них был черепок горшка, украшенный плотно расположенными линиями наколов отступающей лопаточки с треугольным приострением конца (рис. 115: 3). Найденные на выдуве фрагменты сосуда (рис. 115: 1), украшенного аналогичным образом, вероятно, относятся к этой же группе находок. У венчика этот горшок имеет два налепных валика с насечками, выполненными лопаточкой с треугольно-выемчатым концом. Ниже валиков сосуд орнаментирован идущими вертикально вниз линиями отступающей лопаточки и нанесенными поверх этого узора ямками.

В раскопе I культурный горизонт IIа четко не отмечен и выделен по залеганию находок в основании пачки слоистых песков, содержащих гумусные прослойки. К этому горизонту относятся краевой фрагмент тигля, а также скребок из красно-желтой яшмы плохого качества, имеющий приостренный обушок и скошенный рабочий край, сильно выщербленный от употребления (рис. 119: 3).

Условно к этому горизонту отнесен и венчик горшка (рис. 118: 5), найденный в мерзлотной трещине на уровне между II культурным слоем и полом жилища. Диаметр венчика достигал 28 см. Он имел скругленный край и был украшен двумя налепными валиками, расположенными почти вплотную друг к другу и украшенными, как и внешний край венчика, выемчатым штампом с неровными границами, что придает отпечаткам своеобразную узорчатость. В тесте заметна примесь дресвы.

Культурный слой II в пределах раскопа I отмечен тонкой углистой прослойкой вокруг кострища № 1. Последнее имеет трапециевидные в плане очертания; его размеры 1.2 × 1.34 м (рис. 116). Он возвышается над уровнем окружающей углистой прослойки, а общая мощность углистого слоя в его центре достигает 15 см. Слой кострища составляют несколько прослоек, в различной степени насыщенных углем. Кострище было устроено в депрессии древней дневной поверхности и, по-видимому, было оконтурено дере-

вянной рамой. По образцу угля получена дата 1660 ± 180 л. н. (ЛЕ 1102), т. е. 290 г. н. э.

Находки из II слоя (рис. 119, 120) приурочены, в основном, к кострищу, в котором оказалось много бронзы, обломки тиглей, пережженные кости, обломок ретушера (?), фрагмент железного изделия, скребок, два наконечника стрел треугольной формы, неорнаментированные черепки, много отщепов и осколков кварцита и небольшое число сколов и отщепов темно-серого кремнистого сланца и яшмы разных цветов. Каменные изделия попадались в кровле слоя кострища и не были обожжены. Вблизи кострища были найдены 3 наконечника стрел, 2 скребка и скребло, точильная плитка, многочисленные обломки льячек, а также фрагмент венчика многовалико-вого горшка (рис. 118: 4), подобного сосуду из горизонта IIа в раскопе I. Возможно, что эти черепки проникли в мерзлотную трещину из II слоя.

На осыпи выдува, разрушившего часть II слоя в северном углу раскопа, вместе с обломками льячек, каплями бронзы, двумя наконечниками стрел из яшмы и кварцита был подобран маленький железный нож (рис. 121). Он сделан из узкой (4 мм) пластинки, толщина которой 2 мм, а длина 10.2 см. Половина ее раскована и заточена в клинок, а другая служила черенком. Прямоугольный в сечении изогнутый железный прут, подобный пластинке, послужившей заготовкой ножа, был найден на выдуве участка 13.

В пределах раскопа III слой II отмечен слабой углистой прослойкой и кострищем № 16, расположенным в западине на месте жилища пясинской культуры (рис. 122). Кострище имеет округлые очертания; диаметр его примерно 1 м. Максимальная мощность углистого слоя (в центральной части, где было скопление галек и булыжников, в котором находились обломки плоскодонной льячки) 7 см. На окраине кострища найден фрагмент венчика с налепным валиком, украшенный линиями наколов и ямками (рис. 115: 7). Около кострища лежало несколько обломков камней кремнистых пород. Кроме того, здесь был тоненький кусочек вара — обмазка, на вогнутой стороне которого отпечаталась поверхность бересты.

В раскопе IV культурный слой II (рис. 123) представлен углистой прослойкой, в которой встречены крупные булыжники, скопления галек, обломки льячек и тиглей, а также куски пережженной глины, являющиеся результатом их разрушения, неорнаментированный фрагмент горшка, обломки зубов северного оленя, 3 треугольных наконечника стрел со слегка вогнутым основанием, 9 отщепов и сколов разных кремнистых пород, проколка из халцедона, заготовка скребка, кусочек песчаника и сильно патинированная ножевидная пластинка из кремнистого сланца, напоминающая долго пролежавшие на поверхности мезолитические и раннеолитические изделия.

Из подъемных материалов с поселения Усть-Половинка к малокорен-нинскому типу керамики можно отнести фрагмент только одного горшка, найденный на участке 22. Это привенчиковая часть сосуда (рис. 115: 6), который был украшен налепным валиком, рассеченным наколами; двумя горизонтальными линиями отступающей лопаточки с приостренным концом, нанесенными под валиком, а ниже их — такими же линиями, расположенными наклонно. Поверх этого узора под валиком был нанесен ряд округлых ямок. В качестве примеси к тесту употреблялась дресва.

Стоянка **Малая Коренная I** является памятником, где впервые была найдена керамика своеобразного типа, получившего впоследствии название «малокорен-нинского». Он представлен обломками двух горшков, сохранивших по два налепных валика (рис. 124: 7, 8), и черепками еще 6—7 сосудов, отличающихся от пясинских небрежностью и грубостью исполнения, что характерно для сосудов этого типа (рис. 124: 1, 5, 6). С нею, вероятно,

связана керамическая поделка в виде неправильного конуса (*рис. 124: 10*); к ее глине была примешена шерсть.

Подобное, но изогнутой формы изделие было найдено на стоянке **Пясина IV** (рис. 124: 9). Как и находка с Мал. Коренной I, она напоминает отросток рога; назначение этих вещей остается непонятным. На стоянке собраны фрагменты 4 горшков малокореннинского типа; в привенчиковых частях трех из них имеется по два налепных валика (рис. 124: 3—5).

На стоянках **Большая Коренная II** и **Пясина VIII** также найдены черепки сосудов, позволяющие говорить о заселении этих стоянок в период существования малокореннинской культуры, но число их незначительно: на Бол. Коренной II собраны фрагменты, принадлежащие двум сосудам (рис. 124: 11; 106: 8), а *на стоянке Пясина VIII — одному*. Следует отметить находку на последней обломков плоского днища, принадлежавшего толстостенному горшку. В его глину были примешены шамот и шерсть. Это единственное свидетельство изготовления на Таймыре в древности плоскодонной бытовой посуды *следует связывать, вероятно, с пясинской* или малокореннинской культурами.

Учитывая подъемный характер находок со стоянок Мал. Коренная I, Бол. Коренная II, Пясина IV и VII, при определении малокореннинского комплекса изделий приходится опираться, в основном, на находки из вторых слоев поселения Усть-Половинка. Последние *содержали тигли и льячки*, аналогичные пясинским, скребки, наконечники стрел и другие каменные изделия, подобные находкам из пясинских жилищ. Однако заметна продолжающаяся деградация техники обработки камня. Увеличивается число изделий, изготовленных из сколов кварцита и кремнистого сланца, получаемых из галек. Среди подъемных материалов Усть-Половинки большое число наконечников стрел имеет треугольную форму с прямым или вогнутым основанием, есть удлиненно-листовидные наконечники стрел с округлым насадом (рис. 97: 15, 16). Они изготовлены из кремнистого сланца, и их, по-видимому, следует относить к малокореннинской культуре. Из аналогичного сырья изготовлены скребки, наконечник стрелы с прямым черешком (рис. 128: 3) и проколка с плечиками (рис. 128: 5), обнаруженные на стоянке Мал. Коренная I. Они встречены совместно с керамикой малокореннинского типа. Возможно, что к этой культуре относится также обломок единственного на Таймыре шлифованного наконечника стрелы (рис. 128: 6), найденный на стоянке Мал. Коренная III. На Севере Западной Сибири подобные наконечники встречаются вместе с типами керамической посуды, характерными для поздних этапов эпохи бронзы и ранних периодов железного века. Как интересный факт стоит отметить, что продолжается использование вара для замазки швов берестяных изделий.

Каменный инвентарь в целом слабо отличается от пясинского, что свидетельствует о сохранении традиций пясинской культуры, которые легко уловимы и в малокореннинской керамике. Ее отличает от пясинской увеличение числа валиков, небрежность исполнения орнамента и уменьшение в нем роли гребенчатых отпечатков; заглаженность стенок, на которых отсутствуют отпечатки выбивной лопатки; наблюдается общая грубость сосудов, связанная с увеличением количества примеси дресвы и почти полным отказом от использования в качестве примеси шерсти. Изменилось положение ямок: они перестают быть независимым элементом орнамента и более органично входят в состав композиций.

В общем малокореннинский комплекс можно рассматривать как продолжение линии развития пясинской культуры, как ее заключительный этап. Но, придавая большое значение керамике, ее изменениям и учитывая появление кованых железных изделий, кажется возможным выделить этот ком-

плекс в качестве особой культуры, генетически преемственной пясинской. Ее хронологические рамки определяются датами 2100 ± 50—1660 ± 180 л. н., т. е. II в. до н. э.—III в. н. э.

Выделение пясинской и малокореннинской культур имеет важное значение для определения возраста некоторых памятников приенисейских районов таежной зоны и их места в среде окружающих культур. К числу таких памятников принадлежит поселение у с. Маковского на р. Кети. Здесь при раскопках обнаружена керамика, которую относят к неолиту или началу эпохи бронзы. Среди этой посуды имеются горшки, украшенные одним или двумя налепными валиками, рядами ямок и ямочных вдавлений, линиями отступающей лопаточки [Николаев, 1963а: 53, рис. 7: 1—3]. Эти сосуды являются близкими аналогами пясинских и малокореннинских горшков, и их, по-видимому, можно считать синхронными пясинским и малокореннинским, датируя второй половиной I тыс. до н. э.—первыми веками нашей эры.

Другим памятником, близким по керамике этим культурам, является могильник у с. Подкаменная Тунгуска. Происходящий оттуда небольшой горшок орнаментирован налепным валиком с насечками, тремя рядами небольших овальных ямок и гребенчатыми линиями, исполненными прокаткой зубчатого колесика [Андреев, 1971: рис. 15: 2]. Этот горшок, отличающийся наличием поддона, датирован Г. И. Андреевым серединой—второй половиной I тыс. до н. э. Основываясь на этой находке, исследователь высказал предположение о возможности выявления в будущем самостоятельной таежной культуры.

Учитывая сходство материалов, обнаруженных на реках Пясина, Кеть и Подкаменная Тунгуска, можно сделать вывод, что в тундровых и таежных районах Приенисейского края во второй половине I тыс. до н. э., по-видимому, существовала некая культурная общность, в пределах которой использовались единые принципы орнаментации керамики. Возможно, с увеличением числа выявленных памятников в этой общности удастся выделить ряд культур, сходных с пясинской и малокореннинской, и одна из них, как и предполагал Г. И. Андреев, будет локализована в таежной зоне Енисейского правобережья, в Эвенкии.

Памятники культур с восточносибирскими традициями

Только что рассмотренная линия развития материальной культуры древнего населения р. Пясины, представленная материалами из стоянок Пясина IVA, памятниками пясинской и малокореннинской культур, является гибридной, возникшей на основе слияния западносибирских традиций с традициями ымыяхтахской культуры. Эта линия развития, которая может быть названа пясинской тем более, что ее памятники сосредоточены по берегам р. Пясины и не обнаружены нигде более на Таймыре. Представляет значительный интерес судьба тех групп ымыяхтахского населения, которые не вошли в ассимилятивные отношения с древним населением Западного Таймыра и продолжали развивать собственные культурные традиции. В разделе, посвященном поздним ымыяхтахским памятникам Таймыра, уже говорилось о ряде памятников с орудиями ымыяхтахского облика и мелкорубчатой или ромбо-вафельной керамикой, существовавших в первой половине I тыс. до н. э. В какой-то мере дальнейшее развитие этих культурных традиций позволяют проследить материалы найденных на р. Пясине памятников, объединяемых в усть-черниинскую культуру, к которой отнесены стоянки Усть-Черная I, Черная I, II и III, Пясина IV, Большая Коренная II, Лантошка I. Несмотря на то что подавляющее большинство находок пред-

ставлено подъемными материалами и речь может идти только об их типологическом выделении, керамический комплекс ее достаточно своеобразен, что дает возможность определить место этой культуры среди иных древностей Таймыра.

Керамика усть-чернинской культуры (рис. 130: 1, 2, 4, 7—9) представлена фрагментами горшков, в тесте которых заметна обильная примесь шерсти. Форма этих сосудов реконструируется как митровидная. Края венчиков были скругленными или срезанными горизонтально. Поверхность горшков заглажена, но иногда сохраняет отпечатки выбивной лопатки в виде ромбической вафли с крупными ячейками. Встречены черепки, у которых вафельные отпечатки оказались под отслоившимся поверхностным слоем. Для сосудов характерна тонкостенность: обычная толщина черепков — от 3 до 5 мм, изредка — до 6—9 мм. Типичен треугольный в сечении узкий (3—4 мм в основании) остроребериый налепной валик, помещенный большей частью примерно на 1 см ниже края венчика. Иногда под валиком располагается ряд небольших, но глубоких ямок с выпуклинами на внутренней стороне. На стоянке **Пясина IV** найдены фрагменты не менее чем 9 сосудов этого типа, и среди них — горшки, орнаментированные вместо ямок поясками из «жемчужин» — выпуклин от ямок, наколотых по внутренней стороне сосудов (рис. 130: 7, 9). На этой же стоянке обнаружены черепки небольшого (диаметр венчика около 12 см) горшка, украшенного, кроме валика и пояска ямок под ним, расположенными еще ниже рядами прочерченных по сырой глине косых крестов и изображений каких-то существ (рис. 131, 132). Сохранились два черепка с фрагментами таких рисунков (рис. 132). Изображенные существа имеют сигарообразные тела, от которых под острым углом отходят сгруппированные попарно короткие параллельные линии. На остром конце одного из изображений две линии расходятся под острым углом, а на конце другого прочерчена одна линия. Эти рисунки, вероятно, являются изображениями рыб, однако, какое место они занимали в орнаментальной композиции сосуда, остается неясным.

По немногочисленным находкам с других стоянок усть-чернинской культуры можно составить представление о вариабельности выделяемого культурного типа. Наибольшее значение в этом смысле имеют находки со стоянки Лантошка I и местонахождения в устье р. Черной, поскольку на стоянках Пясина IV и Большая Коренная II культурные остатки различных периодов представлены в смешанном состоянии и точная связь определенного типа керамики с другими изделиями опознается с трудом. Немногочисленность находок и их повторяемость на указанных стоянках могут служить свидетельством недолговременности поселений и чистоты их комплексов. Так, кроме керамики на стоянке **Лантошка I** найдены 3 халцедоновых скребка подтреугольной формы и отщепы из яшмы (3) и кремнистого сланца (8), отщепы и пластинчатые сколы из халцедона (4); на стоянке **Усть-Черная I** — скребок (рис. 133: 14) и 8 яшмовых отщепов; на стоянке **Усть-Черная II** — 7 отщепов и сколов из яшмы; на стоянке **Черная I** — отщеп яшмы и кусок халцедона; на стоянке **Черная III** находок больше — 69 отщепов и сколов (преимущественно мелких), 17 пластинок и пластинчатых отщепов, крупный скол с двусторонней ретушью, 3 скребка (рис. 133: 5, 8, 11) и 2 обломка льячки, для изготовления орудий использовались яшма, халцедон и изредка другие кремнистые породы. То же соотношение видов сырья характерно для стоянки **Черная II**, где собраны 32 отщепа и скола, 4 пластинки, скол с халцедонового нуклеуса, 2 отщепа с ретушью, 2 скребка (рис. 133: 4, 6) и 4 наконечника стрел (рис. 133: 2, 24—26), обломок льячки. Можно отметить, что для усть-чернинских памятников характерно изготовление орудий и пластинок из яшмы и халцедона, на них нет изделий из

кварцита и темно-серого кремнистого сланца, обычных для поздних памятников Таймыра. О наличии бронзолитейного производства свидетельствуют обломки лячек. Наличие единичного налепного валика на сосудах напоминает пясинскую керамику. Примечательно, что на стоянке Большая Коренная II был найден венчик горшка типичной для усть-чернинской керамики формы, имеющий в тесте примесь дресвы, характерную для пясинской и малокореннинской культур, что, с нашей точки зрения, служит подтверждением параллельности существования упомянутых культур с усть-чернинской. Однако все основные показатели усть-чернинской керамики — примесь шерсти, выбивная техника изготовления, бедность орнаментации — сближают ее в первую очередь с ымыяхтахскими образцами. Наблюдается большое сходство между усть-чернинскими и ымыяхтахскими памятниками по видам сырья, использованного в производстве каменных орудий, и типам последних. Однако лячки аналогичны, скорее, пясинским изделиям. Перечисленное, на наш взгляд, позволяет рассматривать усть-чернинскую культуру как наследующую традиции ымыяхтахской и существующую параллельно пясинской, т. е. период существования усть-чернинской культуры приходится на вторую половину I тыс. до н. э. К такому же выводу приводит сопоставление ее материалов с другими культурными комплексами, имеющими черты сходства с памятниками эпохи железа Восточной Сибири.

О возможном распространении усть-чернинской культуры на восток Таймыра говорят находки со стоянки **Боярка I**, где встречены обломки горшка, сходного с усть-чернинскими. Стоянка, упоминавшаяся ранее в связи с неолитическими материалами, расположена на правом берегу р. Хеты, выше устья р. Боярки, на месте заброшенного поселка с тем же названием. Горшок (рис. 136: 7) имел закрытую форму, гладкую поверхность, горизонтально срезанный венчик и был украшен расположенным на 1 см ниже края венчика валиком и пояском ямок под ним. Ямки были наколоты четырехгранной палочкой. В глину сосуда было добавлено значительное количество тонкой шерсти. Он изготовлен техникой выбивания, о чем свидетельствует характерная слоистость черепков, толщина которых около 6 мм. Только отсутствие вафельных отпечатков отличает его от усть-чернинских.

Кроме усть-чернинского выделяются еще три типа керамической посуды эпохи железа, которые имеют восточносибирские традиции изготовления и орнаментации.

Тагенарский тип керамики представлен горшками, найденными на стоянках **Тагенар II** (пункт 2) и **Абылаах IV** на р. Хета. Горшки тонкостенные (2—3 мм), имеют вогнутую горловину, по-видимому, были круглодонными. Для их изготовления использована глина с малозаметной примесью песка. Верхняя часть горшков, на которой расположен орнамент, заглажена, а ниже сохранились четкие ромбо-вафельные отпечатки. Абылаахский горшок (рис. 134) имел диаметр венчика около 17 см, диаметр тулова составлял 22 см. Венчик, утолщенный до 6 мм, срезали горизонтально; край его украшен неглубокими насечками. Орнаментирована привенчиковая часть горшка, его горловина. Узор составлен из прочерченных линий и оттисков гладкого штампа. Последние образуют на горловине вертикальные линии зигзагов, объединенные в 7 групп. Пространство между группами зигзагов заполняют горизонтально прочерченные линии. На горловине горшка со стоянки Тагенар II-2 орнамент состоит из горизонтальных рядов наколов, сделанных концом косо поставленной палочки, и напоминают линейно-накольчатый узор (рис. 135: 2). Наклон наколов менялся через один ряд, так что по вертикали их расположение напоминает зигзаг. Вместе с черепками этого горшка на стоянке собраны отщепы черного кремнистого сланца,

сколы с кварцитовых галек, кварцитовое ядрище для получения отщепов; один из кварцитовых сколов имеет краевую ретушь и использовался как скребло (рис. 138: 5). На стоянке Абылаах IV к единому с ромбо-вафельной керамикой комплексу можно отнести только большой брусок для заточки металлических изделий.

Второй бояркинский тип керамики выделен по материалам стоянки **Боярка II**, расположенной на левом берегу ручья, впадающего в р. Хету выше бывшего пос. Боярка, в 100 м от его устья. В разведочном раскопе, заложенном на краю подмываемого водой берега, на глубине 8—16 см от дневной поверхности найдено кострище № 1 верхнего культурного слоя, представлявшее собой пятно прокаленного песка с мелкими угольками. Его диаметр 80 см. На глубине 30—36 см находилась гумусно-углистая прослойка, являющаяся II культурным слоем, с которым связаны находки ножевидных пластинок из яшмы и кремнистого сланца, отщепы и сколы из халцедона и других кремнистых пород. В кострище № 1 оказались куски пережженных камней, обожженные кости оленя, скол кремнистого сланца, кусочки обожженной глины, на одном из которых были видны линии какого-то рисунка (рис. 135: 11), и черепки от 3—4 сосудов.

Один горшок имел небольшие размеры (диаметр венчика около 8 см) и закрытую форму. Край венчика, по которому сделаны насечки, слегка отогнут. Сосуд орнаментирован поясами косо расположенных вдавлений линейного штампа, чередующимися с поясами рядов маленьких круглых ямок (рис. 135: 8, 12). Два других горшка имели гладкие стенки, украшенные рассеченными налепными валиками и рядами круглых ямок (рис. 135: 6; 136: 4—6). Ямки неглубокие, но из-за тонкости стенок (3—4 мм) на внутренней стороне сосудов имеются «жемчужины». У одного из этих горшков валики рассечены, по-видимому, ногтевыми вдавлениями, у другого — оттисками гребенчатого штампа. Имеются фрагменты уплощенного днища и слегка отогнутого вечика с насечками по краю и отпечатками пальцев на поверхности. Какая-либо явная примесь в тесте горшков незаметна.

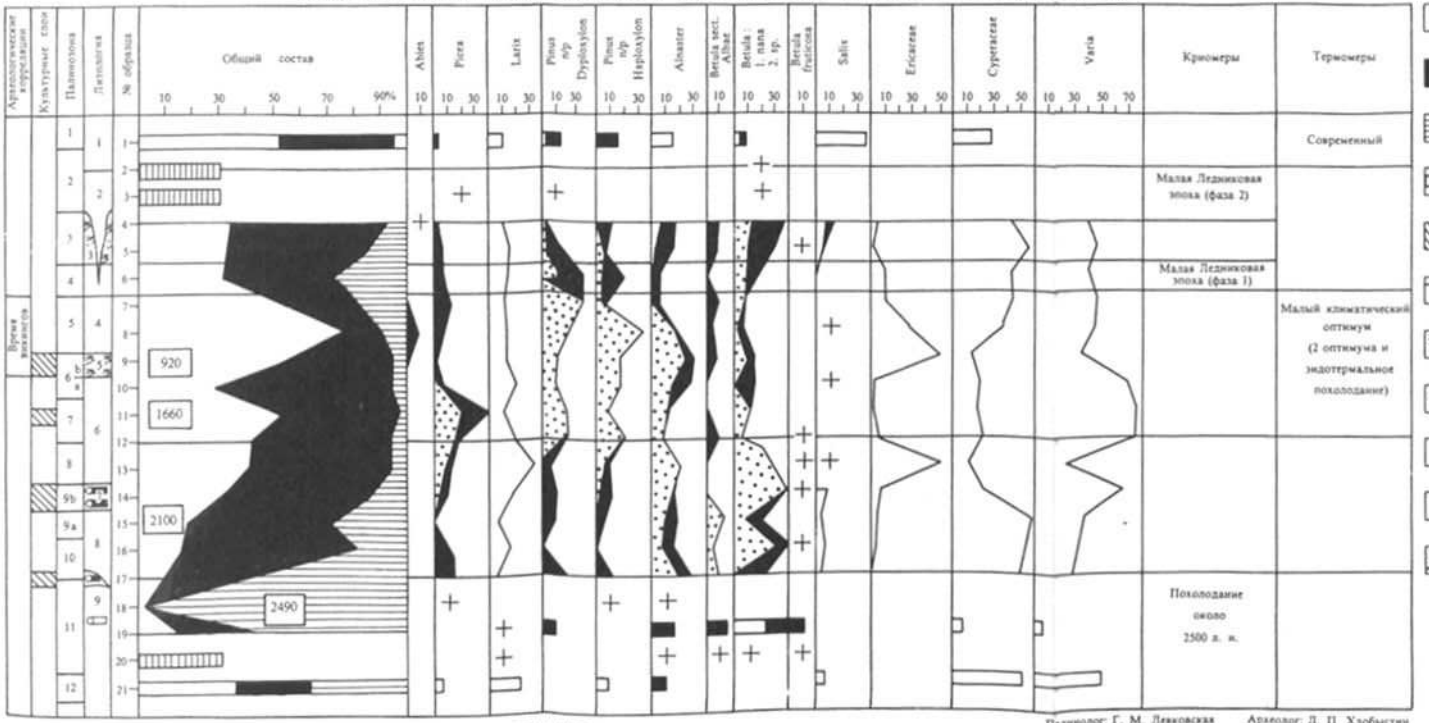
Усть-половинкинский тип керамики обнаружен на стоянках Хета I на р. Хете, Августовская II на р. Дудыпте, Пясина I и Усть-Половинка на р. Пясине.

Этот тип керамики датируется временем первых культурных слоев поселения Усть-Половинка. Все они связаны с серым гумусным песком погребенной почвы, но I культурный слой раскопа I относится к кровле этого горизонта, а первые слои раскопов II и III, соответственно, к его основанию.

В раскопе I культурный слой I содержал одно кострище (№ 2), очертания которого приближаются к овалу с осями 0.4 и 0.5 м (рис. 116). Линза кострища вогнутая в поперечном сечении, что характерно для костров, разожженных на мерзлом грунте. В основании поперечного разреза углистой линзы лежит прослойка красноватого песка с примесью углей (1—1.5 см), выше ее — белесый зольный слой с большим числом мелких костей рыб, который перекрывает еще одна углистая прослойка. Общая максимальная мощность — 8 см. Кострище было частично нарушено мерзлотной трещиной. В его углистом слое оказались черепки небольшого горшка (диаметр венчика около 11 см). Он имел четко выделенную горловину, оканчивавшуюся горизонтальным срезом края сосуда, округлое тулово и уплощенное дно. Его стенки гладкие, очень тонкие (2 мм), венчик особо не выделен. На 1 см ниже него располагался ряд маленьких (диаметр 1 мм) круглых сквозных отверстий. В черепках заметны пористость и крупные зерна песка.

В I культурном слое раскопа II (рис. 114) также обнаружено одно кострище (№ 1) — подпрямоугольных очертаний и размерами 0.7 × 0.8 м.

Спорово-пыльцевая диаграмма образцов из разреза археологического памятника Усть-Половина (Таймыр)

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

1 — Пыльца древесных пород и кустарников

2 — Пыльца травяно-кустарниковых растений

3 — Споры

4 — Уровни с единичными пыльцевыми зернами и спорами

5 — Литологические слои, описанные в публикации (Л. П. Хлобыстин, Г. М. Левковская, 1990)

6 — Уровень клиновидных мерзлотных деформаций

7 — Следы почвообразования

8 — Углистые прослойки

9 — Радиоуглеродные датировки

10 — Единичные находки таксонов

11 — Соотношение пыльцевых зерен с типичной (1) морфологией и палиноморфов (2)

Мощность углистого слоя в центре — 3—5 см. Кострище слегка вытянуто в направлении север—юг. По образцу угля из его северо-восточной части получена дата 920 ± 100 л. н. (ЛЕ 1148), т. е. оно датируется в пределах X—XII вв. н. э. В кострище встречены мелкие косточки рыб, отщеп кварцита и фрагмент тонкой (3 мм) стенки горшка (рис. 137: 2). Поверхность черепка очень гладкая. На нем сохранился тонкий треугольный в сечении налепной валик. В изломе черепка видна характерная для выбивной керамики слоистость и заметна незначительная пористость.

На III и IV раскопах слои с индексом I фиксируются коричневатой гумусированной прослойкой песка и углистыми включениями. В раскопе III обнаружено кострище (№ 1а) и камни. Изделия на этих участках отсутствовали.

Среди материалов из разрушенных слоев поселения Усть-Половинка есть фрагменты еще двух сосудов, которые типологически могут быть связаны с находками из первых слоев. На раскопе II около останца найден черепок тонкой (3.5 мм) стенки горшка, на котором имеются три плотно расположенных тонких треугольных в сечении налепных валика (рис. 113: 6). Скопление обломков крупного (диаметр венчика примерно 21 см) сосуда с выпуклым туловом, суженной шейкой и отогнутым наружу венчиком (рис. 137: 1) было обнаружено на участке 9. Край венчика имеет насечки, а шейка была украшена 4 тонкими треугольными в сечении налепными валиками. Этот горшок по своим признакам — тонкостенность (3—4 мм), гладкость поверхности, слоистость, слабая пористость, отсутствие заметных примесей в тесте — соответствует керамике первых слоев.

На стоянке **Пясина I** почти сразу под дерново-почвенным слоем находится тонкая гумусно-углистая прослойка, с которой, предположительно, связаны мелкие черепки тонкостенной (2—3 мм) сероглиняной керамики, найденные на выдуве. На ряде черепков сохранились тонкие налепные треугольные валики или следы от них. Выделяются фрагменты двух горшков. Оба имели вогнутую горловину и слегка выпуклое тулово. Поверхность стенок гладкая. В качестве примеси, возможно, употреблялся песок. Один из сосудов имел тонкий, украшенный по внешнему краю венчик, диаметр которого 12—13 см. По шейке горшок был орнаментирован несколькими отстоявшими друг от друга валиками, рассеченными косыми вдавлениями. Другой горшок был украшен в аналогичной манере нерассеченными валиками. Вместе с черепками лежали два маленьких обломка пластинчатых железных изделий и обломок продолговатой гальки со следами использования ее как абразива.

Фрагменты двух тонкостенных горшков с отогнутым венчиком и суженной горловиной, украшенной несколькими тонкими треугольными валиками, найдены на стоянках **Хета I** и **Августовская II** (рис. 130: 8, 12). На первой стоянке фрагменты горшка сопровождали кости северных оленей, а на Августовской II, где производились сборы на выдувах, вместе с черепками лежало скребло на сколе с плиткообразной гальки кремнистого сланца (рис. 139: 1), имеющее двустороннюю ретушь на выпуклом крае. Такие скребла встречаются на поздних бескерамических стоянках.

Своеобразный вариант тонковаликовой керамики представлен на стоянке **Пясина III** (рис. 130: 6, 10, 11; 136: 2). В верхней части стрелки мыса на обширном выдуве были собраны мелкие черепки не менее чем от 7 сосудов. Стенки их гладкие и отличаются малой толщиной (1.5—2 мм), которая иногда увеличивается до 6 мм у края венчика. В тесто, по-видимому, был добавлен тонкий песок. Примечательна пористость черепков. Горшки имели закрытую митровидную форму, что отличает их от усть-половинкинских. Дно, по-видимому, было уплощенным. У четырех горшков стенки оканчи-

вались непосредственно срезом края, у трех других утолщенный венчик слегка отогнут наружу. Эти два варианта посуды различаются оформлением края венчика. У горшков с прямым венчиком вдоль его среза делался неглубокий желобок, поперек или наискось которого наносились насечки; лишь у одного сосуда этого варианта желобка не было, а по срезу были нанесены уголковые насечки. У горшков с отогнутыми венчиками края утолщены и имеют мелкие косые насечки или глубокие вдавления, придающие краям зубчатость. Можно предполагать, что вариант оформления венчика при помощи желобка является начальным, а затем край горшка утолщался налепом глины и превращался в слегка отогнутый венчик. Сосуды украшены в верхней части тонкими треугольными налепными валиками и опоясывающими рядами маленьких круглых ямок. Валики иногда налеплялись вплотную друг к другу, как на фрагменте из раскопа II поселения Усть-Половинка. Поясок ямок чаще всего размещался под двумя верхними валиками; на внутренней поверхности черепков, вследствие тонкости стенок, ямкам соответствуют «жемчужины». У одного из горшков под венчиком просверлено сквозное отверстие, служившее, вероятно, для подвешивания.

Вместе с этой керамикой на выдуве встречены грубые отщепы и сколы кварцита, массивный грубый скребок из серо-зеленого кремнистого сланца, а также скребок из скола с кварцитовой гальки, имеющий сильную, до залощенности, сработаность лезвия (рис. 67: 6, 16).

Горшки, подобные только что описанным, обнаружены при раскопках на стоянках Боярка I и Маймече II на р. Хете, Пясина IX на р. Пясина.

В шурфе, заложенном в 4 м от основного раскопа на стоянке Боярка I, оказался развал горшка митровидной формы с прямой привенчиковой частью (рис. 136: 1, 3). Диаметр его венчика около 20 см. Стенки гладкие и тонкие (3—4 мм). Венчик чуть утолщен. Его оформление подтверждает наблюдения, сделанные на основе керамики из стоянки Пясина III: вначале вдоль среза венчика был сделан желобок с поперечными насечками, за счет которого венчик расширился, а затем он был заполнен глиной и по получившемуся налепу были нанесены неглубокие насечки. Верхняя часть горшка украшена тонкими треугольными валиками, налепленными на расстоянии примерно 1 см друг от друга. Их было 8 или более. Примесью в тесте сосудов служил песок.

На стоянке Маймече II в разведочном раскопе найдено скопление черепков маленького (диаметр венчика 10 см, высота 13.5 см) горшка митровидной формы с уплощенным дном и никак не обозначенным венчиком. Верхняя половина горшка была украшена 7 тонкими налепными валиками, от которых остались только следы.

Таким образом, главным отличием этого типа керамики (будем называть его первым бояркинским) является митровидная форма сосудов и особый технический прием оформления венчика. По другим признакам первый бояркинский тип керамики имеет сходство как с усть-половинкинским (наличие нерассеченных валиков), так и со вторым бояркинским (рассеченные валики, ямочный орнамент, митровидная форма). Сопоставление их показывает, что рассматриваемый тип занимает промежуточное положение между вторым бояркинским и усть-половинкинским типами, что может объясняться как принадлежностью к различным этнокультурным группам, так и хронологией, т. е. первый бояркинский тип в одном случае выступает в роли показателя этнического процесса объединительного характера, а в другом — как индикатор культурной эволюции. Однако кажется наиболее верным учитывать обе указанные возможности, придавая большее значение первому бояркинскому типу керамики как хронологическому признаку, исходя из анализа выделенных керамических комплексов в сравнении с мате-

риалами, характеризующими культуры периода раннего металла сопредельных территорий, главным образом Якутии. Первоначально попытаемся установить схему соотношения этих комплексов, опираясь исключительно на таймырские материалы.

Наиболее ранним из керамических типов эпохи железа, имеющих восточносибирские традиции, представляется усть-чернинский тип. Его керамика сохраняет примесь шерсти, вафельный узор, и от керамики ымыяхтахской культуры эпохи бронзы ее отличает, в основном, наличие тонкого налепного валика. Сопровождающий ее каменный инвентарь и льячки пясинского типа позволяют относить усть-чернинскую культуру ко второй половине I тыс. до н. э., может быть, первым векам нашей эры.

Тагенарский тип керамики также имеет ромбо-вафельный технологический узор, но для него уже характерна примесь песка. Орнаментацию суженной горловины можно было бы объяснить влиянием пясинской культуры, если бы горшки подобной формы и со сходным орнаментом не встречались широко в лесной зоне Восточной Сибири. С керамикой тагенарского типа не встречены льячки, что вместе с грубостью кварцитовых орудий свидетельствует о ее принадлежности к периоду, когда железные орудия уже получили ведущую роль. Эту керамику следует считать более поздней, чем усть-чернинская; ее появление можно связывать с влиянием культур соседних территорий или же считать просто привнесенной мигрантами из Эвенкии или Якутии.

То же самое можно сказать о керамике со стоянки Боярка II, необходимо лишь подчеркнуть ее сходство с материалами из некоторых памятников железного века Якутии. Первый бояркинский тип, учитывая его близость к усть-половинкинскому, который датируется в пределах X—XII вв. н. э., можно синхронизировать с последним или считать его несколько более ранним по времени бытования, чем усть-половинкинский, т. е. датировать в пределах второй половины I тыс. н. э.—первых веков II тыс н. э. Попытаемся теперь сопоставить эти керамические типы с материалами южных территорий.

Начатое А. П. Окладниковым [1943; 1945; 1946; 1950б; 1955б] изучение типов керамики периода металла на территории Якутии было продолжено С. А. Федосеевой [1968; 1970абвг; 1974] и И. В. Константиновым [1978], работами которых создано современное представление о развитии культур Якутии в эпохи бронзы и железа. На основе находок на многослойных поселениях Белькачи I (II слой), Сумнагин I (III—IV слои) и Усть-Миль I (II слой), расположенных на р. Алдан, С. А. Федосеевой была выделена усть-мильская культура эпохи бронзы, датированная, на основе серии радиоуглеродных дат, началом X—серединой I в. до н. э. Для этой культуры характерны два типа керамических сосудов. Первый представлен тонкостенными (1—4 мм) горшками с округлым туловом, суженной шейкой и прямым венчиком. Поверхность их гладкая. Они украшены рядами налепных рассеченных валиков. Второй тип — круглодонные горшки с прямыми стенками, толщина которых 4—7 мм. Орнамент состоит из насечек по срезу венчика, одного ряда сквозных округлых дырочек под ним и нерассеченных тонких налепных валиков. В обоих типах в качестве примеси использовался песок. Орнамент в виде сквозных дырочек и некоторые типы каменных орудий позволяют исследователям связывать происхождение усть-мильской культуры с ымыяхтахской и предполагать, что она сформировалась в бассейне Средней Лены в результате появления там нового этноса из Прибайкалья и Забайкалья, ассимилировавшего аборигенное ымыяхтахское население. С. А. Федосеева указывает на близкое сходство орнаментального стиля сосудов первого типа с узором из рассеченных валиков на керамике уриль-

ской культуры, существовавшей в XI—XII вв. н. э. на Среднем и Нижнем Амуре.

В бассейне Вилюя к эпохе бронзы С. А. Федосеева [1968; 1970г] относит тонкостенные горшки с суженной шейкой и слегка отогнутым венчиком, украшенные рассеченными или гладкими налепными валиками, и, сопоставляя их с алданской керамикой, делает вывод о вхождении Вилюя в область развития в бассейне Лены единой культуры эпохи бронзы. На наш взгляд, на основе опубликованных образцов керамики эпохи бронзы со стоянок Алдана и Вилюя вывод о культурном единстве вряд ли возможен, поскольку упомянутая керамика в достаточной мере различна для того, чтобы принадлежать разным культурам. Поэтому более справедливым является иное мнение С. А. Федосеевой [1970в: 129], согласно которому по всей долине Вилюя была распространена единая культура, имевшая много общих черт с культурой бассейна Лены.

Ранний железный век в Якутии датируют временем 2100 (2000) ± 100 (500) л. н., т. е., примерно, последними веками I тыс. до н. э.—XV в. н. э. [Мочанов, Федосеева, 1975а; Константинов, 1978]. К этому полуторатысячелетнему периоду относится несколько типов керамики, намеченных еще в ранних работах А. П. Окладникова. И. В. Константинов выделяет три главных типа, названных дюктайско-белькачинским, сумнагинским и усть-мильским. Эти названия не кажутся удачными, поскольку соответствуют названиям культур, уже выделенных на территории Якутии. Поэтому предпочтительнее использовать для этих типов названия, предложенные А. П. Окладниковым.

Сангарский (дюктайско-белькачинский, по И. В. Константинову) тип представлен круглодонными тонкостенными горшками с более или менее ясно выраженной горловиной. Поверхность их гладкая либо с рубчатыми (реже ромбо-вафельными) отпечатками от выбивной лопатки. Орнаментировались они в верхней трети горизонтальными рядами наклонно расположенных оттисков гребенчатых штампов. Изредка для украшения сосудов использовались опоясывающие их толстые налепные валики, на которых также имеются оттиски гребенчатых штампов [Окладников, 1945: табл. VIII]. В некоторых случаях оттиски наносились под углом к поверхности, образуя орнамент накольчатого типа. Примесью служили песок и дресва. Такая керамика встречена на стоянках Нижней и Средней Лены (район Сангар-Хая, оз. Сыалах, Куллаты, Покровск, Областная больница в г. Якутске), а также Алдана (Белькачи I, Дюктайская пещера).

Чебедальский (сумнагинский, по И. В. Константинову) тип характеризуется исключительно тонкостенными сосудами с округлым днищем и горловиной, имеющей различную степень изгиба. Поверхность горшков гладкая или мелкорубчатая. Примесь не отмечается либо состоит из песка. По краю венчика и горловине горшки украшены несколькими опоясывающими рядами тонких треугольных в сечении налепных валиков, гладких или рассеченных, напоминающих шнур. Этот тип керамики встречен на ряде стоянок бассейна Лены: Сиктях, Мухтуй, Чокуровка, Берись, Кестримрюнгкя, Кыларса II, Куллаты, Капчагай, Тумул, Усть-Чона II, Сумнагин I и др. Возможно, к этому типу посуды следует отнести горшки, у которых между налепными горизонтальными валиками налеплены вертикальные или наклонные валиковидные перемычки. По-видимому, в пределах данного типа можно выделять два варианта горшков: один — с тонкими гладкими, имитирующими шнур валиками; другой — с более толстыми, рассеченными.

Сиктяхский (усть-мильский, по И. В. Константинову) тип включает в себя тонкостенные круглодонные горшки. Они митровидной (?) или с выделенной горловиной формы, с гладкой, реже сохраняющей рубчатые отпе-

чатки поверхностью. Орнаментировались они рядами круглых или подовальных ямок, оттисками гусеничного штампа и вдавлениями других форм. Этот тип керамики также широко распространен в Якутии и найден на стоянках Старый Сиктях, Куллаты, Усть-Миль, Белькачи I.

Встречаются сосуды, сочетающие в своей орнаментации признаки указанных типов. Так, на стоянках Старый Сиктях, Капчагай и Мухтуй встречены сосуды, на которых кроме тонких налепных валиков имелся дополнительный орнамент из рядов подовальных вдавлений [Окладников, 1943: рис. 12; 1945: табл. I; 1946: табл. XVII: 1]. Вероятно, это может служить свидетельством сосуществования выделенных типов.

А. П. Окладников относил сангарский тип керамики к периоду поздней бронзы—раннего железа. Посуду с рассеченными валиками, встреченную на поселениях Мухтуй и Старый Сиктях, он считал типичной для раннего железного века и датировал VI—VII вв., а памятники с керамикой, украшенной гладкими валиками, относил к заключительной стадии периода раннего железа. К последующей стадии, датируемой временем до XV—XVI вв. н. э., он отнес посуду культуры «малых домов» [Окладников, 1945: табл. V, VI]. Некоторые типы сосудов, отнесенные к ней, имели более толстые стенки, чем ранние, но в основном керамика «малых домов» тонкостенная. Поверхность горшков гладкая. Примесью служили песок, мелкая дресва и, возможно, шамот. Форма сосудов реконструируется как закрытая сферическая или митровидная. Орнамент состоял из одного или нескольких остроребериых валиков. А. П. Окладников рассматривал выделенные им типы керамики как показатели стадий или этапов в развитии культуры раннего железного века.

И. В. Константинов, развивая идеи С. А. Федосеевой, предполагал, что все три комплекса керамики «имели различное происхождение в смысле и генетическом, и хронологическом» [Константинов, 1978: 59]. Дюктайский комплекс он датировал в пределах рубежа нашей эры—XI (XII) в. н. э., а начальные хронологические рамки усть-мильской керамики определял III—I вв. до н. э. Поскольку И. В. Константинов выводил сумнагинский тип из предшествующей ему культуры бронзового века (усть-мильской), то это позволяет заключить, что нижней границей времени его существования является конец I тыс. до н. э. Дюктайский тип орнаментации он считал привнесенным, а усть-мильский рассматривал как смешанный, сочетающий местные и привнесенные черты.

Следует отметить, что в Якутии имеется еще один тип керамики — круглодонные горшки с выделенной горловиной, на которой располагались ряды гладких тонких треугольных валиков, и с ромбо-вафельными отпечатками на тулове. Такая посуда найдена как на севере Якутии, на р. Индигирке (стоянка Татьянино оз.), так и на юге, на р. Олекме (стоянки Курунг и Большая Кюскэ). Относительно ромбо-вафельной керамики И. В. Константинов [1978: 60—62] высказал мнение, что она имеет местное происхождение, но не связана с вафельной керамикой ымыяхтахской культуры, поскольку между этими типами посуды «пролегает тысячелетний период эпохи бронзы с совершенно иной, гладкостенной керамикой, который делает рассматриваемые комплексы совершенно несопоставимыми». Еще раньше мысль о том, что бытование ымыяхтахской керамики завершается вместе с концом позднеолитической эпохи (имеется в виду одноименная культура) и что до эпохи бронзы она не доживает, была высказана С. А. Федосеевой [1970а: 312]. Последнее, однако, вызывает определенные сомнения, поскольку означает полную смену ымыяхтахского населения усть-мильским в пределах всего ареала. Вероятно, потомки ымыяхтахцев сохранились в некоторых районах Якутии, как это было на Таймыре, и перешли к изготовлению но-

вого варианта вафельной керамики, обогатив ее орнаментацию под влиянием культур с другими традициями, в том числе усть-мильской.

Сопоставляя типы керамической посуды, выделенные на памятниках железного века Таймыра, с керамикой Якутии, мы можем отметить значительное сходство между вторым бояркинским и сиктяхским типами керамики, тогда как подобие между тагенарским и сангарским типами менее заметно. Кроме того, последний напоминает пясинскую керамику, хотя и лишен характерных для нее разреженных рядов ямок.

Таким образом, можно заключить, что сангарский тип керамики является показателем культуры раннего железного века Якутии и появляется в результате воздействия тех же причин, что и пясинский, т. е. под влиянием западных традиций керамического производства, связанных с непосредственным проникновением их носителей в ареалы местных культур. О появлении на Енисее и в Прибайкалье гребенчатой керамики как результате распространения на эти территории влияния западной культуры неоднократно писали многие исследователи [Окладников, 1948: 20; 1957; 1958: 21, 22; Чернецов, 1953а: 55; Бурилов, 1975: 85; Хлобыстин, 1978б; Генералов, 1979а; 1979б]. Такая керамика в Приангарье и на Енисее датируется в широком хронологическом диапазоне от раннего неолита до эпохи бронзы. Наиболее раннее появление посуды с различными видами гребенчатых отпечатков, в том числе и с овальными гребенчатыми оттисками, зафиксировано на многослойном поселении Казачка на р. Кан — правом притоке Енисея [Савельев и др., 1976; Генералов, 1979а; 1979б]. Горшки с такой орнаментацией встречены в слое VI, выше слоя, содержавшего сетчатую и посольскую керамику, однако его радиоуглеродная дата, вероятно, занижена — 6660 ± 190 л. н. (ЛЕ 1231), т. е. первая половина V тыс. до н. э. А. Г. Генералов [1979б] датировал этот слой второй половиной IV тыс. до н. э.—рубежом IV—III тыс. до н. э. Поскольку керамика этого типа (предлагается именовать ее западноангарской) в слоях поселений Горелый Лес и Казачка залегает выше керамики посольского типа, то ее следует относить к середине III тыс. до н. э. при условии, что посольская может быть датирована первой половиной этого тысячелетия. В вышележащих слоях поселения Казачка встречена керамика с гребенчатыми узорами других типов, что свидетельствует о длительном, вплоть до эпохи железа, периоде развития гребенчатых орнаментальных традиций

Керамика с гребенчатой орнаментацией, как уже упоминалось, обнаружена и на территории Эвенкии, на стоянках Байкит I и Подкаменная Тунгуска [Андреев, Фомин, 1966]. Она имеет некоторые отличия от типов гребенчатой керамики Приангарья и может быть отнесена к позднему неолиту—эпохе бронзы.

Изложенное позволяет говорить о начавшемся в III тыс. до н. э. проникновении на территорию, уже занятую культурами восточносибирского региона, гребенчатых культур западносибирского происхождения и о длительном их развитии в контакте с аборигенными культурами Восточной Сибири, итогом чего в эпоху железа стало формирование культур с пясинским, сангарским и аналогичными им типами керамики. Тагенарский тип является одним из вариантов сангарского; другим, возникшим в результате взаимодействия с потомками ымыяхтахцев, следует считать ромбо-вафельную керамику, обнаруженную на стоянке Душкачан на севере Байкала. В эпоху железа произошло дальнейшее распространение носителей керамики сангарского типа на восток Якутии и далее на Чукотку, где выявлена вакаревская культура с керамикой, украшенной «*богатым узором из оттисков прямоугольно-гребенчатого штампа*» [Диков, 1979: 231—237].

Керамические комплексы, связанные своим происхождением с Западной Сибирью, не были чисто гребенчатыми, в орнамент их сосудов нередко включены ямки. Подобно тому как ямочный орнамент занял положение одного из ведущих признаков в керамике пясинской культуры, различные варианты ямчатых вдавлений стали основным признаком керамики, выделяемой в сиктяхский тип, однако он, вероятно, развивается позже, чем сангарский. Керамика с ямчатыми вдавлениями найдена и в Приангарье, и в Эвенкии, поэтому определить район первоначального формирования и последующего распространения этого стиля орнаментации затруднительно. Очевидно, керамика этого типа сложилась на обширной территории бассейнов правобережных притоков Енисея. Второй бояркинский тип керамики следует рассматривать как вариант в составе сиктяхского типа, а его обнаружение на востоке Таймыра указывает, вероятно, на продвижение на север с северо-востока Эвенкии или, напротив, с северо-запада Якутии носителей сиктяхского типа керамики.

Неоднократно высказывалось мнение о генетической связи посуды чебедальского типа с керамикой усть-мильской культуры. Поскольку на усть-мильских поселениях Алдана были встречены фрагменты сосудов и с гладкими, и с рассеченными тонкими налепными валиками, то первоначально в число ее памятников были включены почти все стоянки Якутии, на которых была найдена подобная керамика [Федосеева, 1970б: 130, 131]. Происхождение усть-мильской культуры предположительно связывалось с приходом нового этноса из Прибайкалья и Забайкалья, ассимилировавшего аборигенное ымыяхтахское население [Федосеева, 1974: 156], причем предполагалось, что один из видов керамики (сосуды с суженной горловиной) попал в бассейн Лены уже в готовом виде [Федосеева, 1974: 156; 1970б: 133]. Время появления этой культуры на Алдане датируют началом I тыс. до н. э. Этим предположениям противоречит, во-первых, датировка керамики усть-половинкинского типа, которая также гладкая, имеет суженную горловину и украшена тонкими налепными валиками; и, во-вторых, наличие аналогичных сосудов в Прибайкалье, которые, хотя и не имеют точной даты, не могут быть отнесены к началу I тыс. до н. э.

Попытку создания типологической классификации и периодизации валиковой керамики Прибайкалья предпринял В. В. Свинин [1966: 59, 60; 1970]. В качестве раннего типа им была выделена шнуровая посуда, орнаментированная накладными рубчатыми валиками, по форме близкая бронзовым котлам на поддонах. Он отнес ее к позднему бронзовому веку, соотнося его с шиверским этапом, и датировал XII—VIII вв. до н. э. Позднейшей формой сосудов с поддонами, по мнению исследователя, являются сосуды с гладкими «залощенными» стенками, орнаментированные в том же стиле, что и ранние, период распространения которых на Байкале датирован VII—II вв. до н. э. Весьма вероятно, что глиняные сосуды на поддонах были подражанием бронзовым котлам, но самые ранние образцы последних датируются VIII в. до н. э. [Членова, 1967: 92—109], что плохо согласуется с предложенной В. В. Свининым нижней хронологической границей периода бытования такой керамики. По-видимому, появление сосудов на поддонах на Байкале следует относить к VII—VI вв. до н. э. и связывать его с влиянием культуры плиточных могил Забайкалья [Хлобыстин, 1964б: 13, 14].

Изложенное вынуждает с большой осторожностью подходить к проблеме происхождения усть-мильской культуры. Возможно, она отделилась от круга культур, сложившихся в первой половине I тыс. до н. э. на Юге Восточной Сибири, однако не следует пренебрегать и вероятным влиянием со стороны культур с валиковой орнаментацией керамики, формировавшихся в это время в Приамурье. Несомненно, что посуда, аналогичная усть-миль-

ской, продолжала существовать и в I тыс. н. э. Примечательно, что И. В. Коновалов отнес к железному веку ряд памятников, которые, по мнению С. А. Федосеевой, принадлежат к эпохе бронзы.

Валиковая керамика, встреченная в Прибайкалье и в бассейне Ангары, весьма разнообразна. Некоторые типы ни на Таймыре, ни в Якутии не обнаружены. Как один из характерных для памятников Юга Восточной Сибири типов можно отметить горшки с тонкими волнистыми налепными валиками, которые найдены и на юге Эвенкии, на р. Подкаменная Тунгуска, где представлены и сосуды с рассеченными валиками. Тонкие гладкие валики иногда присутствуют на фрагментах, украшенных мелкими зубчатыми штампами [Андреев, Фомин, 1966: рис. 45]. Эвенкийская керамика с тонкими гладкими и рассеченными валиками, как и керамика усть-мильской культуры и чебедальского типа, сопоставима с усть-половинкинским и первым бояркинским типами керамики Таймыра, что позволяет говорить о появлении здесь этой орнаментальной традиции под влиянием как эвенкийских, так и якутских культур. К сожалению, неразработанность типологии и хронологии керамики культур раннего железного века Эвенкии и Якутии не позволяет провести достаточно полное их сравнение с таймырскими находками, для которых разработана, на наш взгляд, удачная локальная схема.

И. В. Константинов [1978: 70, 71, 84—86, 98] рассматривал якутскую керамику с тонкими налепными валиками как местную, генетически связанную с усть-мильской, а украшенную различными штамповыми вдавлениями — как привнесенную со Средней и Нижней Ангары. При этом первую он связывал с юкагирами, а со второй сопоставлял распространение тунгусской этнической общности. Соответственно, в носителях усть-мильской культуры И. В. Константинов видел «праюкагирские племена».

С. А. Федосеева предполагает, что усть-мильская культура возникла в результате прихода на Лену нового этноса из Прибайкалья и Забайкалья, и отмечает близость усть-мильской керамики к посуде урильской культуры, распространенной на Среднем и Нижнем Амуре в XI—VII вв. до н. э. [Федосеева, 1974: 155, 156]. Установлено, что керамика с налепными валиками появилась в Юго-Восточном Забайкалье в позднем неолите, на амоголонском этапе и устойчиво сохранялась там в эпоху бронзы [Окладников, Кириллов, 1980: 161, 166]. Принадлежность тунгусских языков к тунгусо-маньчжурской группе алтайской языковой общности предполагает поиск первоначального центра формирования их праязыка в южных районах Прибайкалья и в Забайкалье, в чем солидарны почти все исследователи тунгусского этногенеза. Однако могло ли происходить в том же районе формирование юкагирского языка? Поскольку последний близок в большей степени к уральским, чем к алтайским языкам, то приходится, отрицая такую возможность, отрицать и возможность интерпретации носителей усть-мильской культуры как юкагироязычного этноса. По этой причине представляется неверной и связь, усматриваемая И. В. Коноваловым между тунгусским этносом и керамикой, орнаментированной «оттисками штампа». Гораздо более вероятным кажется связывать распространение принципов гребенчатой и ямочной орнаментации, одним из вариантов которой является указанный тип, с продолжающимся распространением западносибирских орнаментальных традиций, носителями которых в I тыс. до н. э. могли быть древние юкагиры.

Что касается носителей усть-мильской культуры, то они могли принадлежать к одному из древних вариантов тунгусо-маньчжурской языковой группы, поскольку область ее распространения совпадает с территорией, на которой формировались языки последней. Поскольку могло быть несколько этапов расселения тунгусоязычных коллективов на север, их раннее (в I тыс.

до н. э.) проникновение в Якутию не противоречит точке зрения о сложении эвенов и эвенков в Забайкалье и Приамурье в результате общения аборигенного населения этих районов с уванями, имевшего место во второй половине I тыс. до н. э. [Туголуков, 1980: 157—161]. В связи с этим предположением интересны предания эвенков, в которых говорится о том, что при расселении их предков по Восточной Сибири они встречали аборигенов, язык которых был им понятен [Туголуков, 1980: 169]. Хотя подобные предания существуют и у других народов (например, рассказы ненцев о сихиртя, энцев и нганасан — о сюпся и т. д.) и могут рассматриваться как широко распространенный сюжет с глоттоглоссной ситуацией, указанные предания эвенов могли отражать действительно имевшие место встречи эвенков с ранее ушедшими на север тунгусоязычными группами, потомками усть-мильцев. Все это позволяет видеть за распространением на Севере Восточной Сибири керамики с тонкими налепными валиками расселение древних тунгусоязычных коллективов и распространение их культурного влияния.

Возвращаясь к археологическим материалам Таймыра, необходимо упомянуть ряд находок, точная привязка которых к выделенным керамическим комплексам невозможна. Часть их, вероятно, относится к периоду, когда керамика уже выходит из обихода жителей Сибирского Заполярья. Отсутствие керамики более поздней, чем усть-половинкинская, позволяет предполагать, что в XIII в. она уже не изготавливалась обитателями Таймыра. Отказ от производства глиняной посуды происходит и в таежных районах Восточной Сибири, что, возможно, было обусловлено распространением металлической посуды и более подвижным образом жизни, связанным с развитием оленеводства. К XIX в. только якуты продолжали изготавливать керамическую посуду. Примечательно, однако, что среди старых нганасан сохранились воспоминания о давнем времени, когда существовали глиняные горшки. Их название по-нганасански *сату нитe* — «глиняный котел» или *моу нитe* — «земляной котел».

По берегам крупных рек, обследованных Заполярной экспедицией на Таймыре, под дерновым слоем встречались следы стоянок, состоящие из костей и углистых прослоек кострищ. Особенно многочисленны памятники такого типа на правом берегу р. Хатанги между устьями рек Попигай и Блудная, на левом берегу р. Пясины близ устьев рек Мокоритто и Люнгфада, а также на берегу р. Тарея в 1.5 км от места ее впадения в Пясину. Лишь изредка на этих стоянках вместе с костями северного оленя, гусей и крупных рыб попадались изделия. Так, на верхней стрелке в устье р. Люнгфада под дерном на глубине 10 см около углистого слоя кострища были найдены 3 скребла, изготовленных из крупных галечных сколов (рис. 139: 2—4). Они имеют грубую ретушь на выпуклых краях, причем у одного из них она была нанесена с обеих сторон. Эти изделия подобны скреблам со стоянки Августовская II (рис. 169: 1), где была найдена керамика усть-половинкинского типа, и со стоянки Тагенар II (пункт 2), на которой скребло (рис. 138: 5) встречено вместе с тагенарской посудой. Аналогичные изделия в количестве 5 штук (рис. 140) лежали кучкой на выдуве рядом с пережженными очажными камнями на стоянке **Дудыпта XII**; других изделий здесь не было. Эти орудия изготовлены из плиток зеленоватого кремнистого сланца двусторонней оббивкой краев. Такие орудия могли вставляться в двуручные деревянные держатели, подобно еще употребляющимся у нганасан скребкам типа *бака*. По сведениям, полученным от старых нганасан, каменные скребки делали еще недавно, и они подходили для обработки шкур лучше, чем железные, так как не прорезали кожу. По материалам А. Ф. Миддендорфа [1869: 543], каменные скребки сохранялись в быту авамских нганасан до

середины XIX в. К. М. Рычков [1917: 55—58], в начале столетия работавший на севере Туруханского края, отмечал, что каменные изделия он видел у северо-западной группы туруханских тунгусов, а также у авамских и хатангских самоедов. Однако, судя по приведенным описаниям, Рычков видел и собирал предметы, найденные самими аборигенами на древних стоянках и использовавшиеся в функциях, отличных от первоначальных.

Судя по совстречаемости с керамикой железного века, скребла из расколотых галек и плиток кремнистого сланца вошли в обиход в позднее время, когда перестали изготавливаться другие каменные орудия и фактически были утрачены навыки их обработки. Подобное явление прослеживается и по материалам Западно-Сибирского Заполярья. На ямальской стоянке Ярро-то I подобные скребла были единственными орудиями, залегавшими совместно с фрагментами горшков бичевницкого типа, датируемыми V—VII вв. н. э. [Хлобыстин, 1967: 148]. Все это позволяет датировать бескерамические стоянки Таймыра, на которых найдены такие скребла, второй половиной I—первой половиной II тыс. н. э.

На р. Хатанге на стоянке **Новорыбное III** в углистом слое под дерном вместе с костями северного оленя оказались небольшой подпрямоугольный брусок для заточки металлических изделий и обломок тонкой бронзовой пластинки, скованный из двух полосок металла (рис. 141: 7).

Значение последней можно понять, исходя из находок на стоянке **Пясина VI**. На месте этой стоянки, на выдуве, были собраны фрагменты 5 обломков тонких бронзовых пластинок и 2 бронзовые бляшки-пуговицы (рис. 141: 1—6). Два обломка (рис. 141: 3, 5) представляют собой места соединения двух пластинок. Для того чтобы выполнить эту операцию, по краям пластинок сделаны надрубы, перпендикулярные им. Получившиеся прямоугольные зубцы оттибали через один в разные стороны, а затем пластинки стыковали так, что зубцы одной накладывались на зубцы другой, и место соединения проковывали. По-видимому, таким образом изготавливались медные котлы. Интересно в этом отношении то, что у двух пластинок один край утолщен при помощи загиба. Вероятно, так оформлялся край котла. На одной пластинке есть отверстие, заделанное бронзовой заклепкой. Найденные пластинки имеют по краям следы разрубания. Несомненно, что котел был разрублен на куски, часть которых была употреблена для каких-то целей, а куски с местами стыков были выброшены.

Круглые выпуклые бляшки имеют на вогнутой стороне перемычки, которые служили для пришивания бляшек. Одна из них украшена по краю внешней стороны радиально расположенными желобками, а другая имеет две концентрические выпуклости. Края второй бляшки остались необработанными, т. е. после отливки она не использовалась.

Находки со стоянки Пясина VI напоминают изделия, обнаруженные на месте мастерской на р. Таз [Хлобыстин, Овсянников, 1973]. Там также были обрезки медных пластинок, имевшие следы соединения при помощи заклепок, и бляшки, аналогичные пясинским. Последние, как и находки со стоянки Пясина VI, не были окончательно обработаны. По серии изделий тазовская мастерская датируется XII в. Среди находок на ней есть такие украшения, которые до недавнего времени употреблялись энцами и нганасанами. Бляшки, аналогичные пясинским, также раньше были в обиходе у нганасан. По аналогии с тазовской мастерской стоянку Пясина VI следует датировать первой половиной II тыс. н. э.

Из отдельных находок, относящихся к железному веку, отметим железный нож, найденный на стоянке Глубокое I, и два наконечника стрел с местонахождения Старое Бархатово I, поскольку эти изделия дают яркое

представление о мастерстве обитателей Таймырского Заполярья и своеобразии их культуры.

Прекрасно сохранившийся нож со стоянки Глубокое I (рис. 38: 8) отличается от известных тем, что у него, как у цельнолитых бронзовых ножей тагарского времени, имеется не черенок, а украшенная рукоятка, которая выкована из того же куска металла, что и клинок. Спинка ножа прямая. Ручка декорирована нарезками, имитирующими обмотку. Нарезки заполняют три зоны, между которыми два гладких поля. На этих двух участках края рукоятки орнаментированы небольшими нарезками, напоминающими треугольники. Нарезки, подобные обмотке, служат украшением пятиугольного навершия рукояти. Клинок ножа имеет правостороннюю заточку, какую до сих пор можно наблюдать на самодельных железных ножах у коренного населения Таймыра. Характерно, что тот же принцип заточки использовался на каменных шлифованных ножах эпохи неолита—бронзы. Нож из Глубокого I прямых аналогий не имеет, но по форме и орнаментации несколько напоминает тагарские ножи, что позволяет предположительно датировать его I тыс. н. э.

Наконечники стрел (рис. 142) найдены на возвышенности, расположенной между р. Дудыптой и впадающей в нее р. Каменкой, вблизи заброшенной фактории, называемой Старое Бархатово. Они лежали рядом в песке на глубине 10 см от поверхности. Наконечники представляют собой патинированные бронзовые пластинки, которым краевой двусторонней заточкой придана миндалевидная форма с треугольной выемкой в основании. Наконечник меньшего размера (длина — 6 см) закреплен двумя медными заклепками между двух сегментовидных в сечении роговых стержней. Одна из заклепок скрепляет непосредственно лезвие и стержни, вторая пропущена через выемку. Стержни служили для закрепления между ними клиновидно заточенного древка стрелы. Другой, более крупный наконечник (длина — 9 см) помещен в вырез на конце округлого стержня из оленьего рога и соединен с ним двумя заклепками, расположенными так же, как и в первом случае.

Роговые держатели для соединения каменных наконечников стрел с древками были найдены в погребении у р. Бугучан на Нижней Лене [Окладников, 1946: 71, табл. X]. В этом погребении были найдены бронзовые изделия; по совокупности признаков оно может быть отнесено к ымыяхтахской культуре.

Наконечники стрел со стоянки Старое Бархатово I следует, по-видимому, связывать с начальной стадией железного века, когда новый металл еще не стал основным поделочным материалом.

Совместное нахождение двух наконечников, поблизости от которых не было ни одного предмета, представляется странным. Возможно, находки из пункта Старое Бархатово I являются остатками жертвенного места, подобного известным в ряде мест на Крайнем Севере. Так, И. С. Вдовин [1971] приводит описание корякского жертвенника — аппапиля на р. Ветвей, Восточная Камчатка, где было найдено, кроме бус, черепов и костей животных, и оружие: деревянные, костяные, железные и комбинированные наконечники стрел, в том числе наконечник, полностью идентичный находкам из пункта Старое Бархатово по размерам и способу крепления [Вдовин, 1971: табл. V: 8]. Находка на Камчатке такого наконечника свидетельствует о широком распространении орудий этого типа у народов Севера Восточной Сибири.

Завершая обзор памятников эпохи железа, необходимо отметить сложность исторических процессов, происходивших в это время в Таймырском Заполярье, обусловивших разнообразие выявленных там культурных комплексов. Начавшееся в эпоху бронзы взаимодействие культур с западными

и восточными традициями привело к сложению на западе Таймыра пясинской и выросшей на ее основе малокореннинской культур. Параллельно им на Таймыре происходило развитие культур с восточными традициями, представленных усть-чернинскими и тагенарскими памятниками. Впоследствии на территорию Таймырского Заполярья проникают группы населения, сформировавшиеся в южных районах Восточной Сибири и оставившие памятники, отнесенные к усть-половинкинскому и бояркинскому типам. Усть-половинкинские памятники, относящиеся к начальным векам II тыс. н. э., встречены и на востоке, и на западе Таймыра, где ранее существовала малокореннинская культура, что отражает, вероятнее всего, ассимиляцию носителей последней новыми пришельцами. История этнокультурных процессов, происходивших в Таймырском Заполярье на рубеже I—II тыс. н. э. и имевших большое значение для формирования коренных обитателей этого края — нганасан, будет неполной и неясной, если не остановиться на характеристике еще одной культуры — вожпайской, сыгравшей важную роль в этногенезе нганасанского народа.

Вожпайская культура

Развитие культур Таймыра в I тыс. н. э., происходившее при доминантном влиянии со стороны культур Восточной Сибири, в конце этого тысячелетия было осложнено вторжением нового населения, пришедшего из Западной Сибири. Это вторжение, по-видимому, затронуло только западную часть Таймыра, где на р. Пясине был обнаружен и исследован интереснейший памятник, материалы которого заставляют нас вновь обратиться к древней истории Западной Сибири, чтобы понять значение этого памятника для реконструкции этногенеза народов Севера. Но прежде дадим его описание.

Стоянка Дюна III

На 71-м км, считая от истока р. Пясины, в нее впадает с левого берега ручей, берущий начало из Черепановских озер. Он прорезает берег, на котором выделяются две террасы — 7 и 11 м высотой. Поверхность их во многих местах нарушена песчаными выдувами, и на ней образовались дюны. Вблизи от ручья обнаружен ряд древних стоянок, названных Дюна I—Дюна VI.

В 1972 г. в устье ручья Черепановского, во время высокого стояния воды в р. Пясине представляющего собой небольшой залив, на его северном берегу, в месте, где I надпойменная терраса нарушена обширным выдувом, на пологом склоне последнего были найдены черепки керамики со своеобразным, ранее на Таймыре не встречавшимся орнаментом. Они сносились вниз весенними потоками с размываемого края террасы. На этом краю был заложен раскоп 6 × 8 м, который выявил кострище и ряды жердей, являющихся остатками жилого наземного сооружения. В 1973 г. раскопки были продолжены и общая вскрытая площадь достигла 324 кв. м (рис. 143).

Остатки постройки лежат на горизонтальной поверхности и объединены коричневатой прослойкой песка с включениями угольков, ее толщина всего 0.3—0.5 см. Она отмечает уровень пола жилища, т. е. собственно культурный слой, подстилаемый горизонтально-слоистыми песками. Установлено, что нередко жерди и кора лежат не непосредственно на коричневатом про-

слое пола, а на 2—5 см, реже 10 см выше его, в сером песке. Это свидетельствует, что песок накопился после того, как жилище было покинуто, но раньше, чем рухнула его жердевая конструкция.

Помимо остатков, связанных с конструкцией жилища, при раскопках встречены древесные остатки (стволы и пни), положение которых в разрезе ясно показывает, что над остатками жилища по крайней мере дважды вырастал лиственничный лес, погибавший из-за засыпания его движущимися песками (рис. 144). Древесные остатки жилища, представленные жердями, плахами и корой (рис. 145, 146), обнаружены по всей поверхности раскопа, за исключением юго-западного участка, где они лежали на большой глубине и оказались утрачены; в северной и восточной частях раскопа они уходят под его стенки (рис. 143). Очаг, вскрытый в центре раскопа, имеет в плане прямоугольные очертания и вытянут в направлении восток—запад на 2.7 м, ширина в восточной части — 1.7 м, а в западной — 1.5 м. С северной, западной и южной сторон кострище имеет обкладку из плашек, лежащих на уровне пола жилища.

Исходя из особенностей взаиморасположения остатков постройки (жердей и столбов) и предположения, что очаг был в центре жилища и что конструкции из толстых лесин и широких пластов коры, отмеченные в северной части раскопа, были его стенками, а решетчатые конструкции из тонких жердин, лежащие вокруг очага, были частями кровли, можно предложить предположительную реконструкцию жилища.

От центра очага до конца стенных конструкций северной части раскопа около 10 м, поэтому диаметр жилища мог быть около 20 м. Вокруг очага на расстоянии 2.2—2.6 м от центра располагался первый ряд столбов. Второй ряд был на расстоянии примерно 6 м. Столбы этих двух рядов были соединены между собой толстыми жердями, на которые были плотно уложены более тонкие шесты и кора. Они и образовывали кровлю. За счет большей высоты столбов внутреннего ряда крыша могла иметь небольшой скат от центра. Столбы внешнего ряда располагались в виде шестиугольника. На шесты, соединяющие вершины столбов, могли опираться решетчатые конструкции из редко поставленных лесин, образующие стены. Основания стенных конструкций стояли прямо на земле, на расстоянии около 4 м от внешнего ряда столбов, так что стенки имели наклон под углом около 45°. Решетчатые конструкции стенки прикрывались пластами коры. Возможно, что для покрытия использовались и шкуры оленей. Ими могло прикрываться центральное дымовое отверстие. Площадь такого жилища могла быть около 350 кв. м.

В жилище, кроме плохо сохранившегося деревянного сосуда, найденного у юго-восточного угла очага, глиняного цилиндра-ножки (рис. 155: 4) и большого количества керамики, ничего из изделий не обнаружено. Малочисленны плохо сохранившиеся фаунистические остатки, представленные костями оленей и рыб.

Керамика встречалась большей частью в виде скоплений черепков на месте раздавленного сосуда. Отмечено 10 таких скоплений, причем, как правило, они находились под жердями, упавшими на сосуды. «Повезло» маленькому горшку, стоявшему вверх дном в кв. 16, — он оказался между жердями и уцелел; большой горшок на границе кв. 71 и 62 оказался раздроблен рухнувшей кровлей на мелкие черепки. Стоявший вблизи от него в кв. 62 большой горшок уцелел частично. Он оказался заполнен крупными углями, благодаря чему удар кровли не был для него столь губительным (рис. 147: 2). Нахождение угля в горшке дает возможность для получения весьма достоверной абсолютной даты. Вероятнее всего, горшок с углем служил для обогрева или дымокура.

В раскопе найдены фрагменты 28 сосудов. Некоторые из них представлены отдельными черепками, обнаруженными в той части раскопа, которая нарушена размывом и где остатки жилища выходили на современную поверхность. Но многие сосуды были разбиты при разрушении жилища. Это свидетельствует о том, что они были оставлены в жилище, когда оно было покинуто. Все сосуды круглодонные и гладкостенные, имеют слабую примесь песка. Среди них небольшая (диаметр венчика 11.7 см, высота — 7 см) мисочка, украшенная четырьмя парами горизонтальных гребенчатых линий, между которыми помещено по ряду наклонно расположенных оттисков мелкого гребенчатого штампа. Такую орнаментальную фигуру будем далее называть «заполненной полосой». Узор на мисочке снизу заканчивает «бахрома» из вертикальных отпечатков гребенки (рис. 148: 4, 5, 8). Два маленьких (диаметр около 5 см) горшка или мисочки не были орнаментированы (рис. 148: 6, 7). Возможно, они были игрушками. Остальные 25 сосудов — горшки с четко выраженной горловиной. Четыре горшка имеют небольшие размеры. Два из них реставрированы (рис. 147: 2; 149). Диаметр венчика одного — 10 см, при высоте горшка 11 см; размеры другого соответственно — 12.4 и 13 см. Диаметры венчиков еще двух горшков этой группы 14 и 19 см (рис. 149: 1, 2; 150). У двух горшков орнамент, расположенный на горловине и плечиках, аналогичен узору на мисочке; основным отличием является поясок из ямок под венчиком. Два других украшены по горловине поясом из взаимопроникающих треугольников, а под ним, на плечиках, в одном случае — треугольными фестонами и «бахромой» из групп вертикальных гребенчатых штампов, в другом — заполненной полосой и «бахромой». Такой характер узора типичен для группы крупных сосудов. В эту группу входит 13 горшков с диаметром венчика от 22 до 30 см. Один горшок реставрирован; его высота 28 см, диаметр по венчику также 28 см. Учитывая размеры реставрированных горшков, можно предполагать, что и у остальных высота примерно совпадала с диаметром венчика. Орнамент у крупных сосудов, как и маленьких, наносился на венчик, горловину и плечики. Тулово не украшали. Узор составлялся из оттисков гребенчатых, реже гладких, штампов и наколов. Под венчиком, иногда утолщенным, делали опоясывающий ряд ямок, часто сгруппированных парами. Верхний и внешний края венчиков украшали вертикально или косо поставленные оттиски гребенки. Под рядом ямок на горловине располагался основной орнаментальный пояс, ограниченный сверху и снизу парными горизонтальными гребенчатыми линиями. Между ними обычно помещалась композиция из проникающих треугольников, заполненных отдельными отпечатками мелкого штампа, наколами или заполненными полосами (рис. 147: 1; 150; 151; 152: 1). Нередко внутреннюю часть этого пояса занимал более сложный по композиции узор, составленный из заполненных полос (рис. 149: 4; 153; 154; 155: 5; 156: 4, 5). Ниже основного пояса изредка помещали заполненную полосу, но чаще его сразу обрамлял бордюр из гребенчатой «бахромы» или косо расположенных столбиков из горизонтальных отпечатков небольшого штампа, или горизонтальной елочки, или треугольных фестонов. Края фестонов могли обрамляться «бахромой», а в двух случаях на их углах сделаны столбики из вертикальных отпечатков гребенки (рис. 149: 2; 152: 2). Среди горшков этой группы есть три сосуда с простым вариантом узора, подобного имеющимся на мисочке и небольших горшках, а именно — композиция из горизонтальных гребенчатых линий, между которыми имеются полосы, заполненные вертикальными отпечатками гребенки (рис. 157; 158). Несмотря на разнообразие узоров, все сосуды Дюны III несут орнамент, выполненный в одном стиле, и образуют единую типологическую группу.

Такого типа керамика, впервые обнаруженная на Таймыре, неизвестна на территориях к югу и югу-востоку от полуострова — в Эвенкии и Якутии. Ее орнаментация, восходящая к узорам андроновских и карасукских сосудов, заставляет обратиться в поисках корней ее происхождения к близлежащим Таймыру северным районам Западной Сибири. Именно там с неолита существовала традиция гребенчатой орнаментации, попарной группировки ямок и обнаружены образцы керамики с орнаментальными композициями, аналогичными узорам горшков Дюны III.

В низовьях Оби, на ее правом берегу, недалеко от пос. Кушеват расположено городище Вож-Пай, обследованное в 1925 г. Д. Н. Редриковым. Часть добытой им керамики была опубликована В. Н. Чернецовым [Чернецов, 1957: 198, табл. XXVII]. Выделенные В. Н. Чернецовым образцы керамики имеют под венчиком линию ямок и расположенный по горловине сосудов орнаментальный пояс, заполненный композициями из горизонтальной елочки, косой решетки или взаимопроникающих треугольников. Орнамент сделан гребенчатыми штампами и изредка наколами, ограничивающими фигуры. «Бахрома» под поясом отсутствует. Тулово сосудов не орнаментировано. Очевидно, что эта группа керамики Вож-Пая очень близка по орнаментации сосудам из жилища Дюны III. В. Н. Чернецов выделил эту керамику в особую вожпайскую группу, входящую в оронтурский этап и являющуюся переходной к следующему, кингусовскому этапу развития культур в Нижнем Приобье. Он считал, что такая керамика просуществовала, «по-видимому, большую часть IX в. н. э.» [Чернецов, 1957: 200].

К вожпайской керамике В. Н. Чернецов присоединял керамику из могильника Барсов Городок, раскопанного в 1891 г. Ф. Мартином и опубликованного Т. Ю. Арне [Arne, 1935]. Отмечая наличие локальных особенностей в керамике могильника, В. Н. Чернецов указал, что она близка вожпайской и в некоторой своей части ей синхронна. При рассмотрении керамики могильника становится ясно, что она в подавляющем числе образцов резко отличается от сосудов как Вож-Пая, так и Дюны III. Она разнообразна по формам сосудов, по их орнаментации, которая нередко охватывает тулово горшков. В составлении узоров участвуют скобочковидный, змейчатый и другие виды штампов, характерные для керамики Северного и Среднего Зауралья, которую можно связывать с культурой древних обьугорских племен, предков хантов и манси. Но при этом встречаются горшки, которые по очертаниям приближаются к сосудам Дюны III, имеют ряд ямок под венчиком и поясной орнамент на горловине, заполненный горизонтальной елочкой, косо поставленными оттисками гребенки и проникающими треугольниками. Ямки под венчиком иногда расположены попарно [Arne, 1935: fig. 72, 88ав, 93, 104, 148, 149, 156, и близкие им сосуды без ряда ямок: fig. 94, 152, 157, 163]. Характерной чертой, отсутствующей у керамики городища Вож-Пай, является «бахрома» под орнаментальным пояском, которую образуют вертикальные или косо расположенные оттиски гребенки или накольчатые линии. Иногда «бахрома» имеет более сложную конфигурацию. Указанные признаки сближают сосуды могильника Барсов Городок и жилища Дюны III.

Весь могильник датируется в пределах VIII—XII вв. Большинство могил, в которых найдены горшки, сопоставимые с керамикой Дюны III, лишено вещей, на основе которых можно было бы определить их возраст. Только в мог. 81 встречен комплекс предметов, позволяющих в какой-то мере ее датировать. Это пряжка с изображением медведя и крестовидные бляшки [Arne, 1935: fig. 145, 147]. На основе этих бляшек Т. Ю. Арне сопоставил мог. 81 с мог. 61, которую он отнес на основании найденного в ней браслета к X в. [Arne, 1935: 75]. Но такие бляшки распространены ши-

роко и территориально, и хронологически [Хлобыстин, Овсянников, 1973: 254, 255]. Пряжки с изображением медведя В. Н. Чернецов отнес к оронтурскому этапу — VI—IX вв. [Чернецов, 1957: 207]. Таким образом, рассматриваемый тип керамики можно поместить в хронологические рамки IX—X вв.

Даты Вож-Пая и погребений могильника Барсов Городок с керамикой вожпайского типа хорошо согласуются с возрастом находок из Дюны III, установленным на основании анализа угля из кострища: 1050 ± 50 л. н., т. е. 900 г. н. э. (ЛЕ 1105).

Близкое сходство керамики этих трех памятников Севера Западной Сибири и Таймыра, расположенных на большом расстоянии друг от друга, их синхронность позволяют считать, что на территории между нижними течениями Оби и Енисея, охваченной бассейнами рек Надым, Пур и Таз, в IX в. существовала особая культура. Для того чтобы выявить ее истоки, нужно обратиться к материалам более южных районов Западной Сибири. Здесь ближайшей аналогией вожпайским памятникам Севера, особенно Дюне III, являются памятники вахо-васюганского течения Средней Оби. На р. Вах образцы вожпайской керамики в небольшом количестве обнаружены в I горизонте городища Большой Ларьяк. Наряду с типичными для вожпайской керамики черепками с проникающими треугольниками на городище найдены фрагменты горшка с поясками вертикальных отпечатков гребенчатого штампа, разделенными линией протянутой гребенки — орнаментальным мотивом, характерным для керамики неолита и бронзы. Близкие по орнаментации вожпайским горшкам сосуды присутствовали и на II Большеларьякском поселении [Посредников, 1969: 84, табл. 33: 8—11; 89, 90; табл. 4: 1—3, 7—12]. Особенностью некоторых образцов этой керамики является использование лунчатых наколов для составления орнаментальной композиции и наличие небольшого валикообразного утолщения под краем венчика. Примечательно, что среди керамики, отнесенной к эпохе бронзы, есть горшок с таким видом орнамента [Посредников, 1973а: табл. 3, 11], который в какой-то мере может рассматриваться как одна из исходных форм для дальнейшего развития керамики в вожпайский тип.

Валикообразное утолщение под краем венчика типично и для горшков вожпайского типа, обнаруженных в Васюганье на городище Тух-Эмтор и расположенном около него поселении Тух-Эмтор IV [Кирюшин, 1976: табл. X]. Примечательно, что в основном орнаментальном поясе здесь имеются меандры. Следует отметить, что, как и на большеларьякских фрагментах вожпайской керамики, на сосудах Тух-Эмтора имеются и другие особенности узоров, отличающие их от вожпайской керамики Севера, а именно использование горизонтальных зигзагов на венчиках, а также горизонтальных «елочек» на венчиках, валиках под ними и для образования «бахромы» внизу орнаментальной зоны. Все перечисленные особенности объединяют указанные памятники в особый ваховско-васюганский вариант вожпайской культуры.

В целом можно отметить, что вожпайские памятники распространены в Среднем Обь-Иртышье, и, хотя они обладают здесь некоторыми особенностями в орнаментации, отличающими их от северных вожпайских памятников, отличия эти не столь значительны, чтобы не объединять их все в одну культуру. Вероятнее всего, именно с ваховско-васюганского течения Оби по рекам, текущим с Сибирских увалов, эта культура распространялась в IX в. в приполярные районы Западной Сибири и далее на Таймыр.

Находки вожпайской керамики на территории Обь-Иртышья рассматривались их исследователями, вслед за В. Н. Чернецовым, только как поздний

вариант керамики оронтурского этапа, при этом памятники с такой керамикой соответственно считали принадлежавшими древним уграм, точнее, хантам [Могильников, 1965: 279, 280; Кирюшин, 1976: 27]. Вопроса связи вожпайской керамики с оронтурской коснемся далее, но вывод Ю. Ф. Кирюшина о принадлежности Тух-Эмторского городища древним хантам, сделанный на основе того, что живущие сейчас вблизи городища ханты связывают его со своими предками, я не считаю достаточно обоснованным. Известны случаи, когда местные жители считают археологические памятники чуждыми для себя, так как найденные в них вещи отличаются от современных, хотя эти памятники были оставлены их отдаленными, но прямыми предками. И наоборот, пришлое население может предполагать, что древние памятники принадлежали их предкам. Такое явление может объясняться и тем, что часть аборигенного населения была ассимилирована и вошла в состав пришельцев.

Н. В. Федоровой было высказано мнение, что, поскольку на территории всего Обь-Иртышского бассейна в I тыс. н. э. существовало культурное единство, выразившееся прежде всего в орнаментации керамики, причем локальные варианты этого единства плавно переходят друг в друга, выделение археологических культур на основе орнаментации керамики неправомерно. В пределах этого единства наблюдается три периода в развитии керамики, и керамика оронтурского этапа (включая вожпайский тип. — *Л. Х.*) развивается на основе фигурно-штампованной керамики карымского этапа [Федорова, 1978].

Отмечаемое Н. В. Федоровой явление (наличие культурного единства) характерно не только для I тыс. н. э. Такие культурные единства могут быть выделены и для более ранних эпох и не только для рассматриваемого региона, но и для других территорий, например, культурное единство ямочно-гребенчатой керамики, в эпоху неолита охватившее большую территорию Европейской России от тундры до лесостепной зоны. В Восточной Сибири выявлено несколько хронологически последовательных культурных единств, выделяемых на основе широкого распространения сетчатой, шнуровой, вафельно-рубчатой, валиковой керамики. В пределах этих единств локальные варианты часто также плавно переходят один в другой, а иногда и не могут быть выделены. Примечательно и то, что на стыках культурных единств в керамических комплексах тоже наблюдается сочетание признаков, характерных для соседних единств. Фактически с накоплением информации археологи все чаще сталкиваются с проявлениями культурной непрерывности, как территориальной, так и хронологической, что на современной стадии развития археологической науки существенно затрудняет выделение локальных культур, которые могут быть связаны с этносами. Культурная непрерывность, выражающаяся в межэтапной преемственности и межлокальной диффузии культурных элементов (в рассматриваемом случае способов изготовления керамической посуды), является историко-культурной закономерностью развития этнических общностей во всех случаях, когда нет исторических катаклизмов, приводящих к резкому прекращению существования этноса. Можно привести целый ряд причин, обусловливающих существование культурной непрерывности. Главные из них — межэтническая интеграция и культурное влияние. Межэтнической интеграцией, главным образом, может быть объяснено наличие культурной непрерывности между крупными единствами. Существование культурных единств обусловливается в первую очередь культурными влияниями, охватывающими общности, имевшие тесные внутренние связи и в результате наличия этих связей в основном этнически единые. Распространение в пределах культурных единств в определенные периоды времени характерных видов орнаментации керами-

ки или украшений и т. п. можно назвать «модой». Как и современная мода, она могла охватывать ряд культурных единств и имеет в таком случае для археолога значение хронологического признака.

Когда в пределах культурного единства, устанавливаемого на основе орнаментации керамики, в период распространения «моды» удается выявить достаточно четкие локальные варианты, мы можем говорить о существовании локального единства, обусловленного преобладающими связями внутри создавшего его общества. Такое локальное единство может быть локальным вариантом культуры, но если оно имеет характерные особенности, унаследованные от предшествующих периодов и отличные от других локальных вариантов, то тогда уже можно сделать вывод о том, что локальный вариант связан с особым этническим обществом, сохраняющим свои традиции.

Возвращаясь к установлению места вожпайской керамики среди синхронных ей керамических комплексов бассейнов Оби и Иртыша, прежде всего укажу, что распространение на эту керамику названия «оронтурская» представляется неправильным. Еще В. Н. Чернецов отличал этот тип керамики *от того типа*, который он выделил как оронтурский на основе находок с городищ Ус-Толт и Оронтур, расположенных в бассейне левобережного притока Нижнего Иртыша — р. Конды. Керамика Ус-Толта и Оронтура [Чернецов, 1957: табл. XIX, XX], хотя и относится по общим принципам построения орнамента к тому же периоду «моды», т. е. оронтурскому этапу, что и вожпайская, при этом, благодаря валикам, имеет большую близость с *ваховско-васюганским вариантом, чем с керамическими* комплексами Вож-Пая и Дюны III. Однако гораздо большее сходство наблюдается между оронтурскими памятниками р. Конды и памятниками р. Тавды, выделенными В. Д. Викторовой в особый тынский тип [Викторова, 1970: 264—266; табл. II; 11—12]. Эти последние имеют керамику с высокими прямыми шейками, украшенную валиками с насечками, фигурными штампами, уголковыми и серповидными вдавлениями. Кроме того, на кондинских памятниках есть «жемчужины». Прослеживается непосредственная преемственность в орнаментации между рассматриваемыми памятниками Конды и Тавды и предшествующими им памятниками карымского и туманского типов. Конечно, наличие целого ряда из указанных элементов орнамента можно объяснять, как это и делал В. Н. Чернецов, большей древностью этих памятников по сравнению с вожпайскими. Однако на левобережье Нижнего Иртыша еще не обнаружена вожпайская керамика, что позволяет выделять памятники Конды и Тавды как локальный оронтуротынский вариант с традициями фигурно-штампованной керамики, отличной от вожпайской группы памятников.

В лесном Прииртышье среди керамических комплексов памятников IX—XIII вв. иногда встречаются горшки, сходные по орнаментации с вожпайскими. Они имеются на IV Ново-Никольском городище [Могильников, 1964; 1968: рис. 2: 2, 10], в Ново-Никольском могильнике [Чернецов, 1957, табл. XXXVI]. Однако основу этих комплексов составляют сосуды, украшенные гребенчатыми вертикальными зигзагами, овальными, ромбическими и уголковыми штампами. «Жемчужины» сближают их с керамикой оронтурского времени р. Конды, а шнуровые отпечатки — с керамикой городищ рек Тавды и Туры, относимых к рубежу I—II тысячелетий [Викторова, 1968]. И хотя из-за формы горшков и наличия на них фестонов керамика лесного Прииртышья напоминает вожпайскую, она гораздо ближе к сосудам Притоболья. Присутствие в ней образцов, сходных с вожпайскими, может означать контакты с населением Васюганья.

В конце I тыс. н. э. тенденции к усложенению орнамента, выразившиеся в появлении особой зоны на горловине, заполненной зигзагами, ромбами или проникающими треугольниками, а также в бахроме и фестонах под ней, затронули всю лесную зону Западной Сибири, но в разных ее районах такой «модный» орнамент находил различное выражение, что было обусловлено существовавшими традициями.

Использование имевших определенную семантическую нагрузку фигурных штампов для орнаментации керамики рассматривалось В. Н. Чернецовым как одна из характернейших черт нижнеобской культуры, которую он считал древнехантыйской, поскольку наблюдается спокойное развитие ее в культуру хантов. Узоры, сделанные фигурными штампами после того, как они перестали употребляться в керамике, продолжали использоваться на берестяной посуде обских угров — хантов и манси [Чернецов, 1953а: 69, 70; 1957: 238]. Связь фигурно-штампованной керамики с древними уграми признается большинством археологов, занимающихся изучением древней истории Западной Сибири. Широкое распространение такой керамики в Западной Сибири, относящееся к середине—второй половине I тыс. н. э., вероятнее всего, следует связывать с расселением угорских этносов и расширением их культурных влияний на самодийцев. Поэтому оронтурскую керамику, обнаруженную на территории исконного обитания угров, мы можем считать угорской. Обратимся к поискам истоков вожпайской керамики.

В центре Среднего Приобья, на границе Томского и Нарымского районов находится хорошо изученный памятник VI—VIII вв. — могильник Релка. Л. А. Чиндиной в этом могильнике выделено два основных сосуществующих типа керамики: релкинский, для которого характерен орнамент, сделанный простым гребенчатым штампом, и малгетский, в узорах которого использовались различные фигурные штампы [Чиндина, 1977: 61—64, 114]. Если малгетский тип связан с угорской фигурно-штампованной керамикой, то релкинский имеет свои истоки, уходящие, по-видимому, к местным культурам эпохи бронзы. В целом могильник относится к культуре древних селькупов [Чиндина, 1977: 137—140], и сочетание в нем двух указанных типов керамики, скорее всего, отражает тот процесс слияния угорских и самодийских компонентов культуры, который связан с формированием селькупов, или, как их раньше называли, остяко-самоедов.

Вожпайская керамика имеет сходство именно с релкинским типом, что хорошо заметно при сопоставлении ее с некоторыми горшками этого типа [Чиндина, 1977: рис. 13: 13; 28: 3; 36]. Исходя из этого, можно предположить, что исходным типом вожпайской керамики послужила керамика VI—VIII вв., близкая релкинской, т. е. связанная с аборигенными культурами Обь-Иртышского междуречья. Примечательно в отношении связи с гребенчато-ямочными типами керамики то, что на вожпайских горшках имеются композиции из попарно расположенных ямок, а заполнение проникающих треугольников наколами напоминает ямки в треугольных и ромбических фигурах на горшках эпохи поздней бронзы этого района. Длительное сохранение этой традиции особенно ярко проявилось на одном из горшков Тискинского могильника XVII в., принадлежавшего селькупам [Чиндина, 1975: табл. 6: 9], а также в сосудах Тургайского городища и Кустовского могильника [Чиндина, 1970: табл. II: 1, 4, 5]. Таким образом, вожпайская керамика имеет признаки, позволяющие сопоставлять ее с автохтонной линией развития древнеселькупской керамики и с памятниками гребенчато-ямочной керамики конца II тыс. до н. э., широко, от Среднего Иртыша до заполярных районов, распространенными в восточной части Западной Сибири. Их связывают с древними самодийцами [Косарев, 1964: 13; 1972: 91;

1974: 103, 154; Хлобыстин, 1969б: 134; 1979].[1] На базе этих памятников впоследствии на Средней Оби развились еловская (XII—X вв. до н. э.), молчановская (IX-V вв. до н. э.) и кулайская (V в. до н. э.-V в. н. э.) культуры, которые считаются многокомпонентными в этническом отношении, но с сохранением самодийского субстрата. В какой мере средневековое позднесамодийское население Средней Оби сохранило традиции, идущие от эпохи бронзы, вопрос окончательно не решенный, но сосуществование в V в. н. э. в этом районе Западной Сибири гребенчато-ямочного и фигурно-штампованного типов керамики несомненно является отражением многовекового процесса культурной интеграции самодийских и угорских этносов, и на этом фоне вожпайская керамика выглядит как наследница аборигенных самодийских традиций.

Исходя из изложенного, памятники с вожпайской керамикой следует рассматривать как локальную культуру, сформировавшуюся в Обь-Иртышье и по Средней Оби, по рекам, текущим с Сибирских увалов, распространившуюся в приполярные районы Западной Сибири и оттуда на запад Таймырского Заполярья. Возможно, процесс миграции ее носителей на север был обусловлен изменениями в этнической истории Обь-Иртышья и Среднего Приобья: продвижениями сюда тюрок и древних хантов, а также сложением селькупов. Поскольку существование вожпайской культуры на севере Западной Сибири по времени (IX—X вв.) непосредственно предшествует моменту (XI в.), когда наличие здесь самоедов было зафиксировано письменным источником — «Повестью временных лет» [ПВЛ: 167, 197], то ее появление в Заполярье можно связывать с последней волной проникновения сюда самодийцев, в данном случае — прямых предков ненецкого и энецкого народов.

Таким образом, существование в IX—X вв. н. э. на р. Пясине поселения вожпайской культуры — стоянки Дюна III свидетельствует о приходе на запад Таймыра самодийского населения, вероятнее всего, энцев. Потомки этих пришельцев, слившиеся с местным аборигенным населением, по-видимому, положили начало «пясидской самояди». О том, что самоедизация коренного населения бассейна Пясины относится ко времени до XVII в. и может быть связана с предками энцев, писал Б. О. Долгих [1952: 44].

Затрону еще два аспекта проблемы, связанной с последним проникновением самодийцев в Заполярье. Во-первых, пока еще не известна в Западно-Сибирском Заполярье более поздняя керамика, чем вожпайская, которую можно было бы сопоставить с предками ненцев и энцев. Вероятно, переход их к тундровому оленеводству и, в связи с этим, к кочевому образу жизни положил конец производству керамической посуды. Примечательно, что вожпайская керамика и на Таймыре не получила развития. Отсутствуют следы ее взаимовлияний в усть-половинкинской керамике, также являющейся наиболее поздней в Таймырском Заполярье. Вероятно, причины этого те же, что и отмеченные выше, а исчезновение керамики не позволяет нам проследить интеграцию пришлой и местной культур. Однако, как представляется, возможно говорить (с учетом различий, зависящих от материала, на который наносился орнамент) об определенной преемственности между орнаментацией керамики вожпайской культуры и узорами на одежде и других изделиях нганасан. Далее, отсутствие вожпайской керамики на территории Большеземельской и Малоземельской тундр вроде бы должно служить ука-

[1] Мной было высказано мнение, что к кругу самодийских культур относится и самусьская [Хлобыстин, 1969б], но при этом имелась в виду гребенчато-ямочная керамика IV Самусьского поселения, ранее рассматривавшаяся как входящая в эту культуру и лишь позднее выделенная В. А. Посредниковым как раннееловская [Посредников, 1970; 1972; 1973б].

занием на то, что ненцы проникли туда уже на бескерамической стадии своей культуры. Однако нужно учитывать, что эти области фактически не исследованы, а найденные на их территории археологические материалы являются сборами с разрушенных стоянок, где керамика сохраняется плохо. В приполярном течении р. Печоры у с. Щельябож В. И. Канивцом на разрушенном поселении Щельябож II среди собранной керамики ранней поры ананьинского времени были выделены фрагменты горшка, украшенного по горловине гребенчатыми отпечатками, образующими косо расположенную ленту, внутренность которой и прилегающее поле треугольника (?) заполнены ногтевидными вдавлениями гребенчатого штампа [Канивец, 1974: 55, рис. 27: 16]. Под гребенчатой линией, ограничивающей снизу эту полосу орнамента, аналогичными отпечатками того же штампа нанесен узор наподобие «бахромы». Поверхность горшка была заглаженной. По всем признакам этот горшок напоминает вожпайскую керамику и, возможно, является первым свидетельством проникновения вожпайской культуры на крайний Северо-Восток Европейской России.

ГЛАВА V

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ДРЕВНИХ ОБЩЕСТВ ТАЙМЫРСКОГО ЗАПОЛЯРЬЯ

Осваивая различные по своим природным условиям зоны, в том числе и Заполярье, человеческие коллективы адаптировались к оружающей среде прежде всего за счет приспособления к ней своей культуры искусственной среды, создаваемой людьми в качестве буфера между собой и природой. Культура — сложная и многофункциональная система, однако можно выделить две ее главные задачи. По выражению видного специалиста в области теории культуры Э. С. Маркаряна [1969: 30], она «выполняет свои функции в двух основных планах: в плане взаимодействия общества (как коллективного субъекта действия) и внешней природной среды и в плане взаимоотношения самих человеческих индивидов, соответствующим образом регулируя, координируя и направляя их действия на достижение определенных социально значимых целей».

Археология, изучая историю человечества на основе следов деятельности людей, в первую очередь изучает развитие культуры в ее частных проявлениях, локальных и хронологических типах, отражающих образ жизни конкретных обществ, существовавших в процессе адаптации к определенным экологическим условиям. Хотя в распоряжение археолога поступают весьма ограниченные по своей полноте компоненты былых культур, цель археологического исследования в возможно полном использовании всех имеющихся материалов для моделирования существовавших культурно-исторических систем; удачным примером исследований в этом направлении является труд В. М. Массона [1976]. Использование этнографических параллелей в таких реконструкциях возможно, но, в большинстве случаев, они малопригодны вследствие различных причин, а их «механическое» использование не дает ощутимого результата, и не случайно против поверхностных некорректных этнографических сопоставлений выступал, например, С. Н. Замятнин [1960].

На наш взгляд, особое место в интепретации археологических материалов должна занимать экология, поскольку она является основой взамосвязей в цепочке «природная среда—хозяйственная деятельность—производственный коллектив—общественные отношения». Одинаковая природная среда, воздействуя на человеческие коллективы даже с сильно различными традициями, контролирует их развитие и подчиняет своим закономерностям, что приводит к выработке сходных черт в культурах. Несомненно, что роль природной среды в развитии культурно-хозяйственной деятельности человека была особенно велика на ранних стадиях. Отсюда следует, что подбор

этнографических аналогий при моделировании общественного строя древних коллективов необходимо производить на основе данных по народам, обитающим в условиях природной среды, подобной той, которая окружала изучаемые древние коллективы. Идеальным является случай, когда можно предполагать их происхождение от изучаемых древних коллективов. Именно в среде таких этносов могут сохраниться следы традиционного общественного устройства, изменения которого были в большей степени подвержены факторам эндоисторического характера, нежели имели экзоисторическую обусловленность. В этом смысле значительный интерес представляет соотношение хозяйства и социальной организации нганасан с палеоэкономическими и палеосоциологическими наблюдениями, полученными в итоге работ Заполярной экспедиции на Таймыре.

Палеоэкологическое и палеосоциологическое моделирование по материалам археологии Заполярья имеет несомненное преимущество перед подобными реконструкциями, производимыми по материалам, добытым в иных районах Северной Азии, поскольку в заполярных районах поиск местных этнографических аналогий заметно облегчен. Коренные обитатели Заполярья сохранили в своем хозяйстве и быту многие черты, уходящие корнями в далекое прошлое.

Поселения Таймырского Заполярья как источник палеосоциологической информации

Следует сразу отметить, что, судя по найденным в культурных отложениях остеологическим материалам, на всем протяжении исторического развития древних обществ Таймыра основой их хозяйственной деятельности была охота на северного оленя, дополнявшаяся промыслом птиц. О существовании рыболовства можно говорить, только начиная с эпохи бронзы. Кости мелких рыб найдены на ымыяхтахской стоянке Абылаах I, в разных по культурной принадлежности слоях поселения Усть-Половинка, на стоянке Дюна III. Возможно, жители Таймыра ловили рыбу и в каменном веке, но следов этого вида деятельности пока не обнаружено. В отличие от более южных, таежных районов Сибири, на памятниках Таймырского Заполярья нет рыболовных крючков и грузил. В жилище I поселения Усть-Половинка, относящемся к пясинской культуре, был найден обломок костяного гарпуна, который мог употребляться для добычи крупной рыбы. Каким образом добывали мелкую рыбу, остается только предполагать, считая, что для этой цели могли сооружаться заколы и верши. Может быть, употреблялись и небольшие сети с грузилами из галек, подобных тем, что были найдены на стоянке Маймече IV. Примечательно, что кости рыб были обнаружены на поселениях, явно имевших долговременный характер. А. А. Попов [1948: 45] отмечал, что авамским и вадеевским нганасанам, у которых преобладала охота, приходилось уделять очень мало времени рыболовству, требующему оседлой жизни. Соответственно, у древнего населения Таймыра, для которого жизненно важной была охота на северного оленя, дававшая не только пищу, но и столь необходимые в условиях Крайнего Севера шкуры, рыболовство имело малое значение. Им занимались, когда не было возможности добыть мясную пищу. В отношении рыболовства интересен еще и тот факт, что в конце I—начале II тыс. н. э., когда по Западной Сибири и, в частности, на р. Таз были распространены украшения в виде рыбок [Чернецов, 1957: табл. XXIX; Хлобыстин, Овсянников, 1973: 252], на Таймыр они, по-видимому, не проникли, хотя иные западносибирские металлические украшения употреблялись предками нганасан и обычай ношения подобных из-

делий сохранился до настоящего времени. Приведенное наблюдение, как представляется, может служить косвенным подтверждением меньшего значения рыболовства в их хозяйстве по сранению с хозяйством обских угров.

Об огромной роли промысла дикого оленя свидетельствует состав орудий, предназначенных, в основном, для охоты и обработки добычи. Обычными находками на стоянках являются наконечники стрел и скребки для обработки шкур. Интересно, что на таймырских стоянках отсутствуют крупные наконечники, которые могли служить для вооружения копий, редки и наконечники, трактуемые обычно как наконечники дротиков. Естественным является вывод, что преобладала охота с помощью лука. *Однако допустимо* существование безнаконечниковых копий, о чем писал Ю. Б. Симченко [1976: 107]. Единственный наконечник копья происходит с оз. Дюпкун, в районе которого, начиная с эпохи мезолита, должна была господствовать растительность таежного типа и где могли охотиться на медведя и лося, для чего требовалось более мощное оружие.

Промысел дикого оленя сказался на расположении стоянок и обусловил кратковременность большинства из них. Стоянки, среди которых преобладают многократно использовавшиеся носителями различных культур места поселений, сосредоточены группами по берегам крупных рек, в местах, где обычно проходят сезонные миграционные пути оленьих стад. Так, на р. Пясине наибольшее число стоянок оказалось на участке между реками Половинкой и Черной. На р. Хете большая группа стоянок обнаружена на правом берегу реки между бывшим пос. Полькино, где р. Хета имеет изгиб в юго-восточном направлении, и устьем р. Маймече. Многочисленны стоянки и на правобережье р. Хатанги между устьями рек Мал. Балахна и Попигай (ниже Попигая берега Хатанги не обследованы). В указанных местах на реках Пясине и Хете нам самим доводилось наблюдать в конце августа переправы многочисленных стад диких оленей. По словам жителей пос. Новорыбное, в недавнем прошлом стада оленей переправлялись через р. Хатангу по пути на юг уже после ледостава в месте, где обнаружено скопление стоянок. Полученные нами сведения совпадают с наблюдениями над миграционными путями оленей, обобщенными в статье М. Х. Геллера и Б. Б. Боржонова [1975]. Стада оленей обычно строго придерживаются своих маршрутов, повторяя их весною и осенью, и лишь изредка отклоняются от них. Пути движения стад обусловлены оро- и гидрографическими факторами. Расположение древних стоянок на современных миграционных путях оленьих стад — свидетельство того, что эти пути были неизменны с давних времен, по крайней мере с конца III тыс. до н. э., когда на Таймыре на смену лесным формациям начала приходить тундра и складываются новые экологические условия. К этому времени относится, вероятно, и начало образования таймырской тундровой популяции оленей.

Расположение стоянок относительно гидрографической сети Таймыра позволяет выдвинуть гипотезу о возможном существовании двух групп населения, северной и южной, еще требующую проверки исследованиями на р. Верхней Таймыре. По имеющимся сведениям, полученным от нганасан и Б. О. Долгих, на правом, южном берегу этой реки, между устьями рек Горбита и Логата, где она делает изгиб к югу, имеется ряд древних стоянок. На этот берег осенью переплывают олени, что позволяет производить здесь их массовую добычу. На р. Хете основная часть стоянок также расположена по южному берегу. На текущих меж ними реках Дудыпте и Новой стоянки обнаружены на северных берегах, на которые олени выходят во время весенних миграций. Ряд мелких стоянок находится на междуречном пространстве, разделяющем долины Верхней Таймыры и Хету. Возможно, что северная группа населения охотилась на Верхней Таймыре и там зимовала.

Весною они отходили на юг, к Дудыпте и Новой, где встречали стада оленей, уходящие от гнуса на север. Южная группа населения осенью охотилась и зимовала на р. Хете—Хатанге. Летом небольшие отдельные группы могли промышлять линных гусей и отдельных оленей в междуречьях. Подобное явление наблюдалось еще в начале XX в., при кочевании уже оленных нганасан, образовавших северную группу, и долган, кочевавших южнее [Долгих, 1963: 95].

В мезолите и раннем неолите, когда преобладала лесная растительность, стоянки были в меньшей степени связаны с крупными реками и местами, где через них переправлялись стада оленей. Расположение стоянок Тагенар VI, Лантошка II, Глубокое I и некоторых других, относящихся к этому времени, в стороне от современных миграционных путей может объясняться использованием других приемов добычи оленей, одним из которых был прием скрадывания. Эти приемы употреблялись и в более поздние времена, доказательством чего являются кратковременные стоянки на озерах и мелких речках, где охота не могла иметь характер массового забоя. Следует отметить, что эти стоянки находятся в местах, где можно чаще встретить отдельные кочующие по тундре небольшие стада. Около оз. Лабаз ряд стоянок обнаружен на узком водоразделе между озерами, по которому, обходя их, обычно двигались олени. Здесь много троп, проложенных ими.

Слабо были заселены озера в горах Путорана, а на вытекающих из них бурных реках вообще не удалось отыскать следы древних стоянок. Эти места являются хорошими угодьями для рыбаков, но промысел оленей здесь затруднен, так как их стада находятся на пастбищах, расположенных на вершинах плоскогорья.

Древнейшие мезолитические поселения Таймыра дают небольшое число изделий, распространение которых ограничивается небольшими площадями. Так, например, на стоянке Тагенар VI, где сохранился ненарушенный культурный слой, он содержал следы деятельности людей, сосредоточенные у одного кострища. Площадь, на которой встречены находки, составляет всего 40 кв. м. Найдено 289 орудий, ножевидных пластинок и других изделий, включая мельчайшие отщепы. На стоянке Пясина I собрано и добыто из культурного слоя 103 изделия, причем, учитывая снос части находок по склону, площадь их распространения не превышает 20 кв. м. На других мезолитических стоянках определения соотношения числа находок и площади их рассеивания можно считать более достоверными, поскольку материалы собраны на обширных выдувах. Так, на стоянке Пясина IV — 70 изделий на 40—50 кв. м, на стоянке Лантошка II — 27 изделий на 150 кв. м; в пункте I на стоянке Пясина III — 15 изделий на 10—15 кв. м, а в пункте II — 31 на 15—20 кв. м. Все это говорит о том, что стоянки были недолговременными и посещались малочисленными группами, и отражает подвижный образ жизни древнейших обитателей Таймыра. Судя по остеологическим остаткам со стоянки Тагенар VI, они охотились на северных оленей и птиц. В употреблении были лук и стрелы, легкие составные орудия для охоты и обработки добычи.

В раннем неолите обитатели Таймыра продолжали вести жизнь подвижных охотников, объединенных в небольшие коллективы. Для их стоянок (нижние слои стоянок Абылаах I и Глубокое I) характерны небольшая площадь культурного слоя, немногочисленность следов деятельности. Появление керамики не служит доказательством большей оседлости; ее наличие не стесняло свободу передвижения. На указанных стоянках обнаружено только по одному разбитому горшку. Можно предполагать, что в ранненеолитический период, как и в мезолите, таймырские охотники летом строили временные укрытия, чему способствовало распространение лесной растител-

ности, а зимой жили в сезонных наземных жилищах. Орудия труда почти полностью повторяют по формам и составу изделия предшествовавшей эпохи и представлены на стоянках в небольшом количестве.

В фольклоре энцев и нганасан есть цикл рассказов об отдаленном прошлом. Примечательно, что один из них начинается словами: «Сперва люди только луки имели» [Долгих, 1976: 153], что соответствует составу охотничьего инвентаря на самых древних стоянках. Такие рассказы носят у энцев название *деречу*, а у нганасан — *дюрумэ* или *хюнсэрэ дюрумэ* — «старые вести». В некоторых *дюрумэ* ~ *деречу* главным действующим лицом является пеший охотник — *мориндэ* или *моринчи* по-нганасански, *морэдэ* по-энецки [Долгих, 1961; 1976]. Не имея средств для дальних передвижений, такой охотник бродил в пределах определенной территории и, скрадывая или догоняя, убивал оленей. Коллектив, в который он входил, обычно состоял из двухпоколенной семьи, к которой иногда присоединялась для совместной охоты другая такая же семья. Жилищем *мориндэ* был небольшой чум, который можно было перевозить на саночках, или стационарное сооружение конической формы, составленное из стволов деревьев и крытое дерном. Образ жизни *мориндэ* был, вероятно, очень близок жизни мезолитических и ранненеолитических обитателей Таймыра, и, хотя нельзя предполагать, что *дюрумэ* донесли до нас воспоминания о столь далеких временах, нет сомнений в том, что в дооленеводческий период культура предков нганасан и энцев сохраняла во многом черты древних культур. Это обусловливалось экологией, принципами охотничьего промысла, отсутствием развитого оленьего или собачьего транспорта.

С остатками жилища, по-видимому, подобного постоянному жилому сооружению *мориндэ*, мы встретились на стоянке развитого неолита Маймече I. Стоянка расположена на небольшом выступе высокой террасы; площадь ее культурного слоя ограничивается 50—60 кв. м. В нескольких метрах от края террасы был обнаружен округлый котлован диаметром 1.3—1.5 м с невысокими крутыми стенками. Он может быть интерпретирован как основание углубленного в землю жилища типа голомо или, как называют такое строение нганасаны, *моу сиа кору* — «земля дыра дом», иначе *сату ма, моу ма* — «глиняный чум», «земляной чум».

Во время работ в бассейне р. Хеты сотрудникам Заполярной экспедиции много раз приходилось видеть заброшенные или уже развалившиеся голомо. На р. Тагенар в 1967 г. мы встретились с развалившимся голомо, диаметр которого едва достигал 2 м. На р. Хете у пос. Боярка и выше пос. Катырык в урочище Полькино, а также в ряде других мест имеются покинутые голомо больших размеров, с диаметром до 3.5 м. Как правило, они построены на ровном, очищенном от дерна участке высокого берега в условиях, напоминающих местоположение стоянки Маймече. Котлован чаще всего отсутствовал. Голомо с углублением, аналогичным маймеченскому, было встречено на р. Авам немного ниже пос. Усть-Авам. Оно было построено долганином Афанасием Сохатиным, 1899 г. рождения, жителем пос. Усть-Авам. А. Сохатин жил в нем несколько лет. «Это очень теплое жилье. Ниже по Хете много таких строили, и сейчас они стоят. Наши предки тоже так строили», — рассказывал он нам в 1969 г. Строили их чаще в местах рыбной ловли, например, на глубоких непромерзающих озерах.

Голомо Сохатина, в настоящее время уже не существующее, являлось типичным сооружением подобного рода, поэтому далее приводится его описание. Оно имеет котлован овальных очертаний, суженный к выходу, устроенному с восточной стороны. Наибольшие диаметры котлована 3.1 и 3.4 м. Наибольшая глубина его в месте, где разводили костер, — 0.4 м. У задней и боковых стенок вырыто подобие ступеньки высотою около 0.2 м.

На ней положено радиально 6 толстых плах, а на них — доски, так что по бокам и напротив входа получилось трое нар. Над котлованом в виде конуса были составлены 58 неокоренных стволов лиственниц, опиравшихся комлевыми концами на поверхность земли вокруг котлована. Основу этого конуса составляли 4 лесины длиной около 2.6 м. В верхнем конце той из них, что была поставлена слева от входа, была вырезана щель, в которую был вставлен затесанный с двух сторон верхний конец лесины, опирающейся в диаметрально противоположный край котлована. К этим лесинам в месте их соединения прислонены еще два ствола, концы которых затесаны для лучшего прилегания. Эти четыре лесины являются основными в сооружении и образуют ребра четырехугольной пирамиды. Примерно в 20 см ниже их соединения они скреплены перекладинами, образующими четырехугольник. Еще на 60 см ниже основные шесты укреплены тремя перекладинами, со стороны входа перекладины нет. На боковые перекладины положен шест, проходящий над кострищем. На этот шест крепился крюк для подвешивания котла или чайника. На верхние перекладины опирались остальные лесины-шесты, тесно поставленные друг к другу комлевыми частями вокруг котлована и образующие стенки голомо. Между верхними перекладинами оставалось отверстие для выхода дыма. Для входа между шестами оставался проем шириной 0.7 м внизу и 0.45 м — вверху. Боковые шесты над входом соединены перекладинами, прикрывающими отверстие над дверьми. У входа был сделан порог из толстой лесины, который не позволял осыпаться стенке котлована. В древности вход, наверное, закрывали шкурой. У этого же голомо была сделана дощатая дверь, открывавшаяся изнутри налево. Она была обита шкурой оленя. Справа от входа было проделано отверстие для окошечка. Жердяной конус голомо был покрыт кусками дерна, положенными травой к шестам. У основания голомо слой дерна был более толстым. Высота голомо над поверхностью земли — 1.7 м, внутри — 2.1 м, около нар мог стоять мужчина среднего роста. В таком голомо может жить семья из шести человек. Конечно, голомо Сохатина имело ряд новшеств, но основы конструкции постройки были глубоко традиционны.

Вероятно, жилище на стоянке Маймече I было в своей основе таким же. Его котлован имел те же размеры, что и котлован голомо Сохатина. Истинные размеры этого жилища, с учетом места для нар, могли достигать 3 м в диаметре, т. е. 7 кв. м. Нижняя часть котлована имела тонкослоистое заполнение, в котором углистые прослойки чередовались с суглинистыми. Такое заполнение могло образоваться в результате сезонного использования жилища.

На стоянке найдены фрагменты не меньше чем 6 горшков, относящихся к одному типу; некоторые из них имели крупные размеры и, вероятно, могли оставаться на стоянке от посещения до посещения. Некоторые наблюдения позволяют сделать заключение о времени (сезоне) этих посещений. Так, по находкам из культурного слоя установлено, что на стоянке изготавливались шлифованные орудия из галек кремнистых сланцев, встречающихся на бичевнике р. Хеты в районе памятника. Однако полоса бичевника, содержащая такие гальки, большую часть лета скрыта водой, уровень которой понижается в августе, когда и возможен сбор такого сырья. Таким образом, обработка заготовленных галек должна была иметь место в осенне-зимний период. На тот же тип сезонности обитания указывает чередование прослоек суглинка в заполнении котлована. Они образовались в результате осыпания и смыва земли с покрывавшего жилище дерна, что не могло происходить в зимний период. Если бы жилищем пользовались летом, когда котлован заполнялся суглинком, то последний перемешивался

бы с углистыми частицами из костра. Стоянки Маймече I и IV расположены на правом берегу р. Хеты, на который в осенние месяцы переплывают возвращающиеся с севера стада оленей. По-видимому, после охоты на них обитатели стоянок зимовали здесь в стационарных жилищах, занимаясь изготовлением орудий, а весной и летом вели бродячий образ жизни. Исходя из того, что стоянка посещалась не один год, а количество разбитых горшков немногочисленно, учитывая также то, что размеры мыса, использованного для стоянки, позволяют поместить только одно жилище, в котором могло жить не больше 5—7 человек, следует предполагать, что обитавшая здесь группа людей была немногочисленным, экономически самостоятельным коллективом.

Все сказанное о стоянке Маймече I приложимо и к расположенной неподалеку Маймече IV, однако жилище на последней было, по-видимому, наземным, без котлована. Вряд ли эти памятники существовали одновременно. Расстояние между ними не столь значительно, чтобы на них могли обитать две самостоятельные группы, и в то же время велико для коллективов, объединенных общим хозяйством. Между стоянками есть места, удобные для устройства жилищ, о чем свидетельствуют обнаруженные здесь поселения (Маймече II и III), относящиеся к другим культурам. Можно предполагать, что стоянки Маймече I и IV существовали последовательно и принадлежали одной группе охотников, осваивавших эту местность.

Среди фольклорных записей Б. О. Долгих [1952: 82, 83; 1974: 48] и И. С. Гурвича [1957: 157—162] есть предания о маятах — народе, жившем в бассейнах рек Хатанги, Анабара и Оленека. Маятов сопоставляют с ванядами (ванадырами) тунгусами юкагирского происхождения, вошедшими в состав вадеевских нганасан [Долгих, 1952; 1974; Симченко, 1968]. Маяты охотились на оленей на речных переправах, устраивали на них облавы или добывали при помощи ловушек. Мясо оленей, убитых при массовой охоте, складывали на лабазы или прятали в ямах. Рядом со складом маяты строили полуподземные голомо, в которых жили зимой. Голомо находились на расстоянии дня хода пешего человека. Материальная культура этого легендарного народа не согласуется в некоторых отношениях с данными археологии. Так, например, маяты не знали керамической посуды, однако в районе их обитания известны находки керамики разных эпох. Сетей у маятов не было, и они ловили рыбу, устраивая загородки и вычерпывая рыбу на берег.

В связи с проблемой определения численности и состава древних коллективов Таймыра большой интерес представляет установление зависимости между размерами жилищ и поселений и количеством их обитателей. Следует сразу оговорить, что, поскольку жилище имеет и экологическую, и социальную обусловленность, нельзя предположить существование единой «нормы» его площади на одного члена группы. Такая норма различна для разных природных условий и разных хозяйственных организмов. Кроме того, она зависит от производственных возможностей и традиций домостроительства. Попытаемся определить эту норму для древних охотников Таймыра.

К сожалению, мы не располагаем данными о численности людей, которые жили в отдельных голомо, хотя имеются фольклорные воспоминания о том, что голомо служили обиталищем обязательно для двухпоколенной семьи. В такой ситуации, однако, можно обратиться к сведениям о количестве жителей чумов, поскольку размеры последних в среднем соответствуют площади голомо, что определяется длиной шестов, используемых при строительстве этих двух, имеющих общие принципы конструкции, типов жилищ. В то же время необходимо отметить, что, в отличие от голомо, один и тот

же чум при перестановке может изменяться по площади в зависимости от наклона шестов. По данным, приведенным А. А. Поповым [1948: 79], нганасанский чум мог иметь диаметр от 2.5 до 9 м, т. е. покрывать площадь от 5 до 60 кв. м. По личным наблюдениям, наиболее часто встречаются постройки диаметром около 4 м и площадью примерно 13 кв. м, в которых могло размещаться от 2 до 11 человек, включая детей. Обычным же, по-видимому, числом было 6—7 человек. В среднем на одного обитателя приходилось 3—3.5 м площади жилища. Необходимо отметить, что мы сталкивались со случаями, когда чум занимали одна или две семьи, ведущих раздельное хозяйство, но следует учитывать, что нам удалось наблюдать коллективы, занимавшиеся рыбной ловлей и охотой. У нганасан-оленеводов в чуме могли жить от двух до пяти семейств [Попов, 1948: 84]. Б. О. Долгих отмечал, что были чумы, в которых жило по четыре семьи численностью по 5—6 человек, а общая численность живущих в чуме достигала 25 человек [Долгих, 1974: 27]. Существование нескольких семейств в одном чуме можно объяснять необходимостью иметь большое число пастухов и, одновременно, трудностью перевозки и установки многих чумов при частых перекочевках, а также затруднениями при добыче в тундре топлива для многих очагов.

Исходя из сведений о структуре и численности больших и малых семей в прошлом народов Севера (XVII в.), собранных Б. О. Долгих [1974], можно заключить, что малые семьи (5—6, иногда 8 человек) встречались у малооленных охотников и рыболовов и что малые семьи, как правило, жили в отдельных чумах. Большие семьи и объединение нескольких семей в одном чуме были характерны для оленеводов с большим количеством оленей, что можно отметить и по сведениям, содержащимся в эпических преданиях ненцев [Куприянова, 1965]. Поскольку материалы наблюдений над размерами площадей жилища Маймече I и стоянок мезолита и неолита не только Таймырского Заполярья, но и всех заполярных районов от Белого моря и до Чукотки, свидетельствуют об их принадлежности небольшим коллективам, то, учитывая этнографические данные о малых семьях, можно предполагать, что для охотников и рыболовов Крайнего Севера были типичны именно малые семьи, являвшиеся независимыми хозяйственными единицами. Такие малые семьи, которые могли состоять из брачной пары, двух и более детей (два необходимы для простого воспроизводства) и, возможно, представителей старшего поколения, т. е. 5—8 человек, в сущности, являются минимальной семейно-хозяйственной единицей, имевшей возможность самостоятельного бытия. Именно такая семья могла жить в маленьком строении на стоянке, подобной Маймече I. Общества, состоявшие из таких семей, могли успешно существовать в суровых условиях Заполярья, широко осваивая при помощи охоты его ресурсы. Существование таких обществ устанавливается и для периода металла, вплоть до появления производящего хозяйства крупностадного оленеводства. Этот вид деятельности, так же как развитые формы рыболовства и морской зверобойный промысел, требовал коллективного труда и определенной социальной организации и тем самым способствовал консолидации семей и увеличению их численности. Однако имеющиеся сейчас археологические материалы по каменному веку Таймырского Заполярья не дают возможности говорить о существовании коллективных охот, проводившихся несколькими объединенными для этой цели группами.

Обратимся теперь к памятникам периода металла. Самыми ранними из них являются стоянки ымыяхтахской культуры, среди которых своими размерами и обилием находок выделяется стоянка Абылаах I, что объясняется расположением ее на осеннем миграционном пути оленьих стад. Во время

раскопок на этой стоянке в конце августа—начале сентября нам доводилось наблюдать крупные стада оленей, переправлявшиеся через р. Пясину прямо к месту стоянки и уходившие в лес по долинам р. Абылаах и ручья, между которыми находится мыс со стоянкой. Олени медленно двигались мимо нас, притаившихся в кустах, буквально в нескольких метрах. Разумеется, охота на них могла быть в этот момент успешной даже с примитивным оружием. Большое количество оленей можно было бы поймать, соорудив изгородь в верхней части долинки ручья. Жители пос. Катырык добывали около стоянки плавящихся оленей, стреляя их с лодок. Поэтому нас не удивили встреченные в культурном слое большие пятна тлена, образовавшиеся на месте скоплений костей и рогов. Множество (60 штук) найденных на стоянке сильно сработанных скребков показывает, что здесь производилась обработка большого количества шкур. Таким образом, очевидно, что основным занятием обитателей стоянки был промысел мигрирующих оленей, что доказывает и расположение стойбища, устроенного не на оконечности мыса, а в его глубине, что делает его незаметным со стороны реки, через которую переплывают олени. Насыщенность культурного слоя находками, разновременность кострищ служат доказательством многоразового, а не однократного использования места стоянки. Поскольку следы котлованов отсутствуют, можно предполагать, что жилые постройки были наземными.

Имеются ымыяхтахские памятники с малым числом изделий и небольшими площадями их распространения, расположенные в стороне от миграционных путей оленей, примером чего являются стоянки Заячья, Холодная III, Пайтурма IV. Они принадлежали, по-видимому, небольшим коллективам, охотившимся летом на отдельных бродячих оленей, и были кратковременными. Подобно стоянке Абылаах I, сезонным, ежегодно используемым поселением могла быть стоянка Пясина V, где имеется два пункта скопления находок. На стоянках Калкай и Ивановская зафиксированы скопления материала, сосредоточенного на участках площадью от 15 до 30 кв. м. Так, на Ивановской стоянке выделено три скопления, расположенных в ряд по юго-западному краю древнего берега, возвышающемуся над тундрой на 3—4.5 м. Скопления связаны с углистыми пятнами и обгоревшими камнями очагов, расстояние между этими очажными конструкциями 15—20 м. Скопления на Ивановской стоянке, стоянках Кылкай и Пясина V можно рассматривать как следы наземных жилищ, которые могли быть разновременными. Если же они существовали одновременно, то, учитывая наличие малых стоянок, следует сделать вывод, что на перечисленных местонахождениях имело место объединение небольших коллективов для совместной сезонной охоты. Возможно, такие коллективы стали возникать после оформления ландшафтной ситуации, близкой к современной, когда установились постоянные пути оленьих миграций.

Временные объединения групп, несомненно, происходили и в каменном веке, но имели иную обусловленность. Малые семьи не могли существовать в постоянной оторванности друг от друга. Они должны были входить во временные контакты для заключения браков, совместного промысла и борьбы с врагами. Важным фактором для объединения была, вероятно, взаимопомощь: семья, оказавшаяся в бедственном положении из-за неудачной охоты или потери промысловика, могла присоединиться к семье более удачливого охотника, скорее всего, родственника. В результате таких брачно-хозяйственных связей между малыми семьями определенной территории на ней складывался своеобразный социальный организм, который не был ни родом, ни племенем в их классическом понимании.

Существование небольших самостоятельных коллективов, представленных, вероятнее всего, малыми семьями, создавало специфический характер

социально-хозяйственных отношений. В таких коллективах забота о добыче основных продуктов потребления приходилась на долю одного-двух мужчин, а обработка добычи, забота о доме и детях были делом женской части коллектива. Четкое распределение равно жизненно значимых обязанностей по полу не давало социальных преимуществ ни мужской, ни женской половине общества. Малая семья давала возможность билинейного определения родства, при котором понятие отцовства имело сугубо социальное происхождение, связанное с принадлежностью детей к коллективу определенного охотника. Билинейный характер нганасанской экзогамно-родовой системы объясняют тем, что она была переходной формой от однолинейной материнской к однолинейной отцовской системе, возникшей в результате изменения производственного уклада, а именно развития оленеводства [Общественный строй, 1970: 210]. Но если для предков нганасан была характерна малая семья, что подтверждается не только археологическими материалами, но и данными этнографии, свидетельствующими, что появление больших семей связано со становлением развитого оленеводства [Долгих, 1974], то наличие билинейности у нганасан объясняется сохранением старой системы, сложившейся в среде малых семей. Применение к таким семьям термина «матрилокальность» кажется нам невозможным, поскольку в каждой такой семье жилище и забота о нем находились в сфере женского труда. К выводу о дисперсном расселении на широкой территории мелких социальных единиц (семей или их групп) древних охотников на дикого северного оленя, каковыми являлась часть предков нганасан, и нестабильности их временных объединений для проведения поколок пришел в своем историко-этнографическом исследовании Ю. Б. Симченко [1976: 193, 286].

Появление на Таймыре бронзолитейного производства, установленное по материалам ымыяхтахских памятников, должно было внести некоторые изменения в производственно-хозяйственные отношения древних коллективов. Особенно сильно эти отношения должны были проявиться у носителей пясинской и малокореннинской культур, у которых бронзолитейное дело достигло высокого развития. Моделируя их образ жизни, мы учитываем возможность сохранения у них традиций, которые были привнесены их предками из Западной Сибири.

Одной из таких традиций является устройство жилищ. Они отличались от обычных для древних и современных народностей Таймыры округлых, чумообразных жилищ своей квадратной формой, которая характерна для древних строений, обнаруженных в Западной Сибири. На поселении пясинской культуры в устье р. Половинки найдены котлованы жилищ прямоугольной формы. Размеры трех относительно хорошо сохранившихся котлованов 27, 22 и 23 кв. м. Чтобы определить число жителей одной из этих полуземлянок, применим усредненную «норму» — 3.5 кв. м на человека, учитывая, что для обитателей прямоугольных жилищ западносибирских культур могла быть традиционной иная пропорция. Получается, что в каждой землянке могло жить 5—6 человек, т. е. малая семья. Это не означает, что на поселении обитал коллектив численностью 20—25 человек, поскольку отсутствуют доказательства одновременного использования всех четырех построек. Однако упорядоченное расположение жилищ на примерно равном друг от друга расстоянии позволяет предположить, что здесь был поселок, а не одиночные жилища, существовавшие в разное время. Можно предполагать, что жилище I было сооружено раньше других, было обитаемо дольше других и погибло в результате пожара. Слоистость пола в нем, подобная слоистости, наблюдавшейся в жилище на стоянке Маймече I, свидетельствует о сезонном использовании и этого жилища. Наличие в нем фрагментов 9 горшков, большей частью представленных отдельными обломками (ос-

тальные были выброшены из жилища его обитателями), наконец, крупные размеры некоторых горшков — все это доказывает, что жилище функционировало ряд лет. Своими размерами и численностью живших в нем людей, занимавшихся бронзолитейным производством, даже удалением разбившихся сосудов и своей гибелью от пожара это жилище напоминает полуземлянку бронзолитейщиков черкаскульской культуры, раскопанную в Южном Зауралье [Хлобыстин, 1976: 12—15, 46].

Немногочисленность находок в других жилищах позволяет сделать вывод, что они были заселены меньшее время и были покинуты. В таком случае численность жителей поселка была около 20 человек. Среди них были бронзолитейщики и кузнецы, в большом количестве изготовлявшие металлические изделия. Одновременно, как показывают находки, они оставались охотниками и рыболовами. Возможно, что существование такого большого коллектива частично обусловливалось обменом металлических изделий на охотничью добычу. Вблизи устья р. Половинки медные руды или самородная медь не обнаружены; нет на поселении и следов выплавки металла из руд. По-видимому, бронзолитейщики получали его в обмен на свою продукцию или, что более вероятно, сами добывали его из близких месторождений. Для этого они, все или какая-то их часть, должны были покидать на лето свое поселение, а к осени, к моменту миграции оленей, возвращаться к устью р. Половинки, чтобы обеспечить себя запасами пищи на зиму. Вероятнее всего, изготовление бронзовых изделий осуществлялось в зимнее время. Большая часть находок, связанных с бронзолитейным делом, обнаружена в жилище I. Здесь оказалось, судя по числу сливов, не менее 12 крупных льячек-тиглей; в жилище II найдено по крайней мере 3 льячки, а в жилище III — фрагменты двух сосудов для плавки и разлива бронзы. В жилище IV найдены фрагменты трех льячек и тигля. В 3 м к востоку от жилища I было кострище, в котором найдены обломки еще трех льячек. Таким образом, жилище I было основным местом работы мастеров-бронзолитейщиков.

Обилие следов бронзолитейного производства на стоянке Усть-Половинка заставляет более подробно остановиться на вопросах развития древней металлургии на Таймыре, но прежде, завершая раздел, в котором были затронуты проблемы, связанные с рассмотрением поселений как источников палеосоциологической информации о древних коллективах и особенностях их промысловой деятельности, кратко охарактеризуем в этом отношении памятники эпохи железа.

Среди них, за исключением стоянки Дюна III, которая рассмотрена ниже, нет крупных поселений. Размеры их невелики, находки на них малочисленны, на них пока не обнаружены следы стационарных жилищ, хотя должны были существовать строения типа голомо. Подобно стоянкам раннего периода, они найдены как на миграционных путях оленьих стад, так и в стороне от последних. В целом их признаки соответствуют признакам кратковременных стоянок периодов развитого неолита и бронзы. Поэтому, несколько повторяя характеристику таких стоянок, можно сказать, что поселения периода железа, относящиеся к нашей эре, принадлежали небольшим коллективам охотников за диким северным оленем, промышлявших также птиц и занимавшихся ловлей рыбы, которые вели полуоседлый образ жизни, обусловленный сезонным характером промыслов. Сохранение населением Таймырского Заполярья в эпоху железа хозяйственных традиций и общественного строя более ранних обществ, экономический и социальный консерватизм объясняются тем, что, несмотря на важные культурные инновации, связанные с появлением железа и, возможно, ранних форм оленеводства, образ жизни этих людей регулировался теми же экологическими усло-

виями, что и в периоды развитого неолита и бронзы. Наиболее оптимальные способы существования в этих условиях были выработаны еще в неолите и наследовались обитателями этого края до тех пор, пока не произошел перелом в их хозяйственной деятельности, связанный с переходом к одному из видов производящей экономики — крупностадному оленеводству.

Древние охотничьи коллективы Таймыра, вследствие особенностей подвижного образа жизни и системы хозяйства, связанных с переправами через многочисленные крупные реки, промыслом оленей на плавях и, отчасти, рыболовством, несомненно, нуждались в легких лодках, которые можно было переносить или транспортировать по снегу на санках или волоком. В тундре и лесотундре нет деревьев, пригодных для изготовления долбленых лодок. Какие же лодки они могли использовать? На этот вопрос, кажется, могут ответить находки кусочков вара на местах поселений.

Кусочки вара встречены в большом числе на выдувах и в сохранившихся культурных слоях поселения Усть-Половинка. Кроме того, они найдены на стоянках Пясина I, где сопровождались тонковаликовой керамикой усть-половинкинского типа, Пясина III и IV, Капканная II. Эти находки датируются в широком диапазоне: середина I тыс. до н. э.—XI в. н. э. Большинство кусочков представляет собой тонкие пласты обмазки, на одной из сторон которых сохранились отпечатки бересты. На одном из них имеются отпечатки шерсти, вероятно, шкуры оленя. Часто на них видны выступы в виде треугольных валиков, по-видимому, являющиеся негативами щелей, которые были замазаны варом. Есть кусочки, на которых сохранились отпечатки швов со следами толстых «нитей», которыми, вероятно, служили жилы. Можно сделать вывод, что вар употреблялся для заделки щелей и замазывания швов изделий из дерева, кожи и бересты. Такими изделиями могла быть посуда, но более вероятным представляется, что вар служил для шпаклевки лодок, сделанных из бересты и кожи. Кожаные лодки были в широком употреблении у обитателей высоких широт, в том числе и у нганасан, как об этом свидетельствуют материалы, обобщенные в монографии Ю. Б. Симченко [1976: 135—151].

Бронзолитейное производство на Таймыре

Поскольку ранние находки бронзолитейного производства на Таймыре связаны с памятниками ымыяхтахской культуры, мы вправе ожидать, что и первоначальные навыки изготавления металлических предметов были привнесены из бассейна Лены, где обнаружены ымыяхтахские погребальные комплексы с бронзовыми изделиями. Однако в Якутии на памятниках этой культуры пока не обнаружены следы их изготовления. Исключением является стоянка Старый Сиктях, расположенная в заполярном течении р. Лены, где А. П. Окладниковым [1946: 85—90] в насыщенных углем слоях были найдены обломки двух плоскодонных лячек и сплеск бронзы. Лячки имели овальную форму с уплощенным выступом на конце, противоположном сливу, служившим ручкой. В одном слое с этими изделиями были находки, относящиеся к ымыяхтахской культуре. Ю. А. Мочанов и С. А. Федосеева, обсуждая материалы этой культуры, неоднократно высказывали мнение, что в целом она является позднеолитической и лишь на заключительном этапе ее развития начинают спорадически встречаться бронзовые изделия, проникающие от южных соседей. Начало бронзового века в Якутии исследователи связывают с усть-мильской культурой, на памятниках которой встречены плоскодонные лячки с тонкой длинной ручкой. Если признать правоту суждений Ю. А. Мочанова и С. А. Федосеевой и считать

Южную Якутию территорией, через которую в Заполярье проникли навыки бронзовой металлургии, то в качестве таковой следует рассматривать и территорию Эвенкии, где еще не известны ранние памятники со следами бронзолитейного производства. Между тем сходство, наблюдаемое между кельтами сейминского типа с Таймыра и из Прибайкалья, дает возможность говорить именно об этой части Юга Восточной Сибири как о центре, откуда через Эвенкию и, возможно, западные районы Якутии в Таймырское и Якутское Заполярье проникли первоначальные знания и навыки металлургии бронзы. Восточная Якутия могла оказаться в это время в стороне от пути распространения навыков металлообработки. Ымыяхтахская культура развивалась подобно глазковской, т. е., будучи изначально неолитической, позднее, в связи с освоением ее носителями умения изготавливать бронзовые изделия, она переходит в ранг культур эпохи бронзы. Возможно, что не во всех районах этот переход мог совершиться до распространения усть-мильской культуры, и ымыяхтахцы оставались на уровне неолитической культуры из-за отсутствия пригодных для разработки местных руд и прочных обменных связей с соседними территориями, откуда можно было получать готовый металл. Сказанное позволяет поставить вопрос о степени единства ымыяхтахской культуры в период распространения металлургии бронзы. Возможно, в Таймырском и Якутском Заполярье следует все-таки выделить особый вариант этой культуры или особую культуру, входящую в ымыяхтахскую культурно-историческую общность, тем более что кроме наличия местной металлургии бронзы, не позволяющей считать таймырские памятники с вафельной керамикой неолитическими, на стоянках Таймыра, как и на подавляющем числе других заполярных поселений с вафельной керамикой, отсутствуют сосуды с прочерченным орнаментом, типичные для ымыяхтахских памятников таежной зоны.

Развитие металлургического производства в Таймырском Заполярье объясняется богатством Южного Таймыра месторождениями меди, легко доступными для поверхностной разработки. Благодаря любезной консультации геологов О. А. Дюжикова и В. А. Федоренко, мы можем охарактеризовать важнейшие месторождения, которые могли служить источниками сырья для древних металлургов.

В первую очередь следует отметить месторождение Норильск I. В районе северного мыса горы Рудной на поверхности обнажена серия крутопадающих халькопиритовых жил (мощностью до 10 м), содержащих до 20% меди и 5% никеля. Севернее жильного поля располагается Сотниковское месторождение окисленных руд, образованное глинистыми и углисто-глинистыми сланцами, пропитанными малахитом и азуритом с примесью халькопирита. Содержание меди составляет 0.32—0.41%, никеля — 0.16—0.31% [Рожков, 1933].

В пределах плато Хараелах в последнее время выявлено значительное количество залежей самородной меди. Большинство из них имеет стратиформный характер. Они связаны с пластами известняков (мощность до 5—6 м), которые отмечаются в туфогенных горизонтах туфолавовой толщи, или приурочены к контакту туфов с базальтовыми покровами. Протяженность меденосных горизонтов иногда достигает нескольких десятков километров [Дюжиков, 1973; Дюжиков и др., 1974]. Содержание меди (на полную мощность пласта) местами приближается к 1%. Отдельные участки меденосных горизонтов обогащены самородками весом 1—5 кг. На р. Ондодоми встречен самородок, весивший около 24 кг. Содержание меди в самородках составляет 99.43—99.6%.

Отдельные небольшие проявления самородной меди отмечались на площадях к востоку от Хараелахского плато, вплоть до бассена р. Маймече.

Вполне вероятно, что на этой слабо изученной территории могут быть и довольно крупные залежи.

В районе г. Игарка известно Сухаринское месторождение халькозинборнитовых руд, состоящее из серии гнездообразных тел массивных сульфидов (размером до 1.2 × 2.5 м), содержащих около 40% меди. В рудах Сухарихи много серебра (до 200—300 г/т), есть очень незначительное содержание свинца и цинка.

В лаборатории археологической технологии ЛОИА АН СССР, лаборатории спектрального анализа НИИГА и в ИГЕМ АН СССР были проведены спектральные анализы бронзовых изделий и капель бронзы со стоянок Абылаах I, Мал. Коренная I и поселения Усть-Половинка (см. Приложение, табл. 1 и 2). Результаты анализов были сопоставлены между собой и с анализами руд месторождений, названных выше.

В бронзе с разных стоянок набор лигатур различен. Так, на стоянке Абылаах I использовано олово, а на Усть-Половинке и Мал. Коренной I преобладают мышьяк и сурьма. Сплавы с двух последних, близко расположенных памятников, разнятся по содержанию висмута, что может быть связано как с разновозрастностью и разнокультурностью памятников, так и с различиями использованных руд.

Иногда значительные различия обнаруживаются в составах образцов, происходящих из одного комплекса, что, по-видимому, связано с использованием руд различных месторождений и широко распространенной практикой переплавки пришедших в негодность изделий, среди которых наряду с местными были и импортные, а также применением различных присадок для получения сплавов разного качества.

Обращает на себя внимание аномально высокое содержание золота в образцах с поселения Усть-Половинка — 0.01—0.05% (табл. 2). Трудно предполагать, что такое количество золота попало в сплавы с лигирующими элементами, содержание которых очень невелико. Источником этого металла является, скорее всего, одна из разновидностей медных руд. Содержание никеля 0.2—0.5% дает основание предполагать, что в сплавах смешана медь из норильских руд и руд другого типа, безникелистых. Руды с высоким содержанием золота неизвестны.

Многие образцы бронзы со стоянок Усть-Половинка и Мал. Коренная II сильно обогащены никелем, содержание которого (0.5—1.5%) имеет тот же порядок, что и в черновой меди, выплавляемой ныне из руд Норильских месторождений (0.8—0.9%). Очевидно, что основу этих сплавов составляет медь, происходящая с месторождения Норильск-I. Вместе с тем и на Усть-Половинке, и на Мал. Коренной присутствует бронза, почти не содержащая никеля, а на стоянке Абылаах I значительного содержания никеля не установлено ни в одном образце, что указывает на использование руд, не принадлежащих к норильскому типу. Так, например, обитатели Абылааха могли использовать небольшие месторождения меди, известные на востоке Таймыра. Употребление в мастерских указанных памятников меди из халькозинборнитовых руд Сухарихи представляется маловероятным из-за удаленности этого месторождения. Гораздо более вероятно, что применялась самородная медь с севера Средне-Сибирского плоскогорья, которая по содержанию серебра близка проанализированным образцам. Косвенное подтверждение этому выводу дает состав образца № 19 со стоянки Мал. Коренная I — это практически чистая медь, которая, как и самородная медь Абылааха, очень бедна примесями.

Среди лигатур выделяются по крайней мере три группы не ассоциирующихся друг с другом элементов: олово, мышьяк и сурьма; висмут и свинец. Мышьяк и сурьма, вероятно, происходят с севера Таймыра — прояв-

ления этих металлов известны на р. Тарея. Олово, вероятно, получали из бассейна р. Индигирки, где в рудных жилах и россыпях имеются залежи касситерита. Свинец и висмут могли доставляться с Урала или юга Центральной Сибири. Богатые месторождения свинца есть в пределах Енисейского кряжа. Использование различных металлов, происходящих из удаленных друг от друга источников, доказывает существование довольно широких, хорошо выраженных экономических связей среди бронзолитейщиков Сибири, включая и Таймырское Заполярье.

Распространение ымыяхтахской культуры на пространстве между Таймыром и Индигиркой, вероятно, облегчало обменные связи, в результате которых таймырские ымыяхтахцы могли получать олово, а обитатели Индигирки и промежуточных территорий — медь. В этом отношении примечательно расположение Старого Сиктяха с его бронзолитейной мастерской на полпути между Таймыром и Индигиркой. С этим же связано, по-видимому, то, что абылаахские мастера могли использовать в качестве примеси олово в таких высоких концентрациях (7—8%), что получаемые сплавы находились на грани оптимальности. Более высокие содержания олова могут приводить к ликвации, разделению сплава при его остывании. Иной, мышьяковисто-сурьмяный, состав лигатур характерен для пясинского центра металлообработки. Наличие таких примесей объяснимо как причинами культурно-хронологического порядка (в зависимости от степени развития металлургических знаний состав примесей становится более разнообразным и определяется назначением изделий), так и историко-культурными (отсутствие связей с индигирским месторождением олова, традиционные связи с западносибирскими культурами). Вероятнее всего, имела место совокупность этих причин.

Е. Н. Черных [1967] уточнил определения терминов «центр», «очаг металлургии» и им подобных, а также выделил ряд древних горнометаллургических областей и центров. Представляется возможным наметить еще одну горнометаллургическую область, таймырскую, с пясинским и таймыро-якутским очагами металлообработки.

Таймыро-якутский очаг металлообработки был связан с ымыяхтахской культурой; сырьевой базой его, вероятно, служили таймырские месторождения безникелистой меди и индигирские месторождения олова. По-видимому, его изделия, имевшие в своей основе пример металлического инвентаря сейминско-турбинского типа, несколько отличались от последнего. Изготовлялись и местные своеобразные формы изделий, примером чего может служить литейная матрица с антропоморфным изображением. Литейные формы были из глины и камня. Для плавки и разлива металла употребляли небольшие плоскодонные лячки с выступом-ручкой на противоположном сливу конце.

Пясинский очаг металлообработки связан с пясинской и малокорennинской культурами. Источниками металла для него служили залежи рудной и самородной меди северо-западной окраины Средне-Сибирского плоскогорья и, возможно, руды мышьяка и сурьмы из бассейна р. Тареи. Часто встречающиеся на стоянках р. Пясины фрагменты лячек, их обилие на поселении Усть-Половинка, многочисленные капли и кусочки металла, массивный слиток бронзы, состоящий из нитевидных заполнений литейных каналов, отрубленных от готовых изделий (его масса 73.1 г), и брошенный, — все это свидетельствует, что носители указанных культур относились к металлу не особенно бережно. Металл, очевидно, доставался легко. Можно сделать вывод о значительном расширении производства бронзовых изделий к середине I тыс. до н. э., сравнивая объемы лячек и тиглей со стоянки Абылаах I и поселения Усть-Половинка. Если абылаахская лячка вмещала при-

мерно 15 куб. см сплава, то средний объем усть-половинкинских льячек и тиглей был равен примерно 120 куб. см. В жилище I на Усть-Половинке было как минимум 12 льячек. Предполагая по меньшей мере одноразовое использование льячки, можно подсчитать, что в них было выплавлено как минимум 1440 куб. см бронзы, или примерно 14 кг. Из этого количества металла можно было изготовить 1400 наконечников стрел, или 1600 шильев, или 700 рукояток ножей, подобных найденным на поселении. Принимая средний вес кельта сейминского типа за 250 г, можно определить, что такого количества металла было достаточно для производства 56 таких орудий. Эти расчеты дают примерное представление об объеме продукции, которую могли дать мастера-бронзолитейщики только одного жилища. Можно предполагать, что однократная суммарная продукция бронзолитейного производства на этом поселении пясинской культуры была как минимум в четыре раза больше.

Плоскодонные льячки и тигли, имеющие округленное дно, по своей форме резко отличаются от льячек, найденных в Восточной Сибири. Аналогии им имеются на памятниках Западной Сибири. Так, в Среднем Приобье на поселениях Малгет и Тух-Эмтор I и IV, датирумых концом II—началом I тыс. до н. э., обнаружены тигли [Кирюшин, Малолетко, 1979: 102, рис. 16], идентичные круглодонным тиглям из Усть-Половинки (от которых они отличаются только меньшими размерами) и льячке со стоянки Пясина IV-А. В Национальном музее Финляндии в Хельсинки хранится коллекция № 3626, собранная И. С. Знаменским. В ней оказались две плоскодонные льячки (№ 68 и 69), числящиеся как происходящие из Западной Сибири. И по форме, и по размерам они близки льячкам из Усть-Половинки. Плоскодонные льячки меньших размеров найдены при раскопках жилищ раннего железного века на Барсовой Горе в Сургутском Приобье. Эти наблюдения еще раз подтверждают связь пясинской культуры с западносибирскими культурными традициями и юго-западные истоки ее металлургии.

Бронзовые изделия отливали в глиняных формах, которые разбивали при извлечении готовых поделок. Найдена глиняная шишка — грибовидный округлый стержень, вставлявшийся в форму для отливки кельта для образования его внутренней полости. В шишке сохранился литок для заливки бронзы и отходящие от него два канала с остатками металла (рис. 75: 1). Заполнение каналов, происходящее из жилища I, напоминает по строению каналы этой шишки и, вероятно, образовалось также при отливке кельта. Судя по форме шишки, кельты имели округлую втулку, подобно кельтам сейминского типа. В коллекции культовых принадлежностей долганского шамана А. Н. Суслова, жителя пос. Потапово, которая хранится в ТОКМ, имеется связка культовых предметов — «шайтан на счастье в охоте» (колл. № 4004/3е ГИК). В ее состав входит покрытый зеленой патиной бронзовый кельт, внутри которого кусок дерева или смолы. Лезвие у кельта обломано, он имеет округлую втулку и шестигранное поперечное сечение тела. Его сохранившаяся длина — 14 см, ширина — 4.3 см; толщина стенок около 1 мм. Он не украшен, только в районе втулки на боковом ребре есть выступ, напоминающий выступы на кельтах байкальского типа. Это изделие трактуется как ножны и действительно напоминает их образцы, до сих пор употребляемые охотниками Таймыра. Однако их никогда не делали литыми. Скорее всего, назначение этого изделия, которое, бесспорно, является кельтом, аналогичным изготовлявшимся мастерами пясинской культуры, было забыто, и оно получило новую трактовку. В этой связи можно сослаться на опубликованное Б. О. Долгих [1962: 110, 111] предание енисейских энцев о находке близ села Потапово медного топора, ставшего культовым предметом.

Обнаруженные на поселении Усть-Половинка бронзовые изделия, кроме обычного для периода поздней бронзы—раннего железа четырехгранного шила, не находят близких аналогий. Их уникальность, разнообразный состав и высокое искусство исполнения, а также сложность сплавов, употребление железа — свидетельство очень развитого металлургического производства, доказательство того, что среди обитателей Усть-Половинки были искусные мастера своего дела. По-видимому, они изготовляли изделия не только для своих нужд, но и на обмен. В сущности, поселение Усть-Половинка можно определить как центр мелкотоварного производства бронзовых изделий, предназначенных для товарообмена. Это заключение справедливо для него так же, как и для черкаскульской бронзолитейной мастерской Липовая Курья [Хлобыстин, 1976: 48].

Однако бронзолитейное производство на Таймыре даже при наличии богатых месторождений меди не могло получить дальнейшего развития в условиях Заполярья из-за малочисленности населения, низкого уровня социальной организации, малого рынка сбыта и, самое главное, господства присваивающей экономики, не позволявшей исключить часть взрослого мужского населения из сферы непосредственной промысловой деятельности. Присваивающее хозяйство затормозило развитие металлообработки. Только крупностадное оленеводство могло бы способствовать здесь расцвету бронзовой металлургии, но оно сложилось на Таймыре только во второй половине II тыс. н. э., когда в достаточном количестве и в виде готовых изделий уже стал поступать металл с соседних территорий.

Примечательно, что и на Абылаахской стоянке, и на поселении Усть-Половинка изготовляли металлические предметы, которые, несомненно, связаны с культами. Возможно, что бронзолитейщики делали культовые вещи не только по заказу, но, главным образом, для себя, т. е. они сами выполняли культовые действия, вероятно, имевшие отношение к их производственной деятельности. Несмотря на упадок у нганасан металлургии и примитивность их кузнечного дела, отмеченные А. А. Поповым [1948: 72], к началу XX в. нганасаны считались лучшими на Таймыре кузнецами. У них сохранились следы культа, связанного с металлообработкой. В рассказе нганасанского шамана Дюхадие Костеркина о том, как он стал шаманом, видное место занимает часть, связанная с кузнецом, который выступает в роли одного из хозяев или божеств *нгуо*, выковывающего из Дюхадие хорошего шамана [Попов, 1936: 90—93]. Как можно судить по этому рассказу, наковальня, которая носит у нганасан название *дедися*, относилась к культовым предметам. Сын Дюхадие, шаман Демниме Костеркин рассказал в 1971 г. Г. Н. Грачевой о своем становлении шаманом. Его выковал один из главных богов, имя которого, буквально, «Камень-отец-голова», выступавший со всеми атрибутами кузнеца.[1] Связь кузнечного ремесла и шаманства отмечена у многих народов, и в частности у енисейских тунгусов [Рычков, 1917: 58]. В связи с этим представляет интерес выяснение в рассказах нганасанских шаманов заимствований сюжетов или части содержания от тунгусов, принявших участие в формировании нганасан.

Можно предполагать, что у древних металлургов Таймыра особое значение придавалось культу огня. Примечательно, что у нганасан нельзя было бросать в огонь кости [Грачева, 1977: 222]. Между тем в кострах Абылааха и Усть-Половинки обгоревшие кости не редкость. Мелкие кости в большом количестве встречаются прикипевшими к краям тиглей и лячек. Вероятно, костным углем, долго сохраняющим жар, как шапкой, прикрывали в тигле

[1] *Грачева Г. Н.* Полевой дневник 1971 г. // Архив ЛЧ ИЭ АН СССР, ф. К-I, оп. 2, № 978, л. 42—44.

расплавленный металл. Связь костей с кострищами, на которых производилась плавка металла, неоднократно отмечал для памятников Якутии А. П. Окладников [1946: 86; 1950б: 92, 93, 104]. Возможно, огонь, на котором плавили металл, специально «подкармливали».

Изготовление в абылаахской мастерской антропоморфной фигурки из тогда еще дефицитного металла должно было иметь для творцов не менее важный общественный смысл, чем изготовление орудий труда. Отсутствие у фигурки каких-либо определенных атрибутов показывает, что владелец этой поделки мог наделять ее нужными свойствами. По-видимому, она была чем-то вроде нганасанских *койка*, которые наделялись способностью к самостоятельным действиям [Popov, 1959; Грачева, 1977: 218]. Такой предмет одновременно являлся материализованным отображением почитаемого объекта. Антропоморфность фигурки говорит о том, что этот объект мыслился обладающим человеческими чертами. Однако это не означает, что фигурка была изображением именно человека. Многие почитаемые объекты природы в представлениях первобытных народов на определенной стадии мышления начинают приобретать человеческий облик. Так, у нганасан огонь представлялся в виде женщины [Симченко, 1976: 265].

Большой интерес представляет бляшка «глаз» из материалов поселения Усть-Половинка. Она не имеет аналогий среди бытовых украшений, и мы относим ее к числу предметов культового назначения. Одной из обязательных принадлежностей нганасанских шаманских костюмов является шапочка, к которой пришивается ровдужная бахрома так, чтобы шаман не мог видеть. На всех шапочках, которые известны автору по коллекциям, хранящимся в МАЭ, ТОКМ и Красноярском краевом музее, а также на тех, которые довелось наблюдать лично у нганасанских шаманов из рода Костеркиных, были пришиты бусинки, колечки или бляшки, изображающие «глаза шамана». У энцев на глаза шамана надевали повязку с изображением «глаз души» шамана, умевших видеть происходящее в «иных мирах» [Прокофьева, 1971: 15, рис. 4]. Найденная бляшка, вероятнее всего, могла предназначаться именно для этой цели. У нганасан при шаманских камланиях иногда употреблялись деревянные маски, но из них известны только две, найденные в 1971 г. сотрудниками Заполярной экспедиции вблизи пос. Усть-Авам [Грачева, 1972]. У этих масок на месте, где должны быть глаза, прикреплены выпуклые медные бляшки. Поскольку, по всей видимости, эти маски предназначались для сокрытия лица шамана, то их «глаза» выступали в той же роли, что и «глаза» на шапочках. Таким образом, предполагать возможность использования бляшки из раскопок на Усть-Половинке для той же цели вполне уместно. Возможно, однако, еще одно назначение этого изделия, связанное с его трактовкой в качестве «глаза». У некоторых древних народов Сибири и Урала был обычай закрывать лицо покойника особой маской, на которой обозначались глаза. Иногда эти «глаза» делали из металла. У нганасан этот обычай сохранился до настоящего времени. При раскопках двух детских погребений XVII в. на р. Гольчиха в глазницах черепов были найдены бусины, которые, видимо, были пришиты к закрывающей лицо маске. Исходя из изложенного, можно предполагать и такое назначение бляшки-«глаза», однако этому несколько противоречит ее нахождение в жилище.

Напомним, что на стоянке Абылаах I была обнаружена колотушка из рога оленя. Совместное нахождение ее с формой для отливки культовой фигурки позволяет более смело интерпретировать находку как колотушку для камлания.

Определенное сходство с шаманскими атрибутами изделий, найденных в сочетании с предметами бронзолитейного производства и трактуемых

как предметы культа, предназначенные для общения с духами, поднимает ряд вопросов, связанных с проблемой становления шаманства у народов Севера Сибири. Есть все основания говорить, опираясь на археологические находки, особенно на некоторые погребальные комплексы Прибайкалья, изученные А. П. Окладниковым, убедительно связавшим их с шаманами [Окладников, 1955б: 344—352; 1976: 10], что многие характерные для шаманства признаки существовали у народов Сибири с очень раннего времени. Однако эти вопросы исключительно сложны и требуют отдельного исследования на широком археолого-этнографическом материале. Можно ограничиться лишь постановкой некоторых из этих вопросов в новом ракурсе. Так, в связи с культом огня у нганасан, у которых он связан исключительно с женской частью коллектива, представляет интерес вопрос, в какой степени этот культ был женским в то время, когда огонь служил бронзолитейному делу.

Также интересен вопрос о связи изобразительного искусства с культами у древних и современных народов Крайнего Севера, и в частности Таймыра. В Таймырском Заполярье единственным древним произведением этого рода, кроме орнамента на сосудах и рассмотренных находок, связанных с бронзолитейным делом, можно назвать изображения на горшке со стоянки Пясина IV. Горшки с изображениями в Восточной Сибири редки и найдены только в Прибайкалье. На них изображены антропоморфные существа [Окладников, 1971б; Савельев, Горюнова, 1971], змеи, сочетающиеся, как и в случае нашей находки, с изображениями косых крестов [Петри, 1916], рыбы и птицы, по-видимому, утки [Хороших, 1960]. Исключительная редкость таких горшков заставляет рассматривать их как ритуальную посуду. Поэтому и горшок со стоянки Пясина IV мы можем трактовать как связанный с культом. До недавнего времени у народов Крайнего Севера, занимавшихся в основном охотой на диких оленей, все изображения были связаны только с культом, где было достаточно их символичности. В этом, как указывал С. В. Иванов, заключается одна из причин появления схематичных изображений [Иванов, 1954: 738]. Развитию изобразительного искусства в определенной степени мешал полуоседлый образ жизни аборигенов Севера. Возможно, это одна из причин, по которой на обширной территории внутриматериковых тундр, заселенных охотниками на оленей, мы так редко сталкиваемся с древними произведениями изобразительного искусства.

Вопросы появления и развития оленеводства в тундровой зоне Западной Сибири и Таймырского Заполярья

Внушительные размеры строения на поселении Дюна III (около 350 кв. м), большое количестов найденной там керамической посуды вынуждают подходить к решению вопроса о численности жившего в нем коллектива и его хозяйственных занятиях с несколько иными критериями, чем к моделированию общественного устройства древних охотников Таймыра. Принадлежность жилища носителям вожпайской культуры IX—X вв. н. э. — представителям того древнего этноса, на основе которого впоследствии, вероятнее всего, сформировались как народы современные ненцы и энцы, позволяет предполагать, что им было известно оленеводство лесного типа. К такому заключению можно прийти, поскольку ареал вожпайской культуры включает в себя территорию, где должны были обитать самоеды до начала трансформации их культуры лесных оленеводов в культуру оле-

неводов тундры. Не противоречат этому выводу и некоторые косвенные данные, полученные при раскопках.

В жилище найдены челюсти трех северных оленей, небольшие размеры которых свидетельствуют, что они принадлежали молодым особям. Так как охотник всегда стремится добыть наиболее крупное животное, а скотоводы обычно производят забой молодняка, то, если пренебречь возможной случайностью добычи молодых диких оленей, указанный факт может служить одним из доказательств в пользу предположения о наличии у обитателей стоянки стада домашних оленей. Необходимость выпаса и охраны стада на территории, принадлежащей инородному охотничьему населению, требовала объединения в крупный коллектив. Этим и могут объясняться большие размеры жилища Дюны III. Не следует упускать из виду и возможность содержания оленей рядом с людьми в одном строении. Его размеры, а также наличие конструкций, которые могут быть интерпретированы как загородки и дымокурные сооружения, позволяют прийти к такому выводу. В связи с этим находит объяснение обнаружение большого горшка с углями, возможно, служившего дымокуром для оленей. Содержание оленей в постройках, сходных с жилищами людей, характерно для лесных оленеводов (хантов, ненцев, энцев) Западной Сибири [Васильев, 1962; Лукина, 1979: 113, 114]. В лесотундровой части Таймыра, в бассейне р. Тагенар и в устье р. Боганида нам доводилось наблюдать аналогичные способы содержания оленей около жилья. Та часть течения р. Пясины, где расположена стоянка Дюна III, входила в зону лесотундры, где могли применяться методы выпаса оленей, выработанные в таежной зоне. Вероятнее всего, обычай сооружения особых строений, внутри которых находились дымокуры и укрывались от гнуса олени, мог возникнуть в результате первоначального сосуществования людей с оленями в одной постройке. Учитывая такую возможность для жилища на стоянке Дюна III, можно определить численность обитавшего в нем коллектива в 20—30 человек.

Обнаружение такого памятника, как Дюна III, позволяет обратиться к проблеме появления и развития оленеводства в тундровой зоне Западной и Средней Сибири, где в настоящее время распространено крупностадное оленеводство самодийского типа, для которого характерны сезонные миграции стад на большие расстояния, а окарауливание стад производится с помощью оленегонных собак и с использованием оленей, запряженных в нарты. На Таймыре с этим типом сочетается вариант тунгусского (ороченского) типа оленеводства, при котором пастухи используют верховых оленей, что характерно для традиционного хозяйства долган.

Вопросам о времени и месте появления различных видов оленеводства, а также моделированию способов, какими произошло первоначальное приручение северного оленя, посвящена обширная литература. Достаточно полную ее характеристику содержат работы С. И. Вайнштейна [1970; 1971; 1972: 99—125]. На основе имеющихся археологических и этнографических материалов, фольклорных и письменных источников сложение и развитие оленеводства в тундровой зоне Европы, Западной и Средней Сибири рассматривалось и нами [Хлобыстин, Грачева, 1974]. Однако в исследованиях И. И. Крупника [1975; 1976], также посвященных тундровому оленеводству, при положительной оценке предложенного экологического подхода к проблеме сложения оленеводства в тундре не вполне точно переданы высказанные нами [Хлобыстин, Грачева, 1974] принципы решения данного вопроса, и, очевидно, есть необходимость вновь остановиться на некоторых аспектах этой проблемы.

В настоящее время наибольшее распространение получила гипотеза о саяно-алтайском центре возникновения оленеводства [Laufer, 1917; Hatt,

1919; Богораз, 1933; Скалон, 1956].[2] В качестве археологического источника, свидетельствующего о разведении домашних северных оленей тагарским или таштыкским населением Южной Сибири, используются изображения на Большой Боярской, Майдашенской и Тепсейской писаницах [Кызласов, 1952; 1960: 184; Дэвлет, 1976]. Однако против интерпретации одной из композиций на Большой Боярской писанице как изображения стада домашних оленей, подгоняемых к поселку пастухами, с вескими доводами выступила Н. М. Ермолова [1979: 135], по мнению которой, эта композиция является сценой загонной охоты на косуль. Менее спорными свидетельствами раннего появления оленеводства в Южной Сибири являются скульптуры оленей с изображением узды, найденные в склепах таштыкской культуры, которые датируются первыми веками нашей эры [Кызласов, 1952; 1960: 132—134, 183, 184]. Согласно теории И. Э. Фишера и М. А. Кастрена, поддержанной рядом современных авторов, самодийские предки ненцев, энцев, нганасан и селькупов пришли на Север Сибири из Саянского нагорья, а вместе с ними туда проникло и лесное вьючно-верховое оленеводство. Как полагает Л. В. Хомич [1966: 37], начало продвижения самодийских племен на север началось в I—II вв. н. э., оно имело несколько волн и продолжалось до конца I тыс. н. э. Путем, по которому могли распространиться на Западную Сибирь самодийцы-оленеводы, могло быть только Томско-Чулымское междуречье, поскольку к западу и востоку от него расположены степные пространства, где нет условий для существования северных оленей. Но и пригодность самого Томско-Чулымского междуречья для перекочевок оленьих стад вызывает большие сомнения.

Существует и другая, основанная на археологических материалах и поддержанная рядом авторов концепция, согласно которой уже в неолите в лесных районах Западной Сибири образовался самодийский этнокультурный массив [Окладников, 1948; 1957; Чернецов, 1963; 1969; Косарев, 1964; 1974]. Точку зрения на принадлежность к этому массиву памятников гребенчато-ямочной керамики, существовавших в Среднем Приобье во II тыс. до н. э., разделяет и автор, полагая, что наличие гребенчато-ямочной керамики в низовьях Оби и Таза свидетельствует о первоначальном освоении Севера Западной Сибири самодийцами еще во II тыс. до н. э. [Хлобыстин, 1969б; 1979а].

В результате контактов самодийцев, заселявших южную часть Западной Сибири, со скотоводческими культурами андроновского круга на юге лесной зоны сложились гибридные культуры, к числу которых относятся сузгунская и еловская. Эти контакты могли способствовать переходу самодийцев к скотоводству и, впоследствии, к оленеводству. Передвижения скотоводческих народов (андроновцев, тагарцев и особенно тюрок) по Томско-Чулымскому междуречью должны были привести (и привели) к расчленению самодийского массива и оттеснению его части в горные районы Саян. Подобная точка зрения на появление оленеводов-самодийцев в Саянах высказана В. Н. Чернецовым [1963: 411].

Очевидно, что приведенные гипотезы находятся в противоречии, и концепция о широком распространении самодийцев в неолите и в эпоху бронзы исключает Саяны как центр распространения оленеводства.

О том, что в начале I тыс. н. э. самодийские по языку этнические группы заселяли обширные лесостепные районы на огромном пространстве от восточных отрогов Урала до Саянского нагорья, говорит в своей монографии, посвященной проблеме формирования северосамодийских народностей,

[2] Подробный обзор см.: Вайнштейн, 1970; 1971; 1972.

В. И. Васильев, который разделяет процесс проникновения самодийцев на север на три этапа. Ранний из них он датирует II—IV вв. н. э. и связывает его с появлением в тундровом регионе предков ненцев, а два последующих, относящихся, соответственно, к IX и XIII вв., — с проникновением предков лесных ненцев и энцев [Васильев, 1979: 224].

Оленеводство, принесенное на Север самодийцами, все исследователи считают вьючно-верховым, однако можно предполагать, что им было известно и санное оленеводство. Так, на одной из писаниц Южной Сибири (Уйбат, Кызыл-Хая) есть изображение лошади, запряженной в сани, напоминающие по своему устройству нарты [Савенков, 1910: табл. VIII; Дэвлет, 1976: табл. XIV]. Рядом имеются изображения котлов «скифского типа» на высоком поддоне, по-видимому, связанные с изображением саней, что позволяет датировать всю композицию тагарско-таштыкским временем. У охотников Европейского Севера, Зауралья и, вероятно, Западной Сибири существовали одно- и двухполозные сани, остатки которых найдены в торфяниках. Самые ранние из них относятся к эпохе мезолита, другие — к неолиту и бронзовому веку. Обломки двухполозных саней с прямыми копыльями обнаружены в нижнем слое 6-го разреза Горбуновского торфяника и в Шигирском [Эдинг, 1929: рис. 1: 7].[3] Конструкция таких саней могла быть использована для нарт, влекомых собаками или оленями. Бесспорным существованием транспортного собаководства в Западно-Сибирском Заполярье в конце I тыс. до н. э. являются сложные по устройству части собачьей упряжи и скульптурное изображение собаки с надетым на нее постромком, имеющиеся в коллекции с Усть-Полуйского городища [Мошинская, 1953: 84, 101, табл. VI]. В условиях сибирских тундр оленеводство более выгодно по сравнению с собаководством, что и сказалось на локальном развитии последнего, сохранив за собакой ее основную роль — помощника оленевода и охотника. Таким образом, у народов Севера имелись навыки устройства саней и упряжи, которые могли быть использованы самодийцами при переходе к санному оленеводству.

Ко времени прихода самодийцев, если принять дату, которую предлагает В. И. Васильев, у обитателей Крайнего Севера уже было примитивное оленеводство, с чем согласен этот исследователь [Васильев, 1979: 62, 65]. Среди находок, полученных при раскопках в Усть-Полуе и датируемых последними веками I тыс. до н. э., имеются костяные оленьи наголовники, интерпретируемые как наголовники для оленя-манщика [Мошинская, 1953: 78—80, табл. IV]. Многочисленные этнографические и фольклорные материалы, собранные среди нганасан, энцев, енисейских ненцев и саамов, свидетельствуют о широком распространении охоты на дикого оленя с помощью прирученного оленя-манщика. Некоторые данные позволяют говорить, что этот способ охоты использовался до появления стадного тундрового оленеводства. То, что он был выработан арктическими охотниками на северного оленя, удачно показано Ю. Б. Симченко [1976: 96—101]. О возникновении оленеводства в приполярных районах независимо от влияния самодийцев Саянского нагорья свидетельствует наличие оленьих стад и оленей-манщиков у саамов, о чем рассказывал английскому королю Алфреду Великому норманн Отер (Оттар), уже в IX в. н. э., до того времени, когда самодийцы могли войти с ними в контакт [Норденшельд, 1881: 48]. Однако можно предполагать, что скотоводческие навыки были привнесены на Север Западной Сибири еще в эпоху поздней бронзы, при распространении сюда культур из бассейна Средней Оби, и это могло послужить причиной раннего

[3] Хранятся в Свердловском краеведческом музее.

развития оленеводства. Тем не менее наиболее вероятным путем формирования таких навыков является приручение оленят для использования их впоследствии в качестве оленей-манщиков, а также для транспортировки грузов на корытообразных волокушах или легких лодках, которые со временем могли превратиться в сани типа саамской кережи.

Итак, к I тыс. н. э. на Севере Западной Сибири уже существовали выработанные аборигенным населением некоторые компоненты, которые вошли затем в культуру санного оленеводства, созданного северными самодийцами. Самодийцы, проникшие в высокие широты, дополнили их навыками стадного содержания оленей. В условиях лесотундры, при наличии открытых ровных пространств, где сильнее проявляется стадный рефлекс оленей и увеличивается их подвижность [Баскин, 1970: 52, 53], появилась возможность укрупнения стад и, одновременно, потребность в их окарауливании. При этом возросла роль собаки как помощника пастуха, а для последнего возникла потребность в транспорте, в результате чего в равнинных условиях осуществился переход к санному окарауливанию стад с использованием ездовых оленей. Необходимость постоянного пребывания пастуха при стаде была одной из причин увеличения численности коллектива оленеводов. Таким образом, в условиях лесотундры была подготовлена почва для самодийского типа оленеводства, однако характерные для него сезонные кочевки возникли после выхода оленеводов на просторы тундры.

Развитие тундрового оленеводства было обусловлено причинами как исторического, так и экологического характера. Деградация лесной растительности в Арктике в результате начавшегося изменения климата привела к началу II тыс. до н. э. к оформлению тундровой зоны в том виде, в котором она есть сейчас. Ее расширение способствовало созданию тундровых популяций северного оленя и росту их поголовья. Однако позже, в период от начала нашей эры до рубежа I—II тыс. н. э., наблюдались потепления, связанные с повышением зимних температур и влажности климата, что влекло за собой увеличение мощности снегового покрова и частые гололеды. Поскольку для оленя неблагоприятен снеговой покров мощнее 0.5 м [Баскин, 1970: 84, 92], эти изменения затрудняли тундровым оленям доступ к корму, что, вероятно, приводило к уменьшению их численности. Изменения климата в меньшей степени повлияли на поголовье оленей, обитавших в лесах и лесотундре, где в это время складывались основные принципы самодийского оленеводства. Популяции дикого и домашнего оленей, будучи пищевыми конкурентами, находятся во многом в антагонистических отношениях, и эта проблема является достаточно острой [Дикий северный олень, 1975]. Уменьшение поголовья диких оленей в тундровой зоне создало возможность для захвата их пастбищ стадами, принадлежавшими оленеводам, выход которых в тундру был облегчен отсутствием или серьезным ослаблением угрозы захвата домашних оленей дикими во время гона. По-видимому, они вошли в тундру с небольшими стадами оленей, использовавшихся в основном для транспортных целей и охоты за дикими. Такое промысловое и транспортное оленеводство, являющееся наиболее ранним его видом, невозможно относить к производящим типам хозяйства. Оленей, употреблявшихся в качестве манщиков или как ездовых, использовали в пищу только в случае крайних голодовок [Лаптев, 1851: 44]. Домашние олени в данном случае были, скорее, не продуктом потребления, а средством производства. К производящему типу хозяйства, на наш взгляд, можно относить тундровое оленеводство, достигшее такого уровня, когда оно может давать сравнительно надежный постоянный продукт потребления.

Вклинившись в среду аборигенного тундрового населения, самодийцы, к числу которых мы относим носителей вожпайской культуры, вероятно, пер-

воначально восприняли частично местные способы охоты и перешли на миграционное кочевание за стадами дикого оленя, используя своих домашних в качестве транспортных животных. При этом кормовая база тундры, оказавшаяся в их распоряжении, способствовала интенсивному росту поголовья домашних оленей, стада которых постепенно заняли пастбищные угодья, принадлежавшие диким. Изменение породы лесных оленей, оказавшихся в новых для них условиях, могло происходить как в результате скрещивания с оленями местной породы, так и, возможно, в результате изменения экстерьера оленей под влиянием новых экологических условий.

Отдельные хозяйственные коллективы, вышедшие со стадами северных оленей в тундру, состояли из относительно большого числа людей. У аборигенного охотничьего населения существовали, напротив, очень небольшие коллективы, объединявшиеся в многочисленные группы, судя по таймырским материалам, только на время поколок оленей. Очевидно, что прищельцы, представлявшие собой крупные объединения с транспортным оленеводством, имели заметное преимущество перед разрозненными аборигенами и легко могли их подавить. Однако отношения их носили двойственный характер. С одной стороны, они были враждебными, с другой — вынуждали вступать в хозяйственные и родственные связи, что вело к ассимиляции местного населения под влиянием более развитой экономики оленных самодийцев и дальнейшему распространению и развитию стадного оленеводства.

О включении в состав самодийцев досамодийского населения тундры писали неоднократно.[4] Находка В. Н. Чернецовым следов аборигенной приморской культуры близ мыса Хаэн-Сале на п-ове Ямал, датируемых XVI в., и записки П. Ламартиньера, относящиеся к середине XVII в. [Чернецов, 1935; Мартиньер, 1912], свидетельствуют, что процесс ассимиляции приморского населения ненцами продолжался несколько столетий, хотя, согласно последним исследованиям, ненцы проникли в Европейское Заполярье уже на рубеже I—II тыс. н. э. По-видимому, ассимиляции в первую очередь подверглись охотники тундры, хозяйство которых было тесно связано с судьбами северного оленя. Заимствование ими стадного оленеводства от самоедов — предков ненцев и энцев, а с ним их языка и культуры, свидетельствует о доминантной роли более развитого хозяйства, распространение которого в иногенетическую среду с присваивающей экономикой в условиях первобытного общества, как правило, приводило и к культурной, и к этнической ассимиляции.

На Таймыре предки западных нганасан, первыми столкнувшиеся с самоедами, гораздо раньше восточных стали обладателями домашних оленей, в частности, благодаря родственным связям с енисейскими ненцами-оленеводами, и в начале столетия имели более многочисленные стада, чем восточные.

Сохранение на территории Таймыра стад диких оленей давало нганасанам возможность использовать домашних в основном как средство передвижения. Имевшие много оленей могли охотиться в отдаленных, но богатых промысловых угодьях [Попов, 1948: 68]. По данным А. А. Попова, на 1938 г. нганасанское хозяйство, владевшее 50 животными, считалось бедным, так как с трудом обслуживало себя при кочевке [Попов, 1948: 55]. Созданные наличием диких оленей благоприятные условия для существования небольших коллективов охотников вели к сохранению у нганасан и некоторых архаичных черт общественных отношений. В то время как у ненцев уже в XVIII в. наблюдаются ярко выраженные черты отцовско-право-

---

[4] См., например: Б. О. Долгих [1952; 1970б], Л. П. Лашук [1958], Л. В. Хомич [1966], Ю. Б. Симченко [1976], В. И. Васильев [1979].

вых отношений, у нганасан в значительной степени и в начале XX в. сохранялись обычаи, восходящие ко времени охотников за диким оленем.

Возможно, что санное оленеводство проникло на Таймыр и с востока. Записанные Г. Н. Грачевой в 1972 г. предания нганасан говорят о том, что легендарные пришельцы на восточный Таймыр — «сюпся» были богатыми санными оленеводами, за которых нганасаны стремились выдавать своих дочерей. Нганасанские предания говорят, что сюпся имели крупных оленей и нарты иной конструкции, чем самодийские, — прямокопыльные с широкими полозьями.

В Европейском Заполярье в XVII в. крупнейшие ненецкие стада насчитывали до 100 голов оленей, но в XVIII в. уже появились владельцы тысячных стад [Хомич, 1966: 51]. Факты об увеличении именно в это время численности стад приводит И. И. Крупник [1976]. Сложение крупностадных хозяйств, по-видимому, произошло раньше всего в центральной зоне формирования самодийского оленеводства — у сибирских ненцев. «У богатого стадо до трех тысяч езжалых..., но кроме сих уже за множеством неизвестных ему число ненаездных оленей по тундре в стадах просто шатаются», — отметил в 70-е гг. XVIII в. В. Ф. Зуев [1947: 32]. В поисках новых пастбищ ненцы двигались по тундре на запад и восток с Севера Западной Сибири.

Увеличение оленьих стад приводило к возрастанию роли хозяина стада, сложению самостоятельных семей, дроблению первоначальных родовых объединений [Общественный строй, 1970: 181]. Большая роль хозяина стада особенно ярко отразилась в фольклоре ненцев. Хотя эти записи относятся к недавнему времени (впервые ими занялся М. А. Кастрен в 50-е гг. прошлого столетия), в устном творчестве ненцев сохранились воспоминания, относящиеся по крайней мере к XVII в. Герои преданий еще не знают огнестрельного оружия, пользуются кольчугами. В «эпических песнях ненцев» [Куприянова, 1965] упоминаются богатые и бедные сородичи; хозяин стойбища, чей чум возвышается над всеми остальными, — владелец огромного стада, нескольких жен и рабов; непрерывные войны за обладание стадами. Вокруг таких хозяев происходило объединение безоленных и малооленных сородичей, служивших пастухами и оказывавшихся в отношениях зависимости. Крупностадное оленеводство самодийского типа стало у ненцев не только основным источником существования — производящим хозяйством, но и источником богатства со всеми вытекающими последствиями.

Переход к санному оленеводству оказал влияние на многие стороны материальной культуры. Например, вместо сезонных жилищ появились перевозные чумы, исчезла керамическая посуда, верхняя одежда стала длиннее, что было удобно при езде на нартах.

Занятие стадным оленеводством, обеспечивающим жителей тундры постоянным и надежным питанием, существенно сказалось на росте населения. По данным ясачных книг XVII в., обдорских самоедов, как называли ненцев, живших в низовьях Оби, было 4670 человек [Долгих, 1960: 76], а в Европейской России численность ненцев составляла около 1400 человек [Долгих, 1970б: 22]. По переписи 1959 г. в Ямало-Ненецком округе проживало около 14 000 тундровых ненцев, а в Ненецком — около 5000 [Хомич, 1966: 19]. Таким образом, численность их выросла более чем в 3 раза. Что касается других народностей Севера Сибири, во многом оставшихся охотниками или морскими зверобоями, то можно отметить, что за это же время численность нганасан почти не изменилась (около 1 тысячи человек), число юкагиров к концу XIX в. уменьшилось в 4 раза, уменьшилась, хотя и не столь значительно, численность эскимосов и ительменов. Во многом это объясняется их ассимиляцией народами с более развитым хозяйством. Приводя данные по тунгусам, Б. О. Долгих писал: «У одного народа разные

его части, представлявшие разные хозяйственные типы, имели разную судьбу» [Долгих, 1960: 615]. По подсчетам Ю. Б. Симченко, исходившего из численности диких оленей, население Крайнего Севера до начала занятий оленеводством и морским зверобойным промыслом едва ли достигало 10 000—11 000 человек [Симченко, 1976: 84]. Сопоставление этой цифры с численностью только ненцев показывает значение перехода к оленеводству производящего типа для роста численности населения.

Рассмотрение проблемы появления и развития оленеводства на Крайнем Севере Европы, Западной и Средней Сибири показывает, что, в зависимости от экологических условий и исторических особенностей, оно в различных районах тундровой зоны достигло разного уровня развития, что позволяет выделить три варианта оленеводства, существовавшие к началу XX в.

Первый наблюдается в Таймырском Заполярье, где, наряду со стадным оленеводством самодийского типа, основные потребности удовлетворяла охота на дикого оленя.

Второй вариант охватывает тундру Западной Сибири и Крайнего Северо-Востока Европы. Для него характерно крупностадное оленеводство самодийского типа, обеспечивавшее все основные потребности в средствах существования.

К третьему варианту относится оленеводство лопарского типа, занимающее территорию Кольского п-ова. Расположенное в зоне лесотундры, оно сохранило черты лесного оленеводства, было в основном промыслово-транспортным и лишь частично дополняло присваивающее хозяйство лопарей.

Подводя итоги, можно констатировать, что уровня производящего хозяйства достигло только самодийское оленеводство ненцев, что и нашло отражение в их общественных отношениях. Оленеводство лопарей и населения Таймыра относится к начальной ступени развития такого типа хозяйства, являясь дополнением к присваивающей экономике.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Хотя климатические факторы давали возможность палеолитическим охотникам на мамонтов проникать в некоторые регионы Евразийского Приполярья и Заполярья в периоды кокоревского и таймырского потеплений (беллинга и аллереда), появление постоянного населения в Евразийском Заполярье относится к эпохе мезолита (VIII—V тыс. до н. э.) и связано с потеплением, начавшимся в раннем голоцене и вызвавшим смещение к северу границ лесной растительности, в результате чего во время климатического оптимума площади материковой тундры свелись к минимуму. Заселение заполярных территорий осуществлялось из близлежащих южных районов носителями различных культур: культур Суомусьярви и Фосна, создавших культуру Комса на Севере Скандинавии и на Кольском п-ове, волго-окских и приуральских культур, проникших на север Архангельской области, сумнагинской культуры, распространившейся в Восточно-Сибирском заполярье и на Чукотке, причем участие в освоении Крайнего Северо-Востока Азии могли принять сохранившиеся в ее южных районах остатки этнических групп, появившихся здесь еще в эпоху палеолита. Заселение Таймырского Заполярья произошло относительно поздно, в V тыс. до н. э., и связано с продвижением сюда через бассейны Оленека и Анабара носителей сумнагинской культуры. Север Западной Сибири в период мезолита и раннего неолита, вероятно, был заселен слабо из-за его значительной заболоченности в атлантический период. Мезолитическое население Заполярья послужило субстратом и приняло участие в этногенезе последующих этнических образований, вплоть до современных коренных народов Крайнего Севера.

В период неолита, главным критерием начала которого мы считаем появление керамической посуды, Заполярье неоднократно получало приток нового населения из прилегающих южных районов, приносившего с собой культурные элементы, которые усваивались аборигенным населением в результате взаимных ассимиляционных связей с пришельцами. Этногенетические процессы того же рода происходили и в эпоху металла. Основываясь на изучении археологических памятников Евразийского Заполярья, мы приходим к выводу, что «циркумполярной культуры», созданной этническим субстратом уральского происхождения, здесь не было [Хлобыстин, 1973б: 65; 1975; Гурина, Хлобыстин, 1975: 410]. Аналогичный вывод на основе анализа антропологических данных сделан В. П. Алексеевым [1975].

Археологические исследования в Таймырском Заполярье показали, что начиная с эпохи неолита эта территория стала пограничной зоной, где про-

исходили сложные процессы контактов двух различных этнокультурных регионов — западно- и восточносибирского.

В Таймырском Заполярье памятники раннего неолита связаны традициями обработки каменного инвентаря с предшествующей мезолитической культурой, и наличие на них сетчатой керамики, характерной для восточносибирского ранненеолитического региона, объясняется заимствованием обитателями Таймыра умения ее изготовлять от своих южных соседей, из Эвенкии или Якутии. Процесс перехода от мезолитического этапа развития культуры к неолитическому в данном случае соответствовал тем процессам, что происходили при сложении ранненеолитических культур более южных территорий, где навыки керамического производства распространились из нескольких первоначальных центров в среде родственных мезолитических культур большей частью не вследствие этнических перемещений, а как результат культурных заимствований.

Во II тыс. до н. э. в Таймырском Заполярье впервые появились разные по своему происхождению культуры. В это время на Таймыр из Якутии проникает белькачинская культура развитого неолита с характерной для нее шнуровой керамикой. Итогом ее влияния на местные традиции стало сложение на востоке Таймыра маймеченской культуры, в сетчатой керамике которой заметны белькачинские приемы орнаментации. Особый интерес вызывает обычай ношения губных украшений (лабреток), характерный для этнической группы, создавшей эту культуру. Украшения, аналогичные маймеченским, отмечены в позднепалеолитических материалах Камчатки и употреблялись народами Севера Тихоокеанского побережья. Эти украшения свидетельствуют, что подобный обычай, по-видимому, существовал у мезолитического, а может быть, и у палеолитического населения Восточной Сибири, вместе с которым попал и на Таймыр, и на Тихоокеанский Север. В конце III тыс. до н. э. на западную часть Таймыра распространилась из Эвенкии связанная своим генезисом с культурами Западной Сибири культура с керамикой, украшенной орнаментом линейно-накольчатого типа. Ее появление в приенисейских районах является одним из проявлений процесса распространения западносибирских культур к востоку по правобережным притокам этой великой сибирской реки — в том числе и по Ангаре в Прибайкалье, что привело здесь к появлению культур нового облика. За распространением западносибирских культурных традиций, возможно, стоит продвижение этнических групп урало-сибирской общности, возможно, древнейших самодийцев.

Во II тыс. до н. э. большую часть Восточной Сибири охватила ымыяхтахская культурная общность, главным признаком которой является вафельная керамика. В последней четверти этого тысячелетия носители ее проникли на Таймыр, где образуется вариант ымыяхтахской культурной общности, включивший в себя, по-видимому, часть аборигенного населения полуострова. Наличие на Таймыре месторождений меди, а на р. Индигирке — олова, дало возможность таймырским и нижнеленским ымыяхтахцам в XII в. до н. э. начать изготовление бронзовых изделий. Центром, откуда через Эвенкию и, возможно, западные районы Якутии проникли в Таймырское и Якутское Заполярье знания и навыки металлургии бронзы, было Прибайкалье. Ымыяхтахское население восточной области распространения культуры могло оставаться на позднеолитическом уровне развития. Через территорию Таймыра носители вафельной керамики продвинулись по зоне тундры и лесотундры на запад вплоть до Скандинавии. Свидетельством их продвижения являются находки вафельной керамики на юге п-ова Ямал, в Большеземельской тундре, на Кольском п-ове, на севере Финляндии и Атлантического побережья Норвегии, относящиеся в концу II—началу I тыс.

до н. э. Проникновение культуры вафельной керамики происходило и на восток, на Чукотку и даже Аляску. Культуру вафельной керамики можно считать единственной широко распространившейся в циркумполярной зоне. При своих передвижениях носители ее вступали в контакты с местным населением, что могло приводить, наряду с конвергенцией, к появлению общих элементов в культурах различных этнических групп.

Одна из них, с которой столкнулись ымыяхтахцы Таймыра при движении на запад, принадлежала потомкам носителей байкитской культуры, обитавшим на р. Пясине. В результате их контактов здесь в первой половине I тыс. до н. э. складывается пясинская культура, в керамике которой сочетаются черты вафельной, байкитской и других типов западносибирской керамики. Ассимилятивные связи носителей ымыяхтахской культуры с носителями западносибирских традиций привели, вероятнее всего, к образованию этнических групп древней юкагирской общности, что позволяет считать часть ымыяхтахцев предками юкагиров. Поскольку названия меди в юкагирском и самодийских языках однокорневые, а названия железа различны, то прекращение контактов между самодийской и юкагирской общностями можно относить ко времени, предшествующему широкому распространению железа в культурах Восточной Сибири, т. е. примерно к рубежу нашей эры, что, возможно, связано с внедрением между ними кетских этнических групп.

Под явным западносибирским влиянием в пясинской культуре получило дальнейшее развитие и достигло высокого уровня металлургическое производство. На памятнике этой культуры сделана древнейшая в Заполярье находка железного орудия, что позволяет относить пясинскую культуру к началу железного века. Достигло высокого уровня производство бронзовых изделий, которое обеспечивалось как местным, так и импортным сырьем. Представляется возможным на основе изучения ымыяхтахских и пясинской бронзолитейных мастерских выделить таймырскую горнометаллургическую область с таймыро-якутским и пясинским очагами металлообработки. Однако бронзолитейное производство не получило на Таймыре дальнейшего развития вследствие господства здесь присваивающей экономики.

Прямой наследницей пясинской культуры на западе Таймыра стала малокорennинская, датируемая концом I тыс. до н. э.—первыми веками I тыс. н. э. Параллельно с памятниками пясинской линии развития культур железного века существовали памятники усть-чернинского типа, унаследовавшие традиции ымыяхтахской культуры. Для I—начала II тыс. н. э. в Таймырском Заполярье выделяются группы памятников с различными типами керамики, имеющими восточносибирские традиции изготовления и орнаментации, — тагенарским, первым и вторым бояркинским, усть-половинкинским. Последний тип тонкостенной керамики, украшенной рядами тонких налепных валиков, датируется в пределах X—XII вв. н. э. и является самым поздним типом керамики на Таймыре. В последующие века изготовление керамической посуды в Таймырском Заполярье, как и во многих других частях Сибири, прекратилось в связи с распространением металлической посуды. Выделенные в Таймырском Заполярье типы керамики I—II тыс. н. э. сходны с посудой, обнаруженной на памятниках железного века Якутии. Значительное подобие наблюдается между вторым бояркинским и сиктяхским, тагенарским и сангарским, усть-половинкинским и чебедальским типами керамики Таймыра и Якутии, а также Эвенкии. По-видимому, на основе этих наблюдений можно говорить о существовании в Восточной Сибири различных этнических групп населения, имевших разное происхождение. Сангарский и сиктяхский типы с гребенчато-ямочной орнаментацией, вероятно, сохранили традиции, привнесенные из Западной Сибири, что позволяет считать их изготовителей входившими в юкагирскую этнокультур-

ную общность. Чебедальский же тип керамики, украшенной тонкими налепными валиками, так же как и аналогичная ему посуда из Прибайкалья, имеет традиции, связывающие его с приамурскими областями и Забайкальем, откуда, видимо, происходило расселение носителей этих традиций по Восточной Сибири. Представляется возможным считать последних древними тунгусами. Появление бояркинского и усть-половинкинского типов керамики в Таймырском Заполярье, таким образом, можно рассматривать как свидетельства проникновения туда групп древних юкагиров и тунгусов. Очевидно, самодийский, близкий юкагирскому, элемент присутствовал и в пясинской, а также в сменившей ее малокорennинской культуре.

На рубеже IX—X вв. н. э. на западе Таймыра появляется новое население, принесшее с собой культуру особого типа, названную вожпайской. Памятники вожпайского типа выявлены в Западной Сибири, в бассейне Средней Оби, откуда носители вожпайской культуры по междуречью Оби и Енисея проникли в высокие широты, распространившись от Западного Таймыра до Оби и, что вероятно, Нижней Печоры. Поскольку письменные источники отмечают в XI в. на Севере Западной Сибири самоедов, то есть все основания видеть в носителях указанной культуры предков ненцев и энцев. Расселение вожпайцев является одной из заключительных волн продвижения самодийцев в Заполярье. С первой волной следует связывать памятники кольсовского (тазовского) типа конца II—первой половины I тыс. до н. э., обнаруженные в низовьях Оби и Таза и близкие к кругу гребенчато-ямочных культур Среднего Приобья и сопоставляемые рядом исследователей с древними самодийцами. Проникновение вожпайской культуры на Таймыр следует рассматривать как начало процесса проникновения сюда части самодийцев, которая участвовала в качестве важного компонента в этногенезе современных нганасан. Распространение в XII—XIII вв. на Таймыре керамики усть-половинкинского типа служит свидетельством увеличения доли тунгусского компонента в культуре аборигенного населения. Хотя таймырские памятники и не содержат такого важного для установления этногенетических связей показателя, как керамика, представляется возможным сопоставлять выявленный на основе археологических изысканий процесс развития древних культур с выводами этнографов касательно происхождения тех этнических объединений, которые зафиксированы письменными источниками XVII—XVIII вв. и которые приняли непосредственное участие в формировании нганасан. При таком сопоставлении обнаруживается тождественность выводов, полученных по данным различного типа. Так, с вожпайской культурой может быть связано происхождение «кураков» и «пясидской самояди», а с усть-половинкинской — происхождение других этнических групп, говоривших на тунгусском языке. С тавгами и тидирисами сопоставляется автохтонная линия развития культур, и в число их предков включаются носители усть-чернинской, пясинской и маймеченской культур. Таким образом, нганасаны, несмотря на сложность их этногенеза, являются прямыми потомками древнейшего, мезолитического населения Таймыра.

На протяжении всей своей древней истории обитатели Таймыра оставались охотниками на северного оленя. Образ их жизни и хозяйствования обусловливал существование небольших коллективов, за которыми можно предполагать малые семьи. Будучи рассеяны на большой территории, эти группы, по-видимому, вступали в брачные и временные хозяйственные связи. В результате таких контактов на определенной территории складывались своеобразные социальные организмы, представлявшие собой подобия народностей, которые могут быть названы этноидами. Такой образ жизни сохранялся до появления производящего хозяйства, представленного на Тай-

мыре большестадным оленеводством самодийского типа и вызвавшего образование большесемейных коллективов.

Археологическое изучение Евразийской Арктики, раскрывающее еще одну из неизвестных страниц человеческой истории, связанную с освоением северной периферии ойкумены, уже на современном этапе исследований показывает, что древние народы циркумполярной зоны не только не были оторваны от культурно-исторических процессов, охватывавших южные территории, но и внесли определенный вклад в развитие общечеловеческой культуры. Этими народами еще на первых этапах освоения суровых пространств Крайнего Севера были созданы культуры, максимально соответствующие экстремальным условиям существования. Последующее культурное развитие происходило на основе достижений аборигенной адаптации, чем и объясняется определенный внешний консерватизм арктических культур.

Таковы те исторические выводы, к которым мы пришли на основе изучения археологических материалов Евразийского Заполярья, среди которых важное место занимают многочисленные памятники Таймыра.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1

Результаты химического анализа образцов бронзы из различных стоянок, полученные в Лаборатории археологической технологии ИИМК РАН (С.-Петербург)

Стоянка	№	образец	Cu	Ni	Co	Sn	Bi	Pb	Zn	As	Sb	Ag
Абылаах I	1	кельт	92	0.02	—	7	+	0.07	—	—	—	+
	2	королек	93	+	—	6.0	0.02	0.1	—	—	0.02	0.05
	3	королек	97	+	—	2.5	+	0.1	—	—	0.01-?	0.035
	4	королек	97	+	—	2.5	+	0.1	—	—	0.01-?	0.05
Усть-Половинка, раскоп I	5	украшение	97	1.0	0.01	0.1	0.01	0.01	0.05	0.75	0.3	0.002
	6	наконечник стрелы	94	1.2	—	0.01	0.3	0.2	—	3.0	0.5	0.1
	7	рукоять ножа	93	1.5	—	1.0	0.14	0.2	0.02	2.0	0.6	0.08
	8	шило	97	0.25	—	0.2	0.4	0.15	—	1.7	0.5	0.1
	9	накладка на полоз	97	0.02	—	0.01	0.01	0.1	—	1.3	1.0	0.06
Усть-Половинка, раскоп V	10	королек	96	0.08	—	0.02	0.05	0.12	0.05	1.7	1.0	0.04
	11	королек	96	0.6	—	0.01	+	0.05	0.01?	1.0	0.2	0.002
	12	королек	97	0.1	—	0.02	0.05	0.15	—	1.0	0.7	0.15
	13	королек	98	0.06	—	0.2	0.01	0.2	—	0.75	0.3	0.06
	14	королек	93	0.07	0.01	5.0	0.04	0.2	—	1.0	0.35	0.03
Малая Коренная I	15	королек	74	+	—	25.0	0.01	0.1	—	0.3	0.05	0.05
	16	королек	96	0.25	—	1.0	0.3	0.5	—	1.2	0.2	0.1
	17	королек	97	0.12	—	0.05	0.2	0.12	—	1.3	0.3	0.05
	18	королек	97	0.5	—	0.01	0.3	0.3	—	1.5	0.3	0.04
	19	королек	99	+?	—	+?	+?	0.02	0.01?	—	—	—?
	20	королек	93	0.05	—	0.01	0.7	2.0	—	3.0	0.7	0.11

Таблица 2

Результаты спектрального анализа археологических бронз и образцов таймырских медных руд, полученные в лаборатории ИГЕМ РАН (Москва)*

Тип образца	Cu	Ni	Co	Sn	Bi	Pb	Zn	As	Sb	Ag	Au	Cr	Mo	Qa	Zr	Sr	Ba	V
Бронза																		
Стоянка Абылаах I	>8	0.02	—	5—8	0 ·	0.2	—	0.08	0.02	0.2	—	0.005	—	—	—	—	—	—
Стоянка Усть-Половинка, раскоп 1	>8	0.2	0.002	0.08	0.2	0.5	—	5	0.8	0.05	0.01	—	—	—	—	—	—	—
Стоянка Усть-Половинка, раскоп 1	>8	0.5	—	0.2	0.08	0.2	—	2—5	0.5	0.08	0.02	—	—	—	—	—	—	—
Стоянка Усть-Половинка, раскоп 2	>8	0.5	0.002	0.2	0.02	0.02	0.005	0.8	0.2	0.05	0.05	—	—	—	—	—	—	—
Самородная медь, бассейн р. Арылах																		
Мелкие зерна меди (скважина АР61)	>8	0.002	—	—	—	—	—	—	—	0.02	—	0.02	0.0002	0.002	0.005	—	0.008	0.02
Самородок	>8	0.005	—	—	—	—	—	—	—	0.05	—	—	—	—	—	—	—	—
Самородок	>8	0.005	—	0.002	—	0.8	—	—	—	0.02	—	0.02	0.0005	0.0002	0.005	—	—	—
Самородок	>8	0.02	—	—	—	—	—	—	—	0.02	—	—	—	—	—	—	—	—
Медные руды р. Сухарихи																		
Халькозин-борнитовая руда	>8	0.02	0.005	—	—	0.002	—	0.05	—	0.08	—	0.002	0.008	0.0005	0.02	—	—	—
Вкрапления халькозин-борнитов	>8	0.005	—	—	—	0.002	0.02	0.2	—	0.08	—	0.002	0.002	0.005	0.008	—	—	—
Руды Тарейской площади																		
Джаспероиды	0.02	0.005	0.005	—	—	—	0.02	0.2	0.2	—	—	0.002	0.0005	0.0005	0.005	—	0.008	0.002
Реальгар-киноварь-аурипигмент	0.008	0.008	0.002	—	—	0.002	0.02	5—8	0.02	—	—	0.002	0.002	0.0008	0.008	0.2	0.008	0.005
Реальгар-аурипигмент	0.008	—	—	—	—	—	—	>8	0.02	—	—	—	—	—	—	0.02	—	—

* Содержание элементов дано в весовых %.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамова, 1972а — *Абрамова З. А.* Новый тип орудий в палеолите Енисея // КСИА. 1972. Вып. 131. С. 82—86.

Абрамова, 1972б — *Абрамова З. А.* Галечные орудия в палеолите Енисея (опыт типологии) // МИА. 1972. № 185. С. 125—141.

Абрамова, 1979а — *Абрамова З. А.* Палеолит Енисея. Афонтовская культура. Новосибирск: Наука, 1979. 200 с., ил.

Абрамова, 1979б — *Абрамова З. А.* Палеолит Енисея. Кокоревская культура. Новосибирск: Наука, 1979. 200 с., ил.

Абсолютная геохронология, 1963 — Абсолютная геохронология четвертичного периода. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 159 с., ил., карт.

Акклиматизация человека, 1969 — *Акклиматизация человека в условиях полярных районов.* Л.: Гидрометеоиздат, 1969. 171 с.

Алексеев, 1968 — *Алексеев В. П.* Сибирь как очаг расообразования // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. М.: Наука, 1968. С. 92—108.

Алексеев, 1975 — *Алексеев В. П.* Антропологический комментарий к гипотезе циркумполярной культуры // Этногенез и этническая история народов Севера. М.: Наука, 1975. С. 249—262.

Алексеева, 1977 — *Алексеева С. И.* Географическая среда и антропология человека. М.: Мысль, 1977. 302 с., ил.

Андреев, 1963 — *Андреев Г. И.* Отчет о командировке на Подкаменную Тунгуску летом 1963 г. // Архив ИА АН СССР, Р-I, № 2970.

Андреев, 1971 — *Андреев Г. И.* Памятники I тыс. до н. э. на Подкаменной Тунгуске // КСИА. 1971. Вып. 128. С. 44—47.

Андреев, Студзицкая, 1968 — *Андреев Г. И., Студзицкая С. В.* Работы на правобережных притоках Енисея // АО 1967 г. М.: Наука, 1968. С. 152, 153.

Андреев, Студзицкая, 1969 — *Андреев Г. И., Студзицкая С. В.* Исследования в Эвенкии // АО 1968 г. М.: Наука, 1969. С. 207, 208.

Андреев, Фомин, 1964 — *Андреев Г. И., Фомин Ю. М.* Археологические разведки по среднему течению р. Подкаменная Тунгуска // КСИА. 1964. Вып. 101. С. 94—98.

Андреев, Фомин, 1966 — *Андреев Г. И., Фомин Ю. М.* Новые археологические памятники на р. Подкаменная Тунгуска // КСИА. 1966. Вып. 106. С. 106—110.

Андреева, Кинд, 1980 — *Андреева С. М., Кинд Н. В.* Вторая плейстоценовая каргинская ингрессия Полярного бассейна на Таймырском полуострове // Четвертичная геология и геоморфология. М., 1980. С. 7—10.

Анпилогов, 1972 — *Анпилогов А. В.* Мезолитические стоянки на р. Кеми // Археологические исследования в Карелии. Л.: Наука, 1972. С. 3—9.

Арутюнов, Сергеев, 1962 — *Арутюнов С. А., Сергеев Д. А.* Древнеэскимосские могильники на Чукотке // ЗЧКМ. 1962. Вып. 3. С. 13—20.

Арутюнов, Сергеев, 1969 — *Арутюнов С. А., Сергеев Д. А.* Древние культуры азиатских эскимосов (Уэленский могильник). М.: Наука, 1969. 206 с., ил.

Арутюнов, Сергеев, 1975 — *Арутюнов С. А., Сергеев Д. А.* Проблемы этнической истории Берингоморья (Эквенский могильник). М.: Наука, 1975. 240 с., ил.

Астахов, 1973 — *Астахов С. Н.* Палеолит Енисея и проблема происхождения так называемого эпиграветта Северной Америки // Берингийская суша и ее значение для развития голарктических флор и фаун в кайнозое. Хабаровск: Хабаровское кн. изд-во, 1973. С. 194—196.

Бадер, 1961 — *Бадер О. Н.* Основные итоги и задачи изучения истории Урала в эпоху камня и бронзы // ВАУ. 1961. Вып. 1. С. 11—22.

Бадер, 1964 — *Бадер О. Н.* Древнейшие металлурги Приуралья. М.: Наука, 1964. 176 с., ил.

Бадер, 1966 — *Бадер О. Н.* Мезолит лесного Приуралья и некоторые общие вопросы изучения мезолита // МИА. 1966. № 126. С. 194—205.

Бадер, 1970 — *Бадер О. Н.* Уральский неолит // МИА. 1970. № 166. С. 157—171.

Бадер, 1975 — *Бадер О. Н.* Палеолитическая гравировка из Индигирского Заполярья // Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1975. С. 30—33.

Баскин, 1970 — *Баскин Л. М.* Северный олень. Экология и поведение. М.: Наука, 1970. 151 с., ил.

Беляева, 1967 — *Беляева А. В.* Древние погребения на Охотском побережье // Тр. СВКНИИ. М.: Наука, 1967. Вып. 17. С. 80—84.

Бердовская и др., 1968 — *Бердовская Г. Н., Гей Н. А., Макеев В. М.* Палеогеография северо-восточного Таймыра в четвертичное время // Кайнозойская история Полярного бассейна и ее влияние на развитие ландшафтов северных территорий. Л.: Наука, 1968. С. 17, 18.

Береговая, 1967 — *Береговая Н. А.* Древнейшие культурные традиции Американской Арктики и их связи с Северо-Востоком Сибири (по раскопкам 1955—1964 гг.) // Тр. СВКНИИ. М.: Наука, 1967. Вып. 17. С. 85—102.

Богораз-Тан, 1933 — *Богораз-Тан В. Г.* Оленеводство. Возникновение. Развитие. Перспективы // Проблема происхождения домашних животных. Л.: Изд-во АН СССР, 1933. Вып. 1. С. 219—251.

Борисов, 1975 — *Борисов А. А.* Климаты СССР в прошлом, настоящем и будущем. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1975. 432 с., карт.

Борисов, 1968 — *Борисов П. М.* Опыт реконструкции ледяного покрова Полярного бассейна в позднe- и послеледниковое время // Кайнозойская история Полярного бассейна и ее влияние на развитие ландшафтов северных территорий. Л.: Наука, 1968. С. 19—21.

Бурилов, 1975 — *Бурилов В. В.* К археологии Средней Ангары (по материалам раскопок в зоне затопления Усть-Илимской ГЭС) // Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск.: Наука, 1975. С. 80—86.

Буров, 1961 — *Буров Г. М.* Стоянки с микролитическим инвентарем на р. Вычегде // СА. 1961. № 1. С. 247—255.

Буров, 1965 — *Буров Г. М.* Вычегодский край. Очерки древней истории. М.: Наука, 1965. 197 с., ил.

Буров, 1967 — *Буров Г. М.* Древний Синдор. М.: Наука, 1967. 120 с., ил.

Буров, 1974 — *Буров Г. М.* Археологические культуры Севера Европейской части СССР (*Северодвинский край*). Ульяновск: *Ульяновское кн.* изд-во, 1974. 120 с., ил.

Вайнштейн, 1970 — *Вайнштейн С. И.* Проблема происхождения оленеводства в Евразии (I. Саянский очаг одомашнивания оленя) // СЭ. 1970. № 6. С. 3—14.

Вайнштейн, 1971 — *Вайнштейн С. И.* Проблема происхождения оленеводства в Евразии (II. Роль Саянского очага одомашнивания оленя в распространении оленеводства) // СЭ. 1970. № 5. С. 37—52.

Вайнштейн, 1972 — *Вайнштейн С. И.* Историческая этнография тувинцев. Проблемы кочевого хозяйства. М.: Наука, 1972. 314 с., ил.

Ванкина и др., 1973 — *Ванкина Л. В., Загорскис Ф. А., Лозе И. А.* Неолитические племена Латвии // МИА. 1973. № 172. С. 210—217.

Васильев, 1962 — *Васильев В. И.* Система оленеводства лесных энцев и ее происхождение // КСИЭ. 1962. Вып. 37. С. 67—75.

Васильев, 1979 — *Васильев В. И.* Проблемы формирования северосамодийских народностей. М.: Наука, 1979. 243 с.

Васильевский, 1971 — *Васильевский Р. С.* Происхождение и древняя культура коряков. Новосибирск: Наука, 1971. 251 с., ил.

Васильевский, 1973 — *Васильевский Р. С.* Древние культуры Тихоокеанского Севера. Новосибирск: Наука, 1973. 267 с., ил.

Вдовин, 1971 — *Вдовин И. С.* Жертвенные места коряков и их историко-этнографическое значение // Сб. МАЭ. 1971. Вып. 27. С. 275—299.

Верещагин, 1979 — *Верещагин Н. К.* Почему вымерли мамонты. Л.: Наука, 1979. 195 с., ил.

Верещагин, Мочанов 1972 — *Верещагин Н. К., Мочанов Ю. А.* Самые северные в мире следы верхнего палеолита (Берелехское местонахождение в низовьях Индигирки) // СА. 1972. № 3. С. 332—336.

Верещагина, 1973 — *Верещагина И. В.* Памятники с мезолитическим инвентарем Большеземельской тундры // МАЕСВ. 1973. Вып. 5. С. 3—21.

Викторова, 1968 — *Викторова В. Д.* Памятники лесного Зауралья в X—XIII вв. н. э. // Уз. ПГУ. 1968. № 191. С. 240—256.

Викторова, 1970 — *Викторова В. Д.* Этапы развития фигурно-штампованной орнаментации на сосудах памятников бассейна р. Тавды // *Проблемы хронологии* и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1970. С. 254—270.

Геллер, Боржнов, 1975 — *Геллер М. Х., Боржнов Б. Б.* Миграции и сезонное размещение диких северных оленей таймырской популяции // Дикий северный олень в СССР. М.: Сов. Россия, 1975. С. 80—88.

Генералов, 1979а — *Генералов А. Г.* Неолитическая керамика многослойного поселения Казачка // КСИА. 1979. Вып. 157. С. 43—47.

Генералов, 1979б — *Генералов А. Г.* Неолитические комплексы многослойного поселения Казачка и их значение для изучения неолита Красноярско-Канской лесостепи: Автореф. канд. дисс. Л., 1979. 21 с.

Геннинг и др., 1973 — *Геннинг В. Ф., Петрин В. Т., Косинская Л. Л.* Первые поселения эпохи палеолита и мезолита в Западной Сибири // ИИС. 1973. Вып. 5. С. 24—47.

Глушинский, Хлобыстин, 1966 — *Глушинский П. И., Хлобыстин Л. П.* Буолкалаах — новая стоянка древнего человека на Крайнем Севере Сибири // МИС. 1966. Вып. 2. С. 151—159.

Горюнова, 1978 — *Горюнова О. И.* Ранние комплексы многослойного поселения Итырхей // ДИНЮВС. 1978. Вып. 4. С. 70—89.

Гохман, 1961 — *Гохман И. И.* Древний череп с Чукотки // ЗЧКМ. 1961. Вып. 2. С. 14—18.

Грачева, 1972 — *Грачева Г. Н.* Представления о душе у авамских нганасан. Итоги полевых работ ИЭ АН СССР. М., 1972. Ч. 1. С. 128—138.

Грачева, 1977 — *Грачева Г. Н.* Традиционные культы нганасан // Сб. МАЭ. 1977. Вып. 33. С. 218—228.

Грачева, 1979 — *Грачева Г. Н.* К книге Д. К. Зеленина „Культ онгонов в Сибири" // Проблемы славянской этнографии. Л.: Наука, 1979. С. 193—204.

Гришин, 1960 — *Гришин Ю. С.* Производство в тагарскую эпоху // МИА. 1960. № 90. С. 116—206.

Громов, 1972 — *Громов В. И.* С натуры — но не с живой! // Природа. 1972. № 9. С. 126.

Гуляев и др., 1976 — *Гуляев В. М., Кононова Т. Н., Кубенко Н. В., Медведев Г. И., Стрелова Е. А.* Раскопки многослойной стоянки Стрижова Гора в долине р. Кан // АО 1975 г. М.: Наука, 1976. С. 231.

Гурвич, 1966 — *Гурвич И. С.* Этническая история Северо-Востока Сибири // Тр. ИЭ. Н. с. 1966. Т. 89. 276 с., карт.

Гурвич, 1977 — *Гурвич И. С.* Культура северных якутов-оленеводов. К вопросу о поздних этапах формирования якутского народа. М.: Наука, 1977. 247 с., ил.

Гурвич, Симченко, 1980 — *Гурвич И. С., Симченко Ю. Б.* Этногенез юкагиров // Этногенез народов Севера. М.: Наука, 1980. С. 141—151.

Гурина, 1953 — *Гурина Н. Н.* Памятники эпохи раннего металла на северном побережье Кольского п-ва // МИА. 1953. № 39. С. 347—407.

Гурина, 1964 — *Гурина Н. Н.* Работы неолитического отряда Красноярской экспедиции // КСИА. 1964. Вып. 97. С. 88—97.

Гурина, 1971 — *Гурина Н. Н.* Новые исследования в северо-западной части Кольского п-ва // КСИА. 1971. Вып. 126. С. 94—99.

Гурина, 1973а — *Гурина Н. Н.* Древние памятники Кольского п-ва // МИА. 1973. № 172. С. 45—53.

Гурина, 1973б — *Гурина Н. Н.* Некоторын данные новых исследований в Европейском Заполярье // КСИА. 1973. Вып. 137. С. 80—88.

Гурина, 1977а — *Гурина Н. Н.* К вопросу о некоторых общих и особенных чертах мезолита лесной и лесостепной зон Европейской части СССР // КСИА. 1977. Вып. 149. С. 20—30.

Гурина, 1977б — *Гурина Н. Н.* Новые исследования древней истории Кольского п-ва // Природа и хозяйство Севера. Апатиты, 1977. Вып. 6. С. 3—14.

Гурина и др., 1974 — *Гурина Н. Н., Кошечкин Б. И., Стрелков С. А.* Первобытные культуры и эволюция экологической обстановки в верхнем плейстоцене и голоцене на побережье Европейской Арктики // Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене. М.: Наука, 1974. С. 231—235.

Гурина, Хлобыстин, 1975 — *Гурина Н. Н., Хлобыстин Л. П.* Заселение Арктики // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник 1974 г. М.: Наука, 1975. С. 404—411.

Дебец, 1930 — *Дебец Г. Ф.* Опыт выделения культурных комплексов в неолите Прибайкалья (палеоэтнологический этюд) // Изв. Ассоциации НИИ физ.-мат. факультета I МГУ. 1930. Т. 3, № 2-А. С. 151—169.

Дикий северный олень, 1975 — Дикий северный олень в СССР. М.: Сов. Россия, 1975. 317 с., ил.

Диков, 1969 — *Диков Н. Н.* Древние костры Камчатки и Чукотки. Магадан: Магаданское кн. изд-во, 1969. 256 с., ил.

Диков, 1977 — *Диков Н. Н.* Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы. Азия на стыке с Америкой в древности. М.: Наука, 1977. 391 с., ил.

Диков, 1979 — *Диков Н. Н.* Древние культуры Северо-Восточной Азии. М.: Наука, 1979. 352 с., ил.

Долгих, 1952 — *Долгих Б. О.* Происхождение нганасанов // Тр. ИЭ. Н. с. 1952. Т. 18. С. 7—87.

Долгих, 1960 — *Долгих Б. О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. // Тр. ИЭ. Н. с. 1960. Т. 55. 622 с., карт.

Долгих, 1961 — *Долгих Б. О.* Мифологические сказки и исторические предания энцев // Тр. ИЭ. Н. с. 1961. Т. 66. 243 с.

Долгих, 1962 — *Долгих Б. О.* Бытовые рассказы энцев // Тр. ИЭ. Н. с. 1962. Т. 75. 244 с., ил.

Долгих, 1963 — *Долгих Б. О.* Происхождение долган // Тр. ИЭ. Н. с. 1963. Т. 84. С. 92—141.

Долгих, 1964 — *Долгих Б. О.* Проблемы этнографии и антропологии Арктики // СЭ. 1964. № 4. С. 76—90.

Долгих, 1970а — *Долгих Б. О.* Вступительное слово // Тр. VII МКАЭН. Москва. М.: Наука, 1970. Т. 10. С. 447—460.

Долгих, 1970б — *Долгих Б. О.* Очерки по этнической истории энцев и ненцев. М.: Наука, 1970. 269 с., карт.

Долгих, 1974 — *Долгих Б. О.* К вопросу о соотношении большой и малой семьи у народов Севера в прошлом // Социальная организация и культура народов Севера. М.: Наука, 1974. С. 21—57.

Долгих, 1976 — Мифологические сказки и исторические предания нганасан / Сост. Б. О. Долгих. М.: Наука, 1976. 341 с.

Дульзон, 1962 — *Дульзон А. П.* Былое расселение кетов по данным топонимики // Вопросы географии. 1962. № 58.

Дьякова, Шавкунов, 1975 — *Дьякова О. В., Шавкунов Э.* В. Новый памятник железного века на Нижнем Амуре — городище Сикачи-Алян // СА. 1975. № 3. С. 158—171.

Дэвлет, 1976 — *Дэвлет М. А.* Большая Боярская писаница. М.: Наука, 1976. 200 с., ил.

Дюжиков, 1973 — *Дюжиков О. А.* О меденосном горизонте в траппах северных склонов Хараелахских гор // Северо-Сибирский никеленосный регион и его промышленные перспективы. Л., 1973. С. 58—64.

Дюжиков и др., 1974 — *Дюжиков О. А., Федоренко В. А., Виницкий Л. А., Волков Е. И., Киселев Ю. Н., Корнечук В. Е., Павловский В. И., Федоренко Л. В.* Проявления самородной меди в траппах Сибирской платформы (плато Хараелах) // Магматические и метаморфические комплексы Восточной Сибири // Тезисы докладов II регионального петрографического совещания. Иркутск, 1974. С. 90, 91.

Ермолова, 1966 — *Ермолова Н. М.* Материалы по фауне млекопитающих мезолитической эпохи Прибайкалья // МИА. 1966. № 126. С. 224—226.

Ермолова, 1972 — *Ермолова Н. М.* Периодизация памятников палеолита Енисея и Ангары на основании палеонтологических данных // Проблемы абсолютного датирования в археологии. М.: Наука, 1972. С. 142—146.

Ермолова, 1979 — *Ермолова Н. М.* Животные в жизни и искусстве скифов Сибири // Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства. ТД ВК. Кемерово, 1979. С. 133—136.

Журавский, 1909 — *Журавский А. В.* Результаты исследований Приполярного Запечорья в 1907 и 1908 гг. // Изв. РГО. СПб., 1909. Т. 45. С. 197—227.

Замятнин, 1960 — *Замятнин С. Н.* Некоторые вопросы изучения хозяйства в эпоху палеолита // Тр. ИЭ. Н. с. 1960. Т. 54. С. 80—108.

Земляков, 1937 — *Земляков Б. Ф.* Арктический палеолит на Севере СССР // Тр. КИЧП. 1937. Т. 5, вып. 1. С. 69—87.

Земляков, 1940 — *Земляков Б. Ф.* Арктический палеолит на Севере СССР // СА. 1940. Т. 5. С. 107—143.

Золотарева, 1962 — *Золотарева И. М.* Антропологические исследования нганасан // СЭ. 1962. № 6. С. 131—136.

Золотарева, 1968 — *Золотарева И. М.* Юкагиры (антропологический очерк) // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. М.: Наука, 1968. С. 148—177.

Золотарева, 1971 — *Золотарева И. М.* О некоторых проблемах этнической антропологии Северной Азии (в связи с работами Г. Ф. Дебеца) // СЭ. 1971. № 1. С. 36—45.

Золотарева, 1975 — *Золотарева И. М.* Антропология некоторых народов Северной Азии // Юкагиры (историко-этнографический очерк). Новосибирск: Наука, 1975. С. 97—110.

Зубков, 1948 — *Зубков А. И.* Новые данные о распространении древесной растительности на Таймырском полуострове в послеледниковое время // ДАН СССР. Н. с. 1948. Т. 61, № 4. С. 721—723.

Зуев, 1947 — *Зуев В. Ф.* Материалы по этнографии Сибири XVIII века (1771—1772) // Тр. ИЭ. Н. с. 1947. Т. 5. 96 с., ил.

Зыков, 1975 — *Зыков И. Е.* Некоторые вопросы изучения неолита Якутии // Вопросы истории и социологии народов Якутии. Якутск, 1975. С. 63—71.

Зыков, 1978 — *Зыков И. Е.* Новые данные о времени перехода от неолита к бронзовому веку в Якутии // Идейно-политическое воспитание молодежи в свете решений XXV съезда КПСС. Якутск, 1978. С. 36—38.

Зяблин, 1973 — *Зяблин Л. П.* Неолитическое поселение Унюк на Верхнем Енисее // Проблемы археологии Урала и Сибири. М.: Наука, 1973. С. 65—73.

Иванов, 1954 — *Иванов С. В.* Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX—начала XX вв. // Тр. ИЭ. Н. с. 1954. Т. 22. 838 с., ил.

Иванов, 1969 — *Иванов С. В.* Скульптура народов Севера Сибири в XIX—первой половине XX вв. Л.: Наука, 1969. 296 с., ил.

Исторический памятник, 1951 — Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. Археологические находки на острове Фаддея и Симса. Л.; М.: Изд-во Главсевморпути, 1951. 252 с., ил.

Канивец, 1973 — *Канивец В. И.* Мезолитические стоянки на Средней Печоре и Усе // МАЕСВ. 1973. Вып. 4. С. 3—23.

Канивец, 1974 — *Канивец В. И.* Печорское Приполярье. Эпоха раннего металла. М.: Наука, 1974. 149 с., ил.

Канивец, 1976 — *Канивец В. И.* Палеолит Крайнего Северо-Востока Европы. М.: Наука, 1976. 95 с., ил.

Канивец, Верещагина, 1973 — *Канивец В. И., Верещагина И. В.* Новые памятники на Северной Двине // АО 1972 г. М.: Наука, 1973. С. 15, 16.

Кац, Кац, 1946 — *Кац Н. Я., Кац С. В.* История растительности болот Севера Сибири как показатель изменений послеледникового ландшафта // Тр. ИГ АН СССР. 1946. Вып. 37. С. 331—348.

Кинд, 1974 — *Кинд Н. В.* Геохронология позднего антропогена по изотопным данным // Тр. ГИН. 1974. Вып. 257. 255 с., ил.

Кириллов, Рижский, 1973 — *Кириллов И. И., Рижский М. М.* Очерки древней истории Забайкалья. Чита, 1973. 137 с., ил.

Кирюшин, 1976 — *Кирюшин Ю. Ф.* Поселение Тух-Эмтор IV — памятник Васюганского Приобья // ИИС. 1976. Вып. 19. С. 3—29.

Кирюшин, Малолетко, 1979 — *Кирюшин Ю. Ф., Малолетко А. М.* Бронзовый век Васюганья. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1979. 182 с., ил.

Киселев, 1951 — *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 642 с., ил.

Кларк, 1953 — *Кларк Дж. Г. Д.* Доисторическая Европа. Экономический очерк. М.: Изд-во иностранной литературы, 1953. 332 с., ил.

Ковалева, 1979 — *Ковалева В. Т.* Среднее Зауралье в переходное время от неолита к бронзовому веку: Автореф. канд. дисс. М., 1979. 19 с.

Ковалева, Варанкин, 1976 — *Ковалева В. Т., Варанкин Н. В.* К вопросу происхождения боборыкинской культуры // Вопросы археологии Приобья: Науч. тр. Тюменского ун-та. 1976. Сб. 37. С. 21—29.

Ковалева, Потемкина, 1980 — *Ковалева В. Т., Потемкина С. Т.* Поселения с линейно-накольчатой керамикой в бассейне р. Тобол // КСИА. 1980. Вып. 161. С. 91—97.

Кольцов, 1965 — *Кольцов Л. В.* Некоторые итоги изучения мезолита Волго-окского междуречья // МА. 1965. Вып. 4. С. 17—26.

Кольцов, 1977 — *Кольцов Л. В.* Финальный палеолит и мезолит Южной и Восточной Прибалтики. М.: Наука, 1977. 216 с., ил.

Константинов, 1970 — *Константинов И. В.* Неолитические стоянки на Оленеке // По следам древних культур Якутии. Якутск: Якутское кн. изд-во, 1970. С. 73—93.

Константинов, 1978 — *Константинов И. В.* Ранний железный век Якутии. Новосибирск: Наука, 1978. 128 с., ил.

Константинов, 1979 — *Константинов М. В.* Палеолит Хилка и Чикоя: Автореф. канд дисс. Новосибирск, 1979. 18 с.

Константинов, Немеров, 1974 — *Константинов М. В., Немеров В. Ф.* Древнее поселение Подлопатка в Западном Забайкалье // ДИНЮВС. 1974. Вып. 2. С. 111—128.

Константинов, Немеров, 1976 — *Константинов М. В., Немеров В. Ф.* Исследования в Западном Забайкалье // АО 1975 г. М.: Наука, 1976. С. 148, 149.

Косарев, 1964 — *Косарев М. Ф.* Бронзовый век Среднего Прииртышья: Автореф. канд. дисс. М., 1964. 15 с.

Косарев, 1972 — *Косарев М. Ф.* Некоторые вопросы этнической истории Западной Сибири в эпоху бронзы // СА. 1972. № 2. С. 81—95.

Косарев, 1974 — *Косарев М. Ф.* Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М.: Наука, 1974. 219 с., ил.

Коробкова, 1969 — *Коробкова Г. Ф.* Орудия труда и охоты неолитических племен Средней Азии // МИА. 1969. № 158. 116 с., ил.

Крейнович, 1958 — *Крейнович Е. А.* Юкагирский язык. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 288 с.

Крижевская, 1968 — *Крижевская Л. Я.* Неолит Южного Урала. Л.: Наука, 1968. 183 с., ил.

Крижевская, 1970 — *Крижевская Л. Я.* Некоторые данные о неолите и ранней бронзе западносибирского лесостепья // МИС. 1970. Вып. 3. С. 153—162.

Крупник, 1975 — *Крупник И. И.* Природная среда и эволюция тундрового оленеводства // Карта, схема и число в этнической географии. М., 1975. С. 26—43.

Крупник, 1976 — *Крупник И. И.* Становление крупнотабунного оленеводства у тундровых ненцев // СЭ. 1976. № 2. С. 57—69.

Крупнов, 1960 — *Крупнов Е. И.* Древняя история Северного Кавказа. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 520 с., ил.

Культина и др., 1974 — *Культина В. В., Ловелиус Н. В., Костюкович В. В.* Палинологическое и геохронологическое исследование голоценовых отложений в бассейне р. Новой на Таймыре // Ботанический журнал. 1974. Т. 59, № 9. С. 1310—1317.

Куприянова, 1965 — *Куприянова З. Н.* Эпические песни ненцев. М.: Наука, 1965. 782 с.

Кызласов, 1952 — *Кызласов Л. Р.* Древнейшее свидетельство об оленеводстве // СЭ. 1952. № 2. С. 39—49.

Кызласов, 1960 — *Кызласов Л. Р.* Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. М.: Изд-во МГУ, 1960. 197 с., ил.

Лаврушин и др., 1963 — *Лаврушин Ю. А., Девирц А. Л., Гитерман Р. Е., Маркова Н. Г.* Первые данные по абсолютной хронологии основных событий голоцена Северо-Востока СССР // БКИЧП. 1963. № 28. С. 112—126.

Лашук, 1958 — *Лашук Л. П.* Очерк этнической истории Печорского края (опыт историко-этнографического исследования). Сыктывкар: Коми изд-во, 1958. 200 с., ил.

Лаптев, 1851 — *Лаптев Х. П.* Берег между Лены и Енисея: Записки лейтенанта Харитона Прокопьевича Лаптева // Зап. Гидрографического департамента Морского ведомства. СПб., 1851. Ч. 9. С. 8—58.

Леббок, 1876 — *Леббок Дж.* Доисторические времена или первобытная эпоха человечества, представленная на основании изучения остатков древностей и нравов и обычаев современных дикарей. М., 1876. 491 с., ил.

Левин, 1958 — *Левин Г. М.* Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока // Тр. ИЭ. Н. с. 1958. Т. 36. 359 с., ил.

Левковская, 1971 — *Левковская Г. М.* О палинологических границах различных горизонтов голоцена на Севере Западной Сибири // Кайнозойские флоры Сибири по палинологическим данным. Тр. ИИГ СО АН СССР. 1971. Вып. 135. С. 111—123.

Левковская, 1976 — *Левковская Г. М.* Палеогеографические рубежи голоцена Арктики // Палинология в СССР. М., 1976. С. 170—173.

Левковская, 1977 — *Левковская Г. М.* История голоценового облесения Арктики в свете радиоуглеродных дат // Итоги биостратиграфических, литологических и физических иследований плиоцена и плейстоцена Волго-Уральской области. Уфа, 1977. С. 15—35.

Левковская и др., 1972 — *Левковская Г. М., Хлобыстин Л. П., Семенцов А. А., Романова Е. Н.* Абсолютный и относительный возраст памятника Тагенар VI // Проблемы абсолютного датирования в археологии. М.: Наука, 1972. С. 130—133.

Лисицын, 1980 — *Лисицын Н. Ф.* Каменный век Минусинской котловины: Автореф. канд. дисс. Л., 1980. 17 с.

Лузгин, 1972 — *Лузгин В. Е.* Древние культуры Ижмы. М.: Наука, 1972. 126 с., ил.

Лукина, 1979 — *Лукина Н. В.* Материалы по оленеводству восточных хантов (конец XIX—70-е годы XX в.) // СЭ. 1979. № 6. С. 110—121.

Лукьянченко, 1971 — *Лукьянченко Т. В.* Материальная культура саамов (лопарей) Кольского п-ва в конце XIX—XX в. М.: Наука, 1971. 166 с., ил.

Ляпунова, 1979 — *Ляпунова Р. Г.* Традиционные украшения алеутов (к вопросу об этнокультурных связях в Тихоокеанском бассейне) // Древние культуры Сибири и Тихоокеанского бассейна. Новосибирск, 1979. С. 86—97.

Маркарян, 1969 — *Маркарян Э. С.* Очерки теории культуры. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1969. 228 с.

Мартиньер, 1912 — *Мартиньер П.* (де ла Мартиньер). Путешествие в северные страны, в котором описаны нравы, образ жизни и суеверия норвежцев, лапландцев, килопов, борондайцев, сибиряков, самоедов, ново-земельцев и исланцев, со многими рисунками // Зап. Моск. археол. ин-та. М., 1911. Т. 15. 229 с., ил.

Массон, 1976 — *Массон В. М.* Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии). Л.: Наука, 1976. 191 с., ил.

Матюшин, 1964а — *Матюшин Г. Н.* К изучению мезолита и неолита в Башкирии // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1964. Т. 2. С. 32—42.

Матюшин, 1964б — *Матюшин Г. Н.* Следы мезолитических слоев на неолитических стоянках Южного Урала и Зауралья // Памятники каменного и бронзового веков Евразии. М.: Наука, 1964. С. 18—30.

Матюшин, 1969 — *Матюшин Г. Н.* О характере материальной культуры Южного Урала в эпоху мезолита // СА. 1969. № 4. С. 23—48.

Матюшин, 1976 — *Матюшин Г. Н.* Мезолит Южного Урала. М.: Наука, 1976. 368 с., ил.

Матющенко, 1966 — *Матющенко В. И.* Неолитическая стоянка у д. Ново-Кусково на Чулыме // Уз. ТомГУ. 1966. Т. 60. С. 36—43.

Матющенко, 1973 — *Матющенко В. И.* Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век) // ИИС. 1973. Вып. 9. 182 с.

Медведев, 1968а — *Медведев Г. И.* Мезолит Верхнего Приангарья: Автореф. канд. дисс. М., 1968. 28 с.

Медведев, 1968б — *Медведев Г. И.* К вопросу об изначальных формах наконечников стрел в Приангарье // Тр. ИГУ. 1968. Т. 4. Сер. истории, вып. 1. С. 48—52.

Медведев, 1971 — *Медведев Г. И.* Резюме // Мезолит Верхнего Приангарья. Иркутск, 1971. С. 104—110.

Медведев, 1975 — *Медведев Г. И.* Стоянка Стрижовая Гора // АО 1974 г. М.: Наука, 1975. С. 221.

Медведев и др., 1971 — *Медведев Г. И., Георгиевская А. М., Михнюк Г. Н., Савельев Н. А.* Стоянки Ангаро-Бельского р-на (бадайский комплекс) // Мезолит Верхнего Приангарья. Иркутск, 1971. С. 31—90.

Медведев и др., 1975 — *Медведев Г. И., Михнюк Г. Н., Шмыгун П. Е.* Мезолит Юга Восточной Сибири // ДИНЮВС. 1975. Вып. 3. С. 74—80.

Мезолит Верхнего Приангарья — Мезолит Верхнего Приангарья. Ч. 1. (Памятники Ангаро-Бельского и Ангаро-Идинского районов). Иркутск., 1971. 242 с., ил.

Мелентьев, 1978 — *Мелентьев А. Н.* О хронологии раннего неолита Северного Прикаспия // КСИА. 1978. Вып. 153. С. 99—102.

Мещанинов, 1948 — *Мещанинов И. И.* Палеоазиатские языки // Изв. АН СССР. Отд. лит-ры и яз. 1948. Т. 7, вып. 6. С. 500—510.
Миддендорф, 1869 — *Миддендорф А. Ф.* Путешествие на север и восток Сибири. Ч. 2. Север и восток Сибири в естественном и историческом отношении. СПб., 1869—1877. 851 с.
Могильников, 1964 — *Могильников В. А.* Новоникольское IV городище (в связи с некоторыми вопросами древней истории Прииртышья) // СА. 1965. № 1. С. 242—247.
Могильников, 1965 — *Могильников В. А.* Ананьевское городище и вопрос о времени тюркизации Среднего Прииртышья // СА. 1965. № 1. С. 275—282.
Могильников, 1968 — *Могильников В. А.* Культура племен лесного Прииртышья IX—начала XIII вв. н. э. // Уз. ПГУ. 1968. Вып. 191. С. 269—291.
Молодин, 1977 — *Молодин В. И.* Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск: Наука, 1977. 173 с., ил.
Мочанов, 1969 — *Мочанов Ю. А.* Многослойная стоянка Белькачи I и периодизация каменного века Якутии. М.: Наука, 1969. 255 с., ил.
Мочанов, 1970 — *Мочанов Ю. А.* Дюктайская пещера — новый палеолитический памятник Северо-Восточной Азии // По следам древних культур Якутии. Якутск: Якутское кн. изд-во, 1970. С. 40—64.
Мочанов, 1973а — *Мочанов Ю. А.* Человек и географическая среда в палеолите и неолите Сибири // Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене (палеолит и неолит). М.: Наука, 1973. С. 72, 73.
Мочанов, 1973б — *Мочанов Ю. А.* Северо-Восточная Азия в IX—IV тыс. до н. э. (сумнагинская культура) // Проблемы археологии Урала и Сибири. М.: Наука, 1973. С. 29—43.
Мочанов, 1977 — *Мочанов Ю. А.* Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. Новосибирск: Наука, 1977. 264 с., ил.
Мочанов, Федосеева, 1975а — *Мочанов Ю. А., Федосеева С. А.* Абсолютная хронология голоценовых культур Северо-Восточной Азии // Якутия и ее соседи в древности. Якутск: Изд-во Якутского филиала СО АН СССР, 1975. С. 38—49.
Мочанов, Федосеева, 1975б — *Мочанов Ю. А., Федосеева С. А.* Периодизация и абсолютная хронология археологических памятников Якутии // Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. Новосибирск: Наука, 1975. С. 51—59.
Мочанов и др., 1970 — *Мочанов Ю. А., Федосеева С. А., Романова Е. Н., Семенцов А. А.* Многослойная стоянка Белькачи I и ее значение для построения абсолютной хронологии древних культур Северо-Восточной Азии // По следам древних культур Якутии. Якутск: Якутское кн. изд-во, 1970. С. 10—31.
Мошинская, 1953 — *Мошинская В. И.* Материальная культура и хозяйство Усть-Полуя // МИА. 1953. № 35. С. 72—106.
Мошинская, 1965 — *Мошинская В. И.* Археологические памятники Севера Западной Сибири // САИ. 1965. Вып. Д3-8. 88 с., ил.
Нансен, 1969 — *Нансен Фритьоф.* В страну будущего. Великий Северный путь из Европы в Сибирь через Карское море. Магадан: Магаданское кн. изд-во, 1969. 303 с., ил.
Николаев, 1963а — *Николаев Р. В.* Древние жилища у села Маковского // Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края. Красноярск: Красноярское кн. изд-во, 1963. С. 49—53.
Николаев, 1963б — *Николаев Р. В.* Материалы к археологической карте Севера Красноярского края // Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края. Красноярск: Красноярское кн. изд-во, 1963. С. 127—131.
Никольс, 1971 — *Никольс Х.* Краткие заметки о позднечетвертичной истории растительности и климата Арктической и Субарктической Канады // III Международный палинологический конгресс, секция 7. Новосибирск: Наука, 1971.
Норденшельд, 1881 — *Норденшельд А. Э.* Путешествие А. Э. Норденшельда вокруг Европы и Азии на пароходе «Вега» в 1878—1880 гг. СПб., 1881. 518 с., ил.
Общественный строй, 1970 — *Общественный строй у народов Северной Сибири.* XVII—начало XX в. М.: Наука, 1970. 454 с., карт.
Окладников, 1943 — *Окладников А. П.* Исторический путь народов Якутии. Якутск: Якутское гос. изд-во, 1943. 92 с., ил.
Окладников, 1945 — *Окладников А. П.* Ленские древности. Якутск, 1945. Вып. 1. 100 с., ил.
Окладников, 1946 — *Окладников А. П.* Ленские древности. Якутск, 1946. Вып. 2. 187 с., ил.
Окладников, 1947а — *Окладников А. П.* Древние поселения в долине р. Хатанги // КСИИМК. 1947. Вып. 18. С. 38—45.

Окладников, 1947б — *Окладников А. П.* Древние культуры Северо-Восточной Азии по данным археологических исследований 1946 г. в Колымском крае // Вестник древней истории. 1947. № 1. С. 176—182.

Окладников, 1948 — *Окладников А. П.* К изучению неолита Восточного Приуралья и Западной Сибири // Доклады научных конференций Молотовского гос. ун-та. Молотов, 1948. Вып. 1—4. С. 19—20.

Окладников, 1950а — *Окладников А. П.* Вклад советской археологии в изучение прошлого северных народов // Уз. ЛГУ. 1950. Вып. 115. С. 22—37.

Окладников, 1950б — *Окладников А. П.* Ленские древности. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Вып. 3. 240 с., ил.

Окладников, 1950в — *Окладников А. П.* Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Ч. 1 и 2 // МИА. 1950. № 18. 412 с., ил.

Окладников, 1951 — *Окладников А. П.* Раскопки на Севере // По следам древних культур. М.: Госкультпросветиздат, 1951. С. 11—46.

Окладников, 1953 — *Окладников А. П.* Древние культурные связи между племенами Азии и Европы (по материалам памятников бронзового века) // Уз. ЛГУ. 1953. Вып. 157. С. 151—166.

Окладников, 1955а — *Окладников А. П.* История Якутской АССР. Т. 1. Якутия до присоединения к Русскому государству. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 432 с., ил.

Окладников, 1955б — *Окладников А. П.* Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Ч. 3. Глазковское время // МИА. 1955. № 43. 374 с., ил.

Окладников, 1957 — *Окладников А. П.* Из истории этнических и культурных связей неолитических племен Среднего Енисея (к вопросу о происхождении самодийских племен) // СА. 1957. № 1. С. 26—55.

Окладников, 1958 — *Окладников А. П.* Археологические работы в зоне строительства ангарских гидроэлектростанций (общие итоги) // Зап. Иркутского окружного краеведческого музея. Иркутск: Иркутское кн. изд-во, 1958. С. 17—28.

Окладников, 1959 — *Окладников А. П.* Палеолит Забайкалья. Общие итоги // Археологический сборник. Улан-Удэ, 1959. Вып. 1. С. 5—25.

Окладников, 1960 — *Окладников А. П.* Археология и проблема культурного наследства народов Сибири // Научная конференция по истории Сибири и Дальнего Востока: Тезисы докладов и сообщений. Иркутск, 1960. С. 3—6.

Окладников, 1966а — *Окладников А. П.* К вопросу о мезолите и эпипалеолите в азиатской части СССР. Сибирь и Средняя Азия // МИА. 1966. № 126. С. 213—223.

Окладников, 1966б — *Окладников А. П.* Петроглифы Ангары. М.; Л.: Наука, 1966. 322 с., ил.

Окладников, 1968 — *Окладников А. П.* Сибирь в древнекаменном веке. Эпоха палеолита // История Сибири. Л.: Наука, 1968. Т. 1. С. 37—93.

Окладников, 1971а — *Окладников А. П.* Многослойное поселение Санный Мыс на р. Уде // Материалы полевых исследований дальневосточной археологической экспедиции. Новосибирск, 1971. Вып. 2. С. 7—11.

Окладников, 1971б — *Окладников А. П.* Жертвенное место глазковцев на р. Лене // Изв. ВСОГО. 1971. Т. 68. С. 197—201.

Окладников, 1976 — *Окладников А. П.* Неолитические памятники Нижней Ангары. Новосибирск: Наука, 1976. 328 с., ил.

Окладников, Гурвич, 1957 — *Окладников А. П., Гурвич И. С.* Древние поселения в дельте р. Индигирки // КСИЭ. 1957. Вып. 27. С. 42—57.

Окладников, Деревянко, 1977 — *Окладников А. П., Деревянко А. П.* Громатухинская культура. Новосибирск: Наука, 1977. 285 с., ил.

Окладников, Кириллов, 1980 — *Окладников А. П., Кириллов И. И.* Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. Новосибирск: Наука, 1980. 177 с., ил.

Окладников, Пуминов, 1958а — *Окладников А. П., Пуминов А. П.* Древние следы человека на р. Оленек // Проблемы Севера. 1958. Вып. 1. С. 354—359.

Окладников, Пуминов, 1958б — *Окладников А. П., Пуминов А. П.* Первые неолитические находки на р. Оленек // БКИЧП. 1958. № 22. С. 105—113.

Окладников, Пуминов, 1959 — *Окладников А. П., Пуминов А. П.* Неолитические памятники в долине р. Оленек // Тр. НИИГА. 1959. Т. 65. С. 73—78.

Паничкина, 1937 — *Паничкина М. З.* Обзор археологических находок за 1934—1935 гг. в СССР по газетным сообщениям // СА. 1937. Т. 3. С. 257—270.

Панкрушев, 1978 — *Панкрушев Г. А.* Мезолит и неолит Карелии. I. Мезолит. Л.: Наука, 1978. 136 с., ил.
Песонен, 1978 — *Песонен П. Э.* Мезолитические памятники Кандалакшинского берега // Мезолитические памятники Карелии. Петрозаводск, 1978. С. 94—160.
Петри, 1916 — *Петри Б. Э.* Неолитические находки на берегу Байкала. Предварительное сообщение о раскопке стоянки Улан-Хада // Сб. МАЭ. 1916. Т. 3, II гр. С. 113—132.
Петри, 1926 — *Петри Б. Э.* Сибирский неолит // Изв. Биологического НИИ при Иркутском гос. ун-те. 1926. Т. 3, вып. 1. С. 39—75.
Петрин, Смирнов, 1975 — *Петрин В. Т., Смирнов Н. Г.* Палеолитический памятник в Шикаевке на правобережье Тобола // ВАУ. 1975. Вып. 13. С. 75—85.
ПВЛ — Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Ч. 1. 405 с., ил.
Пономаренко, 1976 — *Пономаренко А. К.* Новые стоянки неолита Камчатки // Тр. СВКНИИ. 1976. Вып. 67. С. 183—193.
Попов, 1936 — *Попов А. А.* Тавгийцы // Тр. Института антропологии и этнографии. 1936. Т. 1, вып. 5. 111 с., ил.
Попов, 1948 — *Попов А. А.* Нганасаны // Тр. ИЭ. Н. с. 1948. Т. 3. 122 с., ил.
Посредников, 1969 — *Посредников В. А.* Археологические работы на р. Вах // ИИС. 1969. Вып. 2. С. 76—85.
Посредников, 1970 — *Посредников В. А. О Самусь IV и его времени // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1970. С. 101—115.*
Посредников, 1972 — *Посредников В. А.* Культурно-генетическое место комплексов поселения Самусь IV и некоторых других памятников Приобья // СА. 1972. № 4. С. 28—41.
Посредников, 1973а — *Посредников В. А.* Большеларьякское поселение II — археологический памятник Сургутского Приобья // ИИС. 1973. Вып. 5. С. 65—93.
Посредников, 1973б — *Посредников В. А.* О культурно-этнической принадлежности поселения Большой Ларьяк II и некоторых других памятников в таежном Приобье (эпоха бронзы) // ИИС. 1973. Вып. 7. С. 95—107.
Прокофьев, 1939 — *Прокофьев Г. Н.* Числительные в самодийских языках // Советский Север. 1939. Вып. 4. С. 5—25.
Прокофьев, 1940 — *Прокофьев Г. Н.* Этногония народностей Обь-Енисейского бассейна // СЭ. 1940. Т. 3. С. 67—76.
Прокофьева, 1971 — *Прокофьева Е. Д.* Шаманские костюмы народов Сибири // Сб. МАЭ. 1971. Т. 27. С. 5—100.
Равдоникас, 1947 — *Равдоникас В. И.* История первобытного общества. Л.: Изд-во ЛГУ, 1947. Ч. 2. 392 с., ил.
Рогачев, 1962 — *Рогачев А. Н.* Основные итоги и задачи изучения палеолита Русской равнины // КСИА. 1962. Вып. 92. С. 3—11.
Рогачев, 1966 — *Рогачев А. Н.* Некоторые вопросы изучения эпипалеолита Восточной Европы // МИА. 1966. № 126. С. 9—13.
Рожков, 1933 — *Рожков Б. Н.* Материалы по металлоносности Сибирских траппов. М.; Л., 1933. 248 с., карт.
Руденко, 1947 — *Руденко С. И.* Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема. М.; Л.: Изд-во Главсевморпути, 1947. 135 с., ил.
Рыгдылон, 1959 — *Рыгдылон Э. Р.* Писаницы близ озера Шира // СА. 1959. Т. 29—30. С. 186—202.
Рычков, 1917 — *Рычков К. М.* Енисейские тунгусы. Ч. 1 // Землеведение. Т. 24, кн. 1—2. Приложение. М., 1917. 67 с.
Савельев и др., 1976 — *Савельев Н. А., Генералов А. Г., Волокитин А. В., Смирнова О. Н.* Керамические комплексы многослойного археологического памятника Казачка // Научно-теоретическая конференция ИГУ. Секция археологии. Иркутск, 1976. С. 26—30.
Савельев, Горюнова 1971 — *Савельев Н. А., Горюнова О. Г.* Сосуд с антропоморфными изображениями со стоянки Плотбище // Изв. ВСОГО. 1971. Т. 63. С. 202—204.
Савельев и др., 1974 — *Савельев Н. А., Горюнова О. Г., Генералов А. Г.* Раскопки многослойной стоянки Горелый Лес (предварительное сообщение) // ДИНЮВС. 1974. Вып. 1. С. 160—199.
Савельев, Медведев, 1973 — *Савельев Н. А., Медведев Г. И.* Ранний керамический комплекс многослойного поселения Усть-Белая // Проблемы археологии Урала и Сибири. М.: Наука, 1973. С. 56—64.

Савенков, 1910 — *Савенков И. Т.* Памятники изобразительного искусства на Енисее // Тр. XIV Археологического съезда в Чернигове. 1908 г. М., 1910. Т. 1. 553 с., ил.

Сарычев, 1802 — *Сарычев Г. А.* Путешествие флота капитана Сарычева по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану, в продолжении осьми лет, при Географической и Астрономической морской экспедиции, бывшей под начальством флота капитана Биллингса, с 1785 по 1793 год, ч. 1—2. СПб., 1802. Ч. 1. 187 с., ил.; Ч. 2. 192 с., ил.

Свинин, 1966 — *Свинин В. В.* Археологические исследования на северном побережье озера Байкал // Отчеты археологических экспедиций за 1963—1965 гг. Иркутск, 1966. С. 50—69.

Свинин, 1970 — *Свинин В. В.* Археология озера Байкал: Автореф. канд. дисс. Новосибирск, 1970. 20 с.

Сериков, 1976 — *Сериков Ю. Б.* Исследования мезолита в лесном Зауралье // АО 1975 г. М.: Наука, 1976. С. 203.

Сериков, Арефьев, 1975 — *Сериков Ю. Б., Арефьев В. А.* Разведки в лесном Зауралье // АО 1974 г. М.: Наука, 1975. С. 175, 176.

Симченко, 1968 — *Симченко Ю. Б.* Некоторые данные о древнем этническом субстрате в составе народов Северной Азии // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. М.: Наука, 1968. С. 194—213.

Симченко, 1976 — *Симченко Ю. Б.* Культура охотников на оленей Северной Евразии. Этнографическая реконструкция. М.: Наука, 1976. 311 с., ил.

Синицын, 1965 — *Синицын В. М.* Древние климаты Евразии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1965. Ч. 1. 167 с., карт.

Скалон, 1956 — *Скалон В. Н. Оленные камни Монголии и проблема происхождения оленеводства* // СА. 1956. Т. 25. С. 87—105.

Старков, 1980 — *Старков В. Ф.* Мезолит и неолит лесного Зауралья. М.: Наука, 1980. 219 с., ил.

Череножкин, 1961 — *Череножкин А. И.* Предскифский период на днепровском Правобережье. Киев: Изд-во АН УССР, 1961. 240 с., ил.

Череножкин, 1976 — *Череножкин А. И.* Киммерийцы. Киев: Наукова думка, 1976. 223 с., ил.

Титов, 1890 — *Титов А. А.* Сибирь в XVII веке: Сборник старинных русских статей о Сибири и прилежащих к ней землях. М., 1890. 216 с., карт.

Тихомиров, 1950 — *Тихомиров Б. А.* К характеристике растительного покрова эпохи мамонта на Таймыре // Ботанический журнал. 1950. Т. 35, вып. 5. С. 482—497.

Тихомиров, 1962 — *Тихомиров Б. А.* Основные этапы развития растительности Севера СССР в связи с климатическими колебаниями и деятельностью человека // Бюлл. МОИП. Отд. биол. 1962. Т. 67, вып. 1. С. 34—58.

Тихонов, 1960 — *Тихонов Б. Г.* Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье // МИА. 1960. № 90. С. 5—115.

Третьяков, 1963 — *Третьяков П. Н.* Позднемезолитические местонахождения Костромского и Ярославского Поволжья // МИА. 1963. № 110. С. 9—24.

Туголуков, 1980 — *Туголуков В. А.* Этнические корни тунгусов // Этногенез народов Севера. М.: Наука, 1980. С. 152—176.

Федорова, 1978 — *Федорова Н. В.* О культурной принадлежности обь-иртышских памятников I тыс. н. э. // Ранний железный век Западной Сибири. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1978. С. 78—83.

Федосеева, 1968 — *Федосеева С. А.* Древние культуры Верхнего Вилюя. М.: Наука, 1968. С. 152—176.

Федосеева, 1970а — *Федосеева С. А.* Эпоха бронзы на Алдане (по материалам многослойной стоянки Белькачи I) // МИС. 1970. Вып. 3. С. 303—313.

Федосеева, 1970б — *Федосеева С. А.* Новые данные о бронзовом веке Якутии // По следам древних культур Якутии. Якутск: *Якутское кн. изд-во, 1970. С. 128—142.*

Федосеева, 1970в — *Федосеева С. А.* Ранний железный век Алдана (по материалам стоянки Белькачи I и Дюктайской пещеры) // По следам древних культур Якутии. Якутск: Якутское кн. изд-во, 1970. С. 143—153.

Федосеева, 1970г — *Федосеева С. А.* Основные этапы древней истории Вилюя в свете новых археологических открытий // По следам древних культур Якутии. Якутск: Якутское кн. изд-во, 1970. С. 65—72.

Федосеева, 1972 — *Федосеева С. А.* Новые данные о стоянках Усть-Чиркуо на Верхнем Вилюе и Бурулгино на Нижней Индигирке // АО 1971 г. М.: Наука, 1972. С. 260, 261.

Федосеева, 1974 — *Федосеева С. А.* Усть-мильская культура эпохи бронзы Якутии // ДИНЮВС. 1974. Вып. 2. С. 146—158.
Федосеева, 1975 — *Федосеева С. А.* Стоянка Конзабой — памятник ымыяхтахской позднеолитической культуры на Колыме // Якутия и ее соседи в древности. Якутск, 1975. С. 88—94.
Федосеева, 1980 — *Федосеева С. А.* Ымыяхтахская культура Северо-Восточной Азии. Новосибирск: Наука, 1980. 224 с., ил.
Фирсов и др., 1974 — *Фирсов Л. В., Троицкий С. Л., Левина Т. П., Никитин В. П., Панычев В. А.* Абсолютный возраст и первая для Севера Сибири стандартная пыльцевая диаграмма голоценового торфяника // БКИЧП. 1974. № 41. С. 121—127.
Флеров, 1965 — *Флеров К. К.* О происхождении фауны Канады в связи с историей Берингии // Четвертичный период и его история. М.: Наука, 1965. С. 121—128.
Формозов, 1970 — *Формозов А. А.* О термине «мезолит» и его эквивалентах // СА. 1970. № 3. С. 6—11.
Хеннинг, 1962 — *Хеннинг Рихард.* Неведомые земли. М.: Изд-во иностранной литературы, 1962. Т. 3. 471 с., ил.
Хлобыстин, 1964а — *Хлобыстин Л. П.* Многослойное поселение Улан-Хада на Байкале (По материалам раскопок Б. Э. Петри) // КСИА. 1964. Вып. 97. С. 25—32.
Хлобыстин, 1964б — *Хлобыстин Л. П.* Древние культуры побережья озера Байкал (каменный и бронзовый века): Автореф. канд. дисс. Л., 1964. 18 с.
Хлобыстин, 1965 — *Хлобыстин Л. П.* Древнейшие памятники Байкала // МИА. 1965. № 131. С. 252—279.
Хлобыстин, 1967 — *Хлобыстин Л. П.* Исследования на севере Западной Сибири // АО 1966 г. М.: Наука, 1967. С. 147—149.
Хлобыстин, 1968 — *Хлобыстин Л. П.* Исследования на Таймыре // АО 1967 г. М.: Наука, 1968. С. 153—155.
Хлобыстин, 1969а — *Хлобыстин Л. П.* Раскопки на Таймыре // АО 1968 г. М.: Наука, 1969. С. 217—218.
Хлобыстин, 1969б — *Хлобыстин Л. П.* О расселении предков самодийских народов в эпоху бронзы (II тыс. до н. э.) // Материалы конференции «Этногенез народов Северной Азии». Новосибирск, 1969. Вып. 1. С. 133—135.
Хлобыстин, 1969в — *Хлобыстин Л. П.* Новое о древнем населении Таймыра // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1969. С. 141—142.
Хлобыстин, 1970 — *Хлобыстин Л. П.* Новые памятники бассейна рек Анабара и Оленека // МИС. 1970. Вып. 3. С. 174—179.
Хлобыстин, 1972а — *Хлобыстин Л. П.* Проблемы социологии неолита Северной Евразии // Охотники, собиратели, рыболовы. Л.: Наука, 1972. С. 26—42.
Хлобыстин, 1972б — *Хлобыстин Л. П.* Роговые и костяные изделия палеолитических слоев Бирюсинского поселения // МИА. 1972. № 185. С. 150—156.
Хлобыстин, 1973а — *Хлобыстин Л. П.* О древнем заселении Арктики // КСИА. 1973. Вып. 136. С. 11—16.
Хлобыстин, 1973б — *Хлобыстин Л. П.* Крайний Северо-Восток Европейской части СССР в эпоху неолита и ранней бронзы // МИА. 1973. № 172. С. 54—65.
Хлобыстин, 1973в — *Хлобыстин Л. П.* Древние культуры Таймыра и крупные этнические общности Сибири // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1973. С. 163—166.
Хлобыстин, 1975 — *Хлобыстин Л. П.* Памятники Сибирского Заполярья и их соотношение с культурами таежной зоны // Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. Новосибирск: Наука, 1975. С. 100—110.
Хлобыстин, 1976 — *Хлобыстин Л. П. Поселение* Липовая Курья в Южном Зауралье. Л.: Наука, 1976. 65 с., ил.
Хлобыстин, 1977 — *Хлобыстин Л. П.* Работы на севере Западной Сибири // АО 1976 г. М.: Наука, 1977. С. 249.
Хлобыстин, 1978а — *Хлобыстин Л. П.* Разведочные работы на р. Курейке // АО 1977 г. М.: Наука, 1978. С. 281, 282.
Хлобыстин, 1978б — *Хлобыстин Л. П.* Возраст и соотношение неолитических культур Восточной Сибири // КСИА. 1978. Вып. 153. С. 93—99.
Хлобыстин, 1979а — *Хлобыстин Л. П.* Об этнической принадлежности археологических памятников эпохи раннего металла на севере Западной Сибири // Вопросы финноугроведения:

Тезисы докладов XVII Всесоюзной конференции финноугроведов. Сыктывкар, 1979. С. 50.

Хлобыстин, 1979б — *Хлобыстин Л. П.* Работы в бассейне р. Конды // АО 1978 г. М.: Наука, 1979. С. 279, 280.

Хлобыстин, 1982 — *Хлобыстин Л. П.* Древняя история Таймырского Заполярья и вопросы формирования культур Севера Евразии: Автореф. докт. дисс. М., 1982. 36 с.

Хлобыстин, Грачева, 1970 — *Хлобыстин Л. П., Грачева Г. Н.* Исследования в Центральной части Таймыра // АО 1969 г. М.: Наука, 1970. С. 192, 193.

Хлобыстин, Грачева, 1972 — *Хлобыстин Л. П., Грачева Г. Н.* Работы Заполярного отряда на Таймыре // АО 1971 г. М.: Наука, 1972. С. 296, 297.

Хлобыстин, Грачева, 1973 — *Хлобыстин Л. П., Грачева Г. Н.* Новые данные о древностях Таймыра // АО 1972 г. М.: Наука, 1973. С. 244, 245.

Хлобыстин, Грачева, 1974 — *Хлобыстин Л. П., Грачева Г. Н.* Появление оленеводства в тундровой зоне Европы, Западной и Средней Сибири // Тезисы докладов конференции «Формы перехода от присваивающего хозяйства к производящему и особенности развития общественного строя». М., 1974. С. 81—86.

Хлобыстин, Грачева, Студзицкая, 1975 — *Хлобыстин Л. П., Грачева Г. Н., Студзицкая С. В.* Работы Заполярной экспедиции // АО 1974 г. М.: Наука, 1975. С. 239, 240.

Хлобыстин, Левковская, 1974 — *Хлобыстин Л. П., Левковская Г. М.* Роль социального и экологического факторов в развитии арктических культур Евразии // Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене. М.: Наука, 1974. С. 235—242.

Хлобыстин, Мелентьев, Студзицкая, 1974 — *Хлобыстин Л. П., Мелентьев А. Н., Студзицкая С. В.* Работы на полуострове Таймыр // АО 1973 г. М.: Наука, 1974. С. 229, 230.

Хлобыстин, Овсянников, 1973 — *Хлобыстин Л. П., Овсянников О. В.* Древняя «ювелирная» мастерская в Западно-Сибирском Заполярье // Проблемы археологии Урала и Сибири. М.: Наука, 1973. С. 248—257.

Хлобыстин, Студзицкая, 1976 — *Хлобыстин Л. П., Студзицкая С. В.* Древние памятники на западе плато Путорана // КСИА. 1976. Вып. 147. С. 62—67.

Хлобыстина, 1961 — *Хлобыстина М. Д.* О происхождении минусинских коленчатых ножей // Сообщения Государственного Эрмитажа. 1961. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1961. Вып. 21. С. 44—47.

Хомич, 1966 — *Хомич Л. В.* Ненцы. Историко-этнографические очерки. М.; Л.: Наука. 329 с., ил.

Хороших, 1949 — *Хороших П. П.* Археологические исследования на р. Нижней Тунгуске // Доклады историко-археологической секции ВСОГО. Иркутск, 1949. С. 3—16.

Хороших, 1960 — *Хороших П. П.* Зооморфные изображения на неолитической керамике из Прибайкалья // СА. 1960. № 2. С. 228—229.

Хороших, 1966 — *Хороших П. П.* Неолитический могильник на стадионе «Локомотив» в г. Иркутске // МИС. 1966. Вып. 2. С. 84—93.

Хороших, 1970 — *Хороших П. П.* Культура энеолита и бронзы на Байкале // МИС. 1970. Вып. 3. С. 296—302.

Хотинский, 1971 — *Хотинский Н. А.* Опыт трансевразийской корреляции событий голоценовой истории растительности и климата таежной области Евразии // III Международный палинологический конгресс. Пленарный доклад: Тезисы. Новосибирск, 1971.

Хотинский и др., 1971 — *Хотинский Н. А., Карташева Г. Г., Великоцкий М. А.* К истории растительности низовьев Яны в голоцене (по данным пыльцевого анализа аласных отложений) // Палинология голоцена. М.: Наука, 1971. С. 159—170.

Цейтлин, 1979 — *Цейтлин С. М.* Геология палеолита Северной Азии. М.: Наука, 1977. 285 с., ил.

Чайлд, 1949 — *Чайлд Г.* Прогресс и археология. М.: Гос. изд-во иностр. литературы, 1949. 194 с.

Чард, Морлан, 1970 — *Чард Ч. С., Морлан Р. Е.* Абсолютная хронология каменного века Японии // МИС. 1970. Вып. 3. С. 109—138.

Чернецов, 1935 — *Чернецов В. Н.* Древняя приморская культура на полуострове Ямал // СЭ. 1935. № 4—5. С. 109—133.

Чернецов, 1953 — *Чернецов В. Н.* Древняя история Нижнего Приобья // МИА. 1953. № 35. С. 221—241.

Чернецов, 1957 — *Чернецов В. Н.* Усть-Полуйское время в Приобье // МИА. 1957. № 58. С. 136—243.

Чернецов, 1963 — *Чернецов В. Н.* К вопросу о месте и времени формирования уральской (финно-угро-самодийской) общности // Congressus internationalis fenno-ugristarum Budapestini habitus. Budapest: Akadimiai kiado, 1963. P. 405—411.

Чернецов, 1964 — *Чернецов В. Н.* К вопросу об этническом субстрате в циркумполярной культуре // VII МКАЭН. М.: Наука, 1964. 13 с.

Чернецов, 1968 — *Чернцов В. Н.* К вопросу о сложении уральского неолита // История, археология и этнография Средней Азии. М.: Наука, 1968. С. 41—53.

Чернецов, 1969 — *Чернецов В. Н.* Опыт выделения этнокультурных ареалов в Северо-Восточной Европе и Северной Азии // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1969. С. 112—119.

Чернецов, 1971 — *Чернецов В. Н.* Наскальные изображения Урала. М., 1971. Ч. 2. 120 с., ил.

Чернецов, 1973 — *Чернецов В. Н.* Этнокультурные ареалы в лесной и субарктической зонах Евразии в эпоху неолита // Проблемы археологии Урала и Сибири. М.: Наука, 1973. С. 10—17.

Чернов, 1947 — *Чернов Г. А.* Новые данные по четвертичной истории Большеземельской тундры // БКИЧП. 1947. № 9. С. 70—75.

Чернов, 1948 — *Чернов Г. А.* Археологические находки в центральной части Большеземельской тундры // Тр. КИЧП. 1948. Т. 7, вып. 1. С. 55—122.

Черных, 1967 — *Черных Е. Н.* О терминах «металлургический центр», «очаг металлургии» и других // СА. 1967. № 1. С. 295—301.

Чиндина, 1970 — *Чиндина Л. А.* О некоторых хронологических особенностях среднеобской керамики в I тыс. н. э. // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1970. С. 191—195.

Чиндина, 1975 — *Чиндина Л. А.* О погребальном обряде поздних могильников Нарымского Приобья // ИИС. 1975. Вып. 16. С. 61—93.

Чиндина, 1977 — *Чиндина Л. А.* Могильник Релка на Средней Оби. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1977. 192 с., ил.

Членова, 1967 — *Членова Н. Л.* Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.: Наука, 1967. 299 с., ил.

Членова, 1975 — *Членова Н. Л.* Соотношение культур карасукского типа и кетских топонимов на территории Сибири // Этногенез и этническая история народов Севера. М., 1975. С. 223—230.

Шмыгун, Ендрихинский, 1978 — *Шмыгун П. Е., Ендрихинский А. С.* Курлинский бескерамический комплекс на Северном Байкале // ДИНЮВС. 1978. Вып. 4. С. 56—69.

Шнитников, 1957 — *Шнитников А. В.* Изменчивость общей увлажненности материков Северного полушария // Зап. Географического об-ва СССР. Н. с. 1957. Т. 16. 337 с., ил.

Шмидт, 1930 — *Шмидт А. В.* Древний могильник на Кольском заливе // Кольский сборник. АН СССР, Материалы Комиссии экспедиционных исследований, северная серия. М., 1930. Вып. 23. С. 119 — 169.

Эдинг, 1929 — *Эдинг Д. И.* Горбуновский торфяник. Предварительный очерк археологических работ 1926—1928 гг. Тагил, 1929. 27 с., ил.

Якимов, 1950 — *Якимов В. П.* Череп человека бронзового века из Якутии // *Окладников А. П.* Ленские древности. М.: Изд-во АН СССР, 1950. Вып. 3. С. 189—198.

Arne, 1935 — *Arne T. J.* Barsoff Gorodok. Stokholm, 1935. 130 s.

Boe, Nummedal, 1936 — *Boe J., Nummedal A.* Le Finmarlken. Oslo, 1936.

Borden, 1962 — *Borden Ch. E.* West coast crossties with Alaska // Arctic Institute of North America, Technical paper. 1962. No. 11. P. 39—54.

Campbell, 1962 — *Campbell J. M.* Cultural succession at Anaktuvuk Pass, Arctic Alaska // Arctic Institute of North America, Technical paper. 1962. No. 11. P. 39—54.

Carpelan, 1970 — *Carpelan Ch.* Ns. imitoitus tekstiilikeramiikkaa Suomesta // Suomen Museo, 1970. 77 vuosikerta. S. 23—34.

Carpelan, 1974 — *Carpelan Ch.* Piirteita Kemijoen alneen arkeologisista vaiheista ja saamelais kuulturin muodestumisen edellytyksista // Kemijoki 8000 neyttelyopas. Frenckellin Kiriapaino Oy, 1974. S. 19—31.

Carpelan, 1975 — *Carpelan Ch.* En oversikt over den forhistoriska tiden i omradet kring Kemi alv. // Kemijoki 8 laxalv i norr. Frenckellska Tryckeri Ab, 1975. S. 16—34.
Collinder, 1940 — *Collidner B.* Yukagirisch und Uralisch. Uppsala, 1940.
Collins, 1937 — *Collins H. B.* Archaeology of St. Lawrense Island, Alaska // Smithsonian Miscellaneous Collections. Washington, 1937. Vol. 96, No. 31. 431 p., ill.
Gulloch, Hopkins, 1966 — *Gulloch D., Hopkins D.* Evidence for an Early Recent Warm Interval in North West Alaska // Geol. Society of America. Bulletin. 1966. Vol. 77. P. 1089—1108.
Dall, 1884 — *Dall W. H.* On masks, labrets and certain aboriginal customs // Third Annual Report of Bureau of Ethnology of the Secretary of the *Smithsonian Institution, 1881—1882.* Washington, 1884. P. 67—204.
Freundt, 1948 — *Freundt E. A.* Komsa — Fosna — Sandarne. Problems of the Scandinavian Mesolithicum // Acta Archaeologica. Kobenhavn, 1948. Vol. 19. P. 1—68.
Gjessing, 1935 — *Gjessing G.* Fra steinalder til jornalder i *Finmark* // ISK. *Oslo, 1935. C: III-3. 525* p., ill.
Gjessing, 1942 — *Gjessing G.* Yngre steinalder i Nord-Norge // ISK. Oslo, 1942. B: XXXIX. 525 p., il.l
Gjessing, 1943 — *Gjessing G.* Traen-funnene // ISK. *Oslo, 1943. B: XLI. 234 p., ill.*
Gjessing, 1944 — *Gjessing G.* Circumpolar Stone Age // Acta Archaeologica. 1944. Fasc. 11. Kobenhavn, 1944. 70 p., ill.
Gryasnov, *1969 — Gryasnov M. P. Southern Siberia.* Geneva: Nagel, 1969. 752 p., ill.
Hagen, 1963 — *Hagen A.* Problemkompleks Fosna. *Opphavkonakt med Kontinental grupper-forholdet* til Komsa // Fynd. Goteborg, 1963. P. 53—61.
Hagen, 1967 — *Hagen A.* Norway // Ancient Peoples and Places. New York, 1967. Vol. 50. 205 p., ill.
Harmms, 1977 — *Harmms R. T.* The Uralo-Yukagir *focus system.* A problem in remote genetic relatioship // Studies in descriptive and historical linguistics. Amsterdam, 1977. P. 301—316.
Hatt, 1919 — *Hatt G.* Notes on Reindeer Nomadism // Memoirs of the American Anthropological Assosiation. 1919. Vol. 6 (2). P. 75—133.
Ikawa, 1964 — *Ikawa F.* The Continuity from Non-Ceramic to Ceramic Cultures in Japan // Arctic Anthropology. 1964. Vol. 2 (2). P. 95—119.
Laufer, 1917 — *Laufer B.* The Reindeer and its domestication // Memoirs of the American Anthropological Assosiation. 1917. Vol. 4 (2). P. 91—147.
Luho, 1956a. — *Luho V.* Die Askola-Kultur // SMyA. Helsinki, 1956. T. 57. S. 1—277.
Luho, 1956b — *Luho V.* Die Komsa-Kultur // SMyA. Helsinki, 1956. T. 57. S. 279—301.
Luho, 1967 — *Luho V.* Die Suomusjarvi-Kultur. Die mittel- und spatmesolithische Zeit in Finnland // SMyA. Helsinki, 1967. T. 66. 125 s., ill.
Oda, Keally, 1975 — *Oda S., Keally C. T.* Japanese Preceramic Cultural Chronology // ICU Archaeology Research Center. Occasional papers. Tokyo, 1975. No. 2.
Odner, *1966 — Odner K.* Komsakulturen i Nesseby og Sor-Varanger // Tromso Museum Scrifter. Tromso (Oslo); Bergen. 1966. Vol. 12. 164 p., ill.
Okladnikov, 1960 — *Okladnikov A. P.* Archaeology of the Soviet Arctic // Acta Arctica. Kobenhavn, 1960. Fasc. 12. P. 35—45.
Popov, 1959 — *Popov A. A.* Die «kuojka». Familian- und Sippeschutsgeister bei den Nganasanen // Opuscula ethnologika memoriae Ludovici Biro Sacre. Budapest, 1959. P. 35—45.
Solberg, 1909 — *Solberg O.* Die Eisenzeitfunde aus Ostfinmarken. lapplandische Studien // Selkskabets Skrifter, II. Hist.-Filos. Klasse. No. 7. Kristiania, 1909. 147 s., ill.
Vasari, *1962 — Vasari Y.* A *study of* the Vegetational History of the kuusamo District (north-east Finland) during the Late Quarternary period // Annual Botanical Society «Vanamo». 1962. Vol. 33 (1).

БИБЛИОГРАФИЯ ТРУДОВ Л. П. ХЛОБЫСТИНА

1961

К вопросу о периодизации четвертичных отложений // СА. 1961. № 3. С. 270—272. Соавтор Г. Ф. Коробкова.

1962

Новая стоянка в Печорском Заполярье // КСИА. 1962. Вып. 92. С. 71—75. Соавтор Н. П. Пядышев.

1963

Городище у дер. Серюпитино // МИА. 1963. № 110. С. 227—238. Соавтор А. Д. Столяр.
К истории нерпичьего промысла на Байкале // СА. 1963. № 1. С. 12—19.

1964

Древние культуры побережья озера Байкал (каменный и бронзовый века): Автореф. канд. *дисс. Л., 1964. 18 с.*

Многослойное поселение Улан-Хада на Байкале (По материалам раскопок Б. Э. Петри) // КСИА. 1964. Вып. 97. С. 25—32.

О древнем культе нерпы на Байкале // КСИА. 1964. Вып. 101. С. 35—37.

Работа секторов ИА АН СССР в 1962 г. 1. Сектор палеолита // КСИА. 1964. Вып. 97. С. 135—137.

1965

Древнейшие памятники Байкала // МИА. 1965. № 131. С. 252—279.

1966

Буолкалаах — новая стоянка древнего человека на Крайнем Севере Сибири // САС. Новосибирск, 1966. Вып. 2. С. 151—159. Соавтор П. И Глушинский.

Древнее заселение Сибирской Арктики // Пленум Института археологии АН СССР 1966 г. Ч. 1. Секция «Неолит и бронзовый век»: Тезисы докладов. М., 1966. С. 38, 39.

Неолитическое погребение близ дер. Байкалово на Енисее // КСИА. 1966. Вып. 106. С. 51—54. Соавтор Я. А. Шер.

Раскопки на Среднем Енисее // АО 1965 г. М., 1966. С. 10—12. Соавтор Я. А. Шер.

1967

Археологические исследования в окрестностях с. Селиярова на Оби и в бассейне р. Конды в 1966 г. // УАС, V. Сыктывкар, 1967. С. 140—141.

Достижения археологической науки в РСФСР // СА. 1967. № 3. С. 9—19. Соавторы А. Н. Рогачев, Н. Н. Гурина, В. П. Любин, Е. А. Векилова, Л. Я. Крижевская.

Изучение древних культур полуострова Ямал // УАС, V. Сыктывкар, 1967. С. 142—144.

Исследования на севере Западной Сибири // АО 1966 г. М., 1967. С. 147—149.

Литейная форма из Южного Зауралья // СА. 1967. № 2. С. 236—240. Соавтор М. Д. Хлобыстина.

Сектор палеолита в 1963—1965 гг. // КСИА. 1967. Вып. 111. С. 126—129.

1968

Исследования на Таймыре // АО 1967 г. М., 1968. С. 153—155.

Липовая Курья — поселение «андроноидной» культуры Южного Зауралья // КСИА. 1968. Вып. 114. С. 76—83.

1969

Йоркутинская стоянка на полуострове Ямал // КСИА. 1969. Вып. 115. С. 79—83. Соавтор Ю. Г. Королев.

На месте древних поселений // Заполярная правда. Норильск, 1969. № 224. Соавтор Г. Н. Грачева.

Новое о древнем населении Таймыра // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1969. С. 141—142.

О расселении предков самодийских народов в эпоху бронзы (II тыс. до н. э.) // Материалы конференции «Этногенез народов Северной Азии». Новосибирск, 1969. Вып. 1. С. 133—135.

Об охране археологических памятников на севере Западной Сибири // Научная конференция по вопросам изучения и охраны памятников Сибири и Дальнего Востока в связи с подготовкой свода памятников истории и культуры. М., 1969. С. 87—89.

Поиски памятников каменного века в Копет-Даге // АО 1968 г. М., 1969. С. 430. Соавтор И. Н. Хлопин.

Раскопки на Таймыре // Там же. С. 217—218.

Anhang. Senta Ficher-Lubendun «Der Renjard in Eurasien» // Archiv fur Vollferkunde. Wien, 1969. T. 23.

The stratified settlement of Ulan-Khada on lake Baikal (based on materials excavated by B. E. Petri) // Arctic Antropology. 1969. T. 6 (1). P. 88—94.

1970

Исследования в Центральной части Таймыра // АО 1969 г. М., 1970. С. 192—193. Соавтор Г. Н. Грачева.

Новые памятники бассейна рек Анабара и Оленека // Сибирь и ее соседи в древности. Новосибирск, 1970. С. 174—179.

1971

Древнейшая литейная форма с антропоморфным изображением из Заполярья // КСИА. 1971. Вып. 127. С. 114—116.

Исследования в устье Енисея // АО 1970 г. М., 1971. С. 220—221. Соавтор Г. Н. Грачева.

Палинологические данные по археологическому памятнику Тагенар VI (мезолит и ранний неолит) на полуострове Таймыр // Тезисы докладов к 3-й Международной палинологической конференции. Секция 7. Новосибирск, 1971. Соавторы Г. М. Левковская, А. А. Семенцов, Е. Н. Романова.

1972

Абсолютный и относительный возраст памятника Тагенар VI // Проблемы абсолютного датирования в археологии. М., 1972. С. 130—133. Соавторы Г. М. Левковская, А. А. Семенцов, Е. Н. Романова.

Заселение Арктики // Тезисы докладов на сессии и пленумах, посвященных итогам полевых исследований в 1971 г. М., 1972. С. 32—36. Соавтор Н. Н. Гурина.

Изделия из кости и рога палеолитических слоев Бирюсинского поселения // МИА. 1972. № 185. С. 150—156.

Исследования Института археологии в Арктике // Краткие тезисы докладов к пленуму, посвященному итогам археологических исследований 1971 г. Л., 1972. С. 7—10. Соавтор Н. Н. Гурина.

Обмен в эпоху неолита и бронзы (по материалам археологии Сибири) // Обмен и торговля в древних обществах. Л., 1972. С. 9—12.

Поселение развитого неолита Маймече I и его место в неолите Восточной Сибири // КСИА. 1972. Вып. 131. С. 99—106.

Проблемы социологии неолита Северной Евразии // Охотники, собиратели, рыболовы, Л., 1972. С. 26—42.

Работы Заполярного отряда на Таймыре // АО 1971 г. М., 1972. С. 296—297. Соавтор Г. Н. Грачева.

1973

Древнейшие памятники Западного Таймыра // КСИА. 1973. Вып. 137. С. 89—95.

Древние культуры Таймыра и крупные этнические общности Сибири // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1973. С. 163—166.

Древняя «ювелирная» мастерская в Западно-Сибирском Заполярье // Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973. С. 248—257. Соавтор О. В. Овсянников.

Крайний Северо-Восток Европейской части СССР в эпоху неолита и ранней бронзы // МИА. 1973. № 172. С. 54—65.

Новые данные о древностях Таймыра // АО 1972 г. М., 1973. С. 244—245. Соавтор Г. Н. Грачева.

О древнем заселении Арктики // КСИА. 1973. Вып. 136. С. 11—16.

Основные этапы развития природы и культуры древних обществ в Сибирской Арктике (Prehistoric man, his industry and the environment in the Pleistocene and Holocene. 2. Moscow, 1973. P. 50) // Всесоюзный симпозиум «Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене (палеолит и неолит): Тезисы докладов. М., 1973. С. 91—94. Соавтор Г. М. Левковская.

Рец.: Археологическое изучение Средней Азии (КСИА. 1970. Вып. 122. Отв. ред. И. С. Кругликова) // СА. 1973. № 1. С. 298—301. Соавтор Г. А. Кошеленко.

1974

Жилище и его экологическая и социальная обусловленность // Реконструкция древних общественных отношений по археологическим материалам жилищ и поселений. Л., 1974. С. 22—25.

Появление оленеводства в тундровой зоне Европы, Западной и Средней Сибири // Тезисы докладов конференции «Формы перехода от присваивающего хозяйства к производящему и особенности развития общественного строя». М., 1974. С. 81—86. Соавтор Г. Н. Грачева.

Работы на полуострове Таймыр // АО 1973 г. М., 1974. С. 229—230. Соавторы А. Н. Мелентьев, С. В. Студзицкая.

Роль социального и экологического факторов в развитии арктических культур Евразии // Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене. М., 1974. С. 235—242. Соавтор Г. М. Левковская.

Рец.: Массон В. М. Поселение Джейтун (Проблема становления производящей экономики) (МИА. 1971. № 180. 208 с.) // СА. 1974. № 1. С. 300—302.

1975

Древние бронзолитейщики Сибирского Заполярья // Новейшие открытия советских археологов. Киев, 1975. Ч. 1. С. 97—99.

Заселение Арктики // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник 1974 г. М., 1975. С. 404—411. Соавтор Н. Н. Гурина.

О хозяйственном использовании дикого северного оленя населением Таймыра // Дикий северный олень в СССР. М., 1975. С. 249—251. Соавтор Г. Н. Грачева.

Памятники Сибирского Заполярья и их соотношение с культурами таежной зоны // Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. Новосибирск, 1975. С. 100—110.

Работы Заполярной экспедиции // АО 1974 г. М., 1975. С. 239—240. Соавторы Г. Н. Грачева, С. В. Студзицкая.

1976

Древние памятники на западе плато Путорана // КСИА. 1976. Вып. 147. С. 62—67. Соавтор С. В. Студзицкая.

Поселение Липовая Курья в Южном Зауралье. Л., 1976. 65 с., ил.

Экономические и социальные аспекты развития древних обществ Таймыра // Из истории Сибири. Томск, 1976. Вып. 21. С. 111—120.

1977

Работы на севере Западной Сибири // АО 1976 г. М., 1977. С. 249.

1978

Возраст и соотношение неолитических культур Восточной Сибири // КСИА. 1978. Вып. 153. С. 93—99.

Разведочные работы на р. Курейке // АО 1977 г. М., 1978. С. 281—282.

1979

Об этнической принадлежности археологических памятников эпохи раннего металла на севере Западной Сибири // Вопросы финно-угроведения: Тезисы докладов XVII Всесоюзной конференции финно-угроведов. Сыктывкар, 1979. С. 50.

Работы в бассейне р. Конды // АО 1978 г. М., 1979. С. 279—280.

1981

Вопросы методики использования данных этнографии в археологических исследованиях // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск, 1981. С. 134—138. Соавтор Г. Н. Грачева.

Древние металлурги Таймыра // Заполярная правда. Норильск, 1981. № 152.

Происхождение нганасанов по археологическим данным // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск, 1981. С. 102—105.

Раскопки на р. Сумпанье // АО 1980 г. М., 1981. С. 219—220.

Традиции и инновации в древних культурах севера Сибири // Преемственность и инновации в развитии древних культур: Материалы методологического семинара ЛОИА. Л., 1981. С. 80—84.

Рец.: Диков Н. Н. Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы. Азия на стыке с Америкой в древности. М., 1977; *Диков Н. Н.* Древние культуры Северо-Восточной Азии. Азия на стыке с Америкой в древности. М., 1979 // СА. 1981. № 1. С. 314—318. Соавтор П. И. Борисковский.

1982

Древняя история Таймырского Заполярья и вопросы формирования культур Севера Евразии: Автореф. докт. дисс. М., 1982. 36 с.

Охота в Таймырском Заполярье (по археологическим материалам) // Тезисы докладов XI МК ИНКВА. М., 1982. Т. 3. С. 285—286. Соавтор Ю. Б. Симченко.

Первоначальное заселение Евразийского Заполярья // Там же. С. 286—288.

Initial settlement in the Eurasian Polar Area // XI INQUA Congress. Abstracts. Moscow, 1982. Vol. 1. P. 158.

1983

Новые исследования в Таймырском Заполярье // АО 1981 г. М., 1983. С. 234—235.

1984

Неолитическое поселение Сумпанья IV в бассейне Конды // ВАУ. 1984. Вып. 17. С. 32—44. Соавторы В. С. Ковалева, Е. А. Устинова.

Exchange in the Neolithic and Bronze Age in the territory of the forest belt of the USSR // ISKOS. 1984. N 4. P. 60—63.

Economic Exploration of Wild Rein deer by the Taimyr People // Wild reindeer of the Soviet Union. New Delhi, 1984. P. 243—245. Co-authored by G. N. Gracheva.

1985

Исследования по р. Нижняя Тунгуска // АО 1983 г. М., 1985. С. 247.

Отражение экологических факторов и этнических показателей в средствах передвижения самодийских народов // Ареальные исследования в языкознании и этнографии: Тезисы 5-й конференции «Проблемы атласной картографии». Уфа, 1985. С. 55. Соавтор Г. Н. Грачева.

Погребение идола на оз. Лабаз (Восточный Таймыр) // Мировоззрение народов Западной Сибири по археологическим и этнографическим данным. Томск, 1985. С. 51—54. Соавторы Г. Н. Грачева, С. В. Студзицкая.

Радиоуглеродные даты неолитических памятников р. Сумпанья // *Геохронология четвертичного периода*: Тезисы докладов Всесоюзной коференции. Таллин, 1985. С. 86. Соавтор Ю. Н. Марков.

1986

Бронзовый век Таймыра // Вокруг света. 1986. № 3. С. 26—28.

Работы Мезенского отряда // АО 1984 г. М., 1986. С. 5—6. Соавтор И. В. Гаврилова.

Работы на о. Вайгач и Югорском *полуострове* // *Там же*. С. 32—33.

Раскопки на р. Сумпанья // Там же. С. 12—13. Соавтор Л. Я. Крижевская.

Север Западной Сибири в эпоху бронзы // КСИА. 1986. Вып. 185. С. 43—50. Соавтор Л. П. Лашук.

1987

Бронзовый век Восточной Сибири // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. Археология СССР. М.: Наука, 1987. Т. 8. С. 327—344.

Находки близ г. Салехард // КСИА. 1987. Вып. 189. С. 108—111.

Новые открытия на Северо-Востоке Европы // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда *КПСС: Тезисы* докладов Всесоюзной конференции. М., 1987. С. 13—14.

Работы в Архангельском Заполярье // АО 1985 г. М., 1987. С. 40—42.

1988

Исследования Заполярной экспедиции // АО 1986 г. М., 1988. С. 41—45. Соавторы И. В. Верещагина, В. Я. Шумкин.

1990

200 лет арктической археологии // КСИА. 1990. Вып. 200. С. 3—8.

Древние святилища острова Вайгач // Памятниковедение. Проблемы изучения историко-культурной среды Арктики: Сб. научных трудов НИИ культуры. М., 1990. С. 120—135.

Культуры Западного Таймыра и их природное окружение (по материалам многослойного поселения Усть-Половинка) // КСИА. 1990. Вып. 200. С. 77—83. Соавтор Г. М. Левковская.

1991

Датировка комплексов погребений и поселений бухты Улан-Хада // Древности Байкала. Иркутск, 1991. С. 41—56. Соавтор О. И. Горюнова.

Древние памятники западного побережья и Малого моря // Там же. С. 69—73.

Культовые памятники о. Вайгач // Памятники Архангельского Севера. Архангельск, 1991. [Вып. 2]. С. 23—38.

1992

Святилища острова Вайгач // Древности славян и финно-угров. СПб., 1992. С. 164—169.

1993

Вожпайская культура на Западном Таймыре и вопросы ее этнической принадлежности // AD POLUS. СПб., 1993. С. 19—28.

Вопросы появления оленеводства у народов Европейского и Западно-Сибирского Заполярья // Там же. С. 111—118. Соавтор Г. Н. Грачева.

Древнее поселение приморских охотников Карпова Губа на о. Вайгач // МАЕСВ. 1993. Вып. 12. С. 99—115. Соавторы В. В. Питулько, А. К. Станюкович.

Сатыгинский тип керамики Западной Сибири // AD POLUS. СПб., 1993. С. 29—36.

Святилища Вайгача // Там же. С. 15—17.

Таймырские культуры и проблема заселения Восточной Сибири // Там же. С. 37—38. Соавтор Г. Н. Грачева.

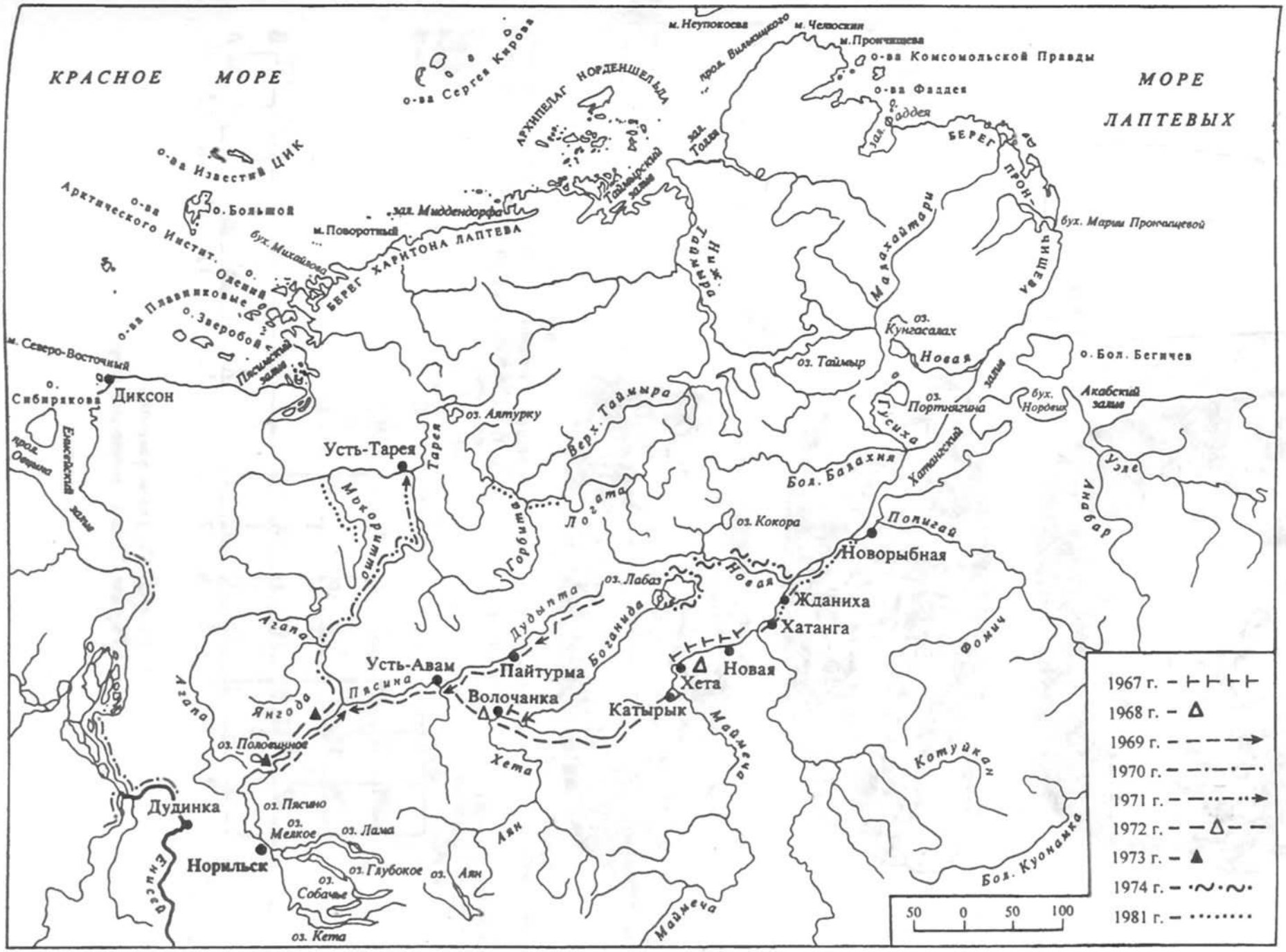
1996

Восточная Сибирь и Дальний Восток // Неолит Северной Евразии. Археология. М.: Наука, 1996. Т. 3. С. 270—329.

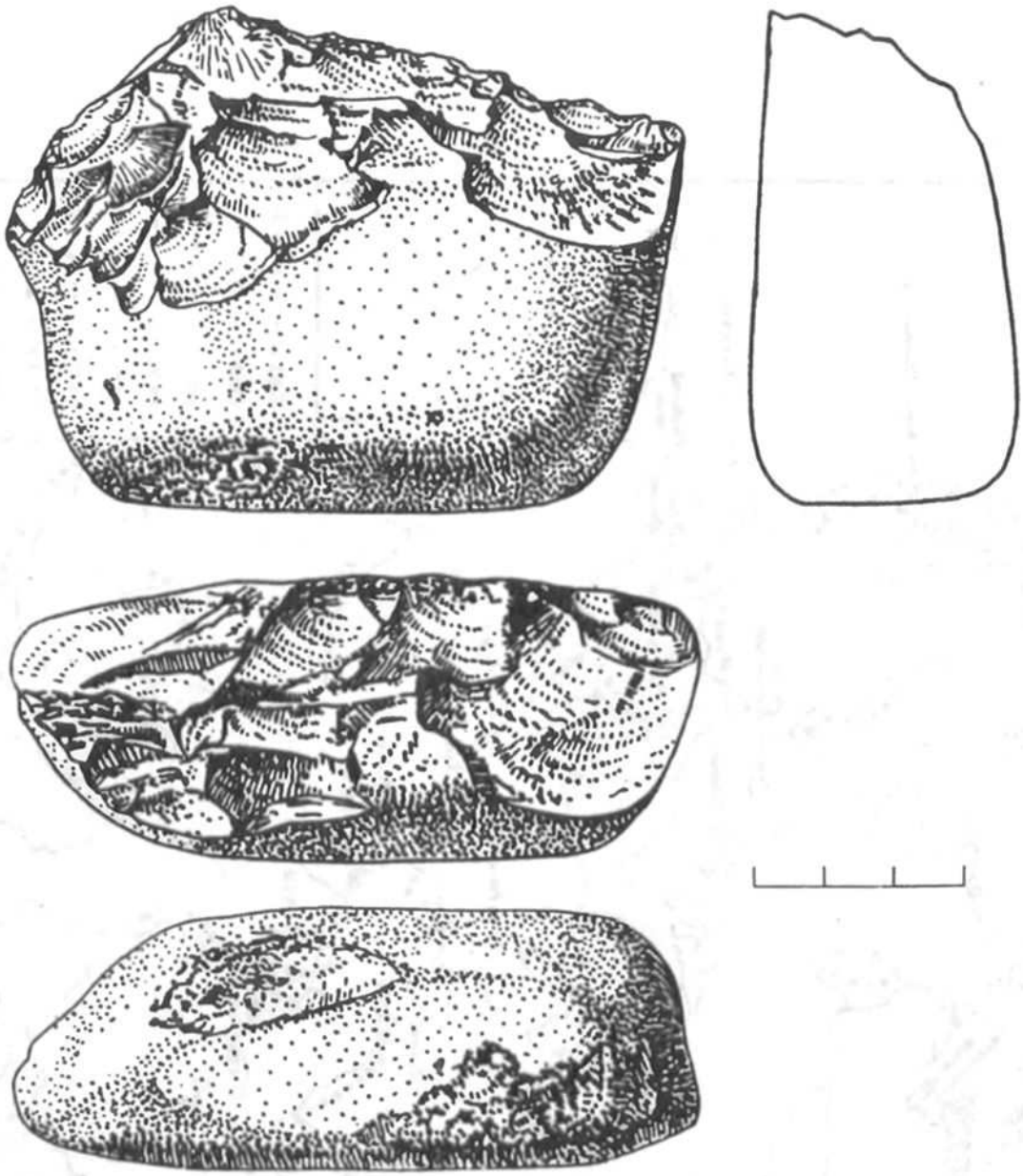
Многослойное поселение Мыс Входной // Древности Русского Севера. Вологда, 1996. Вып. 1. Т. 123—133. Соавтор В. В. Питулько.

Неолит Забайкалья // Неолит Северной Евразии. М.: Наука, 1996. С. 306—310. Соавтор М. В. Константинов.

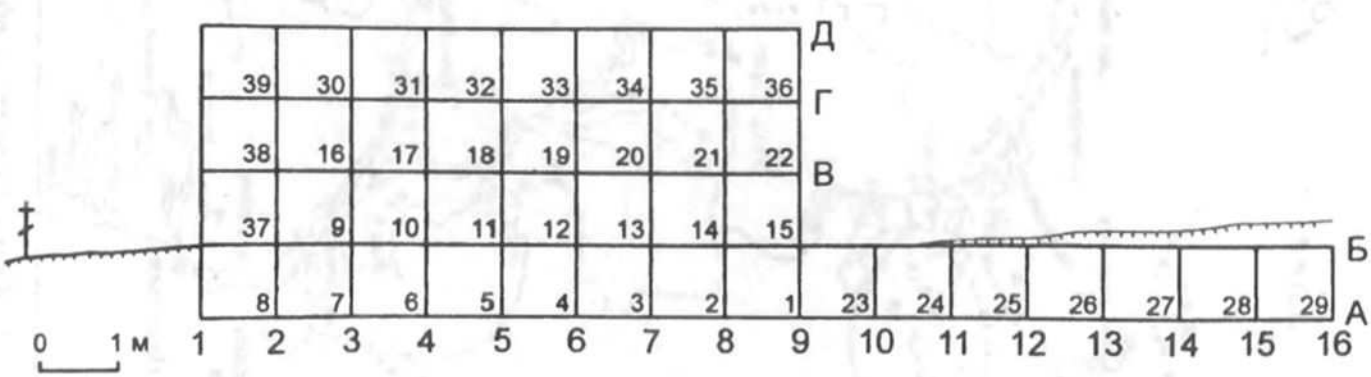
ИЛЛЮСТРАЦИИ

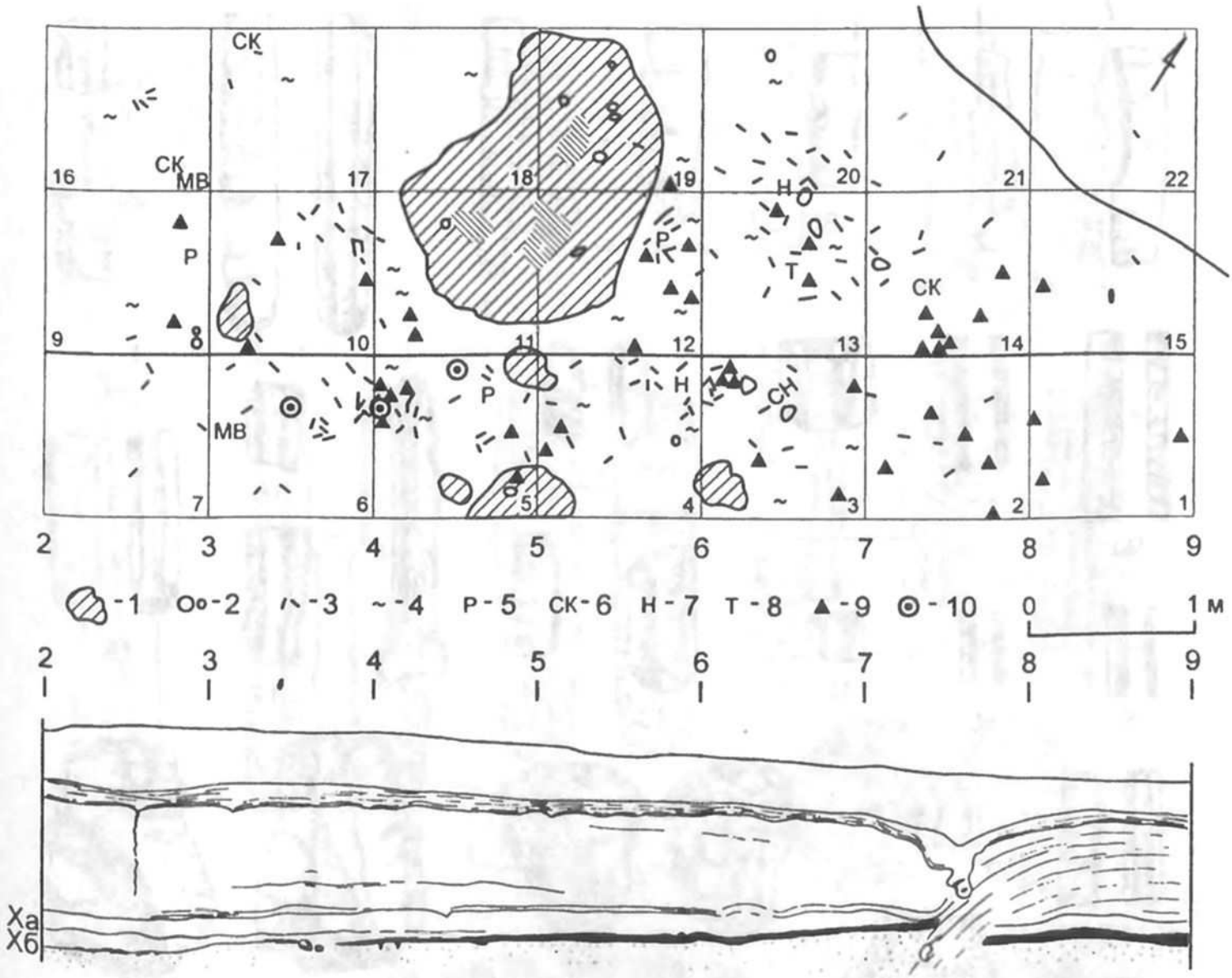
1. Карта Таймыра с обозначением маршрутов и мест работы Заполярной экспедиции.
Schematic map of Taimyr Peninsula, showing the areas surveyed by Transpolar Expedition.

2. Усть-Половинка. Чопперовидное изделие.
The chopper-like tool from the Ust-Polovinka site.

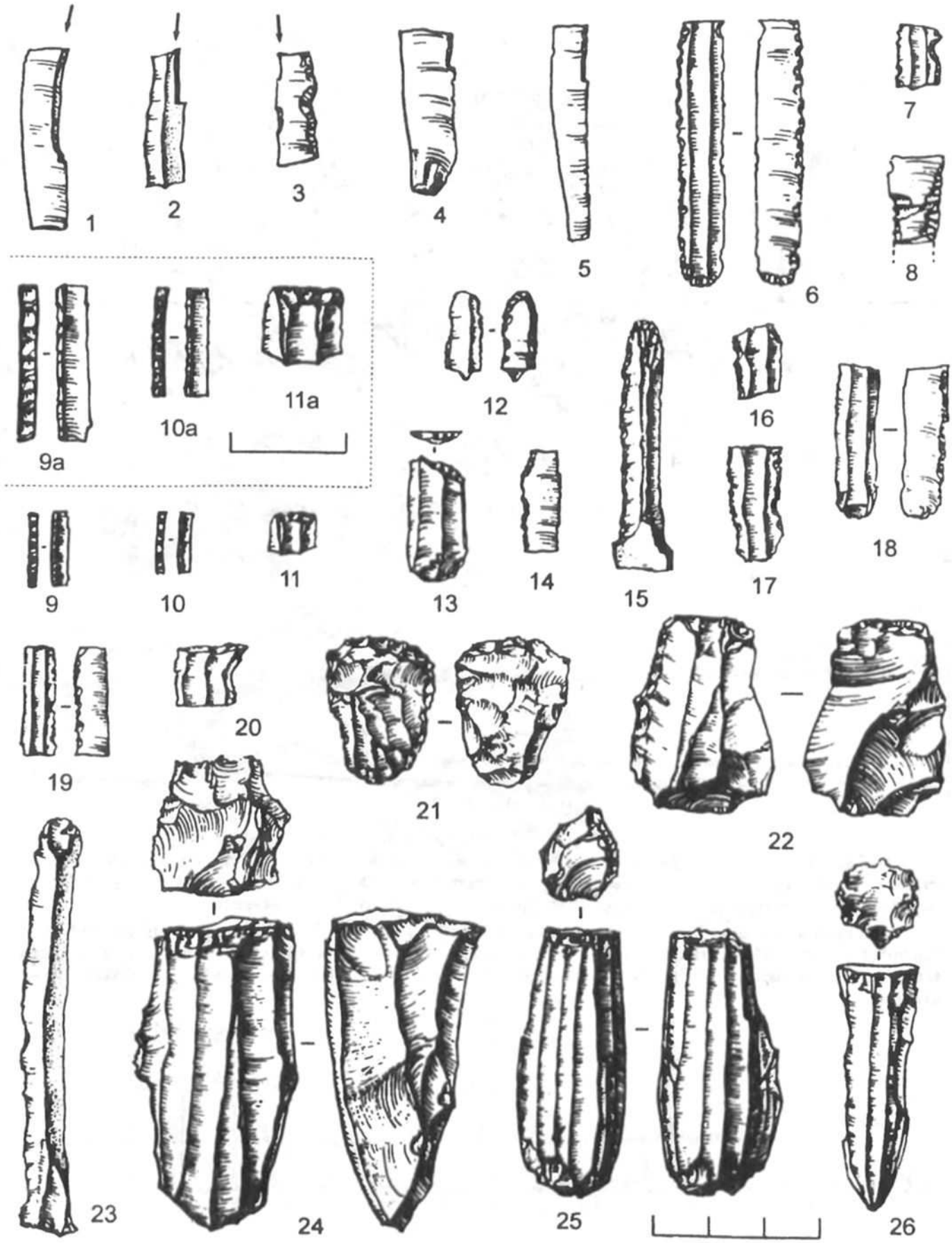

3. Тагенар VI. План раскопа.
Tagenar VI site. excavation map.

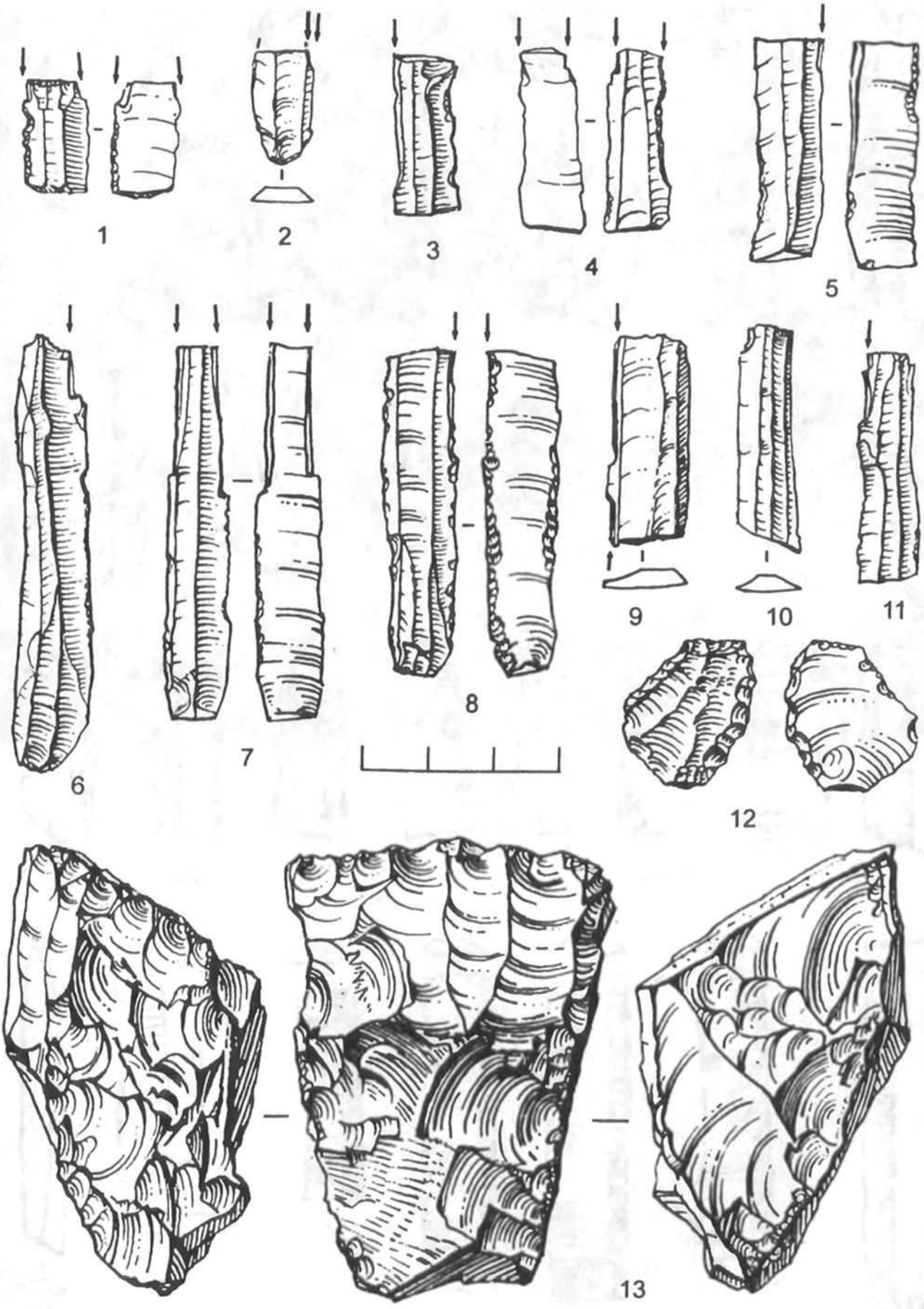

4. Тагенар VI. План раскопа с указанием находок и стратиграфический разрез: 1 — кострище и углистые пятна; 2 — камни; 3 — пластинки; 4 — пластинки с ретушью; 5 — резец; 6 — скребок; 7 — нуклеус; 8 — долотовидное орудие; 9 — отщеп; 10 — резчики.

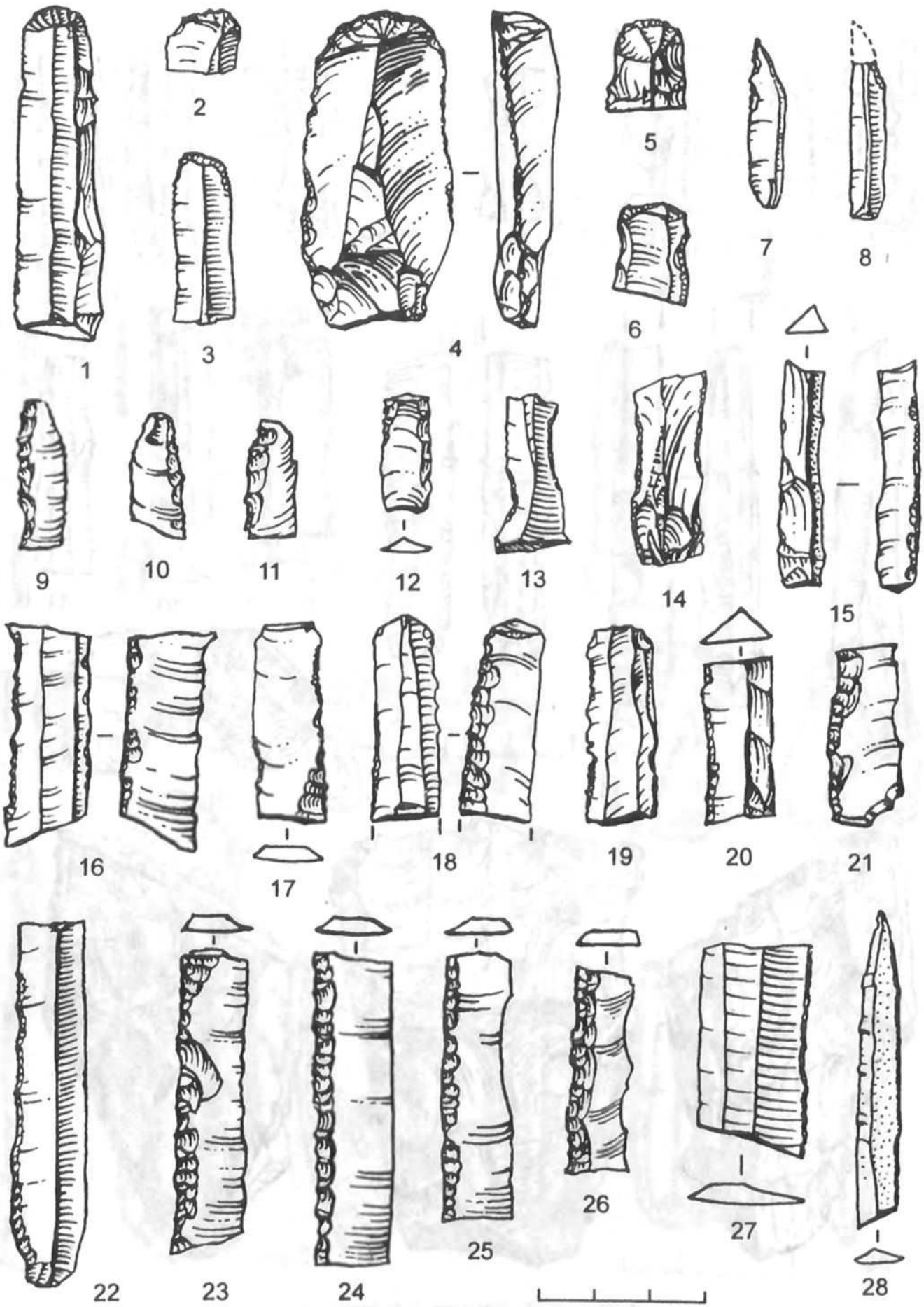
Tagenar VI site. The excavation map showing the spatial distribution of findings, and stratigraphic column of the site. Legend: 1 — fair places and charcoal spots; 2 — boulders; 3 — micro blades; 4 — retouched blades; 5 — burins; 6 — scrapers; 7 — cores; 8 — chisels; 9 — flakes; 10 — gravers.

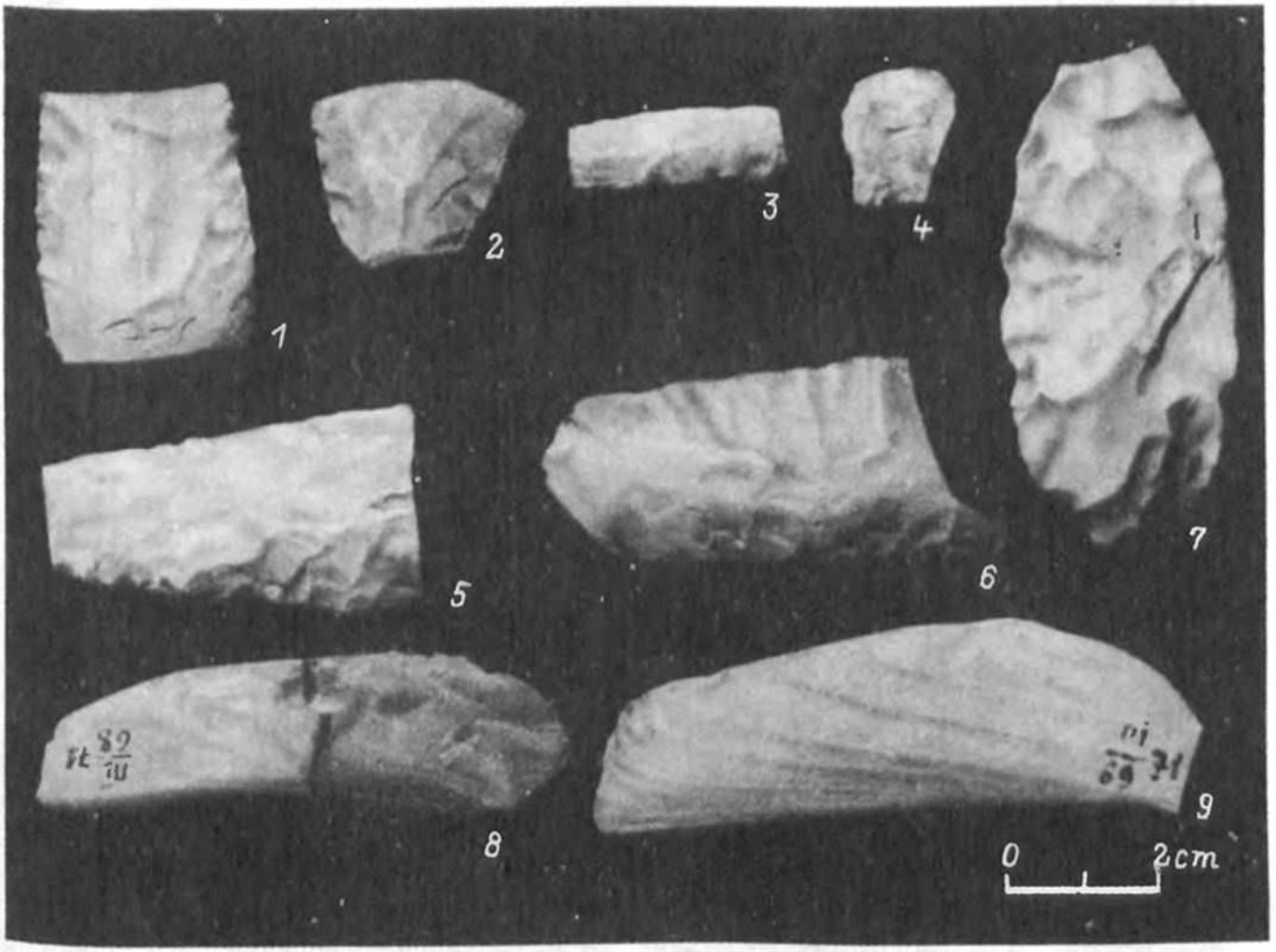
5. Тагенар VI. Каменные изделия.
Stone artifacts from Tagenar VI site.

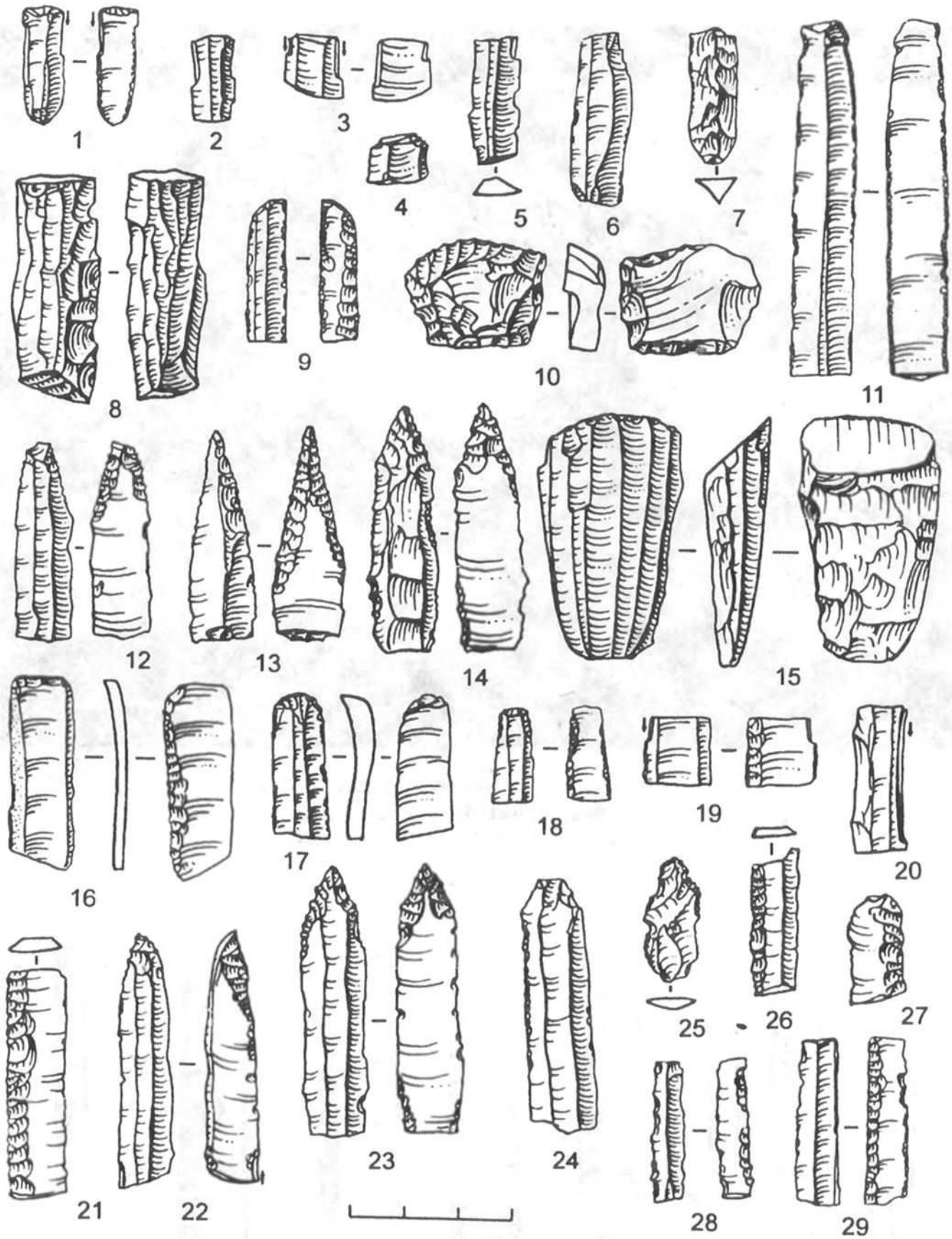
6. Пясина I. Каменные изделия.
Stone artifacts from Pyasina I site.

7. Пясина I. Каменные орудия.
Stone implements from Pyasina I site.

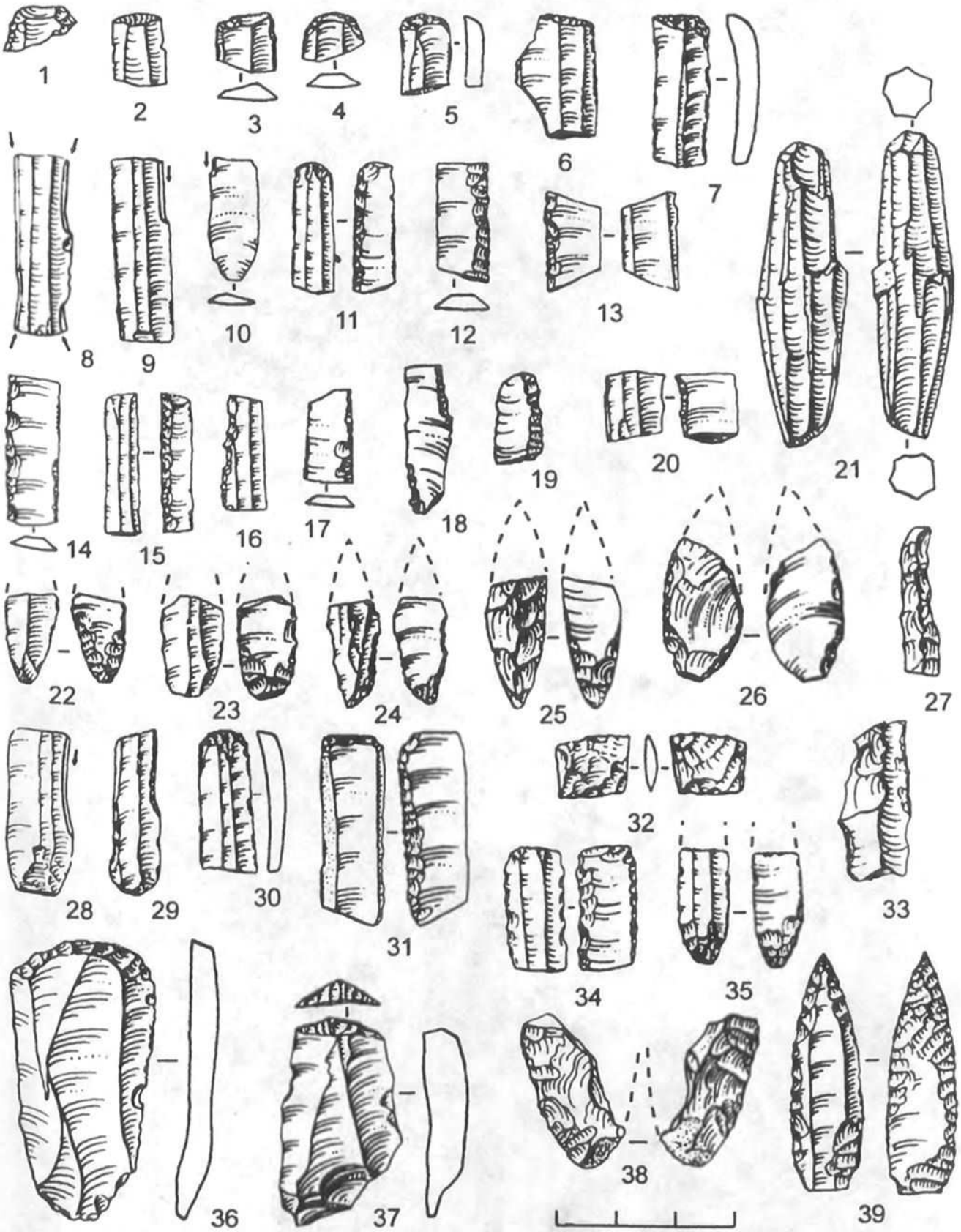

8. Пясина I. Каменные орудия.
Stone artifacts from Pyasina I site.

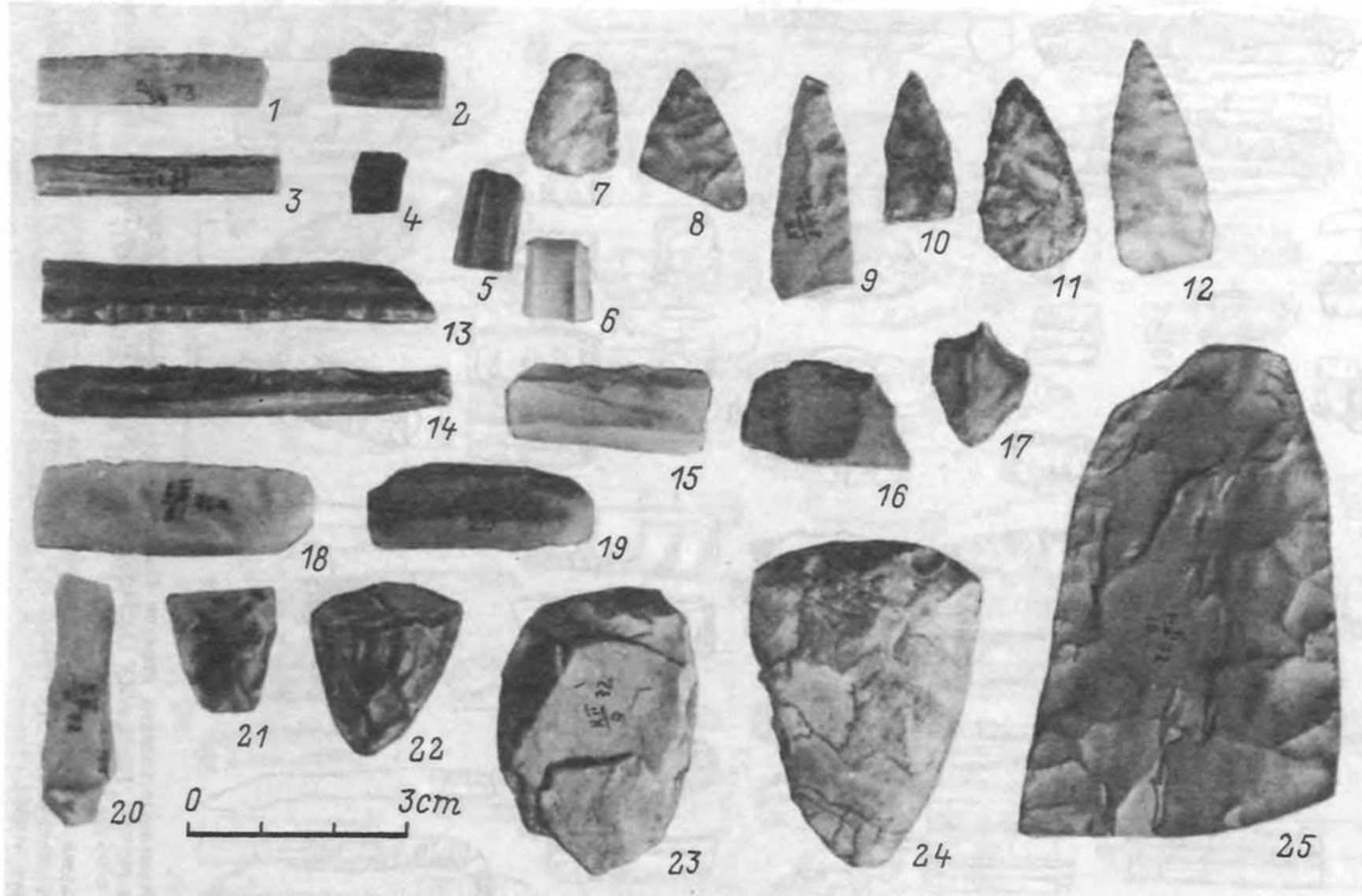
9. Каменные изделия стоянок Пясина III (1—14), Пясина V (15), Малая Коренная I (16, 17), Малая Коренная II (18—20), Лантошка II (21, 23—25, 27, 28), Малая Коренная III (22, 26), Исток Глубокой (29).

Stone implements from different sites: Pyasina III (1—14); Pyasina V (15); Malaya Korennaya I (16, 17); Malaya Korennaya (18—20); Lantoshka II (21, 23—25, 27, 28); Malaya Korennaya III (22, 26), Istok Glubokoy (29).

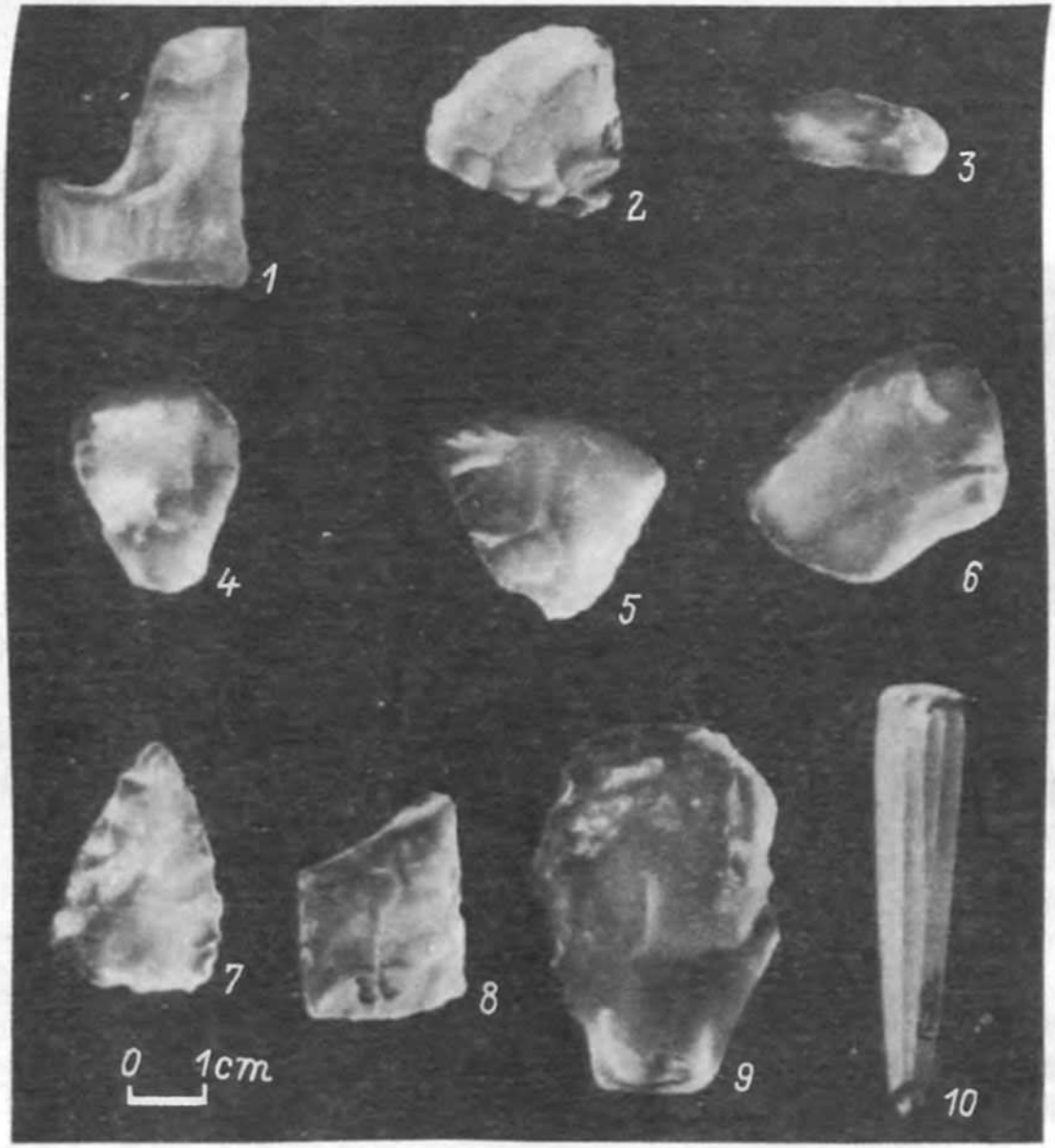

10. Каменные изделия стоянок Пясина IV (1—27), Большая Коренная I (28, 29), Малая Коренная (30, 31), Пясина XV (32,34,35), Пясина XI (33, 37, 38), Яра-Танама (36), Холодная V (39).

Stone artifacts from different sites: Pyasina IV (1—27); Bolshaya Korennaya I (28, 29); Malaya Korennaya (30, 31); Pyasina XV (32, 34, 35); Pyasina XI (33, 37, 38); Yara-Tanama (36); Kholodnaya V (39).

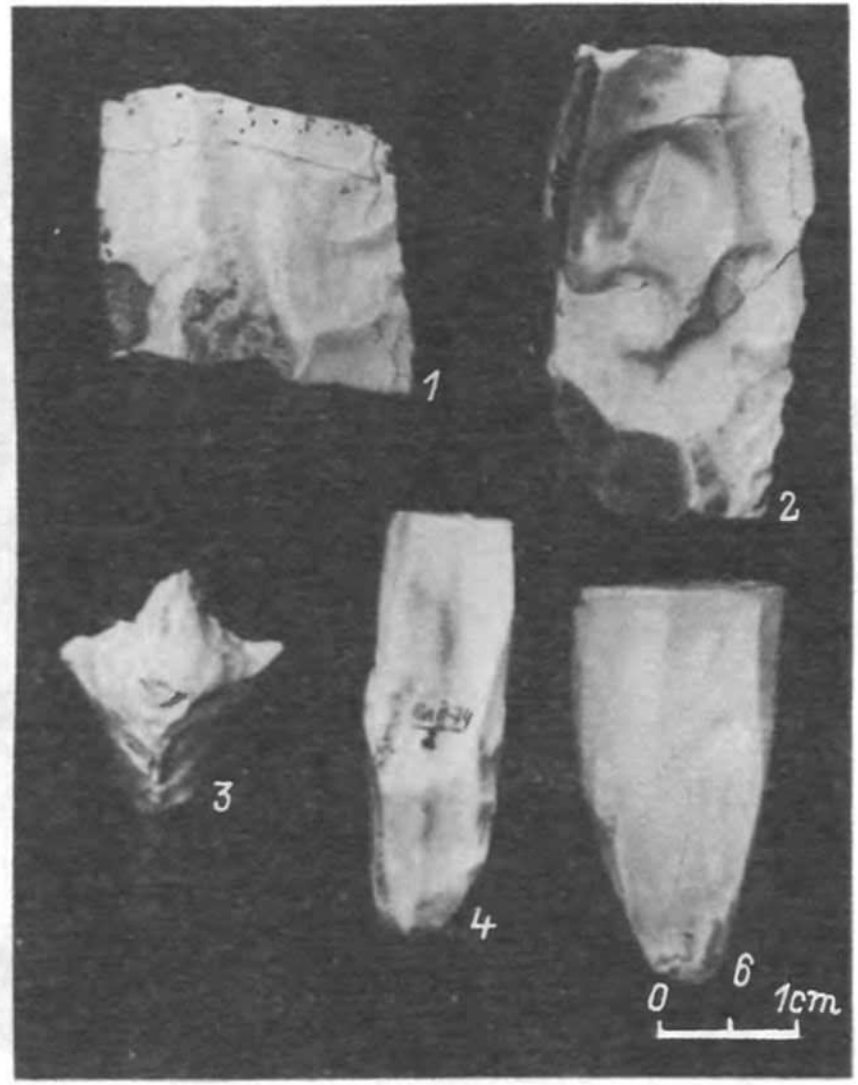

11. Каменные изделия стоянки Капканная II.
Stone implements from Kapkannaya II site.

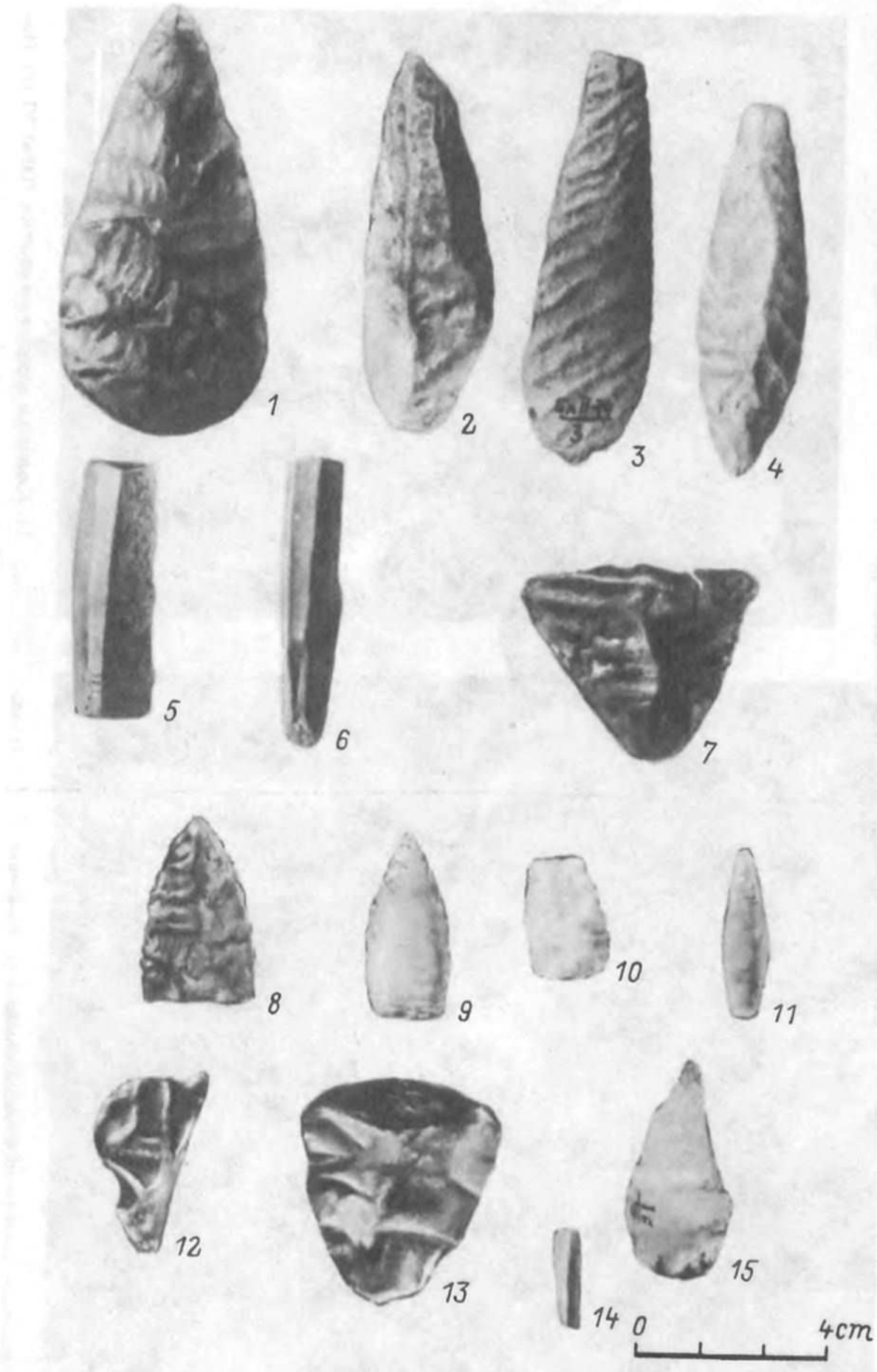
12. Каменные изделия со стоянок Новая I (1, 3), Новая IV (2), Новая II (4, 5, 8), Харгы I (6), Новая VI (7, 9), Самос (10).

Stone artifacts from different sites: Novaya I (1, 3); Novaya IV (2); Novaya II (4, 5, 8); Khargy I (6); Novaya VI (7, 9): Samos (10).

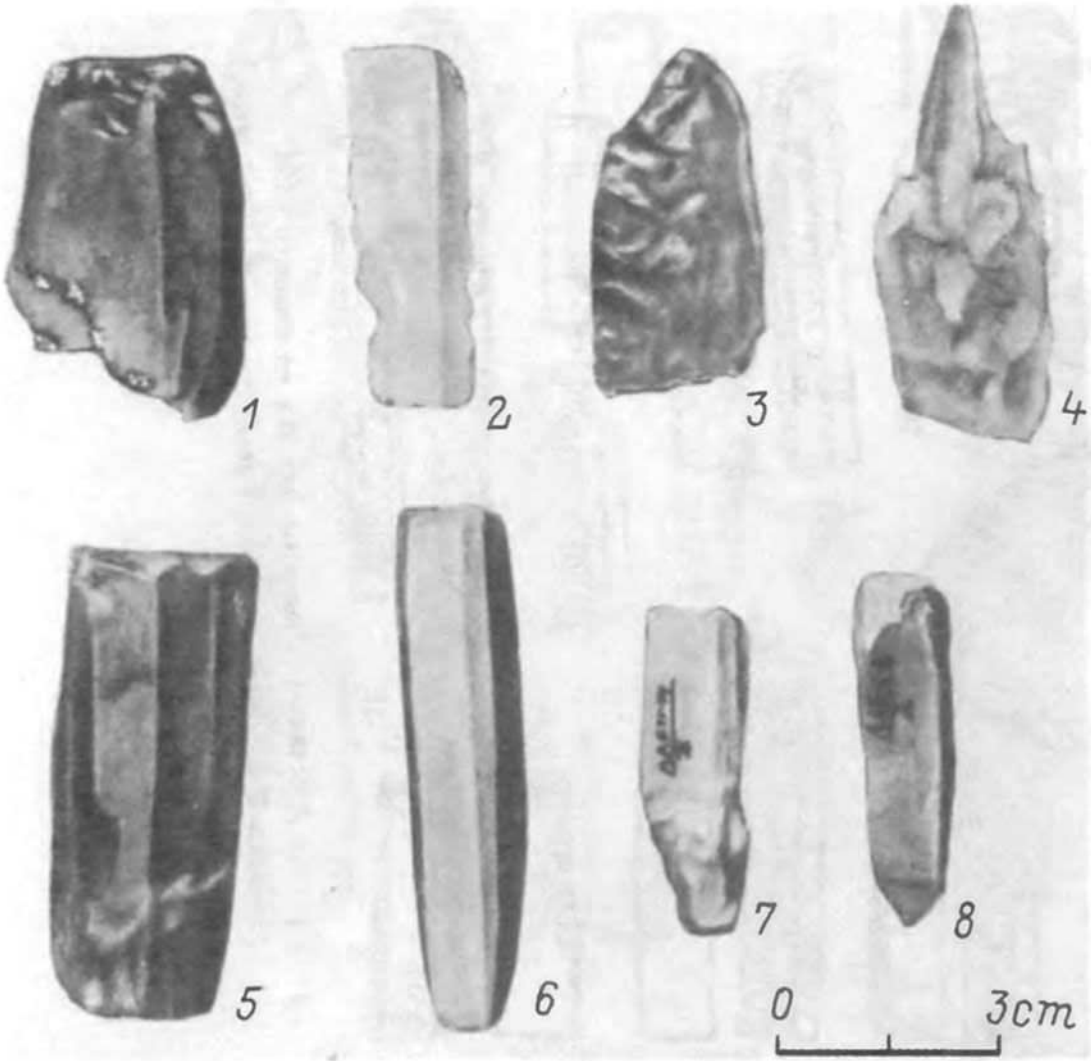
13. Каменные изделия со стоянок Лабаз VI (1), Новорыбное VI (2), Лабаз III (3), Блудная II (4, 5).

Stone implements from different sites: Labaz VI (1); Novorybnoye VI (2); Labaz III (3); Bludnaya II (4, 5).

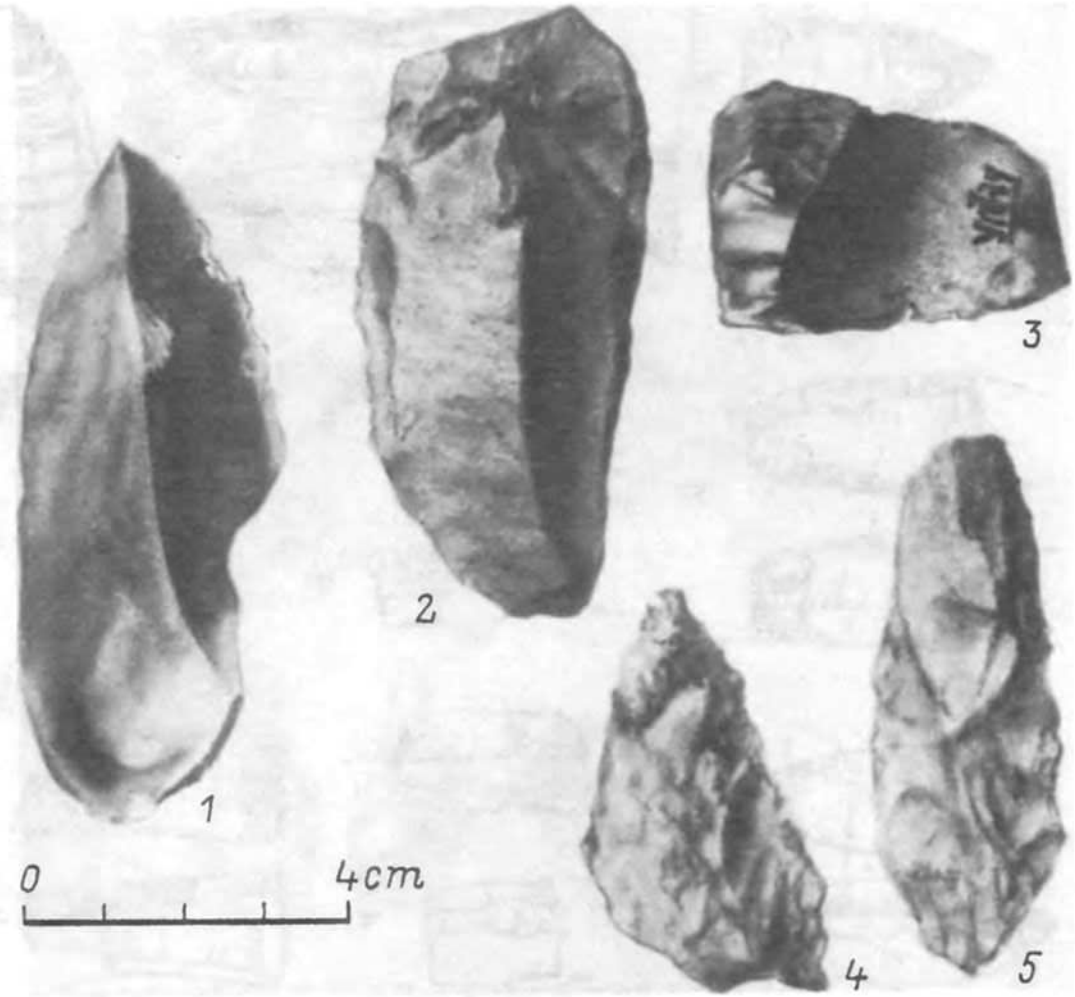
14. Каменные изделия со стоянок Новорыбное I-б (1), Новая VIII (2), Блудная II, пункт 1 (3), Новорыбное II (4), Усть-Попигай I (5, 6, 14), Лабаз II (7, 10), Лабаз XI (8), Лабаз I (9), Харгы III (11, 15), Лабаз VIII (12, 13).

Stone artifacts from different sites: Novorybnoye I-b (1); Novaya VIII (2); Bludnaya II, the 1st point (3); Novorybnoye II (4); Ust'-Popigai I (5, 6, 14); Labaz II (7, 10); Labaz XI (8); Labaz I (9); Khargy III (11, 15); Labaz VIII (12, 13).

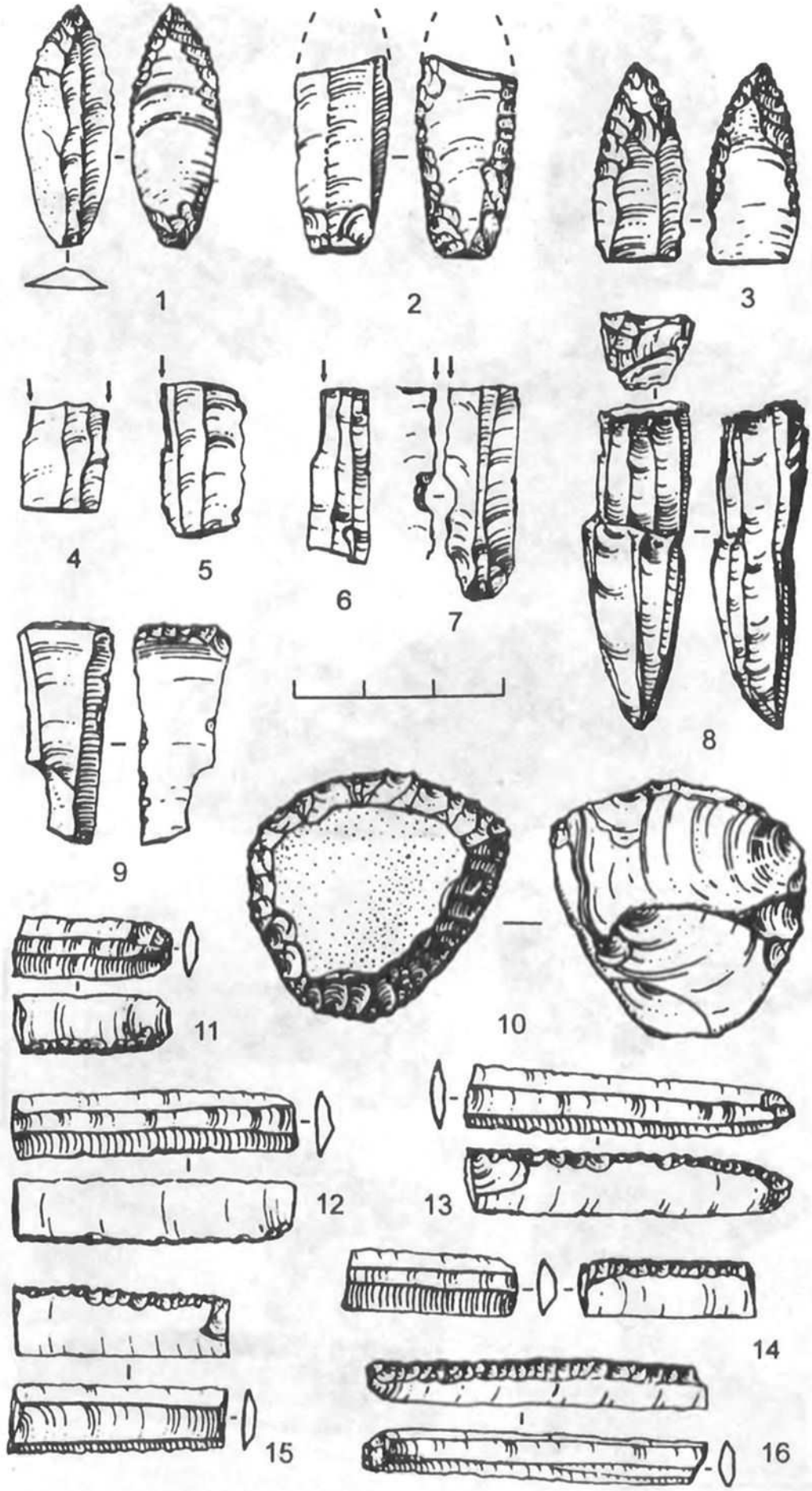
15. Каменные изделия со стоянок Лабаз VI (1, 2, 6—8), Лабаз III (3, 4), Новорыбное I-б (5).

Stone artifacts from different sites: Labaz VI (1, 2, 6—8); Labaz III (3, 4); Novorybnoye I-b (5).

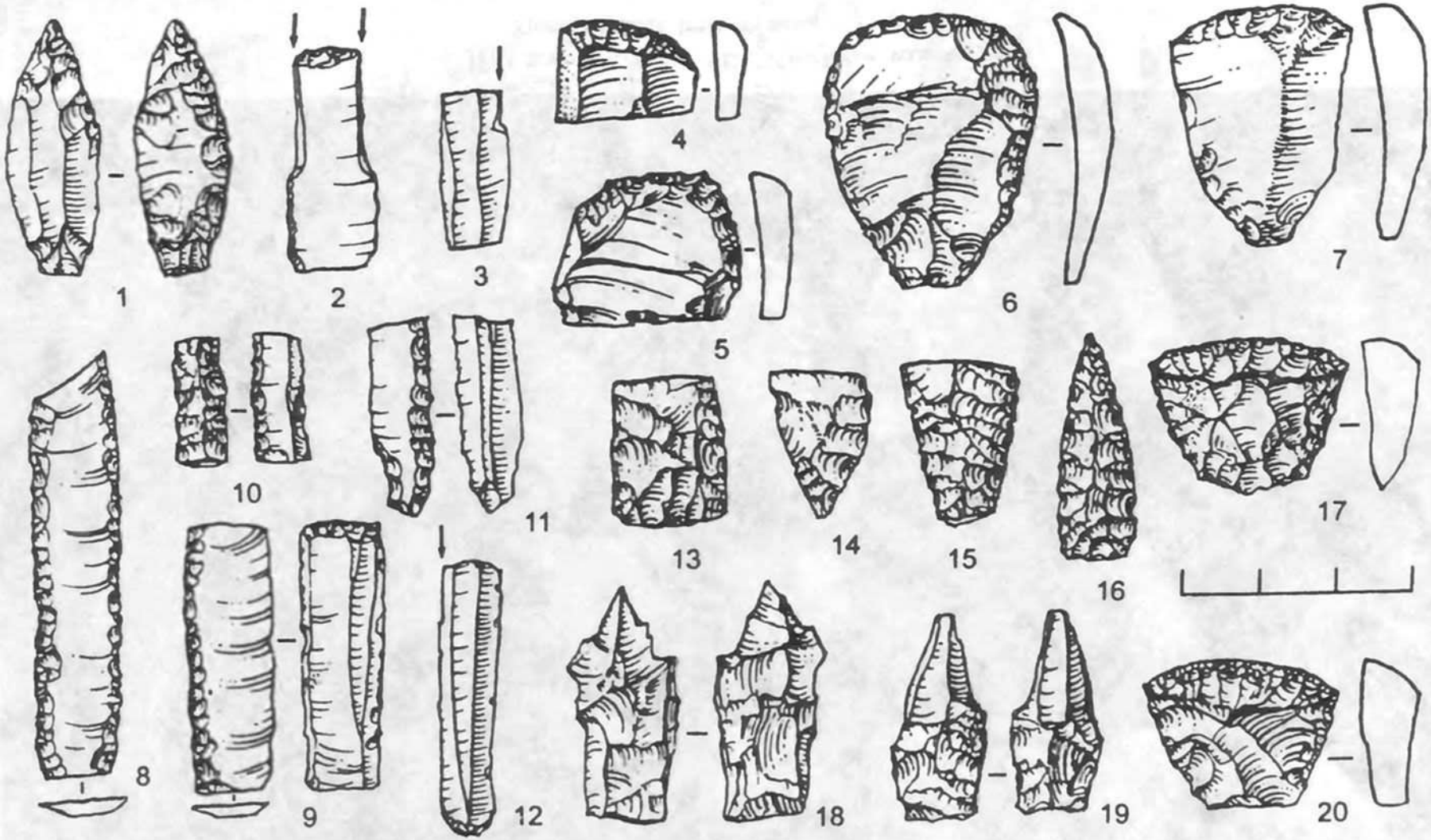

16. Каменные изделия со стоянок Новорыбное VI (1, 5), Новая VII (2), Усть-Попигай I (3), Харгы III (4).

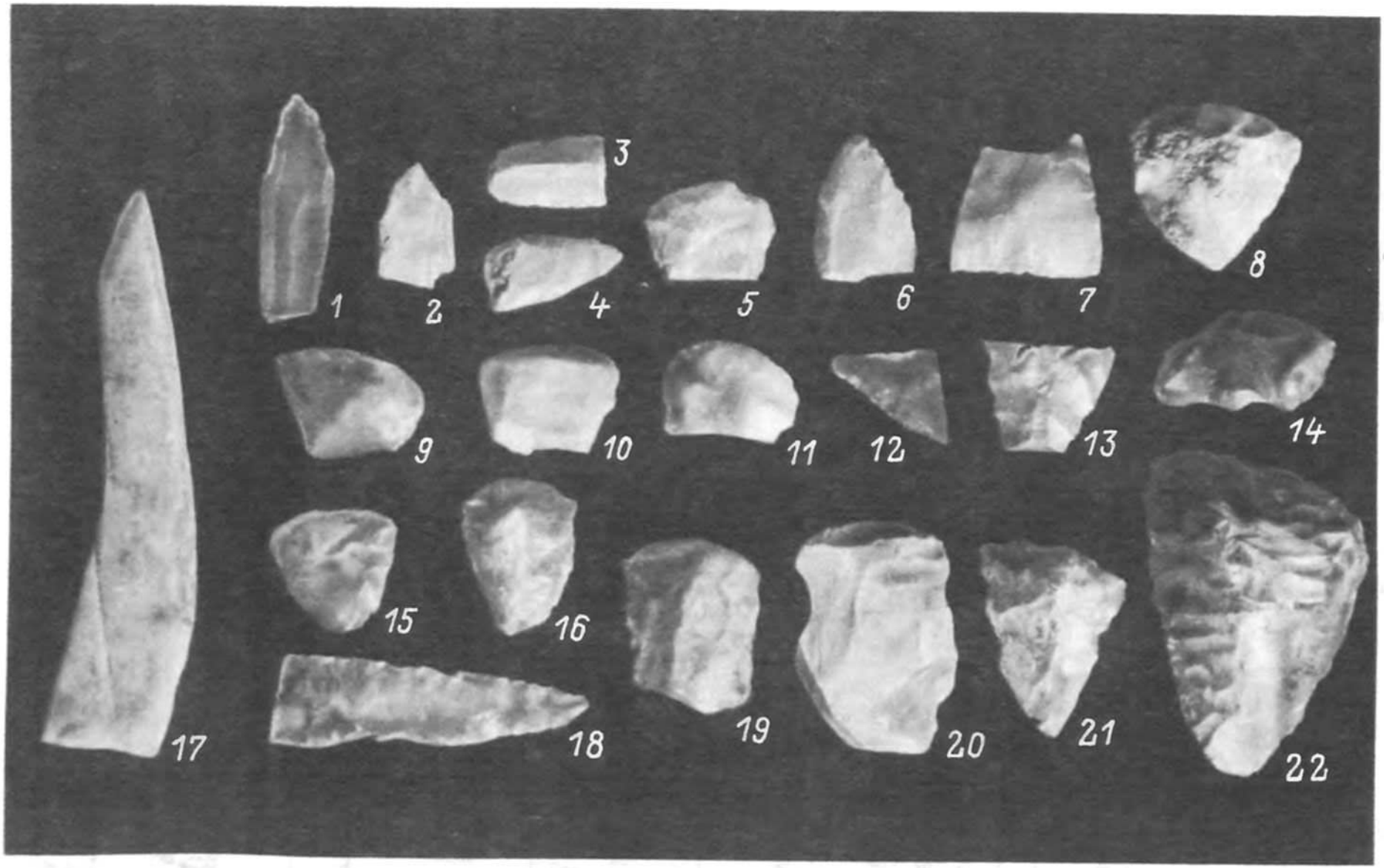
Stone artifacts from different sites: Novorybnoye VI (1, 5); Novaya VIII (2); Ust'-Popigay I (3); Khargy III (4).

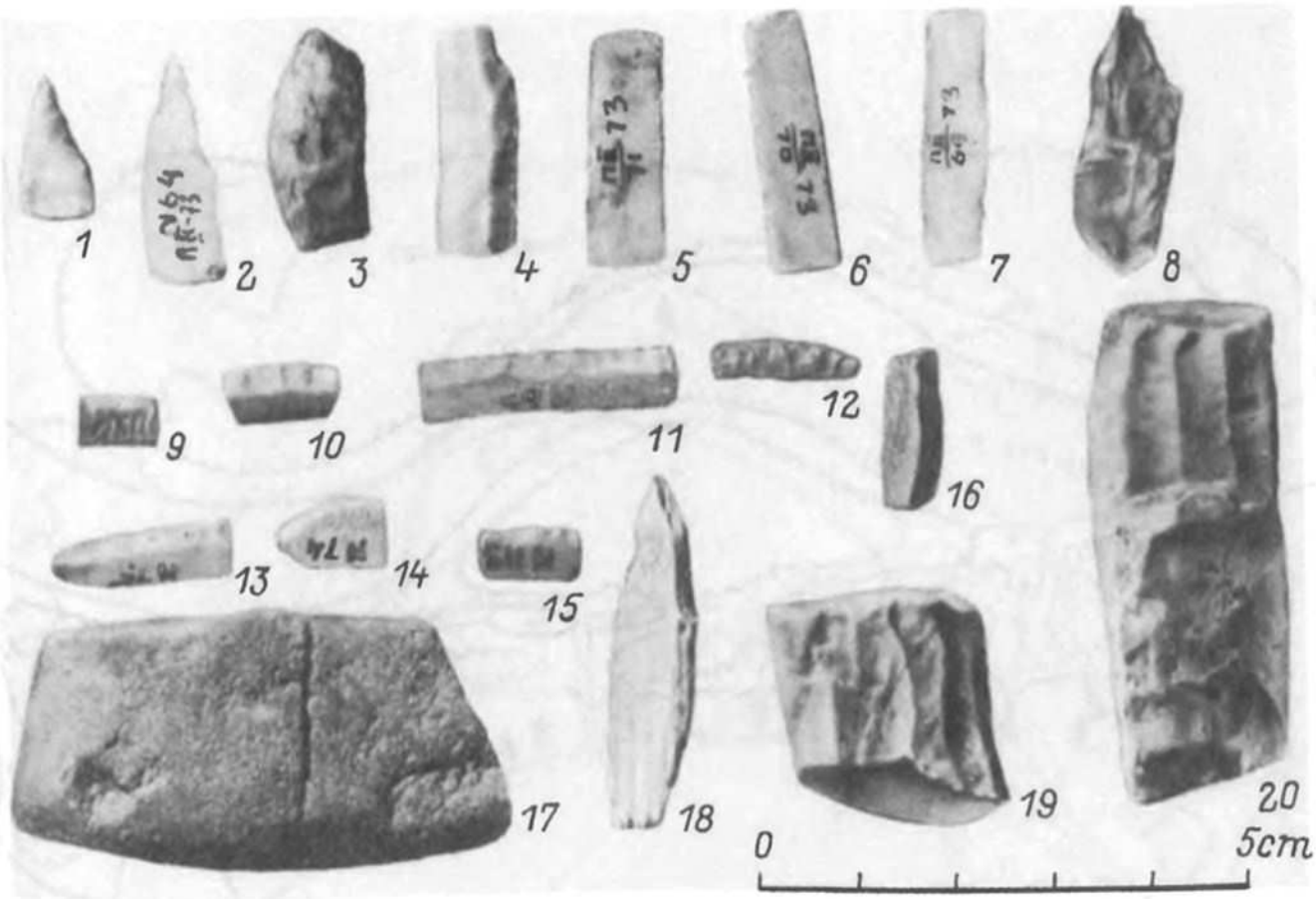
17. Стоянка Абылаах I. Каменные изделия из нижнего слоя.
Abylaakh I site. Stone implements from the lower cultural layer.

18. Каменные изделия со стоянки Глубокое I (1—10 — нижний слой; 11—20 — верхний слой).
Stone objects from Glubokoye I (1—10 — from the lower level; 11—20 — from the upper one).

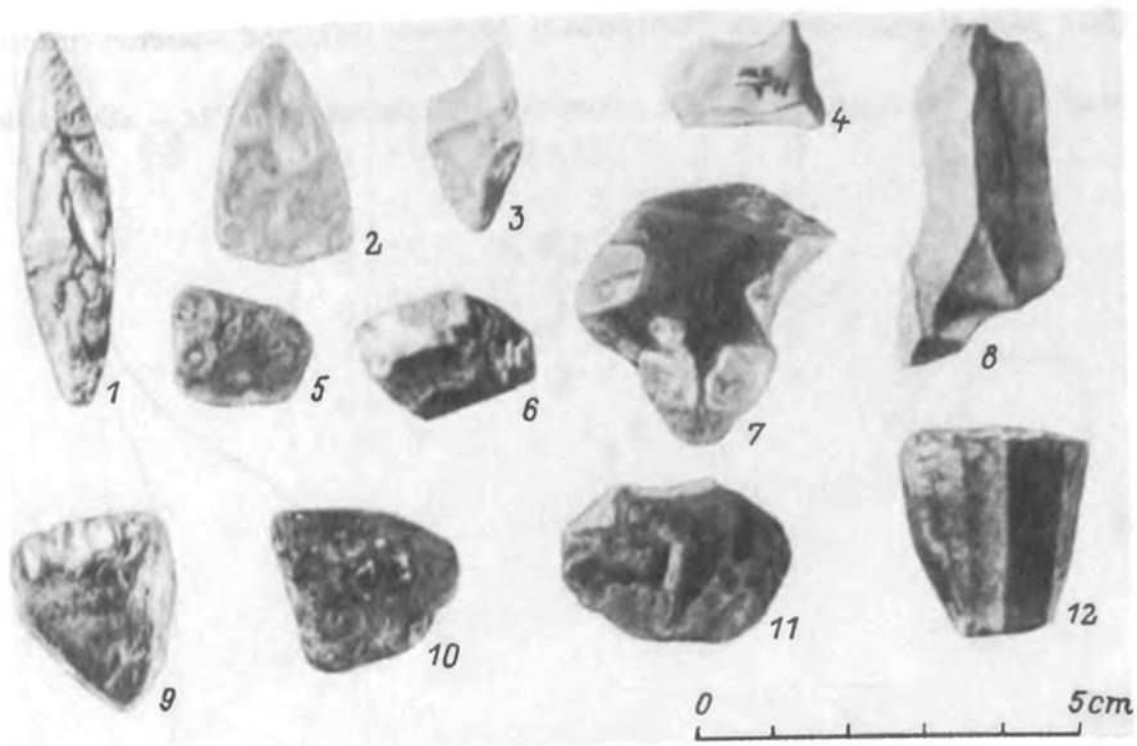

19. Стоянка Пясина VIII. Каменные изделия.
Stone artifacts from Pyasina VIII site.

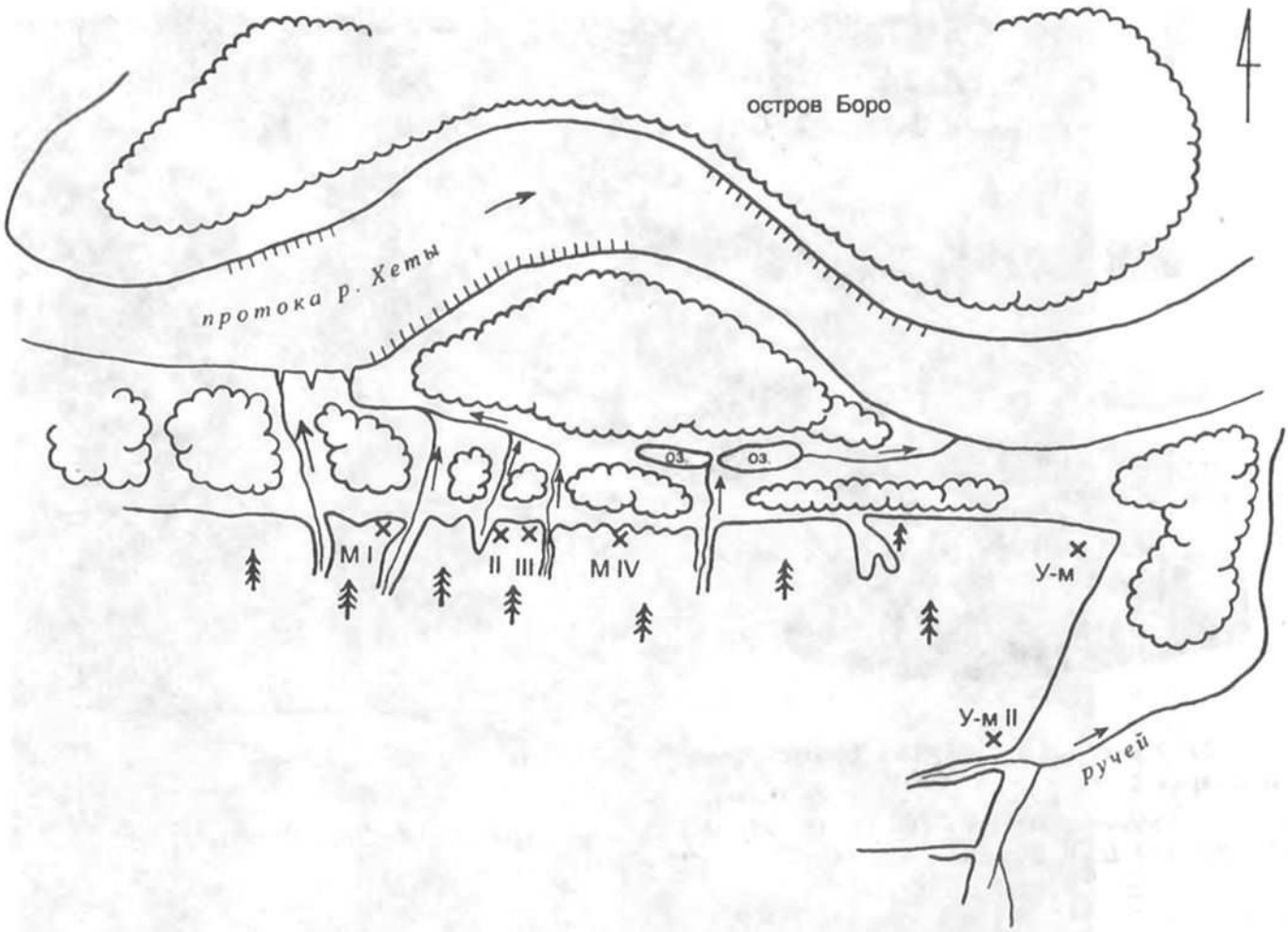
20. Каменные (1—17, 19, 20) и костяное (18) изделия со стоянок Пясина II (1—3, 5—20) и Боярка I (4).

Stone implements (1—17, 19, 20) and the bone artifact (18) from Pyasina II site (1—3, 5—20), and from Boyarka I site (4).

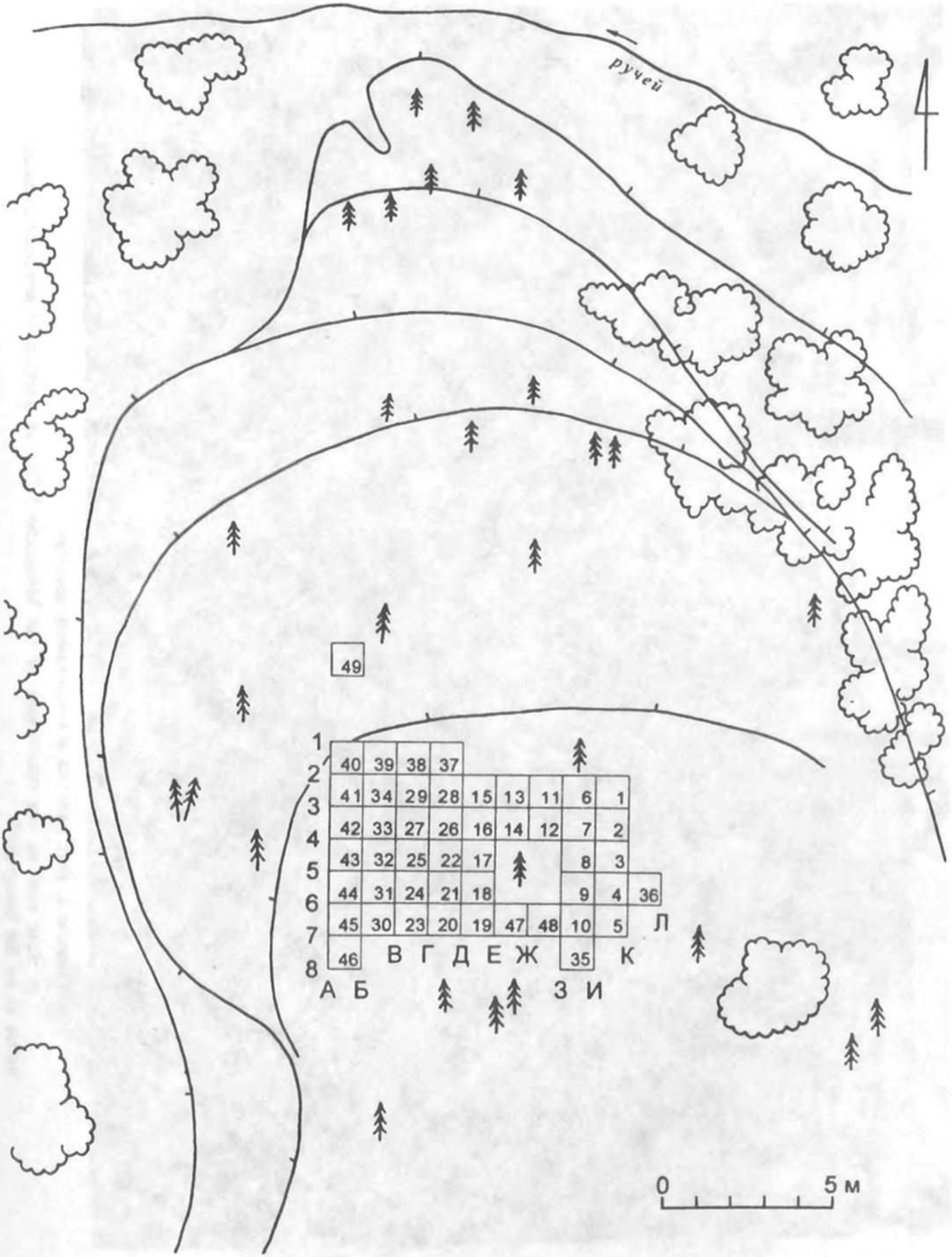
21. Каменные изделия со стоянок рек Хеты и Хатанги: 1 — фактория Карго; 2 — Сахыр-Чюепе-Юрех I; 3, 8 — Сахыр-Чюепе-Юрех III; 4, 6, 7 — Жданиха III; 5 — Усть-Боярка; 9 — Усть-Жданиха; 10—12 — Боярка I.

Stone tools from different sites locating in the Kheta and Khatanga River valleys, of: 1 — Faktoriya (Cargo trading station); 2 — Sakhyr-Chuyepe-Yuryakh I; 3, 8 — Sakhyr—Chuyepe—Yuryakh III; 4, 6, 7 — Zhdanikha III; 5 — Ust'-Boyarka; 9 — Ust'-Zhdanikha; 10—12 — Boyarka I.

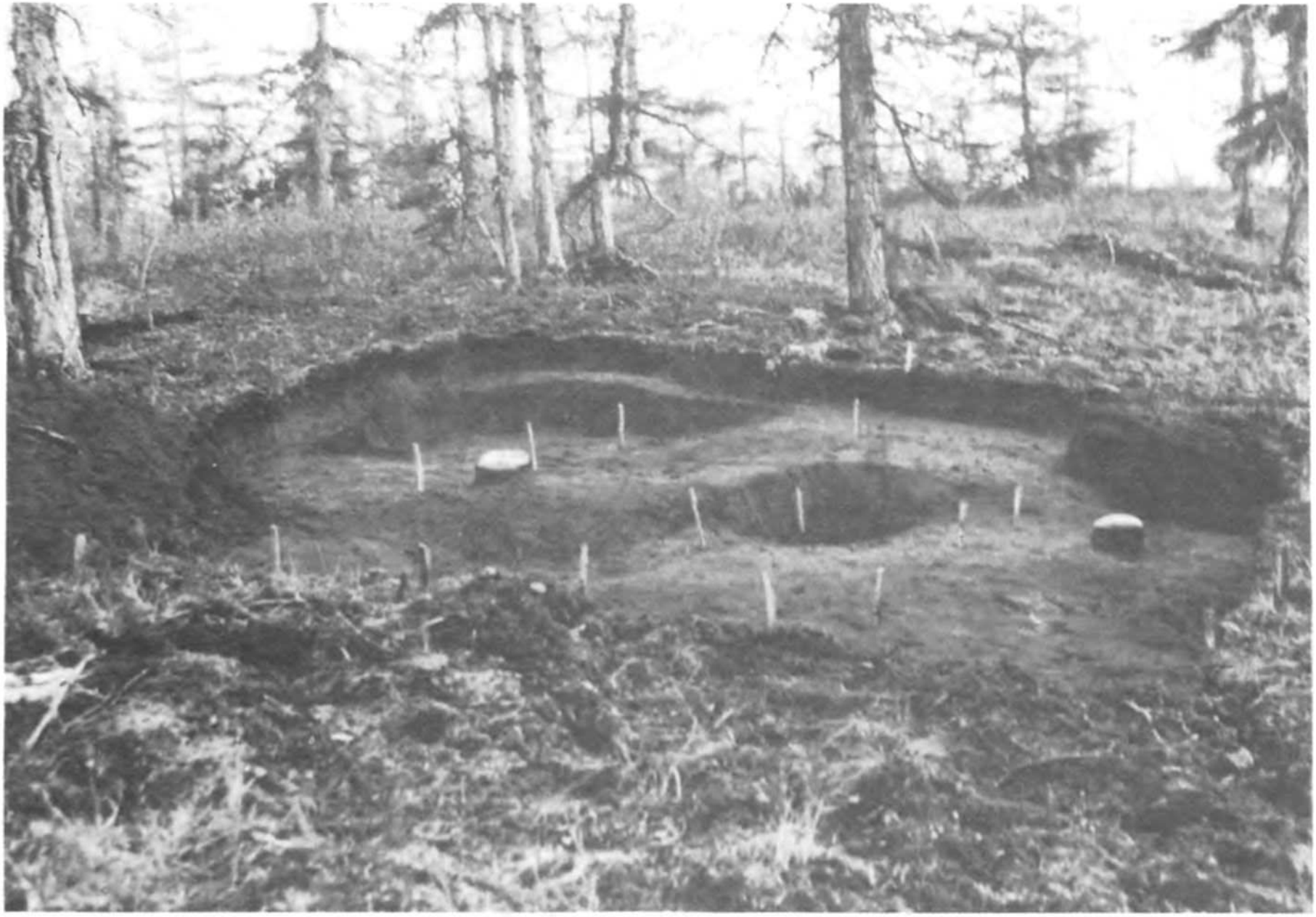

22. План расположения стоянок близ устья р. Маймече (МІ...УМ — местоположение стоянок).

Map of the site locations near the Maimeche River outfall (MI...УМ — site locations).

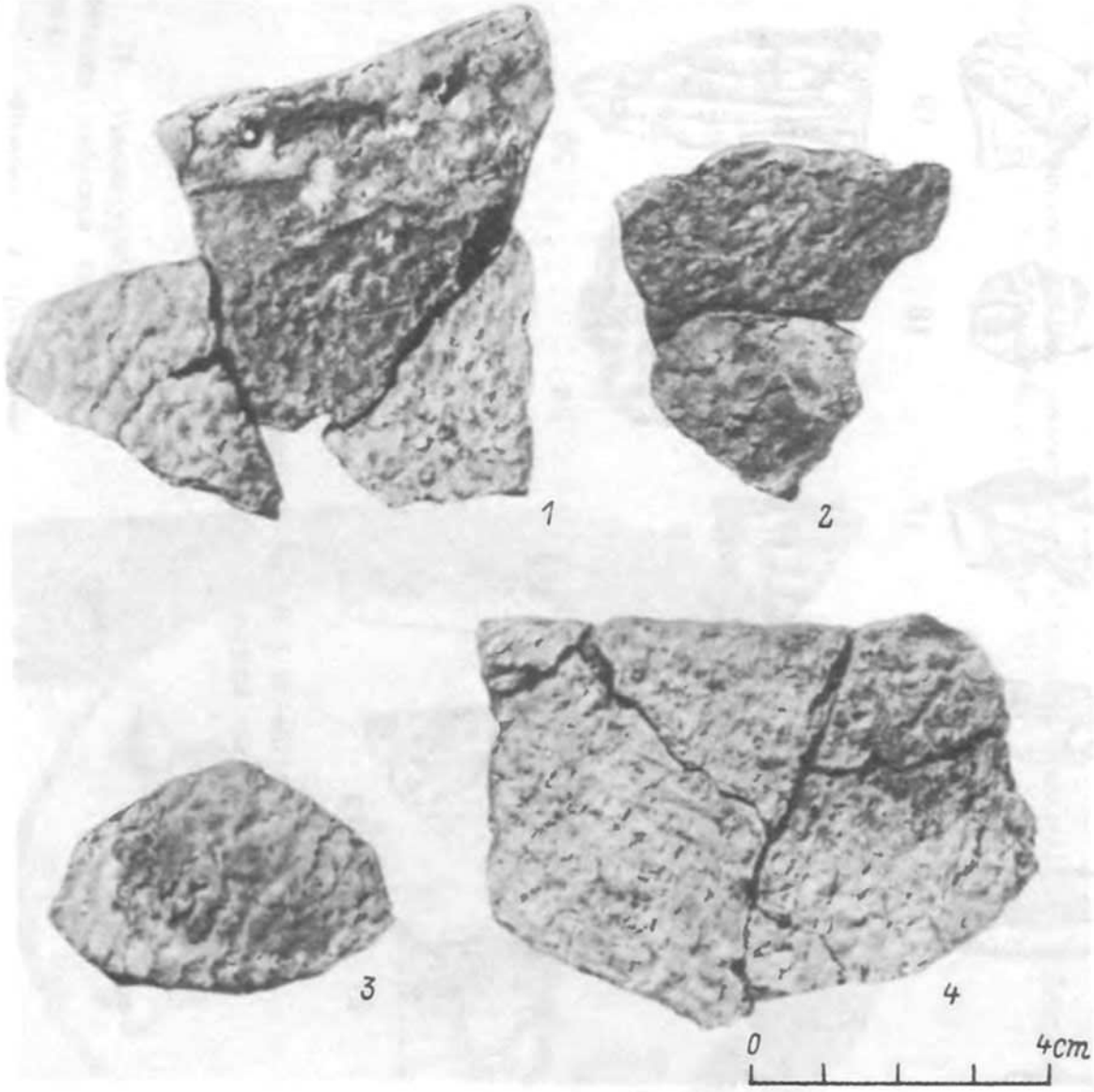

23. План раскопа на стоянке Маймече I.
Excavation map of the Maimeche I site.

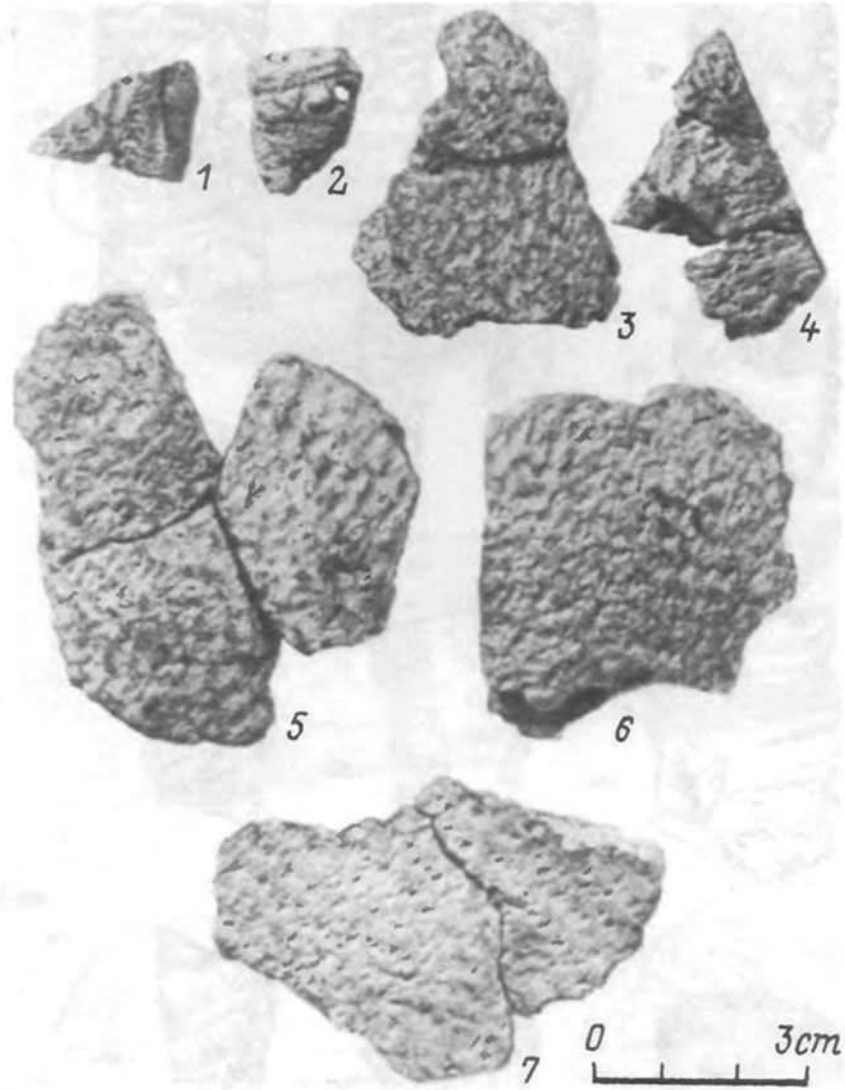

24. Маймече I. Вид раскопа с котлованом жилища.

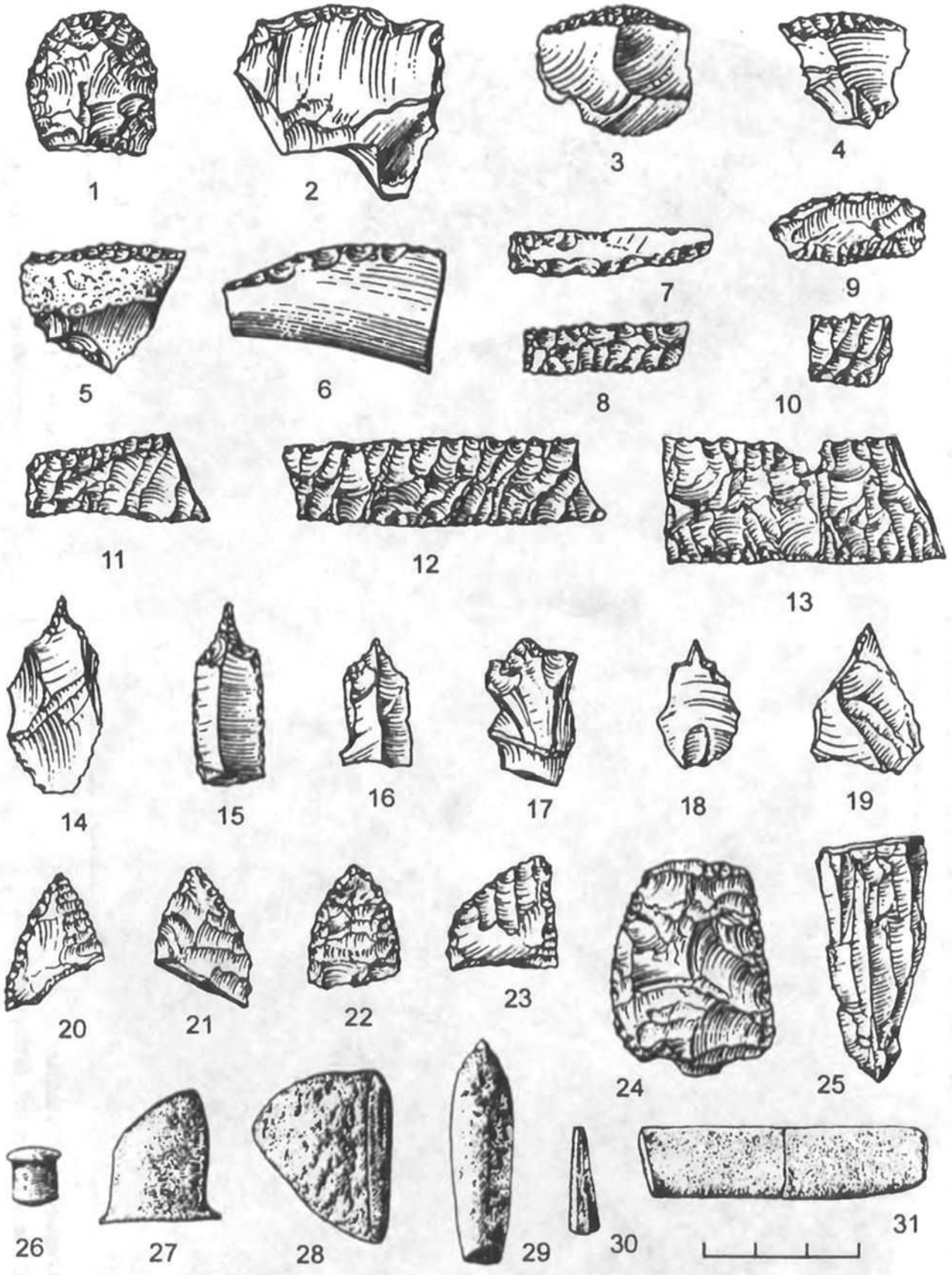
A close view on the excavations of the Maimeche I Site. A portion of semisubterranean house is on the foreground.

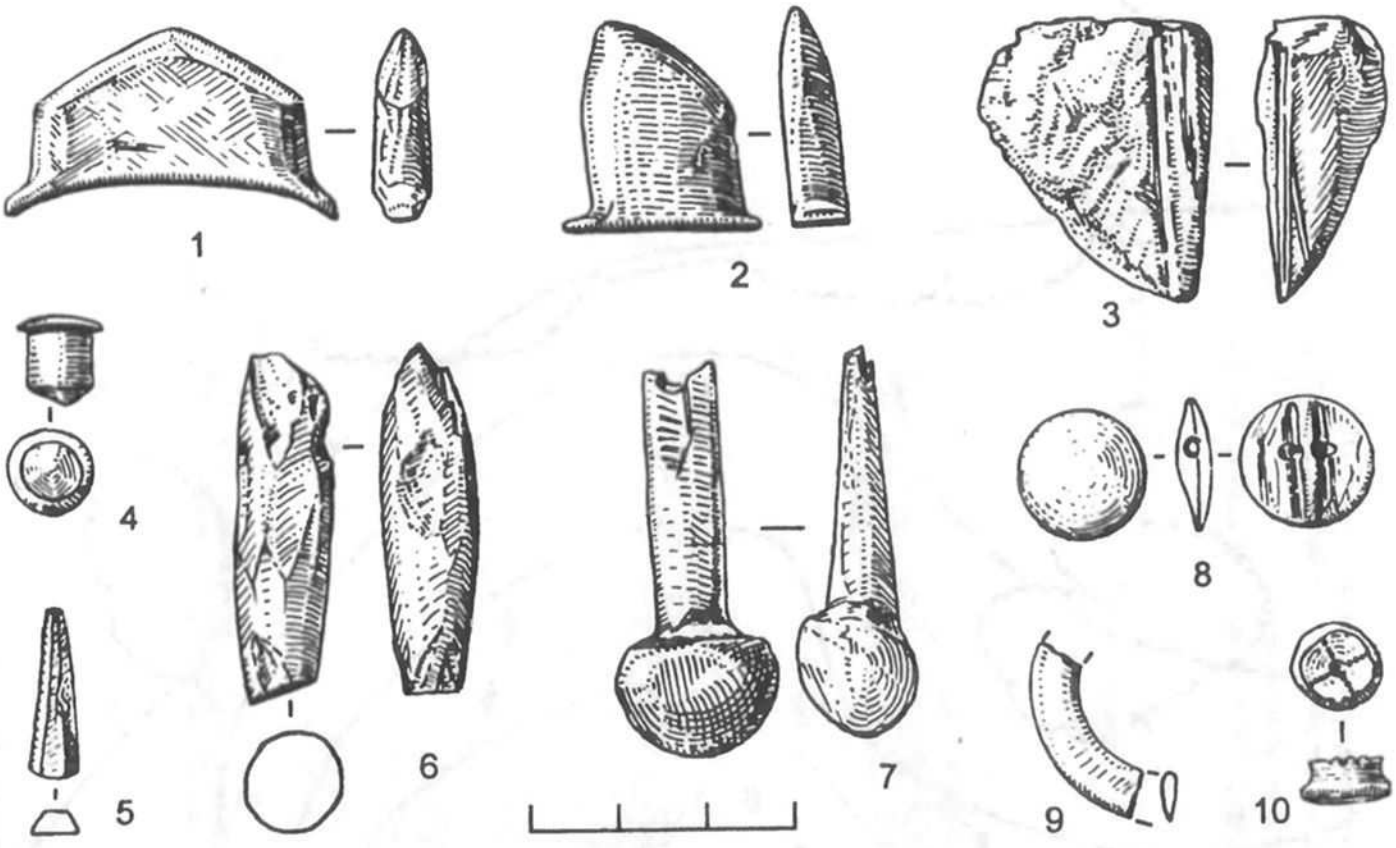
25. Маймече I. Керамика.
Ceramics from the Maimeche I site.

26. Маймече I. Керамика.
Ceramics from Maimeche I site.

27. Маймече I. Каменные изделия.
Stone artifacts from Maimeche I site.

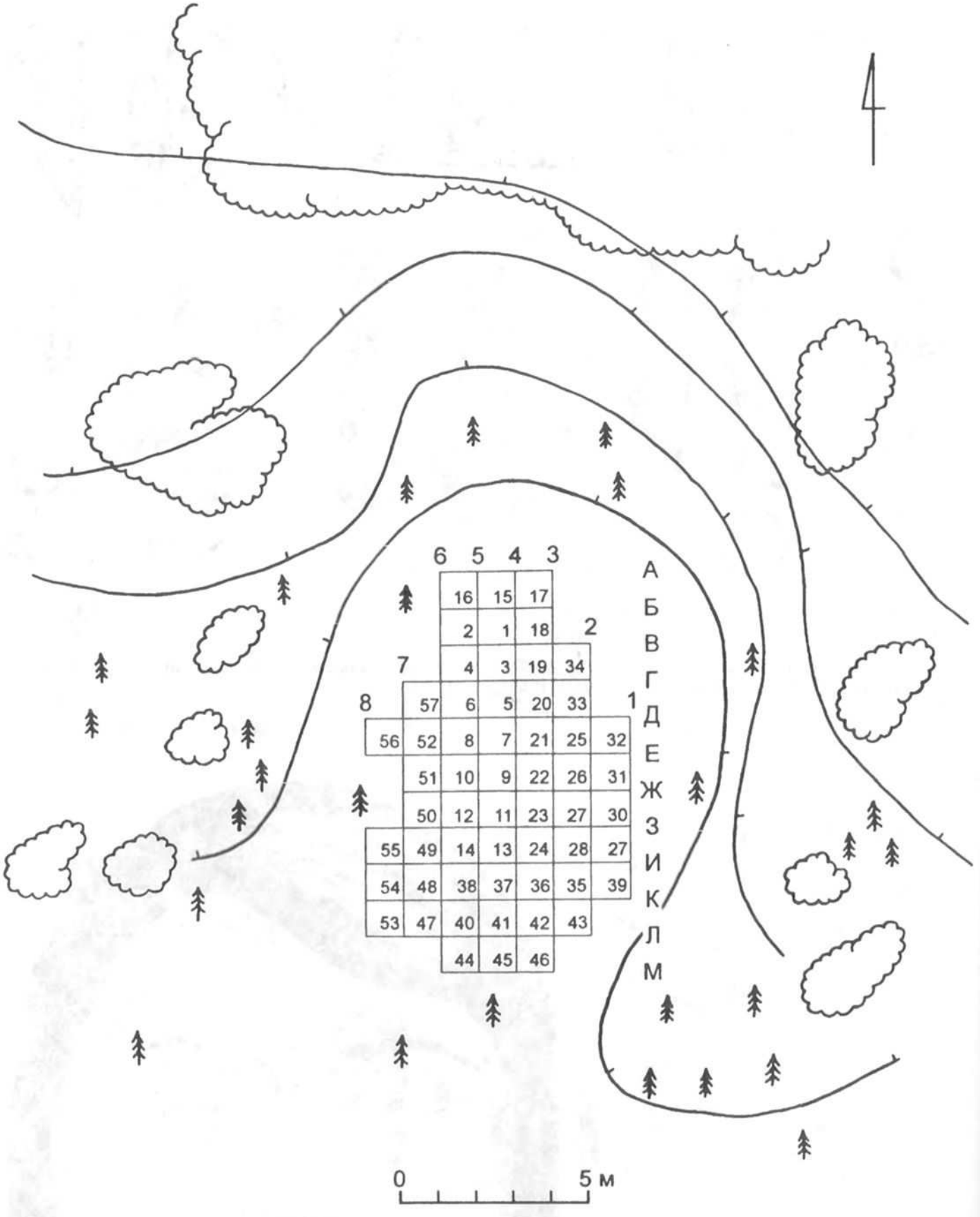
28. Украшения и их заготовки из камня: 1, 7—9 — Маймече IV; 2—6 — Маймече I; 10 — Харгы III.

Adornments and their preforms made of soapstone, collected from different sites: 1, 7—9 — Maimeche IV; 2—6 — Maimeche I; 10 — Khargy III.

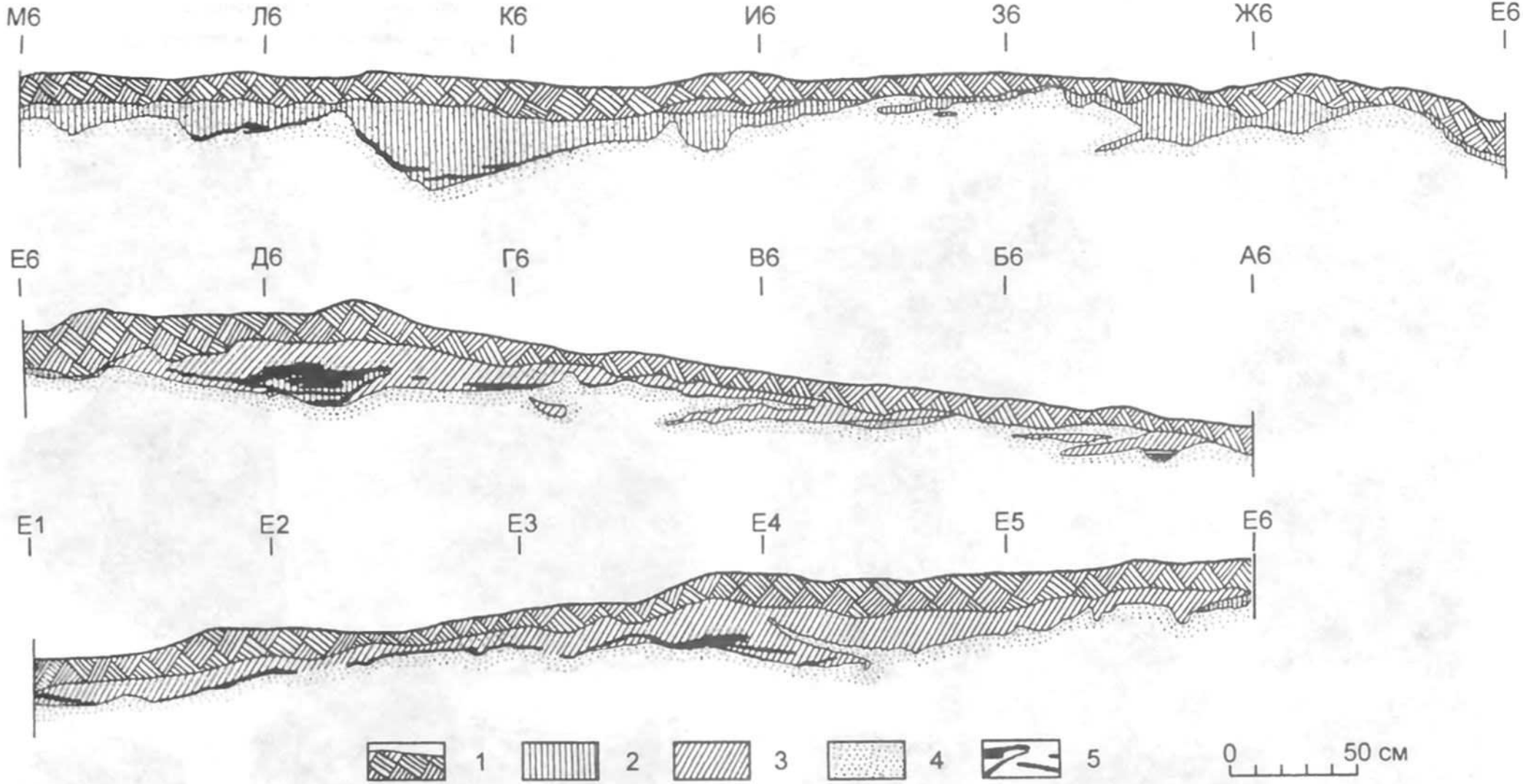
29. Реконструкция способа ношения лабреток латерального типа.

Wearing of lateral-type labrets (graphic reconstruction).

30. Маймече IV. План раскопа.

The excavation map of the Maimeche IV site.

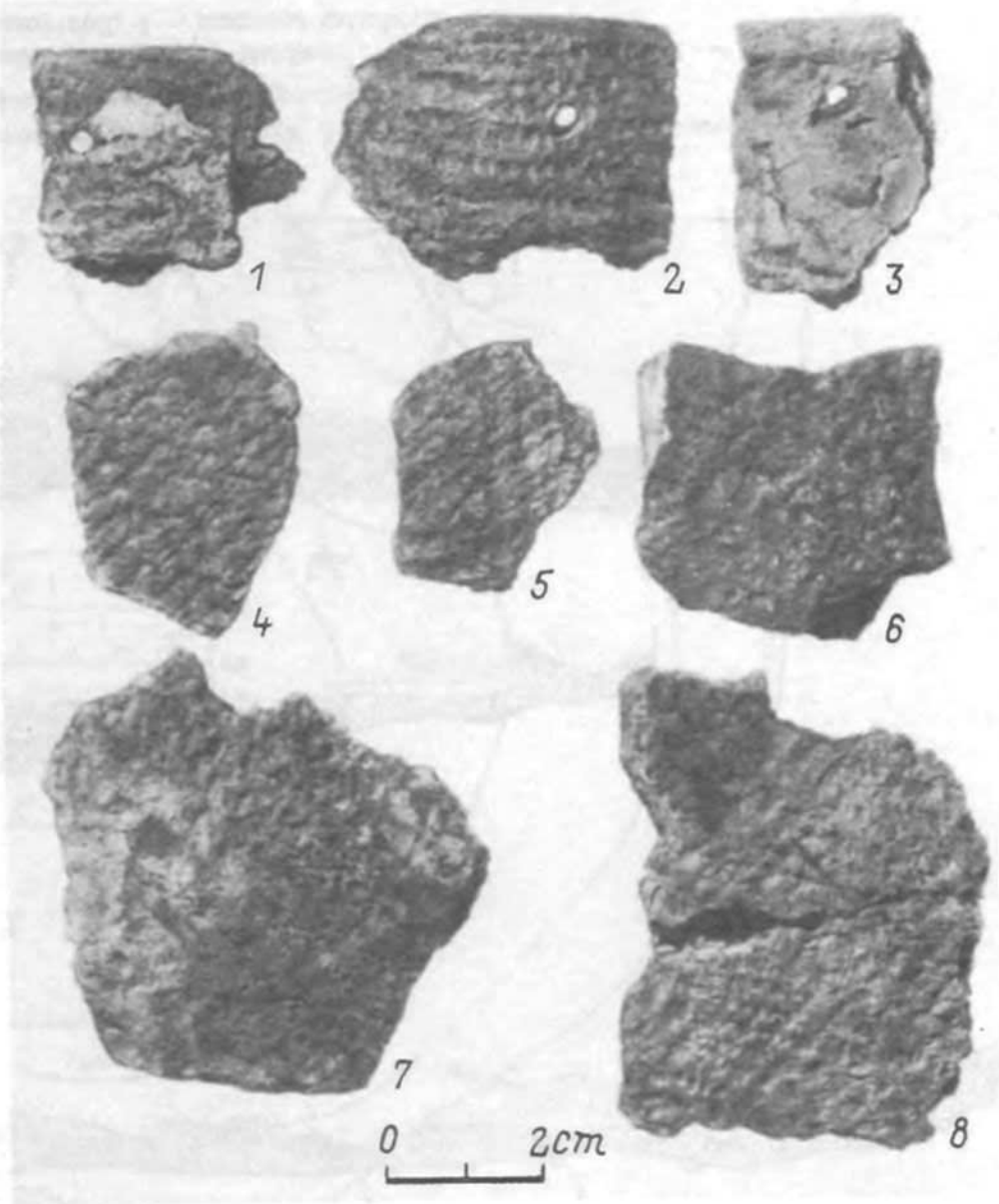

31. Маймече IV. Стратиграфия: 1 — дерново-почвенный слой; 2 — желтый песок; 3 — красновато-коричневый песок; 4 — серый суглинок; 5 — углистые прослойки.

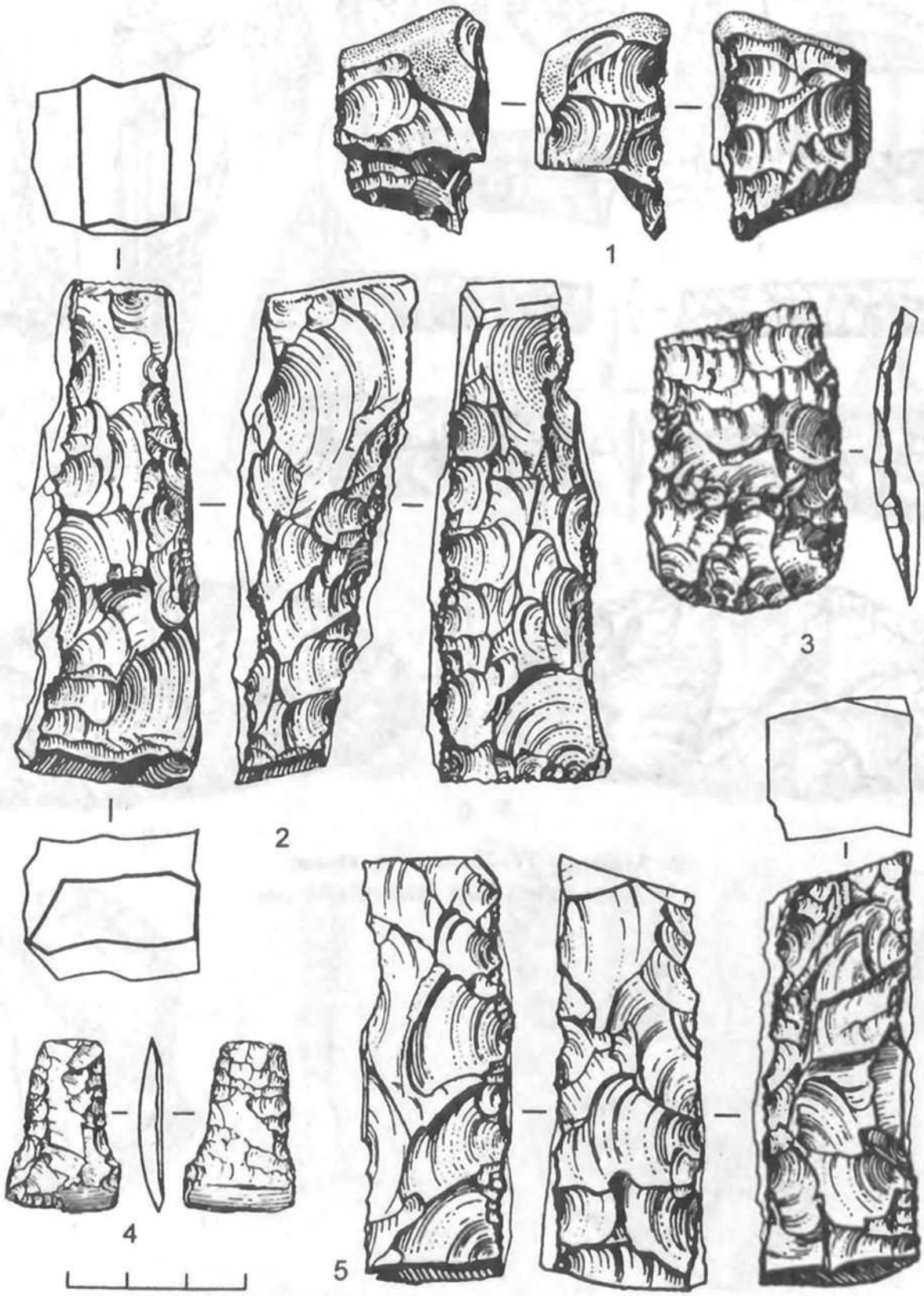
Cross-sections of the Maimeche IV site. Stratigraphy studied: 1 — upper soil (turf); 2 — yellow sand; 3 — red-brown sand; 4 — grey loamy soil; 5 — charcoal interbeds.

32. Маймече IV. Керамика.
Ceramics from the Maimeche IV site.

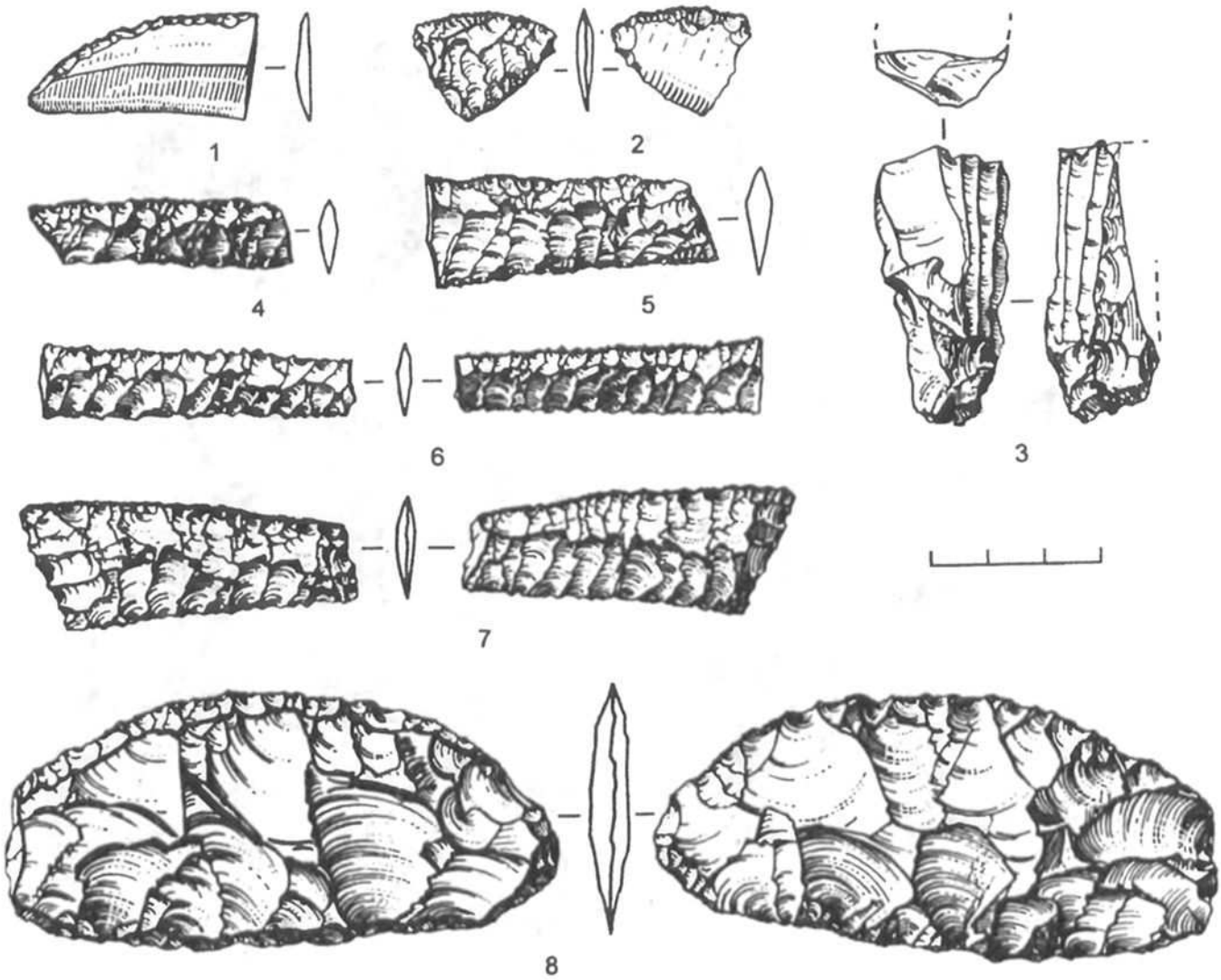

33. Маймече IV. Керамика.
Ceramics from Maimeche IV site.

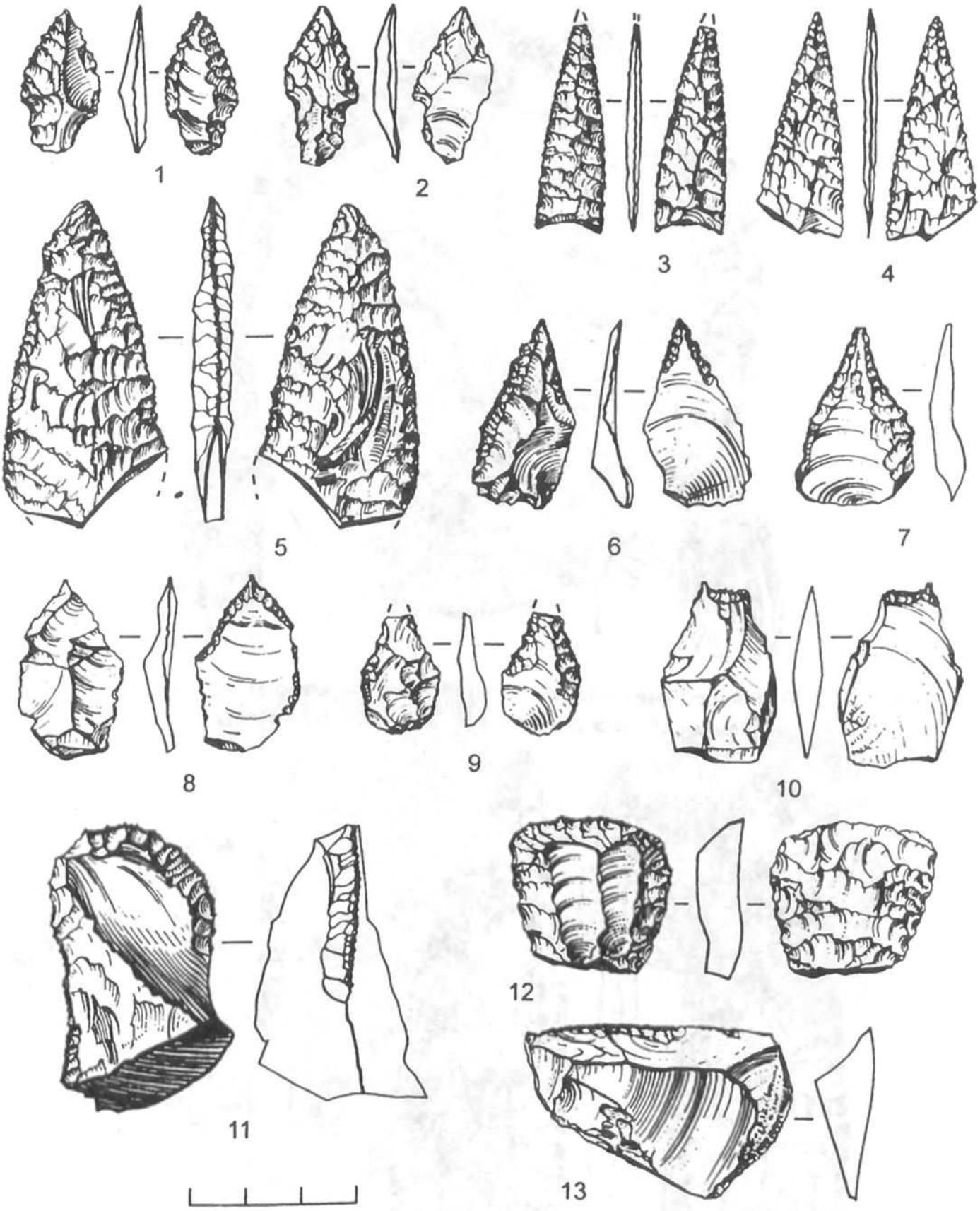

34. Маймече IV. Тесла и их заготовки.

Adzes and their preforms excavated from Maimeche IV site.

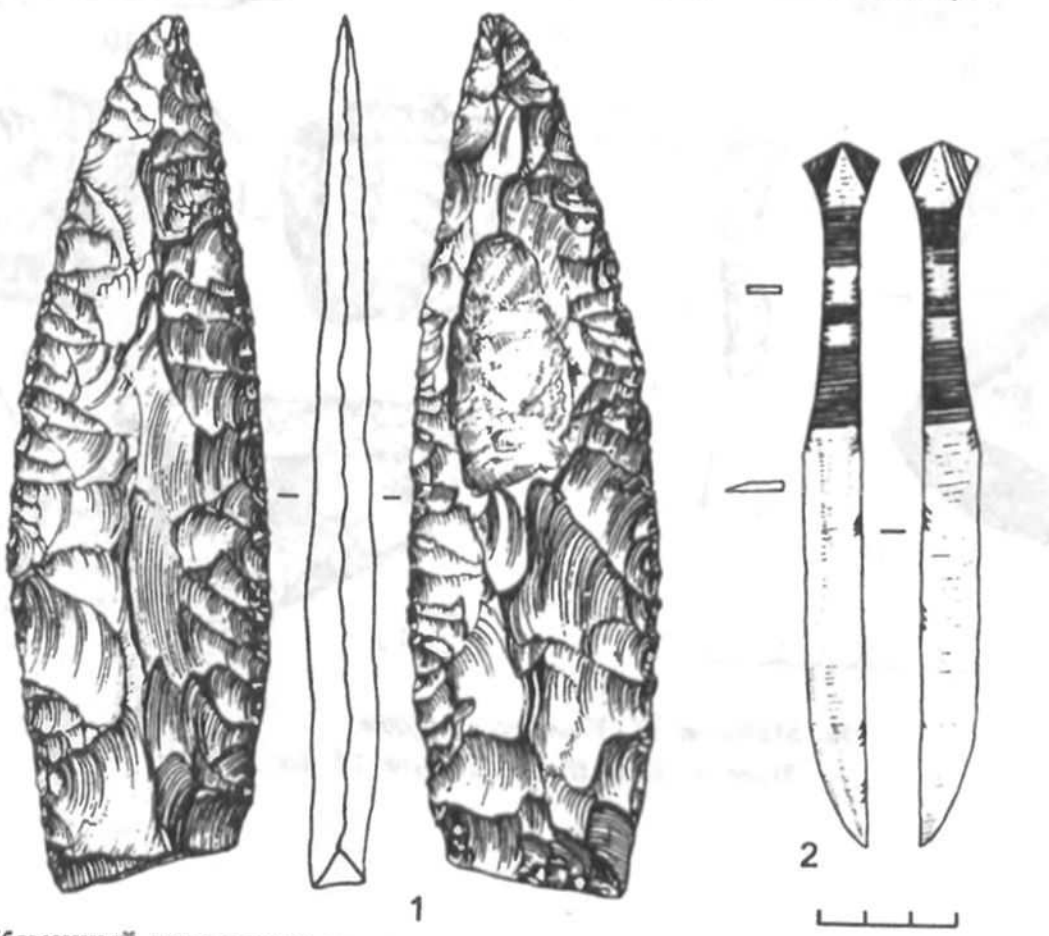
35. Маймече IV. Изделия из камня.
Stone objects from Maimeche IV site.

36. Маймече IV. Каменные орудия.
Stone artifacts from Maimeche IV site.

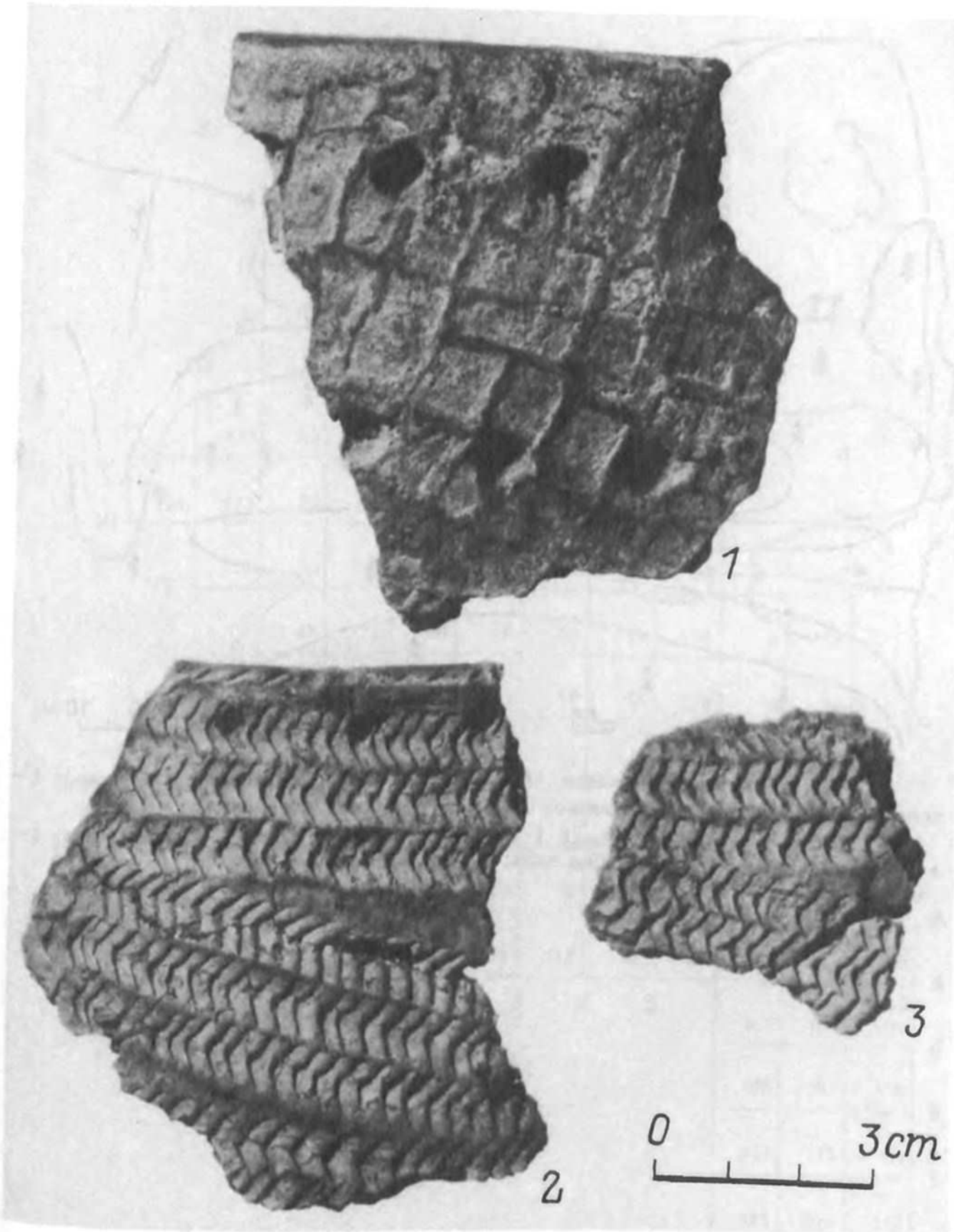

37. Реконструкция способа ношения лабретки медиального типа.
Wearing of the medial-type labrets (graphic reconstruction).

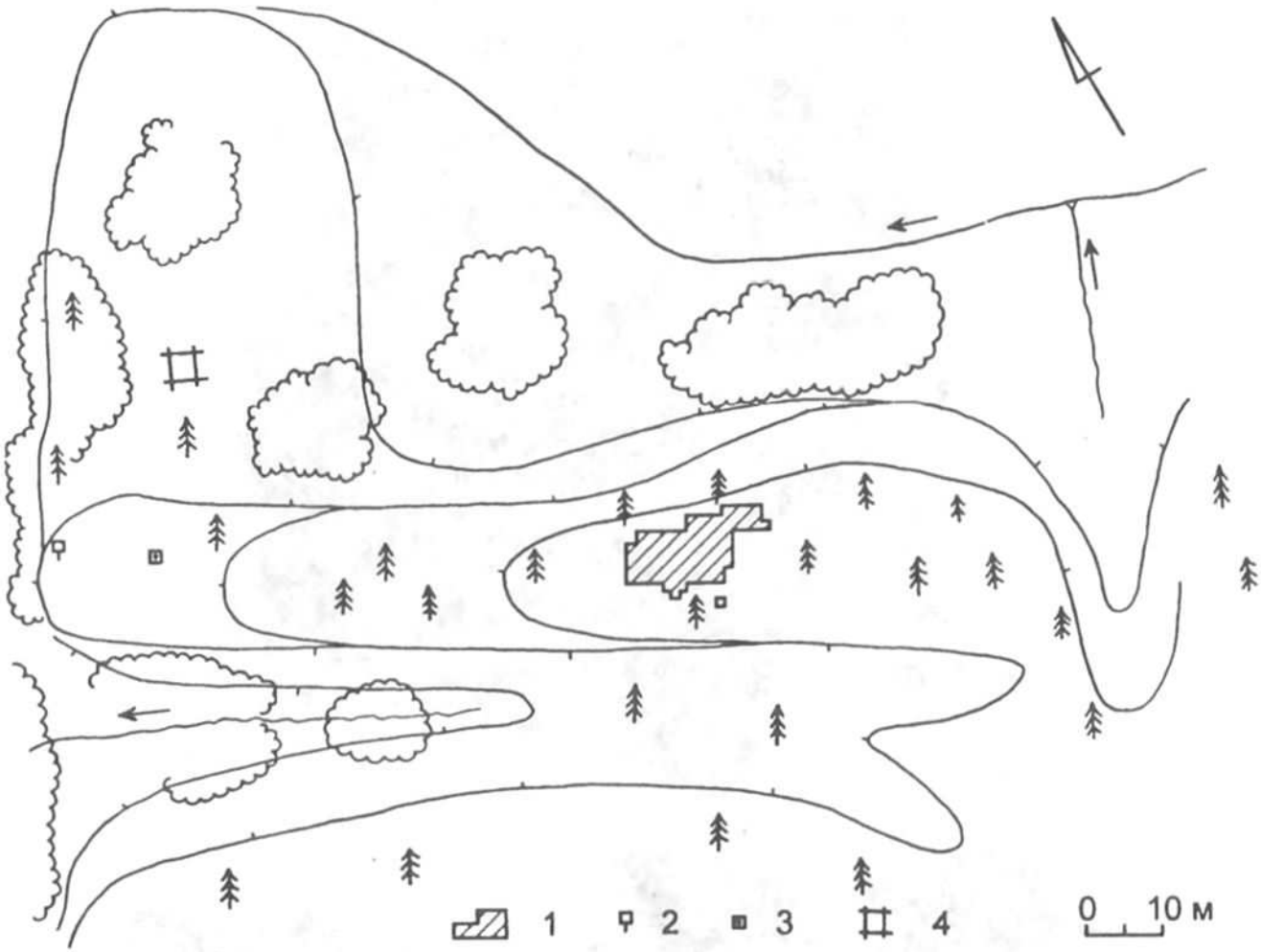

38. Каменный наконечник копья с оз. Дюпкун (1) и железный нож со стоянки Глубокое I (2).

The stone spear-point found on Dyupkun Lake (1) and the iron knife excavated out from the site on Glubokoye Lake (2).

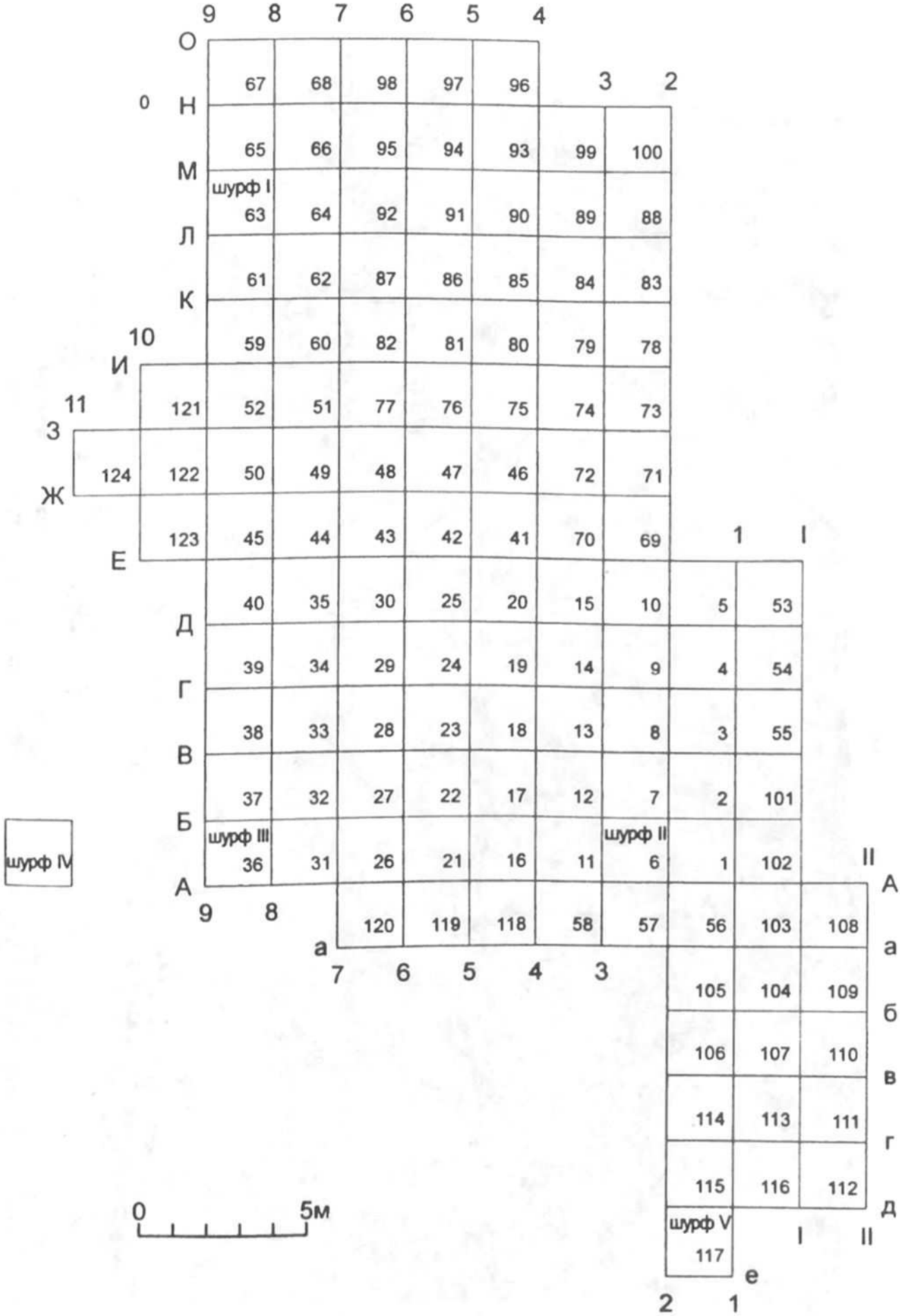

39. Керамика со стоянки Исток Пясины (1) и Усть-Половинка (2, 3).
Ceramics from Istok Pyasina (1) and Ust'-Polovinka (2, 3) sites.

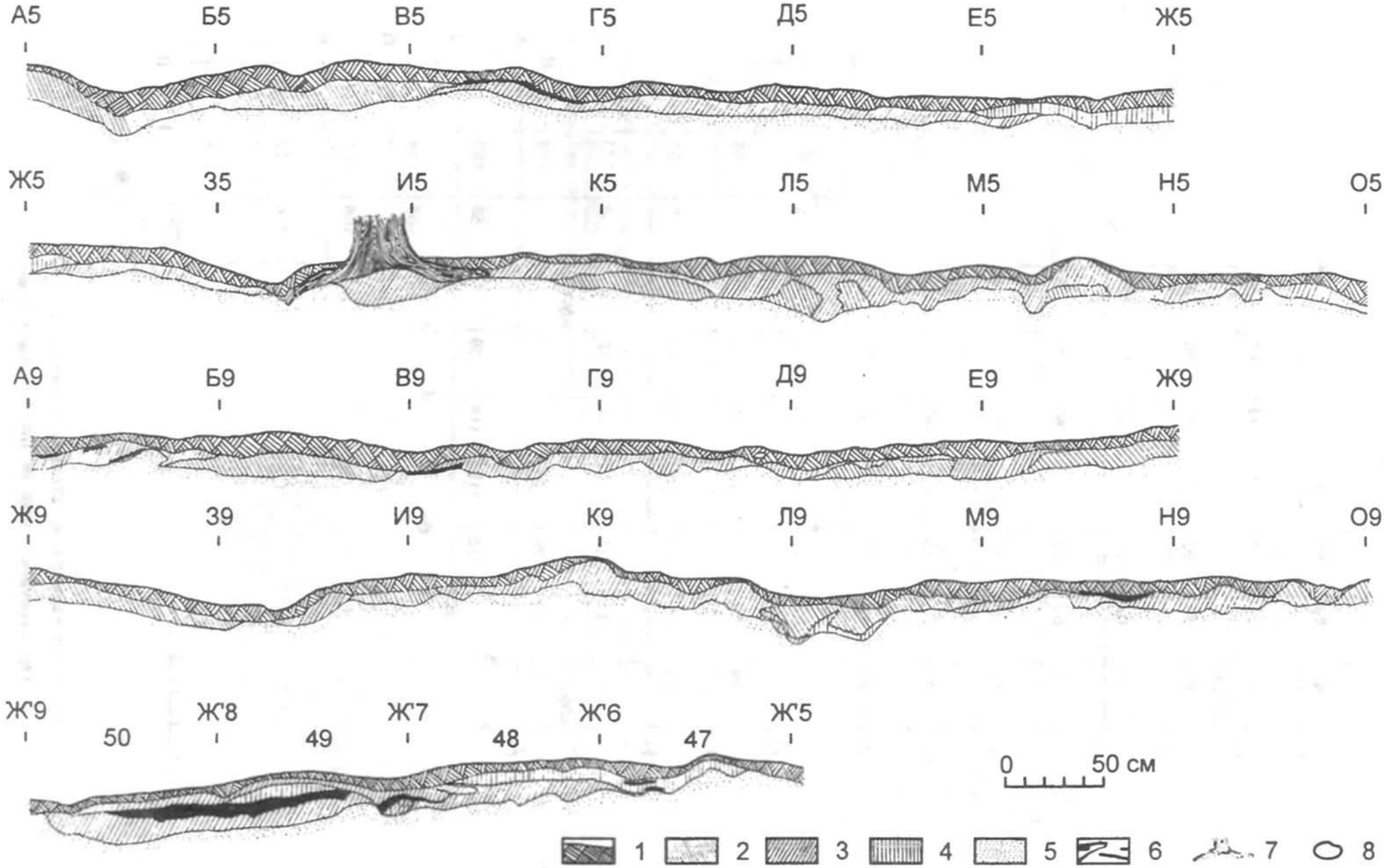

40. План расположения стоянки Абылаах I. Условные обозначения: 1 — раскоп; 2 — топографический знак; 3 — навигационный знак; 4 — развалины избы.

Topography of the Abylaakh I site location. Legend: 1 — the excavated area; 2 — a topographic mark; 3 — a navigation mark; 4 — ruins of a cabin.

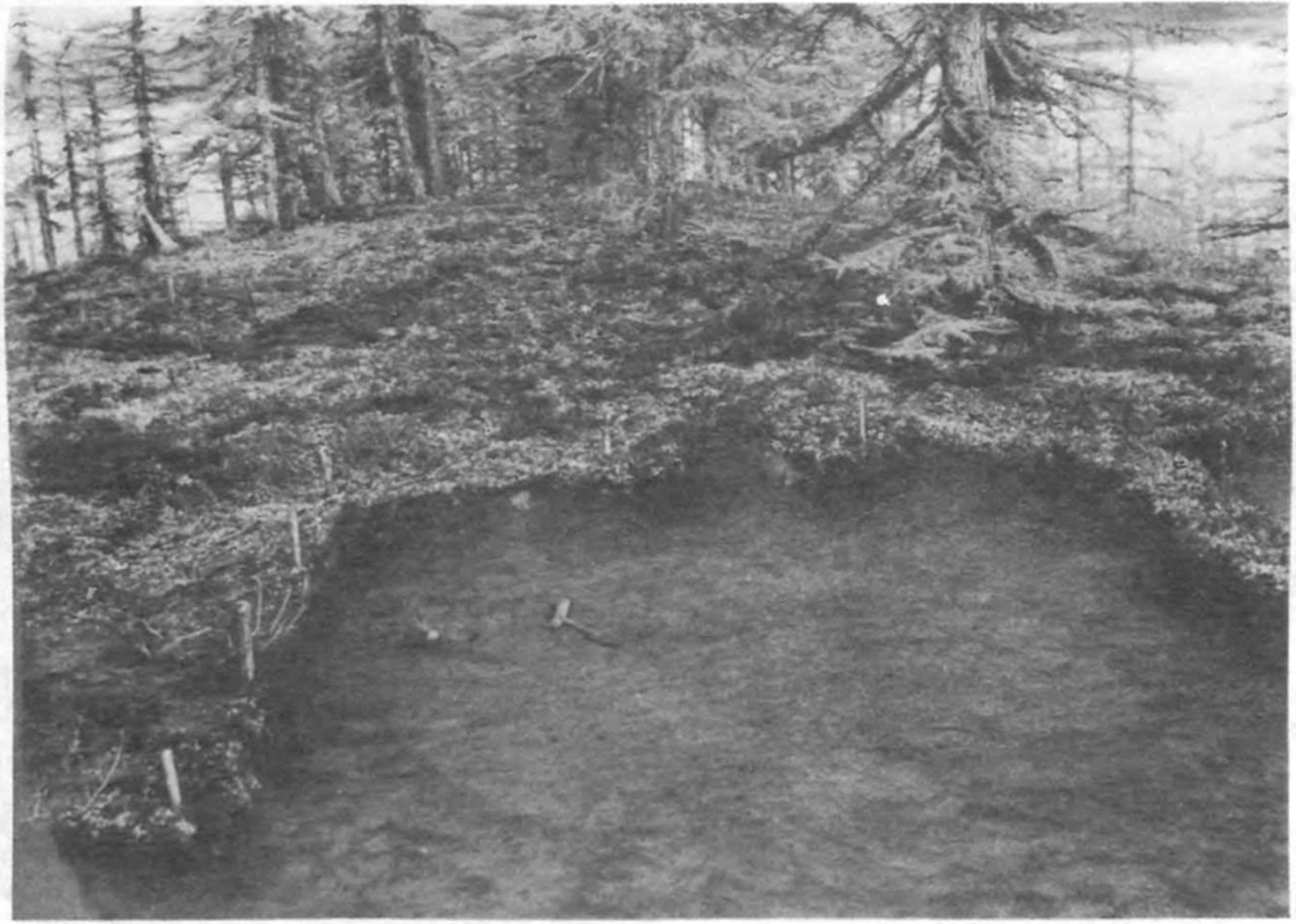

41. План раскопа на стоянке Абылаах I.
The excavation map of the Abylaakh I site.

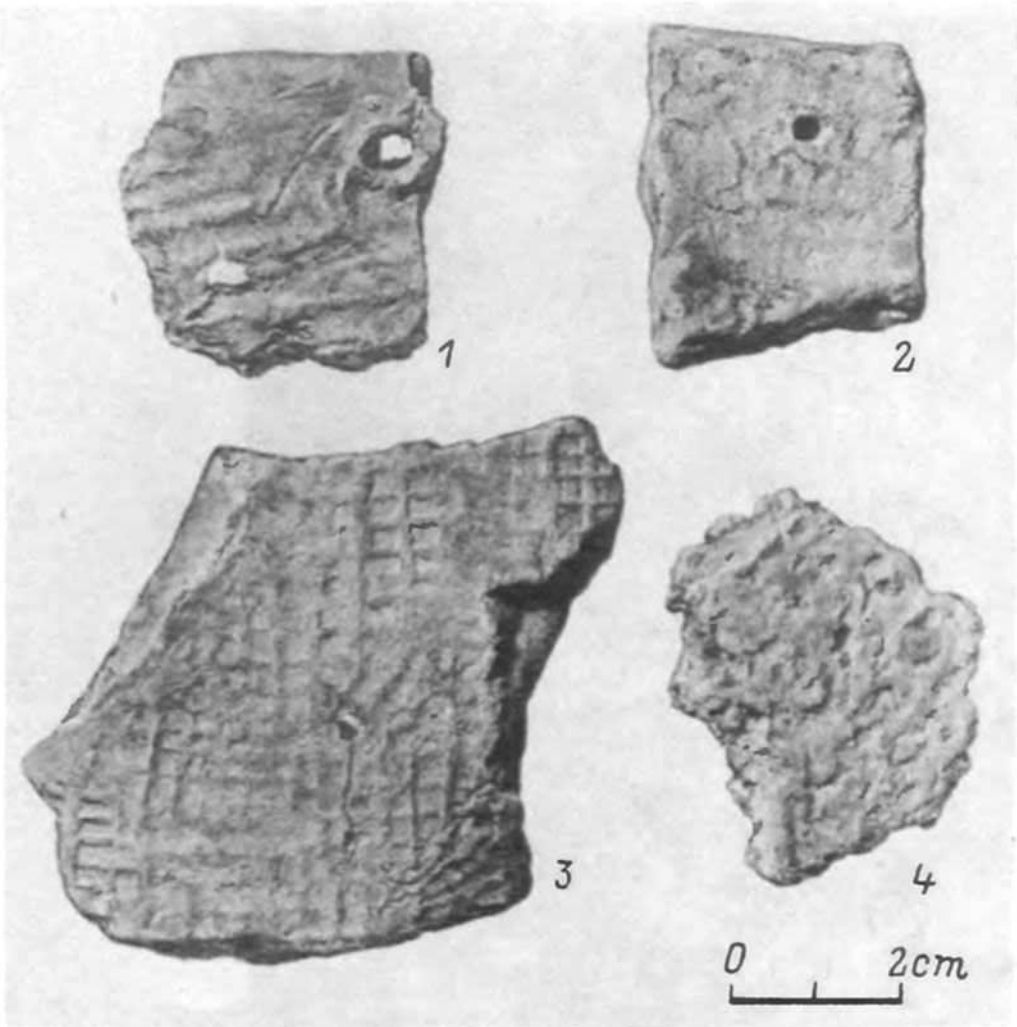

42. Абылаах I. Стратиграфия: 1 — дерново-почвенный слой; 2 — пятнистый слой; 3 — желтый песок; 4 — слой красного цвета; 5 — суглинок или супесь коричневато-серого цвета; 6 — углистые прослойки и кострища; 7 — комель дерева; 8 — камень.

A cross-section of the Abylaakh I site. Legend: 1 — the upper (turf) soil; 2 — spotty-coloured soil; 3 — yellow sand; 4 — red sandy soil; 5 — grey-brown loamy soil; 6 — charcoal interbeds and fair-places; 7 — the root part of a larch tree; 8 — boulders.

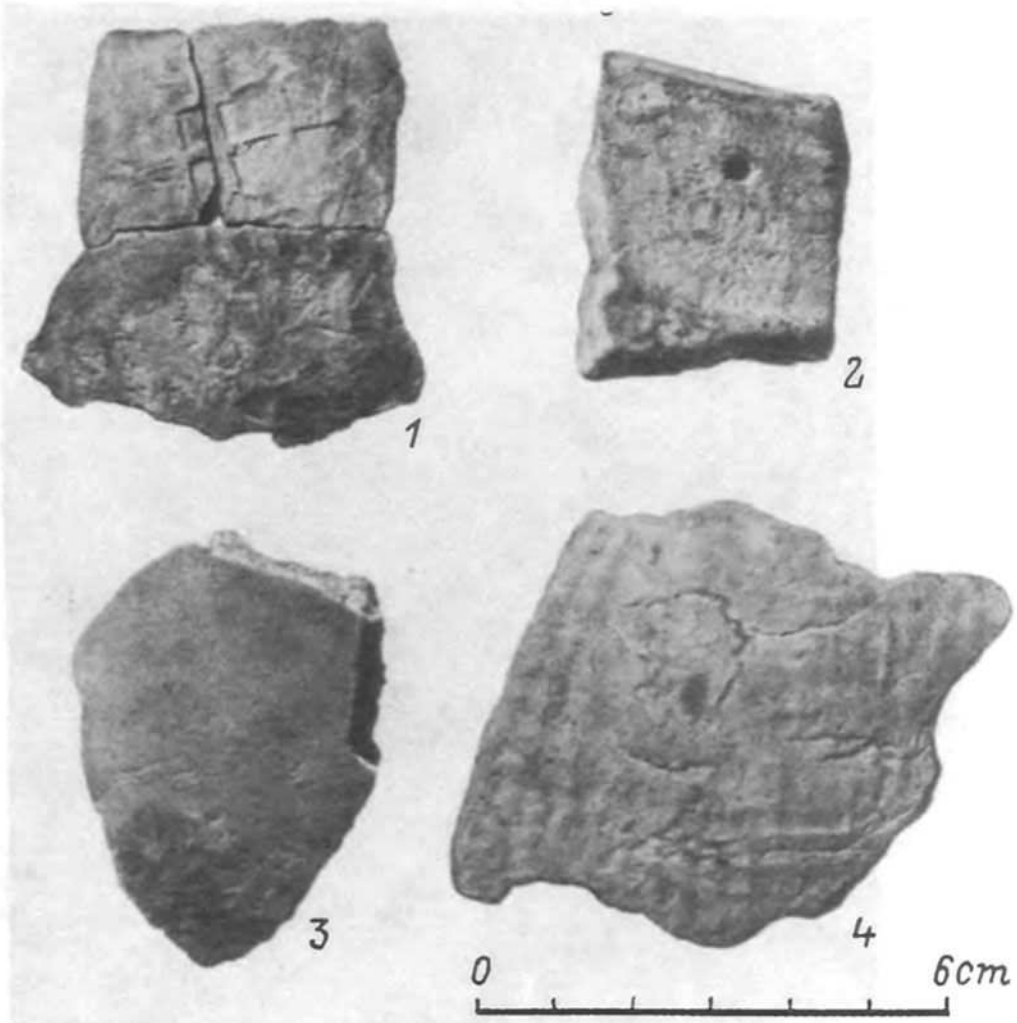

43. Абылаах I. Вид части раскопа.
Abylaakh I site. View of the excavations.

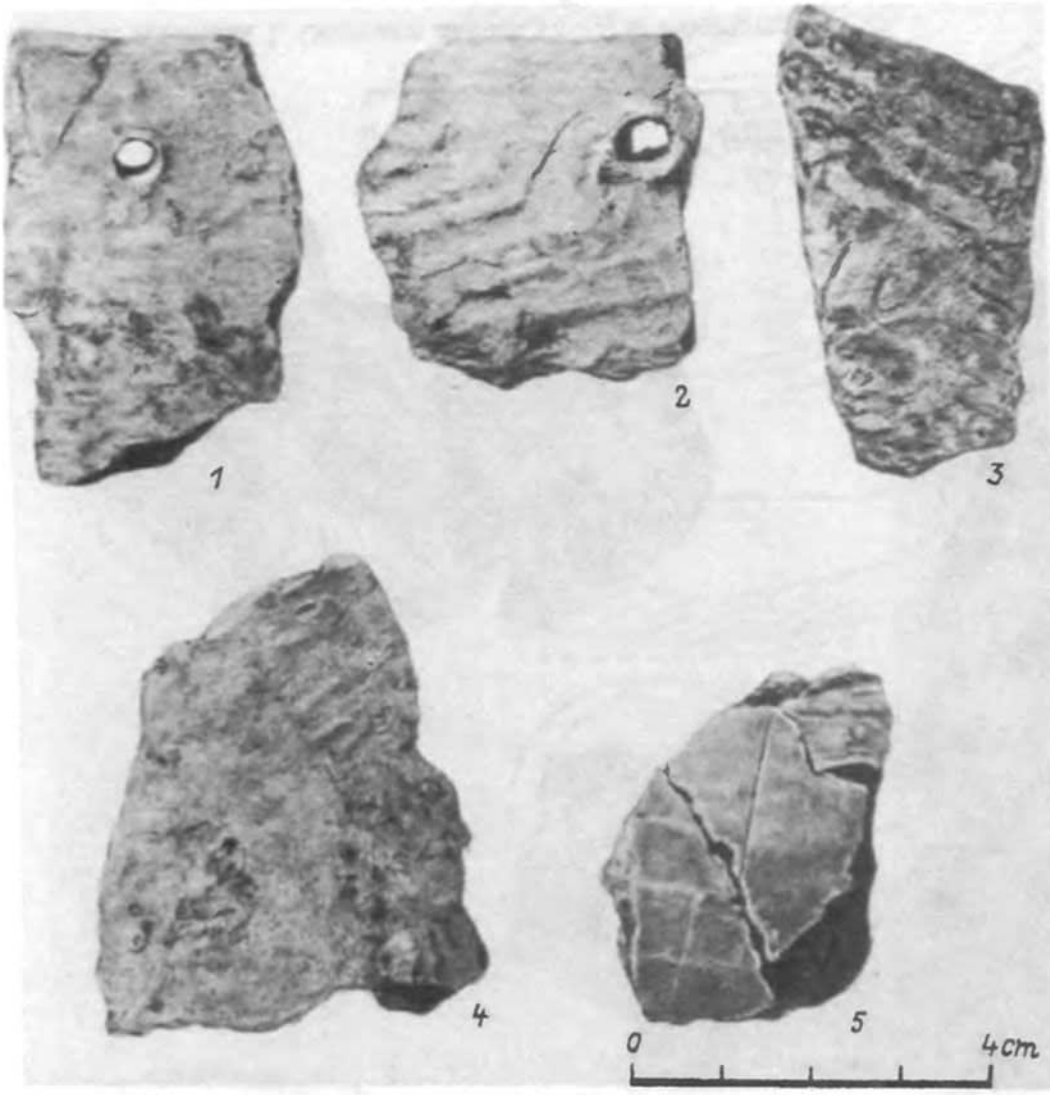
44. Абылаах I. Ымыяхтахская (1—3) и сетчатая (4) керамика.

Ymiyakhtakh-type (Waffle) pottery (1—3) and netted ceramics (4) from Abylaakh I site.

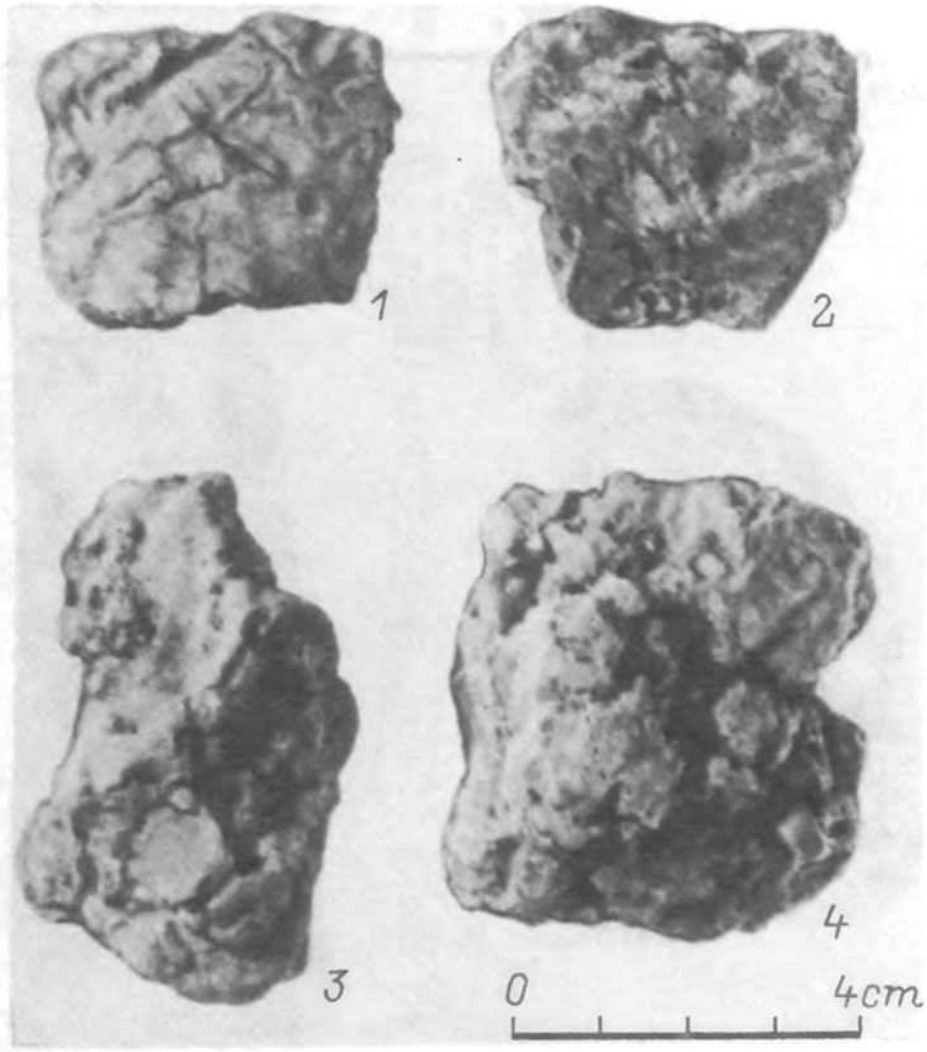

45. Абылаах I. Ымыяхтахская керамика.

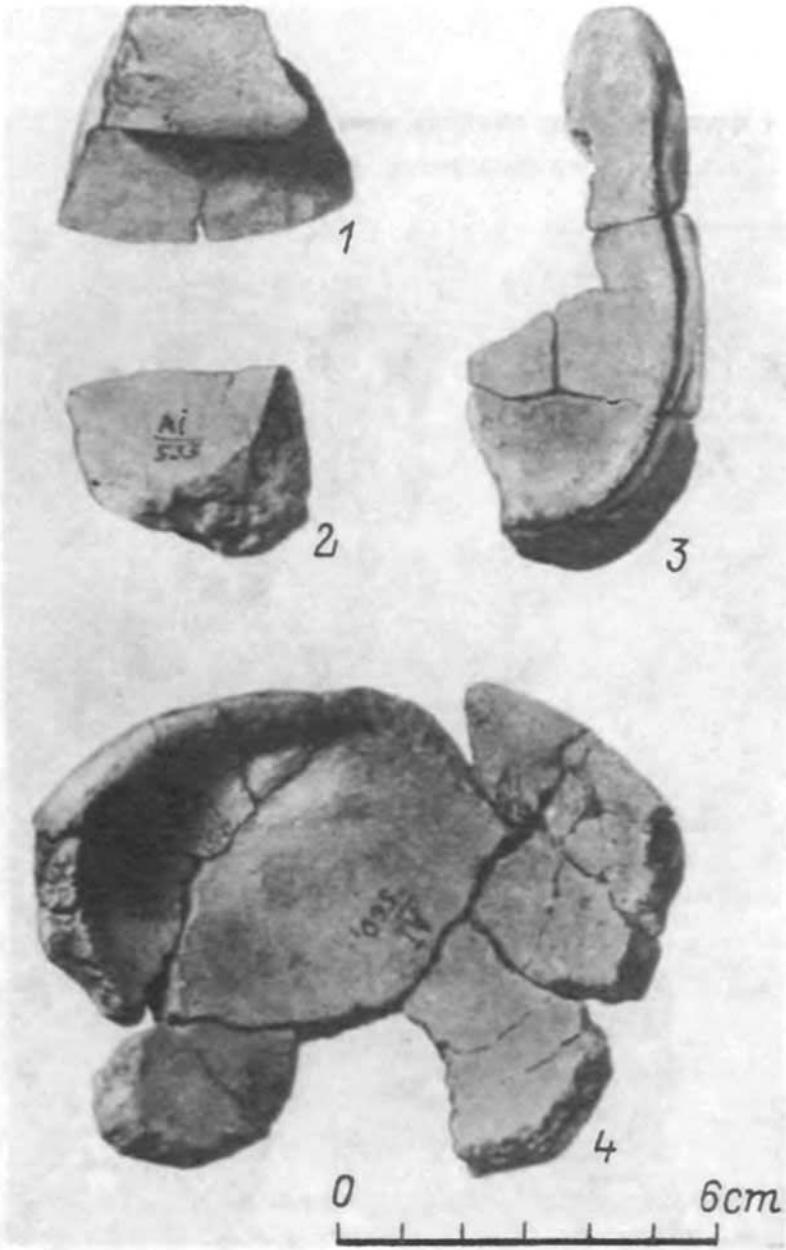
Ymiyakhtakh ceramics from Abylaakh I site.

46. Абылаах I. Ымыяхтахская керамика.
Ymiyakhtakh ceramics from Abylaakh I site.

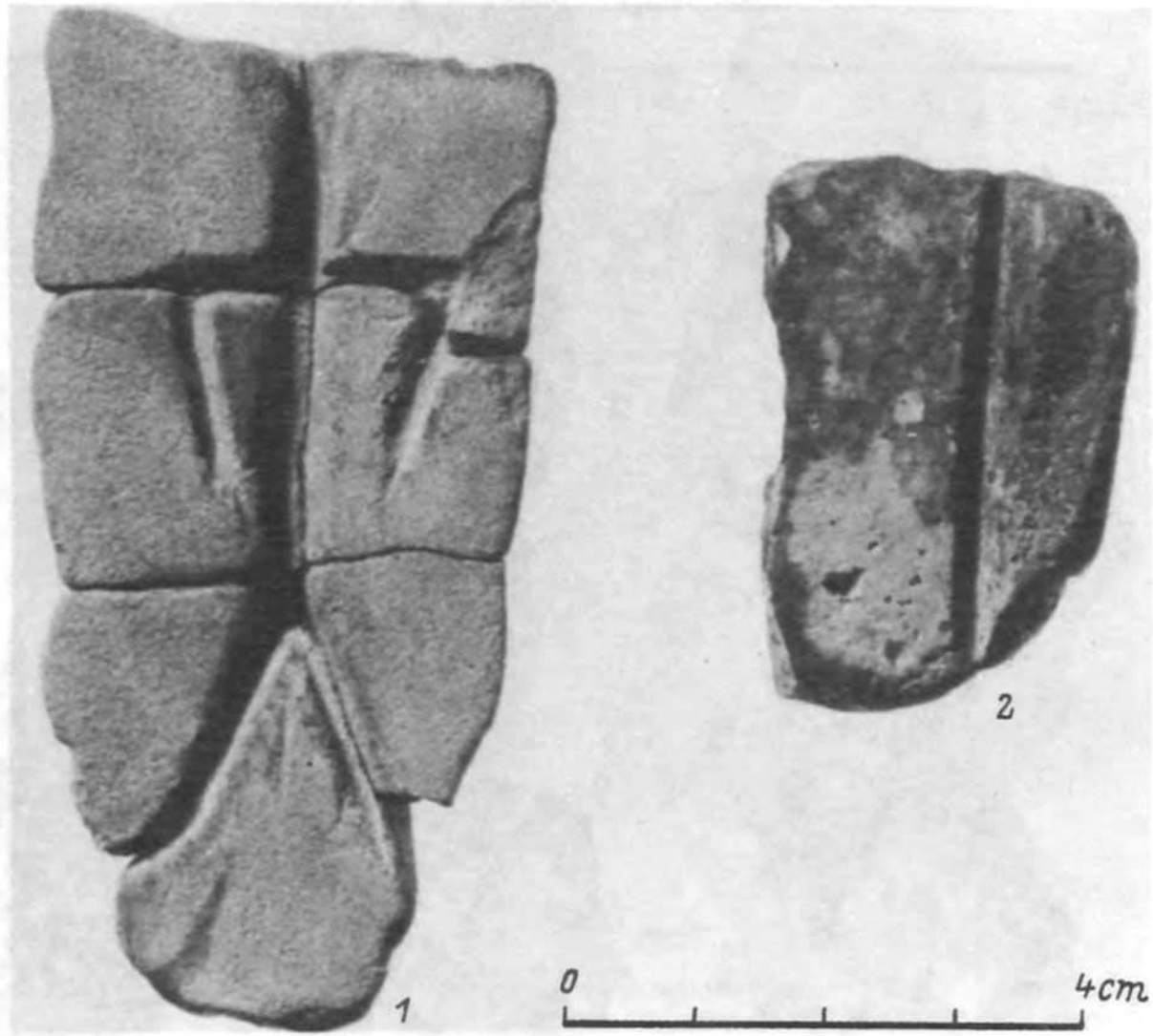

47. Абылаах I. Ошлакованная керамика.
Slagged ceramics from Abylaakh I site.

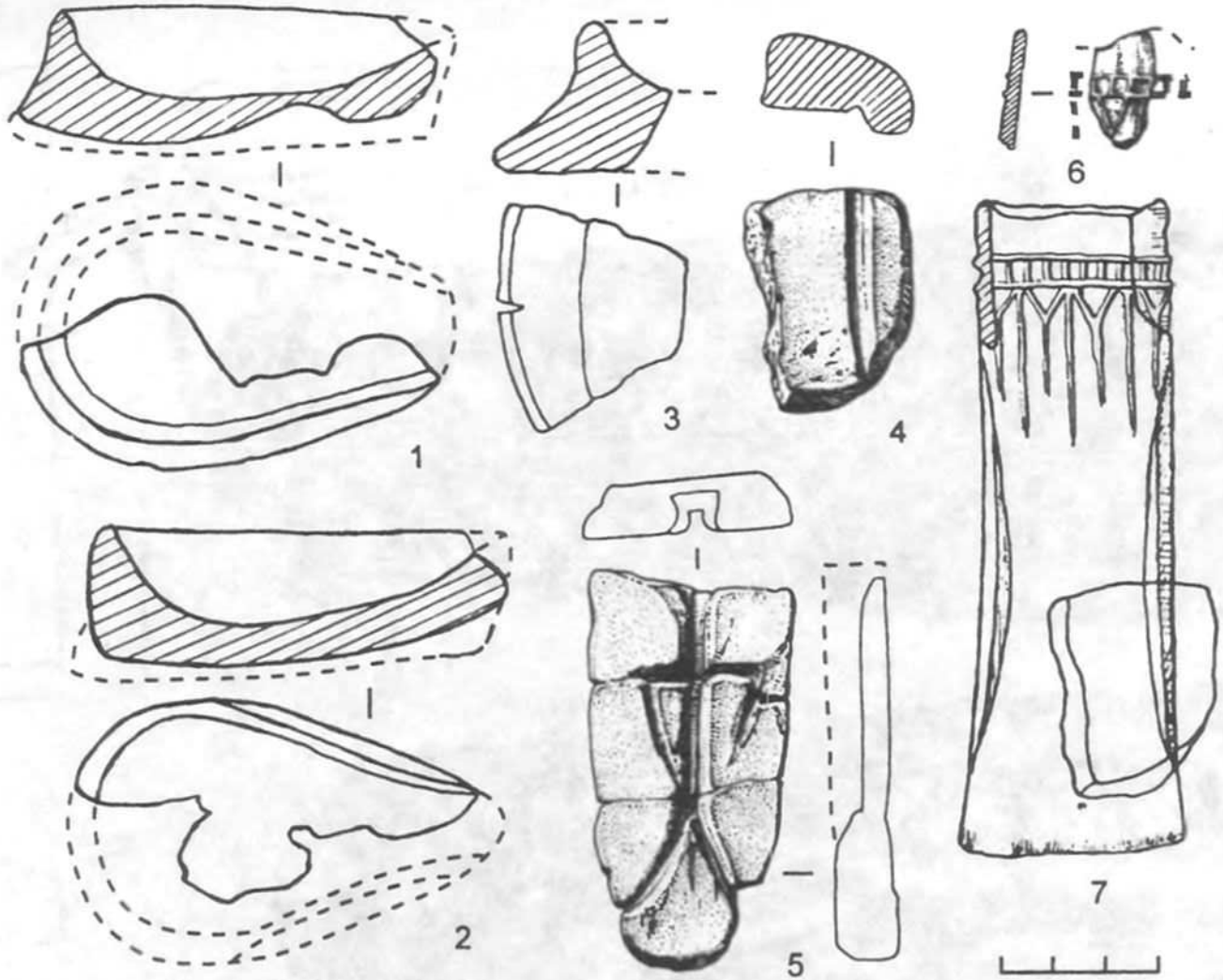
48. Абылаах I. Обломки льячек (1—3) и мисочки (4).

Fragments of the crucible (1—3) and a small bowl (4) from Abylaakh I site.

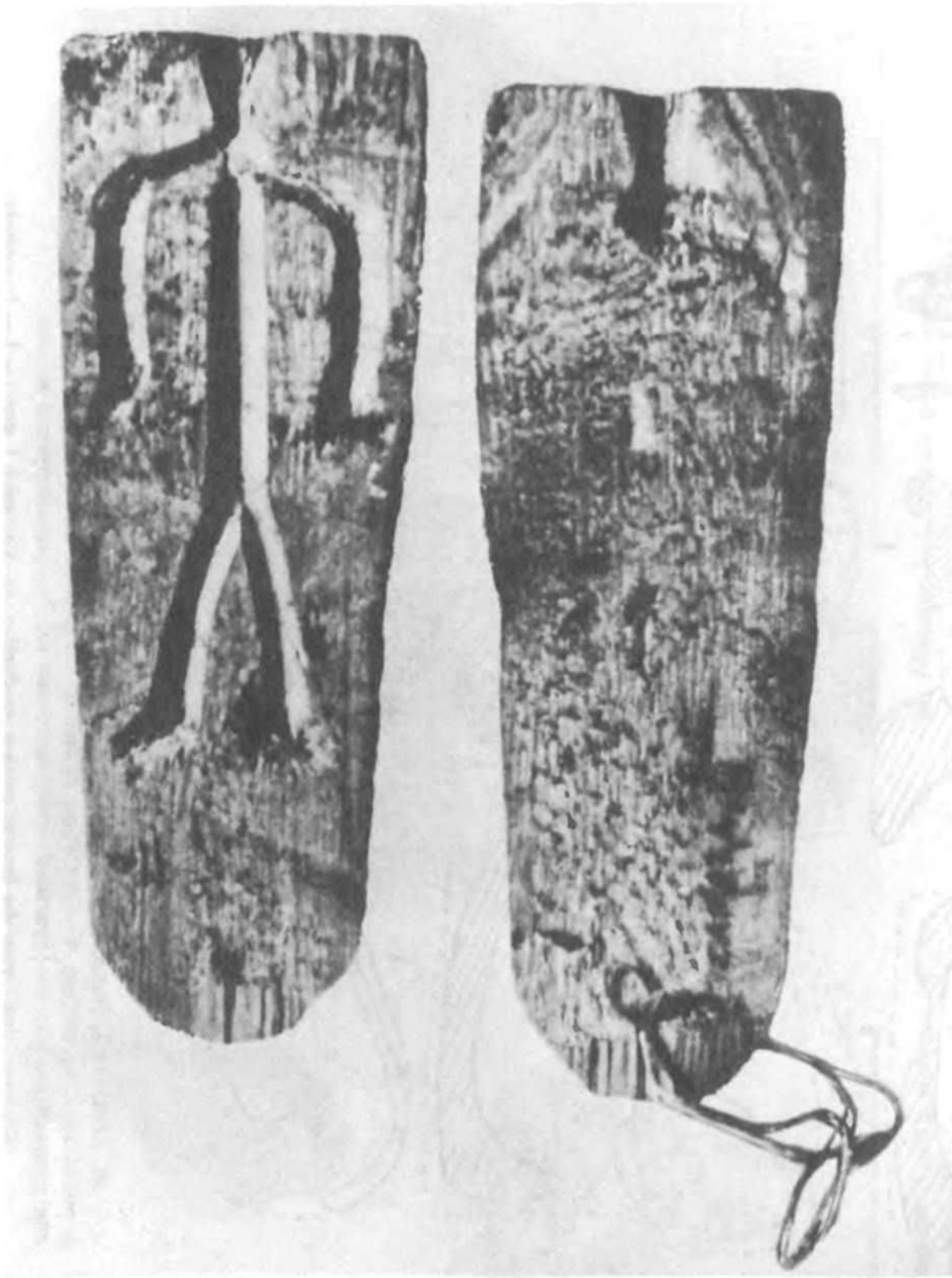
49. Абылаах I. Литейные формы из песчаника.

Sandstone moulds from Abylaakh I site.

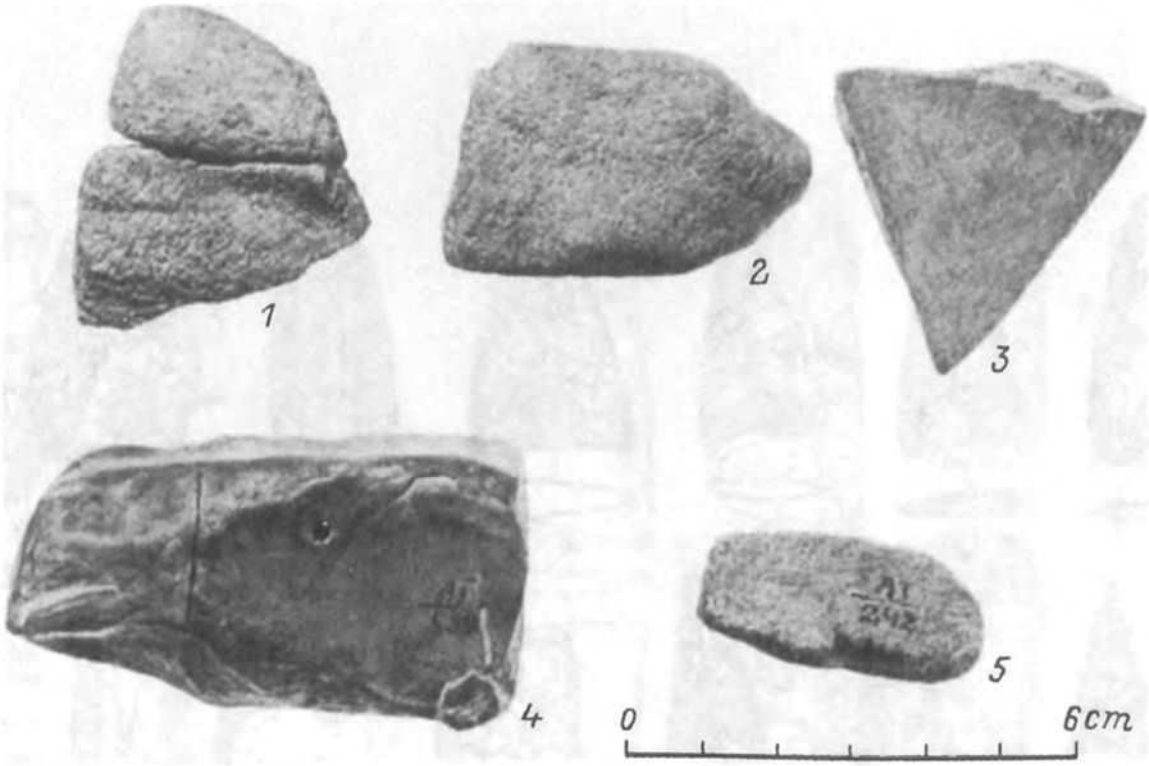

50. Абылаах I. Находки, связанные с бронзолитейным производством: 1—3 — обломки и реконструкции льячек; 4 — литейная форма из песчаника; 5 — обломок глиняной формы для отливки кельта; 6 — фрагмент бронзового кельта; 7 — реконструкция кельта.

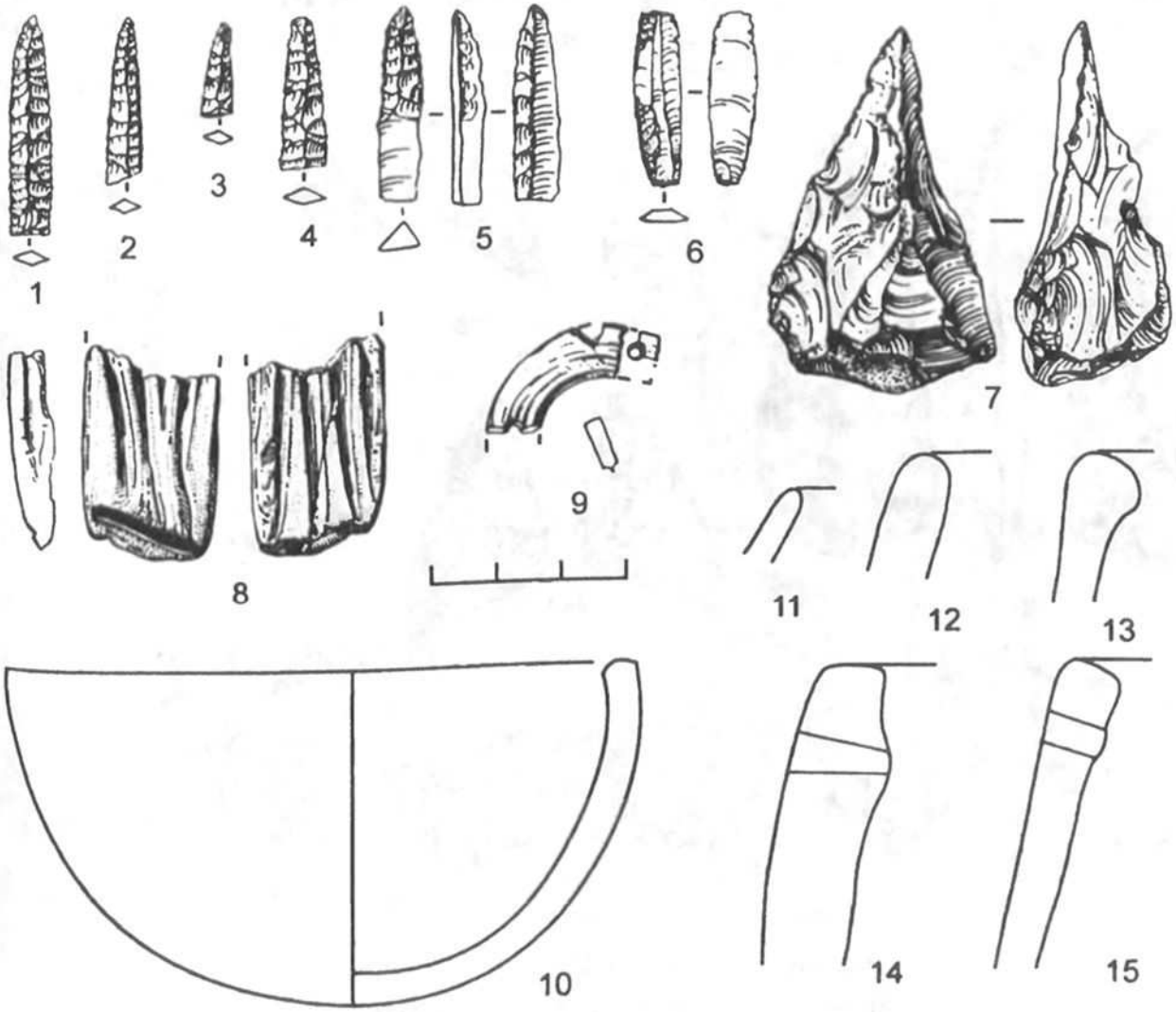
Findings illustrating the bronze casting production on Abylaakh I site: 1—3 — fragments of crucibles; 4 — sandstone mould; 5 — a fragment of loamy mould core for a celt casting; 6 — a fragment of bronze celt; 7 — graphic reconstruction of the celt from Abylaakh I site.

51. Деревянная литейная форма из Ямало-Ненецкого окружного краеведческого музея. Wooden mould from collections of Yamal-Nenets Regional Museum.

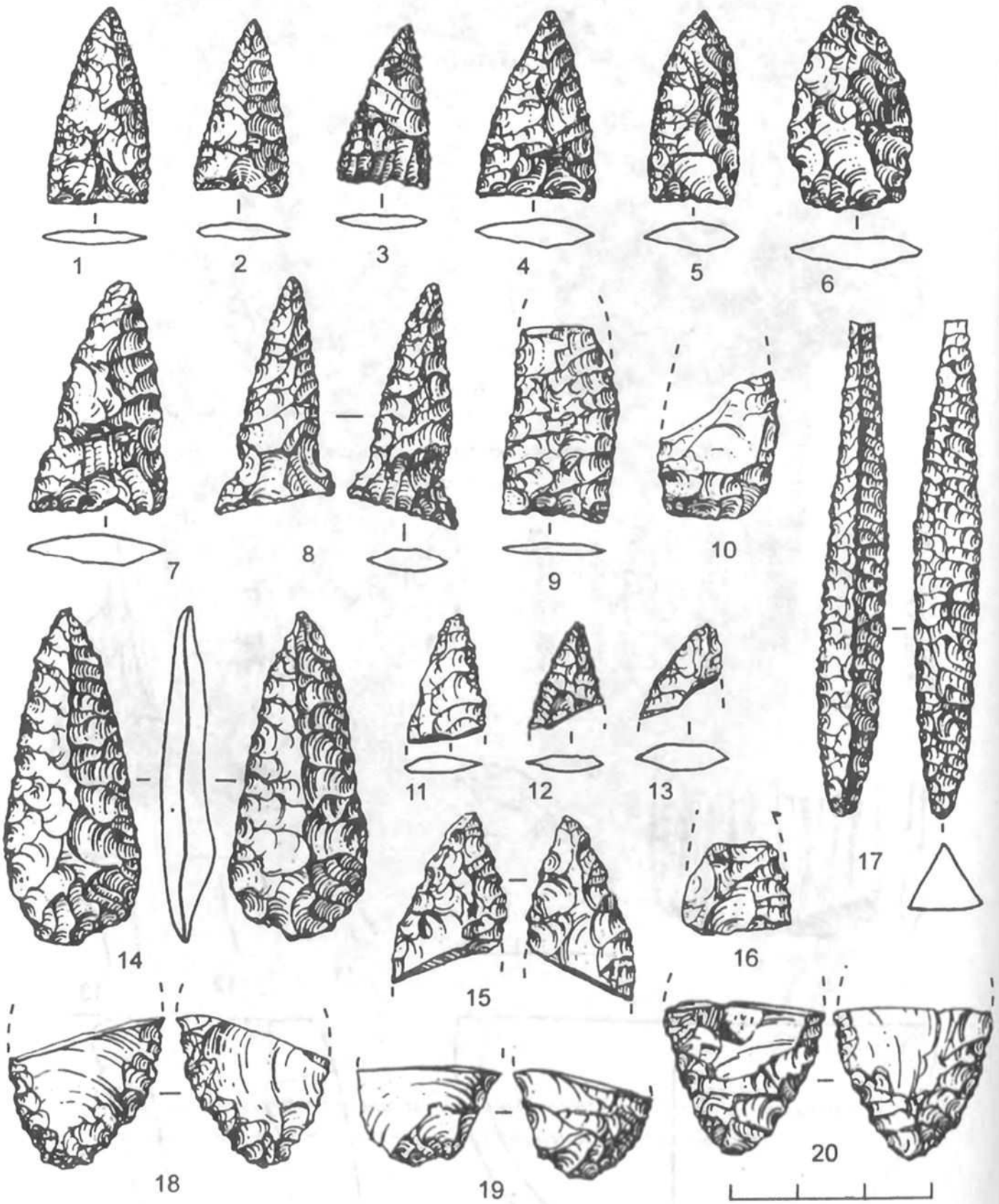

52. Абылаах I. Абразивы из плиток песчаника.
Sandstone abrasives from Abylaakh I site.

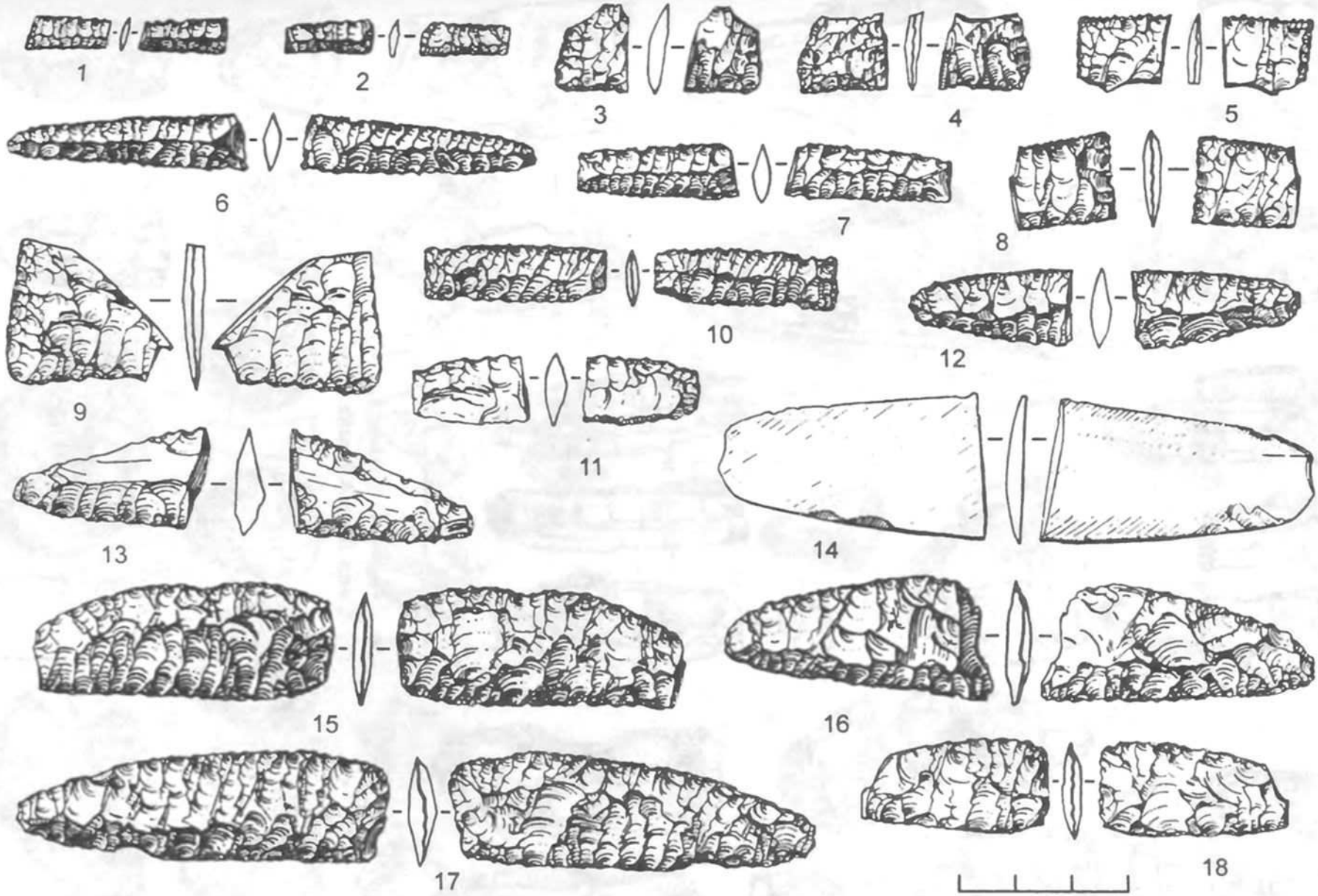
53. Абылаах I. Изделия из камня (1—9), реконструкция миски (10) и профили сосудов (11—15).

Stone artifacts (1—9), graphic reconstruction of ceramic vessel (10), and graphic profiles of ceramic vessels from Abylaakh I site (11—15).

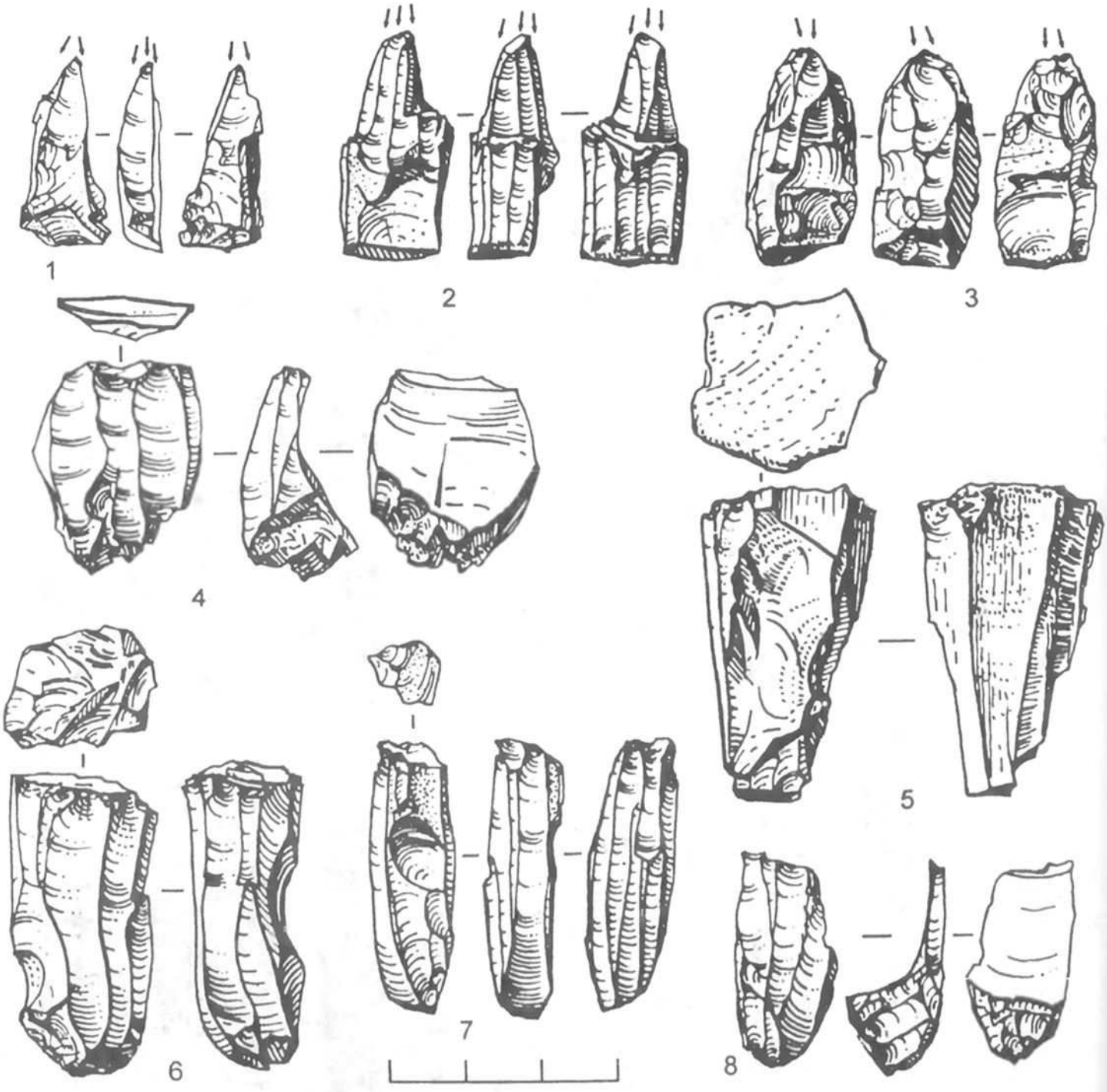

54. Абылаах I. Наконечники стрел.

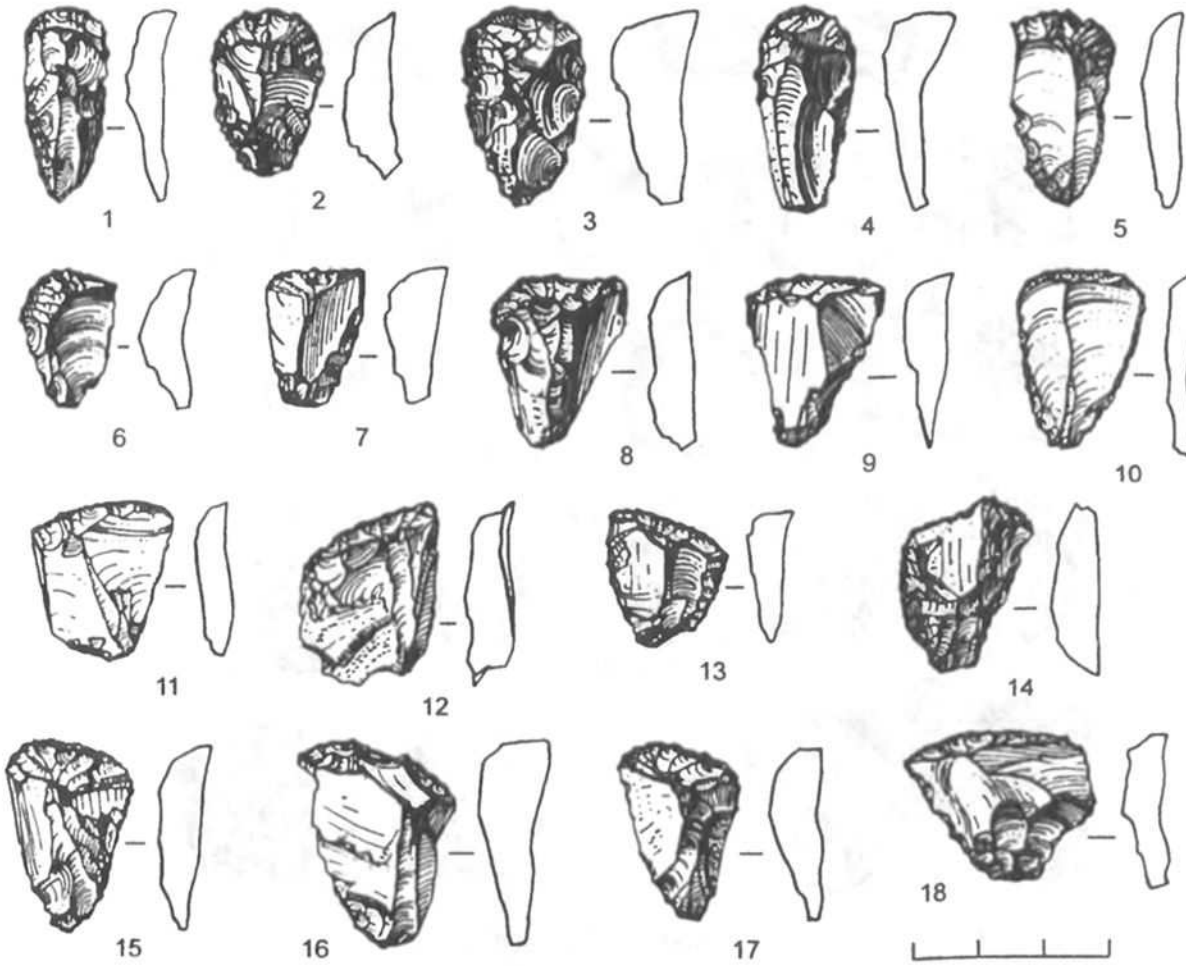
Stone retouched arrow points from Abylaakh I site.

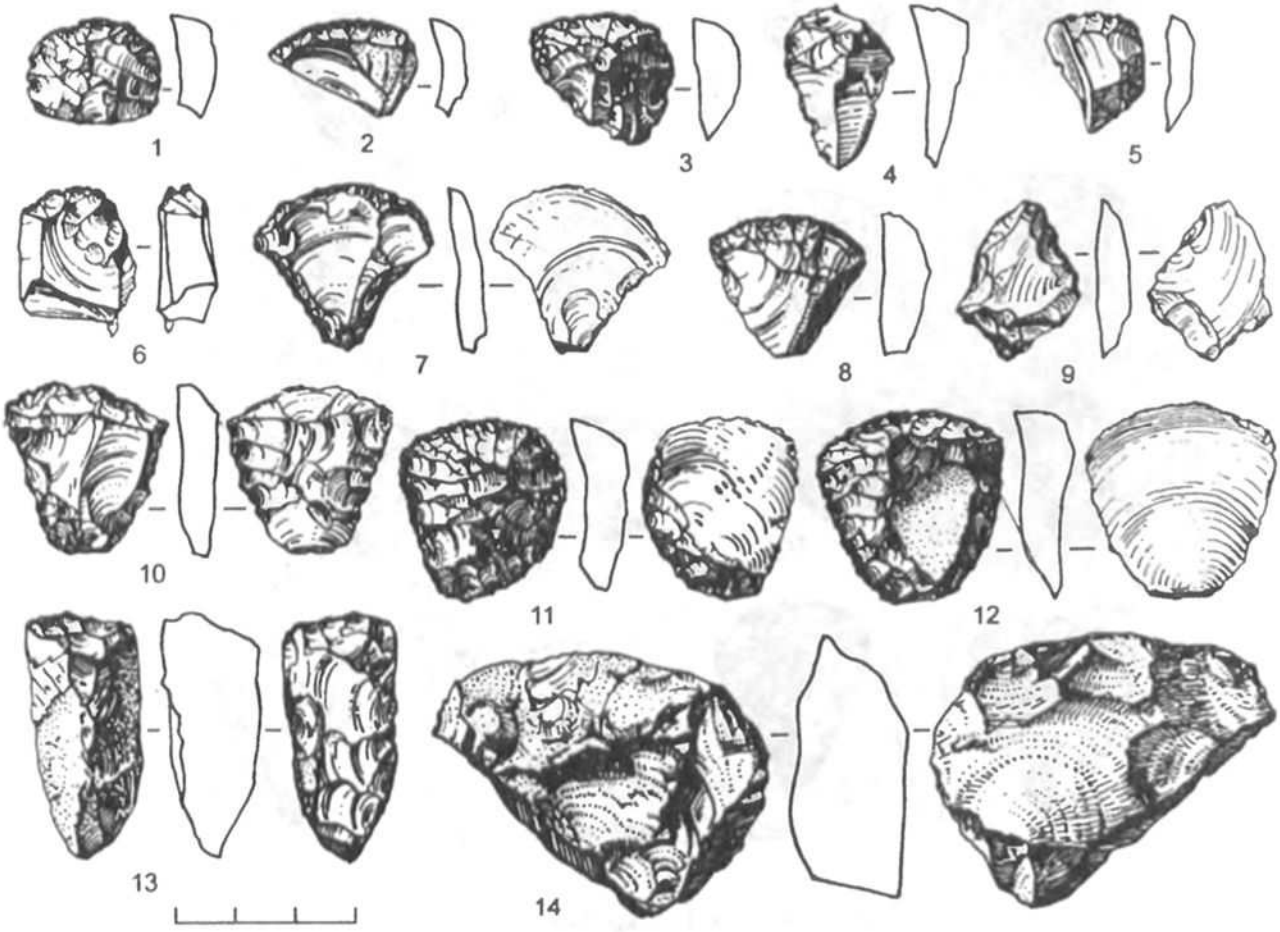
55. Абылаах I. Ретушированные вкладыши и ножи.
Retouched stone insets and atone knives from Abylaakh I site.

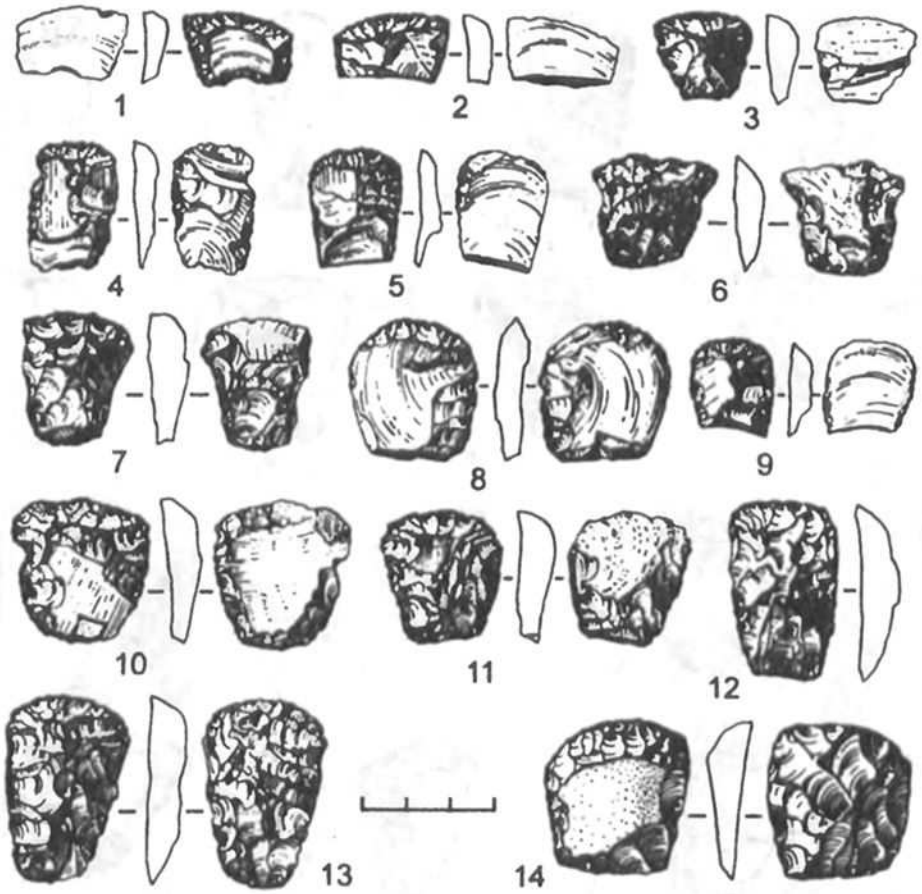
56. Абылаах I. Нуклеусы.
Cores from Abylaakh I site.

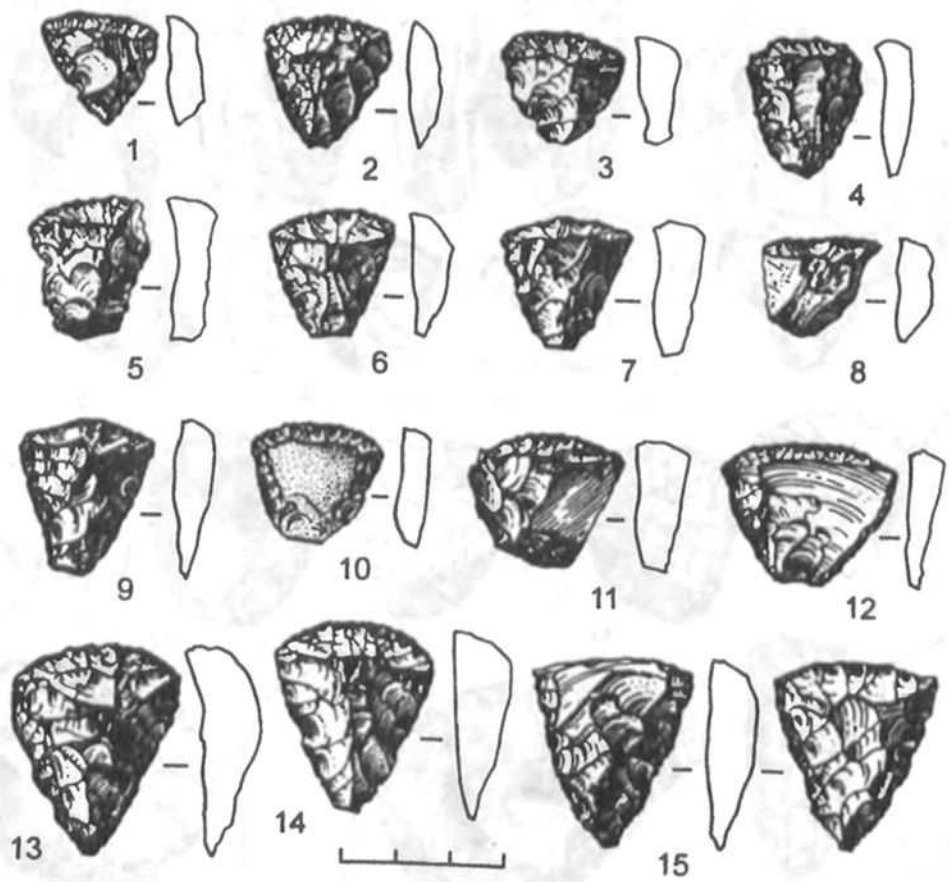
57. Абылаах I. Скребки.
Scrapers from Abylaakh I site.

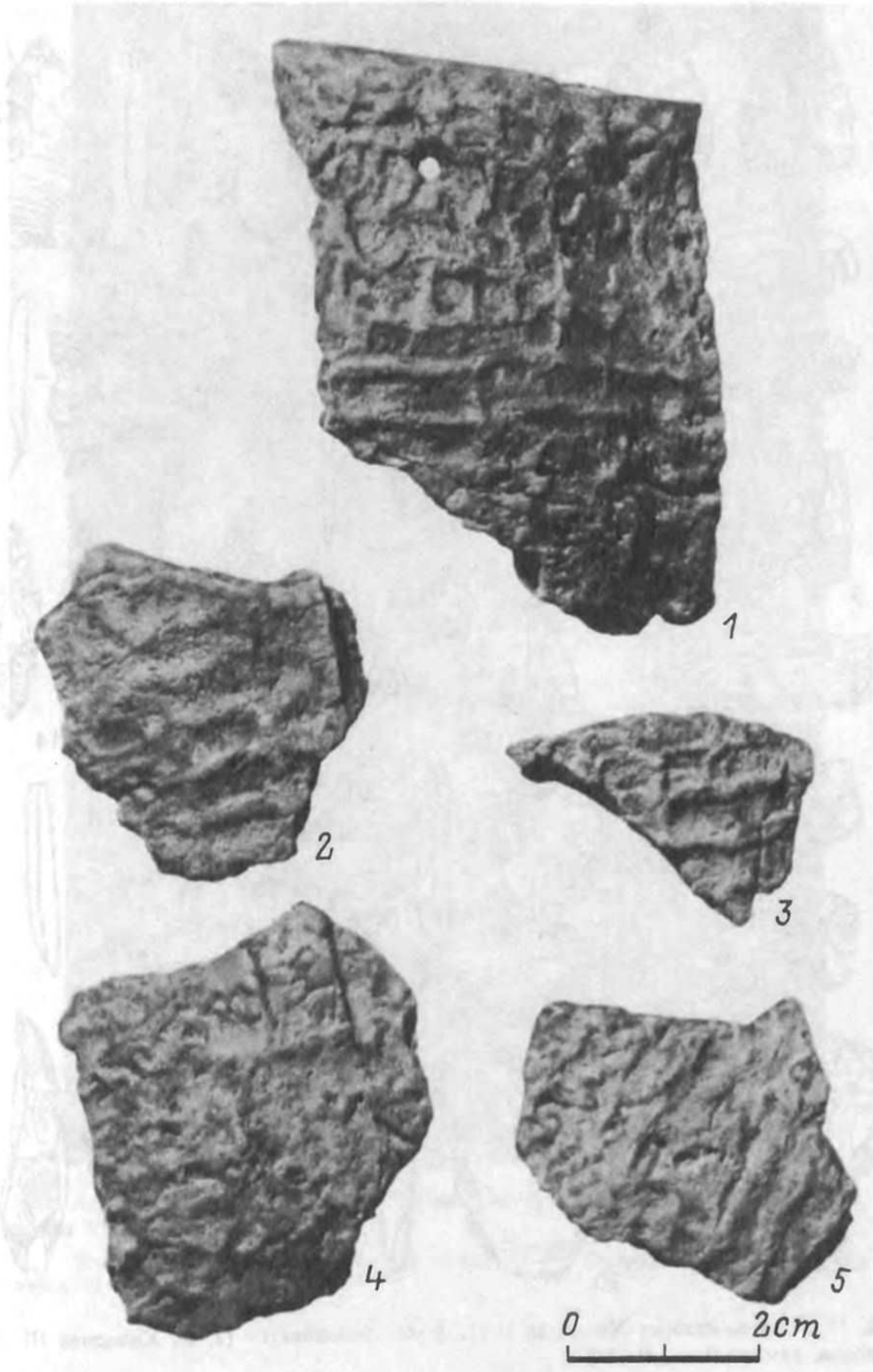
58. Абылаах I. Скребки.
Scrapers from Abylaakh I site.

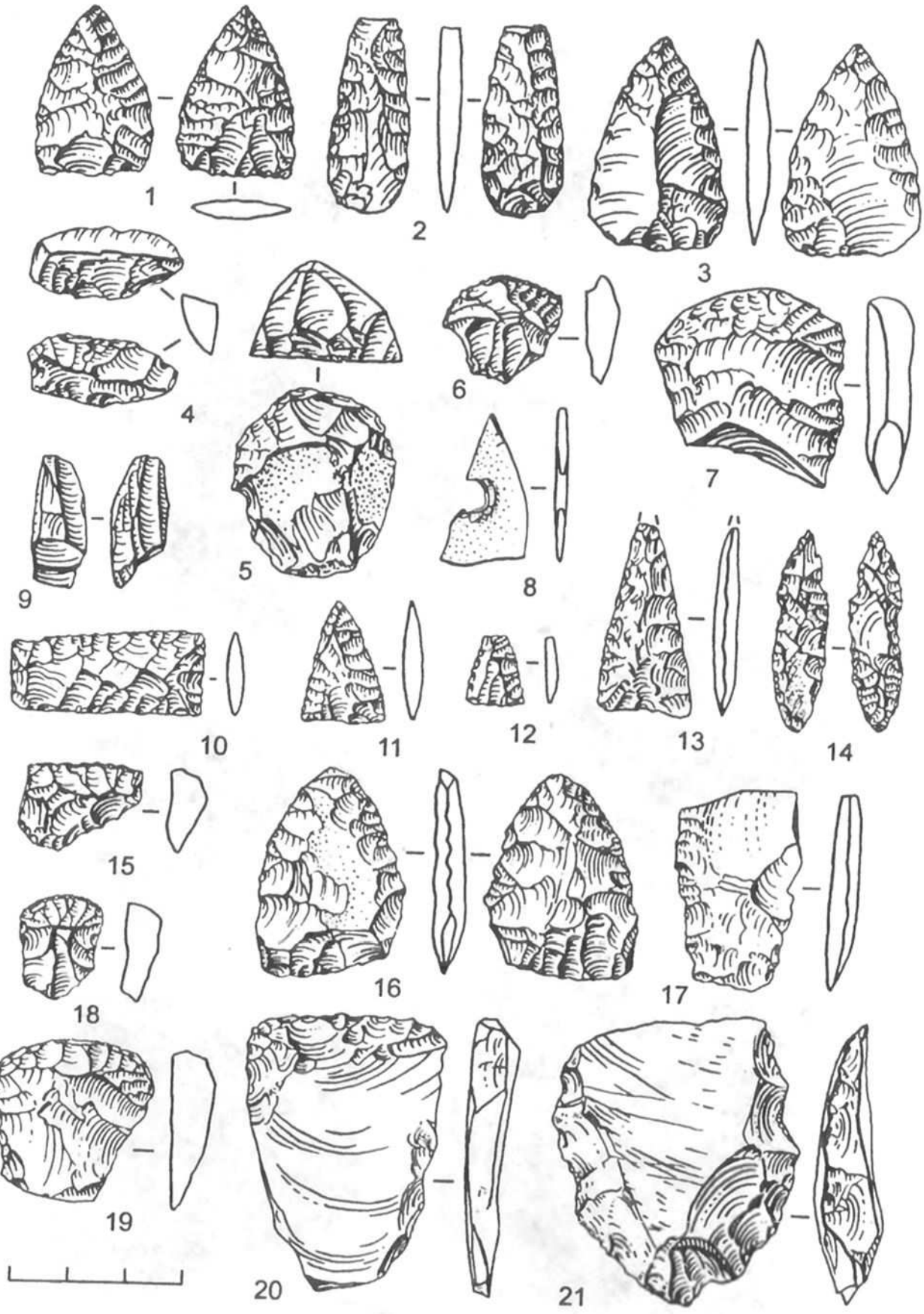
59. Абылаах I. Скребки.
Scrapers from Abylaakh I site.

60. Абылаах I. Скребки.
Scrapers from Abylaakh I site.

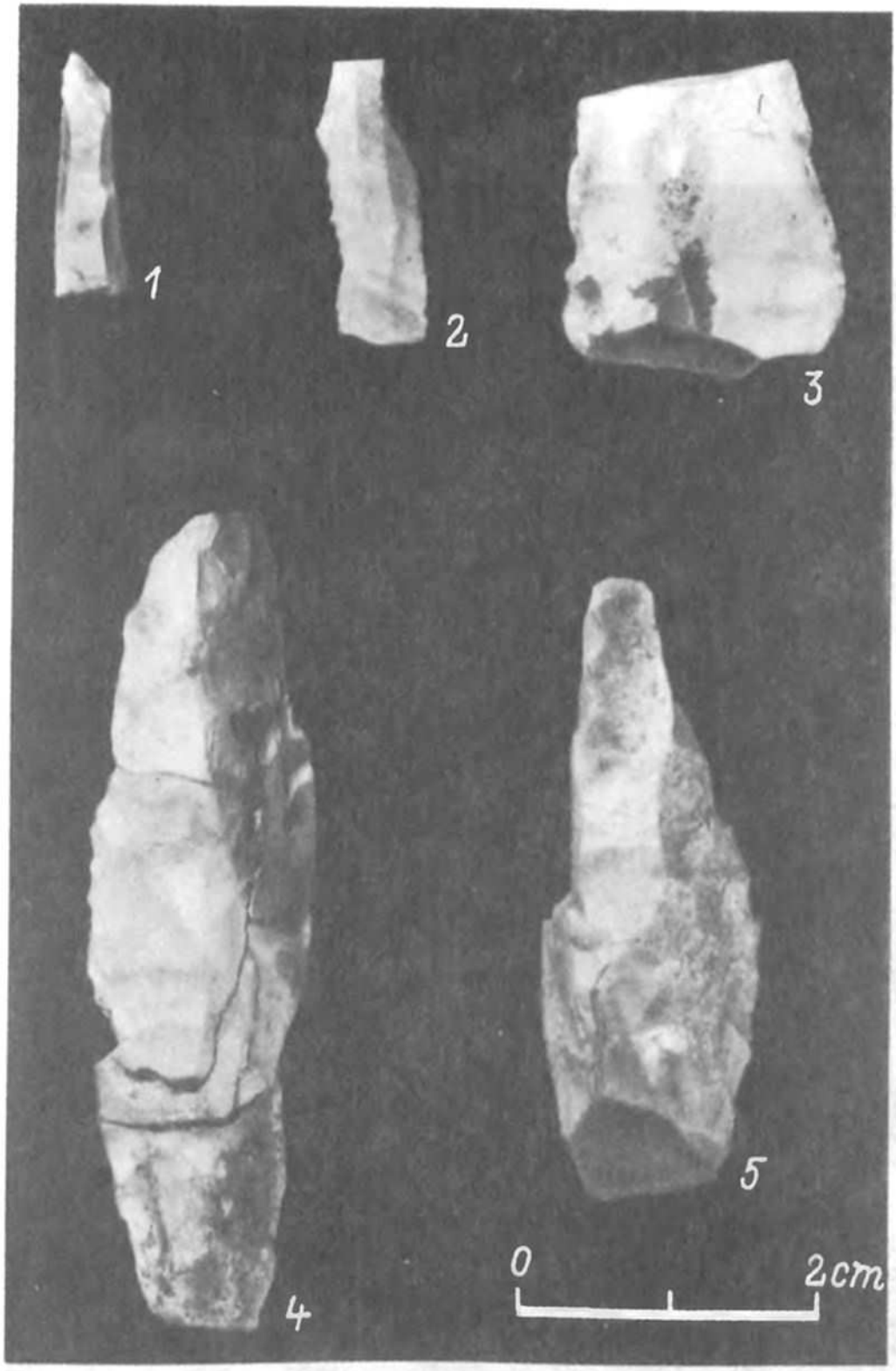

61. Стоянка Холодная III. Керамика.
Ceramics from Kholodnaya III site.

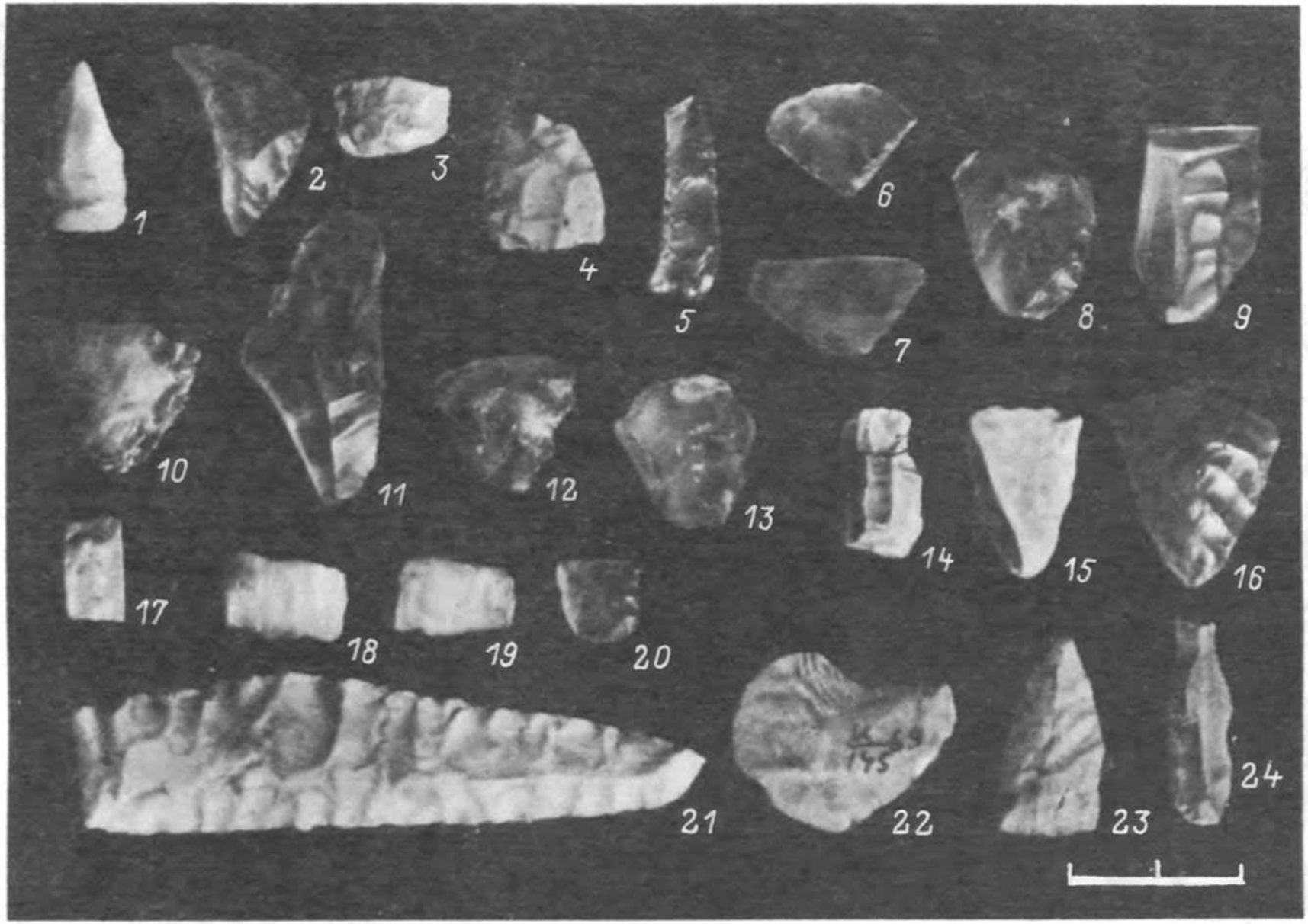
62. Изделия со стоянок Холодная II (1, 3—6), Холодная IV (2, 8), Холодная III (9—21); 8 — бронза, камень (1—7, 9—21).

Stone artifacts (1 — 7; 9 — 21) and bronze items (6 from different sites: Kholodnaya II (1, 3—6); Kholodnaya IV (2, 8); Kholodnaya III (9—21).

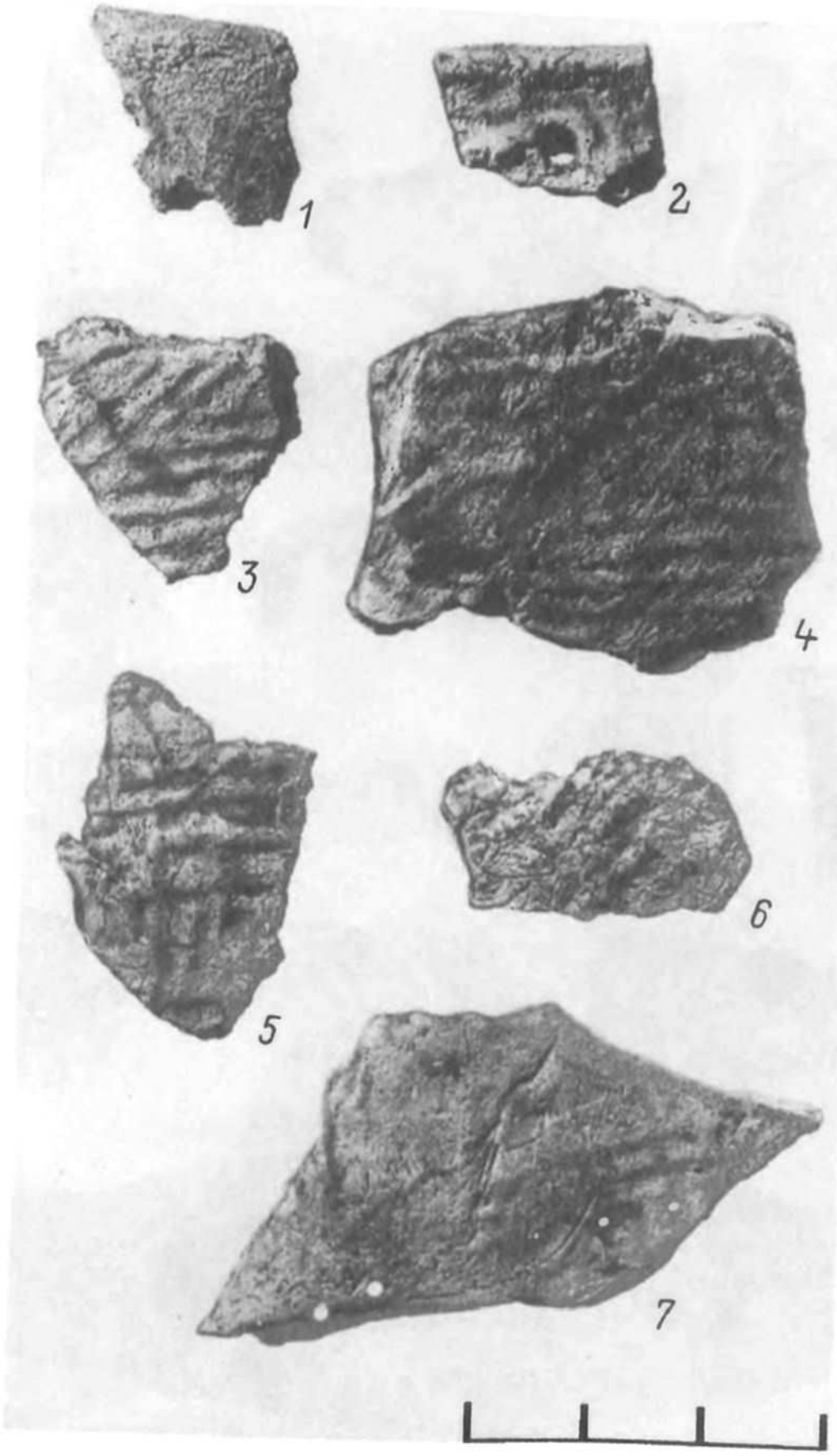

63. Каменные изделия со стоянок Кылкай (1, 2), Дудыпта VIII (3), Заячья (4), Дудыпта VI (5).

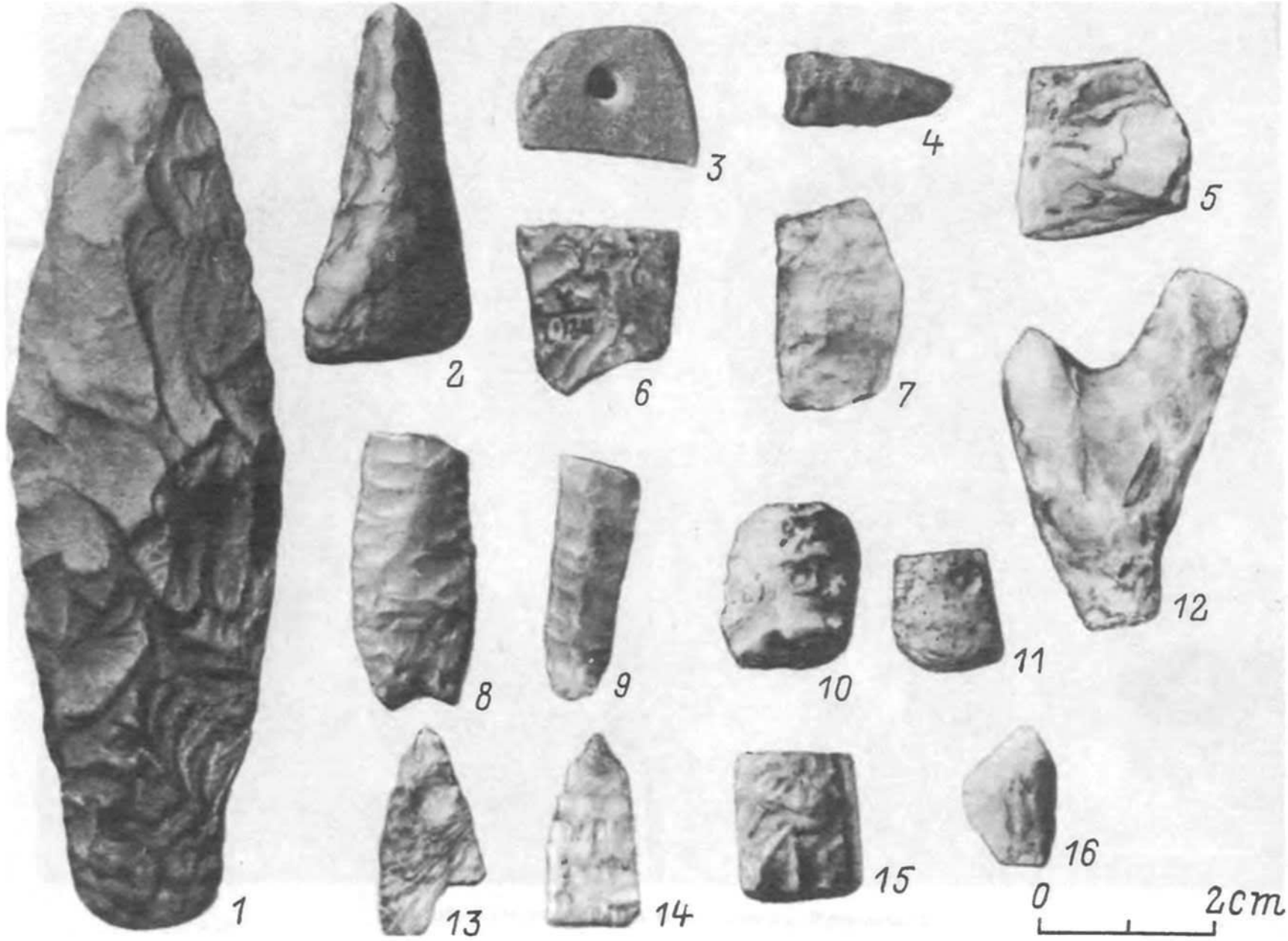
Stone artifacts from different sites: Kylkai (1, 2); Dudypta VIII (3); Zayachya (4); Dudypta VI (5).

64. Каменные изделия со стоянки Ивановская.
Stone artifacts from the Ivanovskaya site.

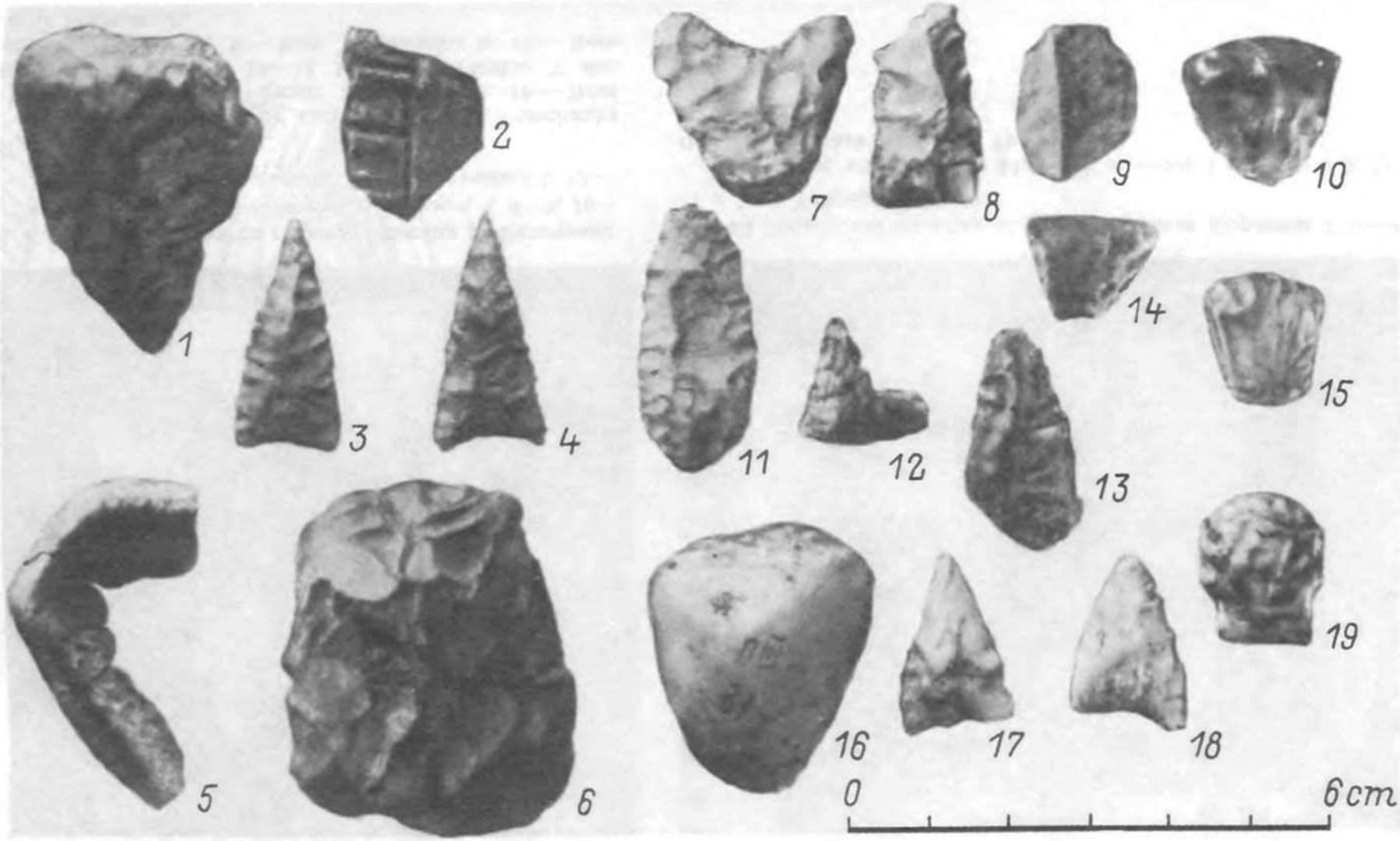

65. Пясина V. Керамика.
Ceramics from the Pyasina V site.

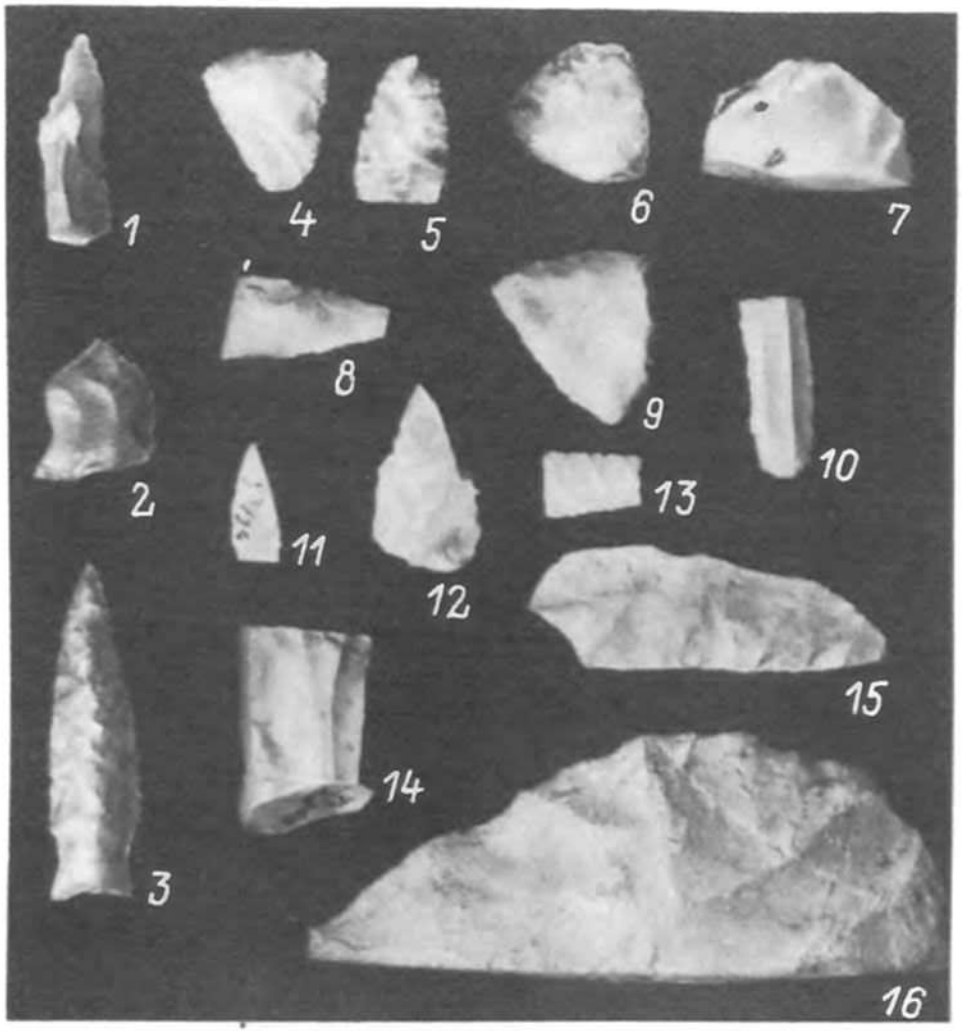
66. Пясина V. Каменные изделия.

Stone artifacts from the Pyasina V site.

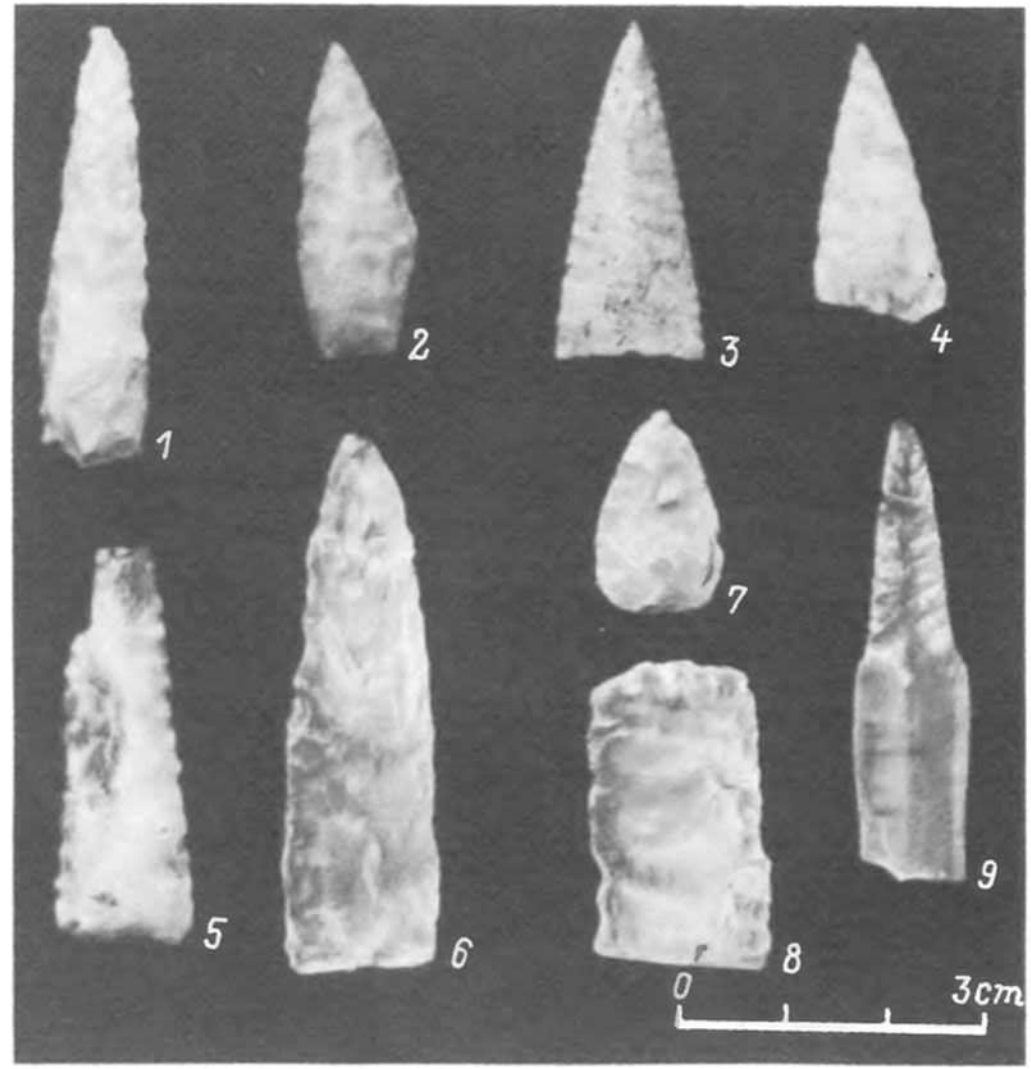
67. Находки со стоянок Пясина III (1—6, 11, 12, 16—18) и Ивановская (7—10, 13—15, 19); 2 — вар, 5 — глина, остальное — камень.

Finds from Pyasina III (1—6, 11, 12, 16—18) and Ivanovskaya (7—10, 13—15, 19); 2 — a piece of pitch, 5 — made of loam, others are made of stone.

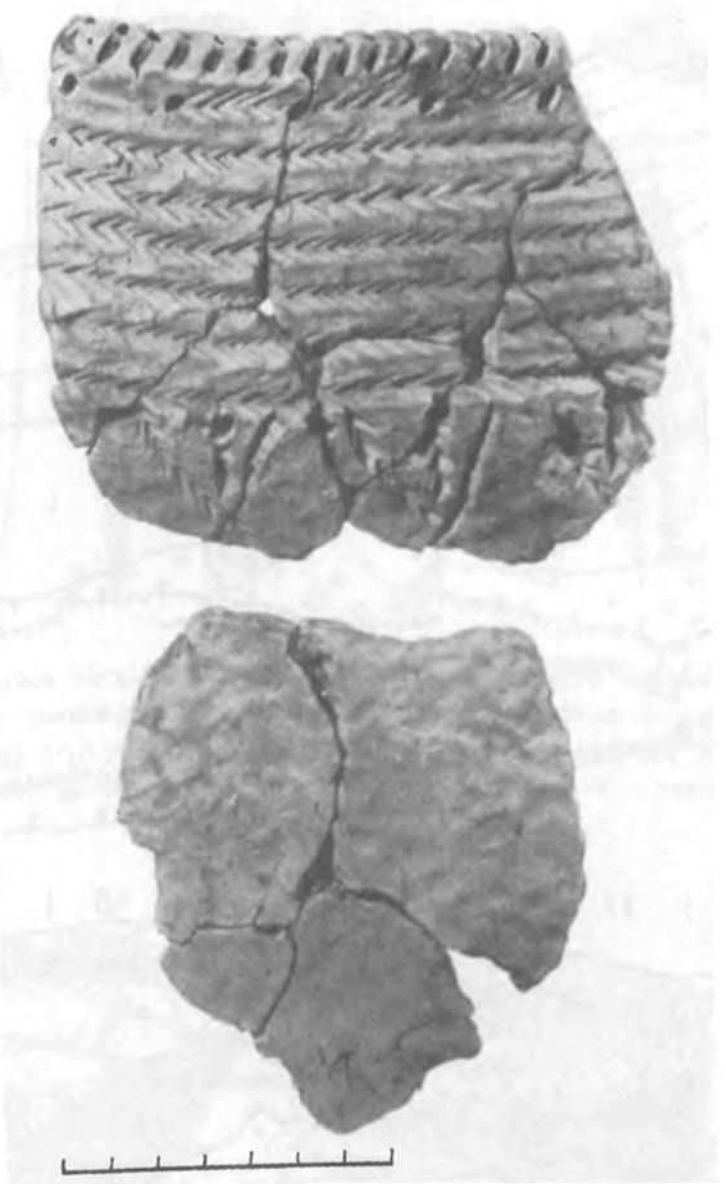
68. Каменные изделия со стоянок бассейна р. Волочанка: 1, 2 — Тагенар II; 3, 14, 16 — Тагенарское озеро; 4, 6—8, 10—12, 15 — Тагенар V; 5 — Волочанка II; 9 — Волочанка I; 13 — Тагенар II, пункт 4.

Stone artifacts from the sites discovered in Volochanka River Valley: 1, 2 — from Tagenar II site; 3, 14, 16 — from Tagenar Lake site; 4, 6—8, 10—12, 15 — from Tagenar V site; 5 — from Volochanka II; 9 — from Volochanka I; 13 — from Tagenar II (location 4).

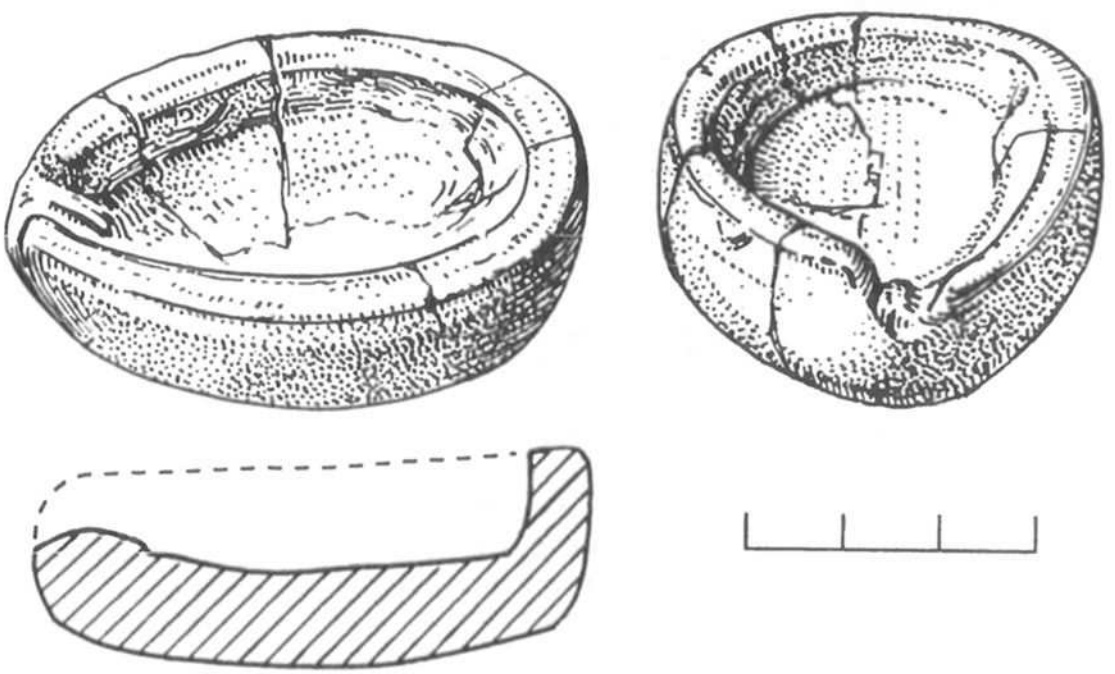

69. Каменные изделия со стоянок Малая Коренная I (1—4, 6, 7) и Усть-Таловая (5, 8, 9).

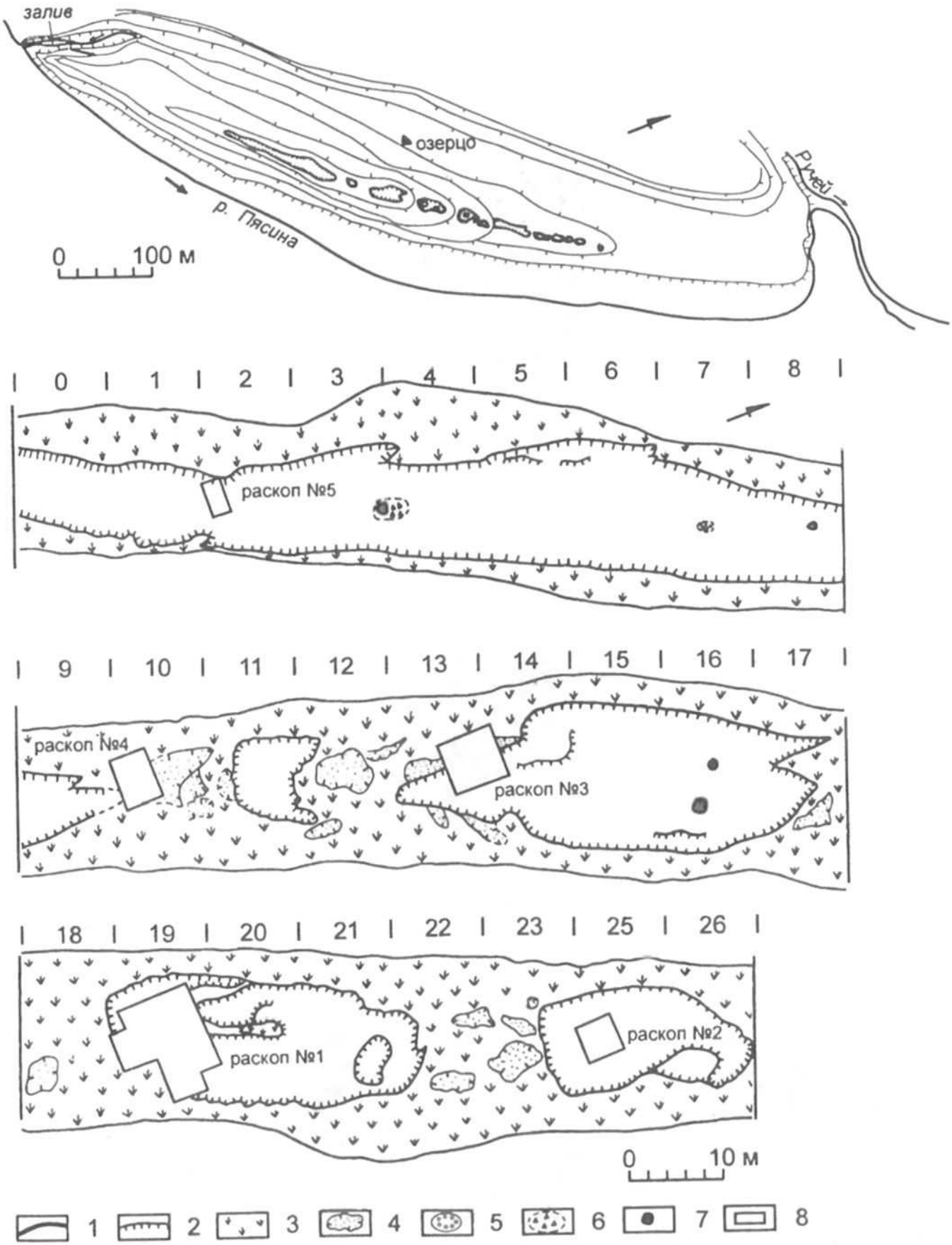
Stone artifacts from Malaya Korennaya I site (1—4, 6, 7) and the Ust'-Talovaya site (5, 8, 9).

70. Пясина IV-А. Керамика.
Ceramics from Pyasina IV-A site.

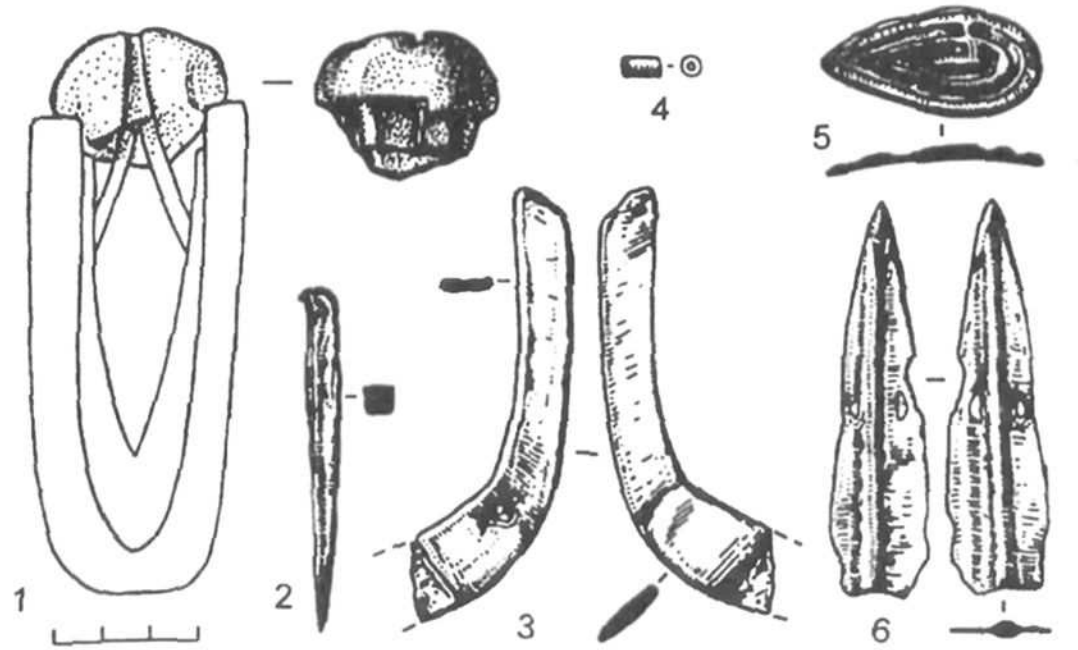

71. Пясина IV-А. Льячка.
Crucible from Pyasina IV-A site.

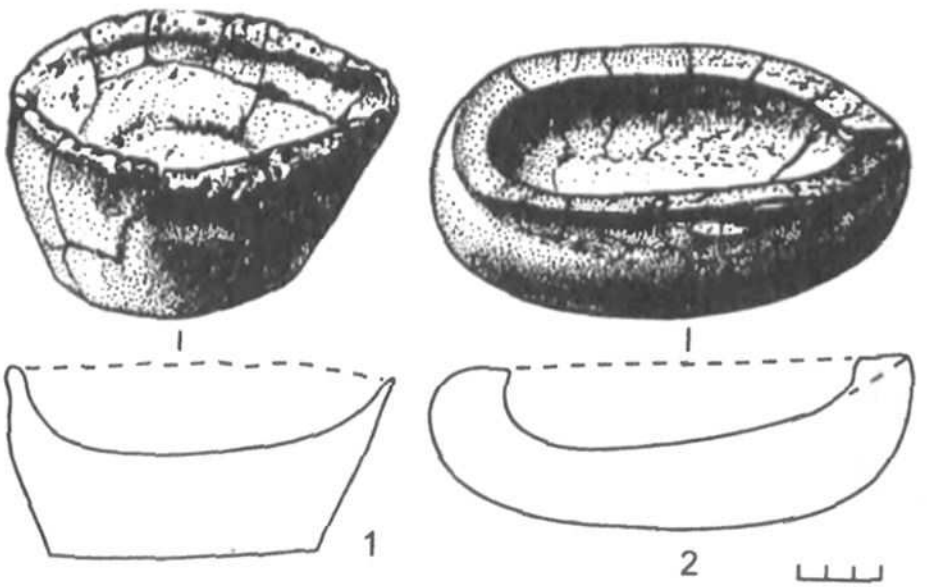
72. План поселения Усть-Половинка. Условные обозначения: 1 — край вала; 2 — края глубоких выдувов; 3 — задернованная поверхность; 4 — мелкие выдувы, 5 — скопления камней; 6 — скопления отщепов; 7 — кострища; 8 — раскопы.

Topography of the Ust'-Polovinka dwelling site location. Legend: 1 — outlines of the beach ridge; 2 — outlines of deep eolic-eroded depressions (blowouts); 3 — turfed surface; 4 — small blowouts; 5 — accumulations of stones; 6 — accumulations of flakes; 7 — fire places; 8 — excavated areas.

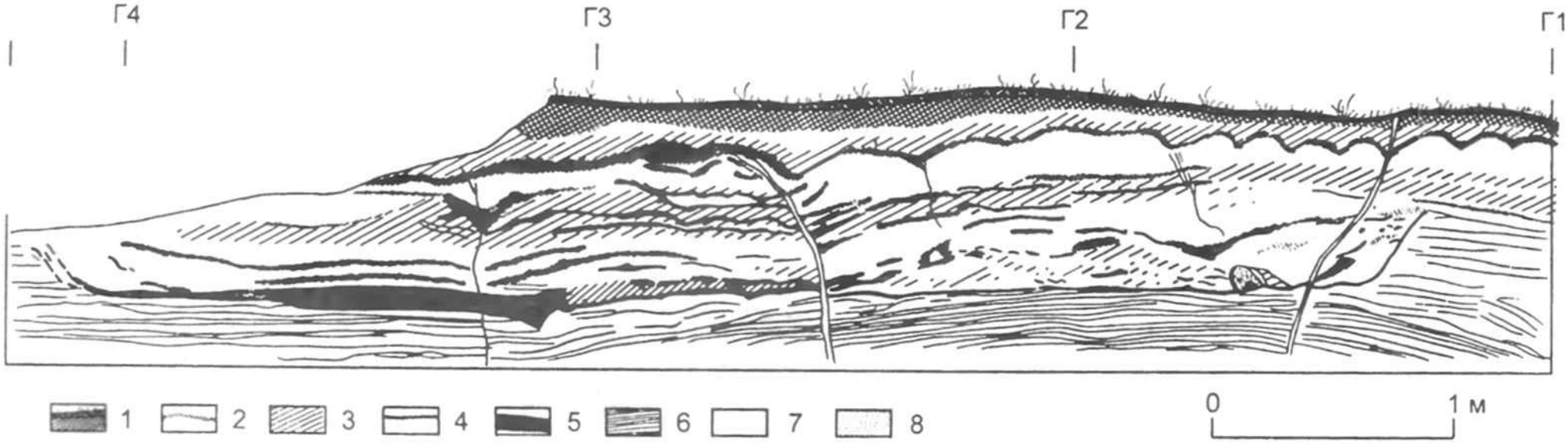
75. Находки со стоянки Усть-Половинка: 1 — глиняная шишка литейной формы и реконструкция способа ее использования; 2, 3, 5, 6 — изделия из металла; 4 — пастовая буса.

Findings from the Ust'-Polovinka site: 1 — loamy mould core for celt casting (with the graphic reconstruction of the process); 2, 3, 5, 6 — metallic artifacts; 4 — paste bead.

76. Льячка (1) и тигель (2) со стоянки Усть-Половинка.

A bowl (1) and a crucible (2) from the Ust'-Polovinka site.

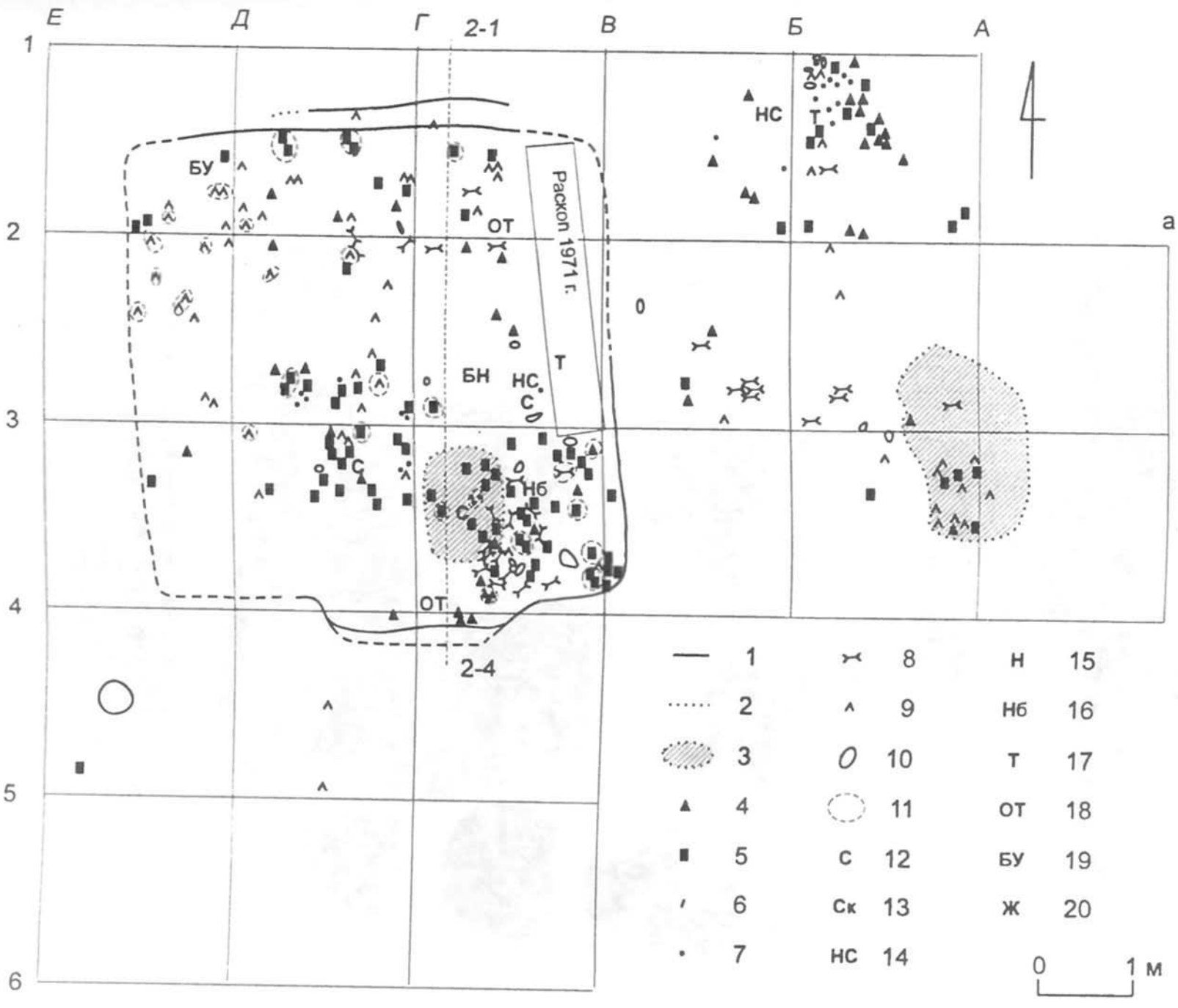

74. Усть-Половинка. Стратиграфический разрез I раскопа. Условные обозначения: 1 — дерново-почвенный слой; 2 — погребенная почва; 3 — коричневый гумусированный песок; 4 — гумусированные прослойки; 5 — углистые прослойки и кострища; 6 — слоистые пески; 7 — светлая супесь; 8 — серые пески.

Stratigraphy of the 1st section of the Ust'-Polovinka site. Legend: 1 — upper (turf) soil; 2 — levels of buried soils; 3 — brown sands saturated with humus; 4 — humus interbeds; 5 — charcoal interbeds and fire places; 6 — bedded sands; 7 — light sandy loam; 8 — grey sands.

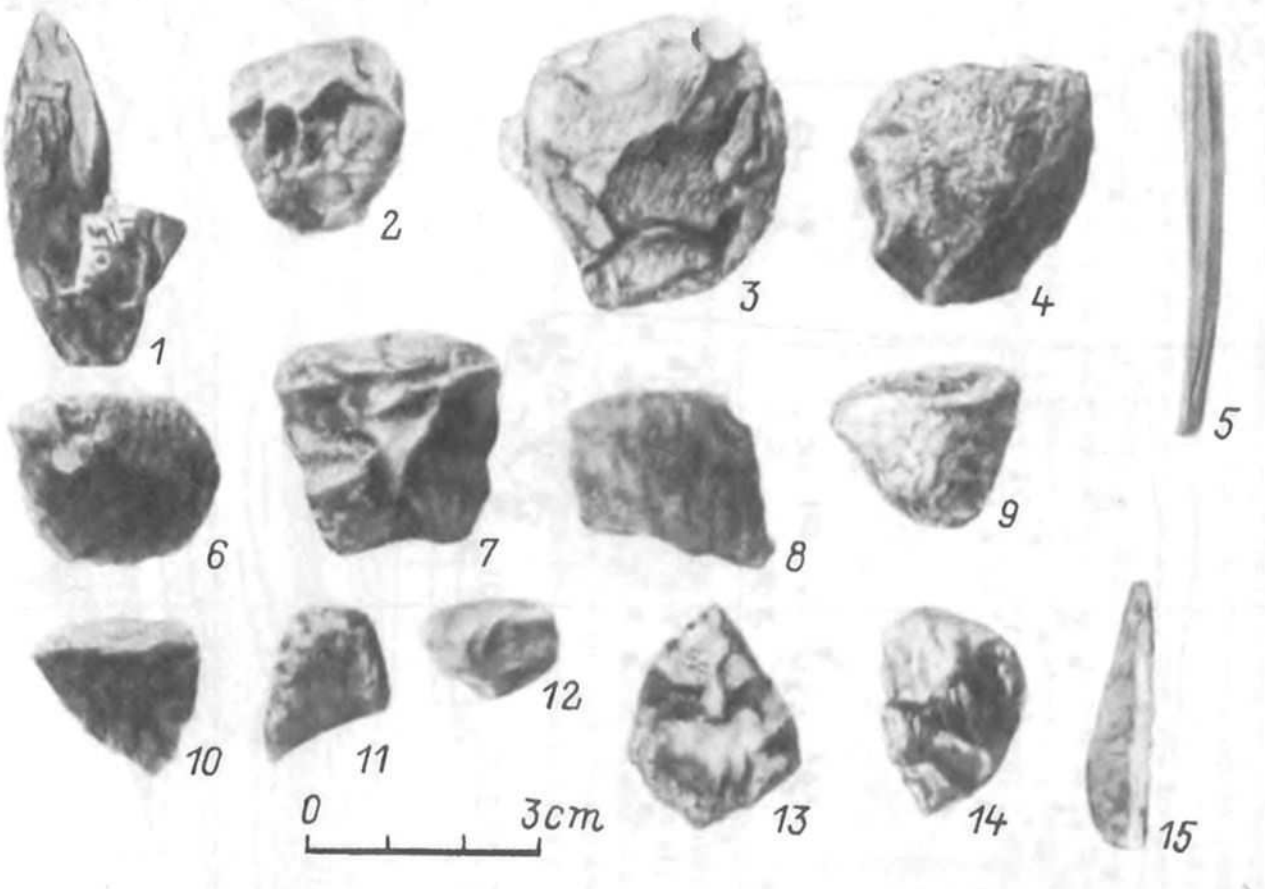
73. Усть-Половинка. План I раскопа и жилища. Условные обозначения: 1 — контур основания котлована жилища; 2 — контур верхнего края котлована жилища; 3 — кострища; 4 — отщепы; 5 — керамика; 6 — ножевидные пластинки; 7 — капли бронзы; 8 — кости; 9 — обломки льячек и тиглей; 10 — камни; 11 — скопления находок; 12 — скребок; 13 — скребло; 14 — наконечник стрелы; 15 — нож; 16 — нож бронзовый; 17 — точильный брусок; 18 — отбойник; 19 — бронзовое украшение; 20 — железо.

The Ust'-Polovinka dwelling site. The excavation map of the 1st section (lower level), with dwelling 1 excavated. Legend: 1 — outlines of the floor-level of the house-pit; 2 — outlines of the upper level of the pit; 3 — fire places; 4 — flakes; 5 — ceramics; 6 — blades; 7 — bronze drops; 8 — bones; 9 — fragments of the bowl and crucibles; 10 — stones; 11 — concentrations of artifacts; 12 — scrapers; 13 — side-scrapers; 14 — arrowhead; 15 — stone knives; 16 — bronze knife; 17 — whetstones; 18 — hammer stone; 19 — bronze adornment; 20 — pieces of the iron articles.

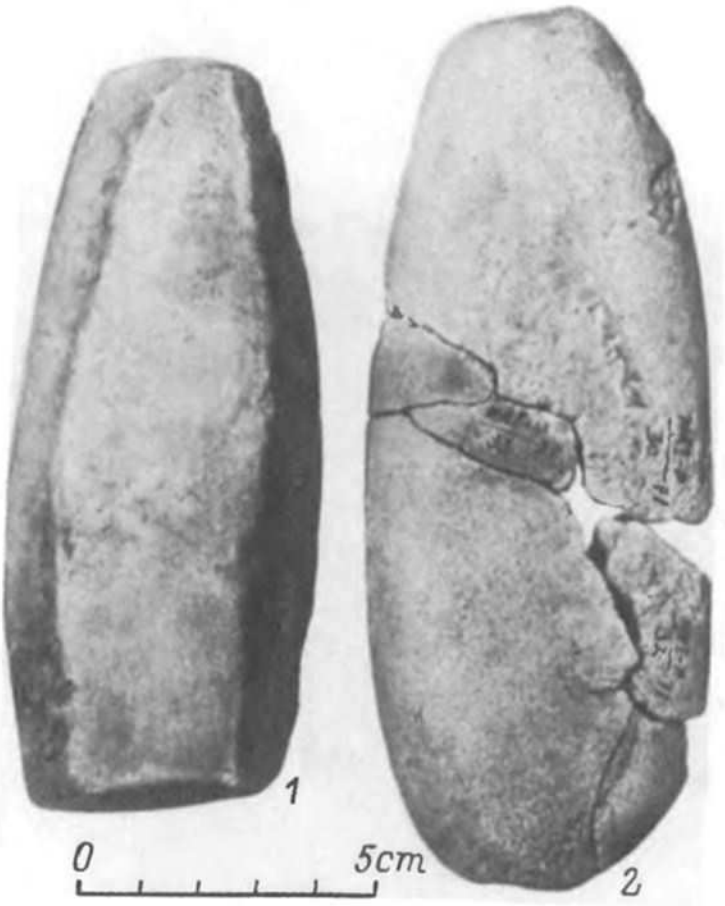

Е
Д
Г
2-1
В
Б
А
1
2
3
4
5
6
а
БУ
ОТ
НС
Раскоп 1971 г.
Т
БН
НС
С
С
Нб
ОТ
2-4
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
Н
Нб
Т
ОТ
БУ
Ж
С
Ск
НС
0
1 м

77. Льячки и тигель со стоянки Усть-Половинка (1, 3) и стоянки Пясина IV-а (2).
Bowls (1, 3) from the Ust'-Polovinka site, and a crucible (2) from Pyasina IV-A site.

78. Усть-Половинка. Каменные изделия из жилища в раскопе I.
Stone objects excavated from the dwelling pit in the 1st dig of the Ust'-Polovinka site.

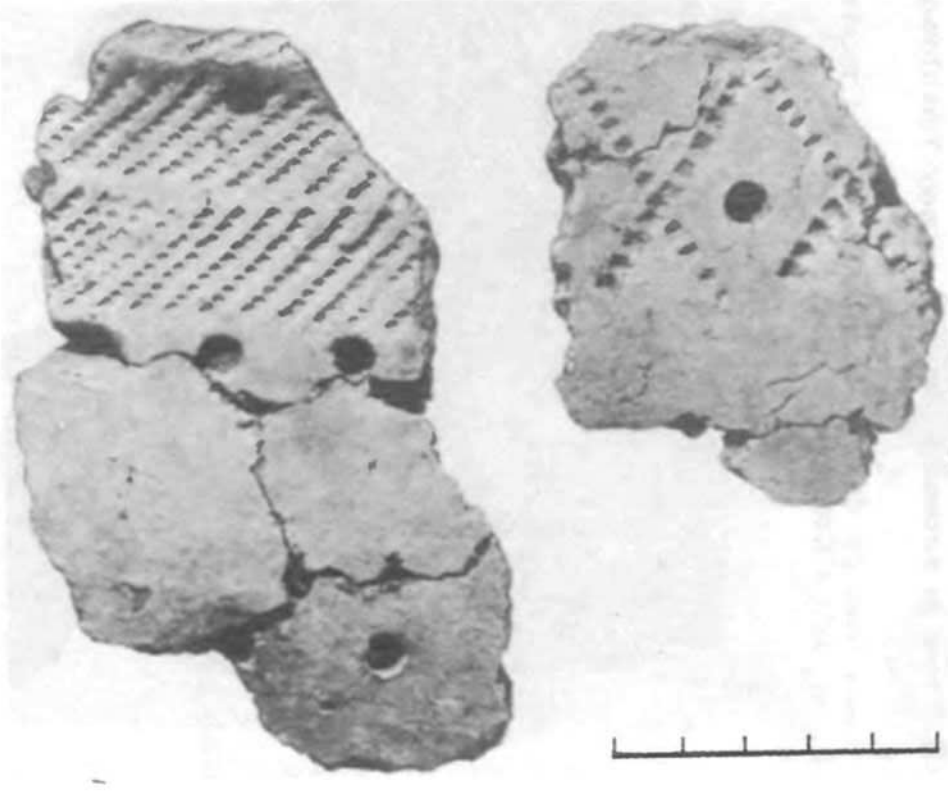

79. Точильные бруски из жилища в раскопе I стоянки Усть-Половинка (1) и со стоянки Малая Коренная I (2).

Grinding stones from the dwelling discovered in the 1st excavation area of the Ust'-Polovinka (1), and from Malaya Korennaya site (2).

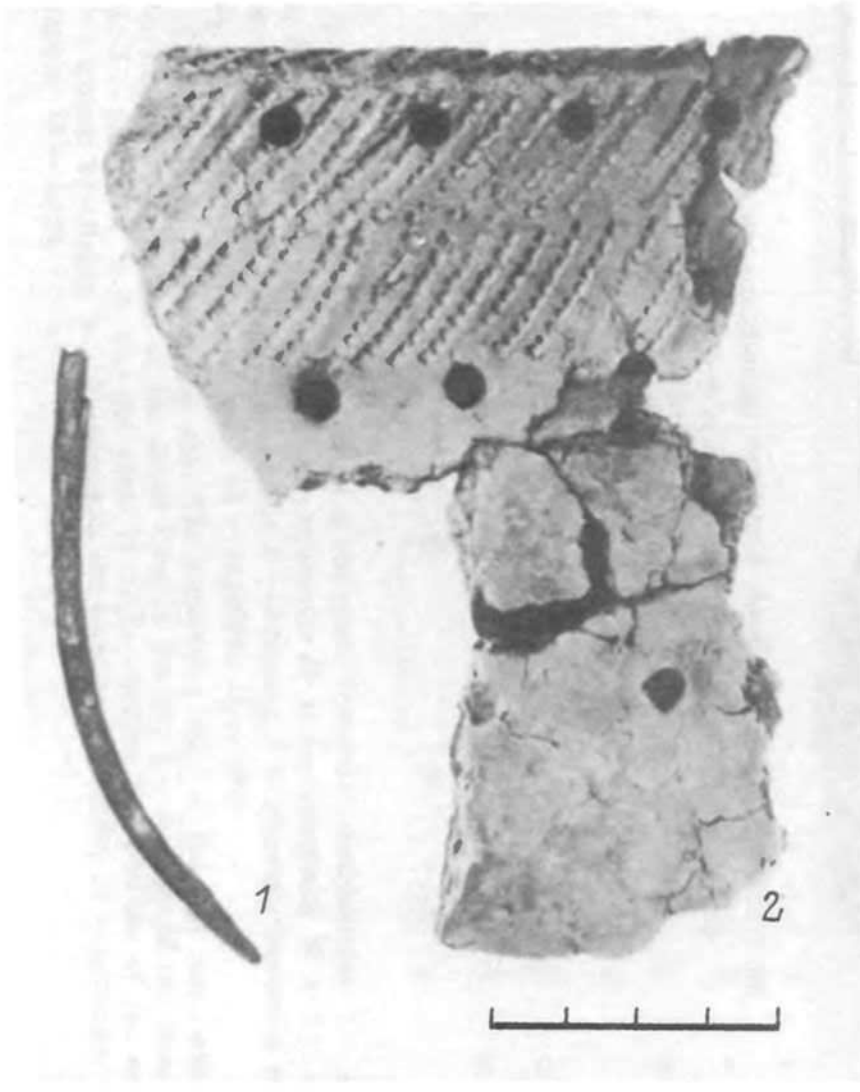
80. Стоянка Усть-Половинка. Керамика из жилища I.
Ceramics from dwelling # 1 (Ust'-Polovinka site).

81. Стоянка Усть-Половинка. Керамика из жилища I.
Ceramics from dwelling # 1 (Ust'-Polovinka site).

82. Стоянка Усть-Половинка. Керамика из жилища I.
Ceramics from dwelling # 1 (Ust'-Polovinka site).

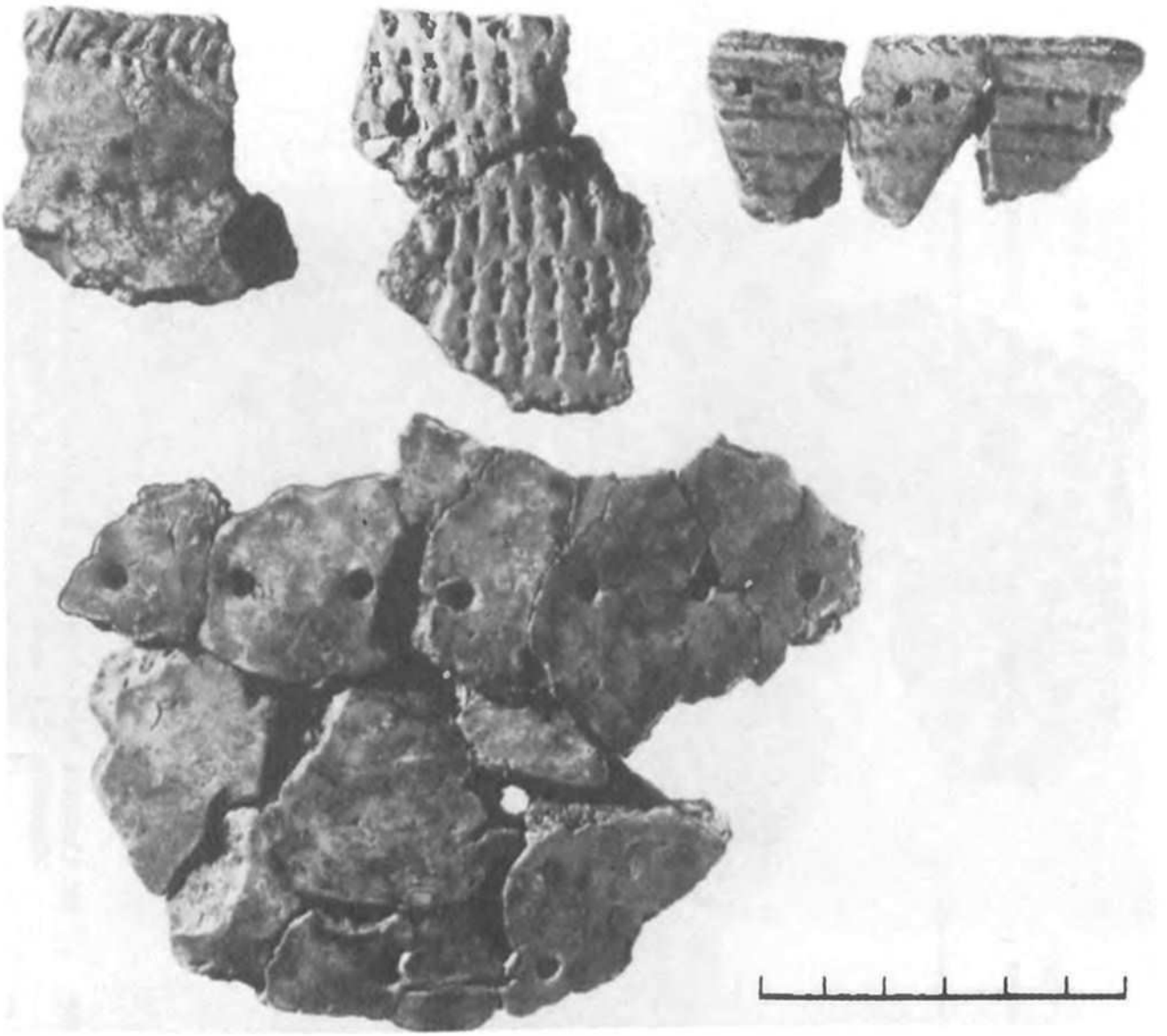

83. Находки со стоянки Усть-Половинка: 1 — железное изделие; 2 — керамика из жилища I.

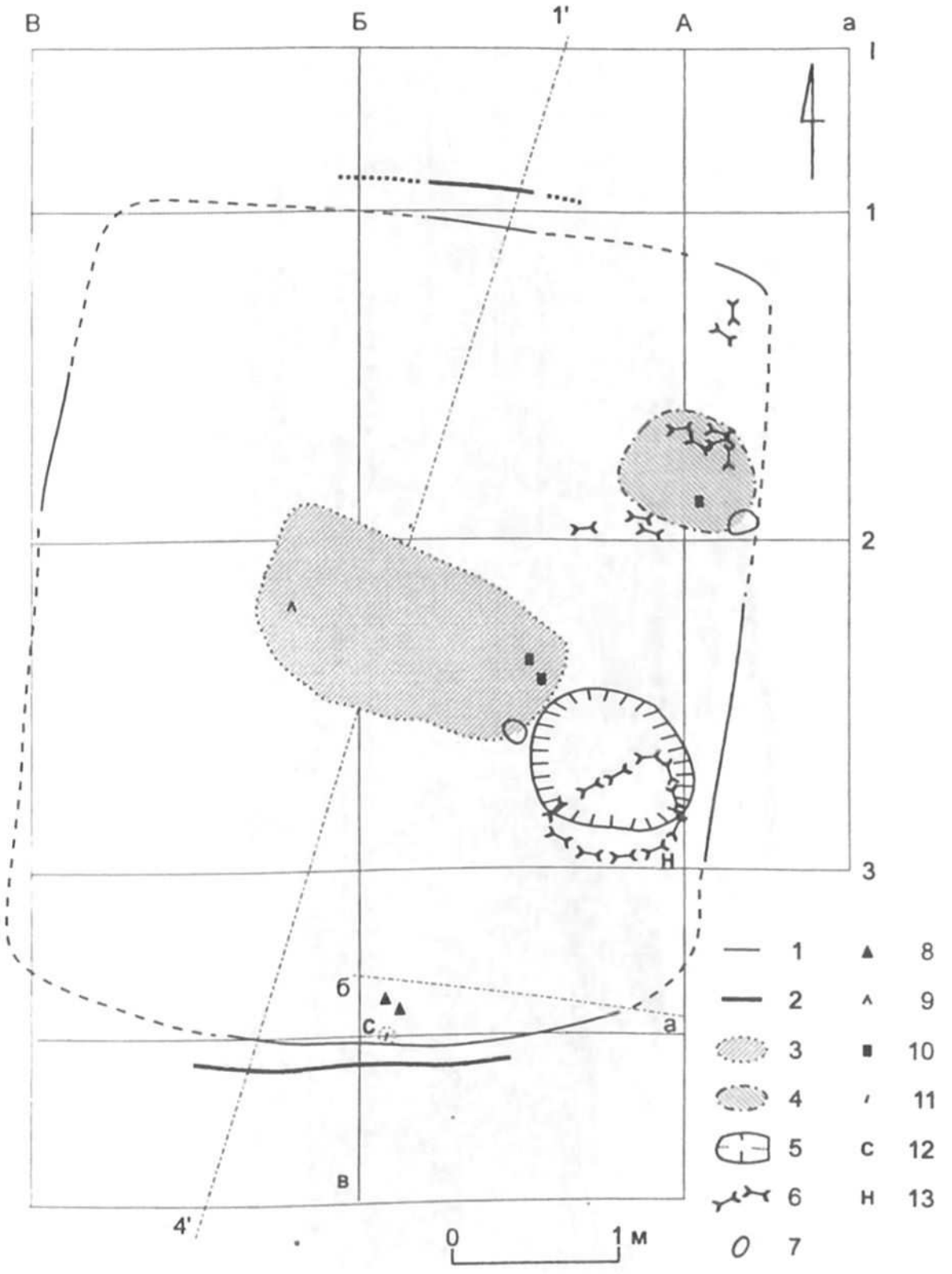
Artifacts from Ust'-Polovinka site: (1) — iron tool; 2 — ceramics from dwelling 1.

84. Стоянка Усть-Половинка. Керамика пясинского типа.
Ceramics of Pyasina-type from Ust'-Polovinka site.

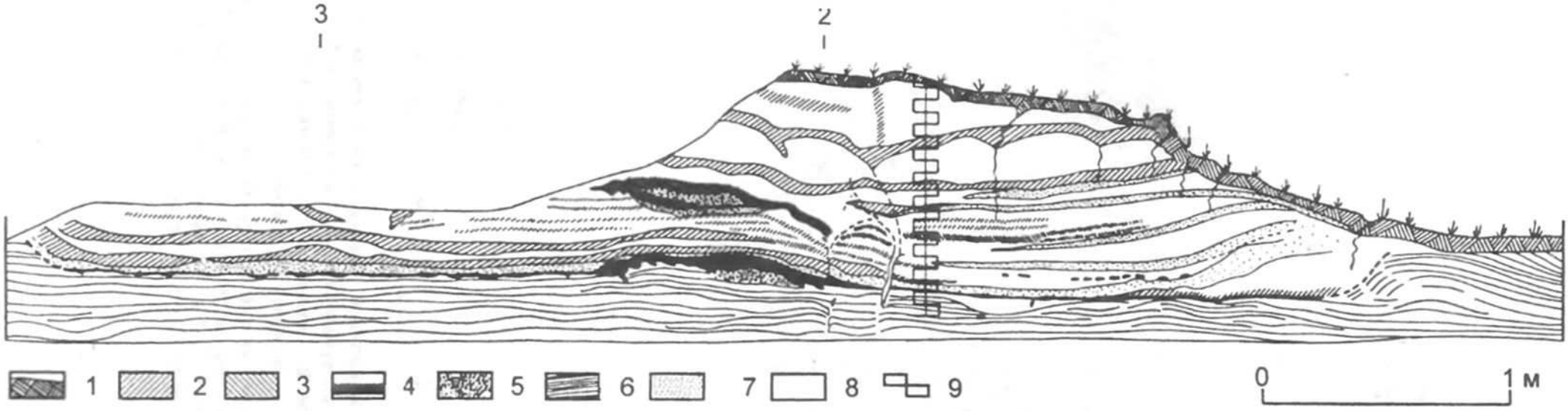

85. Стоянка Усть-Половинка. Керамика пясинского типа.
Ceramics of Pyasina-type from the Ust'-Polovinka site.

86. Усть-Половинка. План II раскопа и жилища. Условные обозначения: 1 — контур пола жилища; 2 — верхний контур жилища; 3 — кострище № 4; 4 — кострище № 5; 5 — контур ямы; 6 — очертания скопления костей; 7 — камни; 8 — отщепы; 9 — обломки льячек и тиглей; 10 — керамика; 11 — ножевидные пластинки; 12 — скребок; 13 — нож.

The Ust'-Polovinka dwelling site. The excavation map of the 2nd area, with a dwelling excavated. Legend: 1 — outlines of the upper lever of the pit; 2 — outlines of the floor-level of the house-pit; 3 — fire place N 4; 4 — fire place N 5; 5 — outlies; 6 — outlines of the concentrations bones; 7 — stones; 8 — flakes; 9 — fragments of the bowl and crucibles; 10 — ceramics; 11 — blades; 12 — scrapers; 13 — knife.

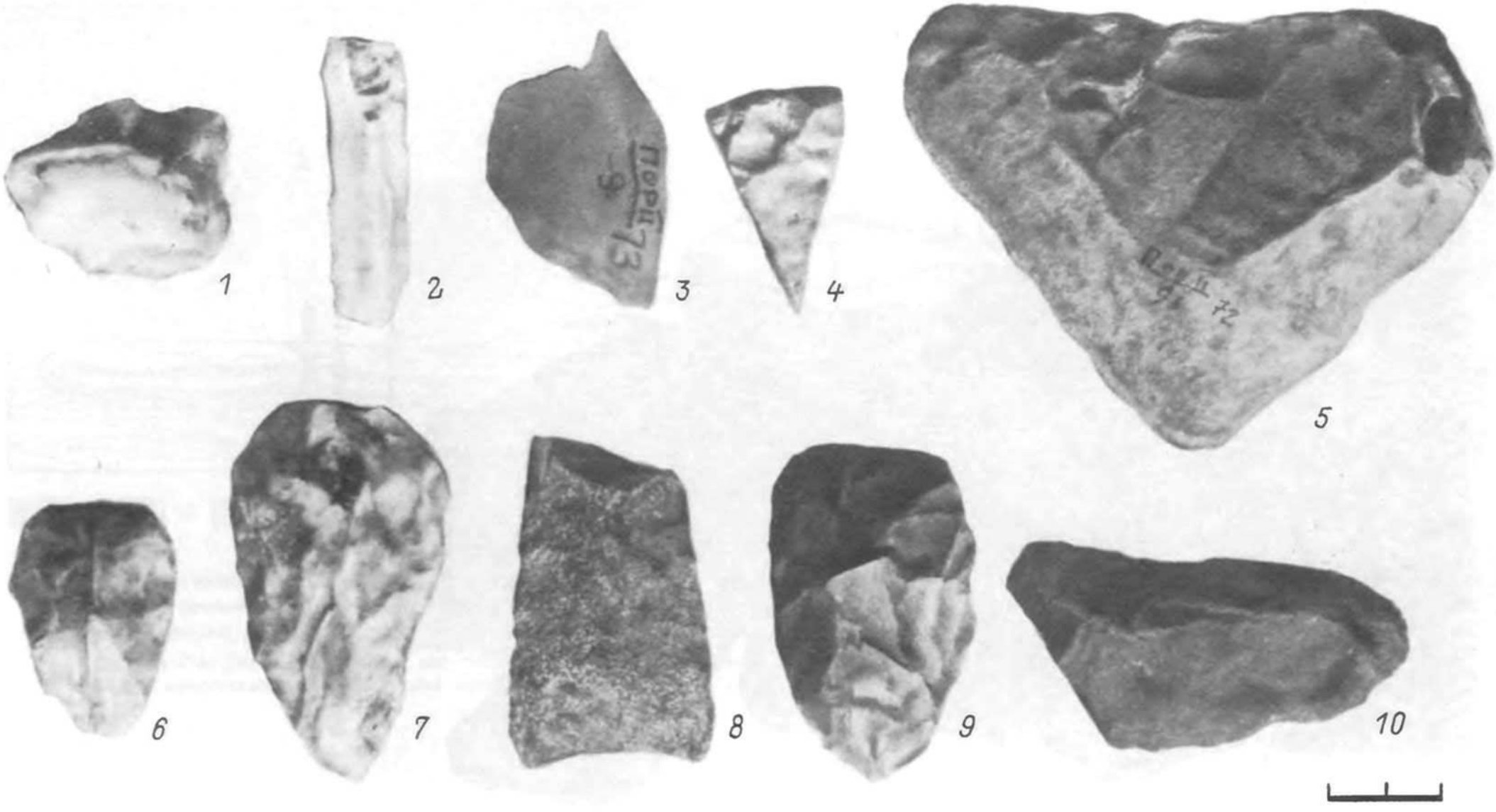

87. Усть-Половинка. Стратиграфический разрез II раскопа. Условные обозначения: 1 — дерново-почвенный слой; 2 — погребенная почва; 3 — коричневый гумусированный песок; 4 — гумусированные прослойки; 5 — углистые прослойки и кострища; 6 — слоистые пески; 7 — светлая супесь; 8 — серые пески; 9 — место отбора палинологической колонки.

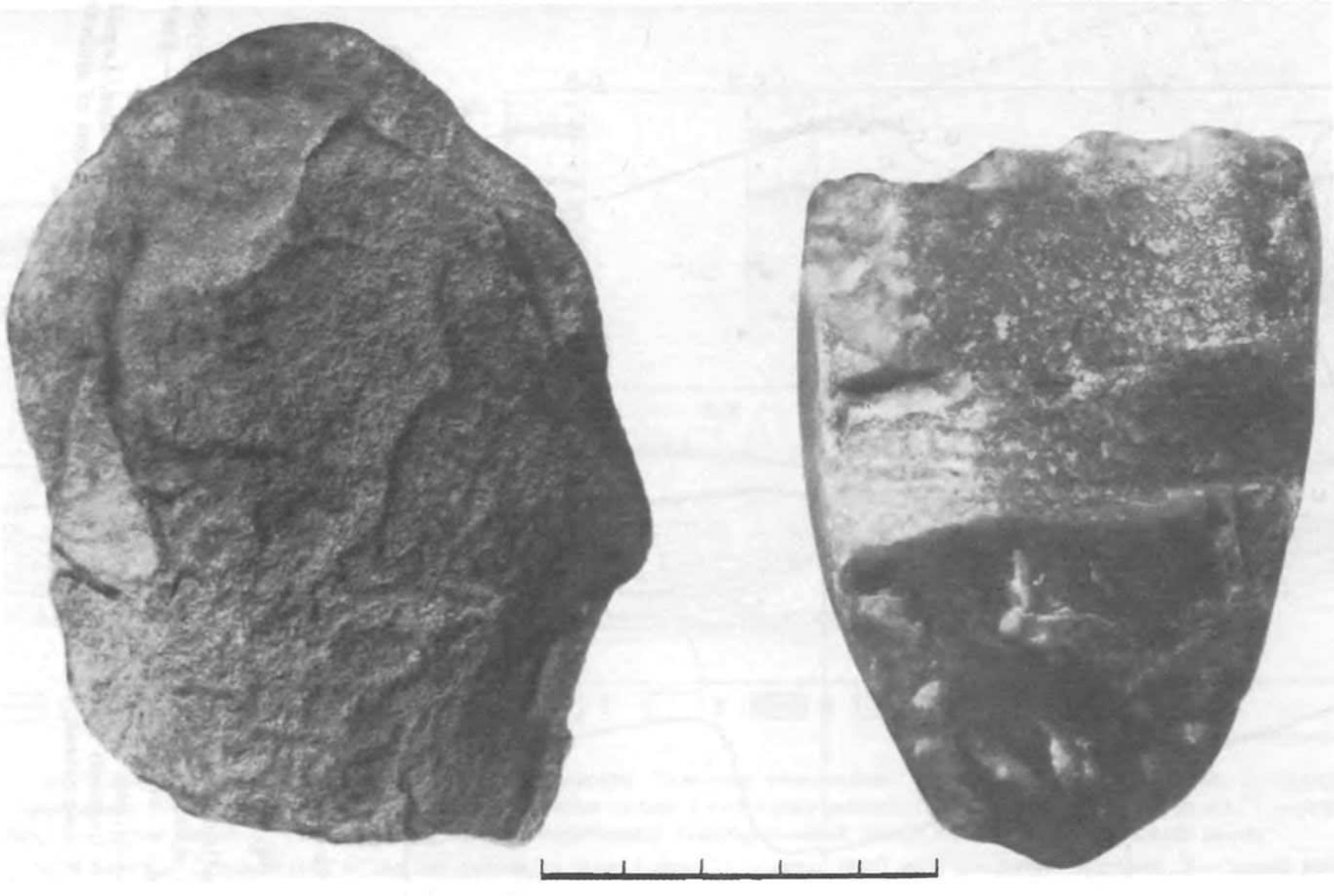
The Ust'-Polovinka dwelling site. Stratigraphy of the 2nd area. Legend: 1 — upper (turf) soil; 2, 3 — buried soils; 4 — charcoal interbeds and concentrations; 5 — annealed sands; 6 — bedded sands; 7 — light sands; 8 — grey-yellow sands; 9 — pollen samples.

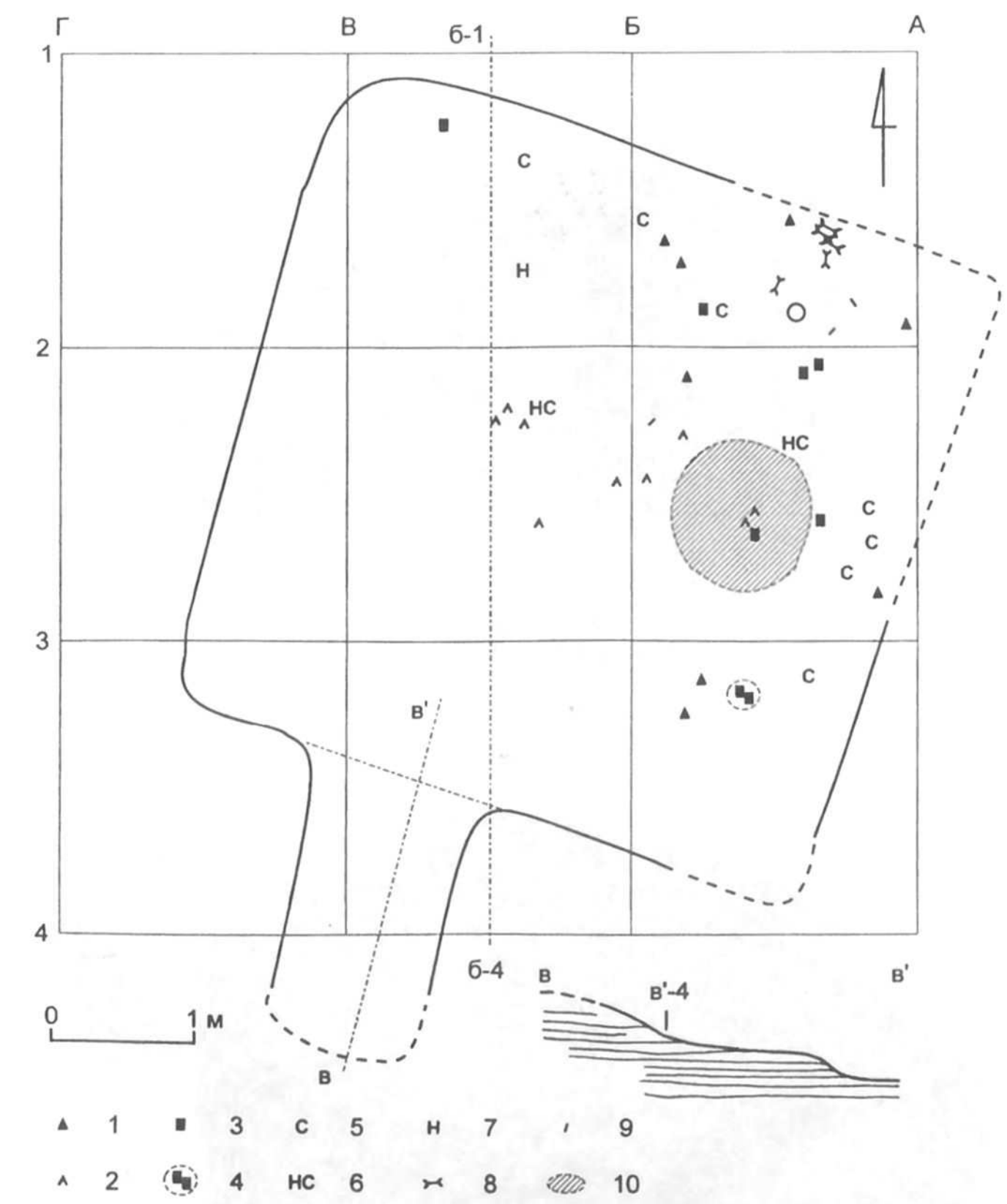
88. Усть-Половинка. Керамика из жилища II раскопа.
Ust'-Polovinka. Ceramics from the 2nd area.

89. Усть-Половинка. Каменные изделия II раскопа.
Stone objects from the 2nd area of the Ust'-Polovinka site.

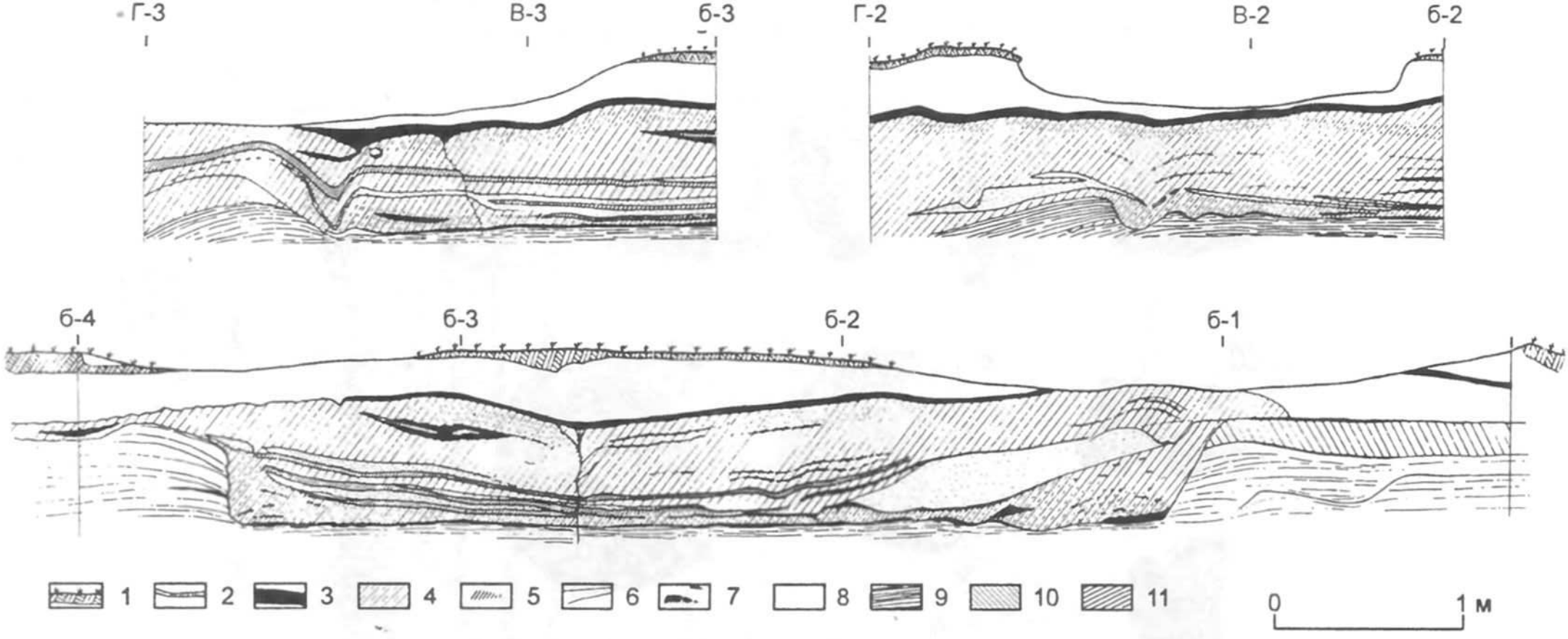

90. Усть-Половинка. Грубые орудия.
Primitive stone implements from the Ust-Polovinka site.

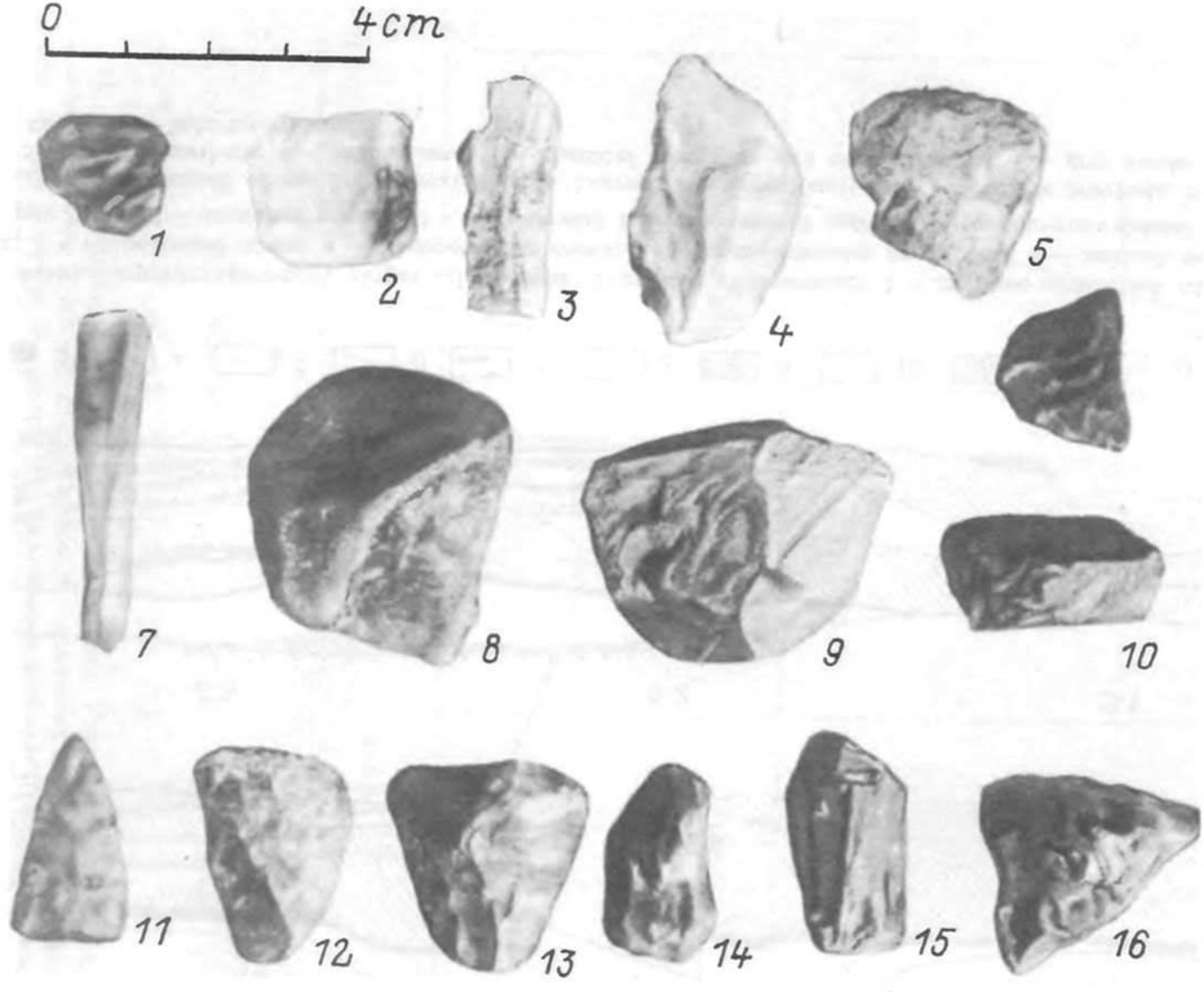
91. Усть-Половинка. План III раскопа и жилища. Условные обозначения: 1 — отступы; 2 — обломки льячек и тиглей; 3 — керамика; 4 — скопления находок; 5 — скребок; 6 — наконечник стрелы; 7 — нож; 8 — кости; 9 — ножевидные пластинки; 10 — кострища.

Ust'-Polovinka. The excavation map of the 3rd area, with a dwelling excavated. Legend: 1 — flakes; 2 — fragments of the bowl and crucibles; 3 — ceramics; 4 — concentrations of artifacts; 5 — scrapers; 6 — arrowhead; 7 — knife; 8 — bones; 9 — blades; 10 — fire places.

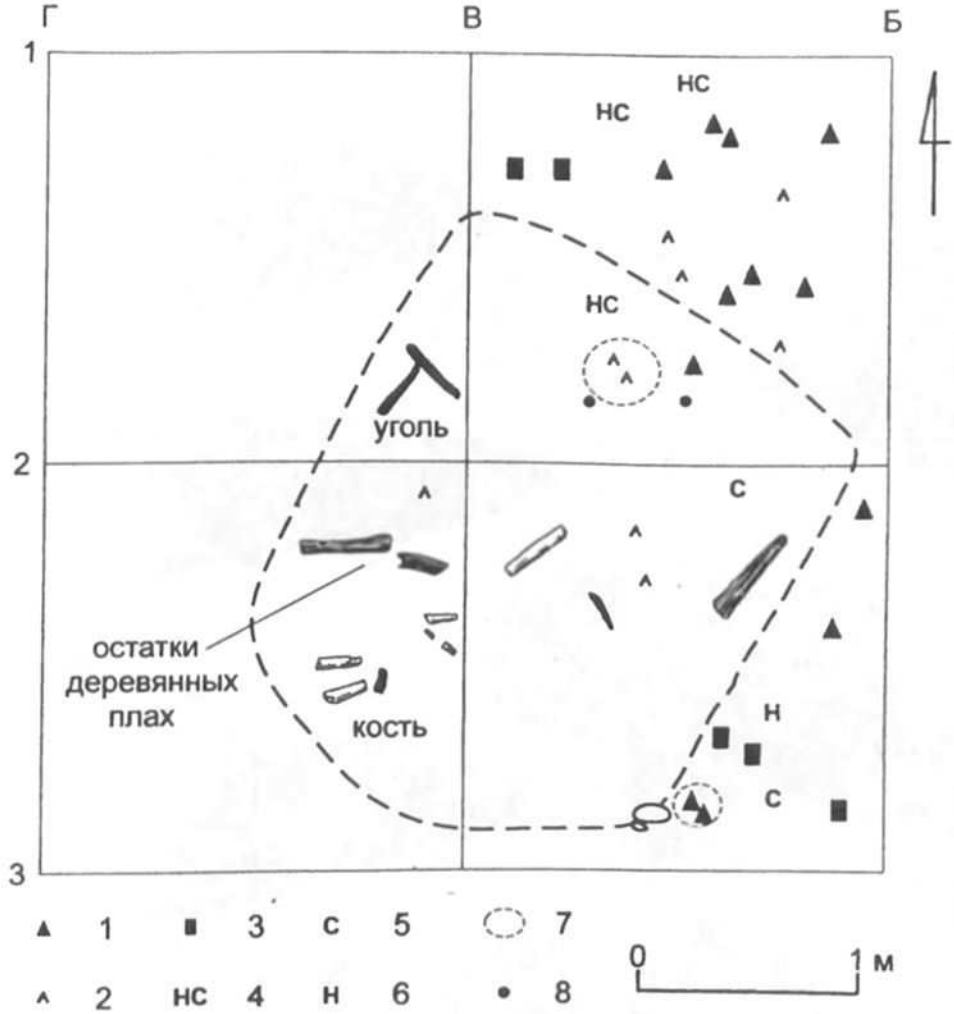
92. Усть-Половинка. Стратиграфический разрез III раскопа. Условные обозначения: 1 — дерново-почвенный слой; 2 — гумусированные прослойки; 3 — погребенная почва; 4 — темно-желтые пески; 5 — гумусированные прослойки; 6 — желтый песок; 7 — углистые прослойки; 8 — серые пески; 9 — слоистые пески; 10 — коричневый гумусированный песок; 11 — светло-коричневый песок.

Ust'-Polovinka. Cross-sections of the 3rd excavation area. Legend: 1 — upper (turf) soil; 2 — humus interbeds; 3 — buried soil; 4 — dark-yellow sands; 5 — humus interbeds; 6 — yellow sand; 7 — charcoal interlayers and concentrations; 8 — grey sands; 9 — bedded sands; 10 — brown humus sands; 11 — light-brown sands.

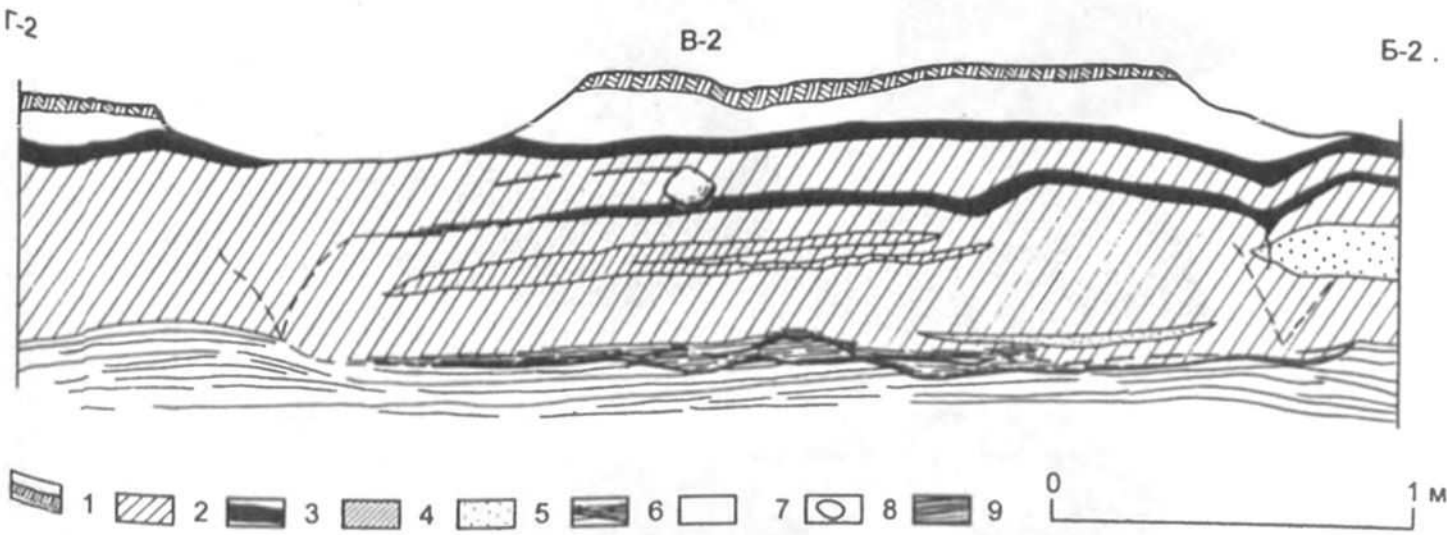
93. Усть-Половинка. Каменные изделия из жилища (1—3, 5—16) и I слоя раскопа III (4).

Stone artifacts from the dwelling (1—3, 5—16) and from the 1st layer (4) of the 3rd area of the Ust'-Polovinka site.

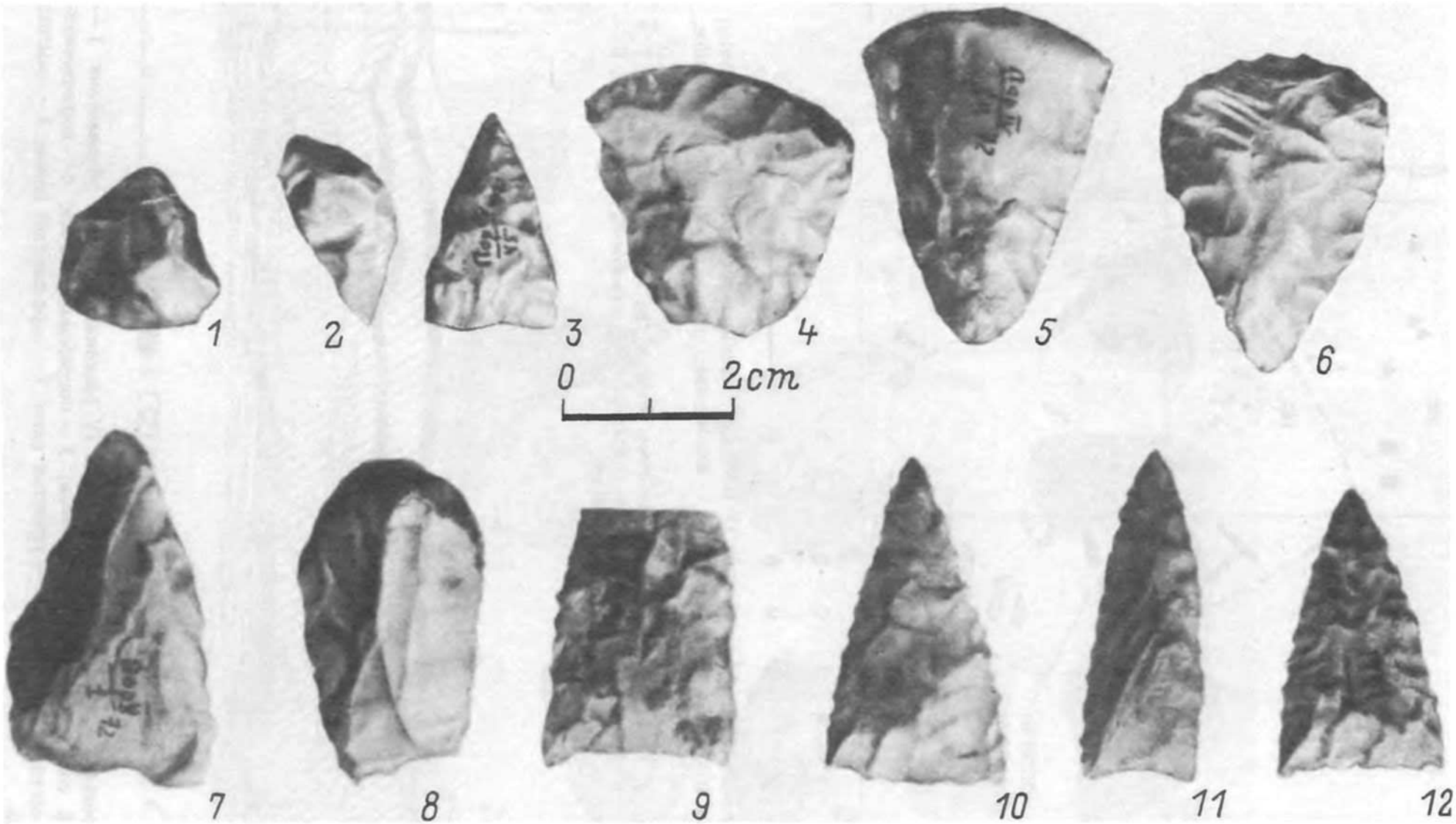
94. Усть-Половинка. План нижнего слоя IV раскопа. Условные обозначения: 1 — отщепы; 2 — обломки льячек и тиглей; 3 — керамика; 4 — наконечник стрелы; 5 — скребок; 6 — нож; 7 — капли бронзы.

Ust'-Polovinka. The excavation map of the lower level of the 4th dig area. Legend: 1 — flakes; 2 — fragments of the bowl and crucibles; 3 — ceramics; 4 — arrowhead; 5 — scrapers; 6 — knife; 7 — concentrations of artifacts; 8 — bronze drops.

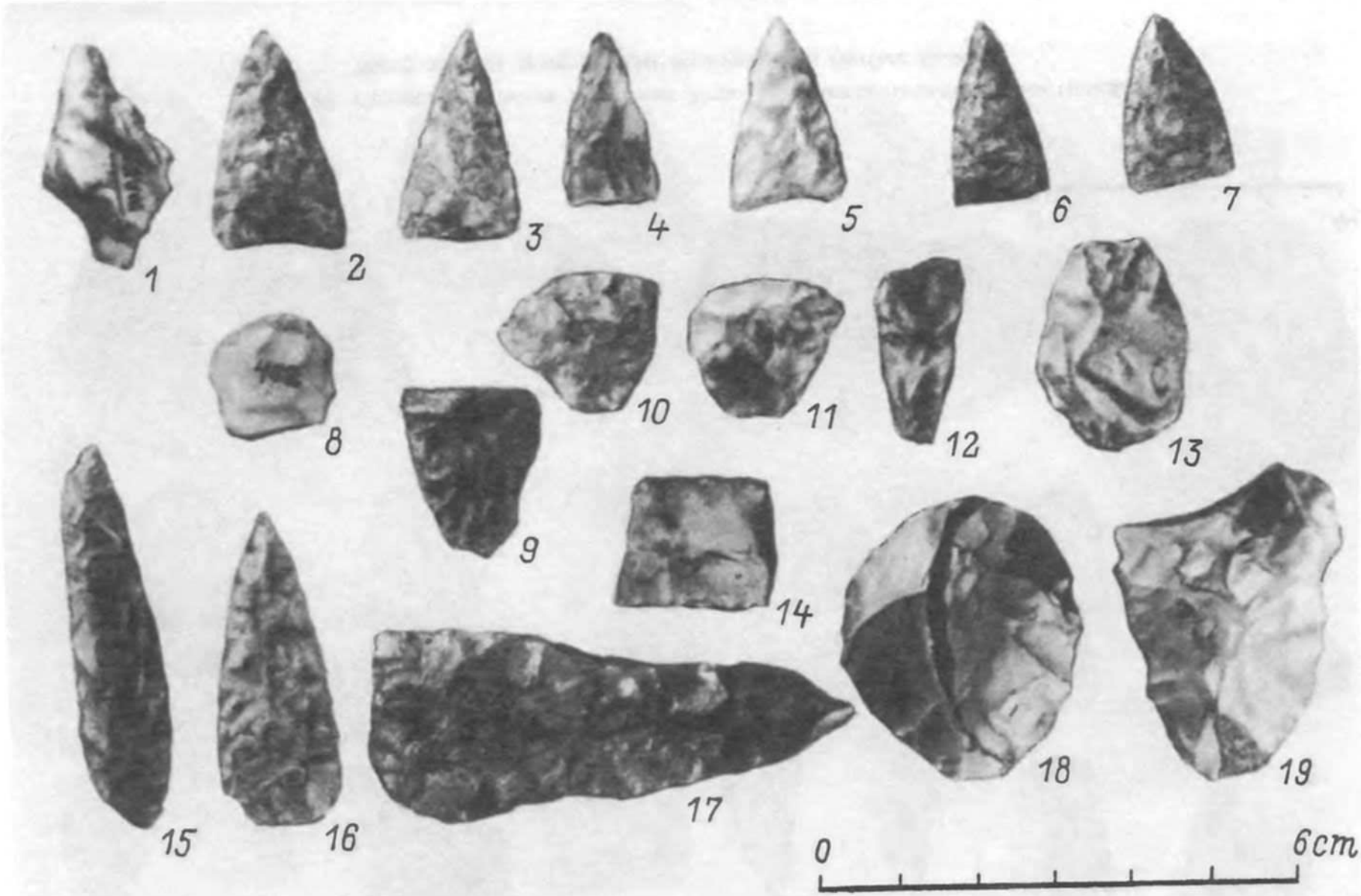
95. Усть-Половинка. Стратиграфический разрез IV раскопа. Условные обозначения: 1 — дерново-почвенный слой; 2 — коричневый песок; 3 — погребенная почва; 4 — коричневато-серый песок; 5 — светло-серый песок; 6 — углистые слои; 7 — серо-желтый песок; 8 — камень; 9 — слоистые пески.

Ust'-Polovinka. Stratigraphy of the 4th dig. Legend: 1 — upper (turf) soil; 2 — brown sands; 3 — buried soil; 4 — brown-grey sands; 5 — light grey sands; 6 — charcoal interlayers; 7 — grey-yellow sands; 8 — boulders; 9 — bedded sands.

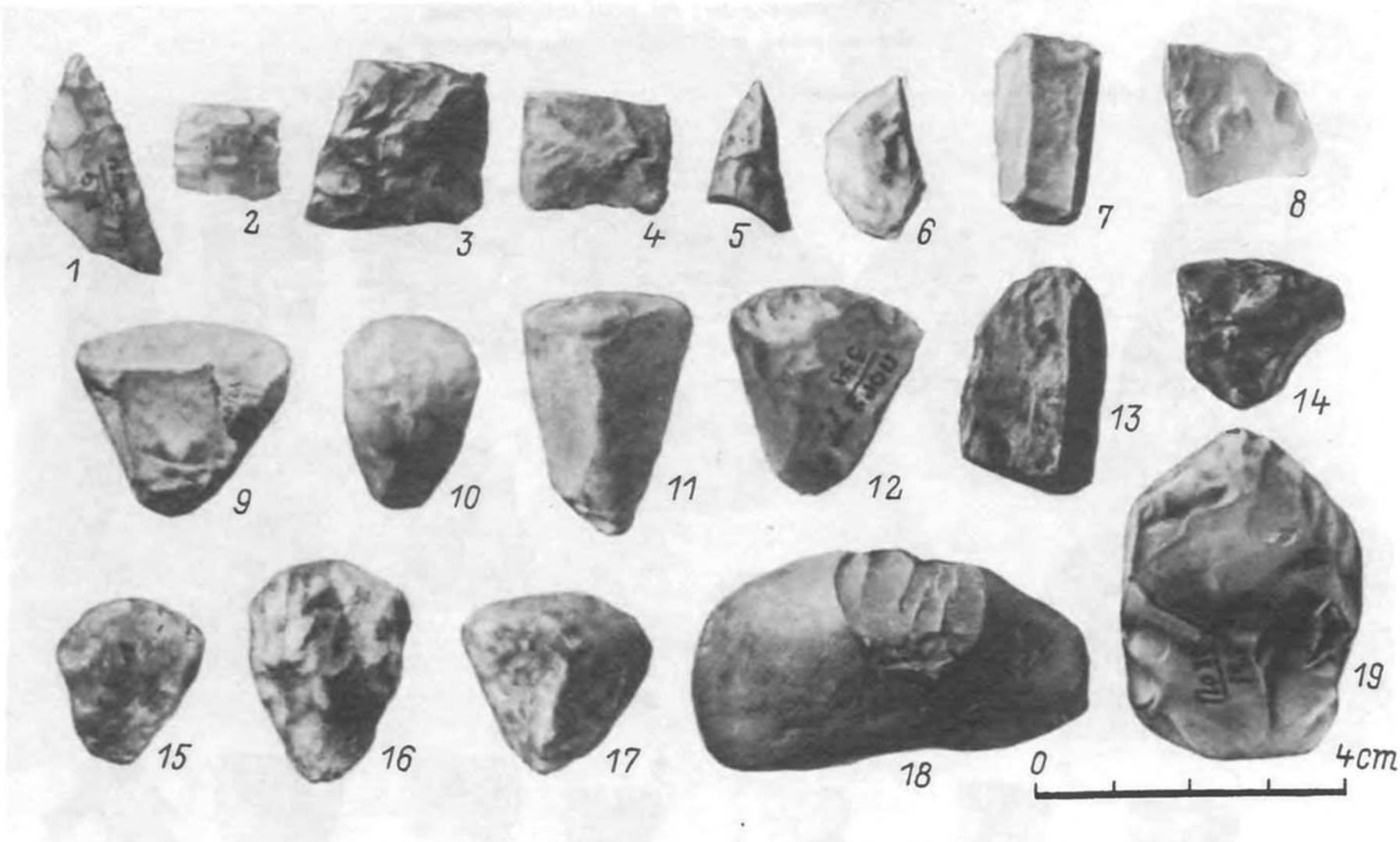

96. Каменные изделия поселения Усть-Половинка: 1—5, 8 — раскоп IV; 6, 7, 9 — раскоп V.

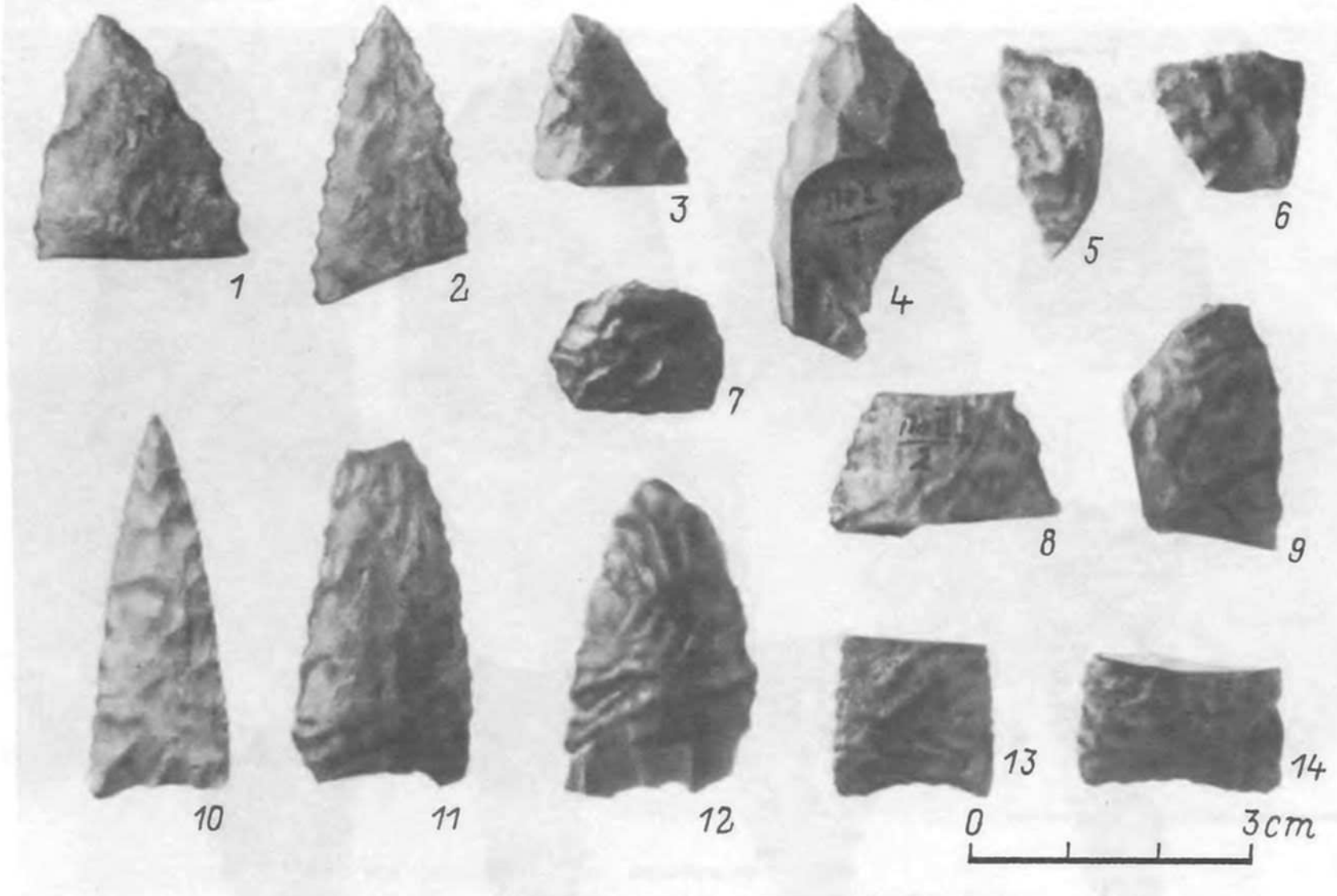
Stone artifacts from different dig areas of the Ust'-Polovinka site: 1—5, 8 — from the 4th excavated area, 6, 7, 9 — from the 5th one.

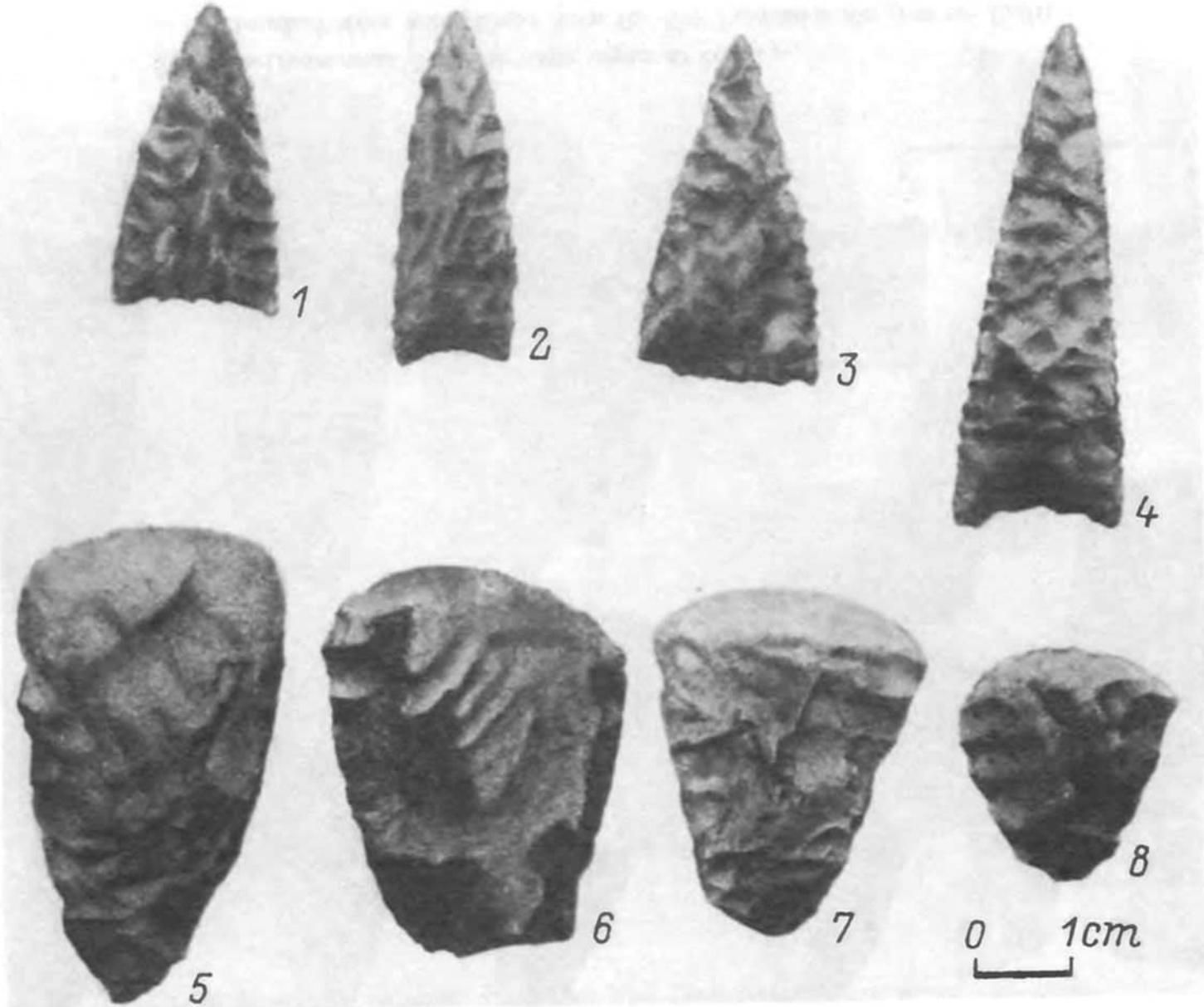
97. Каменные изделия поселения Усть-Половинка.
Stone artifacts from the Ust'-Polovinka site.

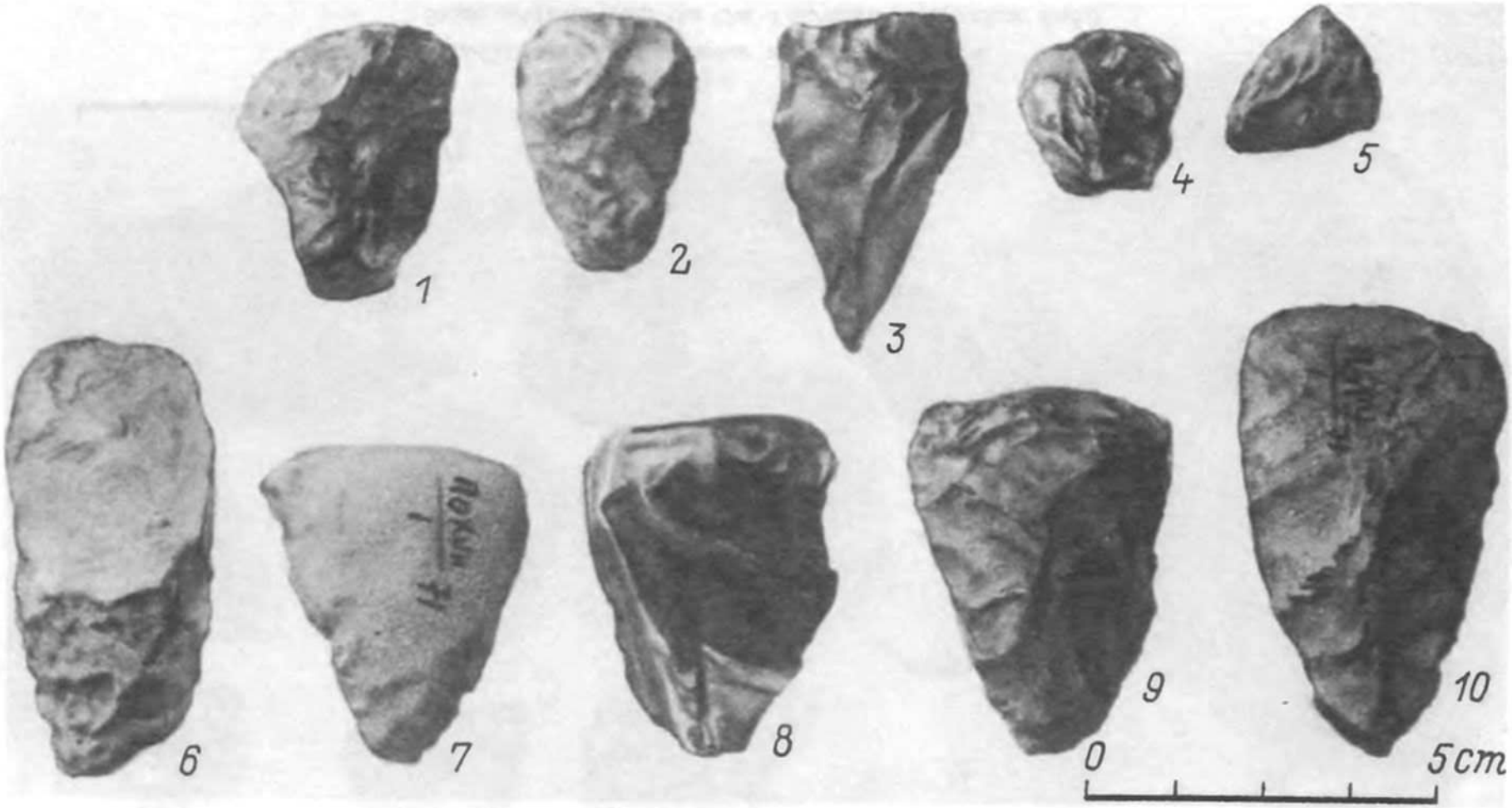
98. Каменные изделия поселения Усть-Половинка. Подъемный материал.
Stone artifacts from the Ust'-Polovinka site (surface finds).

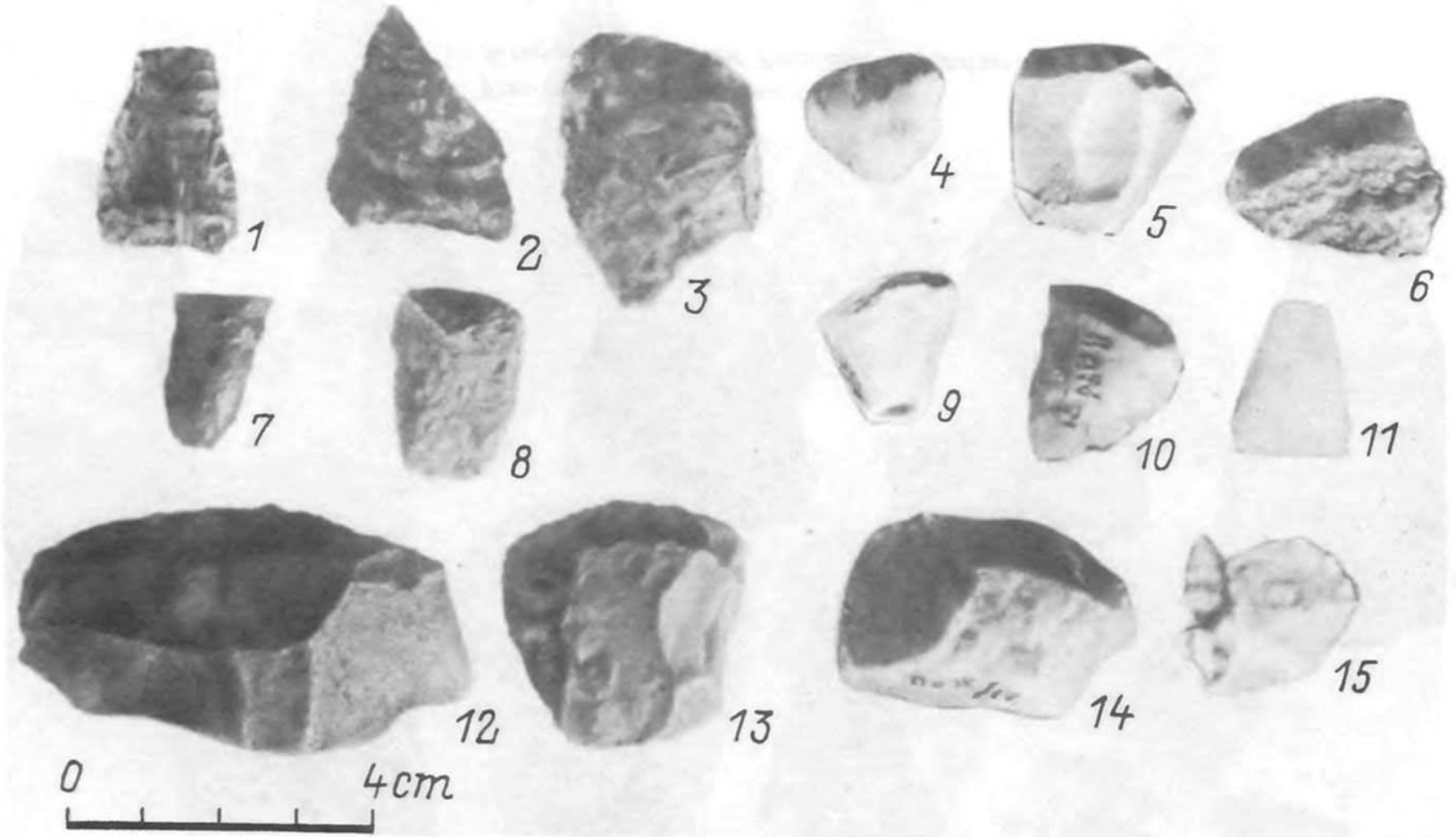
99. Усть-Половинка. Наконечники стрел из сборов.
Retouched stone arrowheads from the Ust'-Polovinka site (surface finds).

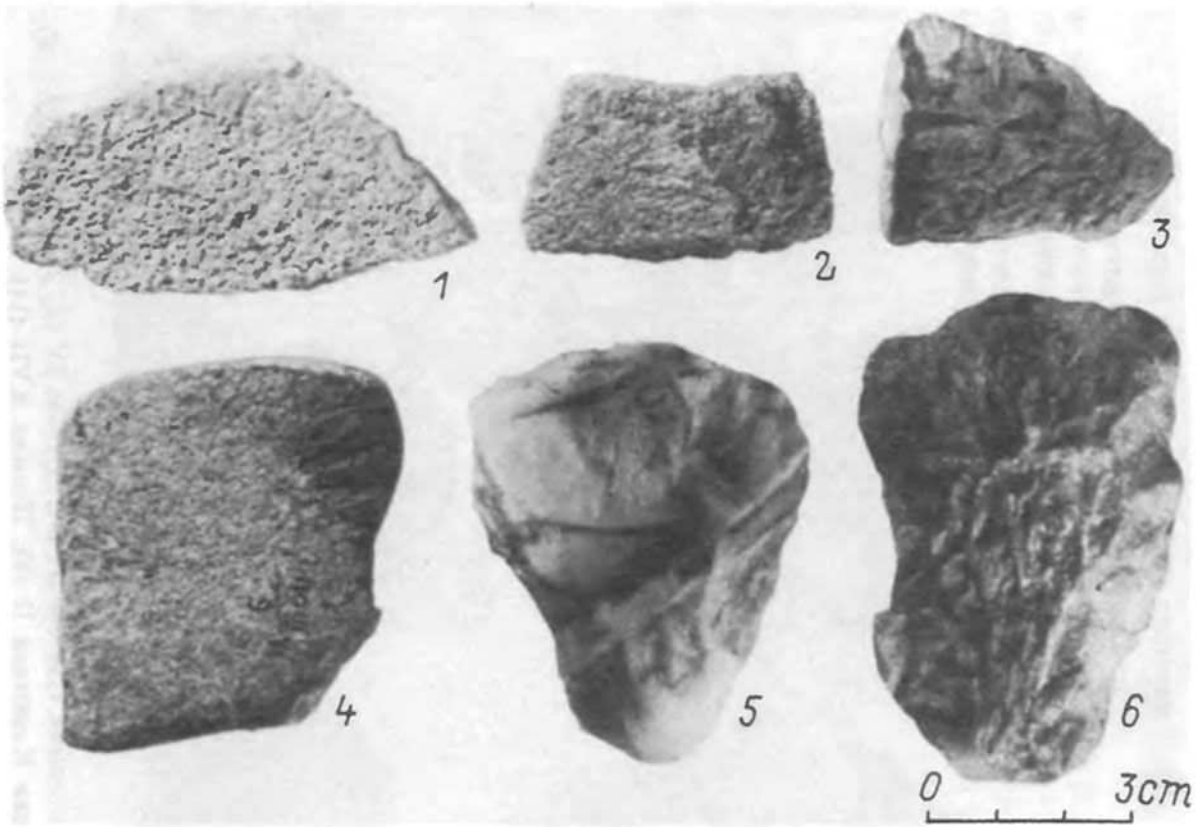
100. Усть-Половинка. Наконечники стрел и скребки из сборов.
Retouched stone arrowheads and scrapers from the Ust'-Polovinka site (surface finds).

101. Усть-Половинка. скребки из сборов.
Scrapers from the Ust'-Polovinka site (surface finds).

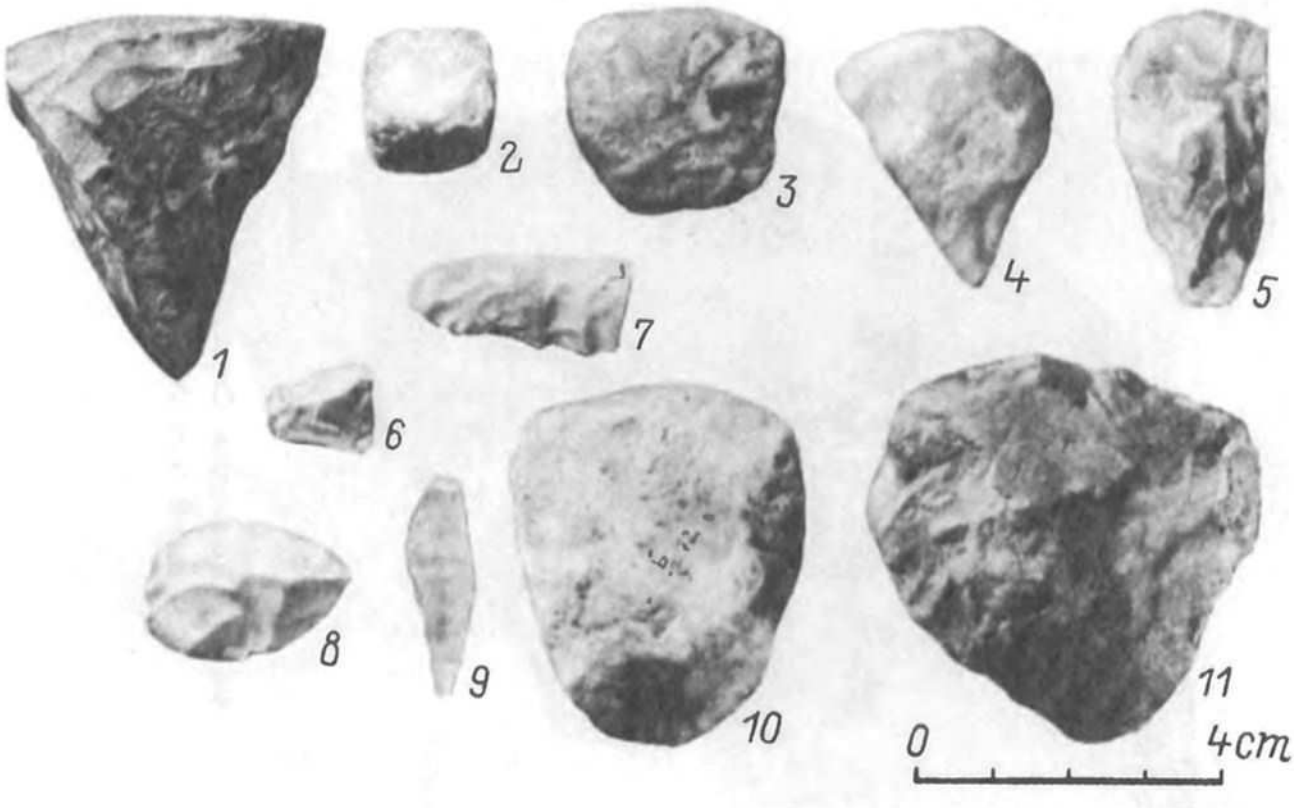
102. Усть-Половинка. Каменные изделия из сборов.
Stone artifacts from the Ust'-Polovinka site (surface finds).

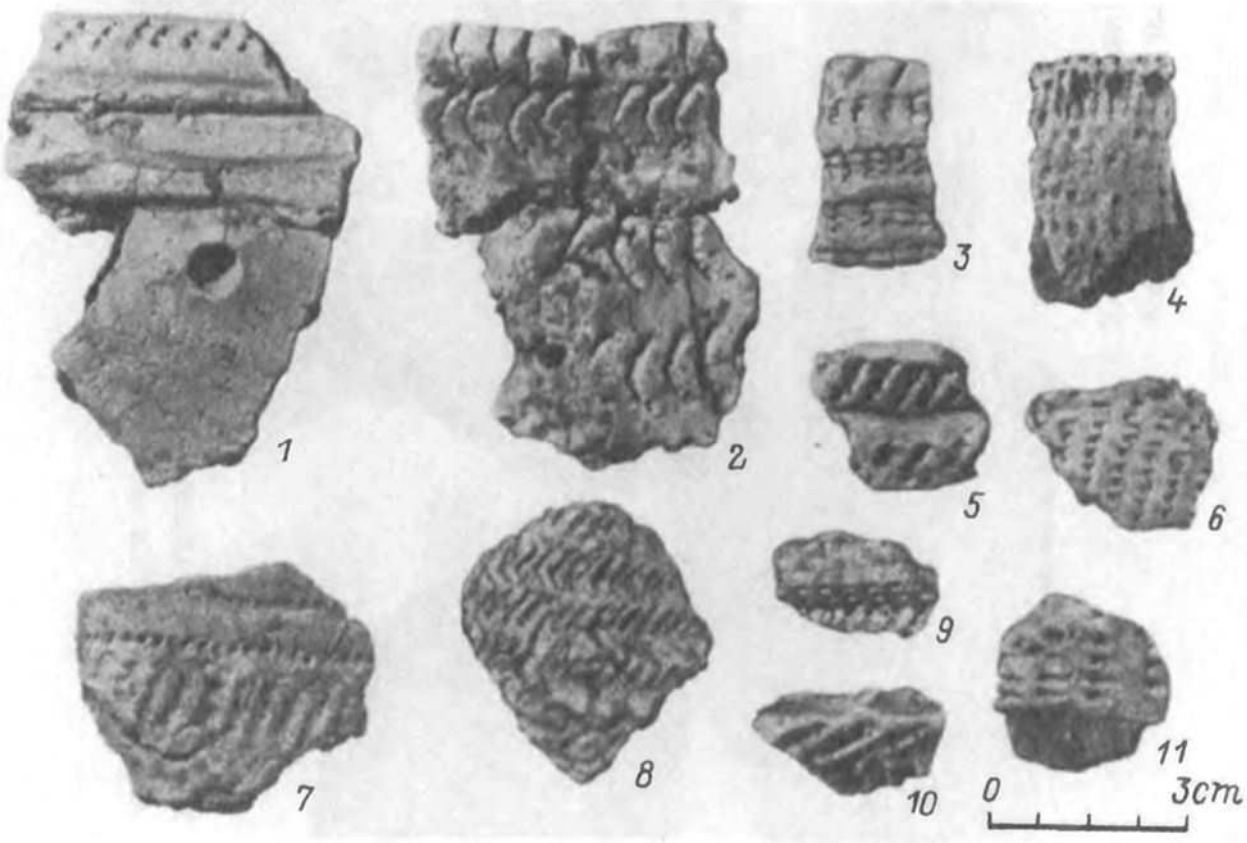
103. Усть-Половинка. Абразивы и галечные орудия из сборов.
Abrasives and pebble tools from the Ust'-Polovinka site (surface finds).

104. Усть-Половинка. Скребло из сборов.
Side-scraper from the Ust-Polovinka site.

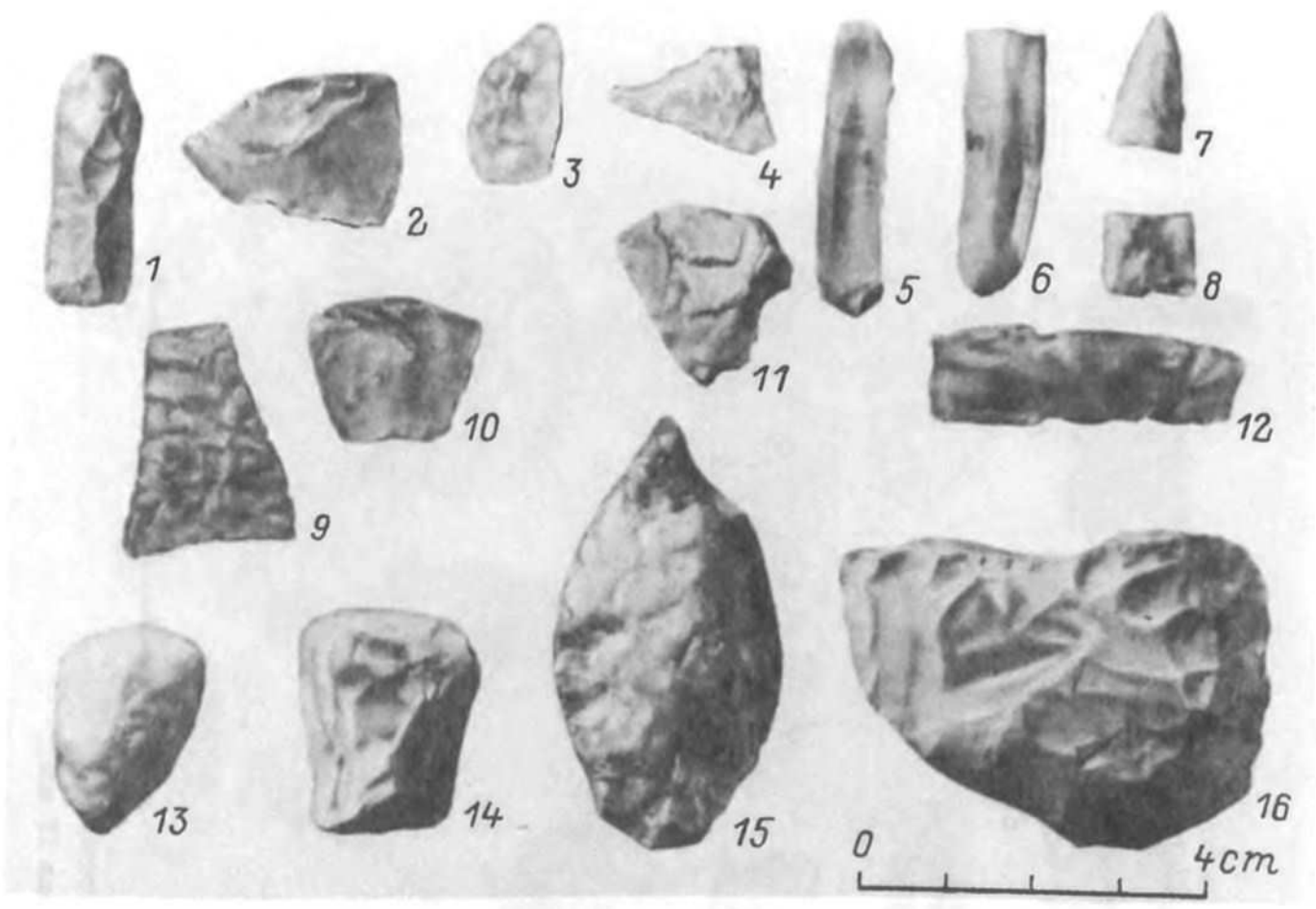

105. Каменные изделия со стоянки Береговая.
Stone implements from the Beregovaya site.

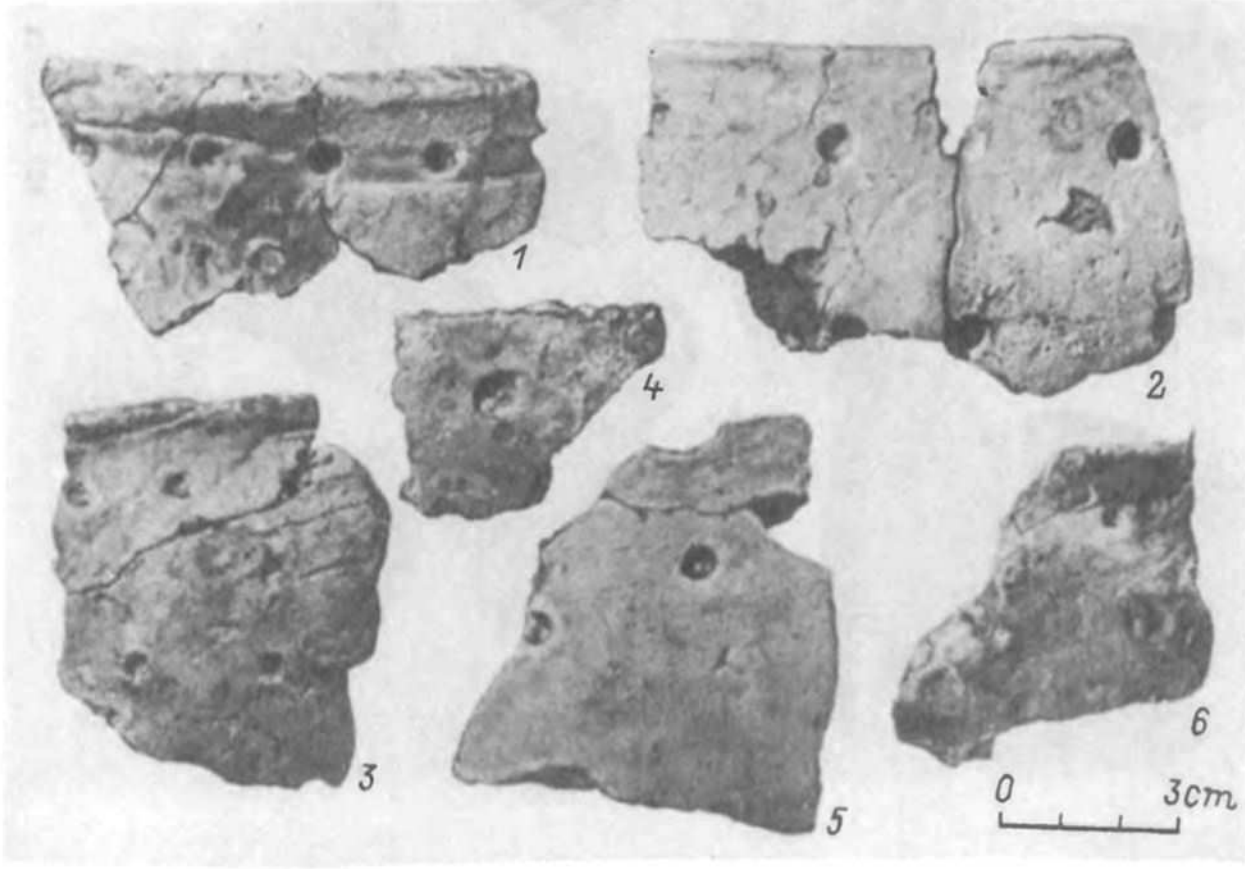
106. Керамика стоянок Пясина III (1), Пясина IV (2, 3), Пясина XVI (4), Малая Коренная I (5—7, 9, 10), Большая Коренная II (8), Пясина XVII (11).

Ceramics from the different sites: Pyasina III (1), Pyasina IV (2, 3), Pyasina XVI (4), Malaya Korennaya I (5—7, 9, 10), Bolshaya Korennaya II (8); Pyasina XVII (11).

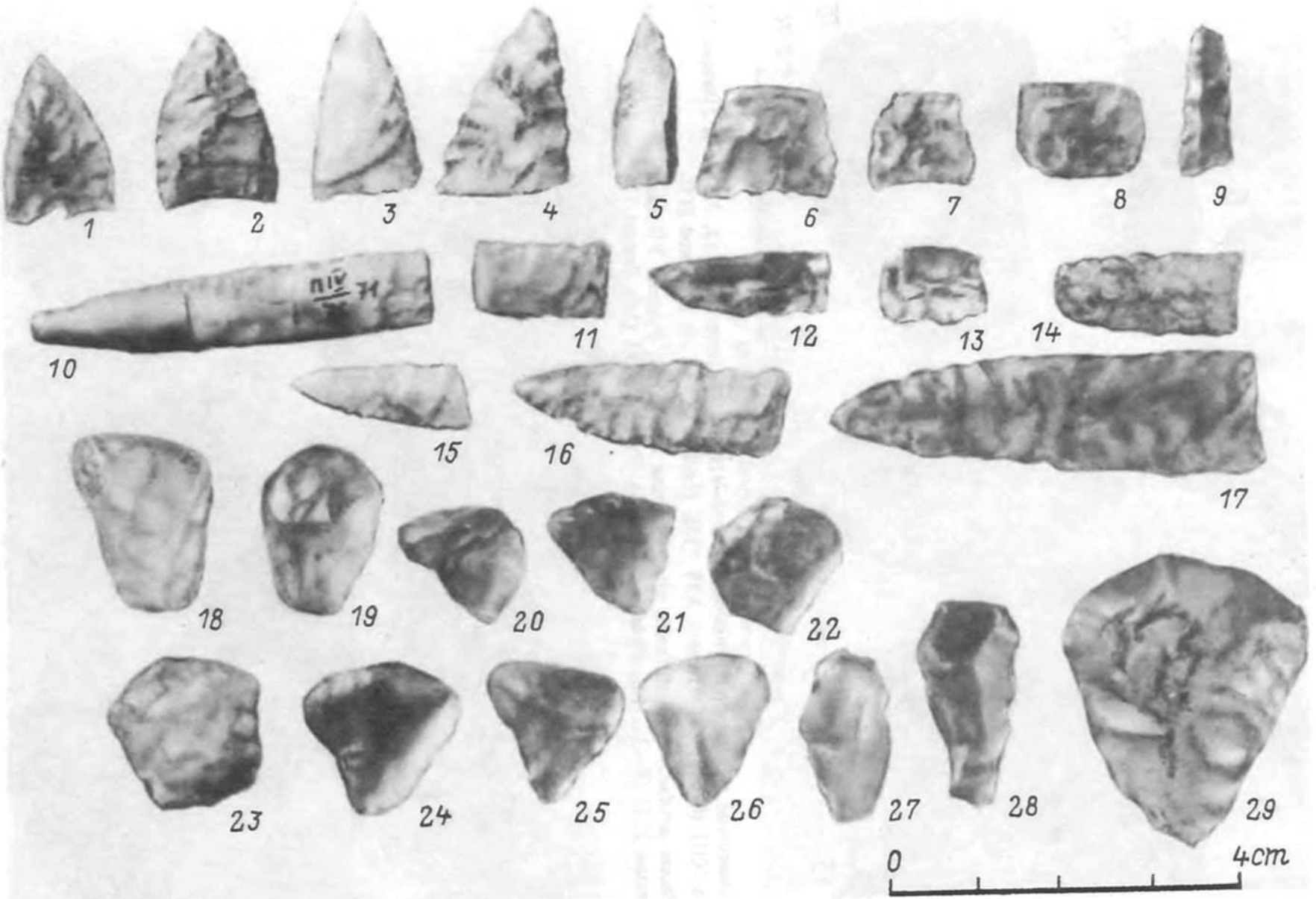
107. Каменные изделия со стоянок Пясина VII-A (1), Пясина VII (2, 3, 5—7), Пясина XI (4), Пясина XIII (8—12, 15), Пясина XIV (13), Пясина XVI (14) и Самос (16).

Stone artifacts from different sites: Pyasina VII-A (1), Pyasina VII (2, 3, 5—7), Pyasina XI (4), Pyasina XIII (8—12, 15), Pyasina XIV (13), Pyasina XVI (14), Samos (16).

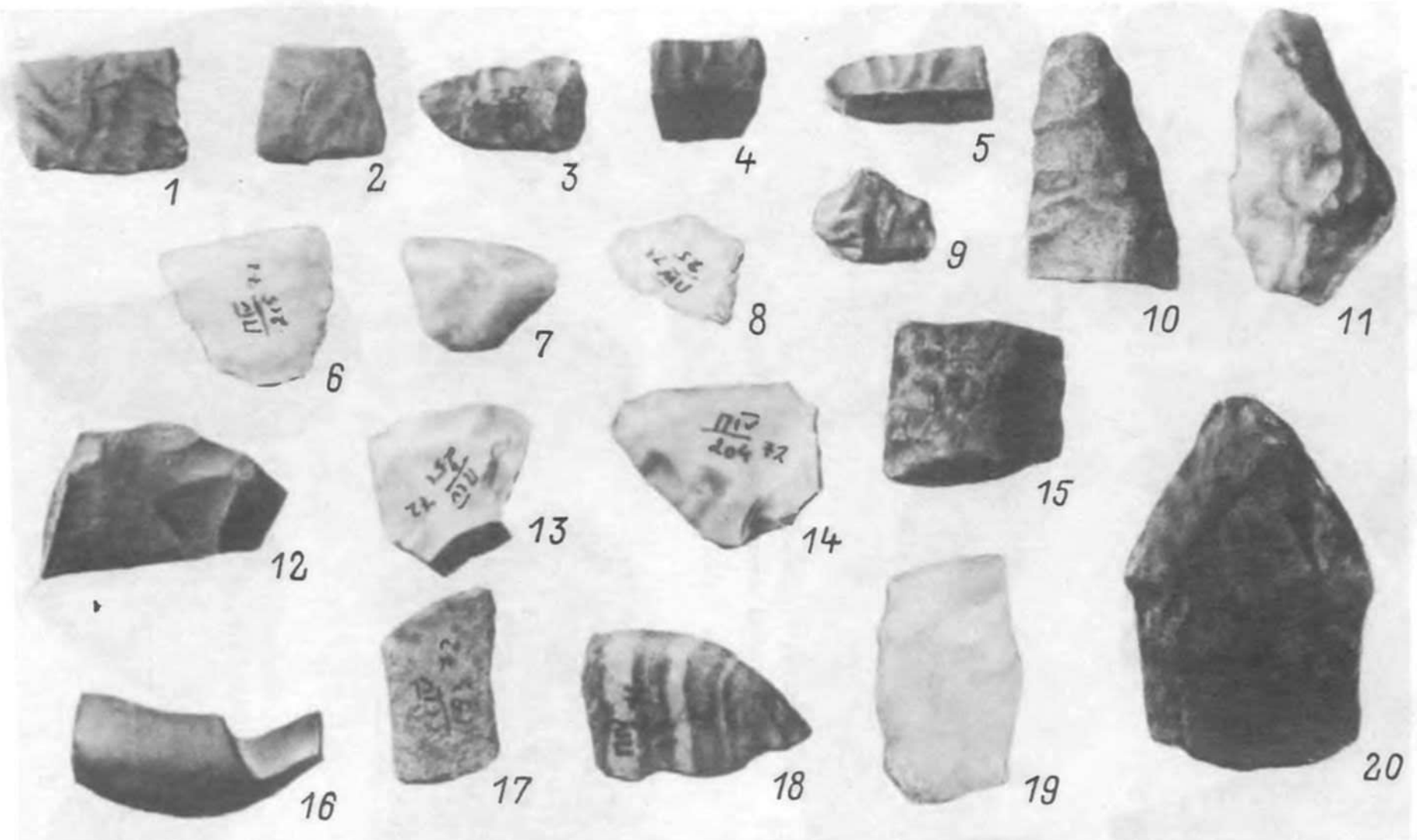

108. Керамика со стоянок Пясина IV (1—4, 6) и Пясина III (5).

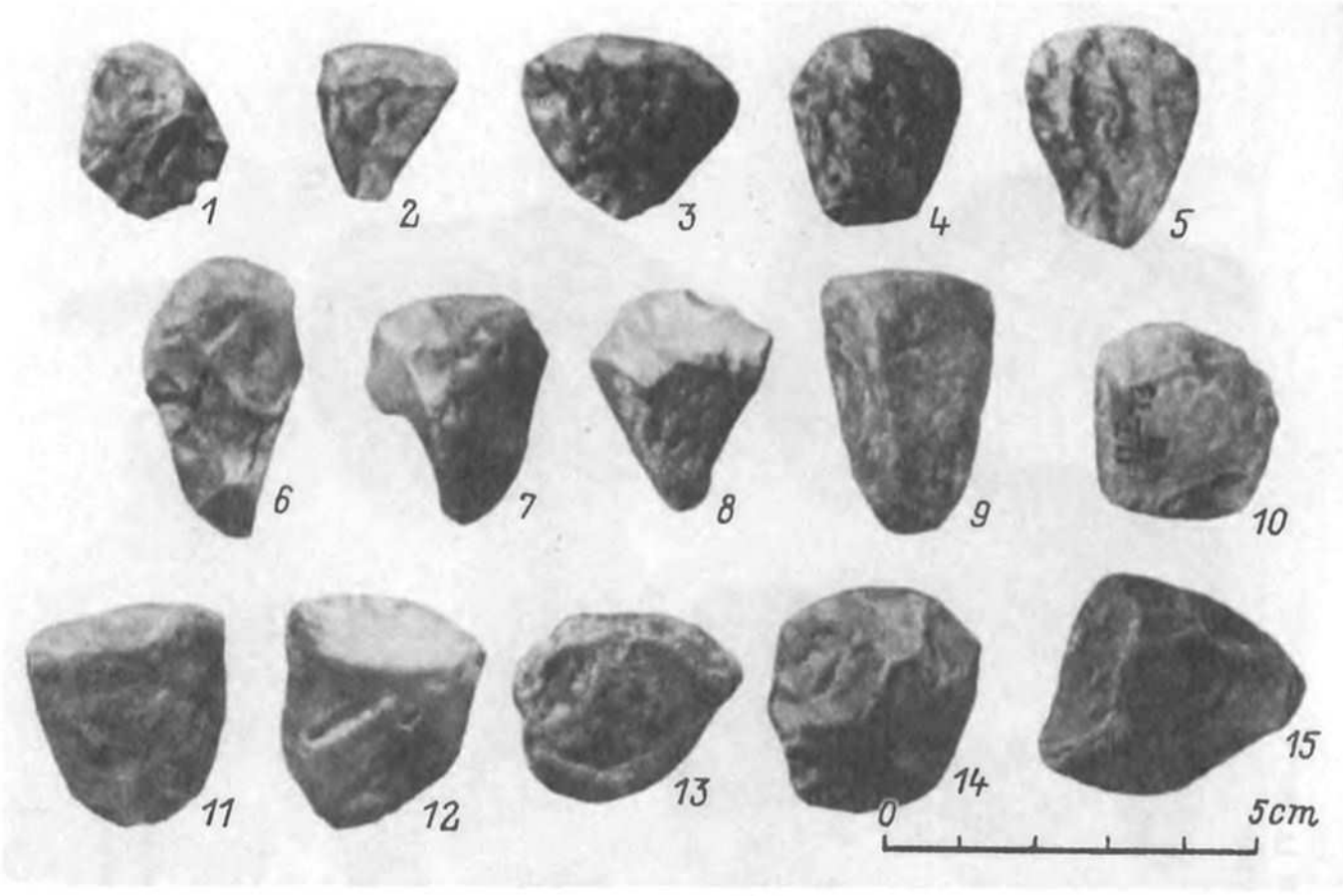
Ceramics from Pyasina IV (1 — 4, 6) and Pyasina III site (5).

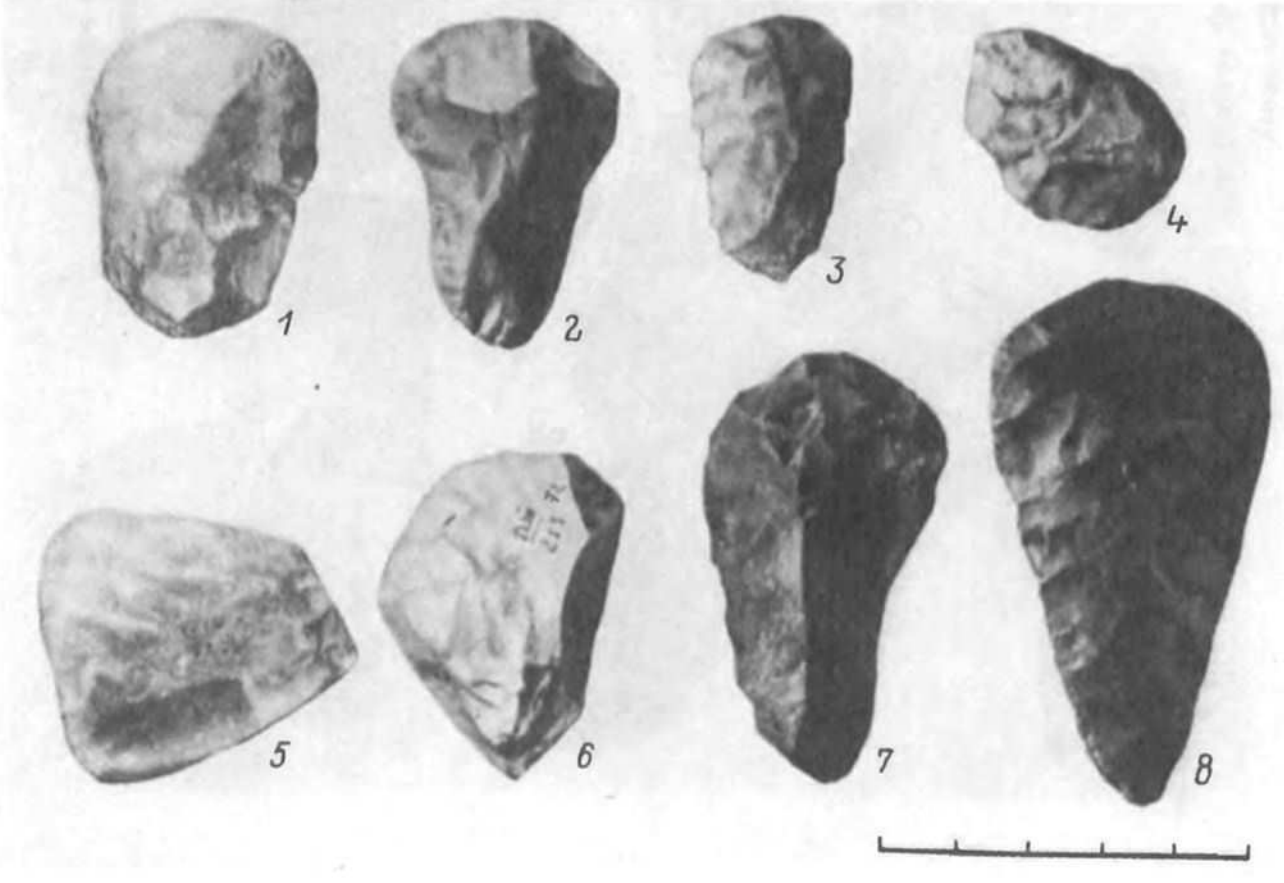
109. Пясина IV. Каменные изделия.
Stone artifacts from Pyasina IV site.

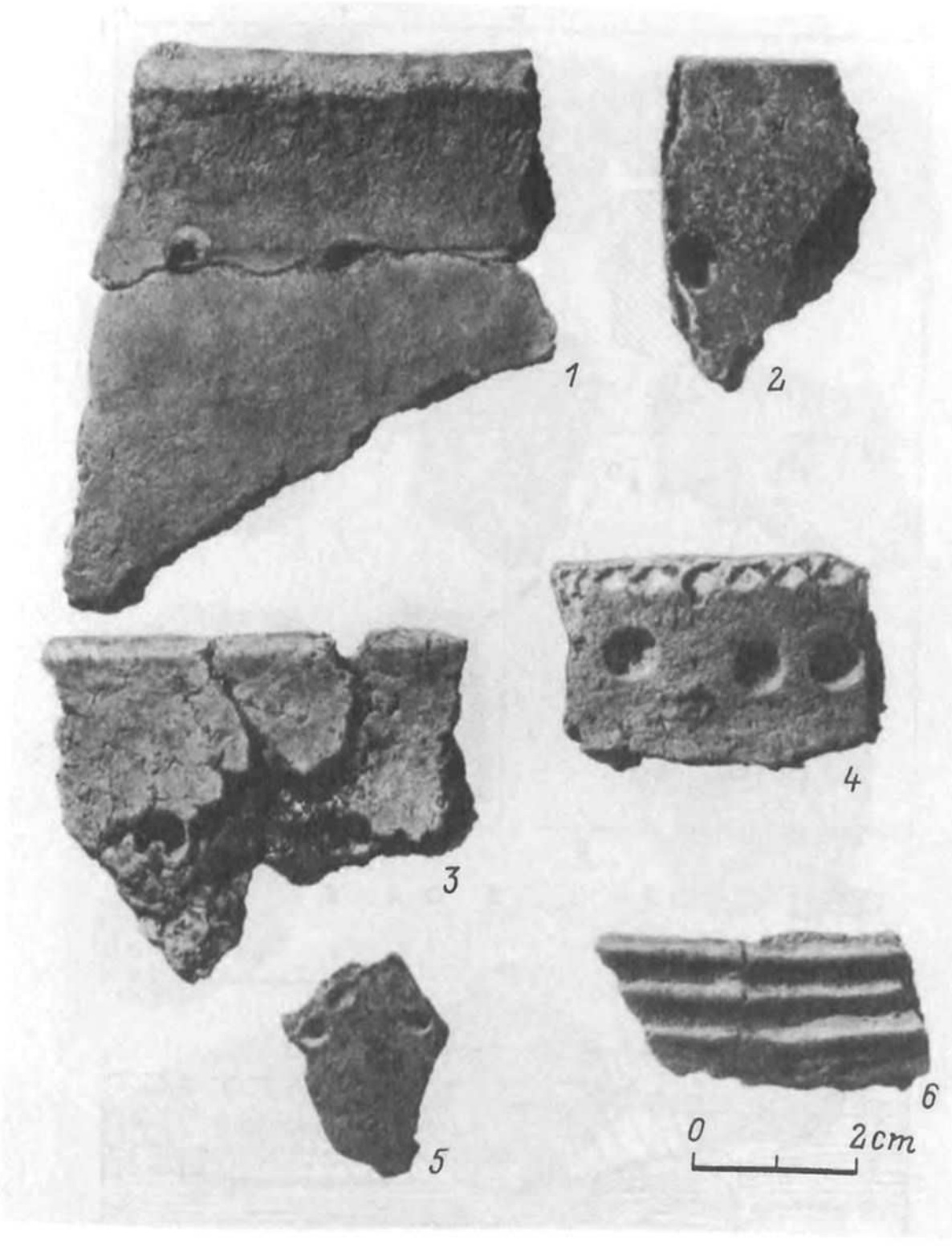
110. Пясина IV. Каменные изделия.
Stone artifacts from Pyasina IV site.

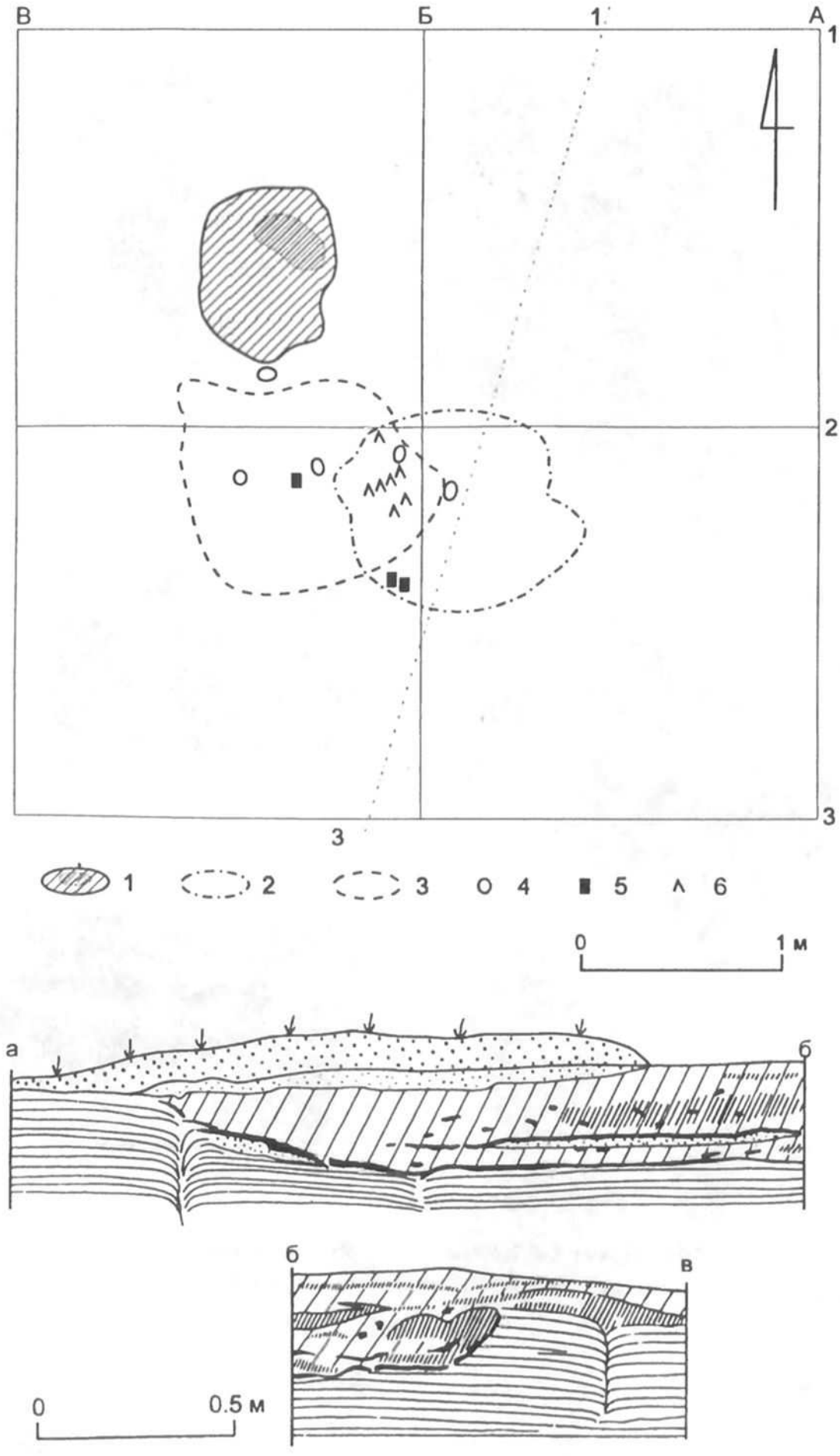
111. Пясина IV. Скребки.
Retouched stone scrapers from Pyasina IV site.

112. Пясина IV. Скребки.
Retouched stone scrapers from Pyasina IV site.

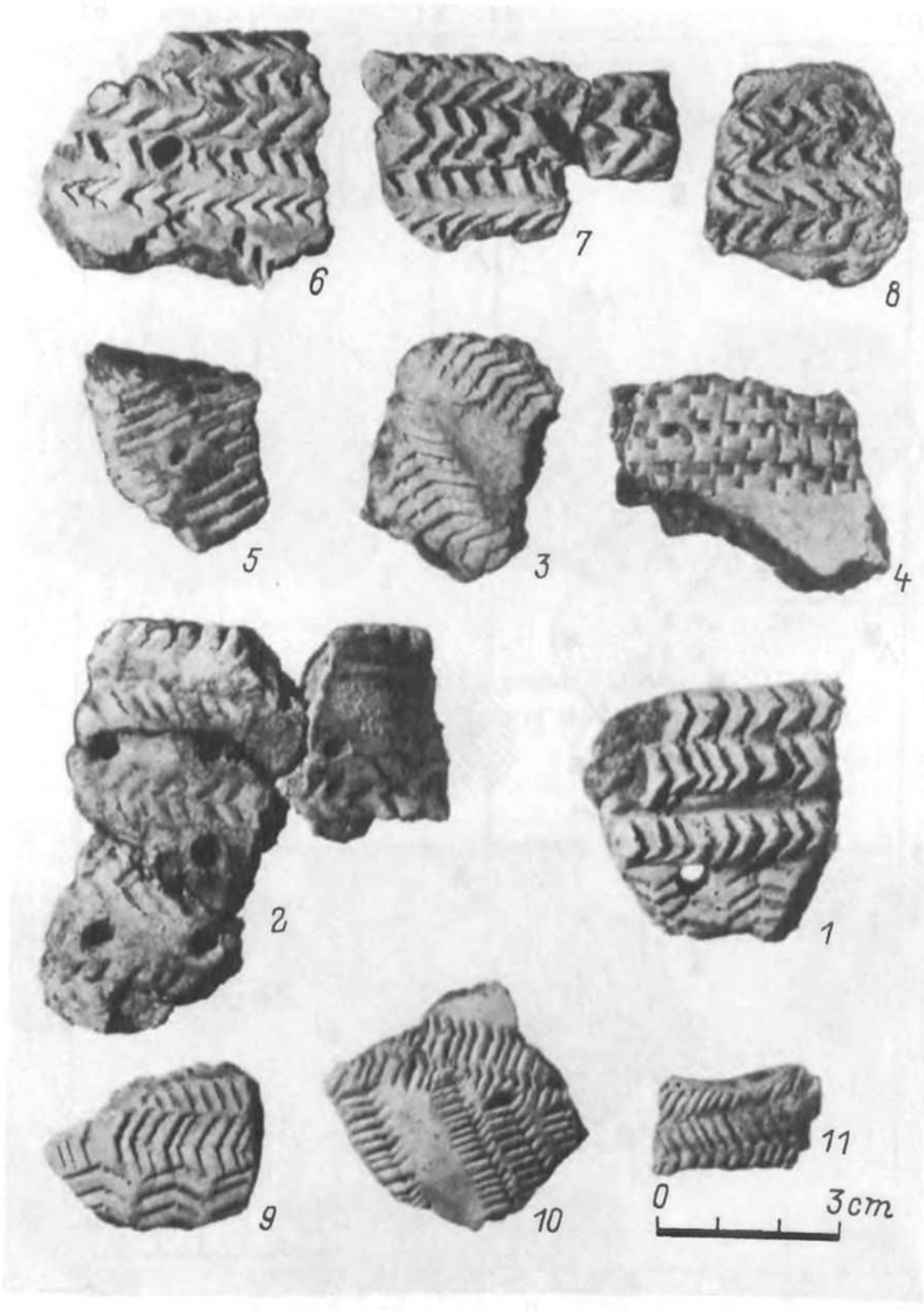

113. Усть-Половинка. Керамика с разных участков.
Ceramics from different sections of the Ust'-Polovinka site.

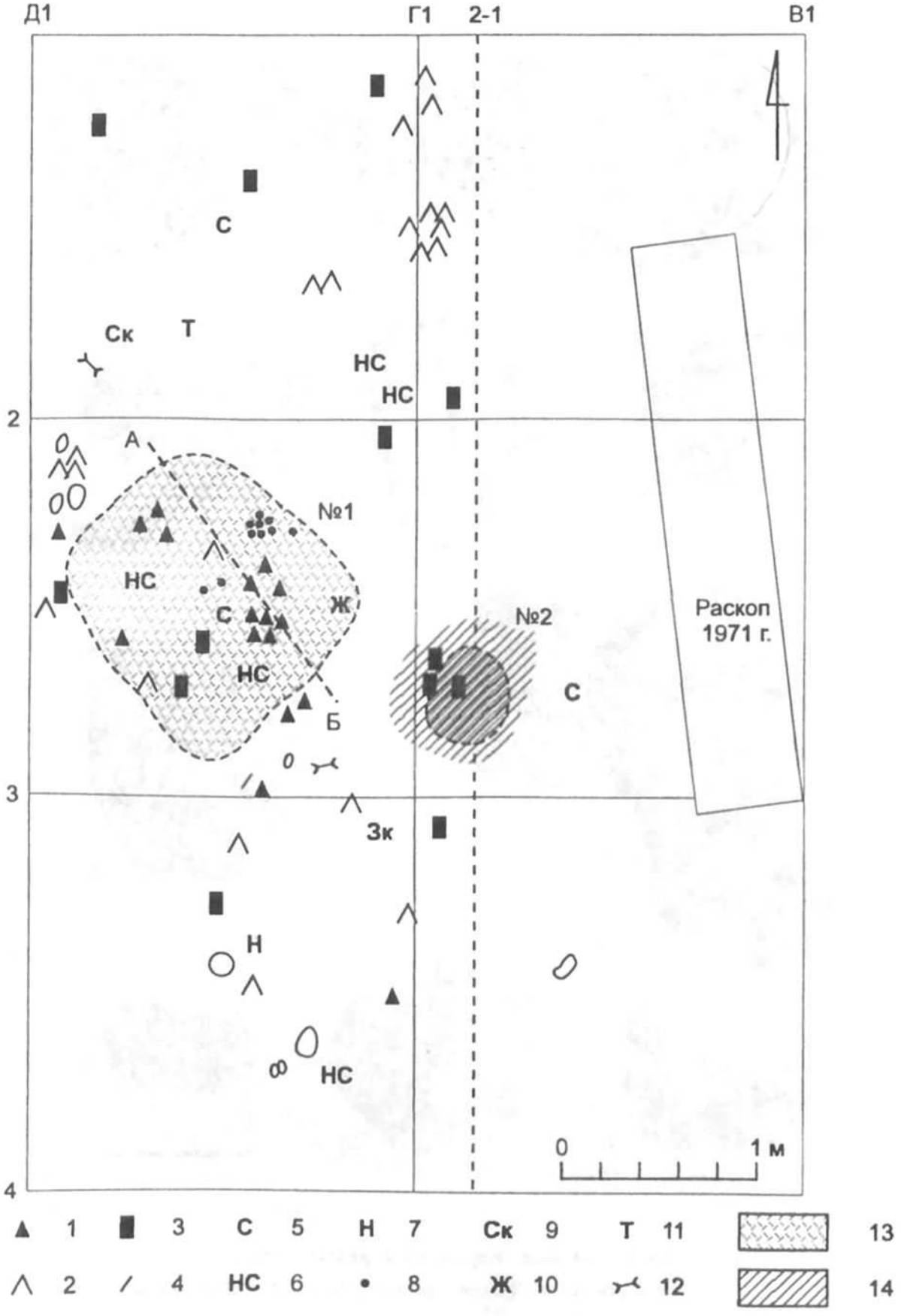

114. Усть-Половинка. План кострищ верхних слоев II раскопа. Условные обозначения: 1 — кострище № 1; 2 — кострище № 2; 3 — кострище № 3; 4 — камень; 5 — черепки сосудов; 6 — обломки льячек.

Excavation map with the fair-places discovered in the upper layer of the 2nd dig of the Ust'-Polovinka site. Legend: 1 — hearth N 1; 2 — hearth N 2; 3 — hearth N 3; 4 — boulder; 5 — pottery fragments; 6 — fragments of crucible.

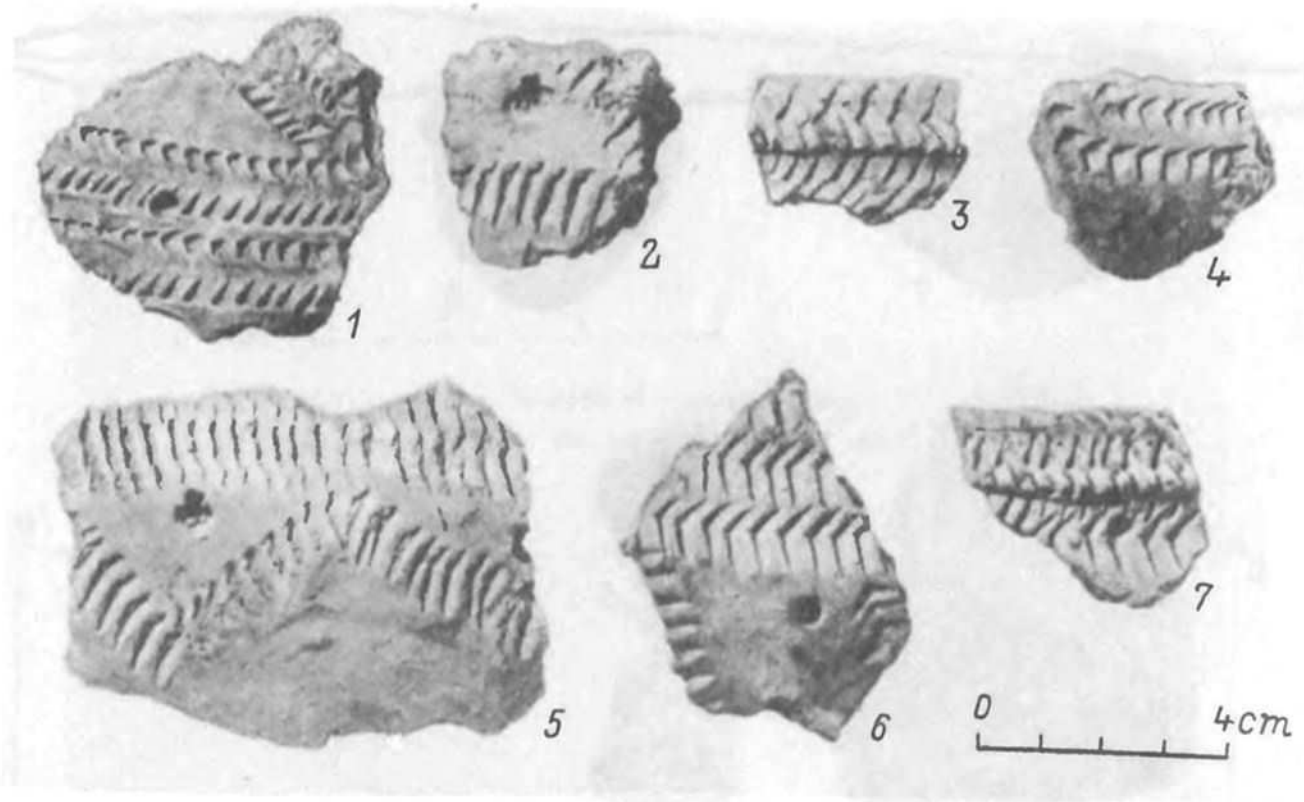

115. Усть-Половинка. Керамика с разных участков.
Ceramics from different areas of the Ust'-Polovinka site.

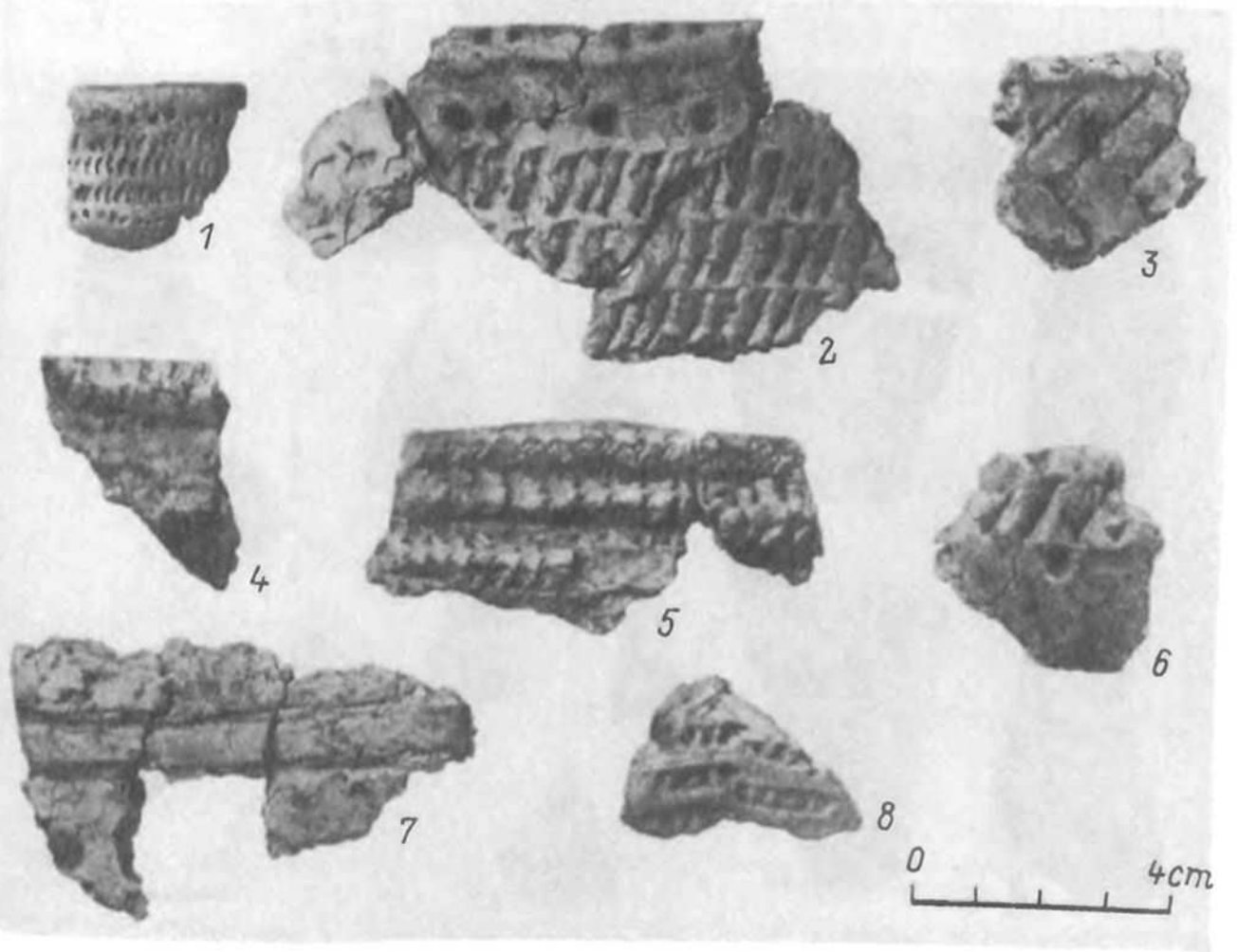

116. Усть-Половинка. План верхних слоев раскопа I. Условные обозначения: 1 — отщепы; 2 — обломки льячек и тиглей; 3 — керамика; 4 — ножевидные пластинки; 5 — скребок; 6 — наконечник стрелы; 7 — нож; 8 — капли бронзы; 9 — скребло; 10 — железо; 11 — точильный брусок; 12 — кости; 13 — кострище № 1; 14 — кострище № 2.

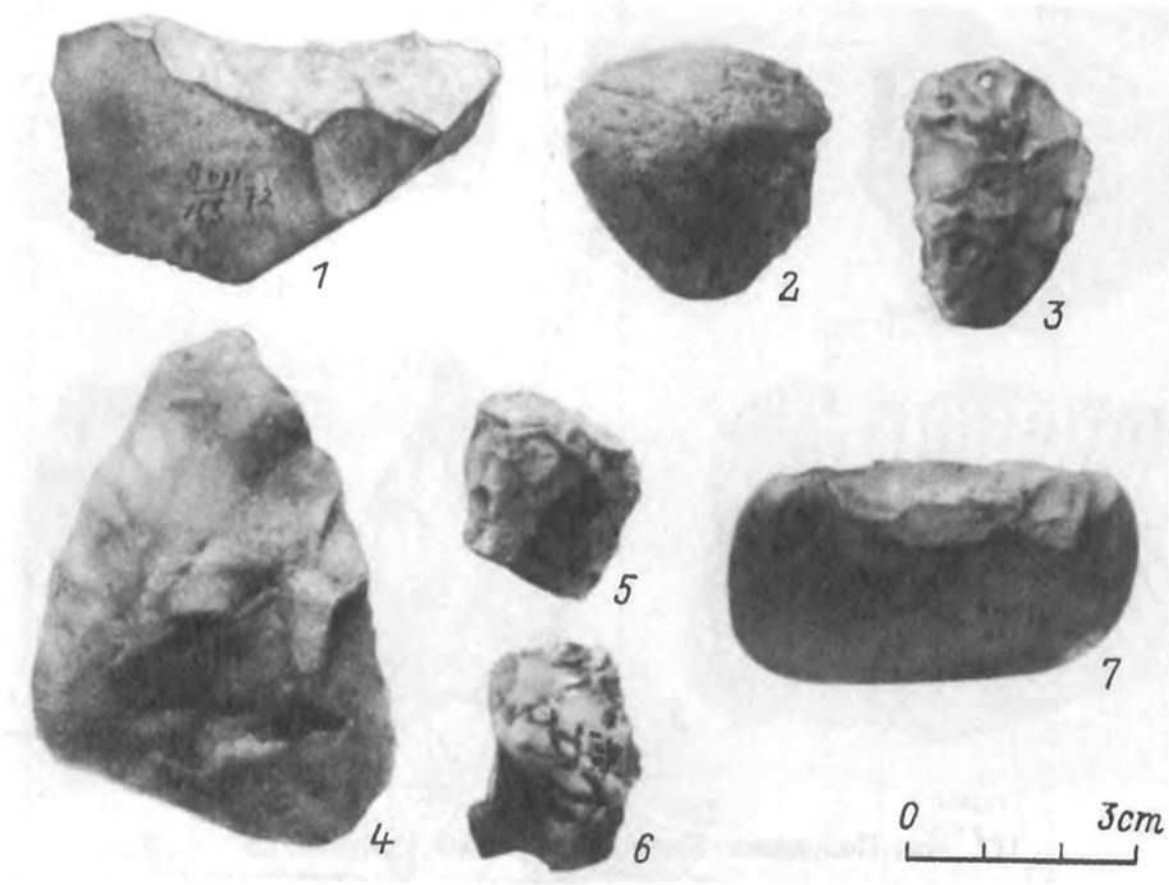
Ust'-Polovinka. The excavation map of the 1st dig (upper level). Legend: 1 — flakes; 2 — fragments of the bowl and crucibles; 3 — ceramics; 4 — blades; 5 — scrapers; 6 — arrowhead; 7 — knife; 8 — bronze drops; 9 — side-scrapers; 10 — pieses of the articles; 11 — whetstones; 12 — bones; 13 — fire place N 1; 14 — fire place N 2.

117. Усть-Половинка. Керамика с разных участков.
Ceramics from different sections of the Ust'-Polovinka site.

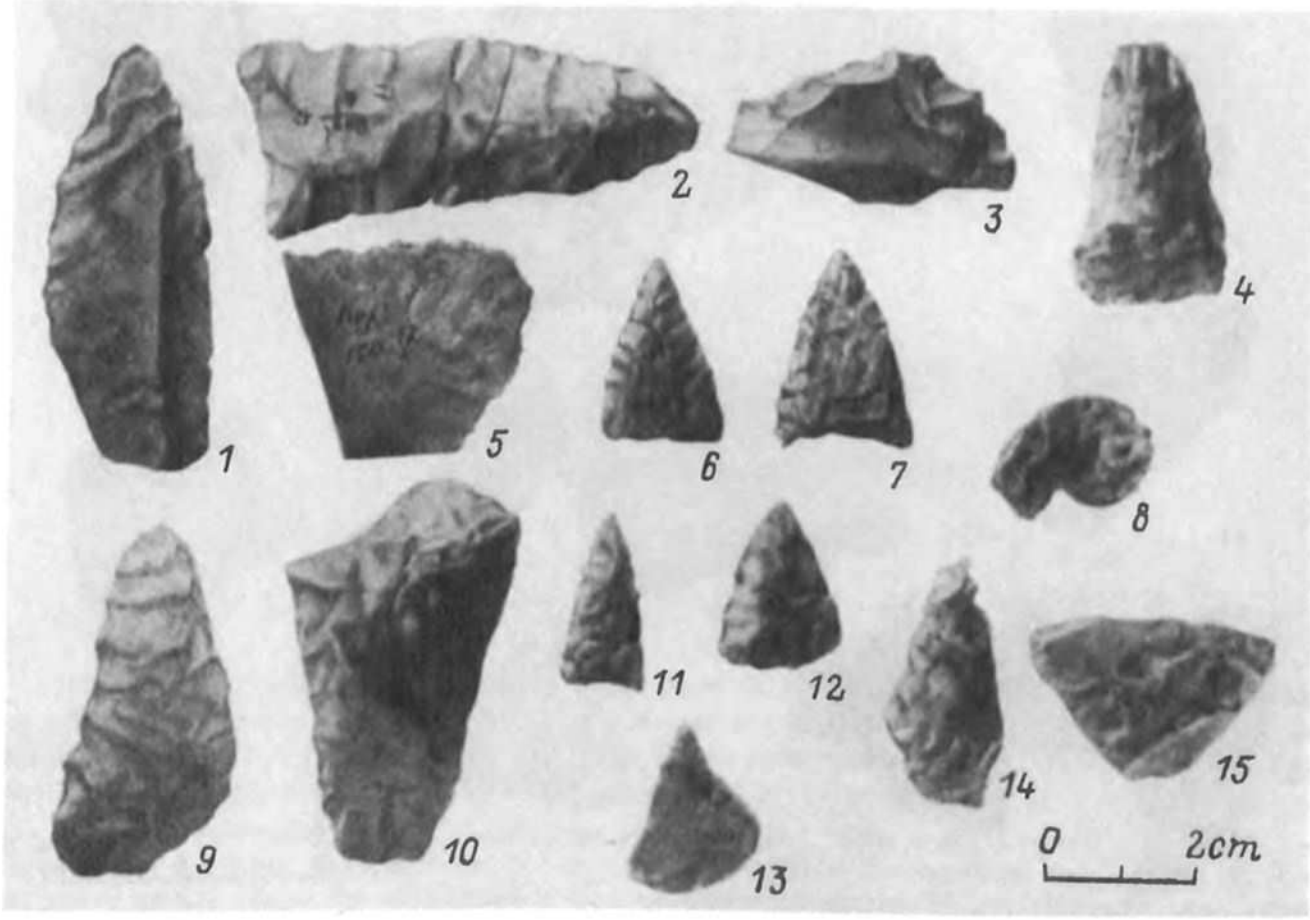

118. Усть-Половинка. Керамика с разных участков.
Ceramics from different sections of the Ust'-Polovinka site.

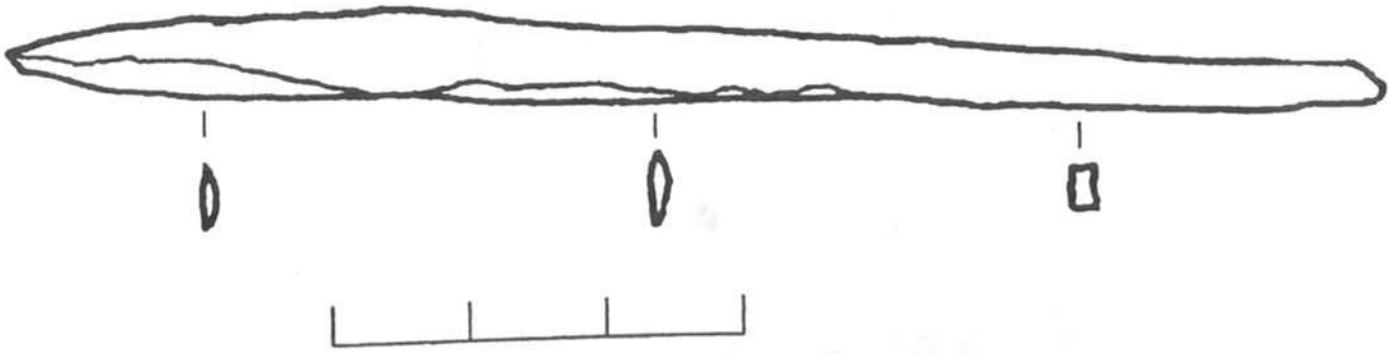
119. Каменные изделия из слоев II (1, 2, 4—7) и IIа (3) раскопа I.

Stone artifacts excavated from the IInd (1, 2, 4 — 7) and II-A cultural layers of the 1st dig of the Ust'-Polovinka site (3).

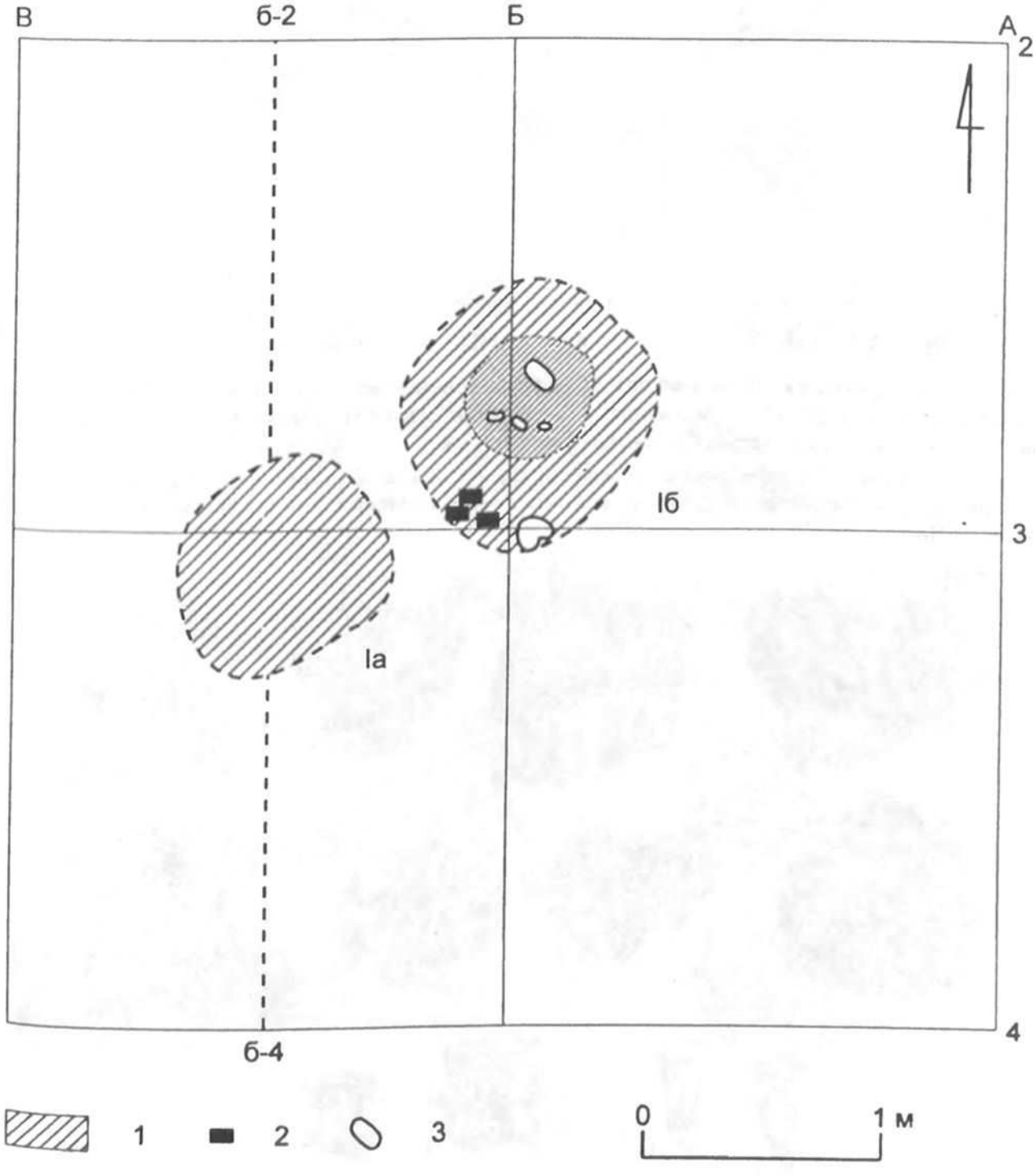

120. Усть-Половинка. Каменные изделия из II слоя раскопа I.

Stone artifacts excavated from the IInd cultural layer of the 1st dig of the Ust'-Polovinka site.

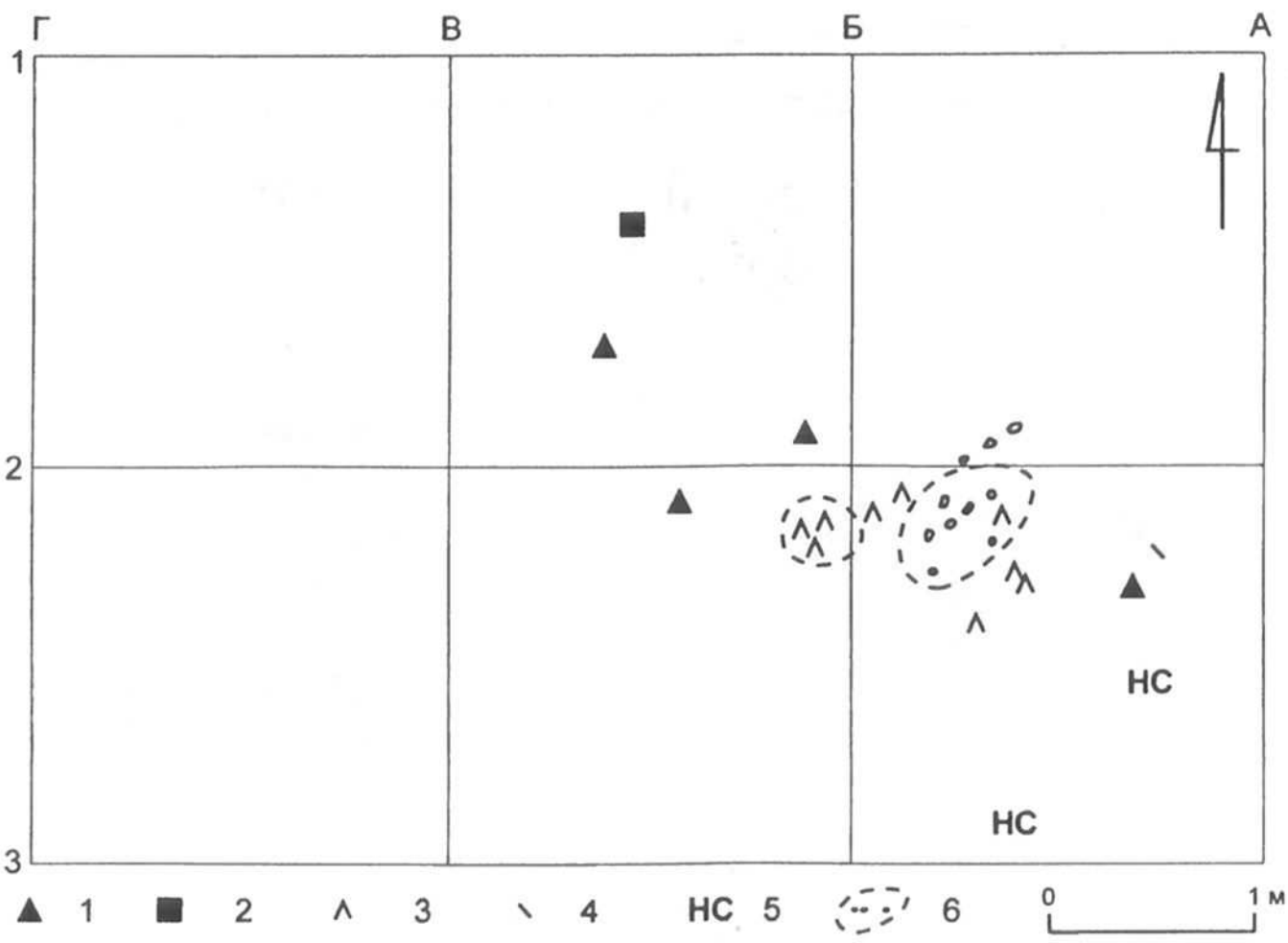

121. Усть-Половинка. Железный нож из раскопа I.
The iron knife from the 1st excavation of the Ust-Polovinka site.

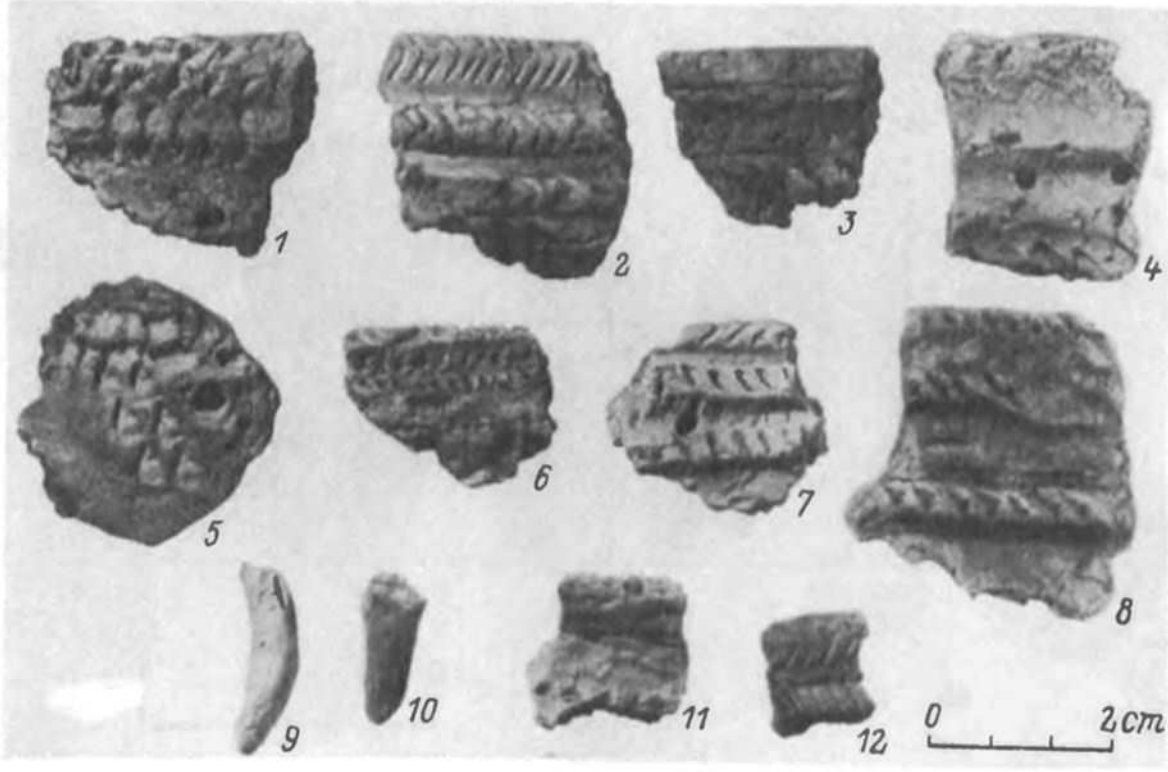
122. Усть-Половинка. План верхних кострищ раскопа III. Условные обозначения: 1 — кострище; 2 — керамика; 3 — камни.

Ust'-Polovinka. The excavation map of the 3rd dig (upper level). Legend: 1 — fire place; 2 — ceramics; 3 — stones.

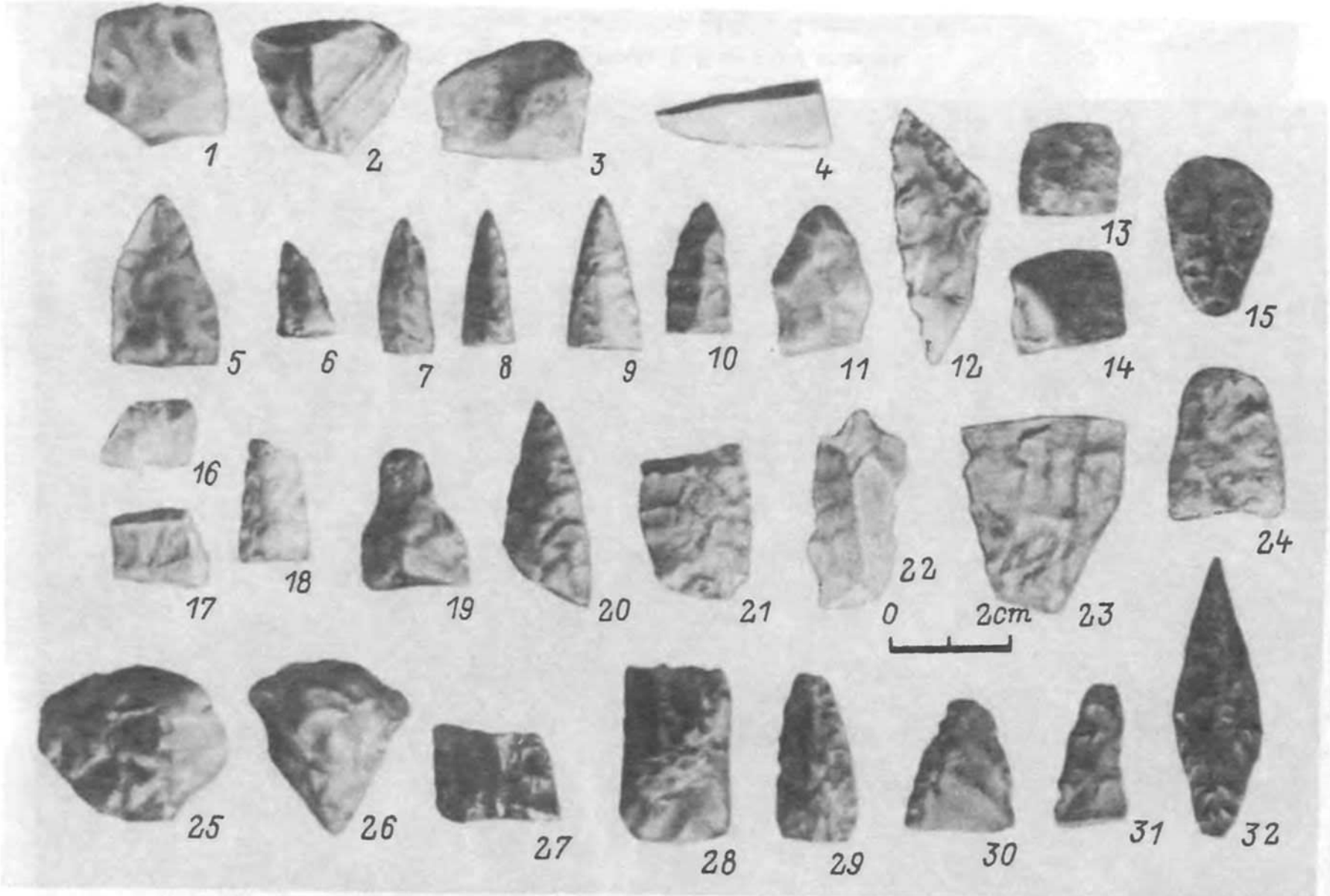
123. Усть-Половинка. План раскопа IV и расположение находок в верхнем слое. Условные обозначения: 1 — отщепы; 2 — керамика; 3 — обломки льячек и тиглей; 4 — ножевидные пластинки; 5 — наконечник стрелы; 6 — скопления находок.

Ust'-Polovinka. The excavation map of the 4th dig area (upper level). Legend: 1 — flaces; 2 — ceramics; 3 — fragments of the bowl and crucibles; 4 — blades; 5 — arrowhead; 6 — concentrations of artifacts.

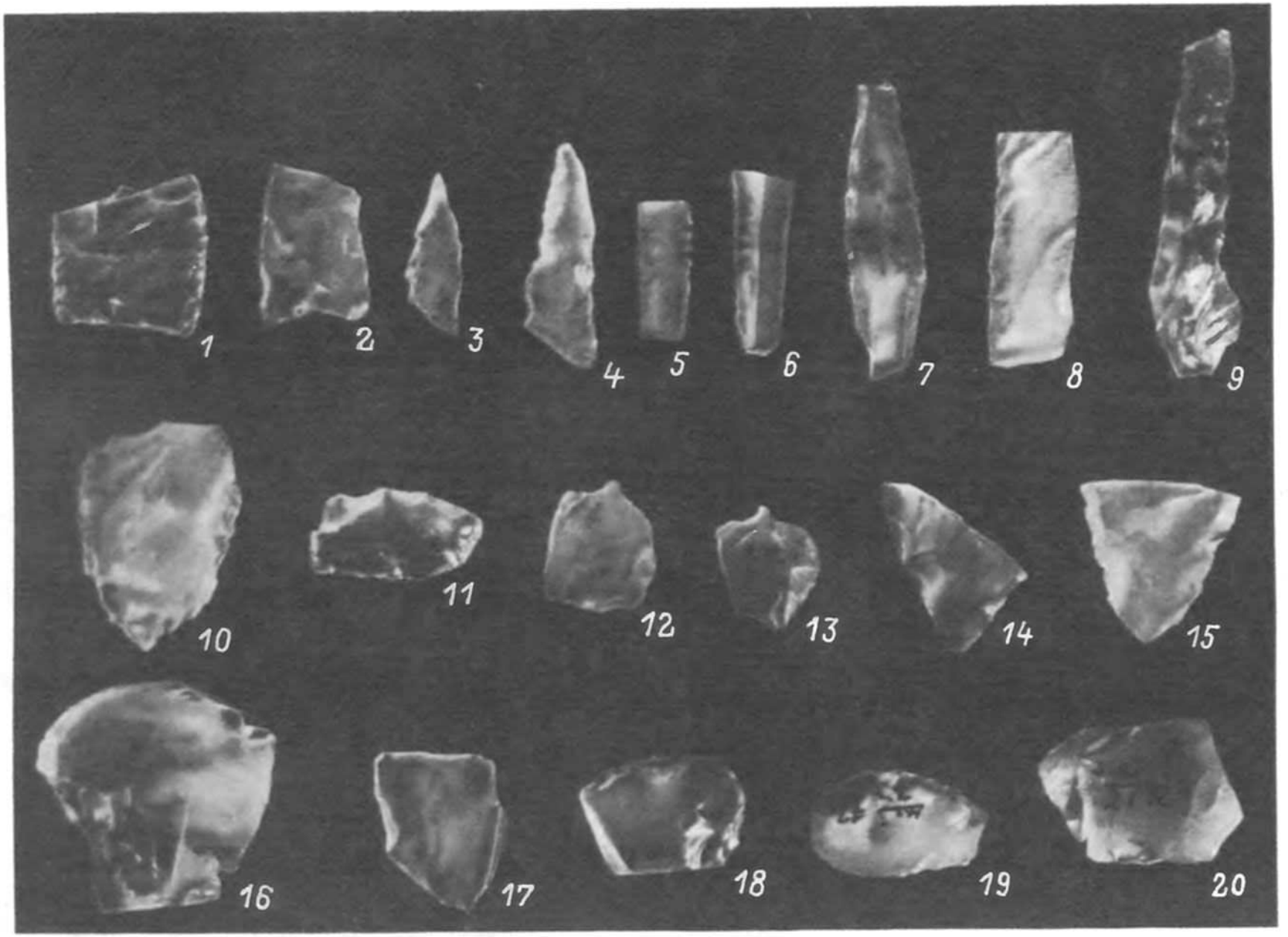

124. Керамика стоянок Малая Коренная I (1, 5—8, 10), Пясина IV (2—4, 9—12), Большая Коренная II (11).

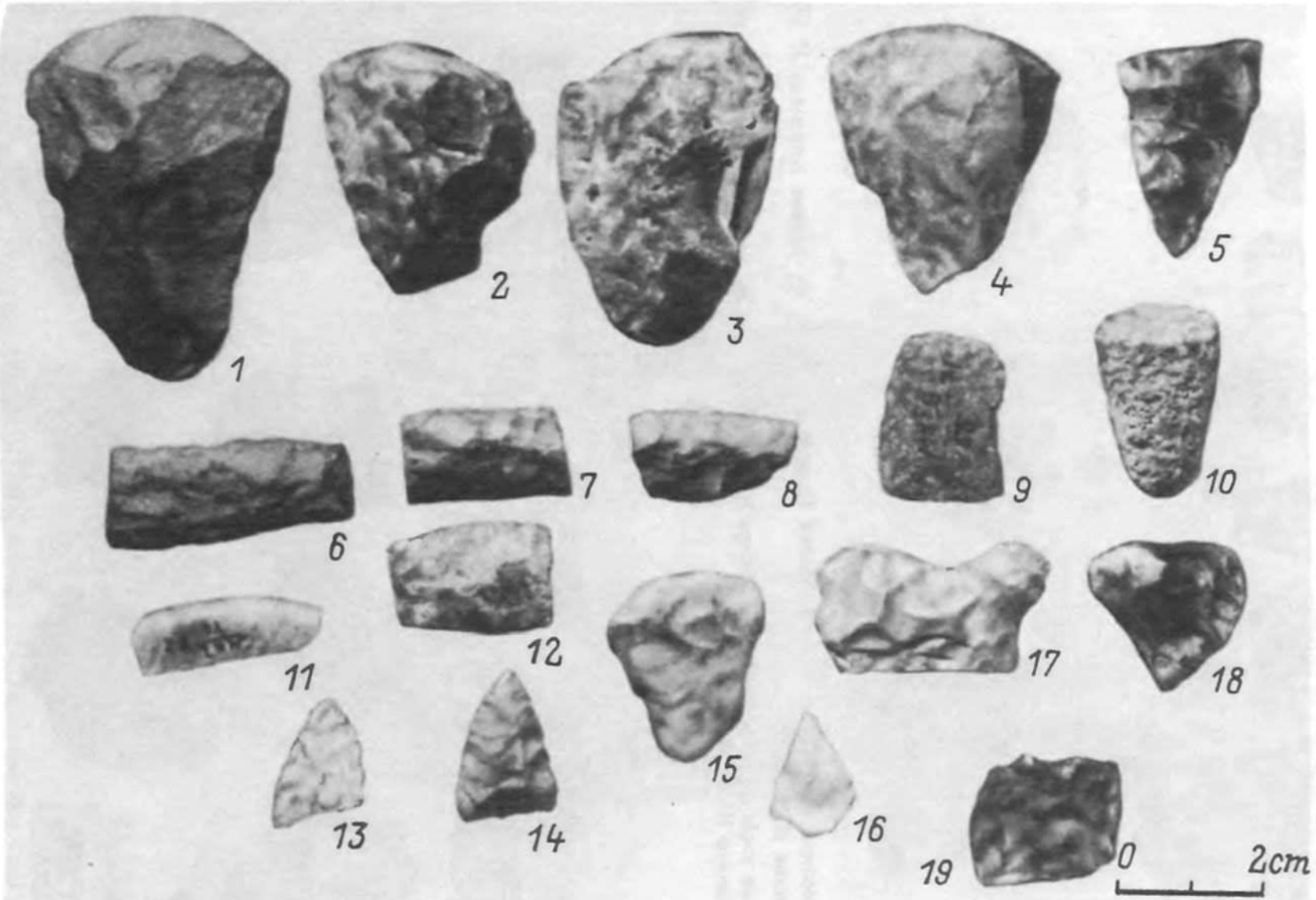
Ceramics from different sites: Malaya Korennaya I (1, 5—8, 10); Pyasina IV (2—4, 9, 12); Bolshaya Korennaya II (11).

125. Малая Коренная I. Каменные изделия.
Stone artifacts from Malaya Korennaya I site.

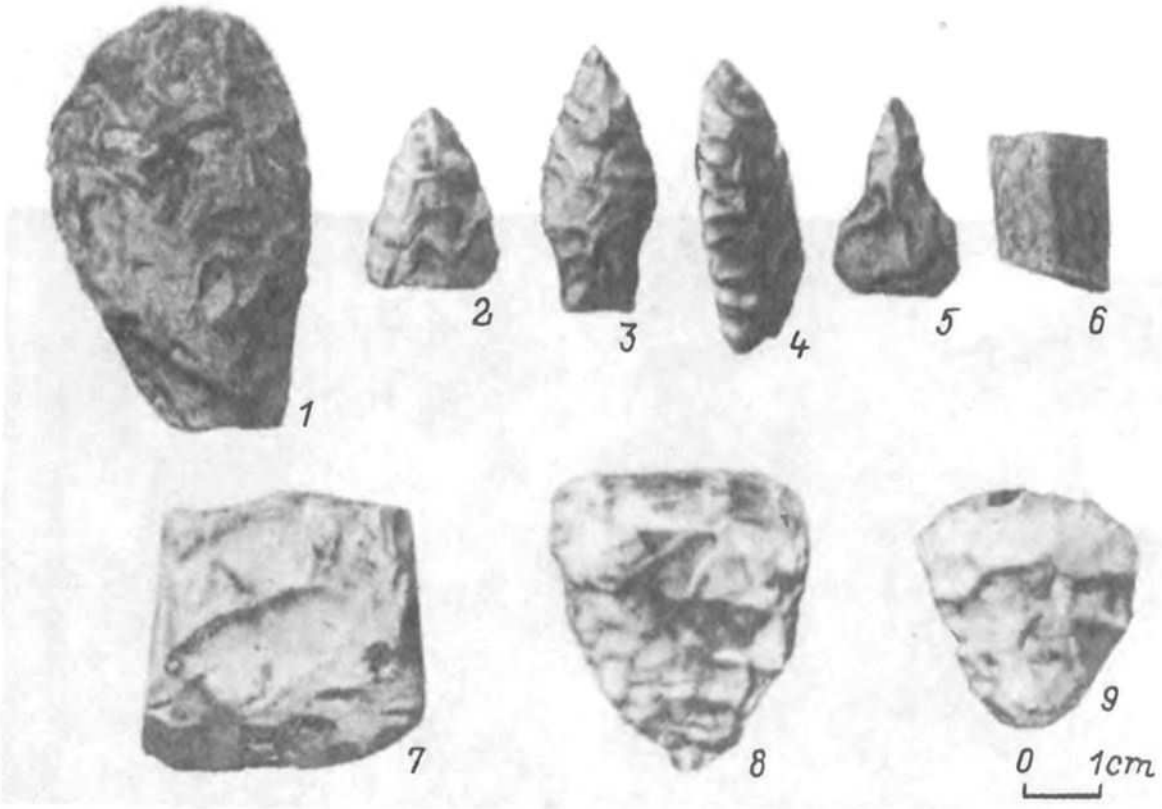

126. Малая Коренная I. Каменные изделия.
Stone artifacts from Malaya Korennaya I site.

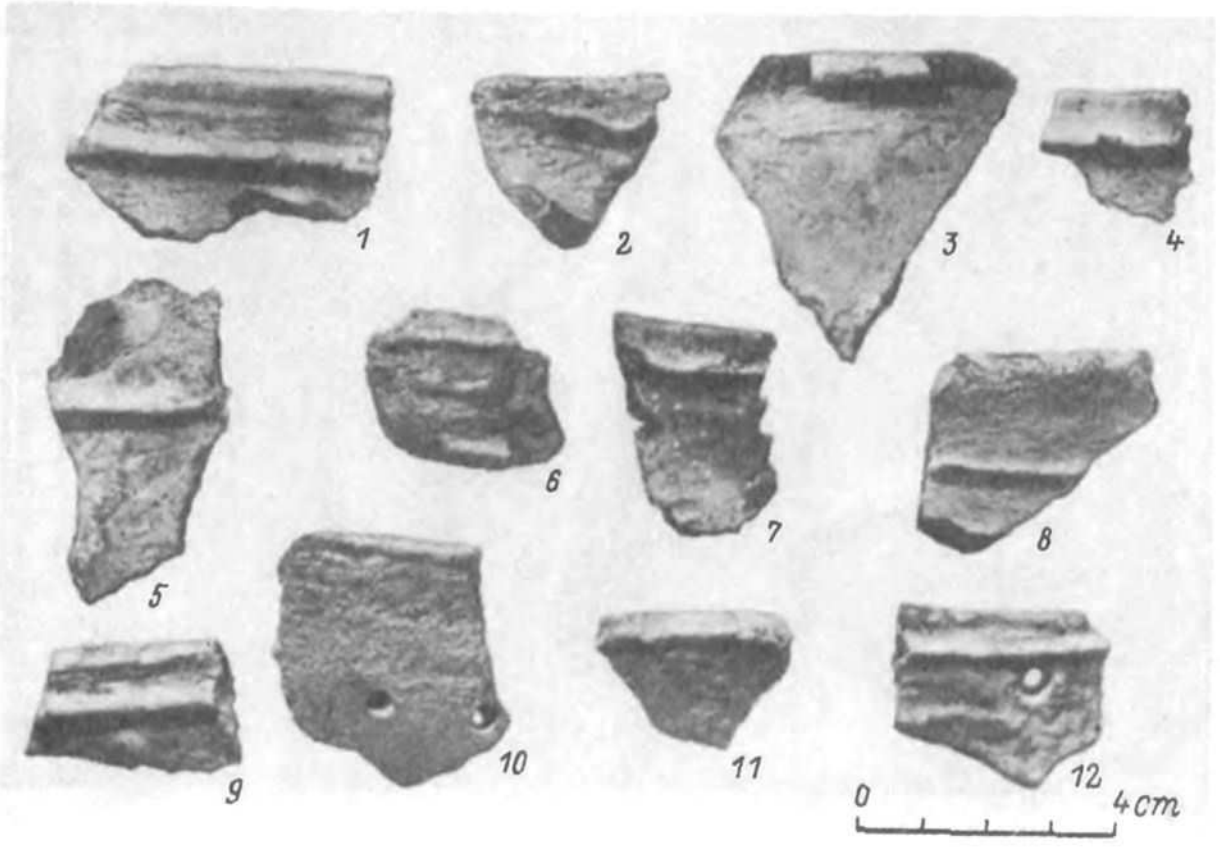
127. Каменные изделия со стоянок Малая Коренная I (1—12, 17), Малая Коренная II (13), Малая Коренная III (14, 15, 18, 19) и Малая Коренная IV (16).

Stone implements from different sites: Malaya Korennaya I (1—12, 17), Malaya Korennaya II (13), Malaya Korennaya III (14, 15, 18, 19), Malaya Korennaya IV (16).

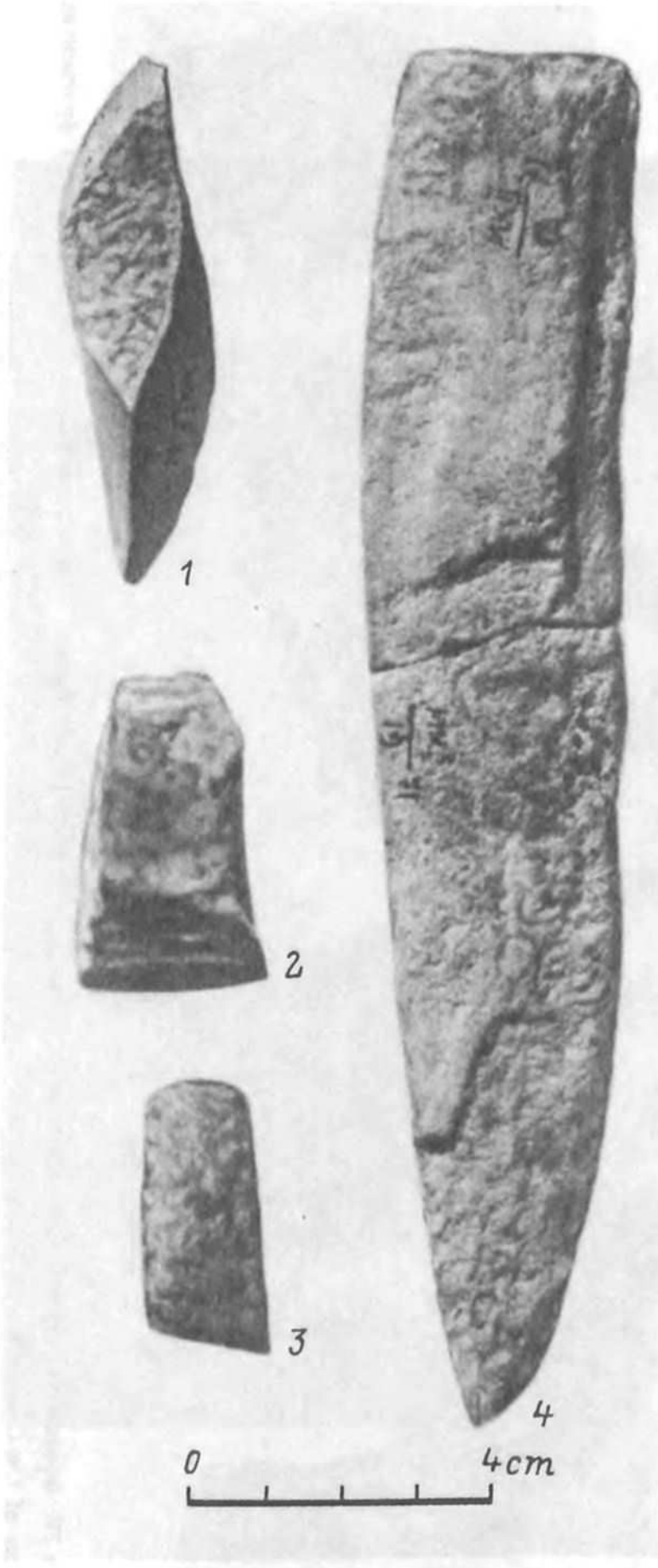
128. Каменные орудия со стоянок Малая Коренная I (1—5, 8), Малая Коренная II (9), Малая Коренная III (6, 7).

Stone tools from different sites: Malaya Korennaya I (1—5, 8), Malaya Korennaya II (9), Malaya Korennaya III (6, 7).

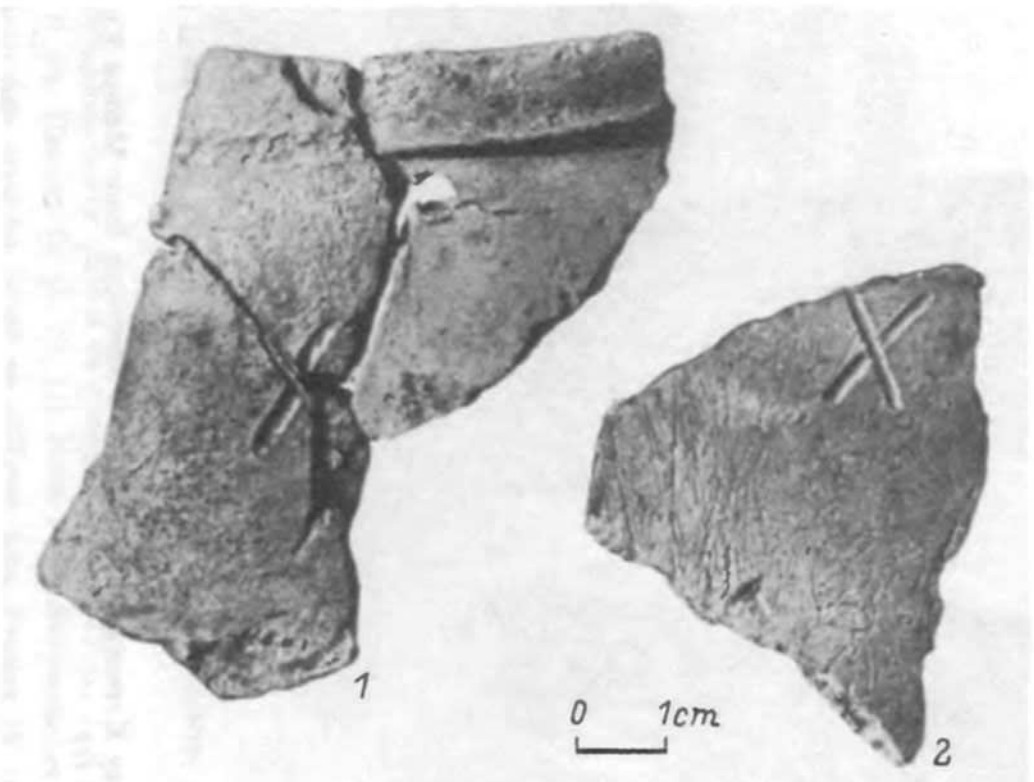
130. Керамика эпохи железа со стоянок Пясина IV (1, 2, 5, 7, 9), Черная III (5), Большая Коренная II (4), Пясина III (6, 10, 11), Хета I (8), Августовская II (12).

Iron Age ceramics found on different sites: Pyasina IV (1, 2, 5, 7, 9), Chernaya III (5), Bolshaya Korennaya II (4), Pyasina III (6, 10, 11), Kheta I (8), Avgustovskaya II (12).

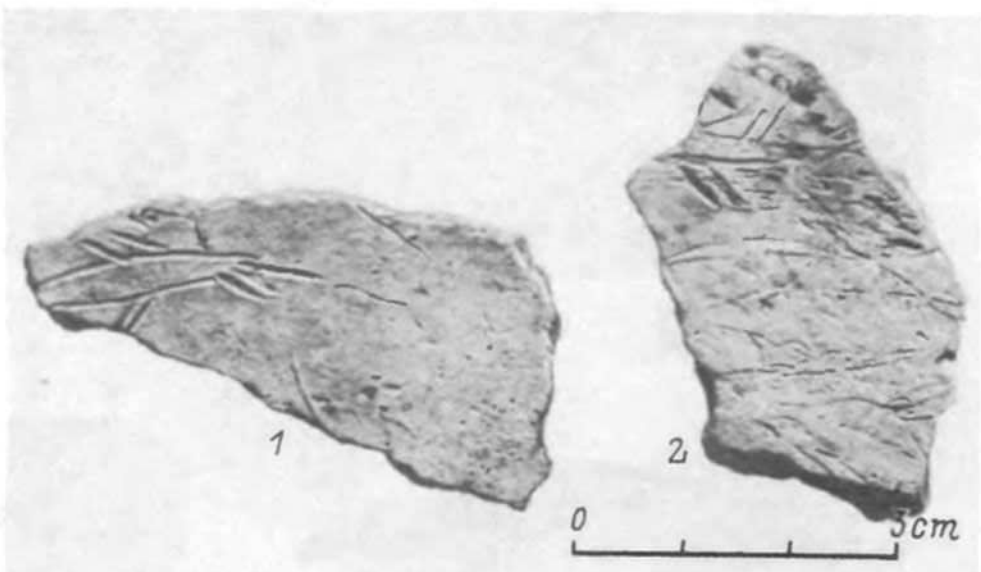

129. Сланцевые орудия со стоянок Малая Коренная I (1, 3), Малая Коренная II (4), Малая Коренная IV (2).

Slate tools from Malay Korennaya I (1, 3) and a whetstone from Malaya Korennaya II (4) Malaya Korennaya IV sites (2).

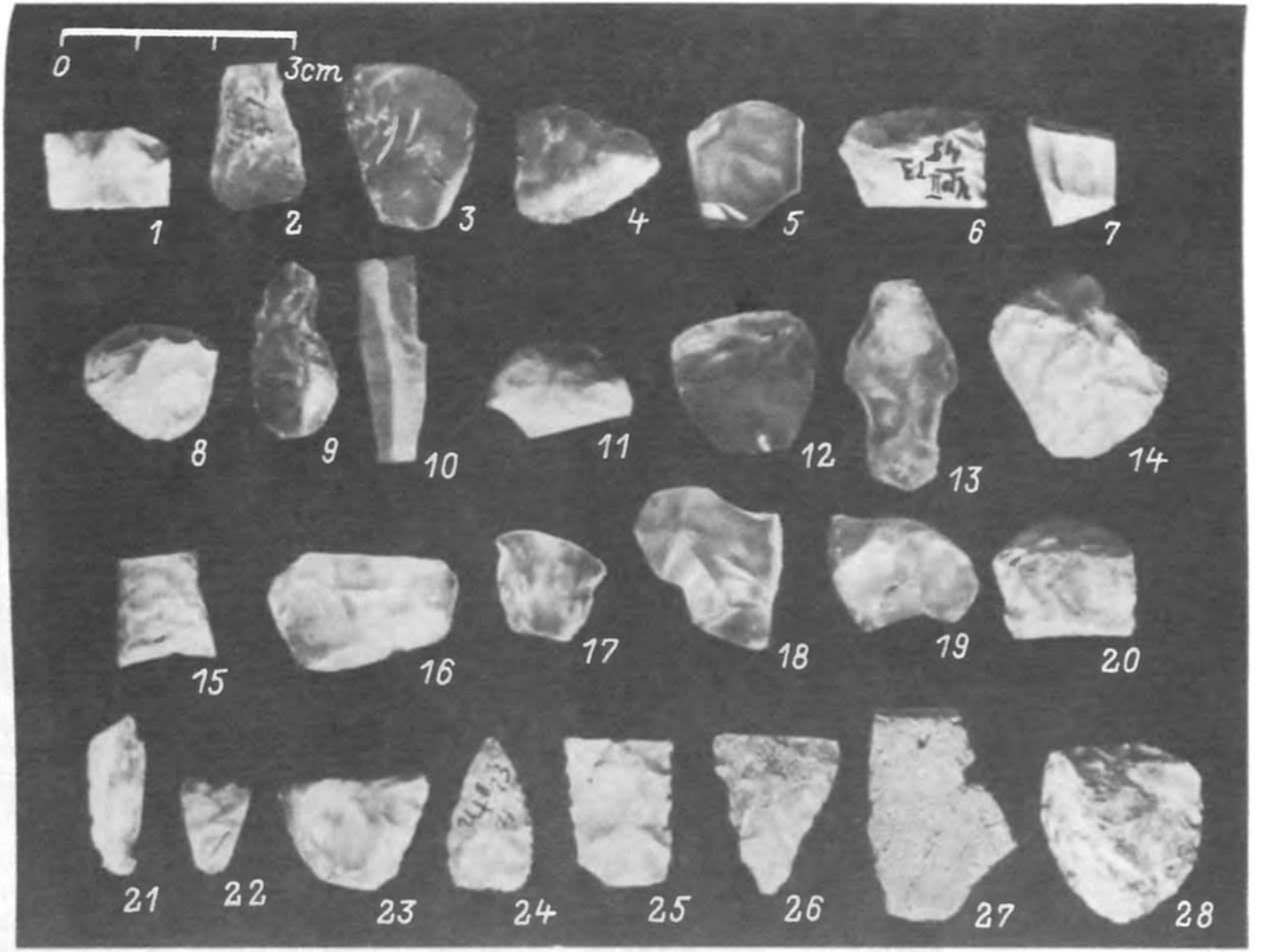

131. Пясина IV. Фрагменты горшка усть-чернинского типа.
Ceramics of Ust-Chernaya type from Pyasina IV site.

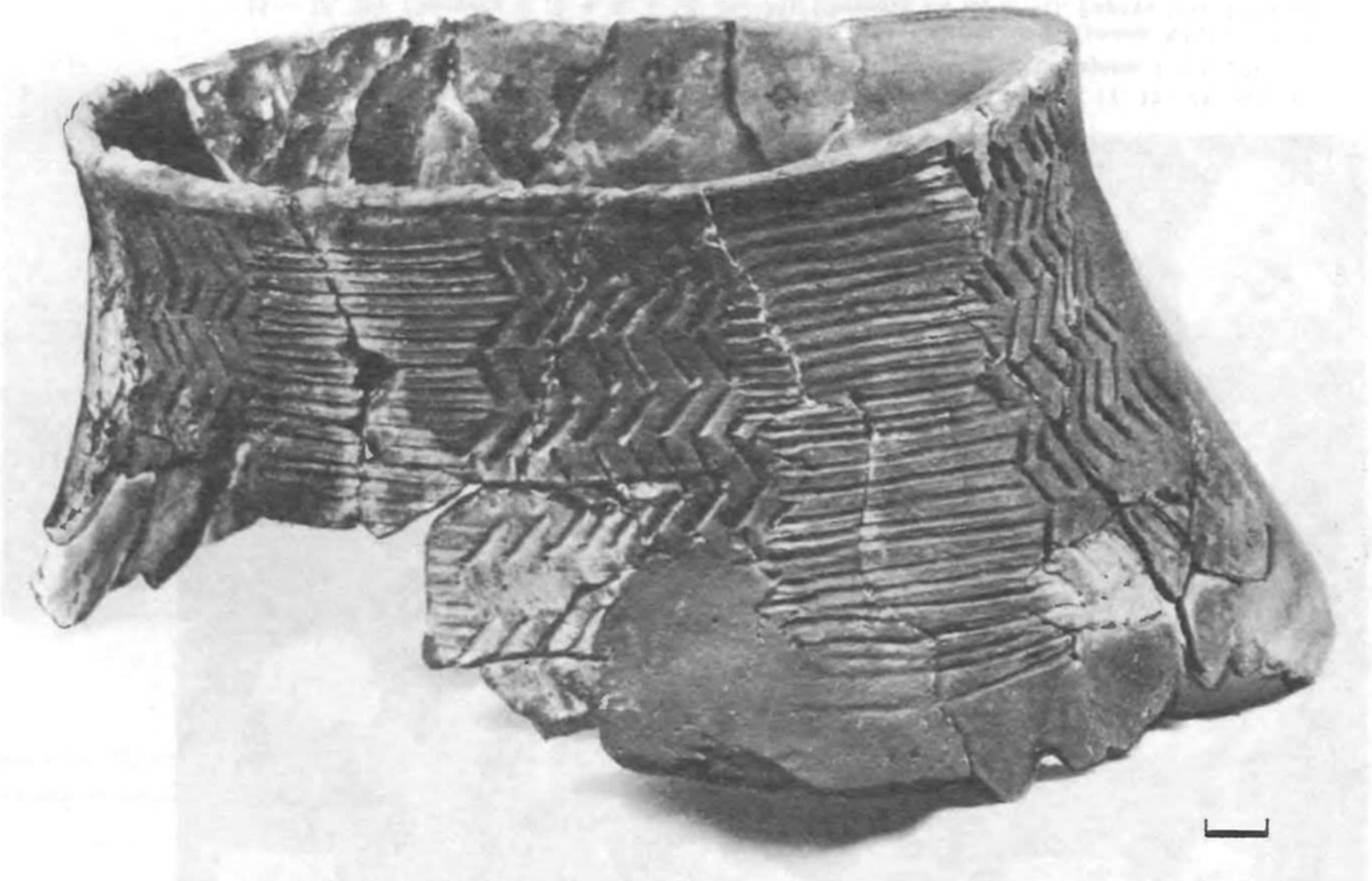
132. Пясина IV. Гравированные изображения рыб на фрагментах сосуда усть-чернинского типа.

Engraved drawings on the fragments of vessels of Ust'-Chernaya type.

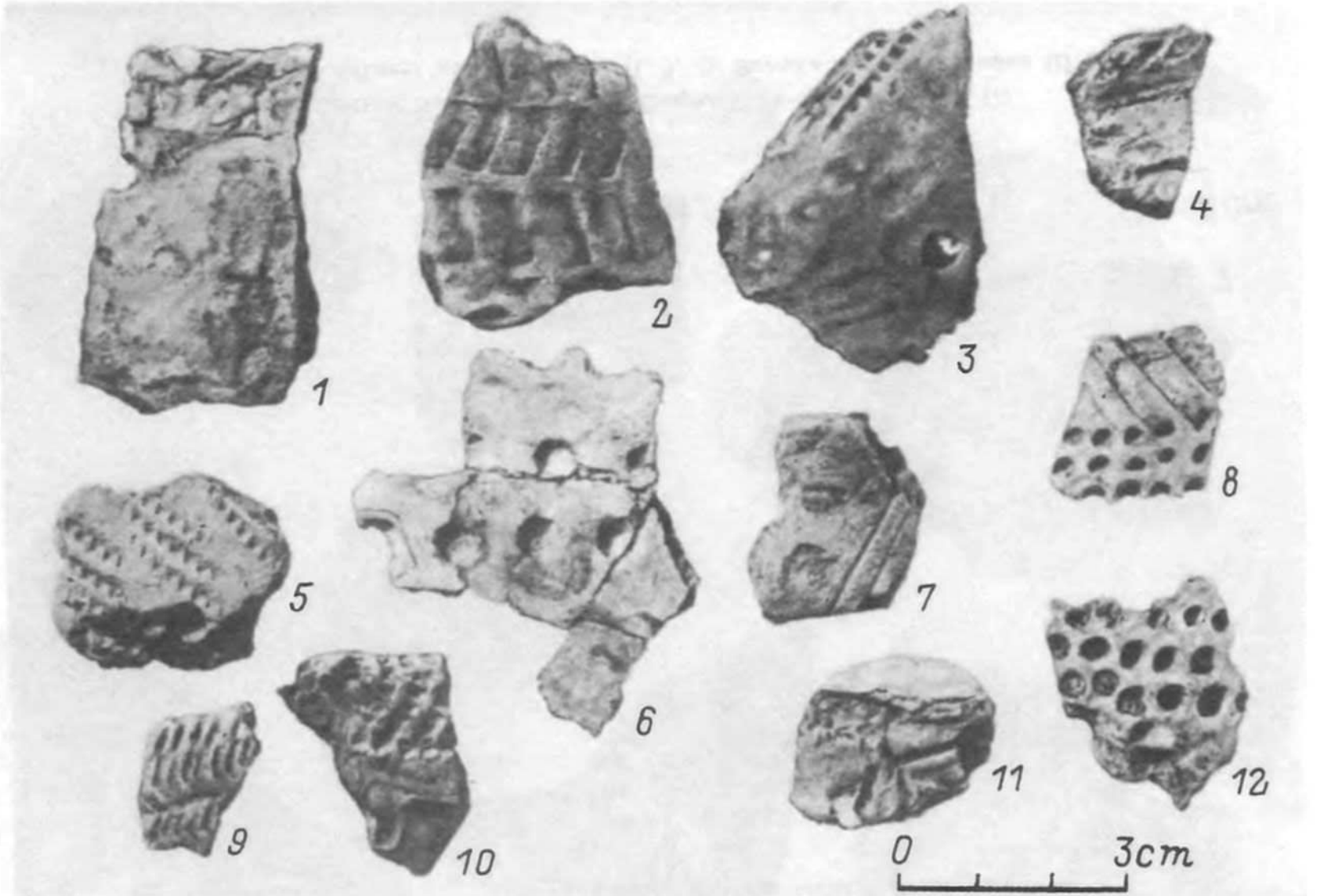

133. Каменные изделия и керамика (27) стоянок Пясина XVII (1, 3, 12, 15—23, 28), Черная II (2, 4, 6, 7, 10, 24—26), Черная III (5, 8, 11), Попова (13), Усть-Черная I (14, 27).

Stone artifacts and a pottery fragment (27) from different sites: Pyasina XVII (1, 3, 12, 15 — 23, 28); Chernaya II (2, 4, 6, 7, 10, 24—26), Chernaya III (5, 8, 11), Popova (13), Ust-Chernaya I (14, 27).

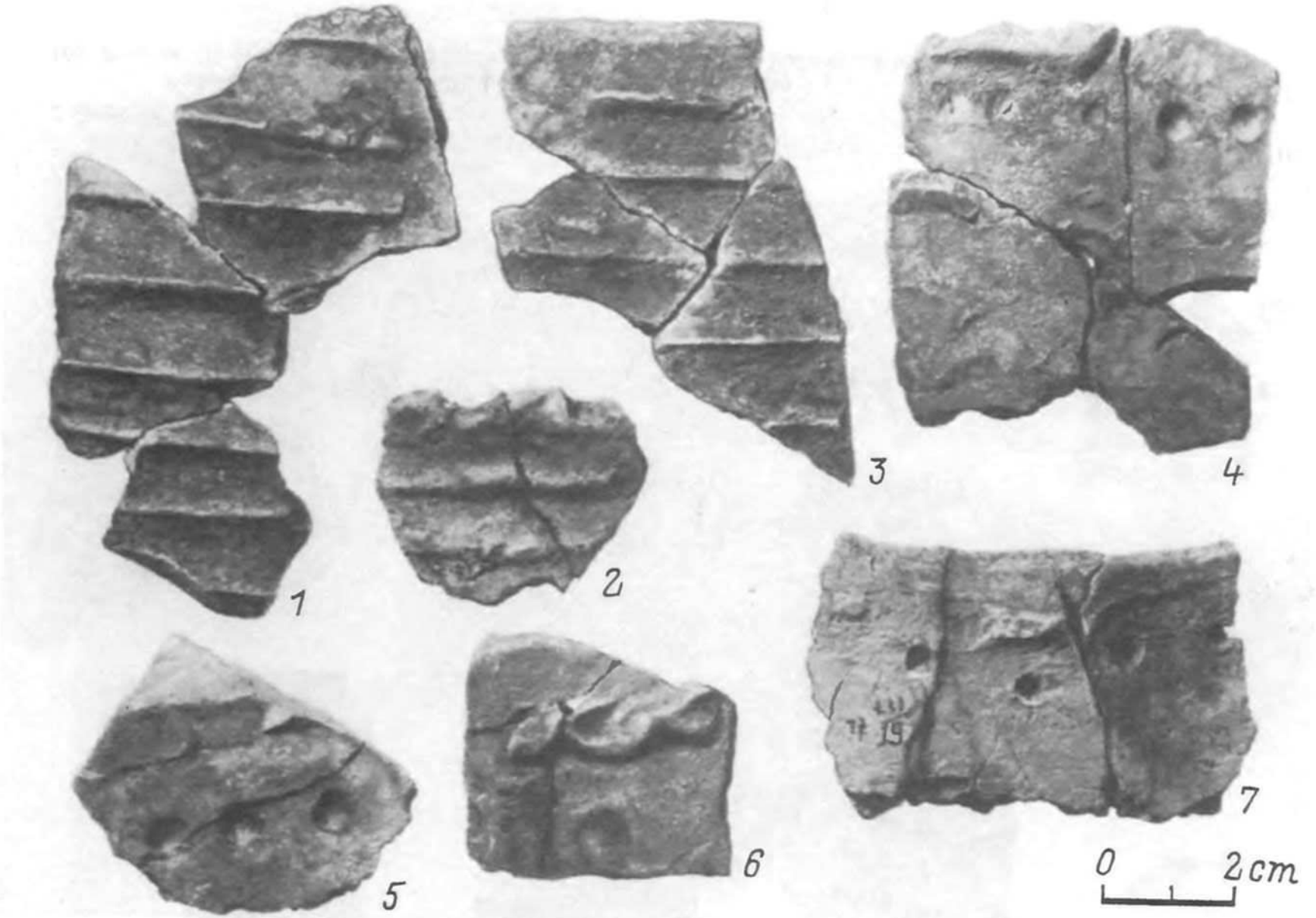

134. Абылаах IV. Фрагмент горшка тагенарского типа.
Refitted upper part of the Tagenar-type pot, excavated from Abylaakh IV site.

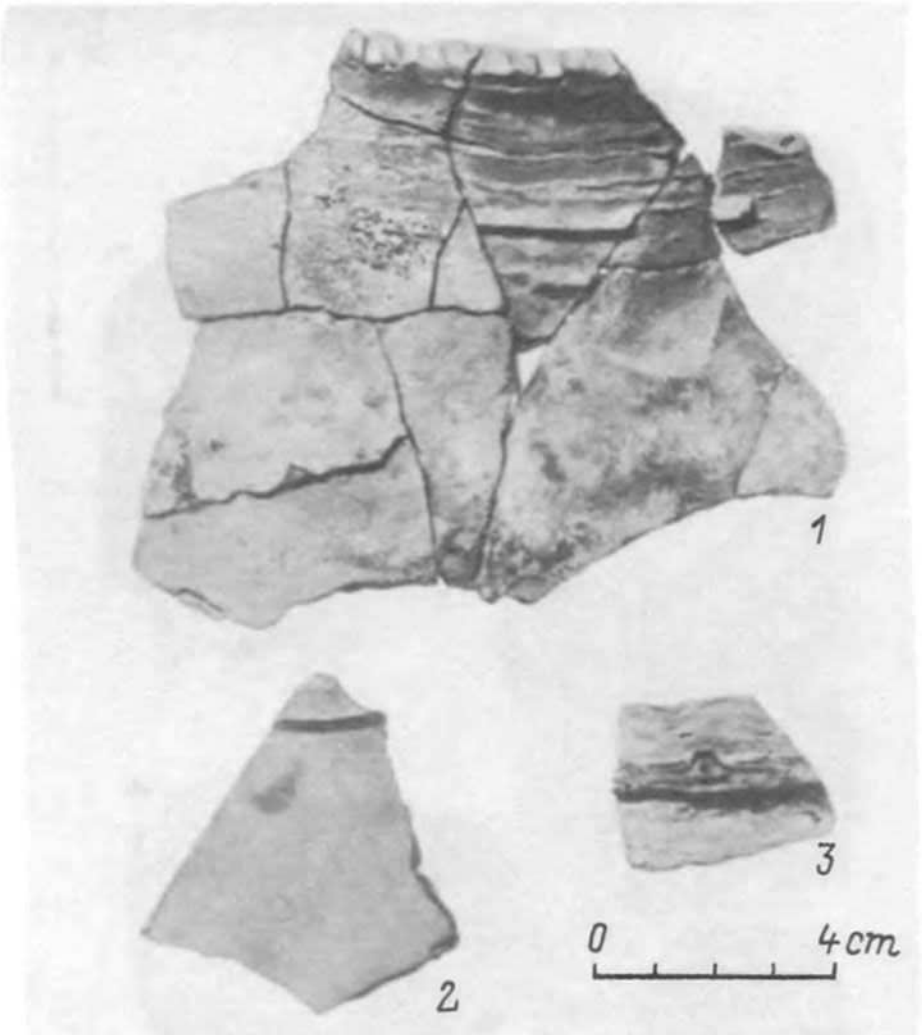

135. Керамика стоянок Малая Коренная I (1, 5), Тагенар II, пункт 2 (2), Пясина IV (3, 10), Пясина III (4), Боярка II (6, 8, 11, 12), Волочанка I (7) и Большая Коренная II (9).

Pottery fragments from different sites: Malaya Korennaya I (1, 5); Tagenar II, 2nd area (2), Pyasina IV (3, 10), Pyasina III (4), Boyarka II (6, 8, 11, 12), Volochanka I (7), Bolshaya Korennaya II (9).

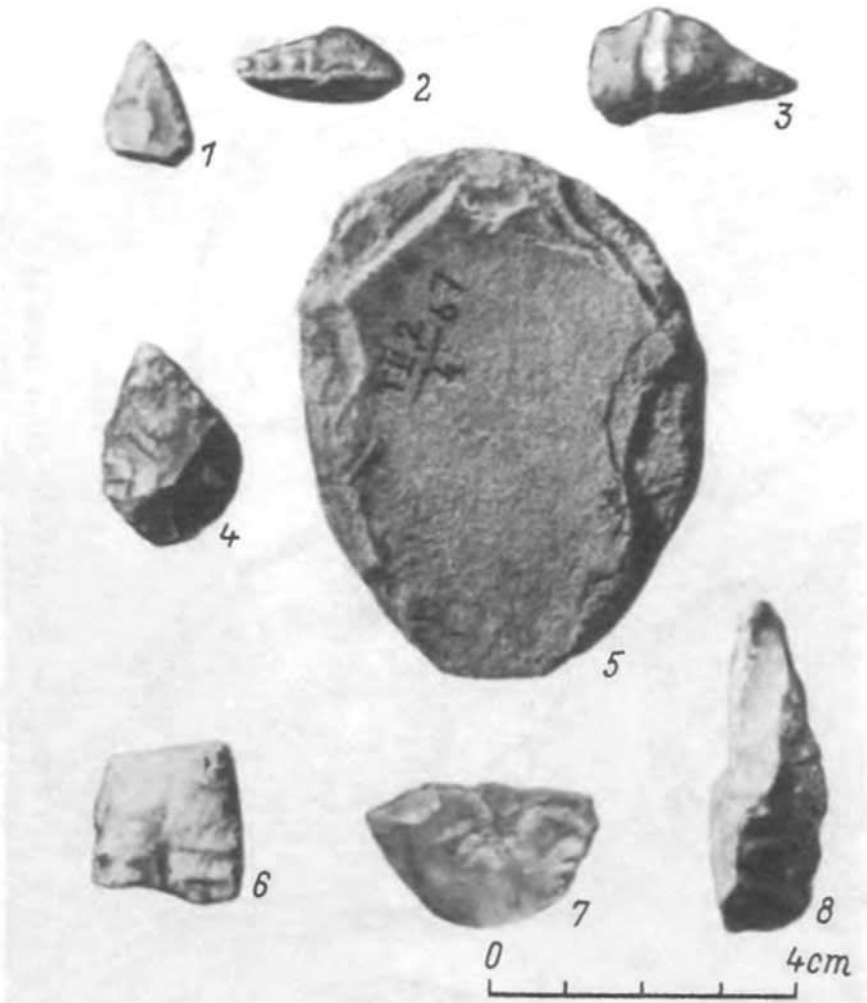

136. Керамика со стоянок Боярка I (1, 3, 7), Боярка II (4—6), Пясина III (2).
Ceramics from different sites: Boyarka I (1, 3, 7), Boyarka II (4—6), Pyasina III (2).

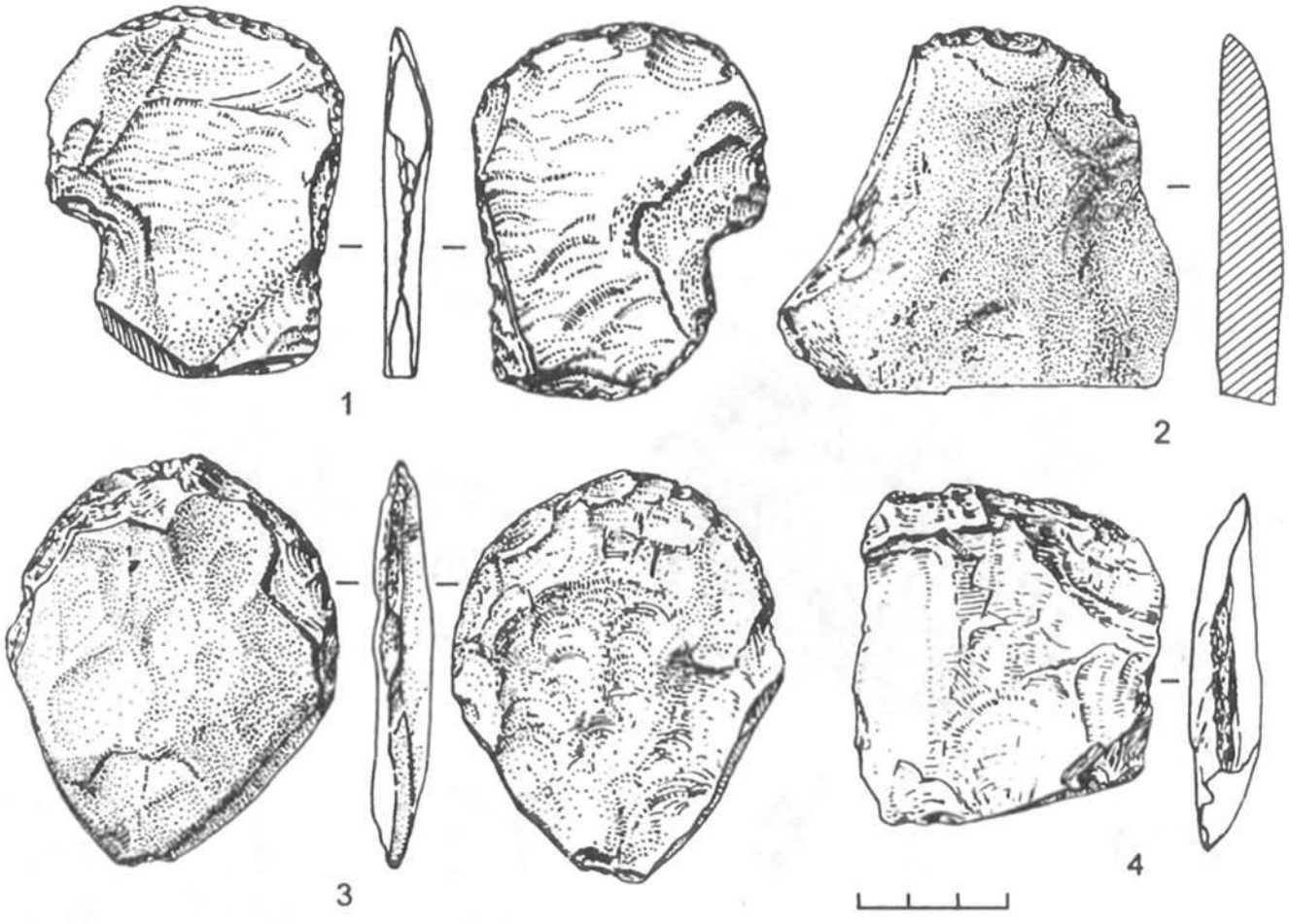
137. Керамика со стоянок Усть-Половинка (1, 2) и Пясина IX (3).

Ceramics from Ust'-Polovinka (1, 2) and Pyasina IX sites (3).

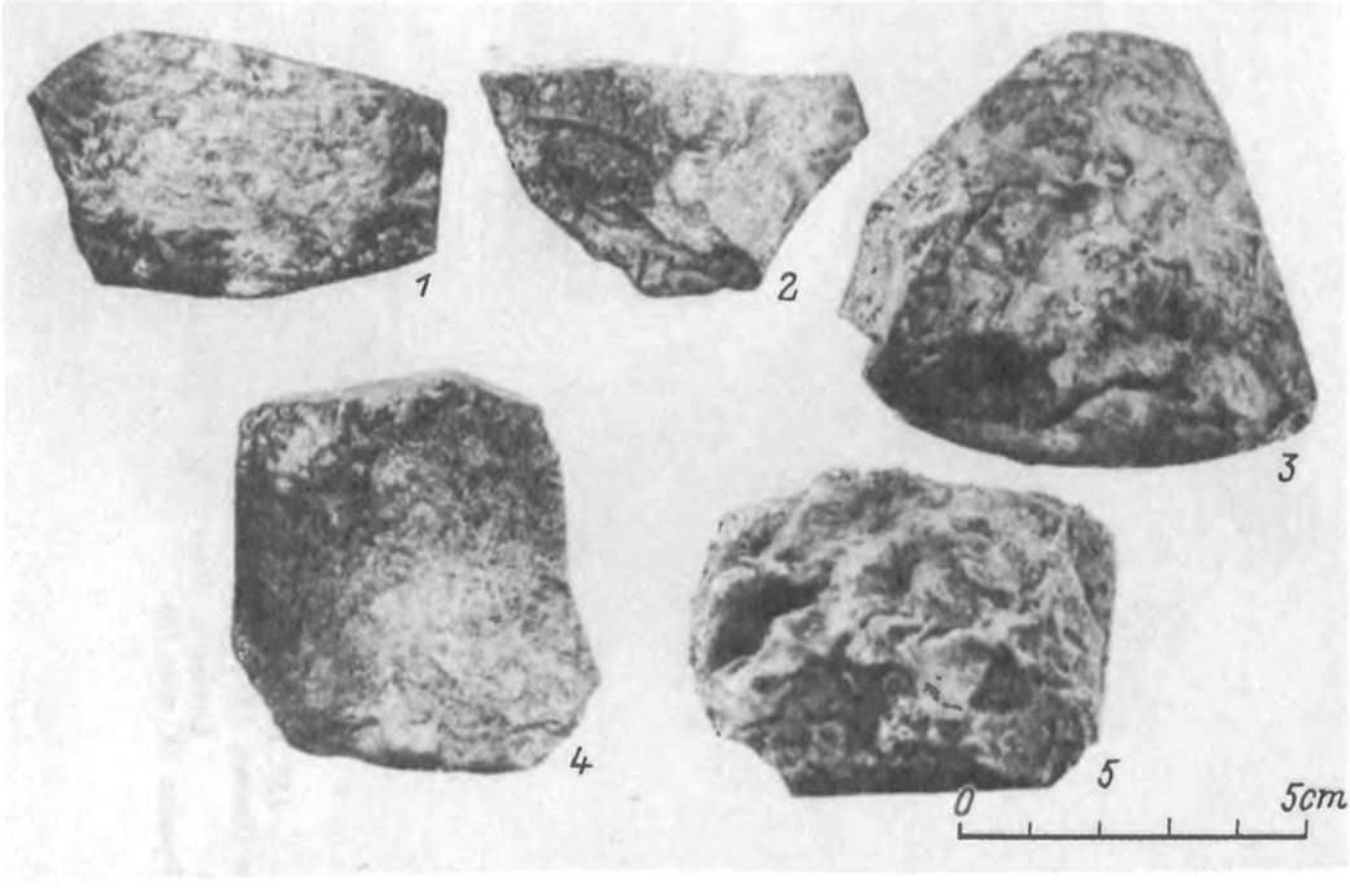

138. Бронзовое (2) и каменные изделия со стоянок рек Дудыпта и Тагенар: 1 — Августовская I; 2 — Дудыпта XIV; 3, 4 — Старое Бархатово II; 5 — Тагенар II, п. 2; 6 — Дудыпта VIII; 7 — Августовская III; 8 — Дудыпта VI.

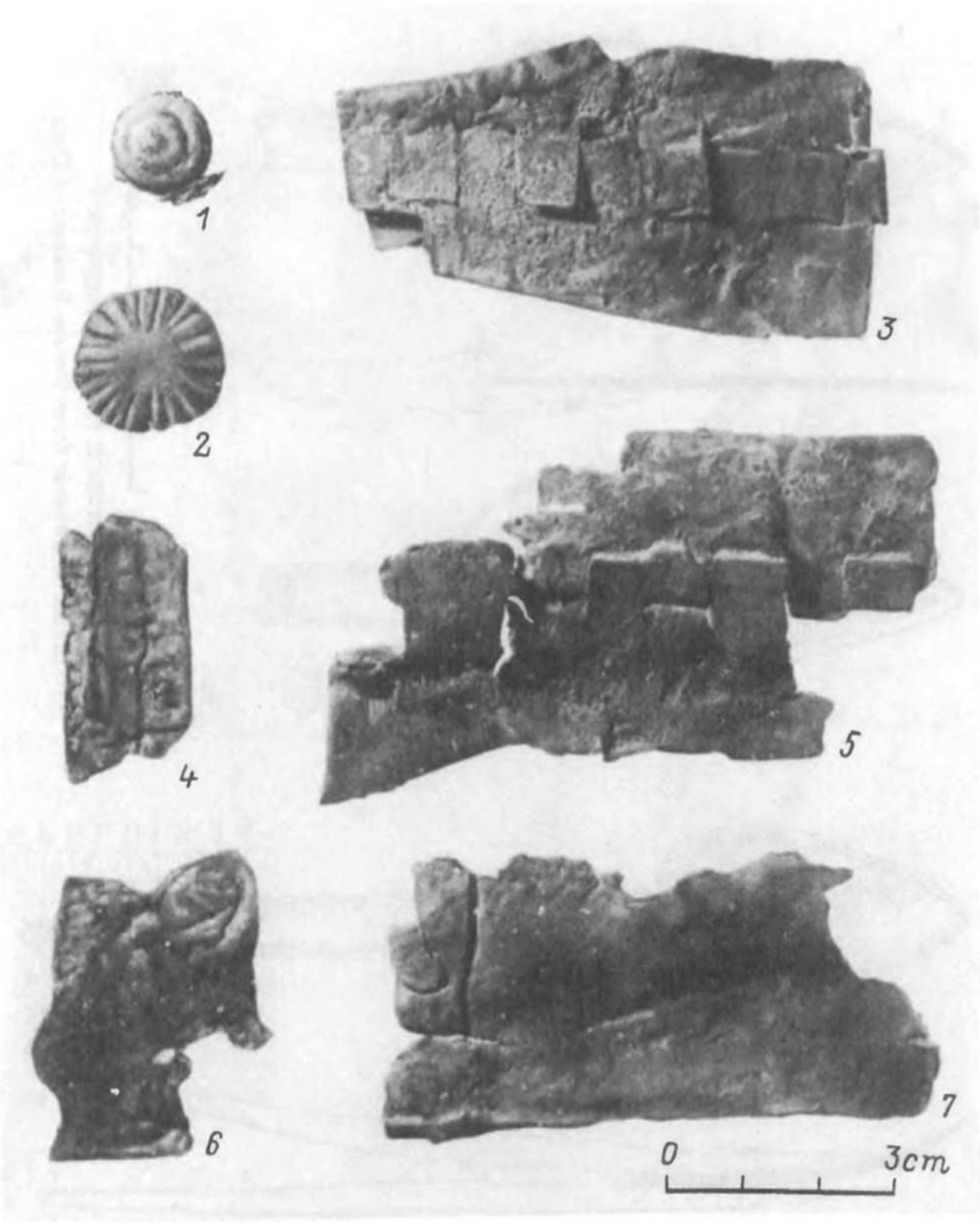
Bronze article (2) and stone artifacts from the sites discovered on Dudypta and Tagenar Rivers: 1 — Avgustovskaya I site; 2 — Dudypta XIV site; 3, 4 — Staroye Barkhatovo II site; 5 — Tagenar II site, the 2nd area; 6 — Dudypta VIII site; 7 — Avgustovskaya III site; 8 — Dudypta VI site.

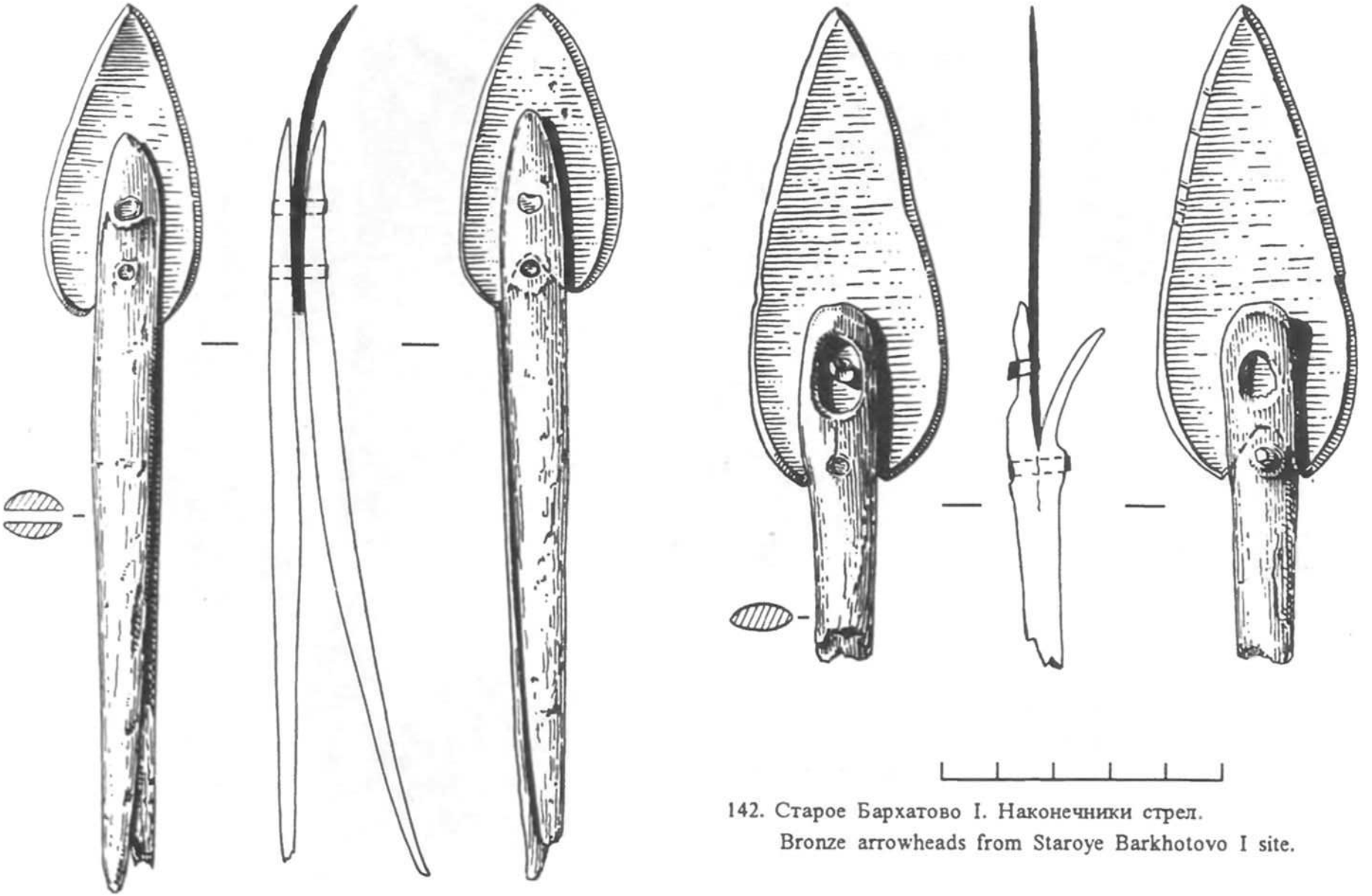
139. Каменные скребла со стоянок Августовская II (1) и Люнгфада I (2—4).
Side-scrapers from Avgustovskaya II site (1) and Lyungfada I site(2—4).

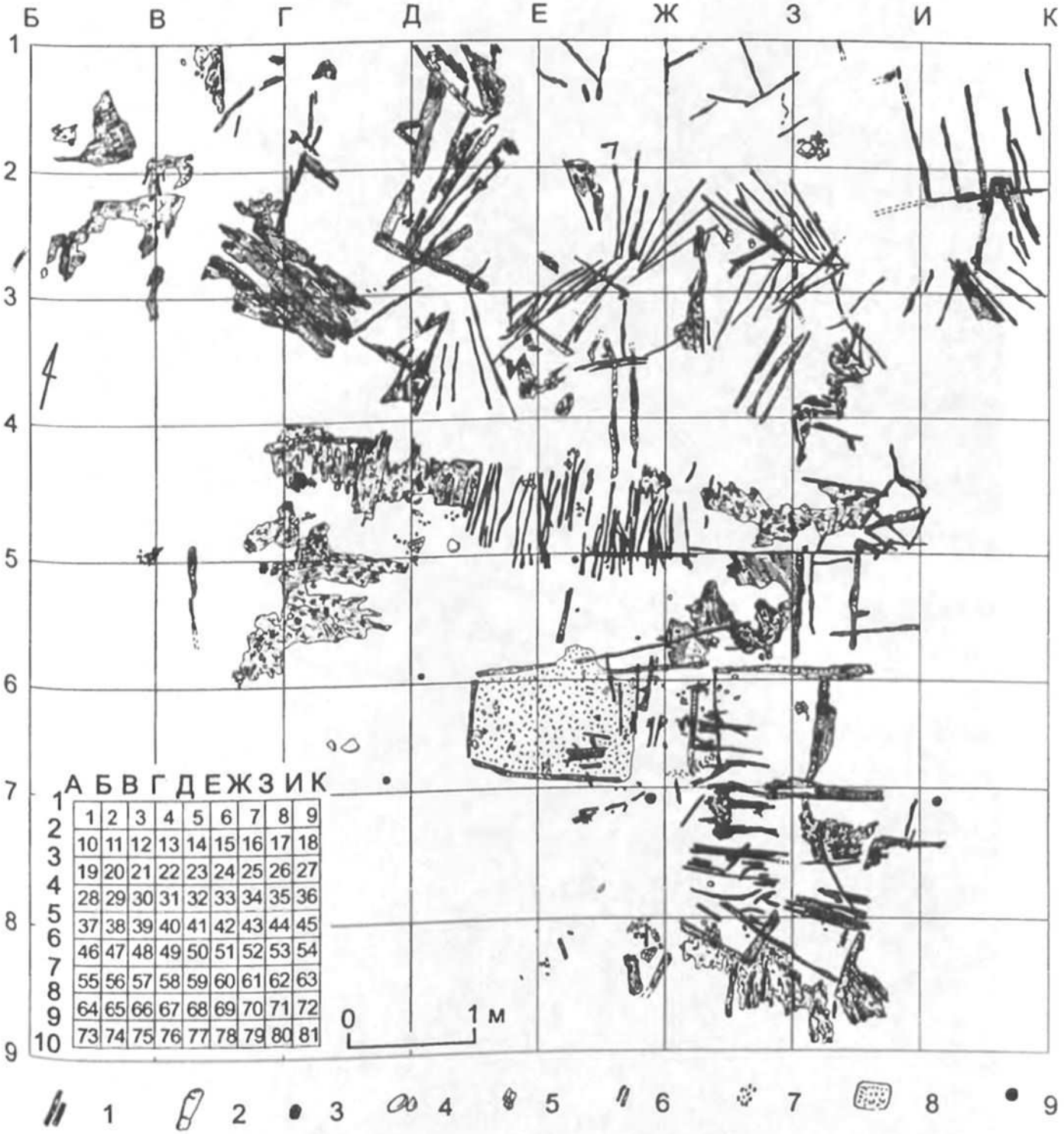
140. Каменные скребла стоянки Дудыпта XII.
Scrapers from Dudypta XII site.

141. Бронзовые изделия стоянок Пясина VI (1—6) и Новорыбное III (7).
Bronze articles from Pyasina VI (1—6) and Novorybnoye III sites (7).

142. Старое Бархатово I. Наконечники стрел.
Bronze arrowheads from Staroye Barkhotovo I site.

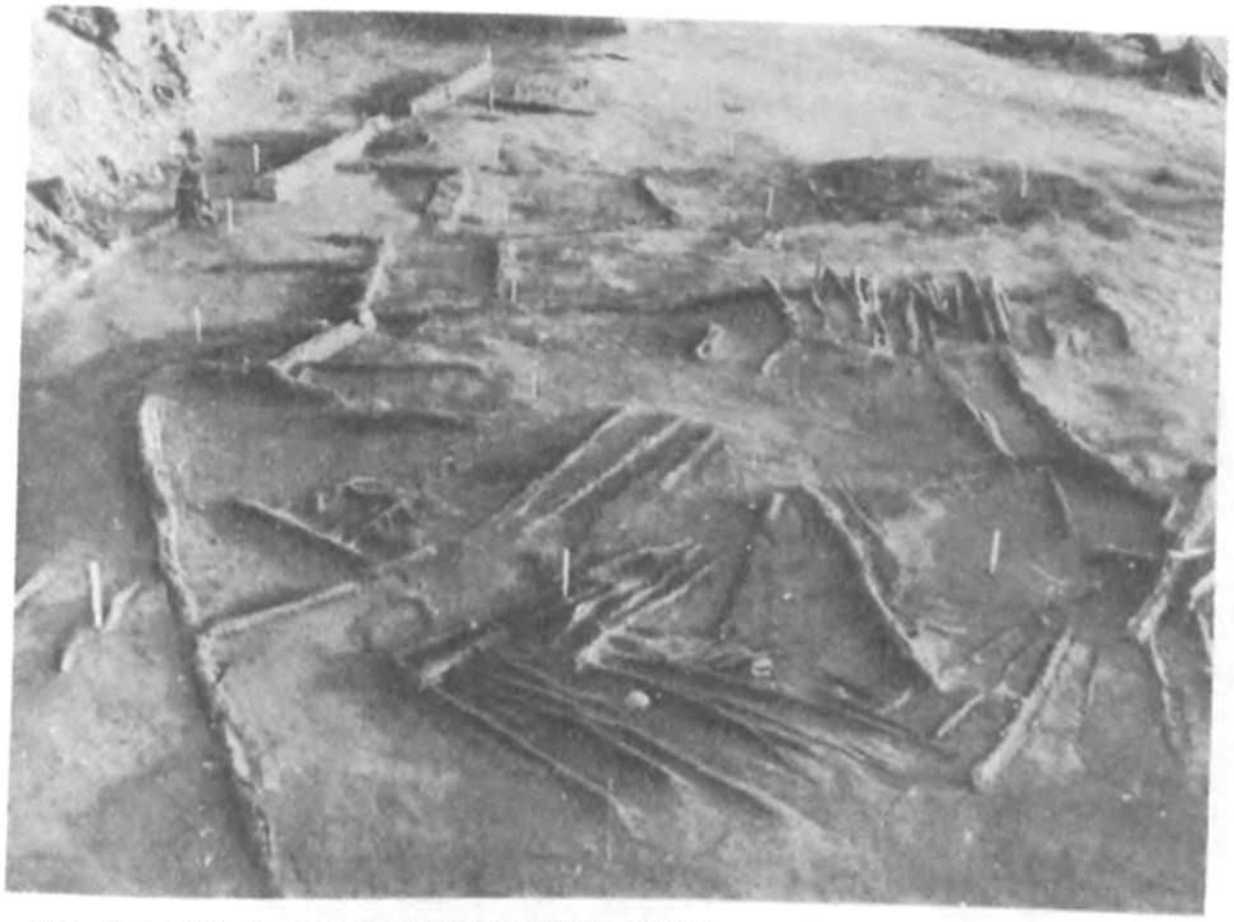
143. План раскопа на стоянке Дюна III. Условные обозначения: 1 — жерди; 2 — кора; 3 — остатки столбов; 4 — камни; 5 — развалы сосудов; 6 — прутья; 7 — угли; 8 — очаг; 9 — остатки деревянного сосуда.

Excavation map of Dyuna III site. spatial distribution of findings. Legend: 1 — poles; 2 — bark pieces; 3 — base parts of posts; 4 — boulders; 5 — concentrations of ceramics; 6 — twigs; 7 — charcoals; 8 — hearth; 9 — fragments of wooden vessel.

144. Дюна III. Пни над остатками жилища.

Close view on the excavations of Dyuna III site (a layer containing stubs of larch-trees covers dwelling ruins).

145. Дюна III. Вид на остатки жилища с севера.

View on the excavations of Dyuna III site (spatial distribution of wooden details of the dwelling).

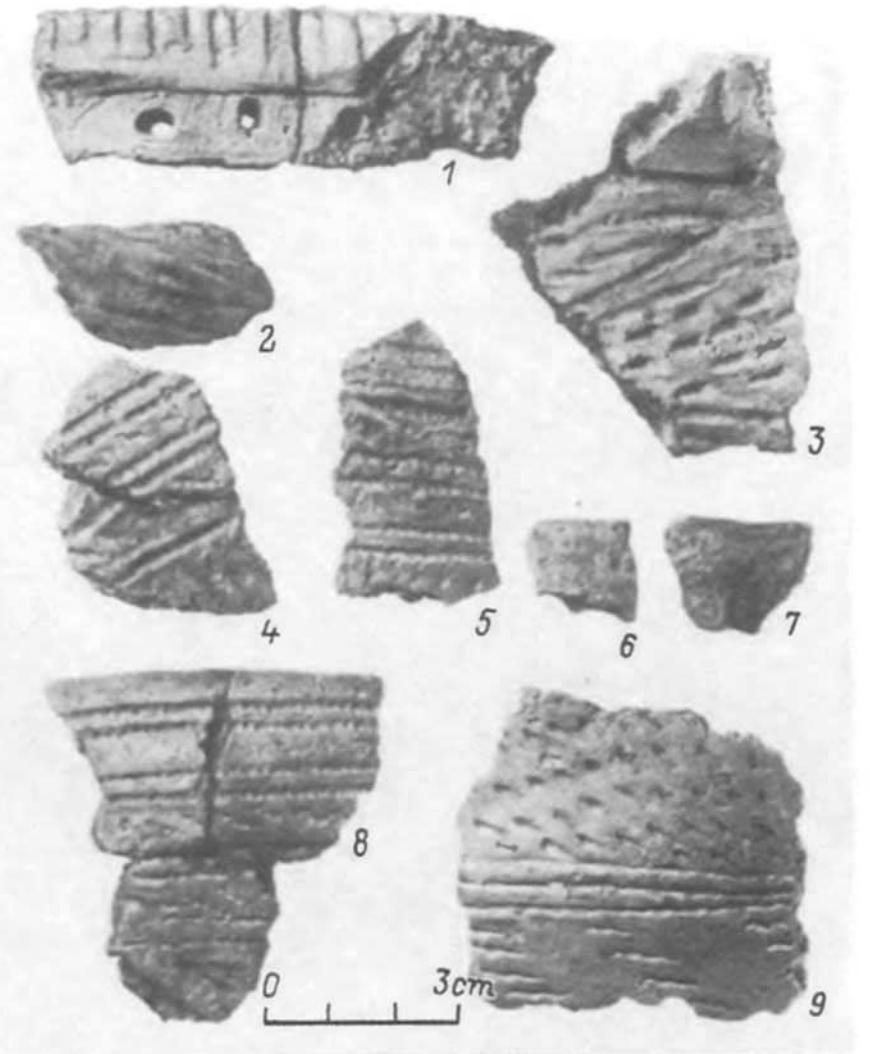

146. Дюна III. Вид на остатки жилища с юго-востока.

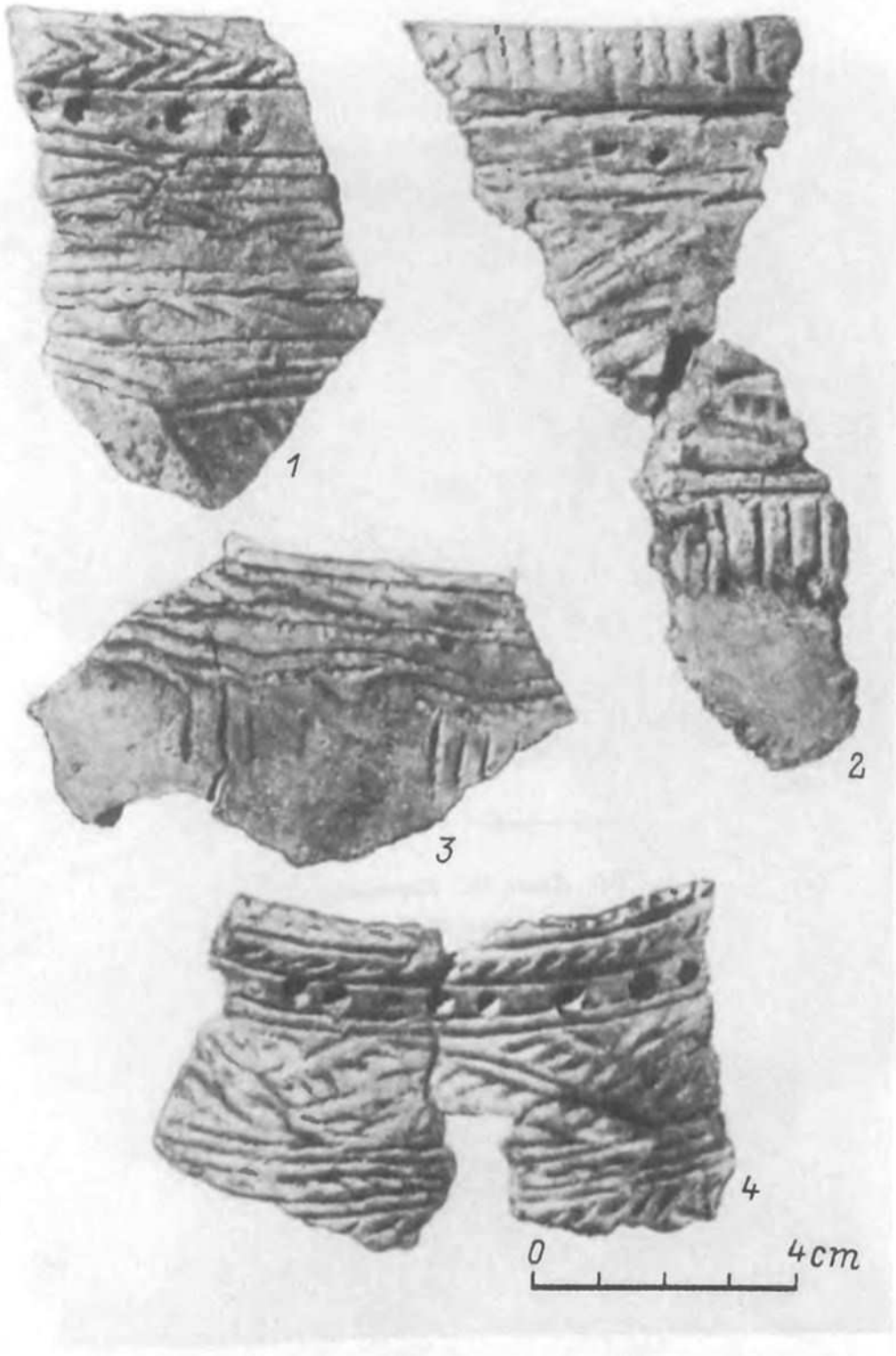
View on the excavations of Dyuna III site.

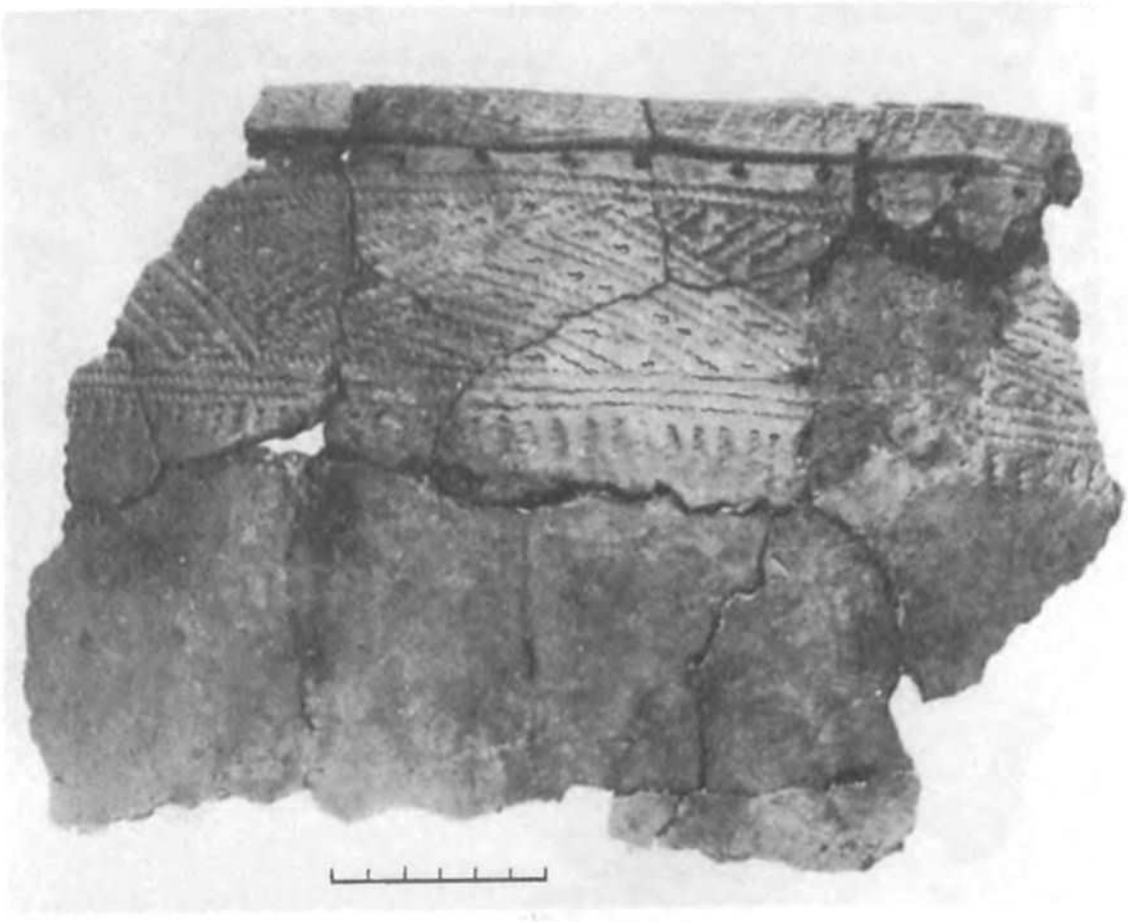
147. Дюна III. Реконструированные сосуды.
Refitted pots excavated from Dyuna III site.

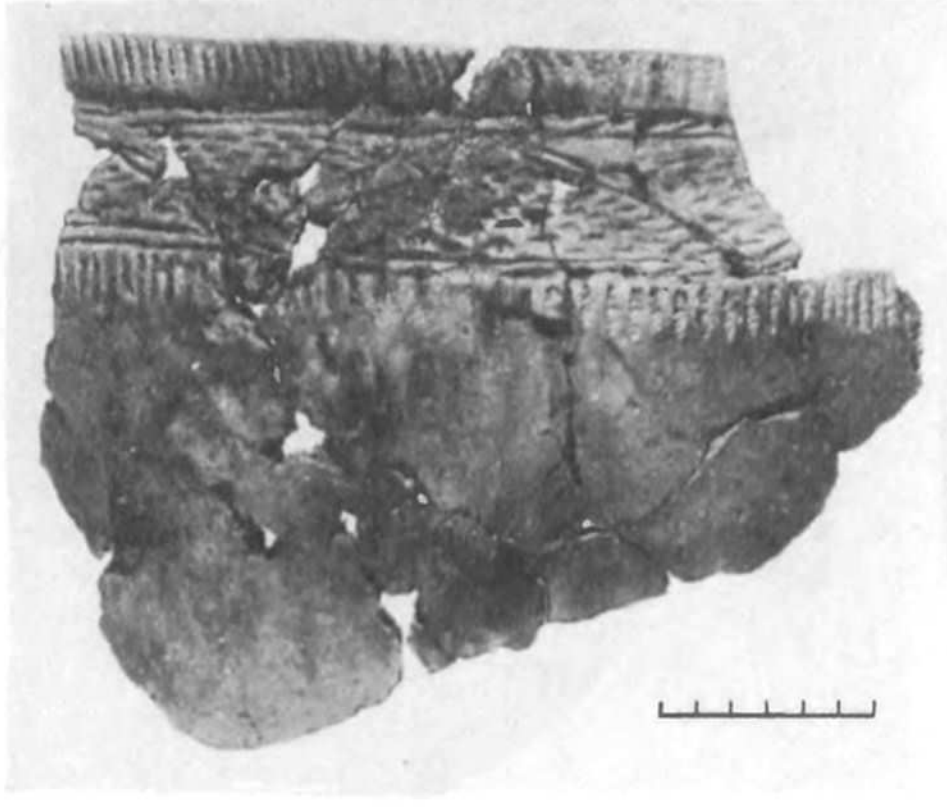
148. Дюна III. Керамика.
Ceramics from Dyuna III site.

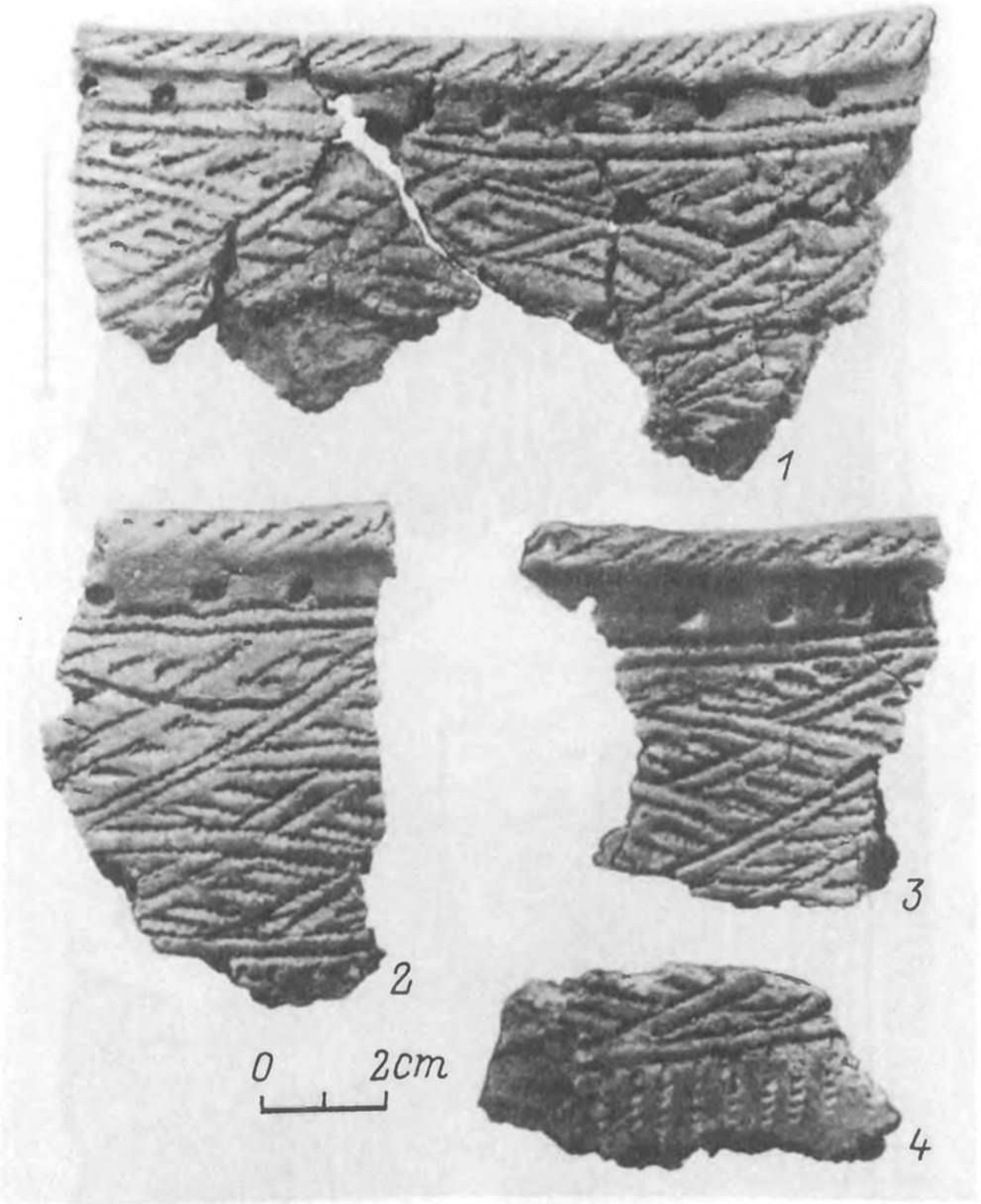
149. Дюна III. Керамика.
Ceramics from Dyuna III site.

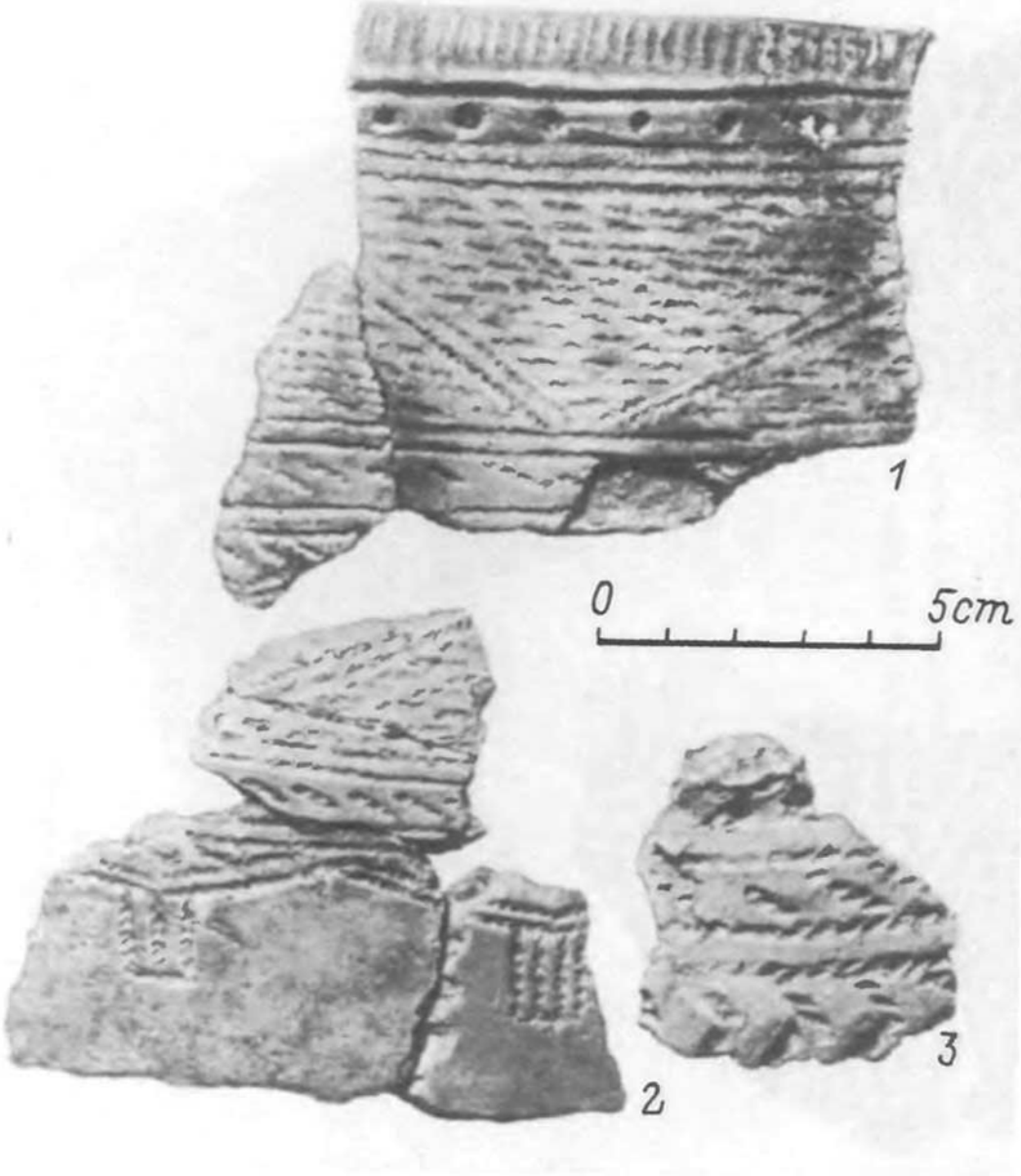
150. Дюна III. Керамика.
Ceramics of Dyuna III site.

151. Дюна III. Керамика.
Ceramics of Dyuna III site.

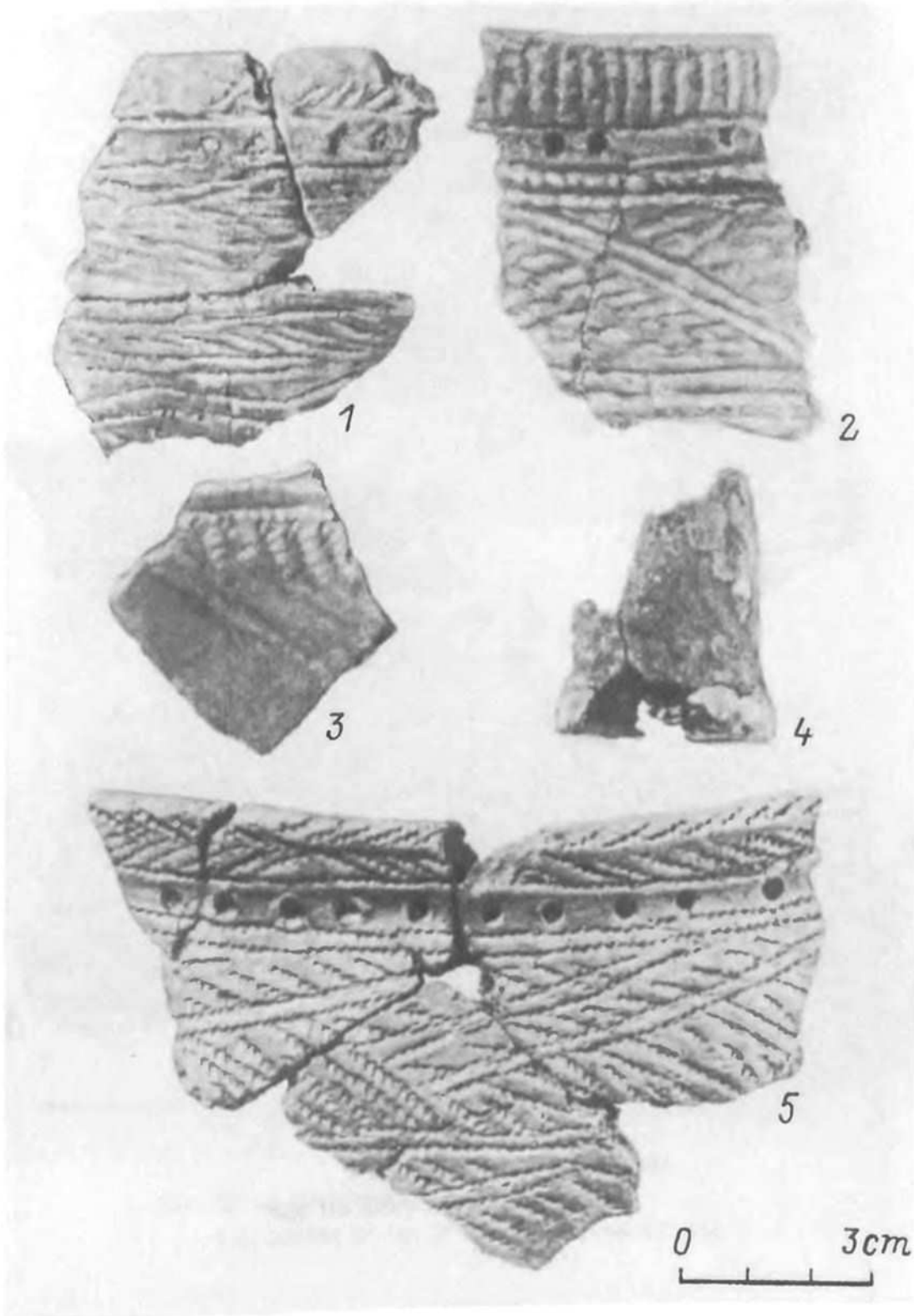
152. Дюна III. Керамика.
Ceramics of Dyuna III site.

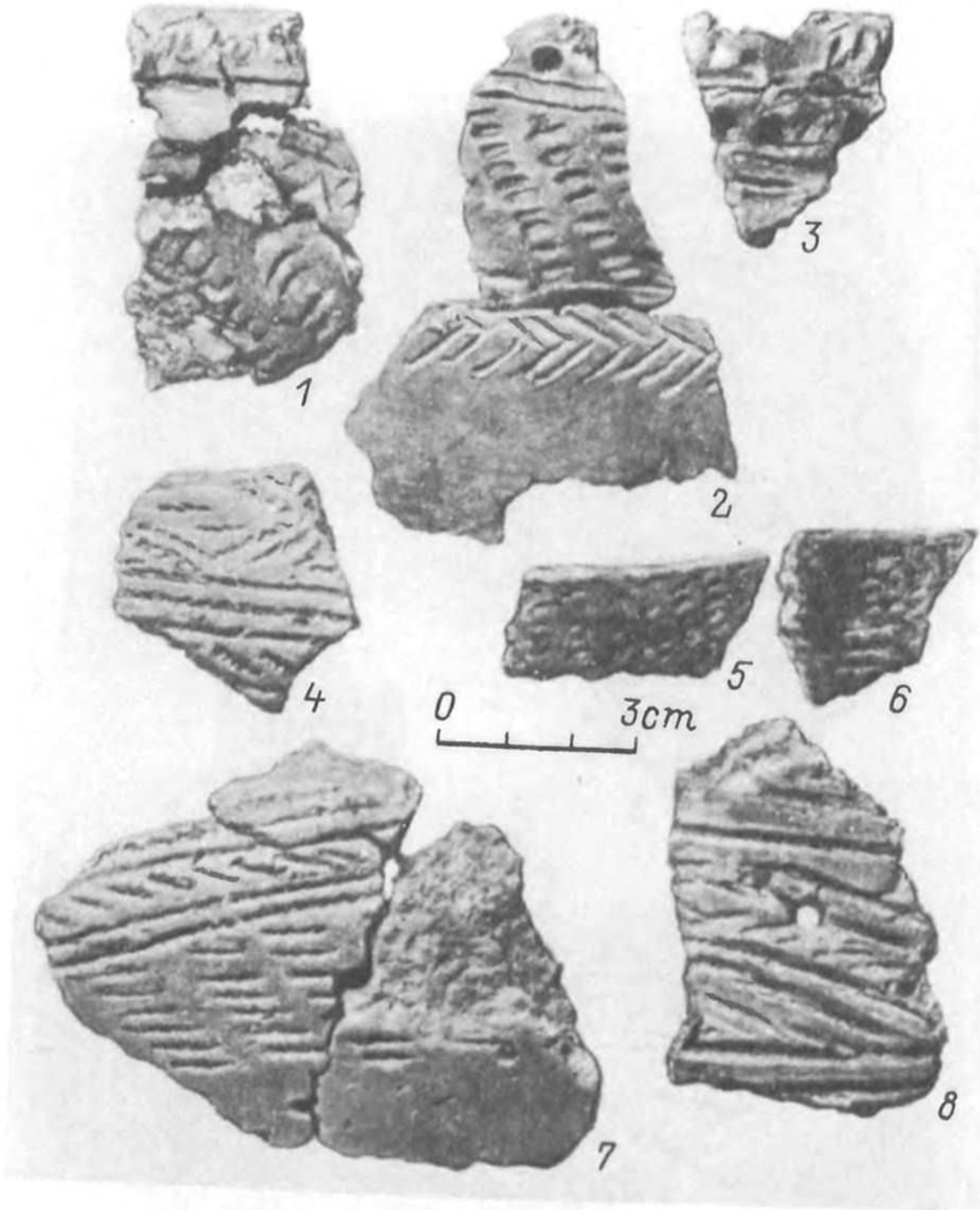
153. Дюна III. Керамика.
Ceramics of Dyuna III site.

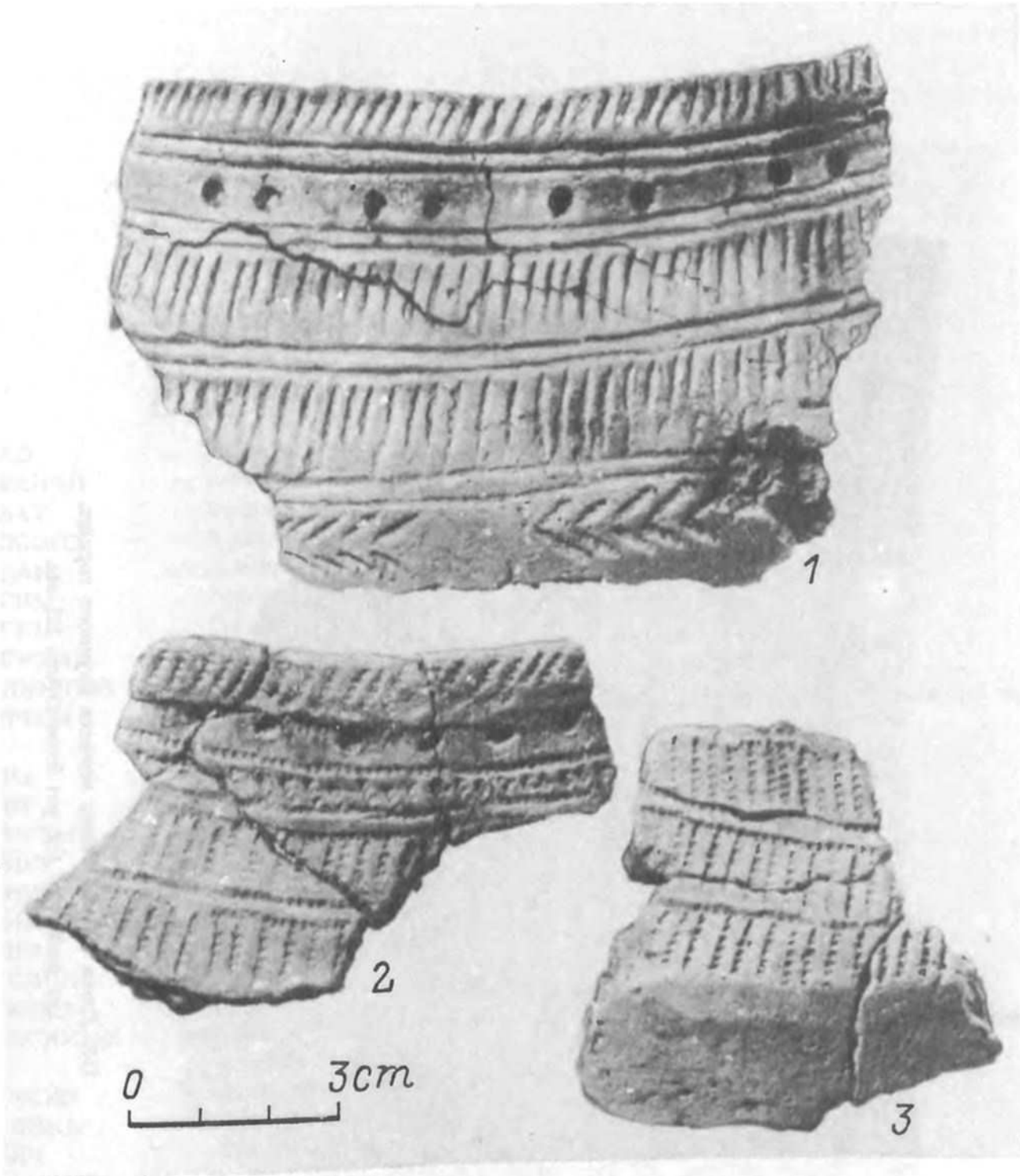
154. Дюна III. Керамика.
Ceramics of Dyuna III site.

155. Дюна III. Керамика.
Ceramics of Dyuna III site.

156. Дюна III. Керамика.
Ceramics from Dyuna III site.

157. Дюна III. Венчики сосудов.
Lip section of the pots from Dyuna III site.

158. Дюна III. Фрагмент венчика крупного горшка.
Lip section of the pot from Dyuna III site.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО	— Археологические открытия. М.: Наука.
БКИЧП	— Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода.
ВАУ	— Вопросы археологии Урала. Свердловск.
ВСОГО	— Восточно-Сибирский отдел Географического общества (Иркутск).
ДАН	— Доклады Академии наук. М.
ГИМ	— Государственный исторический музей (Москва).
ГИН	— Геологический институт РАН (Москва).
ГУСМП	— Главное Управление Севморпути (Москва).
ДИНЮВС	— Древняя история народов Юга Восточной Сибири. Иркутск.
ЗЧКМ	— Записки Чукотского краеведческого музея. Магадан: Магаданское кн. изд-во.
ИА	— Институт археологии РАН (Москва).
ИГ	— Институт географии РАН (Москва).
ИГЕМ	— Институт геомагнетизма РАН (Москва).
ИГУ	— Иркутский государственный университет.
ИИГ	— Институт геологии и географии Сибирского отделения РАН.
ИИС	— Из истории Сибири. Томск: Изд.-во Томского ун-та.
ИЭ	— Институт этнографии РАН им. Н. Н. Миклухо-Маклая (Москва).
КИЧП	— Комиссия по изучению четвертичного периода (Москва).
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.
КСИИМК	— Краткие свеления о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. М.
КСИЭ	— Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. М.
ЛОИА	— Ленинградское отделение Института археологии АН СССР.
ЛЧ	— Ленинградская часть.
МАЕСВ	— Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. Сыктывкар.
МАЭ	— Музей антропологии и этнографии РАН им. Петра Великого (С.-Петербург).
МГУ	— Московский государственный университет.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
МИС	— Материалы по истории Сибири. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение.
МК ИНКВА	— Международный конгресс Международного союза по изучению четвертичного периода.
МКАЭН	— Международный конгресс антропологических и этнографических наук.
МОИП	— Московское общество испытателей природы.
НИИГА	— Научно-исследовательский институт геологии Арктики. Л.
ОАК	— Отчеты Археологической комиссии.
РГО	— Русское Географическое Общество.
СА	— Советская археология. М.
САИ	— Археология СССР. Свод археологических источников. М.: Наука.

САС — Сибирский археологический сборник. Новосибирск.
СЭ — Советская этнография. М.
ТД ВК — Тезисы докладов Всесоюзной конференции.
ТОКМ — Таймырский окружной краеведческий музей (Дудинка).
СВКНИИ — Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт Дальневосточного отделения РАН. Магадан.
УАС — Уральское археологическое совещание.
Уз. ЛГУ — Ученые записки Ленинградского государственного университета.
Уз. ПГУ — Ученые записки Пермского государственного университета.
Уз. ТомГУ — Ученые записки Томского государственного университета.
INQUA — International Quaternary Union Association
ISK — Instituttet for sammenlignende kulturforskning (Oslo).
ICU — International Cristian University (Tokyo).
SMyA — Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja (Helsinki).

SUMMARY

Ancient History of Taimyr and the Formation of the North Eurasian Cultures

For a long time the northern part of Middle Siberia — the Taimyr Peninsula — has remained very poorly explored by archaeologists. Indeed, all the materials coming from this immense transpolar region, amounted to nothing more than finds from four locations. The most important among these were the materials of the occupation sites discovered by A. P. Okladnikov near the present settlement of Khatanga. It is on the basis of these materials that the conclusion was made about the close relationship of the Neolithic and Early Iron Age cultures of Yakutia with the coeval cultures of the Khatanga, and about possible ethnic propinquity of the oldest population of these regions (Okladnikov, 1947). However, despite these finds the Taimyr Peninsula still remained «a blank spot regarding archaeology» (A. P. Okladnikov, 1958). At the same time the region is of considerable interest as its vast territory intermediate between the West Siberian and East Siberian ethno-cultural regions had to serve as a zone of contacts for genetically alien cultures and ethnic groups. It was the region where the formation of the Nganasans took place, the ethnic group whose culture has most clearly preserved the traits characteristic of the culture of ancient reindeer hunters. In view os some researchers (V. N. Chernetsov, Yu. B. Simchenko) these hunters had served as the common ethnic substrate (of Ural origin) for all the indigenous peoples of the Eurasian part of the subpolar zone. Due to all these reasons the exploration of the Taimyr Peninsula became the main purpose of the Transpolar expedition created at the Leningrad Branch of the Institute of Archaeology on the author's initiative.

As a result of the field works carried out by the Transpolar expedition on the territory of Taimyr during ten years (1967—1974, 1977) there were found and studied more than 200 ancient sites dating from different periods (from the Mesolithic to the Middle Ages) and belonging to different cultures. Thanks to these works the Taimyr Peninsula became the most adequately explored region in the north of Siberia. The cultural periodization constructed for this region and based both on typology of artifacts, and on stratigraphic data and a series of absolute dates, can have a great importance for elucidating the history of cultural development in adjacent areas. So long as the historical events that took place in the north of Middle Siberia can be understood only being considered against the background of the historical and cultural processes which occurred to the south of it and exerted their influence on higher latitudes, the archaeological materials from the other areas of Northern Eurasia were widely used for establishing the causes of the formation and change of the ancient cultures of Taimyr. The available data allow to reconstruct in general outline the ancient history of the Taimyr subpolar zone and to ascertain the main ethnic and cultural transformations (in the Taimyr Peninsula, as well as in the adjacent regions) which resulted in the formation of the Nganasan people.

The available paleogeographic data (Kind, 1974; Firsov et al., 1974; etc.), including those obtained in the course of archaeological excavations in Taimyr, enable us to link the historical processes with environmental changes. The use of ethnographic data on the lifeways of the boreal peoples, especially Nganasans, helps to extract the social information contained in archaeological records.

Chapter I. Climate Changes and the Initial Colonization of the Eurasian Subpolar Zone

1. Occupation of the Subpolar Zone in the Paleolithic. The powerful pulsations of the Pleistocene climates resulted in a number of warmer interstadials which allowed the inhabitants of the periglacial zone to penetrate far northward. The discovery of the Upper Paleolithic sites in the Pechora basin (V. I. Kanivetz, 1976) permits to suppose that some groups of ancient hunters could have crossed the Polar circle and lived in the European part of the Arctic as early as the Paleolithic time. Nonetheless, the following deteriorations of the climate forced these hunters to leave the northern lands, and so there are no grounds to think that the permanent population of the region descends from its Paleolithic forerunners.

In the Siberian subpolar zone some regions were free of ice cover even at the Last Glacial (Sartan) Maximum. However, the Paleolithic sites of the Indighirka and the Kolyma rivers may date from the latest stages of this glacial, i. e. from the Kokorevo and Taimyr Interstadials.

During the Sartan Glacial Maximum Taimyr was sheeted with ice. Around 12 kyr ago the rise in temperature known as the Taimyr Interstadial entailed noticable environmental changes. In that period mammoths inhabited even the central part of the Byrrangai Mountains. The terminal stage of the Sartan period (the Norilsk stage) was very cold and relatively dry, it ended around 10, 5 kyr ago. The formation of the two terraces of the Pyasina river is linked with the land uplift occurring in the late Glacial and post-Glacial times. On the second terrace of the Pyasina near the Polovinka river mouth there was found a chopper-like tool made of a pebble of silicified shale. Such artifacts are characteristic of the Afontovo and Kokorevo Paleolithic cultures which existed in the Enisey basin. Besides, choppers are common for some other Upper Paleolithic assemblages of East Siberia, while in the Mesolithic assemblages the tools analogous to that from the Pyasina river are absent. Perhaps, this tool represents a trace of the initial colonization of the Taimyr Peninsula which took place during the Taimyr Interstadial.

Though cultural replacements should not always be interpreted as indicative of population replacements, to speak about ethnic continuity one must have archaeological proofs of cultural continuity. As to the north of Siberia, no traces of genetic ties between the local Paleolithic and Mesolithic traditions have yet been found. The only possible exception are the sites studied by N. N. Dikov (1977, 1979) on the Kolyma river.

2. Climate of the Subspolar Zone in the Early and Middle Holocene. The rise in temperature which started in the Arctic regions of Eurasia in the Early Holocene made for the beginning of the permanent human occupation in the Old World Transpolar zone. As early as the pre-Boreal time the vegetation zones shifted 300-450 km northwards (B. A. Tikhomirov, 1962), so that trees and shrubs grew in the regions occupied now by tundra.

The displacement of the vegetation zones alongside with the corresponding changes in the geographic distribution of animals were the major factor which conditioned the penetration of the former taiga and forest-tundra dwellers into the subpolar regions. During the climatic optimum humans settled the whole mainland part of the Eurasian Arctic. The subsequent climatic deteriorations were not harsh enough to force the northern hunters to leave the mastered lands. Therefore, the descendants of the Mesolithic explorers of the Eurasian subpolar regions should be considered the aboriginal population of the Arctic. Subsequently this population has contributed heavily to the formation of the local cultures as well as to the genesis of the local ethnic groups including the modern ones.

3. On the Concepts of «Mesolithic» and «Neolithic». No distinct dividing line can be drawn on the basis of typological comparison of the stone artifacts of the Late Pleistocene cultures of the Middle Yenisey, the Angara and Trans-Baikal regions with those of the Early Holocene cultures that superseded them. This justifies the use of the term «Epipalaeolithic» as applied to some earliest Holocene cultures of Siberia. The concept «Epipalaeolithic» has a more restricted scope than «Mesolithic» and as such it should be applied to sites of Holocene times immediately superseding those of the Upper Palaeolithic and preserving to a larger extent features of the preceding Palaeolithic culture. Ecological changes associated with the onset of the Holocene called for fundamental reforms in culture. Therefore, cultures of the Late Mesolithic differ radically from those of the Palaeolithic both in industry and in socio-economic indices. Sometimes they differ from Neolithic cultures only in one trait: the lack of pottery, which allows to characterize such cultures as the «Pre-ceramic Neolithic». The term «Pre-ceramic Neolithic» has a more restricted meaning than the word «Mesolithic» and corresponds to the final stage of the Mesolithic. The conventionally adopted lower boundary of the Mesolithic — the epoch succeeding the Palaeolithic and distinguished by the wide distribution of cultures characterized primarily by the predominance in the stone inventory of prismatic blades and tools made from them — is the geological boundary between the Pleistocene and Holo-

cene. This is a tenable approach for wherever the Upper Palaeolithic cultures were not supplanted by immigrant Mesolithic traditions but were developing along the lines of genetic continuity, any criteria for differentiating them are hard to devise. The presence of pottery in Stone Age cultures is an indication for attributing them to the Neolithic. Another important characteristic of the Neolithic cultures is the beginning of mass production of stone tools by bifacial retouch and grinding.

4. The Mesolithic Sites of the European and West Siberian Subspolar regions. The earliest settlers in the European part of the Arctic were the Komsa culture people whose settlements have been found along the sea shore in Northern Norway and on the Kola Peninsula. This culture is believed to date from the VIIth-VIth millenia B. C. (Gurina et al., 1974), while genetically it probably goes back to the Mesolithic cultures of Southern Norway, Finland and Karelia.

The Mesolithic assemblages of the Pechora subpolar region can be compared to the Mesolithic industries of the Upper Volga, which speaks in favour of the view that the north-east of the European part of Russia was populated by people who came from the south-west. The radiocarbon dates obtained for the Mesolithic finds from the Yavronga I site and the Vis peatbog, and ranging within the VIIth-VIth millenia B. C., enable us to date the Mesolithic of the Pechora subpolar region at least to the VIth millenium B. C. In the West Siberian part of the Arctic the Mesolithic is represented by the author's finds from Cape Korchagi on the right bank of the Ob below the town of Salekhard. The age of this assemblage is 7260 ± 80 years ago or even more (LE-1376), and the closest analogies to it can be found in the Mesolithic of Middle Transuralian. The discovery of the Korchagi Ib site shows that despite the strong swampedness of the West Siberian depression hampering the settlement of this region, even here some human groups were able to penetrate far to the north.

5. The Mesolithic and Mesolithic-Early Neolithic Sites of the East Siberian and Taimyr Subpolar Regions. The higher hypsometric position of the East Siberian subpolar region alongside with its more continental climate made its settlement relatively easier. However, the sites dating from the Atlantic Period are not numerous as yet. In the basins of the Anabar and the Uele rivers there were found some assemblages containing tools made of knife-like blades, which allows to date the corresponding sites to the Mesolithic — Early Neolithic Period. After Yu. A. Mochanov (1977) the Sumnagin culture includes the materials from the Yubileinaya site (the Lower Indighirka) and from the Panteleikha river (the Lower Kolyma). Some sites of Chukotka (Tytyl, Ionigythyn, Ust-Belaya) also can probably be dated back to the Mesolithic and Early Neolithic (N. N. Dikov, 1979).

The oldest site proving that the Taimyr Peninsula was populated as early as the Atlantic Period is Taghenar VI. Here near a fireplace at a depth of 1, 2-1, 3 m from the present surface there were found reindeer and bird bones, prismatic cores of light jasper, blades, and tools made on blades: insets, angle burins, endscrapers and lateral scrapers, a fragment of a perforator or of an arrowhead. In the same place there were found also a chisel-like tool and an endscraper made of a flake. The age of the site is 6020 ± 100 years ago (LE-884). The pollen analysis has shown that the site was surrounded with the taiga type forests dominated by arboreal and shrub species of birch and alder, followed by larch, fir and pine.

On the banks of the Pyasina river there were found a number of sites (Pyasina I, III, IV, V, XI, XV, Lantoshka II, Malaya Korennaya II and III, Kapkannaya II) with tools of the Mesolithic appearance made on blades of light jasper and silicified shale. The petrographic analysis has shown the similarity between these raw materials, on the one hand, and those used for tool manufacture in the Anabar and the Olenek basins, on the other hand. This fact may signify that the Pyasina basin dwellers got their raw materials from the latter region where deposits of silicified shale are known. The listed sites are situated on high terraces. Their inventories include conical, prismatic and flat cores, lateral scrapers and endscrapers made on prismatic blades, insets, saws, notched bladelets, angle burins, arrowheads. The sites with the arrowheads made on blades through sharpening one of the ends we ascribe to the Mesolithic, while those with the leafshaped and sharp-based arrowheads formed by marginal retouch are considered to be of the Early Neolithic age (though it cannot be ruled out that first such arrowheads were brought into use in the pre-ceramic times). It seems reasonable to think that the appearance of arrowheads in the final stage of the Mesolithic was characteristic of all the regions of East Siberia.

In the eastern part of Taimyr (the Kheta-Khatanga basin) there are known some sites where only artifacts made on blades are present. Worthy of note is the absence of endscrapers. We date these sites to the Mesolithic-Early Neolithic time.

6. The Relation of the Mesolithic Sites of Taimyr to the Mesolithic Cultures of the Forest Zone of Siberia. A particular Mesolithic culture characterized by bone arrowheads (analogous to those found in the Shigir peatbog) can be distinguished in Middle Trans-Ural. Arrowheads on blades

and trapezes were not typical for this culture and their presence may be explained by the influence of the Yangel culture (South Ural). The specific inventory characteristic of the Middle Trans-Ural assemblages could not have become the basis for the formation of the Taimyr Mesolithic. In Evenkia no Mesolithic sites have yet been found, whereas the southernmost regions of the forest zone of Middle Siberia were a part of the Angara province of the East Siberian Mesolithic.

Three provinces can be distinguished in the Mesolithic of East Siberia: the Angara province, the Trans-Baikal province, and the Lena province. The first one includes two groups of Early Mesolithic sites: the Badai group (genetically tied with the local Paleolithic), and the Upper Lena one (having its sources in the Trans-Baikal). By the end of the Mesolithic the interaction of these two groups had led to the formation of a single cultural variant. Both on its earlier and on later stages the Angara Mesolithic had little in common with the Mesolithic of Taimyr.

The Trans-Baikal Mesolithic had its own specific features, but the Daur points found here can be regarded as analogies to the Taimyr arrowheads. Connected with the Trans-Baikal province was probably the Lena Mesolithic, distinguished by Yu. A. Mochanov as the Sumnagin «Holocene Paleolithic» culture. The latter is characterized by blade industries similar to those of Taghenar VI and the Pyasina sites, which enables us to suppose the first settlers came to the Taimyr Peninsula from the Lena basin. The radiocarbon date obtained for Taghenar VI alongside with the Sumnagin analogies allow to date the Mesolithic of Taimyr to the Vth millenium B. C.

Chapter II. Taimyr in the Neolithic

In the Neolithic Period East Siberia and the Far North-East of Asia represented a distinct cultural and historical region. In this region (excepting the Trans-Baikal) the onset of the Neolithic was connected with the formation of the net pottery cultures. In the Developed Neolithic this pottery was replaced by that with cord imprints on its surface, and in the Late Neolithic the ceramics with waffle and ribbed imprints spread in the region. For the first time such a succession of pottery types was revealed on the multilevel site of Ulan-Khada on Baikal Lake, and subsequently it was confirmed by excavations in other parts of East Siberia. After its appearance in the southern part of East Siberia in the Vth millenium B. C., the net pottery quickly spread over the whole region (the IVth millenium B. C.). The spreading of this type of pottery was rather a result of cultural diffusion than of an expansion of some ethnic group, which is testified to by the fact that the Early Neolithic stone inventories in different parts of the region retain the features characteristic of the preceding Mesolithic cultures. This phenomenon can be observed in Taimyr too, as the latter was a part of the East Siberian historical and cultural region.

1. The Early Neolithic of Taimyr (the IVth millenium B. C.). The materials of the lowermost layers of the Abylaakh site on the Kheta river and Glubokoe I on Glubokoe Lake, as well as finds from the Pyasina VIII site, served as the basis for gistinguishing the Early Neolithic stage in Taimyr. The tools found at these sites are made of jasper and silicified shale and analogous in many ways to the tools from the Mesolithic assemblages of Taimyr. The former like the latter are dominated by insets, angle burins, endscrapers and leafshaped arrowheads, all made on prismatic blades detached from pencil-like cores. There are also one round and one subtriangular endscrapers on flakes. The ceramics is represented by not numerous fragments of round-bottomed pots with net imprints. A pot from Abylaah I was decorated with a belt of pits set below the rim. The similarity of the Mesolithic and Neolithic stone inventories serves as proof that the emergence of the Neolithic in Taimyr was not a result of arrival of a new population. Most likely, the skill of pottery was adopted by the inhabitants of Taimyr from the southern neighbours, such as the Syalakh culture (Yakutia), or the Early Neolithic culture of Evenkia (the lower layers of the Tura I site, the Nizhnyaya Tunguska river, excavations by G. I. Andreev). Admitting the Early Neolithic sites of Taimyr are genetically tied with the local Mesolithic, it will be reasonable to regard the former as a distinct culture which could be called Glubokoozerskaya. By analogy with the neighbouring cultures, forming the Early Neolithic cultural community of the north of East Siberia, the Glubokoozerskaya culture can be dated back to the IVth millenium B. C.

2. The Neolithic Sites of the IIIrd-IInd Millenia B. C. Beginning with the middle of the IIIrd millenium B. C. the climate of the Polar regions took a turn for the worse, but even in the second half of the Sub-Boreal Period the climatic conditions of Taimyr were better than they are now. Three cultures appeared in Taimyr in the IIIrd millenium. The Belkachi culture came from the Lena basin. It is represented by such sites as Khatanga II (Kuuchugai-Yuryah I discovered by A. P. Okladnikov), Pyasina II and IV, Boyarka I, where the ceramics with cord imprints has preserved, as well as the sites of Novaya VII and Bludnaya II-I with the stone tools characteristic of the Belkachi

culture. Probably the corded ware originated in the Trans-Baikal, and from this region in the IIIrd millenium B. C. the «fashion» for manufacturing it spread all over East Siberia, forming local variants: the Belkachi one in the Lena basin, the Posol one in the space between Baikal Lake and the Enisey, and the Trans-Baikal one. Evenkia was the zone of contact of the Belkachi and Posol variants.

The consolidation of the Belkachi culture people with the aboriginal population of Taimyr led to the formation of the Maimeche culture, which is represented by several sites on the Kheta river. The Maimeche I and IV sites have yielded round-bottomed pots with net imprints on the surface (the feature inherited from the preceding Glubokoozerskaya culture) and a segment-like ornamental pattern on the rim (adopted from the Belkachi culture). The stone inventory of the sites is dominated by chalcedony artifacts and includes many forms typical for the Developed Neolithic and having analogies in the Belkachi culture. Of special interest are steatite adornments: a mashroom-like pendant analogous to that found in the VIth (Paleolithic) layer of Ushki I site on Kamchatka, labrets similar to those known after archaeological and ethnographical materials of the North Pacific, and other objects. Probably, the lip and other adornmets similar to the Maimeche ones were brought to North-East Asia and America from East Siberia by migrating groups of the Mesolithic, and may be even Paleolithic, people.

The net ceramics coupled with the stone tools which can be ascribed to the Developed Neolithic was found also at such Taimyr sites as Abylaakh IV, Ust-Boyarka, Malaya Korennaya I and III. Besides, there are some sites at which no ceramics have preserved, but the stone tool types found point to the affinity with the Belkachi and Maimeche cultures and allow to date these sites to the IIIrd or to the first half of the IInd millenia B. C.

At the end of the IIIrd millenium B. C. the west of Taimyr witnessed the arrival of a new population which brought from Evekia a culture with the West Siberian traditions. The traces of their occupation site dated as 4060 ± 120 years b. p. (LE-1017) were found on the Pyasina river at the multilevel settlement of Ust-Polovinka. The ceramics of this occupation site decorated with the linear-prick ornament is analogous to the ceramics from the Baikit I site on the Podkamennaya Tunguska river. V. N. Chernetsov (1964, 1971) rightly connected the appearance of this type of pottery (which can be called the Baikit type) on the right bank of the Enisey with the penetration of some ethnic elements of the Ural-West Siberian community. The sharp difference between the Baikit pottery, on the one hand, and the East Siberian ceramic assemblages, on the other hand, testifies to the ethnic independence of the creators of the former and to the peculiarity of their culture. Thus there are grounds to distinguish the Baikit culture. Its ceramics is similar to the ceramics with the «autochtonous» (after M. F. Kosarev, 1972) ornament from the Late Neolithic of the Upper and Middle Ob and, particularly, to the ceramics from the Novokuskovo site on the Chulym river (Matyushchenko 1966, 1973; Kosarev, 1974).

The penetration of the linear-prick and comb ware cultures from West Siberia into the basins of the right tributaries of the Enisey, including the Angara, evidently began in the IVth millenium B. C. and went on in the subsequent millenia. The blossoming of the linear-prick ornamental patterns on the Posol type ceramics, which can be dated back to the end of the IVth — the first half of the IIIrd millenia B. C., may probably be explained by the influence of the West Siberian cultural traditions. In the middle — the second half of the IIIrd millinium B. C. the Angara region witnessed the appearamce of the Ust-Belaya and West Angara ceramic types, which most likely was caused by a migration from West Siberia.

The IIIrd millemiun B. C. became a period when for the first time in the history of Taimyr two different cultural traditions co-existed on its territory. One of these traditions had its source in West Siberia, the other in East Siberia. Their interaction can be clearly demonstrated for the Bronze Period, when a new population from East Siberia came to Taimyr.

Chapter III. Early Bronze Casters of Taimyr

1. The Late Holocene Climatic Change. The climatic deterioration which began in the middle of the IIIrd millenium B. C. reached its maximum in the second half of the Sub-Boreal Period. At the end of the IInd millenium B. C. the climate of the Polar regions was close to the present one but more arid. The expansion of the tundra zone must have had an effect on the behaviour of reindeer herds and contributed (through the increase of pasturable areas) to the growth of the total number of reindeers and to the formation of their tundra population. Human culture, and especially economics, had to accomodate to the new environmental conditions. As a result of such an adap-

tation the cultures of reindeer hunters emerged, which major characteristics have been studied by Yu. B. Simchenko (1976).

The fall in temperature reached its maximum in the last centuries B. C., but in the first centuries AD the climate became warmer and more humid. A number of radiocarbon dates and G. M. Levkovskaya's palynological diagram obtained on the samples from the Ust-Polovinka multilevel settlement allow to date the vegetation changes occurring in the late stages of the Holocene. In the middle of the Ist millenium B. C. the environs of the settlement were dominated by tundra, though boreal vegetation existed too. In the middle of the IInd century B. C. an amelioration of the climate began, which resulted in further afforestation (mainly owing to the expansion of conifers). At the end of this stage (1030 year A. D.) the border of the northern taiga forest zone began to move northward and a soil horizon formed (later on it was buried and deformed by cryogenous processes). The following fall in temperature coupled with more continental climatic conditions began, supposedly, in the XIIIth century and reached its maximum in the XVIth — the first half of the XIXth centuries.

2. The Ymiyahtakh Culture in Taimyr. The Ymiyahtakh culture was distinguished on the territory of Yakutia after the materials of the sites characterized by the presence of pottery with long hair temper and a kind of technical ornament in the form of waffle and ribbed prints left by the paddles used to shape vessels. This culture is classified to the Late Neolithic and ^{14}C dated to the IInd millenium B. C. (Yu. A. Mochanov, 1969; S. A. Fedoseeva, 1980).

In Taimyr too there were found a number of sites (Abylaakh I on the Kheta river, Kholodnaya II and III, Ivanovskaya, Kylkai, Dudypta XI, Zayachia on the Dudypta river, Pyasina V on the Pyasina river) left by the Ymiyahtakh people. These sites yielded ribbed and meshy waffle ceramics alongside with the tools analogous to those from the Ymiyahtakh sites of Yakutia. Characteristic of the Taimyr sites are numerous chalcedony artifacts. The absence of scratched ornamental designs distinguishes the Taimyr pottery from that of the Aldan, the Middle Lena, the Vilui, and renders it similar to the pottery of the Yakutian Polar zone.

The sites of Abylaakh I and Kholodnaya II and III gave some evidence of bronze casting. The bronze casting workshop of Abylaakh I has the date 3100 ± 660 years b. p. (LE-790). Here there were found 4 crucibles, an earthen mould for casting a celt of the Seim-Turbino type, a fragment of such a celt made of tinned bronze, a sandstone mould for casting a schematic anthropomorphous figurine, drops of bronze. Fragments of crucibles were found at Kholodnaya II and III. All this testifies to the fact that in the XIIth century B. C. the Ymiyakhtakh people of Taimyr were engaged in bronze casting, which could have been favoured by the presence of indigenous copper ore.

Several more sites of Taimyr where only stone tools were found also can be associated with the Ymiyakhtakh culture. One of these is the Khargy XIII occupation site which has yielded a labret made of a white marble-like rock and resembling in its form a fish vertebra. This find shows that the tradition to wear lip adornments was still alive in the Early Bronze Period, which may shed some light on the fortune of the people who created the Neolithic Maimeche culture. Probably, they continued to exist in the east of Taimyr as late as the end of the IInd millenium B. C. and then were assimilated by the Ymiyakhtakh newcomers.

3. Waffle Pottery in the Subpolar Region: Distribution and Subsequent Evolution. At the end of the 2nd millennium BC the Ymiyakhtakh culture people, penetrating from the Lena River basin beyond the Arctic Circle, began successful colonization of circumpolar territories. East of Taimyr, in addition to the Anabar-Olenek interfluvial and the Lower Lena areas, their sites have been found on the Indigirka River and on the Kolyma River. Waffle pottery is an inherent feature of the North Chukotka culture, and ribbed pottery is typical for the Ust-Belaya culture of Chukotka. The latter was dated by N. N. Dikov to the period between the end of the IInd and the first half of the Ist millennium BC (Dikov 1979) which corresponds to the dating of Taimyr ribbed pottery to Late and Post Ymiyakhtakh times.

West of Taimyr waffle pottery with long hair temper was discovered in the north of Yamal (the Khadytayakha I site), in Bolshezemelskaya tundra (the Moi-Yarei and Sandibei VI sites), and in the north of the Kola Peninsula (internment X of the Oleniy Ostrov burial ground). Investigations of the Anttila II site in Northern Finland on the Kemijoki River just south of the Arctic Circle provided specimens of rhombic waffle ware with either asbestos or long hair temper. The asbestos temper is a feature typical of the aboriginal cultures of the Kola Peninsula and the Scandinavian North, which served as the basis for the formation of the Saami. The check-stamped pottery with asbestos temper was found in Northern Norway, including its Atlantic coast. At most of the above-mentioned sites waffle pottery was not the principal kind, for other contemporaneous wares of local cultures were dominant. The most tenable view is one seeing behind the spreading waffle pottery

the migration of the ethnic group representing that cultural tradition. Moving along the ecologically customary corridor of the tundra and forest tundra, between the coast of the Arctic Ocean and the boundless tracts of taiga, bypassing the principal territory where the Finno-Ugro- Samodian community was developing, that ethnic group was coming into contact with different aboriginal ethnic groups, leaving traces of its culture and gradually mixing into the local population. The waffle pottery culture can be considered the only one widely distributed in the Circumpolar region, and its influence might have contributed to the appearance of some common features in different ethnic cultures of the Polar region.

The first people that representatives of the Ymiyakhtakh culture encountered on their way westwards were descendants of the Baikit culture living on the Pyasina River. Their contacts resulted in the appearance of the pottery specimens of which were found at Pyasina IV-A. It combines features of two different pottery making traditions: linear- prick ornamentation and sand temper characteristic of the Baikit culture, and waffle imprints (resulting from paddling) typical of Ymiyakhtakh pottery. Such hybrid ware is dated to the early Ist millenium BC. It is called «the early Pyasina ware», because its traditions were inherited by the Pyasina culture which existed in the middle of the Ist millenium BC.

Waffle-ornamented vessels persisted in some regions of East Siberia and the Far East in the Ist millenium B. C. and later on when, in Yakutiya, the Ymiyakhtakh tradition was already supplanted by other cultures. Probably, the persistence of waffle ceramics was due to the retention of old cultural traditions by the descendants of the Ymiyakhtakh people. It should be noted that even while the Ymiyakhtakh culture was in existence waffle pottery could have been used by ethnic groups of other cultural traditions, as exemplified by the asbestos ware culture of the boundary between the 2nd and 1st millennia B. C. in Northern Europe, as well as by the hybrid waffle pottery from the Baikal and Trans Baikal regions (for instanse, the Duskachan site). The ceramics from the Tat'yanino Ozero and Ularovskaya Protoka sites on the Indigirka, and the Kurung I and Bolshaya Kyuske sites on the Olekma river, is characterized by a combination of waffle imprints and thin applique ridges, the presence of which can probably be accounted for by the influence of the Ust-Mil tradition of the Bronze Age of Yakutia. The hybrid character of the ceramics found on this sites does not allow to attribute them to the Ymiyakhtakh culture.

Pottery with waffle imprints on the surface has been found on a number of settlements of the Magadan coast of the Okhotsk Sea attributed by R. S. Vasilievsky (1971) to the Ancient Koryak culture and dated to the period from the VIth to the XIIIth centuries AD. The tradition of waffle pottery making going back to the Ymiyakhtakh culture persisted also in the Early Iron Age sites of Yakutia.

As to the ethnical identification of the Ymiyakhtakh culture different views have been put forward. In the opinion of R. S. Vasilievsky, N. N. Dikov, I. V. Konstantinov, Yu. A. Mochanov, representatives of the Ymiyakhtakh culture participated in the formation of the ancestors of northeastern paleo-Asians (Chukchee and Koryaks). A. P. Okladnikov (1955a) associated them with the ancestors of the Yukagirs and Nganasans. The opinion that Ymiyakhtakh groups were the paleo-Asian ancestors of the Yukagirs is shared by the present author. In S. A. Fedoseeva's opinion the Ymiyaktakhs played a part both in the formation of the northeastern paleo-Asians, and in the ethnogeny of the Yukagirs. Therefore, one can suppose that the Ymiyakhtakh culture was of a complex polyethnic composition, and the descendants of its representatives participated in the genesis of different people. The formation of the ancient Yukagirs was the result of contacts of the Ymiyakhtakh culture with the cultures penetrating to the right bank of the Yenisey from West Siberia. The lexical equivalents in the Yukagir and Samoyedic languages relating to the names for copper and bronze enable to ascertain that these names were adopted by the Yukagirs in the second half of the IInd millennium and the early part of the Ist millennium B. C. At the time of their first experience with iron the Yukagirs were no longer in contact with Samoyeds, possibly because some other ethnic group (most probably the Kets) was wedged between them.

The propinquity of the Yukagirs and the Nganasans as to anthropological type was consistently noted by I. M. Zolotaryova who came to conclusion that there could have been a still closer relationship between these types in the past, when they formed a fairly homogeneous anthropological community associated with primeval population of the Yenisey-Lena interfluvial.

Chapter IV. The Taimyr Peninsula in the Early Iron Epoch and the Middle Ages

The Iron Age of the north of Siberia remains poorly known, though its periodization is dealt with in works by V. N. Chernetsov (West Siberia), A. P. Okladnikov, S. A. Fedoseeva, I. V. Kon-

stantinov (East Siberia) The study of the Iron Age cultures is of primary importance because many problems of the ethnogenesis of the peoples presently inhabiting Siberia are related to these cultures. Contributing to that study is the investigation of the monuments in the territory of the Taimyr Peninsula dating from the 1st millennium BC to the 1st millennium AD. Prominent among these sites is the stratifed settlement of Ust-Polovinka.

1. The Ust-Polovinka settlement and the Pyasina culture. The Ust-Polovinka *settlement* locates in the mouth of the Polovinka River at its confluence with the Pyasina river. Several layers of sand-buried Iron Age deposits, datable by the ^{14}C method make that monument a point of reference in studying the Iron Age of North Siberia. Between the first half of the Ist millennium BC and the XIIth century AD there existed at least five successive settlements dating to three culturally different stages of the occupation of the region. The earliest stage is characterized by material from cultural layer II of excavation area III; cultural layers III of areas I, II and IV; and cultural layer IIa of the area II. This material served as the basis for identification of the Pyasina culture. The next stage of occupation is associated with the Malokorennaya culture. The first traces of habitation of representatives of this culture remain in cultural layer II of excavation area II, whereas cultural layers II of areas I and IV appear to mark the final period in the occupation of Ust-Polovinka by the Malokorennaya population. Finally, cultural layer I traced in areas I-IV yielded the material which serves as the basis for distinguishing both the Ust-Polovinka type of pottery and the culture correspondent to it.

The lower layers of the settlement are represented by deposits on the bottoms of semisubterranean dwellings dug in laminated sand by the Pyasina culture people. Three foundation pits were excavated completely and one partly. The foundation pits are of rectangular outline, the orientation of their walls closely corresponds to the cardinal points. The areas are 22, 23 and 27 square metres. The inhabitants of the dwellings were reindeer hunters, fishermen, they also cast bronze and made iron tools. The finds related to the production of metal objects are represented by large (the average volume 120 cubic cm) round-bottomed crucibles and flat-bottomed molds, a bronze arrowhead, an angle knife with a bronze handle and an iron blade, a broken celt-mold core, parts of molds and crucibles, drops of cast bronze.

Pottery is represented by egg-shaped pots with the rim sometimes slightly bent outwards. The pots were made using the *stamped technique* which left large waffle or ribbed impressions on the surface. A characteristic feature of Pyasina pottery is coarse-grained temper, sometimes with addition of a small amount of hair. Pyasina pottery has distinctive ornamentation. Decoration was applied to the rim edge and in the upper part of the vessel. The straight section of the rim and its external side were decorated with slant imprints of a comb stamp. Below the rim was the principal ornamental belt consisting of 2-4 horizontal rows of vertical or slanting, densely placed comb-stamp impressions. Typical of Pyasina pottery is the pattern of several belts of sparse, deep pits, which could be the basic ornament by itself but more often was applied over the previously made combed or pricked ornamentation (which is typical for West Siberian ornamental traditions).

Stone inventory was still of considerable importance in the Pyasina culture. Arrowheads and endscrapers similar to those existing in the Bronze Age were turned out as before. However, there were also some new features. Thus, tall and heavy bifacially processed scrapers come into existence, as well as pebble tools which served either as cores or as tools for chopping. The raw material used became more diversified but of lower quality. Chalcedony and jasper were used less often; coming into use were quartzite and low- grade siliceous schist.

On the basis of the material from Ust-Polovinka the following sites may be identified as representing the Pyasina tradition: Pyasina XVI and XVII, Beregovaya, Dyuna V; and some part of surface contexts from Pyasina III and IV sites, Malaya Korennaya I and III, Bolshaya Korennaya II, Kapkannaya II, as well as pottery from the Istok Pyasiny site. All these are situated in the upper and middle reaches of the Pyasina. The Pyasina culture is characterized by a combination in its pottery of two traditions of West Siberian and East Siberian origin. This combination was inherited from the Early Pyasina stage and then enriched due to everlasting contacts with West Siberia.

Thus, the Pyasina culture presents itself as a hybrid phenomenon which originated at the boundary of two large historico-cultural regions as a result of the fusion of cultures created by ethic groups of different origin. The ^{14}C dates for the Pyasina culture, as obtained for Ust-Polovinka's Pyasina complexes, are 2830 ± 70 (LE 1104), 2490 ± 100 (LE 1146), 2440 ± 90 (LE 1149), 2430 ± 50 (LE 712) and 2290 ± 100 (LE 1103) BP, i. e. the 9th—4th centuries BC. The dividing line between the Pyasina culture and the Malokorennaya one that superseded it should be traced in the 3rd—2nd centuries BC.

2. Monuments of the Malokorennaya culture. This culture has been identified on the basis of the material from cultural layers II of the Ust-Polovinka settlement as well as finds from the Malaya Korennaya I, Bolshaya Korennaya II and Pyasina IV and VIII sites. That complex may be regarded as the final stage in the evolution of the Pyasina culture. However, attaching much importance to pottery and to the changes that were taking place in this field, and considering the appearance of forged metal articles, the complex may be identified as a distinctive culture. Its chronological framework is bounded by the dates: 2100 ± 50 (LE-1147) and 1660 ± 180 BP (LE- 11002), i. e. from the 2nd century BC to the 3rd century AD.

The Malokorennaya type pottery is distinguished from Pyasina ware by a greater number of ridges, carelessly applied ornamentation, declining importance of comb impressions, smoothing of walls which bear no traces of the paddle as well as by the coarse texture due to the greater amount of coarse-grained sand, and almost no hair temper. Pits were loosing their independent position in ornamentation and were becoming more an element of the composition. The stone inventory as a whole differs but little from the Pyasina tool kit, though continued degradation of workmanship is evident. There was an increasing number of artifacts made on flakes struck from quartzite and chert pebbles. To cast bronze the Malokorennaya craftsmen used thick-walled crucibles analogous to the Pyasina ones. A small hammered knife was found at the Ust-Polovinka settlement.

Thus, at the Ist millenium BC and the early Ist millenium AD in the west of Taimyr there developed a peculiar cultural tradition manifested by Pyasina IV-A and sites of the Pyasina and Malokorennaya cultures. This can be termed the Pyasina line of evolution, named after the most spectacular culture whose sites are concentrated on the banks of the Pyasina River and were not discovered in any other areas of Taimyr. In the taiga zone of the Yenisey regions and Evenkia there are known some sites the materials of which, and first of all ceramics, resemble those of the Pyasina and Malokorennaya cultures, which enables to determine the chronological and cultural position of these monuments in the Early Iron Age of Siberia. One of these monuments is the settlement near the village Makovskoye on the Kheta River which dates from the second half of the Ist millennium BC and the first centuries AD. Another site is a burial ground near the Podkamennaya Tunguska village. The similarity of materials discovered on the Pyasina, the Kheta and the Podkamennaya Tunguska suggests the existence in the second half of the Ist millennium BC in the tundra and forest regions of the Yenisei basin of a particular cultural community ornamentation. It is conceivable that as the number of newly discovered sites increases, other traditions comparable to the Pyasina and Malokorennaya cultures will be defined.

3. Monuments of cultures with East Siberian traditions. A part of the bearers of the Ymiyakhtakh culture established no assimilative contacts with the ancient West Taimyr population and continued to develop its own cultural traditions. A number of sites with tools of Ymiyakhtakh appearance, as well as ribbed or waffle pottery, can be dated to the first half of the Ist millenium BC. Further evolution of Ymiyakhtakh traditions may be illustrated to some extent by a group of sites discovered on the Pyasina River and identified as representing a specific tradition which was given the name the Ust-Cherninsk culture. The following occupation sites have been attributed to the Ust- Cherninsk culture: Ust-Chernaya I, Chernaya I, II and III, Pyasina IV, Bolshaya Korennaya II and Lantoshka I. Pottery of this culture is represented by fragments of vessels containing a great quantity of hair temper. The vessels were reconstructed to have been mitre-shaped, i. e. round-bottomed and straight-walled with a rim diameter smaller than the greatest diameter of the body. In some cases the smoothed surface of the pots preserved paddle traces in the form of diamond-shaped waffles with large cells. The vessels are distinguished by thin walls. The typical decoration is a narrow ridge of triangular cross-section placed below the rim and a belt of small but deep pits under the ridge. At the Pyasina IV site there was found a pot decorated, in addition to ridge and pit bands below it, with a row of scratched slanting crosses and images of some creatures, in all likelihood, fish. Typical for the Ust-Cherninsk sites are tools and blades of jasper and chalcedony. The existence of bronze casting is evidenced by the molds found at the sites. The foregoing evidence suggests that the Ust-Cherninsk culture was the successor to the Ymiyakhtakh tradition and was contemporaneous with the Pyasina culture, dating to the second half of the 1st millennium B. C.

In addition to Ust-Cherninsk ware, 3 more types of Iron Age pottery may be distinguished that manifest East Siberian traditions of technology and ornamentation. The Tagenar type of pottery is represented by thick-walled and presumably round-based pots with a concave neck. The clay contained a small amount of sand temper. The lower part of the vessels were decorated with diamond-shaped waffle impressions. The ornament on the neck of the vessel consisted either of horizontally engraved lines and smooth-stamp impressions forming groups of vertical zigzag lines (Abylaah IV), or of horizontal lines of pricks (Tagenar II-2). Collected at the Tagenar II-2 site together

with the pot fragments were crude flakes struck from quartzite pebbles, one of which had a retouched edge and served as a scraper.

The Boyarka II type of pottery has been distinguished by material from the Boyarka II site. The pots had flat bottoms and smooth walls decorated with applique ridges and rows of round pits.

The Ust-Polovinka type pottery was discovered at the sites Kheta I on the Kheta River, Avgustovskaya on the Dudypta River, Pyasina I and Ust-Polovinka on the Pyasina River. The pots are characterized by a distinctly marked concave neck, a rounded body, a flattened bottom. and smooth thin walls. Ornamentation consisted of rows of thin triangular in cross section applique ridges on the neck. In one of the vessels from Pyasina I the neck was ornamented with obliquely indented ridges. Only at the Avgustovskaya II site the ceramics of the Ust-Polovinka type was found together with a stone tool — a sidescraper made on a flake detached from a pebble. Judging by the radiocarbon date obtained for cultural layer I of the Ust-Polovinka settlement (920 ± 100 years bp, LE-1148) the existence of this type of pottery falls on the 10th—12th centuries AD.

The Boyarka I type of pottery has been distinguished by materials from the sites Boyarka I and Maimeche II on the Kheta River and Pyasina III and IX on the Pyasina River. The principal distinctive features of this type of ceramics are the mitre-like shape of vessels, a peculiarly fashioned rim, and thin applique ridges, smooth or less frequently indented, set in several rows. At the Boyarka III site this type of pottery was found in association with crude scrapers of quartzite and slate.

The comparison of the Iron Age pottery types manifesting East Siberian traditions leads to the conclusion that the earliest of them is the Ust-Cherninsk type which can be dated to the second half of the Ist millennium B. C. The Tagenar type of ware should be regarded as of a later origin than the Ust-Cherninsk type. It came into existence under the influence of cultures of Evenkia or Yakutia. The same, may be said about ceramics from the Boyarka II site. The Boyarka I type, which is similar to the Ust- Polovinka type dated to the 10th—12th centuries AD, is either contemporaneous with the latter or antedates it, and thus probably dates to the second half of the Ist millenium AD — the first centuries of the IInd millenium AD.

The Early Iron Age in Yakutia is supposed to cover the period from the last centuries of the 1st millennium BC to the 15th century AD. Referrable to that period are several types of ceramics specified by A. P. Okladnikov (1945, 1946). I. V. Konstantinov (1978) distinguishes three principal types, viz., the Dyuktaisko-Belkachinsk, the Sumnagin, and the Ust-Mil types. As these terms correspond to the names of cultures already identified for other epochs, it is preferable to name those types as proposed by A. P. Okladnikov: Sangar, Chebedal, and Siktyakh.

Comparing the Iron Age types of pottery from the Taimyr Peninsula with the ware from Yakutia, a close similarity can be noted between the Boyarka II and the Siktyakh types, and between the Ust-Polovinka and Chebedal types. The resemblance between the Tagenar and Sangar types is less distinct. Furthermore, the Sangar type resembles Pyasina pottery although it is devoid of widely spaced rows of pits peculiar to the latter. Certain conclusions can be drawn from the foregoing observations.

The Sangar type of pottery is an indicator of a culture which came into being, like the Pyasina culture, as a result of the influence and penetration of groups representing western comb pottery traditions. On the Yenisei and in the Angara region such a pottery appeared in the IIIrd millenium BC and existed in the Bronze Age. Its appearance was a result of the western culture spreading to the territories already occupied by cultures of the East Siberian region. The evolution of the comb cultures over a long period of time in contact with aboriginal East Siberian cultures resulted in the development in the Iron Age of cultures with the Pyasina, Sangar, and other similar types of pottery. The Tagenar type is a variant of such a development. Another variant which came into being from interaction with the Ymiyakhtakh descendants is the waffle pottery with comb designs (as exemplified by the Dushkachan site).

Pottery of the complexes associated by origin with West Siberia were not ornamented with comb impressions to the exclusion of all other decoration, as not infrequently the ornament also included pits. Different variants of pit indentations became the salient characteristic of the Siktyakh type of pottery. It may be assumed that the latter type originally developed on the territory of the right-bank tributaries of the Yenisei. The Boyarka II type should be considered as a variant of the Siktyakh type. Its occurence in the eastern part of the Taimyr Peninsula points to the penetration of a new population from the northeastern region of Evenkiya or Northwest Yakutia.

As it has been established by I. V. Konstantinov (1978), the Sumnagin or Chebedal type was genetically related to the pottery of the Ust-Mil culture of the Bronze Age of Yakutia. Though a typological periodization of the ridged pottery of the Baikal and Angara regions needs further elabo-

ration, it is conceivable that the origin of the Ust-Mil pottery should not be associated with this regions. In all likelihood the ridged pottery appeared further to the east. The ceramics with thin incised and smooth ridges was found also in Evenkia. Like the Chebedal type pottery it is comparable with the Ust-Polovinka and the Boyarka I types of the Taimyr Peninsula, which allows to explain their appearance on the Peninsula by the influence of cultures prevailing both in Evenkia and Yakutia.

The absence of pottery of a later origin than Ust-Polovinka ware suggests that in the 13th century pottery was no longer produced by inhabitants of the Taimyr Peninsula. Approximately at the same time the population of the taiga regions of East Siberia was also abandoning production of pottery, probably, due to the wider use of metal utensils and a less settled way of life consequent to the development of reindeer herding. The time period predating the onset of the IInd millenium A. D. and the formation of the Nganasan culture is represented on the Taimyr Peninsula by sites which lack ceramics, but contain large pebble scrapers, abrasives for sharpening metal implements, and single bronze and iron objects.

In concluding a review of the Iron Age monuments, it is pertinent to note the complexity of the historical processes taking place at that time on the Taimyr Peninsula. The interplay of cultures with western and eastern traditions that began in the Bronze Age resulted in the development in the western part of the Taimyr Peninsula of the Pyasina culture and its Malokorenninsk successor. Concurrently, cultures with eastern traditions were developing on the Peninsula, embodied in the preserved Ust-Cherninsk and Tagenar sites. Penetrating later into the Taimyr region were certain new cultures formed in the territories of East Siberia lying further south, their population leaving sites of the Boyarka and Ust-Polovinka types. The Ust-Polovinka sites datable to the first centuries of the IInd millennium A. D. are encountered both in the eastern and western parts of the Taimyr Peninsula where previously the Malokorenninsk culture had been in existence. In all probability, this is evidence of the Malokorenninsk population having been assimilated by the new arrivals, most likely the Tungus groups.

The issue of ethnical affiliation of various cultural assemblages of the Iron Age in East Siberia is intimately linked with the problem of the Tungus ethnogenesis. Yu. A. Mochanov (1970) and S. A. Fedoseeva (1974) compared the Early Iron Age sites of Yakutia to the ancient Tungus culture. I. V. Konstantinov (1978) considered thin-ridged pottery (the Chebedal type) as genetically related to the Ust-Mil ware, and that decorated with various stamp impressions as patterned after specimens from the Middle and Lower Angara. In so doing, the author associated the former type with the Yukagir and the latter with the expanding Tungus ethnic community. However, it seems more correct to associate the Ust-Mil culture with the spreading of the Tungus speaking groups from the Baikal region. This process began as early as the Ist millenium B. C. and occured in several waves. The ceramic types characterized by pit and stamped ornamentation should rather be linked with the continuous spreading of West Siberian traditions, which could have been associated at that period with the Yukagir groups.

The history of the ethno-cultural processes that were taking place on the Taimyr Peninsula at the boundary between the Ist and IInd millennia BC, vitally important for the formation of the Nganasans, the aboriginal inhabitants of the region, was complicated by the intrusion of a new population from West Siberia. This population is associated with the Vozhpai culture.

4. The Vozhpai culture. Presumably, the intrusion of the Vozhpai culture affected only the western part of Taimyr where the Dyuna III site was discovered and excavated on the Pyasina River. Here there were found the remains of a big (about 350 sq. m) dwelling made of poles and bark. Fragments of 28 round-bottomed vessels with a distinctly marked neck were exposed in the excavation area. The vessels had ornamentation on rim, neck, and shoulder, while the body was left undecorated. The principal ornamental belt was on the neck. Its composition consisted of interpenetrating triangles filled bands. Such ceramics has complete analogies in Western Siberia where it was identified by V. N. Chernetsov as a special Vozhpai group belonging to the Orontur stage and transitory to the following, Kintusov stage in the evolution of cultures in the Lower Ob region. It is believed to date from the 9th century A. D. which conforms well to the radiocarbon date obtained on a charcoal specimen from Dyuna III: 1050 ± 50 years bp (LE-1105).

Sites with the Vozhpai type pottery are present in the Middle Ob-Irtysh region and on the Lower Ob. The Dyuna III site is the north-easternmost point of their distribution. In all likelihood, it was from the Vakh-Vasyugan reach of the Ob, via the rivers flowing from the Siberian highlands, that in the 9th century the Vozhpai culture spread to the subpolar regions of West Siberia and further to the Taimyr Peninsula. The northward migration of the population representing that culture might have been caused by changes in the ethnic history of the Ob-Irtysh and Middle Ob regions:

the penetration of the Turks and ancient Khanti. In all probability the appearance of the Vozhpai pottery should be linked with the development of comb ceramics in the Ob-Irtysh interfluvial. The initial type of Vozhpai pottery could have been some ware of the 6-7th centuries related to the Relka ceramics, i. e. associated with the aboriginal, most likely Samoyedic population of this area. Since the existence of the Vozhpai culture in Northwest Siberia (9—10th centuries) immediately preceded the time (11-th century) when the presence of the Samoyeds here was recorded by a written source — «Povest Vremennykh let» (the oldest Russian cronicle), — the appearance of that culture beyond the Arctic Circle may be linked with the last immigration wave of the Samoyeds who were direct ancestors of the Nenets and the Ents ethnic groups. Thus, the discovery of the dwelling site Dyuna III, attests to the arrival of a Samoyed population to the western part of the Taimyr Peninsula. Descendants of the newly-arrived groups merging with the aborigines gave rise to «Pyasidskiye Samoyedy». The disappearance of ceramics precludes tracing the integration of the imported and the local cultures.

Chapter V. Evolution of Ancient Societies of the Taimyr Subpolar Region: Economic and Social Aspects

1. Settlements in the Taimyr Subpolar Region as a Source of Paleosociological Information. Throughout the entire course of the historical development of Taimyr's ancient societies their economy was based on reindeer hunting, supplemented by bird-hunting. The undoubted existence of fishing can be demonstrated only beginning from the Bronze Age. As distinct from the regions of Siberia lying further south, no net sinkers or fishing hooks have been found at the sites in the Taimyr subpolar region. It is worthy of note that Nganasans, hunters in the first place, could spare little time for fishing which requires a settled way of life (Popov, 1948). The vital role played by reindeer hunting is indicated by both the composition of tools, and the location of sites, and osteological materials. Reindeer hunting determined the short-termed character of most dwelling sites. The repeatedly used sites are concentrated on the banks of large rivers near the seasonal migration routes of reindeer herds. The location of ancient dwelling sites on present migration routes of reindeer herds proves that such routes have remained unchanged since the time when the forest formations on the Taimyr Peninsula were being replaced by tundra and new ecological conditions were developing. In all likelihood this was the time when the Taimyr tundra reindeer population was coming into existence.

In the Mesolithic and Early Neolithic when the area was dominated by forest vegetation, dwelling sites were not so closely linked with large rivers and points where reindeer herds crossed them. These sites yielded a small quantity of artifacts distributed over restricted areas which indicates that they belonged to small groups with a mobile way of life. The Nganasan's and the Entsy folklore includes a series of tales about the life of such groups. This proves that the culture of the Nganasan and Entsi forefathers in the pre-reindeer herding period was retaining to a large extent the traits of ancient traditions. This was due to the ecology, hunting practices and the lack of developed reindeer or dog-team transportation.

The foundation pit of a seasonal dwelling apparently similar to «golomo» (cone-shaped dwelling structures covered with sod) was found at the Maimeche I site of the developed Neolithic. The area of this dwelling could have been about 7 sq. m. Considering that the size of the sites Maimeche I and IV allowed for only one dwelling to be constructed it is assumed that the group that inhabited the places was small but economically independent. Probably the inhabitants of the sites spent there winters (after autumnal hunt), while in spring and in summer they led a mobile way of life. As the dwelling is determined by the effect of both ecological and social factors, there is no single «quota» of floor area that could be assigned to one member of the dwelling group. This quota varies with ecological conditions and economic strategies. Pooling archaeological and ethnographic data one may suppose that on the average in the dwellings of the tundra hunters there were 3—3.5 sq. m of floor area to a dweller. Taking into account ethnographic materials on small families among the aboriginal peoples of the North it may be deduced that the sites like Maimeche I were inhabited by groups analogous to small families and that it was small families that were typical of ancient hunters of Taimyr. Societies consisting of such families were better fit for living under the rigorous conditions of the Far North, exploiting by hunting the natural resources of the wide expanses of the Arctic. Only large-scale reindeer breeding, as well as developed fishing and sea- mammal hunting, that required collective effort, promoted consolidation of families and increase in their size among the peoples of the North. Small families had to come into temporary contacts for contracting marriages, carrying out joint subsistence activities, mutual assistance. Such conjugal-economic relations between

small families of a certain territory resulted in the emergence there of a distinctive social body which may be considered a sort of primitive ethnic group and called «ethnoid». The existence of little independent communities led to the formation of specific family and economic relations and enabled bilinear definition of kinship.

Some dwelling sites of the Early Bronze Epoch can be interpreted as places occupied by several small families who came into temporary contacts for joint hunting activities at the points where reindeer herds crossed big rivers. Successful seasonal hunts enabled the inhabitants of Abylaakh I to engage in bronze casting. The appearance of bronze-casting on the Taimyr Peninsula had to bring about some changes in the economic relations within ancient groups. Such changes had to be particularly pronounced with representatives of the Pyasina and Malokorennaya cultures. Judging by the excavations of a Pyasina culture settlement in the mouth of the Polovinka River, its population was about 20 people. There were among them bronze-casters and smiths producing large quantities of metal objects. At the same time, as indicated by the finds, they kept hunting and fishing.

The economic traditions and the social structure of the earlier societies were preserved by the Iron Age population of the Taimyr subpolar region. The economic and social conservatism of the people was due to the fact that, despite important cultural innovations brought about by the appearance of iron and possibly early forms of reindeer herding, their mode of life was governed by the same environmental conditions that had prevailed in the Developed Neolithic and the Bronze Age. The optimal economic strategies for such conditions had been devised in the past and were carried out by the inhabitants of the region until a turning point came about in their subsistence activities due to the transition to one of the forms of productive economy, viz., large-scale reindeer herding.

2. Bronze-casting on the Taimyr Peninsula. The initial impulse of bronze-casting penetrated into the Taimyr and Yakut Subpolar regions through Evenkia and West Yakutia. East Yakutia could have remained for some time away from the route followed by the spreading metal industry. The development of metal industry in the Taimyr subpolar region was due to rich copper ore deposits in the south of the peninsula easily accessible to quarry mining. The comparison of the analyses of bronze objects found in the course of archaeological excavations with the results of analyses of ores from different deposits (carried out by N. N. Urvantsev, O. A. Dyuzhikov and V. A. Fedorenko) allows to ascertain the principal deposits which could have served as raw material sources for ancient metallurgists. The bronze casters of the Pyasina and Malokorennaya cultures obtained copper from the Norilsk I ore deposits, as well as from the deposits of native copper on the Kharaelakh Plateau. The source of nickel-less copper found at the bronze-casting workshop of Abylaakh I could have been the small copper deposits in the east Taimyr. The other materials used in alloys came from different deposits: the sources of arsenic and antomony ores were probably in the basin of the Tareya River, the sources of tin in the Indigirka basin, lead and bismuth were available from the Yenisey mountain-ridge or the southern part of Central Siberia. The use of various metals from sources removed far from reach other proves that among the bronze-casters of Siberia there were fairly well established ties that extended to the Taimyr subpolar region.

E. N. Chernykh (1967) delimited the mining and metallurgical districts and centers on the territory of the USSR. There is reason to distinguish one more mining and metallurgical district, viz., the Taimyr Peninsula, with the Pyasina and Taimyro-Yakut foci of metal working. The Taimyro-Yakut focus of metallurgy was associated with the Ymiyakhtakh culture and was probably based on the Taimyr deposits of nickel-less copper and the Indigirka tin deposits. Its articles had much in common with the Seim- Turbino type of metal inventory. The Pyasina metal industry focus was associated with the Pyasina and Malokorennaya cultures. Its sources of metal were ore and native copper deposits in the north-western part of the Middle Siberian Plateau and, possibly, arsenic and antimony ores from the Tareya River basin. The West Siberian traditions apparently exerted some influence on the Pyasina metallurgy, though its bronze objects have a peculiar aspect. The calculations carried out for the Ust-Polovinka settlement allow to suppose that local artisans produced metal articles not only for their own needs but also for exchange. The fact that both the Ymiyakhtakh and the Pyasina artisans made metal articles of sacral character points that bronze-casting was associated with cults.

However, even with the available rich copper deposits, bronze-casting could make no further progress on the Taimyr Peninsula under the primitive-communal system because of the small size of the population and, consequently, a restricted market, to say nothing of the difficulties of providing food to a large number of melters and casters excluded from procurement activities. Thus the foraging economy hindered the development of metal industry. It was only large-scale reindeer

herding that could have contributed to the boom of bronze metallurgy, but it emerged on the Taimyr Peninsula only in the second half of the IInd millennium A. D.

3. The Appearance and Development of Reindeer Herding in the Tundra Zone of West Siberia and the Taimyr Subpolar Region. The Vozhpai culture extended to the territory inhabited by the Samoyeds before they shifted from forest to tundra reindeer herding. As the structure in the Duna III settlement belonged to the Vozhpai culture, it is conceivable that its inhabitants were familiar with the forest type of reindeer herding. The need of pasturing and guarding reindeer herds necessitated integration of men into large communities, which may account for the large size of the Dyuna III dwelling where one of such groups, consisting of 20-30 persons, could have lived and even kept reindeers.

According to the most generally accepted hypothesis original reindeer herding appeared in the Sayano-Altai region, where there is known the earliest (first centuries A. D.) archaeological evidence of domestic reindeer breeding. From the Sayano-Altai it penetrated with Samoyeds into the north of Western Siberia. The only route that Samoyed reindeer herdsmen could take in their movement to West Siberia lay in the Tomsk-Chulym interfluvial. However, the fitness of the latter area for the migrations of reindeer herds is not beyond question, since it lacks the necessary habitat conditions for reindeer. It appears more plausible that the pack-saddle type of reindeer herding, as well as the sledge one, developed in the south of the taiga regions of West Siberia, where the formation of the ancient Samoyed ethnos could have taken place (judging on archaeological record). The cattle-breeding skills could have been brought to Northwest Siberia as early as the late Bronze Age or early Iron Age with the expansion of the cultures from the middle Ob basin. The existence of reindeer breeding in the West Siberian subpolar region at the end of the Ist millennium B. C. is conclusively attested by the material of the Ust-Polui settlement. Tame reindeer had been used by arctic hunters as decoys in the hunt for wild reindeer before the appearance of tundra reindeer herding (Yu. B. Simchenko, 1976). As early as the Mesolithic-Bronze period the hunters of the European North, the region east of the Urals and, probably, West Siberia had both single- and double-runner sledges, which could be used for constructing dog or reindeer sleds. Evidently, these cultural elements developed by the aboriginal population of North Siberia became a part of the sledge reindeer herding culture created by the northern Samoyeds ater their arrival to the forest-tundra. In the open level expanses of the forest-tundra the behavior of reindeer changes, which allows to enlarge the herds but calls for their permanent guarding. Due to the decrease in the tundra wild reindeer population which took place in the Ist millenium B. C. as a result of climatic changes, favourable conditions were created for the spreading of the Samoyeds with their domestic reindeer herds over the tundra expanses and for the formation of a particulaar type of tundra reindeer herding (so called Samoyedic type of reindeer herding). By the 17th century this type of reindeer herding had attained the level of food producing economy.

The arrival to the Subpolar regions of large Samoyedic communities (whereas the aboriginal population consisted of small groups) led to the quick assimilation of the indigenous inhabitants. Preservation on the Taimyr territory of large wild reindeer herds enabled the Nganasans to use the domestic animals mainly for conveyance needs and created favourable conditions for the continued existence of small groups of hunters and for the persistence among the Nganasans of certain archaic traits in their culture. The change-over to the large-herd type of reindeer breading greatly affected social relations and culture in the peoples of the North, and promoted a marked growth in population.

Concluding remarks

The study of archaeological sites of the Eurasian subpolar regions precludes accepting the theory of the single circumpolar zone created by an ethnic substrate of Ural origin. Different parts of the subpolar territories were originally populated from the neighbouring regions in the south, and subsequently the latter more than once served as sources of new migrations. The recurrent inflow of new populations would bring certain cultural elements that were adopted by the aboriginal population as a result of the mutual assimilative relations with the new-comers. The existence of common cultural elements among the peoples of the Far North can be due to a number of factors most important of which are the ecological factor and diffusion of cultural achievements. Some common elements were probabaly introduced in local cultures by ethnic groups associated with the Ymiyakhtakh tradition which spread in the subpolar territories at the boundary of the IInd and the Ist millenia B. C.

Heterogenous by its origin and culture, the aboriginal population served as a substrate in the ethnic processes which have led to the formation of the modern peoples of the Far North. The study of the ancient cultures of the Taimyr subpolar region leads to the conclusion among the Nganasans are still preserving some ethnic components of the East Siberian origin, that participated in the initial settlement of this part of the world.

The Taimyr Peninsula was the region of contact of East and West Siberian cultural traditions. In all likelihood, as a result of contacts between East Siberian and West Siberian ethnic groups in the tundra and taiga regions on the right bank of the Yenisey the formation of the ancient Yukagir ethnos took place in the late Neolithic — early Bronze time (the IInd-Ist millenia B. C.). A part of the ancient Yukagirs was included in the ethnogenesis of the ancestors of the Nganasans. From around the middle of the Ist millenium A. D. representatives of different Iron Age cultures of East Siberia, who probably were of Tungus origin, began to take part in this process. The penetration of the Vozhpai culture to the Taimyr Peninsula at the end of the Ist millenium B. C. marked the initial infiltration here of the part of the northern Samoyed population that affected the ethnogenesis of the Entsy and the Nganasans, and included them in the number of the northern Samoyedic ethnic groups.

Archaeological investigation of the Eurasian Arctic sheds light on an obscure page in human history dealing with colonization of the northern fringe of the oecumene. Already at the present stage of research it shows that the ancient peoples of the circumpolar region, far from being divorced from the cultural and historical processes occurring in the regions further south, made a distinct contribution to the development of universal culture. Even at the initial stages of the colonization of the forbidding lands of the Far North, these peoples created cultures best suited to extreme living conditions. The subsequent cultural development took account of the achievements of the aboriginal population, which explains a certain external conservatism of the arctic cultures.

Леонид Павлович Хлобыстин

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ ТАЙМЫРСКОГО ЗАПОЛЯРЬЯ И ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУР СЕВЕРА ЕВРАЗИИ

Утверждено к печати
Институтом истории материальной культуры
Российской Академии наук

Редактор издательства *Е. А. Гольдич*
Художник *Ю. П. Амбросов*
Технический редактор *Н. Ф. Соколова*
Корректор *Е. А. Гольдич*

Издательство «Дмитрий Буланин»
ЛР № 061824 от 11.03.98 г.

Сдано в набор 13.02.98. Подписано к печати 15.09.98.
Формат 70×100 1/16. Гарнитура Таймс. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Печ. л. 21.5. Уч.-изд. л. 23.
Тираж 500. Заказ № 834

Санкт-Петербургская типография «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

Заказы присылать по адресу:

«Дмитрий Буланин»
199034, С.-Петербург, наб. Макарова, 4
Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской Академии наук
Телефон: (812) 235-15-86
Телефакс: (812) 346-16-33
E-mail: bulanina @ nevsky. net

Полуостров Таймыр в силу особенностей своего географического положения (а это крупнейшая высокоширотная материковая область) и естественной истории является, безусловно, наиболее интересным регионом Арктики. Не менее интересен он и с точки зрения археологии. Таймыр труднодоступен и в наши дни. Возможно, именно поэтому о его древней истории вплоть до конца 60-х гг. было известно очень немногое, практически ничего. И почти все, что мы знаем сейчас и о чем говорится в этой книге, добыто трудом выдающегося представителя русской арктической археологии — Леонида Павловича Хлобыстина. Полевые исследования, осуществленные им в период 1966—1981 гг., принесли великолепные результаты, обобщенные в этой книге.

ISBN 5-86007-120-5